ТАМАРА
КАТАЕВА

АНТИ АХМАТОВА

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Автор книги рассматривает жизнь и творчество Анны Ахматовой со своей, отличающейся от общепринятой, точки зрения.

- Тамара Катаева
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ВСТУПЛЕНИЕ
  - Часть I
    - СОЗДАНИЕ ЛЕГЕНДЫ
    - ПОДКЛАДЫВАЕТ МЫСЛИ
    - ЛЕГЕНДА В ДЕЙСТВИИ
    - MANIA GRANDIOSA
    - И МАЛЫЯ, И БЕЛЫЯ
    - ЗАГРАНИЦА
  - Часть II
    - СЛАВА, СЛАВЫ, СЛАВОЙ, О СЛАВЕ…
    - СОЛЖЕНИЦЫН
  - Часть III
    - КОМИССАРЫ
    - «ГЕРОИЗМ»
    - «Я БЫЛА С МОИМ НАРОДОМ»
    - ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ
    - СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА
    - КАКУЮ БИОГРАФИЮ СЕБЕ ДЕЛАЕТ!
    - ШПИОНОМАНИЯ
    - ДЕЛО БРОДСКОГО
    - ТРУСОСТЬ КАК ТАКОВАЯ
    - «ГОНЕНИЯ»
  - Часть IV
    - SA PAUVRE MÈRE
    - ПРИДУРОК ЛАГЕРНЫЙ
    - «Я ПЛОХАЯ МАТЬ»
  - Часть V
    - У ПАПА́ БЫЛА СОБАКА
    - ДАМА ВЫСОКОГО ТОНА
    - МАНЕРЫ
    - ЯЗЫКИ ИНОСТРАННЫЕ
  - Часть VI
    - МОНАСТЫРКА
    - СИМВОЛЫ РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТИ
    - TABLE TALKS

- «ПУШКИНИСТКА»
- ПРОКЛЯТЫЙ ВОПРОС, ИЛИ МАКАКА
- СЛАБОСТЬ ЗДОРОВЬЯ
- Я ЕГО СЛЕПИЛА ИЗ ТОГО, ЧТО БЫЛО
- КЛИНИЧЕСКИЕ ГОЛОДА

○ Часть VII
- МОЯ МАЛЕНЬКАЯ АХ-МАТЬ-ЕЕ-НИАНА
- МРАК И МЕЛАНХОЛИЯ
- ОВЦА ПЕРЕД МОЛОДЦАМИ
- РЮМКА ВОДКИ
- «БЕСПОМОЩНОСТЬ»
- ПОПЫТКА СРАМА, ИЛИ ПОСТМЕНОПАУЗА
- «Я ЕМУ НЕ АННА АНДРЕЕВНА»
- ВРАНЬЕ
- ИНТЕРЕСНИЧАНЬЕ
- BON MOTS

○ Часть VIII
- ВЕЛИКАЯ МАДЕМУАЗЕЛЬ
- БЕДНЫЙ МОЙ РАЗВОДИК, ИЛИ «СРАМ В ЗАКОНЕ»
- «МУЖЬЯ»
- MADAME LE PROFESSEUR
- АЛЕКСАНДР БЛОК В НОВОМ ПАЛЬТО, ИЛИ СРАМ № 1
- СЛОВО ПОТЕРПЕВШЕМУ
- СРАМ № 2
- «ЛЮБОВЬ»
- КАК ЛЮДИ ЛЮБЯТ
- НА КОМ НАДО БЫЛО ЖЕНИТЬСЯ ПУШКИНУ

○ Часть IX
- SORELLASTRA
- ДАНТЕССА
- СЕСТРА
- ПРОСТО ВОЗЬМИТЕ ЕГО В СЫНОВЬЯ
- «ЛУЧШЕЕ ВО МНЕ»
- ЗАВИСТНИЦА

○ Часть X
- СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
- ДЕНЬГИ
- ПРОДАЖА СОСНОВЫХ КАРАНДАШЕЙ
- МОЗАИКОВЫЙ ПОРТФЕЛЬ

○ Часть XI
- МЕСТО АХМАТОВОЙ В ПОЭЗИИ
- ДОСЛОВНО

- СВОИМИ СЛОВАМИ
- ПРО ПОГОДУ И СУЩНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ДАРА
- «ЛЕБЕДУ ПОЛЮ»
- «И ПУШКИН ТОЖЕ БРАЛ»
- МОЛЧАНИЕ 12 ЛЕТ
- ИЗ НЕНАПИСАННОГО
- ПРОЗА
- САМА О СВОИХ СТИХАХ

○ Часть XII
- «ДОСТОИНСТВО»
- МУСОРНАЯ СТАРУХА
- КОНЕЦ ЕЕ ЦАРСТВОВАНИЯ

○ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Тамара Катаева
Анти-Ахматова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Формула «классик без ретуши» общеизвестна. Как и по смыслу прямо противоположная: «хрестоматийный глянец». На жизнь и творчество Анны Ахматовой десятилетиями наводят именно глянец. Начавшись как интеллигентский и, отчасти, диссидентский (на фоне пресловутого постановления о журналах), этот процесс стал в постсоветской России официальным и даже официозным, приобрел характер секулярной канонизации. По принципу маятника пришла пора взглянуть на легендарную поэтессу без ретуши. Вплоть до заведомо пародийного снижения образа, которое было однажды предпринято эстетически чутким Владимиром Сорокиным в романе «Голубое сало».

Особенность ахматовского мифа в том, что его задумала, с невероятной целеустремленностью провела в жизнь и канонизировала сама Анна Андреевна. Дорогого стоит в этом плане хотя бы ее утверждение, будто подлинной причиной начала холодной войны стала ее романтическая встреча с Исайей Берлиным. Немало потрудилось и келейное, чтобы не сказать елейное окружение поэтессы — «коллективная Лидия Корнеевна» и «потаенная роза», она же «ахматовская вдова», она же Анатолий Найман. Нашлись, конечно, и хулители, не говоря уж о клеветниках, — но даже взвешенные, даже тяготеющие к объективности мемуарные и творческие оценки систематически замалчиваются: скажем, личное отношение Иосифа Бродского к Ахматовой (фактически далеко не однозначное) подается как восторженное, а более чем сдержанная оценка ее творчества — которому Бродский безусловно предпочитал цветаевское — как правило, не упоминается вовсе.

* * *

Эпатажное название книги «Анти-Ахматова» не должно сбивать читателя с толку: перед нами вполне традиционное исследование в духе вересаевских «Пушкина» и «Гоголя». Главное слово предоставлено здесь очевидцам. И хотя существует выражение «Врет, как очевидец» (или «Врет, как мемуарист»), — а очевидцы и впрямь сплошь и рядом искажают истину (преувеличивая одно, искажая или не договаривая другое, когда сознательно, а когда и невольно забывая третье), — к

свидетельствам, собранным Тамарой Катаевой, при всей их (и ее) тенденциозности, следует отнестись серьезно, — ведь почерпнуты эти высказывания и подразумеваемые оценки из мемуаров, дневниковых записей и писем, тяготеющих к жанру агиографии. Авторы, голоса которых звучат в книге, начиная, разумеется, с самой Ахматовой, говорят о ее жизни и творчестве с благоговением. И смысл всего компендиума заключается не в том, что они — порознь и вкупе — **говорят**, а в том, как они **проговариваются.**

Разумеется, статуя Ахматовой стоит в пантеоне отечественной словесности незыблемо, стоит на видном месте, и стоит по праву — и никакими компендиумами этого не отменишь. И все же — стоит или высится? Стоит в ряду — или возвышается едва ли не надо всеми?

Не спешите с ответом. По меньшей мере пока не ознакомитесь с этой книгой.

Виктор ТОПОРОВ, 6 октября 2006 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

В июле 1989 года нобелевский лауреат Иосиф Бродский написал стихотворение «На столетие Анны Ахматовой»:

Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острие и усеченный волос —
Бог сохраняет все; особенно — слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.

В них бьется рваный пульс, и них слышен костный хруст,
и заступ в них стучит; ровны и глуховаты,
затем что жизнь — одна, они из смертных уст
звучат отчетливей, чем из надмирной ваты.

Великая душа, поклон через моря
за то, что их нашла, — тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря
обретшей речи дар в глухонемой вселенной.

Это означало, что говорить об Ахматовой в ином ключе стало невозможно.

Отныне те, кто не считал ее великим поэтом и сомневался в том, что она кого-то простила в жизни и что душа ее была душой великого человека, — должны были иметь дело с Бродским.

И вот уже главный редактор уважаемой радиостанции, вопрошенный слушателем: «Почему вы говорите о России «эта страна»?», дает назидательный ответ: «Потому что так, к вашему сведению, ее называла Анна Ахматова». Вопрос считается исчерпанным. Назовет ли кто-нибудь, самый великий, свою мать «эта женщина»? Но Ахматова назвала. Ее именем клянутся, ее памятники везут в Петербург, ее цитирует госсекретарь США Мадлен Олбрайт — мы должны оценить ее уважение к нашим святыням: «Час мужества пробил на наших часах…» («проб*и*л» она произносит так, как это записано в словарях русского языка — не так, как писала вполне пренебрежительно относящаяся к языку «этой страны» поэтесса).

Великий русский поэт Бродский уверяет, что это Анна

Ахматова, умершая в 1966 году, научила говорить родную землю. Сколько же тогда длилась история русской литературы? Считать ли «глухонемым» Пушкина, раз он из доахматовской эры? Обрел ли Пастернак «дар речи» благодаря Ахматовой?

И верить ли «словам о прощении и любви», если дела поэта были — ненависть к людям и к жизни?

А может ли «великая душа» дышать мелкой злобой?

Двадцатый век внял Чехову и, самокритично не взявшись за непосильное, женщины стали следить, чтобы у них были прекрасны лица и одежда — в двадцатом веке не прославилась ни одна женщина, если она не была красива или элегантна. Откройте любую газету. Красоту требуют от спортсменок, от героинь, даже от королев — тогда журналистам интереснее писать, а нам интереснее читать. Те женщины, которые озаботились не внешностью, а душой или духом, — они играют не на нашем поле. Я говорю не только о матери Терезе — неженская судьба была и у Марины Цветаевой.

Чем неожиданней, парадоксальней красота или элегантность — тем лучше.

Ахматова была неподражаемо красива — как сошедшая со стены фреска работы древнерусского иконописца: маленькая голова, длинные ноги, широкие бедра, гибкие руки.

Стиль ее был независимым и дерзким — безупречным. Черная челка, осанка, какая дается только избранным, рост, умение носить шали и каблуки.

Ей бы отмахнуться от мужских подмигиваний — а она вела им счет и ссорилась с полуживыми современницами.

Она не приняла ни одного дара из щедро предложенной ей корзины. Она рабски списала образец для подражания из дамского журнала для истинных леди и положила жизнь на то, чтобы заставить верить, что это — она и есть.

Правда, нужна ей наша вера была лишь для того, чтобы, убедив, рассмеяться в лицо: нет, нет, я вовсе не такая! Я — вот она — стихи!!!

Стихи, правда, тоже были искусственными — слишком часто…

Такой вот заколдованный круг.

Что же остается?

Остается все же горстка хороших, а может, и прекрасных стихов, тонкая музыкальная нота в некоторых других, бессмысленное претенциозное нагромождение во всех остальных и в прозе, высшей пробы стильность и внешняя красота и — тяжкая, страшная жизнь, где ею самой выворачивался наизнанку, литературно обрабатывался, передергивался каждый ее шаг, каждый день, где не щадился никто, и ни во что не ставилась даже она сама — она не позволяла себе быть самой, потому что сама она противоречила легенде, где все было на продажу.

Продавалось недешево — она хотела стать бессмертной.

Может, за ЭТУ боль ей Бродский подыграл?

За ЭТО помянул в нобелевской речи? Он знал, где было для нее Царствие царств.

А может, все было проще?

Родилась девочка: талантливая, очень красивая, погруженная в себя, высокомерная, склонная во всех и во всем видеть только плохое и желавшая всех за это наказать, возвеличившись сама: довольно обычное юношеское неустойчивое состояние; начала писать стихи. Был успех, но мир не пал к ее ногам, она замкнулась и продолжала мечтать. Теперь можно было не только мечтами украшать будущее, но и легендами — прошлое. Жизнь все длилась, и легенды обрастали подробностями: аристократическое происхождение, дворянское воспитание, блестящее образование, глубокая религиозность, роковые страсти, разочарования, принесение себя в жертву, унижения, кровоточащее материнское сердце, расстрелянные мужья, гонения, непечатанье, слабое здоровье, военные тяготы, героизм, гражданское мужество, бесстрашие — все это были ее выдумки, все было совсем, совершенно не так.

Она диктовала воспоминания о себе (Срезневской), исследования о себе (А. Хейт), писала некие (вообще писала крайне мало) «Лекции об Анне Ахматовой», что-то еще о себе — в третьем лице: «очень красивая… бурбонский профиль… стройная… очень бледная… это страшно…», о своих стихах: «горчайшие… их мало, но они исполнены… она не знает соперников… даже переходя черту дозволенного…»

Она сама, в письменной форме — тем, кому бы поверили, надиктовывать было нельзя — записала себя в число великих поэтов. «Нас четверо». Никто из великих современников ее таковой не признавал — ни Блок, ни Маяковский, ни

Мандельштам, ни Цветаева, ни Пастернак.

Люди попростодушнее верили всему. Проницательные, но снисходительные почитали то немногое, что все-таки было в ней, и просто жалели. Проницательные, но не чувствующие себя обязанными быть снисходительными, например, Михаил Бахтин, от нее равнодушно отвернулись — мало ли как интересничает дама.

А двадцатилетнего Бродского поразила разница их лет, вид живой руки, которая подавалась для пожатия Блоку (с Блоком виделась считанные разы), сексуальная энергия юношеского накала и та же страстная вера в бессмертие, что мучила и его, в полном соответствии с его психовозрастным статусом. За это он ей простил все.

Стихотворение «На столетие Анны Ахматовой», написанное в мало похожем на него стиле, написанное очень по-ахматовски, как будто это лучшее ЕЕ стихотворение, какого она сама никогда не смогла бы написать, но хотела бы, — лучшее, пусть ненаписанное ахматовское стихотворение, его тайный подарок — оно о ЕГО прощении и любви.

А впрочем, я предлагаю во всем разобраться читателю.

Часть I
ТЕХНОЛОГИЯ МИФОТВОРЧЕСТВА

СОЗДАНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Волков: Анна Андреевна вообще случайно ничего не делала.
Бродский: Это правда. <…>
Соломон ВОЛКОВ. Диплом с Бродским. Стр. 109

Господь продлил ее дни. Как ни посмотри, она была отмечена Богом хотя бы благословенным долголетием. Потому и стоит на самой непростимой ступеньке тяжести грех самоубийства, что он отрицает принятие за страдания возможного наивысшего дара — долголетия. Ахматова от дара не отказалась, но в спор с Богом все равно вступила: решила доказать всем, что она прожила не ту жизнь, которую прожила по предначертанному свыше сценарию — а ту, которую посчитала наиболее подходящей она сама. Она коверкала и исправляла все.

Срезневская <…> под некоторым нажимом Ахматовой и с установкой, совместно с нею определенной, начала писать воспоминания.
Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 123

В конце жизни она многих просила писать о себе, некоторые воспоминания лукаво провоцировала. «Напишите обо мне, — обращалась она к В. Е. Ардову. — Мне нравится, как вы пишете». Но, возможно, единственное, что ее по-настоящему волновало, — успеет ли она их прочесть и скорректировать.
Ольга ФИГУРНОВА. De memoria. Стр. 19

Ни о каком предании не могла идти речь. Все должно было быть записанным.

В последние годы Ахматова «наговаривала пластинку» каждому гостю, то есть рассказывала ему историю <…> собственной жизни, чтобы он навеки запомнил их и повторял в единственно допустимом ахматовском варианте.
Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 369

Она заботилась о посмертной жизни и славе своего имени, забвение которого было бы равнозначно для нее физической смерти.
Ольга ФИГУРНОВА. De memoria. Стр. 19

Откуда-то с самых ранних лет у нее взялась мысль, что всякая ее оплошность будет учтена ее биографами. Она жила с оглядкой на собственную биографию… <…> «Все в наших руках, — говорила она, — Я, как литературовед, знаю…» <…> Красивая, сдержанная, умная дама, да к тому же прекрасный поэт — вот что придумала для себя А.А.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. Стр. 319

А еще героиня, мать-страдалица, бесстрашная гонительница Сталина, вдова трех мужей, вершительница мировых судеб…

Это все ее мифы, все то, чего не было на самом деле.

Ахматова была так уверена, что мы начали холодную войну. Потому что я у нее был, об этом рассказали Сталину **(или не рассказали — Берлину иногда приходится пользоваться эпизодами из созданной Ахматовой легенды, сам-то он ничего подобного знать не мог и, конечно, не думал о том, будет ли одна из его многочисленных встреч в России интересовать Сталина),** он разозлился и произнес: «Ах так, наша монахиня теперь иностранных агентов принимает!» Так что из-за этого началась холодная война… Она в это свято верила…**(и для нее было бы лучше, если бы побольше в этой войне поубивали — ее биография была бы сделана еще внушительнее, и она была бы наисчастливейшая из политических вдов).** Она <…> хотела войти в историю.

Исайя БЕРЛИН. Беседа с Дианой Абаевой-Майерс. Стр. 91

Всё, где есть Ахматова, непременно связано с решением мировых судеб. Бродский считает это естественным, сопоставимым по масштабам. Да, в мире все свершается одним-единственным дерганьем за ниточку, но за эту ниточку дергает не Анна Андреевна Ахматова.

Добросердечные воспоминатели любят говорить, что это к старости, мол, она стала чрезмерно внимательна к своему имиджу. Это вовсе не так. Достаточно прочитать ее девичьи письма к деверю, выспренние и манерные до крайности — на краю психического здоровья — чтобы удостовериться: этот человек никогда уже не излечится от желания не жить, а создавать образ своей жизни для других. Это было ее «строительство» — то, что она делала в этой жизни.

26 марта 1922

<…> Мы садимся у окна, и она жестом хозяйки, занимающей великосветского гостя, подает мне журнал «Новая Россия» <…> Я показал ей смешное место в статье Вишняка, <…> но тут заметил, что ее ничуть не интересует мое мнение о направлении этого журнала, что на уме у нее что-то другое. Действительно, выждав, когда я кончу свои либеральные речи, она спросила:

— А рецензию вы читали? Рецензию обо мне. Как ругают!

Я взял книгу и в конце увидел очень почтительную, но не восторженную статью Голлербаха. Бедная Анна Андреевна. <..> — Этот Голлербах, — говорила она, — присылал мне стихи, очень хвалебные. Но вот в книжке <…> он черт знает что написал обо мне. Смотрите! — Оказывается, в книжке об Анне Ахматовой Голлербах осмелился указать, что девичья фамилия Ахматовой — Горенко! — И как он смел! Кто ему позволил! Я уже просила Лернера передать ему, что это черт знает что!..

Чувствовалось, что здесь главный пафос ее жизни, что этим, в сущности, она живет больше всего.

— Дурак какой! — говорила она о Голлербахе. — У его отца была булочная, и я гимназисткой покупала в их булочной булки…

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник (1901–1929). Стр. 202

Она считает своей собственностью все, что вокруг нее, не признает права других людей. Права Левы (сына Ахматовой и Гумилева) на родителей, права Голлербаха на информацию, которой он владеет.

П. Н. Лукницкий в двадцатых годах бывает в доме, где Ахматова живет с Николаем Пуниным (и его семьей), и по профессиональной привычке ведет дневник.

14.12.26

Детским голосом: «Дневничок… дать… она хочет…» Я дал свой дневник, неохотно… АА стала шутить и балагурить. Взяла дневник, стала читать.

Прочла несколько строк… «Видите, как хорошо! И как интересно!» — Стала уже внимательно читать дальше… — «Видите, как интересно! И если все будете записывать, будьте уверены, что лет через сто такой дневник напечатают и будут с увлечением читать!»

А мне надоело смотреть, как АА читает дневник…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Т. 2. Стр. 83

«Дмитрию Евгеньевичу Максимову последнему Царскоселу стихи из его города смиренно Ахматова. 23 апр. 1961». Хотя

звание, присвоенное мне Анной Андреевной («последний Царскосел») бесспорно, было завышено и слово «смиренно» нужно отнести за счет игры и лукавства, по все же эту надпись мне не хотелось бы признать насквозь ироничной <…>.

Д. МАКСИМОВ. Об Анне Ахматовой, какой помню. Стр. 106

Иногда люди видят, как нарочито все у нее: и постоянное упоминание царскоселства, и бесконечные манерные «смиренно», но написать об этом прямо нельзя. Даже старый знакомец Максимов вынужден надевать маску наивного удивления, ее лукавые игры описывать осторожно, не называть прямо: создание легенды.

Волков: <…> Она, конечно, хорошо понимала, что все ее сохранившиеся письма когда-нибудь будут опубликованы и тщательнейшим образом исследованы и прокомментированы. Мне иногда даже кажется, что некоторые из своих писем Ахматова сочиняла в расчете именно на такие — тщательные, под лупой — исследования будущих «ахматоведов».

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 265

Как отдельную главу ее жизни, как директивную установку можно воспринимать называние ее стихотворения, написанного в разгар биографиетворчества: «Нас четверо».

Почти всего, чего она захотела, она добилась. Действительно, крупнейших русских поэтов XX века стали называть вчетвером. Назвала она — за ней повторяли. Про ЧЕТВЕРЫХ не сказал ни Пастернак, ни Марина Цветаева — с кем бы она стала себя считать? ни Мандельштам. Она назвала, чтобы это стало общеупотребительным.

Марина Цветаева написала «Стол накрыт на шестерых» — там об Ахматовой ни слова. Посвящено Арсению Тарковскому.

<…> В первые послесталинские годы <…> поднялись над нами четыре великие фигуры — Пастернак, Ахматова, Мандельштам, Цветаева — образовав что-то вроде заколдованного квадрата. <…>

Превзойти это четырехмерное пространство оказалось невозможным, а его наличие было благотворным и целительным, ибо определяло прежде всего духовный уровень и только потом эстетику стихотворчества.

Евгений РЕЙН. Заметки марафонца. Стр. 508

Это говорит один из солистов «волшебного хора» — самый примерный отличник. Скольких он заставил заучить

наизусть это письмо счастья?

Замечу мимоходом, что четырехугольник — самая неустойчивая геометрическая фигура. Качни — он складывается в прямую линию. Треугольники стоят неколебимо.

Чем лгун отличается от солгавшего — лгун не может удержаться.

Ахматова записывает сама — то, что должно потом считаться фактом и кочевать из воспоминания в воспоминание. Например, такое:

В Москве: вечер в Клубе пис<ателей>, когда ДВАЖДЫ все встали. Ст<алин> спрашивал: «Кто организовал вставанье?»

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 191

Вот где исток этой величественной истории, которую знают все! Ее источник — сама Анна Андреевна. ОНА пишет об этом Эренбургу — а Эренбург все знал, если что-то действительно было. Ни про какие «вставания» он не знал — и она «сообщает» ему (ведь он пишет воспоминания, авось не захочет дотошничать, а просто бросит потомкам красивую легенду). Потом будут говорить — говорят: как вспоминает Эренбург, Сталин спрашивал: «Кто организовал вставанье?» Если бы это была не Ахматова, истоки легенды определили бы в два счета, но она патентованная Великая Душа, копаться — неприлично.

Противостояние Ахматовой тем, кого она считала своими оппонентами, было яростным, бескомпромиссным и не всегда справедливым. В «воспоминателях» она заранее видела противников.

Светлана КОВАЛЕНКО. Проза Ахматовой. Стр. 385

Ну и конечно, любое упоминание о Николае Гумилеве имеет вступление: «Не так ли было с Пушкиным?» Сравнения Гумилева с Пушкиным даже не всегда в пользу последнего.

Почти каждый мемуарист пишет о славе, не замечая, что слово подсказано ею, ею введено, ею не пропущено ни разу. ОНА подкладывает ключевые слова: красота, стройность, страдания, слава, и все охотно используют их.

Стихотворение памяти Булгакова, где рядом с выдержанным в высоком трагическом стиле портретом писателя привычно обрисовывается собственный образ величественной плакальщицы

об умершей эпохе и умерших замечательных людях…

В. И. САХАРОВ. А. Ахматова и М. Булгаков. Стр. 205

Великий день в ее жизни: прокоммунистическая писательская организация Италии по указанию из Москвы пригласила Анну Ахматову на Сицилию для вручения прогрессивной литературной премии. Она обезумела от счастья — знала, видела (она не умеет не видеть), что делалось это для того, чтобы велеть ей молчать в деле Бродского (времена были такие, что посадить, или даже просто припугнуть — старуха! — было уже нельзя, но можно было подкупить: предложить заграпоездку). И Ахматова в семьдесят три года отказывается от Бродского (он, правда, радостно повторяет — за ней — что она «боролась», «подняла народ»), готовится к мировой славе — Италии.

Вот она на Сицилии, во Дворце! Заместитель мэра городка по туризму является (с опозданием) — и ее готовы чествовать. Она проходит по залу мимо места, где сидит Твардовский.

«Шествую торжественно и бормочу себе под нос — тихонечко, но так, чтобы он услышал: «Зачем нянька меня не уронила маленькой? Не было бы тогда этой петрушки». (Этой петрушки не было бы, если бы она осталась дома: Богу молиться да ближним помогать.) «Он, бедняга, вскочил и, закрыв рот ладонью, выскочил в боковую дверь: отсмеиваться… Не фыркать же тут, прямо в зале».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 267

А что бы и не фыркнуть? А с другой стороны — вроде уж какой-то гомерической остроты не прозвучало?

Возвращается из-за границы с подарками.

«Я одевала тех, у кого ничего нет. (Это она слышала от Солженицына и усвоила, что это — высший шик.) Ниночке — купальный халат нечеловеческой пушистости».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 266

Наверное, кое-что все-таки у Ниночки было, раз недоставало только купального халата.

Ей оформляли билеты для обеих поездок по несколько месяцев. Она говорила: «Они что, думают, что я не вернусь? Что я для того здесь осталась, для того прожила на этой земле всю — и такую — жизнь, чтобы сейчас все менять!»

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 159

Она хочет властвовать не над будущим — это хотя бы теоретически возможно, а над прошлым — что невозможно никогда.

16 августа 1956 года.

Приехала с дачи Шервинских Анна Андреевна. Она посвежела немного, помолодела, даже загорела. «Хорошо вам там было?» — спросила я. «Разве мне может быть где-нибудь хорошо?» — ответила Анна Андреевна с укором.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 223

О Постановлении (о журнале «Звезда»).

«Мне все сообщают про эту минуту. Где, кто, когда прочел в газете или услышал по радио — как, помните, рассказывали друг другу в сорок первом о войне. Какая была погода, что он в эту минуту делал»…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 95

Женщина, возомнившая, что ее тщеславное раздувание «истории» с Исайей Берлиным «смутит XX век», может сравнить и рядовое событие (Постановление) с войной, которая для ЕЕ народа значила все же нечто большее.

Портрет американской поэтессы Хилды Дулитл, жены Ричарда Олдингтона, работающей над лирикой Сафо.

«Челка… такая же, как у меня… и, может быть, тот же парижский парикмахер ее так постриг…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 490

Несомненно. Не забыли бы, что она была тонкая штучка, бывала в Париже — ее легенда должна начинаться издалека.

За чаем Анна Андреевна заговорила о том, как Лотта уверяла ее, будто ее, Анну Андреевну, все боятся. <…> «Лотта уверяет, что однажды, когда я в Клубе писателей прошла через биллиардную, со страху все перестали катать шары. По-моему, в этом есть что-то обидное».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 198

По-моему, для нее в этом было что-то очень сладостное.

«Женщина в очереди, стоявшая позади меня, заплакала, услыхав мою фамилию».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 17

Так рассказывает сама Ахматова.

15.01.25.

И. Наппельбаум об АА сказала мне следующую фразу: «Не знаю, как в общении с мужчинами, а в общении с женщинами — она тяжелый человек», — и говорила о тщеславии А.А.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 32

Это о феминизме. Манипулировать общественным мнением можно, вводя в заблуждение мужчин. То, что женщины видят суть, никого не волнует. Принимается во внимание только мнение мужчин. Какой она захотела предстать им — такой она и предстала перед всеми.

[Слуцкий рассказывал], как вырос спрос на стихотворные сборники: 50-тысячные тиражи не удовлетворяют его, а всего полвека назад «Вечер» Ахматовой вышел тиражом 300 экземпляров: «она мне рассказывала, что перевезла его на извозчике одним разом». В середине обеда, скучного и неживого в холодной комнате, я, как мне показалось, к месту пересказал его слова. «Я?! — воскликнула Ахматова. — Я перевозила книжки? Или он думает, у меня не было друзей-мужчин сделать это? И он во всеуслышание говорит, будто это я ему сказала?»

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 103–104

Ее меньше всего волнует история востребованности стихов обществом, тиражи ее интересуют только в пересчете на ее гонорары (сколько она об этом пишет!). Ну а тут — хотя несомненно, что на самом деле когда-то, не подумав, она так и говорила Слуцкому, и так оно и было — перед молодыми мужчинами ее заволновала только ее репутация «дамы». Репутация Слуцкого как лгуна — это пустяк.

Каждый человек не любит, когда о нем говорят неправду, но Анна Андреевна в эти годы стала сердиться и тогда, когда вообще о ней что-то становилось известно, даже если это была правда.

Наталья РОСКИНА. «Как будто прощаюсь снова». Стр. 528

Сегодня к АА приходили из Женского медицинского института приглашать на вечер. «Прислали студента, который по всем признакам был выбран потому, что он «самый красивый»! Это так видно было! Подумайте — какая у них прекрасная мысль:

к Ахматовой надо присылать самого красивого»!

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники, кн. 1. Стр. 257

Сама придумала за людей и сама удивляется их глупости! И приглашает других. Вот такой прием!

Есенин признавался, что, когда он смотрел на Блока, с него капал пот, потому что перед ним был настоящий поэт. Примерно так же я относился к Анне Андреевне. Она это видела и, будучи натурой сложной, многогранной, поворачивалась ко мне соответствующей гранью. Богиня так богиня.

Игн. ИВАНОВСКИЙ. Анна Ахматова. Стр. 625

В этом она вся. Она не была цельным живым человеком. А только народными чаяниями — как она их сама создавала. Ее злобные выходки — проверка: вся ли она превратилась в отражение чужих желаний, или еще отбрасывает тень.

Со Сталиным «на дружеской ноге».

«Сборник «Из шести книг», изданный в 1940 году, попался на глаза отцу Светланы. **(Светлана — поклонница, ее отец — «отец Светланы». «Отца Светланы» но примеру «Чарли», «Хема», «Пушняка» можно тоже было бы как-то назвать: Йосей, например, Батоно Иосифом…)** Открыл, увидел стихотворение «Клевета», недатированное. Подумал, видно, что недавнее. А оно написано в 1921 году. За этот год он не отвечает. Запомнил «Клевету» и отомстил <…>».

Все знает: открыл ли, посмотрел ли, что прочитал и о чем подумал.

Лев ОЗЕРОВ. Разрозненные записи. Стр. 604

Предположение о том, что «Клевету» (ее отповедь тем, кто «клеветал» о факте ее сожительства втроем с Ольгой Судейкиной и Артуром Лурье) Сталин каким-то образом мог принять на свой счет — типично.

<…> Иногда вдруг, отбросив тайны, она могла рассказать о себе очень откровенно. К сожалению, в последние годы жизни ее рассказы о себе обычно имели определенную цель, утверждение собственной концепции ее жизни <…>.

Наталья РОСКИНА. «Как будто прощаюсь снова…» Стр. 528–529

Чем мог прельститься Бродский? Мог он не разгадать такие рассказы? Литературные разговоры она не любила. Ее гением? Гений — вот он весь передо мной, у листков книги нет двойного дна. Он прельстился просто жизнью — долгой, мелкой, но — осознающей себя.

…От эмигрантских старушек, которым очень хочется быть счастливыми соперницами такой женщины, как Аня. Но боюсь, что им ничего не поможет. Они останутся в предназначенной им неизвестности. А Аня — Ахматовой.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 124

В последние годы А. А. создавала, творила свою легенду об Ахматовой, поэтому все свидетельства современников вставали ей поперек горла.

Михаил Кралин — Ирине Грэм.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 91

Она была беспощадна даже к нерукотворным, но жившим в «силовых полях» личности их «автора» воспоминаниям. Так, НЕНАПИСАННЫЕ мемуары Цветаевой об их встречах 41 года, Ахматова определила чеканной формулой «благоуханная легенда», явно предпочитая ей молчаливое забвение.

Ольга ФИГУРНОВА. De memoria. Стр. 19–20

По счастью, существуют написанные и, увы, «зловонные» свидетельства ее исторических встреч.

ПОДКЛАДЫВАЕТ МЫСЛИ

Особым образом исправляла она в желательную сторону представления о себе <…>: «У меня есть такой прием: я кладу рядом с человеком свою мысль, но незаметно. Через некоторое время он искренне убежден, что это ему самому в голову пришло».

Анатолии НАЙМАН. Рассказы о Анне. Ахматовой. Стр. 121

Весь образ великой Ахматовой создавался ею самой — ей было важно создавать не предание, а канонизированный, писаный образ. Для верности нужные формулировки она озвучивала сама. Поскольку ничего зазорного она не видела в многократном повторении одних и тех же пассажей (она-то ладно, но почему над этим не смеялись осчастливленные слушанием уже всем известных острот — ну прямо как на эстрадном концерте — современники?) — то говорила постоянно одно и то же по всем пунктам: величие, героизм, аристократичность и пр.

«Все поэты медиумичны». Мы сразу косимся в сторону Моцарта: он, Моцарт, недостоин сам себя, он только с трепетом держит в руках врученный ему дар. Что-то перепало и Анне Ахматовой. Она же — швырнула его назад Богу в лицо: мол, сама все.

Потому-то и считается неприличным слишком пристально изучать личную жизнь творцов: закройте на это глаза, читайте их книги, смотрите их картины. Ничему вас не научат ни их победы, ни их ошибки. Здесь не действует мизерный закон о копировании жестов. Я знавала одного студента, который от руки переписал «Братьев Карамазовых». Жизнь великого человека учит нас малому. Мне не было бы дела до расчетливости Анны Андреевны Ахматовой в ее желании произвести впечатление на вечность, если бы ее попытка не удалась. Она, к сожалению, удалась — ее имя с легкостью слетает с любых уст, решивших назвать имена — олицетворения достоинства, величия и прочих похвальных — но обязательно «нерукотворных» качеств. Мне довольно неприятно видеть, как кто-то из тщеславия слепил мертвого, но трудоспособного Голема, — и велит радостно чтить его как живого Геракла.

Похоже, что именно так она «кое-что положила» рядом с Никитой Струве **(только он, если продолжать метафору, «не взял чужого»):** «А правда ли, — обратилась она к нему, — что вы

в Россию кому-то написали о моих воспоминаниях: «Je possède les feuillets du journal de Sapho?» (В моем распоряжении листки дневника Сафо) — «Никогда в жизни такого не писал». — «Ну вот, верь потом людям».

Анатолии НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 121

Такую банальность действительно можно написать только самому о себе и примерять, как шляпку.

Это был немножко «визит [в Италию] старой дамы»: ехала не Анна Андреевна — Анна Ахматова. Она должна была вести себя, и вела себя, как «Ахматова». Возвратившись, показывала фотографии <…> — на заднем плане — античный бюст <…>. Она комментировала: «Видите: он говорит: «Евтерпу — знаю. Сафо — знаю. Ахматова? — первый раз слышу». Сопоставление имен было существеннее самоиронии.

Анатолии НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 159

Почитать мемуары — эта сценка из античной жизни (наследница по прямой и т. д.) кочует от одного автора к другому. Даже если здесь она откровенно создает легенду (не «Мне говорили, что один античный бюст — я не могу его назвать — спрашивал про меня…») — но от частоты повторения только уже закоренелый ахматоненавистник не пустится в рассуждения сам: когда Анна Ахматова была на древней земле Сицилии, это было подобно какому-то вневременному форуму богоподобных поэтесс… и т. д.

Сравнение с Цветаевой по половому признаку ее раздражает, а с Сафо кажется в самый раз.

Мой предшественник П. Е. Щеголев <…>.

Анна АХМАТОВА, т. 6. Стр. 274

Так говорит она о себе — чтобы все знали, в каком ряду надо упоминать ее имя, пустить эту цепочку в литературный оборот.

Я описываю прием, он понадобится в будущем — как только мы услышим: «говорят», «все говорят» — это значит, что распускает слухи Анна Андреевна.

Мне кажется, этим приемом она пользовалась, когда заявляла: «Считается, что в поэзии двадцатого века испанцы — боги, а русские — полубоги». Кем считается, на кого, как не на себя она ссылалась? <…> И так же я воспринял ее слова, когда в Комарове съездил на велосипеде по ее поручению и, вернувшись, услышал: «Недаром кое-кто называет вас Гермесом». Никаких других «кое-кого», кроме нее, вокруг не было видно.

Анатолии НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 121–122

«Есть один в Ленинграде, инженер по турбинам. <…> У него однажды был билет в Филармонию, но, узнав случайно, что и я и, этот вечер должна быть там, он заявил, что не пойдет: «я не имею права находиться под одной крышей с нею, я того не стою».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 117

Звон разносился со всех сторон из многочисленных церквей, где заканчивалась вечерняя служба <…>. Всем казалось, что Катанья приветствует Анну Ахматову колокольным звоном.

И. Н. ПУНИНА. Анна Ахматова на Сицилии. Стр. 668

В благодарность за заграничную поездку Ирина вносит и свою плату — думаю, что передает что-то, услышанное от Анны Андреевны.

Ходили упорные слухи, что над Анной Андреевной маячит Нобелевская премия. Об этом говорили все. Казалось, что это абсолютно достоверно, и даже сама скептически настроенная Анна Андреевна чуть-чуть стала верить в такую возможность.

Сильва ГИТОВИЧ. В Комарове. Стр. 516

Кто-то должен был подложить эту мысль. Мне сказали. Будто ходят слухи, что мне дают Нобелевскую премию. Словечко «маячит» тоже выдает автора слухов.

А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.

Не помню точно, говорил ли кто о «неукротимой совести» Ахматовой? Наверное, да — кому-то она же подкладывала такую красивую формулировку?

В быту Анна Андреевна не была похожа на своих героинь. Ахматова, с ее трезвым, наблюдающим, несколько рационалистическим умом, была как-то похожа на свой поэтический метод.

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. Стр. 128

В Таормине

Войдя в зал заседаний и заняв предназначенное ей место, она обратила внимание на мраморный бюст Данте, стоящий поблизости. «Мне показалось, что на лице его было написано хмурое недоумение — что тут происходит? Ну, я понимаю, Сафо,

а то какая-то неизвестная дама…»

Д. Н. ЖУРАВЛЕВ. Анна Ахматова. Стр. 331

Мы слышали эту историю не менее десятка раз.

[В стихотворении «Летят года»] Дудин называет Ахматову «Сафо двадцатого столетья» и пересказывает в стихотворных строчках ее разговор с ним.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 441

Ну как только она с кем-то поговорит, сразу появляются у того одни и те же выражения: Сафо, и все тут.

В Оксфорде А. А. очень многое диктовала о себе и своей работе одной англичанке, которая пишет о ней книгу.

Ю Г. ОКСМАН. Из дневника, которого не веду. Стр. 646

Англичанка Аманда Хейт слишком пунктуальна. Ей надо не просто подкладывать, а диктовать.

Едва ли какая-нибудь страна — после, разумеется, России — сыграла в судьбе Ахматовой такую роль, как Англия.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 7

Ну что за глупость: «после, разумеется, России». А разве была еще и Россия?

Это та валюта, за которую она покупала ленинградских мальчиков.

Из Северных элегий:

И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме.

По счастью, всего удалось избежать, но в головы вводилось.

Она прочитала мне свои ответы на вопросы иностранца. <… > Первые ее ответы показались мне чуть замысловатыми, искусственными, а дальше о детстве — чудесно. «Дикая девочка», «Меня принимали за помесь русалки и щуки».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 14

Такие сравнения уместны только в автобиографической прозе — как описание своих ощущений о детстве и своем месте среди людей. Как подложенные мысли для неизвестного автора — претенциозно. Сказала ли бы она про

щуку и русалку русскому автору? А если иностранец напишет — потом можно будет цитировать.

«Л. сказала, что стихотворение это очень петербургское. И вдруг добавила: «Впрочем, про ваши стихи давно говорят, что они скорее царскосельские, чем петербургские». <…> Она не пожелала назвать имя человека, который говорит это <…>

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 221

Это говорит она сама. Как про дневники Сафо. Алиби авторства обеспечивается как бы уничижительностью характеристики: мол, ну надо же, как говорят — «царскосельские»! — а с другой стороны: кра-си-и-во!

<…> Большая группа поэтов поехала в Италию по приглашению тамошнего Союза писателей, а ее не пустили, и она говорила, лукаво улыбаясь: «Итальянцы пишут в своих газетах, что больше бы хотели видеть сестру Алигьери, а не его однофамилицу».

То есть она — сестра Данте, так называют ее итальянцы!

И повторяла для убедительности, по-итальянски: «La suora di colui» («сестра того»). Под однофамилицей подразумевалась поехавшая в Рим Маргарита Алигер, но в каких газетах писали это итальянцы, выяснять было бесполезно.

Найман добавляет:

А «La suora di colui» — это луна в XXIII песне «Чистилища», сестра ТОГО, то есть солнца.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 121

Сестра солнца, сестра Данте Алигьери… это все Ахматова сама о себе. Кстати, о переводе — она-то для убедительности цитирует газету, а не 23-ю песню «Божественной комедии». А в современном итальянском языке «suora» как «сестра» употребляется только в смысле «сестра-монахиня». Когда она употребляла это выражение «для убедительности», оно могло означать только сестру — жрицу этого бога, Данте. То есть все-таки не равную. Каламбурчик-то она придумала, но, показывая ученость, скомкала его смысл.

При всей кажущейся фактографичности своей мемуарной прозы Ахматова считала уместным вводить в нее «фигуры умолчания», временами набрасывая на беспощадную реальность ту пелену забвения, которая, по мысли Борхеса, «рушит и преображает былое». В какой-то мере она оставляла потомкам «мнимые воспоминания» — может быть, самое ценное, чем

владела сама.

Ольга ФИГУРНОВА. De memoria. Стр. 20

Но она невыносима в своем позерстве, и если сегодня она не кривлялась, то это, вероятно, оттого, что я не даю ей для этого достаточного повода.

Николай ПУНИН. Дневники. Письма. Стр. 78

Это написал Пунин в самом начале их знакомства. Потом она, очевидно, расслабилась, когда увидела, что он искренне увлечен, и перестала кривляться — стало незачем. Это по-женски, конечно, понятно, ну и, наверное, простительно — у всех у нас свои приемы. Другое дело, что Пунин имел возможность лично наблюдать живую Анну Андреевну и составлять о ней свое личное мнение, а потребитель ОБРАЗА Анны Ахматовой эти позерство и кривлянье вынужден принимать за чистую монету. Он лишен возможности составить свое собственное мнение и обязан проглатывать и «великую душу», и «глубоко верующую», и «аристократку», и все — все! — что Анна Андреевна пожелала.

Все было важно — и как она писала, и как жила.

Игн. ИВАНОВСКИЙ. Анна Ахматова. Стр. 621

А вот пошли и эпиграфы к главкам: пушкинистка, религиозность, всемирная слава, равновеликость Данте и Петрарке, пожертвовавшая собой для сына мать, воплощенный героизм, возлюбленная таинственных иностранцев (это последнее как-то уж совсем по-советски, совковые «вечные ценности» — но в последние годы жизни у нее сладостнее мечты не было).

Она стала всемирно известным пушкинистом, <…> ощутила право вступить в диалог с дантовской Музой.

Св. КОВАЛЕНКО. Pro et contra. Стр. 16

На юбилее Данте в Большом театре она читает речь:

«<…> С пафосом и подчеркнутой весомостью <…>».

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 298

Весомость она подчеркивала, конечно, свою, а не Данте.

Во многих православных соборах мира прошли заупокойные службы и в дни похорон, и в седьмицу, и в сороковины.

Св. КОВАЛЕНКО. Pro et contra. Стр. 54

Несомненно, что по Анне Ахматовой служили не в

церквях и храмах, а — в «соборах». Думаю, что это было действительно и в день похорон, и в сороковины; сомневаюсь, однако, что — в таинственную «седьмицу». Полагается — на девятый день и на двадцатый. И — никаких купальниц Аграфен.

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу.

Мудро жить — так нельзя говорить. Тогда ложись и помирай. Тем более что она-то мудро жить не научилась. На небо смотреть — это не для нее. Она прочитала Бродскому это двустишие. И он поверил ему буквально.

<…> Смены мотивов, да и весь общий стиль се любви связаны с тем, что Анна Ахматова — моральная монастырка, монашенка, с крестом на груди. Она помнит об аде, верит в Божье возмездие. Ее любовь — та же власяница.

Ю. АЙХЕНВАЛЬД. Силуэты русских писателей. Стр. 490

Монастырка — воспитанница учебного заведения при монастыре. Воспитанницы были весьма далеки от религии и находились там только для придания лоска, который был необходим при вступлений в будущий буржуазный брак. О лоске Ани некому было заботиться. Папа — почти путевой обходчик. Моральная — внутренняя — аморальная. С крестом на груди — как Челентано. Самое интересное, что критика посвящена разбору стихотворения «И ночей нашим пламенным чадом… чудотворной иконой клянусь» (считается очень религиозным).

Волков: [О «Реквиеме»] <…> Там есть два плана: реальный и биографический — Ахматова и судьба ее арестованного сына; и символический — Мария и ее сын Иисус.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 243

А с кем же ей себя еще сравнить?

Все шатко, зыбко и несоразмерно событию… Таким ли должен быть юбилей Анны Ахматовой? Наш всенародный праздник.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 234

Вот, я же говорила: наш всенародный праздник.

Эмигрантские поверхностные слухи сослужили Ахматовой хорошую службу: они «знали», что она ничего не

писала двадцать лет, зато они много раз слышали, что Ахматова мужественно обороняла Ленинград. Опровергать первое у нее хватит энергии, а о втором можно промолчать.

1952 год 25 ноября. В северном вестибюле Национальной галереи в Лондоне состоялось открытие серии напольных мозаик работы Б. В. Анрепа «Современные добродетели». На мозаичном панно «Сострадание» изображена «русская поэтесса Анна Ахматова, спасаемая ангелом от ужасов войны».

Morhange A. Boris Anrep: The National Gallery Mosaics. London.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 90

«Спасаемая» — это одно, а «спасающая» или хотя бы «сострадающая» — символ «Сострадания» — это другое, правда? Как наиболее достойный объект для сострадания, отнюдь не — сострадающая другим, на панно изображена мило улыбающаяся очень красивая поэтесса — конечно, лежащая, заодно и демонстрирующая действительно один из лучших в XX веке силуэтов. Борис Анреп, расставшийся с ней в двадцатых годах, проницательными глазами художника видел в стройной любовнице вечные женские антропометрические добродетели — широкие бедра и длинные ноги.

<…> Моделью для СОСТРАДАНИЯ Анреп выбрал ее портрет.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 118

Анатолий Найман — информированный человек. И изощренный — в его восторженных книгах об Ахматовой я слышу призыв: да посмотрите же повнимательнее! Мне, сироте, не к лицу ее разоблачать, но разве не видно, что — всего лишь — представляет собой великая Ахматова! Поэтому я не могу заподозрить, что он подтасовывает факты. Просто — он как обычный биограф: если об Ахматовой — то о всех возможных добродетелях. Но — слишком громко.

Между тем в работе Анрепа Ахматова олицетворяет не СОСТРАДАНИЕ, а ОБЪЕКТ сострадания.

Ее САМУ сострадательный ангел заботливо прикрывает от ужасов войны (в стороне изображена куча изуродованных тел — других людей, менее достойных сострадания).

<…> Одно мудрейшее: о том, что наследницей оказалась она. Наследницей величия и муки. <…> Тут не только благоуханная красота, но и полная осознанность своего места в истории.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 366

«Думаю, что она учит достоинству». — «Достоинству? — вдруг возмутился Иосиф [Бродский]. — Она учит величию!» Вспоминая об этом разговоре потом, я осознал, что он ведь никогда не видел Пастернака и, может быть, зримо не представлял другой, более простой формы «величия», следуя определенному образцу в его монетарно- и профильно-ахматовском виде…

Дмитрий БОБЫШЕВ. Я здесь. Стр. 347–348

Впоследствии я часто замечала, что перед женщинами Анна Андреевна рисовалась, делала неприступную физиономию, произносила отточенные фразы и подавляла важным молчанием. А когда я заставала ее в обществе мужчин, особенно если это были выдающиеся люди, меня всегда заново поражало простое, умное и грустное выражение ее лица. В мужском обществе она шутила весело и по-товарищески.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Тридцатые годы. Стр. 248

Я высказала Марине Ивановне свою радость: А. А. не здесь, не в Чистополе, не в этой, утопающей в грязи, отторгнутой от мира, чужой полутатарской деревне. «Здесь она непременно погибла бы… Здешний быт убил бы ее… Она ведь ничего не может». — «А вы думаете, я — могу?» — резко перебила меня Марина Ивановна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 235

Чьей была дочерью Марина Цветаева, на какой быт она могла претендовать, и чьей — Ахматова. Все в подробностях знающая Чуковская просто закрывает глаза, просто не видит.

Всю свою жизнь она подчинила Левиной каторге. <…> От драгоценнейшей для себя встречи [с Берлиным] отказалась, боясь повредить ему. **Ну какая драгоценнейшая встреча! С человеком из другой среды (не из другого мира, будущего, Зазеркалья, а просто другой бытовой, имущественной, культурной среды), не имеющего никакого интереса к ней, на двадцать лет моложе, один раз в жизни с ней встречавшимся по делу — его специальности — и пока еще не подозревавшим о той смешной и нелепой роли, которую она уготовила ему в среде истеричных и доверчивых ахматофилов.**

И сотни строк перевела, чтобы заработать на посылки ему, сотни строк переводов, истребляющих собственные стихи.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 481

Будем же справедливы — не «на посылки» ему она работала. Мне симпатичен ее поступок с дарением «Москвича» Алексею Баталову, но давайте тогда скажем, что сотни строк переводов — на машину для Баталова. А также на шубу, шапку, черное платье и белый костюм — о которых мы тоже знаем.

И про посылки Леве мы знаем, что они были — «самые маленькие».

Реальная жизненная ситуация Ахматовой — встреча и разлука с И. Берлиным в конце 1945 года <…>.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 116

Оставив то, что разлуки в общепринятом смысле никакой не было, потому что разлука бывает после Встречи — то есть после многих встреч или по крайней мере Встречи — начала каких-то сложных и обоюдных взаимоотношений. У них было только Знакомство, а после непродолжившегося Знакомства — что бывает? «Знакомство, продолжившееся заочно (даже без переписки в ее случае — хотя уж это-то санитарная норма)»; «Знакомство, после которого больше не виделись двадцать лет» — но никак не Разлука. Но я о другом.

Не бывает ни встреч, ни разлук. Сами эти слова — принадлежность мелодрамы. В настоящем искусстве значение имеет только момент в настоящее время проживаемой жизни: что она дает и что собой представляет. Естественно, человек может быть поставлен в условия расставания — и важно то, что он чувствует в каждый момент этой разлуки. Охватывать всю разлуку как явление эпическим взором — это приблизительность, украшательство, мелодрама. Это — презираемые Бродским речи-встречи-невстречи. Ценил он ее за несомненно реальные переживаемые страдания — но не те, которые оплакивают восторженные читательницы, а те, которыми Господь наказал ее на самом деле — тяжесть, лживость, острейшее чувство себя, недостатка любви к себе в каждый момент ее жизни, чувственное осязание любого человека — врача, билетерши, Пастернака — занимает ли она такое место в их сознании, как сама у себя, или нет. Нет? Нет, конечно, — и это есть настоящая, без выдумок, трагедия.

Юрий Олеша.

Когда я был гимназистом, она уже пользовалась славой. В Ленинграде, в Европейской гостинице, под вечер, когда я вошел в ресторан и сел за столик, ко мне подошел писатель П. Сказал: «Пойдем, познакомлю с Ахматовой». Я подошел. У меня было желание, может быть, задраться. Она должна, черт возьми, понять, с кем имеет дело. И вдруг она заговорила. Она заговорила, в частности, о том, что переводит «Макбета». Там есть, сказала она, строки, где герой говорит, что его страна похожа более на мачеху, чем на мать, и что люди на его родине умирают раньше, чем вянут цветы у них на шляпах. Все это ей нравится, сказала она. Вернее, не сказала, а показала лицом. Возможно, что, зная о моей славе, она занялась такими же, как и я, мыслями: дать мне почувствовать, кто она. Это выходило у нее замечательно.

Юрий ОЛЕША. Ни дня без строчки. Стр. 449

Всей работы над Макбетом было — черновой набросок перевода отрывка из одной картины, семьдесят строчек. Шекспира она совершенно справедливо сочла себе не по силам.

Обычно мемуары о великом человеке пишутся под действием уже готовой, вызревшей легенды. И мемуарист может позволить быть независимым, или оригинальным, или эпатирующим — идущим против догм канонического образа. Пишущие об Ахматовой же создают эту легенду on-line, а поскольку инициатор и заказчик здесь — одно лицо, сама Ахматова — то создается ощущение, что мемуарист пишет под ее диктовку. В изящном ритмическом олешинском повествовании чувствуется железная рука «рирайтера». Самой литературного дарования не хватило избежать кривлянья в «бурбонских профилях» и «существе со страшной жизнью» — но зато силы личности и авторитета оказалось достаточно, чтобы Олеша написал свою арабеску, не отклонившись ни на йоту от ее камертона. Загипнотизированный Бродский пошел дальше: он не только пел по ее нотам, но и сам придумывал сладкие мелодии.

Бродский: Гумилев мне не нравится и никогда не нравился. И когда мы обсуждали его с Анной Андреевной, я — исключительно чтобы ее не огорчать — не высказывал своего подлинного мнения. Поскольку ее сентимент по отношению к Гумилеву определялся одним словом — любовь.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 250

Любви, конечно, никогда никакой к Гумилеву не было, и Бродский это знал.

Ахматоведы — это те, кто закрывает глаза. О мысли — задуманной, сочиненной и надиктованной самой Ахматовой — они серьезно пишут: Аманда Хейт ПОНЯЛА. Итак, что «поняла»? — не забудем, что книга Хейт писалась под диктовку Анны Андреевны:

Это поняла А. Хейт, написавшая: «…Хочется вспомнить, как использовала она волшебное зеркало своей поэзии, чтобы вернуть смысл вселенной, чтобы открыть тайный узор за кажущимся смещением и трагедией ее жизни».

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 113

Весь пассаж, безусловно, написан самой Анной Андреевной.

Сегодня у меня обедала Ахматова, величавая, величественная, ироничная и трагическая, веселая и вдруг такая печальная, что при ней неловко улыбнуться и говорить о пустяках. Как удалось ей удержаться от безумия — для меня непостижимо.

Фаина РАНЕВСКАЯ. Дневник на клочках. Стр. 40

В Ташкенте можно было пьяной смеяться в постели — когда была война, блокада. Сын в штрафных ротах. Но ничего — удержалась от безумия.

Когда в Ленинград приехал Роберт Фрост, на даче у Алексеева-англиста была устроена его встреча с Ахматовой. <…> Профессор Рив, участвовавший ко встрече, <…> написал об Ахматовой приподнято: «Как величава она была и какой скорбной казалась».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 161–162

Вероятно, казалась о-о-очень скорбной.

Запись Н. П. Колпаковой. 1944 год.

Среди всех, как солнце среди звезд, выделялась Анна Андреевна. <…> Она читала свои стихи последнего времени. <…> В звуках ее голоса слышалось что-то такое огромное, выстраданное…

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т.3. Стр. 102

Товарищи понимают все совершенно правильно.

1942 год.

Запись Я. З. Черняка.

<…> Живет намеренно трудно. Поза? Нет, схима.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 75

Все старательно вспоминают слова церковного обихода, говоря о ней.

Говорит, что не хочет жить и я ей абсолютно верю. Торопится уехать в Ленинград. Я спросила: зачем. Она ответила: «Чтобы нести свой крест». Я сказала: «Несите его здесь». Вышло грубо и неловко. Но она на меня не обижается никогда.

Фаина РАНЕВСКАЯ. Дневник на клочках. Стр. 40

Раневская, конечно, слишком умна, чтобы писать это в простоте. Ну, Ахматовой хотелось, чтобы кто-то записал за ней: мол, иду нести свой крест. Машинально так сказала, по привычке, обычно все подхватывали, поражались, записывали, мы все это читали не раз. А тут вот попала на Раневскую. Раневская и записала — да так, что лучше б Ахматова это не говорила.

1940 год, декабрь.

Письмо Пастернака — О. М. Фрейденберг.

Не могла ли бы ты узнать мне, как здоровье Ахматовой? Писать ей дело безнадежное, да к тому же я и не знаю, в состоянии ли она теперь отвечать.

Переписка Бориса ПАСТЕРНАКА. Стр. 173

Чуковская же 22 ноября того же года пишет:

«Пили водку, стол был <…> изобилен»…

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 51 **— наверное, в состоянии.**

Из письма Лукницкого Горнунгу.

<…> Вы сами знаете безмерную ясность ее мышления и <…> что объективная ценность материала в ее глазах сама по себе исключает возможность какого бы то ни было лично-пристрастного к нему отношения.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 123

Безмерную ясность ее мышления (когда не совсем ослеплена завистью и злобой) — знаем.

Обессиленная чайка творчества в мучительно сжатых руках побледневшей Ахматовой.

Н. СМИРНОВ. Литература и жизнь. Т. 2. Стр. 71

Не нужно и пародистов звать, правда? Когда в литературоведческой статье пишут: побледневший автор или не побледневший — это несокрушимый научный аргумент, никакому оппоненту не выдержать. После этого всякие «горько и гневно», величественно», «мучительно сжатые» и пр. выглядят уже просто математически точными величинами.

Великие испытания заставили этот голос звучать горько и гневно и, вероятно, такою и войдет Ахматова в историю.

И. А. ОКСЕНОВ. рецензия на «Четки». Стр. 49

Я не прощу Ахматовой то змеиное вероломство, с которым она свела свои личные и литературные счеты с Блоком, опершись на авторитет «страдалицы».

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 85

Современники, конечно, видели, что все ахматовские авторитеты формировались не просто так. Потомкам стало все равно. Нужна страдалица — вот, у нас есть.

«Прошла в уборную, как Богородица».

Это так она рассказывала Ардову — будто так о ней говорила чья-то домработница, увидев в коридоре. Это типичные «народные мысли»- придуманные самой Ахматовой. Никакая домработница ничего подобного не говорила, это стилизованные слова. Все уловили, чего именно Ахматова хочет, и тоже сочиняли такое.

Авторство самой Ахматовой выдает присущая ей многоплановость — не очень развитая, правда: в музыкальных терминах это была бы не полифония, а канон — не более двух мотивов. В нашем случае (этим приемом она и пользуется чаще всего) это «Прошла как Богородица», а потом — Ахматова как бы не стоит за тем, чтобы не скрыть самоуничижающего контраста: «прошла в уборную». Но эта построенность так очевидна, что совершенно не смешно.

Рассказывают, что Цявловский вдруг кинулся целовать ее руки, когда она несла выливать помои.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 416

Именно когда несла выливать помои (она их никогда — в Ташкенте — не носила), он бросился целовать ей руки.

Насчет «говорят», «рассказывают», «ходят слухи» и кто при этом бывает рассказчиком — см. главу «Подкладывает мысли».

Дул ветер, и вести с фронта были печальными. Анна Андреевна пришла почти в сумерки. Войдя, она сказала почти повелительно: «Сядьте, я хочу прочесть то, что написала вчера». Это было стихотворение «Мужество». Она понимала, что мы не могли заговорить обычными словами восхищения. <…> Мы сидели какие-то притихшие. Этот стих был как отлитый колокол, и его судьба была — будить стойкость и гордость в сердцах миллионов людей. Алексей Федорович поцеловал ей руки и сидя рядом молчал. Время от времени он опять подносил к губам ее руки и снова молчал. Потом, присев перед ней и глядя ей в лицо, спросил: «Что вы сегодня хотите?» Она ответила: «Давайте сегодня побудем с Шопеном».

Г. Л. КОЗЛОВСКАЯ. «Мангалочий дворик». Стр. 387

Ах, с Шопеном, поручик!

Послушаем и мы то, о чем «нельзя говорить обычными словами восхищения»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах
И мужество нас не покинет.

Нестрашно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова.
Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем —
Навеки!

О профсоюзной поездке в Италию.

Сначала ее почтили в Италии, там произошло нечто похожее на увенчание Петрарки средневековым Римом.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 297

Это так она подготовила опять народные чаяния, чтобы было с чем сравнивать, когда начнут писать о том, как заместитель мэра по туризму провинциального итальянского городка и литератор-коммунист, по рекомендации Союза писателей СССР, вручали Анне Ахматовой никому не

известную премию. С нею вместе премию получал итальянский поэт Марио Луци. Третий Петрарка?

«Вы будете смеяться, вчера мне подали телеграмму из Оксфорда с сообщением, что я приглашена принять почетную степень доктора литературы».

Э. ГЕРШТЕЙН. Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой. Стр. 275

Это юмор из разряда чеховского «покорчило вас благодарю», но символизировать он должен, очевидно, ее скромность, или, вернее, презрение к почестям.

Прославление в Оксфорде.

Вынула фотографии. <…> Она уже в мантии. Выражение лица, поникшие плечи: люди! Зачем вы ведете меня на эшафот?

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 292

Никто не вел. Достаточно было туда не рваться.

Вот как ее ценили люди: Д. Н. Журавлева кто-то встретил на улице с Ахматовой. И:

«Дмитрий Николаевич! Поздравляю вас. У вас сегодня счастливый день: вы с Анной Ахматовой шли по улицам ее любимого города».

Д. Н. ЖУРАВЛЕВ. Анна Ахматова. Стр. 327

Ленинград… Где эго? — Ты не знаешь? Ленинград — это любимый город Анны Ахматовой. — А!

Он говорил мне, что не может слушать музыку, пот<ому> что она ему напоминает меня.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 90

То есть не «Ахматова — это музыка», а «музыка — это Ахматова». Вся, любая музыка напоминает ему ее. А живопись — не напоминает.

«Кончаю это письмо. В окно смотрит Юпитер — любимая звезда моего мужа», — **пишет некая дама, — Ахматова над этим смеялась — у нее все было в порядке с чувством юмора.**

…Никогда не забывала она того почетного места, которое ей уготовано в летописях русской и всемирной словесности.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Из воспоминаний. Стр. 53

Марии Сергеевне [Петровых] было известно, каких усилий стоило Бродскому и мне добиться, чтобы Ахматову похоронили в

конце широкой аллеи на Комаровском кладбище. Петровых с полной серьезностью говорила: «Мише человечество обязано тем, что Ахматову похоронили на подобающем месте».

Михаил АРДОВ. Вокруг Ордынки. Стр. 68

Хочется Бродского и вспомнить: «Если Брежнев — человек, то я — нет». Хотя похоронить ее действительно стоило на подобающем месте. Как и всякого человека, впрочем.

MANIA GRANDIOSA

К «юбилею» постановления Жданова.

16 августа 1956 года.

«Завтра, — сказала она — десять лет. Следите за центральной прессой» <…>.

Но в газете… ничего не было…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 222–223

А Сталин, по слухам, время от времени спрашивал: «А что делает монахиня?»

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 200

Но уверена, спрашивал все же не чаще, чем она повторяла эту фразу — письменно и устно. «По слухам» — слухи, как правило, она сочиняла сама.

Считаю не только уместным, но и существенно важным возвращение к 1946 году и роли Сталина в постановлении 14 августа. Об этом в печати еще никто не говорил. Мне кажется удачной находкой сопоставление того, что говорилось о Зощенко и Ахматовой, с тем, что говорили о Черчилле.

Анна АХМАТОВА. Для памяти. Стр. 243

Волков: По сведениям Ахматовой, он ругался последними словами. Впечатление такое, что она задела нечто очень личное в нем. Похоже, что Сталин ревновал Ахматову!

Бродский: Почему бы и нет? Но не столько к Берлину (Исайя Берлин, иностранец, который однажды встречался с Ахматовой), сколько, думаю, к Рандольфу Черчиллю — сыну Уинстона и журналисту, сопутствовавшему (случайно оказавшемуся вместе) Берлину в этой поездке.

Надо думать, что больше всего надо было ревновать к принцу Уэльскому. Тот по крайней мере просто ни при чем, а Рандольф Черчилль сообщает всемирно-историческому событию (встрече Берлина с Ахматовой) совершенно уничижительный опереточный характер.

Волков: Вся эта история чрезвычайно напоминает романы Дюма-отца, в которых империи начинают трещать из-за неосторожного взгляда, брошенного королевой. Или из-за уроненной перчатки.

Бродский: Совершенно верно, так это и должно быть.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 248

Только истории вот никакой не было. Сочинила ее совершенно взрослая — хорошо бы было сказать: выжившая к старости из ума, но за ней такое водилось с молодости — женщина, а уж как поверил молодой, красивый и знаменитый Бродский — неизвестно. Так уж верил бабушкиным рассказам о том, как цесаревич-наследник ухаживал за ней на балах, так что династические планы чуть было не сорвались все.

Корней Иванович Чуковский, близкий знакомый Ахматовой, в 1965 году ничего не знал — ни что она была вообще знакома с Берлиным, ни что он у нее просидел несколько часов подряд («Встреча»), ни что об этом было доложено Сталину, ни что Сталину это не понравилось, ни что из-за этого началась «холодная война» между СССР и Западом.

Волков: Ахматова описывала развитие событий примерно так. Ее встреча с Берлиным, затянувшаяся до утра, взбесила Сталина. Сталин отомстил ей особым постановлением ЦК ВКП(б), которое, по твердому убеждению Анны Андреевны, самим же Сталиным и было написано <…>.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 248

Сталин же об исторической встрече скорее всего не знал, а за что Постановление 1946 года, написанное теми, кем они обычно пишутся, разбиралось с разбираемыми журналами — это касалось журналов. Ну да, Ахматову им не надо было печатать.

9 июня 1997 года мне выпало счастье навестить в том оксфордском доме, где принимали Ахматову (побывать там, где «принимали» Ахматову — счастье, счастье!), 88-летнего сэра Исайю Берлина. <…> Не чувствует ли он ответственность за начало «холодной войны» и за «железный занавес»? Он ответил: «Я ей говорил: «Вы значительный человек, и я — значительный человек. Мы оба значительные люди. Но ведь не НАСТОЛЬКО!»

Ирина ВЕРБЛОВСКАЯ. Горькой любовью любимый. Стр. 233

Не настолько — такого слова Анне Андреевне при жизни никто не посмел бы сказать.

Молчали мы обе. <…> Потом стала ее выводить на улицу, и только через несколько дней она вдруг сказала: «Скажите, зачем великой моей стране, изгнавшей Гитлера со всей техникой, понадобилось пройти всеми танками по грудной клетке одной

больной старухи?» Запись Ф. Г. РАНЕВСКОЙ.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 42

Волков: Сэр Исайя напечатал свои воспоминания о встречах с Ахматовой в 1943–1946 годах. Об этих же встречах говорится во многих стихах Ахматовой. Если эти две версии сравнить, то создается впечатление, что речь идет о двух разных событиях. В трактовке Анны Андреевны их встреча послужила одной из причин начала «холодной войны». Да и в чисто эмоциональном плане, посудите сами: «Он не станет мне милым мужем, / Но мы с ним такое заслужим, / Что смутится Двадцатый Век». Ничего похожего у сэра Исайи вы не прочтете.

Бродский: <…> Конечно, вы правы, он не придавал встрече с Ахматовой столь уж глобального значения.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 247

Бродский не мог просто сказать, что Берлин не придавал встрече с Ахматовой «просто» глобального значения. «Столь уж» глобального, мол, не придавал. Да, Бродскому ли такую смелость на себя взять.

Mania grandiosa, как и было сказано.

Пример нарциссизма: XX век не смутился от Гитлера и 50 миллионов, им замученных; смутится ли он от эротической драмы Ахматовой? Очень все преувеличено в сторону дурного вкуса и нескромности.

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 37

Она также думала, что Сталин дал приказ, чтобы ее медленно отравили, но потом отменил его.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 54

А Берия — чтобы ее медленно изнасиловали.

А потом отменил. Немного шизофреническая детальность — медленно отравил. Ведь «просто отравили» — это значит, что умри без явных признаков отравления — могут подумать, будто она сама это придумала. Медленно отравить — это другое дело. Агате Кристи, правда, потребовалось бы больше доказательств — но у нее другой жанр.

Это — о ее макрополитическом величии. А теперь о величии в меньшем масштабе.

Лирическое отступление Седьмой элегии

Как дочь вождя мои читала книги,
И как отец был горько поражен.

«Дочь вождя» и «не дочь вождя» — вот какие категории художественного и нравственного порядка вводит великий поэт. Представим, что Пушкин пишет: дочь царя — имея в виду конкретную великую княжну и достоверно пересказанный ему факт круга ее чтения — его читает книги. И он серьезно пишет об этом в лирическом стихотворении. «Как дочь царя мои читала книги…» Чтобы потомство тоже это знало. И что отец поражен — отцы, как правило, довольно щепетильны относительно нравственности своих дочерей. Романтизация хлеставшего ремнем мужа их, как правило, коробит. Ну и игры в церковные побрякушки, в гимназистов — любому отцу покажутся несовременными и никчемными.

Ну и читает. Или не читает — что из этого, кроме тщеславия и пошлости?

У Ахматовой, по-моему, совсем не было чувства юмора, когда дело шло о ней самой; она не хотела сойти с пьедестала, ею себе воздвигнутого.

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 93

Ахматова: «Включаю я как-то мимоходом радио. Слышу вдруг свое имя. И м-сье André Jdanoff… Это французы передают, что китайцы передают, что Жданов относительно злодейки Ахматовой был совершенно прав. <…> Вы только представьте себе: я одна и против меня 600 миллионов китайцев!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 102

По случаю перемены правительства она теперь сомневается и своей поездке на Запад. <…> «Со мною всегда так, — только начнет поворачиваться судьба чем-нибудь для меня хорошим — Италия, Оксфорд! — тут случается нечто невообразимое. Всегда! Вот и сейчас: китайцы жаждут моей крови. А вдруг наше новое правительство с ними подружится? Какая же тогда моя поездка на Запад? В Сицилию, в Лондон? Между прочим, все это предсказано у меня в «Китежанке» <…>.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 249

Миру стоять или мне, Анне Андреевне, чай пить?

2 декабря 63.

<…> 29 ноября в газете «Вечерний Ленинград» появилась статья о Бродском — статья страшная: называют его «окололитературным трутнем», «тунеядцем», а у нас тунеядство — обвинение нешуточное, могут и выслать и посадить. <…> Анна Андреевна встревожена и от тревоги больна. <…> Терзается: она полагает, что в глазах начальства Бродскому повредила дружба с нею. «Будут говорить: он антисоветчик, потому что его воспитала Ахматова». «Ахматовский выкормыш» <…>.

Я прочла валяющуюся на столе статью и уверила Анну Андреевну, что упрек в ахматовщине там начисто отсутствует <…>.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 112

Однако посему ей надо от Бродского отдалиться. Якобы чтобы не вредить далее ему. Ну и себе спокойнее.

Мне довелось записывать на пленку многих литераторов. Но кажется, с того памятного дня, когда я однажды записывал Анну Ахматову, мне уже никогда не приходилось иметь дело с поэтом, который бы так ясно представлял себе, что читает стихи не только собеседнику, кто сейчас сидит перед ним с микрофоном — но читает для многих будущих поколений. Чувство будущих читателей было у Ахматовой очень сильно.

Л. А. ШИЛОВ. Звучащие тексты Ахматовой. Стр. 231

Среди ивняка, без каких-либо признаков причала, нас ждал кто-нибудь из семьи на тупоносой плоскодонной лодке. Однажды, провожая Ахматову, я как-то не успел вовремя подать ей руку помощи, и она, выходя на крутой бережок, чуть-чуть оступилась; на лице ее мелькнула на секунду тень испуга, но я уловил, что Ахматова испугалась не падения, а возможности оказаться в смешном положении. Подобной возможности она допустить не могла.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 282

Она считает, что ее великую жизнь все рассматривают в телескоп.

Бедный мой разводик! Думал ли он, что ему будет такая честь, что через сорок лет он будет выглядеть как мировой скандальный процесс.

Анна АХМАТОВА. Ахматова и борьба с ней. Стр. 242

Да полно! Никто его не считал мировым скандальным

процессом — никто.

Анна Андреевна: Мне позвонил Сурков. <…> Я у него спросила: можно ли будет мне из Англии съездить в Париж? «Да, — ответил он, — я видел ваше имя в списке, составленном Триоле». <…> При свидании я ему объясню: я могу быть гостьей Франции, но не Триолешки».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 271

«Грубость апокалипсическая! Секретарша называет меня Анной Михайловной. <…> Эта баба прислала мне письмо с надписью на конверте: «А. Ахматовой». Я этот конверт храню».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 55–56

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне.

Эпилог «Реквиема». Это совсем противоположный смысл, чем «…я памятник себе воздвиг нерукотворный».

<…> Созерцание своей живой еще славы, сознание своей силы и укрепили в Анне Андреевне ее гордыню, <…> это было обоснованное, <…> но все же более, чем хотелось бы, подчеркнутое чувство своей значительности. <…> Разговаривать с нею о литературе и о чем угодно всегда было интересно и приятно, но нередко как-то невольно она направляла беседу к темам, касающимся ее лично — ее поэзии или ее жизни <…>.

Д. МАКСИМОВ. Об Анне Ахматовой, какой помню. Стр. 119–120

Ахматова несла, как нелегкий груз, окрепшее бессознательно и сознательно величие, которое никогда не покидало ее.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 284

И МАЛЫЯ, И БЕЛЫЯ

Подписываться (если пишет не самым близким) «Константин», «Николай», «Александра» может только тот, кто по определению может обойтись без фамилии.

«Милым Рыбаковым с великим смущением. Анна».

СОБРАНИЕ О. И. РЫБАКОВОЙ. ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 20

Анна.

Соломон Волков: «Ахматова ничего не делала случайно».

«Евгению Замятину Анна Ахматова. Кесарю — кесарево». Дарственная надпись на книге.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 43

«Кесарево» — это ее книга «Белая стая».

Мы, Николай II, Император Всея Руси, и Малыя, и Белыя…

«Фотографы, автографы, лесть, Бог знает что. Я приняла их верноподданнические чувства».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 556

Она примеряла к себе «леди Анну» и на худой конец «профессоршу Гаршину». Называть себя так вслух, подкладывая мысли у всех на виду, как накладные букли, было невозможно. Иронизировать над несостоявшимся августейшеством — более безопасно. Она подкладывала это с неутомимостью паровозного кочегара.

Бродский: <…> Анна Андреевна, после того как дала мне прочесть свои записки о Модильяни, спросила: «Иосиф, что ты по этому поводу думаешь?» Я говорю: «Ну, Анна Андреевна… Это — «Ромео и Джульетта» в исполнении особ царствующего дома». Что ее чрезвычайно развеселило.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 246

Шутки всегда на одну и ту же тему.

Записка Раневской: «Пусть бросит в мое логово». «Логово» был номер на первом этаже Дома актеров, в другой раз он мог быть назван «иллюзией императорской жизни» — словцо Раневской из тех, которыми Ахматова широко пользовалась.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 164

Почему-то ей полагалась императорская жизнь. Это был круг ее мечтаний.

Она написала: «я была с моим народом там, где мой народ, к несчастью, был», будто бы подразумевая «мой — тот, к которому я принадлежу». Переполненные восхищением читатели думали, что они почтительнейше переиначивают смысл — «мой — мне принадлежащий народ», — а на самом деле просто попались на удочку и сделали то, что она и задумала с самого начала.

Другая важнейшая ее черта — аристократизм. И внешности, и душевному ее складу было присуще необычайное благородство, которое придавало гармоничную величавость всему, что она говорила и делала. Это чувствовали даже дети. Она мне рассказывала, как маленький Лева просил ее: «Мама, не королевствуй!»

Натальи РОСКИНА. «Как будто прощаюсь снова…» Стр. 532

Здесь уместнее вспомнить из Шолохова: «Сейчас глядишь ты важно, как гусыня из кошелки», королева-то. Наверное, маленький Лева был уже не очень мал и слово «королевствуй» употреблял к месту — тому, где не было настоящей королевы.

Анна Андреевна казалась царственной и величественной, как императрица — «златоустая Анна Всея Руси», по вещему слову Марины Цветаевой. Мне кажется, однако, что царственному величию Анны Андреевны недоставало простоты — может быть, только в этом ей изменяло чувство формы. При огромном уме Ахматовой это казалось странным. Уж ей ли важничать и величаться, когда она Ахматова!

Всеволод ПЕТРОВ. Фонтанный дом. Стр. 224

Справедлива была Ахматова, когда она наставительно поучала Марину Цветаеву: «Разве вы не знаете, что в стихах все — о себе?» (Вернее, даже не поучала — не снизошла молвить — только подумала, а потом рассказывала по знакомым, сколь недалека, недальновидна эта Марина.) Так вот — «Златоустая Анна Всея Руси» — это о самой Марине Цветаевой. Только царскую широту надо иметь, чтобы щедро короновать другую.

Не забуду, когда, сидя у нас дома на диване, Анна Андреевна величественно слушала граммофонную запись своего голоса

(первую, или одну из первых). <…> Голос был низкий, густой и торжественный, как будто эти стихи произносил Данте, на которого Ахматова, как известно, была похожа своим профилем и с поэзией которого была связана глубокой внутренней связью. <…> Ахматова сидела прямо, неподвижно, как изваяние и слушала гул своих стихов с выражением спокойным и царственно снисходительным.

Д. МАКСИМОВ. Об Анне Ахматовой, какой помню. Стр. 108–110

Ахматова — как это ни изощренно (но простушкой она и не была, а изощрялась во многом) — рядилась в голую королеву. Мол, «смиренная, одетая убого, но видом величавая жена». Такое было амплуа. Двойное — потому что величие тоже приходилось играть. Величавый вид — пожалуй, нет: королевствование, попросту говоря, высокомерие — ей было дано от природы, как рождаются люди «совами» или «жаворонками». А из всего остального она шила прозрачное, «убогое» платье, чтобы нам ничего не оставалось в ней видеть, кроме как королеву. Королевой она не была, и королевой быть значительно труднее.

В кресле сидела полная, грузная старуха, красивая, величественная. <…> Передо мной была Ахматова, только, пожалуй, более разговорчивая, чем прежде, как будто более уверенная в себе и в своих суждениях, моментами даже с оттенком какой-то властности в словах и жестах. Я вспомнил то, что слышал от одного из приезжавших в Париж советских писателей: «Где бы Ахматова ни была, она всюду — королева».

Георгий АДАМОВИЧ. Мои встречи с Анной Ахматовой. Стр. 72

Просто в ней была царственность. Скромная царственность. <…> Сама Ахматова знала силу своей личности, всего того, что она говорит и пишет.

Д. С. ЛИХАЧЕВ. Вступительное слово. Стр. 3

Дмитрий Сергеевич говорит, как по писаному — писаному ею.

ЗАГРАНИЦА

Не я первая заметила, что для Анны Ахматовой одна из самых важных на свете вещей — это слава. Ее современники говорили об этом наперебой, кто с удивлением, кто с насмешкой упоминая о первостепенности для нее — славы. Слава стала важнейшей частью ее сущности — то есть больше, чем частью личности Анны Андреевны Горенко-Гумилевой-Ахматовой, или частью поэта Анны Ахматовой, или частью просто женщины Анны (малосимпатичного образа затасканной, надорвавшейся любовницы: это не о ее реальной личной жизни — об образе ее лирической героини) — именно частью ее сущности, СМЫСЛА всего того, что пришло в мир в ее воплощении.

И при всем том, что дано ей было немало (красота, определенный талант, сила воли), самая вожделенная часть ее даров — известность («слава») — была слабоватой. Прославилась в среде «фельдшериц и гувернанток», стихи были жеманные, потом природный ум дал себя знать, и с возрастом в стихах стали появляться рифмованные непростые мысли — но таинства поэзии не прибывало, и поэт Анна Ахматова оставался все тем же — крепким поэтом второго ряда.

Личность же набирала силу. С Божьей помощью — ведь это Он продлил ее дни, правда? Ее жидкая эстрадная слава входила в диссонанс с тем значением, которое она предполагала — и могла бы — иметь. Она страшно боялась умереть, она не была теоретиком, но своим умом дошла, что довелось дожить до эры масс-медиа и паблисити дает шанс на бессмертие. До сих пор были известны (или чувствуется, что она знала только их) лишь два способа сохранить память о себе через поколения (никто не помнит просто прапрабабку): иметь титул (об этом вожделел не истерически боявшийся умереть, но жаждущий безмерности или хотя бы эластичности времени Марсель Пруст) или прославиться своим творчеством. Творца — по определению — Бог ставил рядом с собой в протяжении времен («В долготу дней», как писала бесконечные дарственные бедная Анна Андреевна). В общем, надо было становиться или оставаться знаменитой любой ценой.

Как всегда, в России явился собственный путь. В России появилась «заграница» — в том непереводимом, трудно дающемся толкованию, но, по счастью, не нуждающемся ни в

каких объяснениях значении для соотечественников. Все мы знаем, что такое «заграница» для СССР в шестидесятых годах.

И игра со славой стала совсем провинциальной: «перед занавесом» или «за занавесом» (железным, естественно) — вот в чем был вопрос. Весь мир — как ВЕСЬ мир — не воспринимался, был неинтересен. Сюжет был таков: главное, чтобы ЗДЕСЬ думали, что она известна («знаменита») ТАМ.

Интересы самой Анны Андреевны отнюдь не выходили за границы ее собственной, как ей казалось, метрополии. Жизнь, по-провинциальному, кипела только на том пятачке, где проживала сама протагонистка. Никакие мировые процессы, всемирного значения персоналии ее не занимали. Ну, Данте, положим, занимал — ей довелось родиться в культурной стране, без Данте здесь было никак, а с Данте, к сожалению, — очень легко.

«Заграница» Ахматовой была двух видов: Европа ее молодости (которую она не знала, потому что была мало, мало видела и мало смотрела) — и место обитания русской эмиграции (то есть эмитента слухов, слушков, эха — на большее рассчитывать не приходилось — о ней и ее давнишней молодости). Заграница громких имен, новых направлений и течений оставалась чужой и, в общем, малоинтересной (как для любой провинциалки). Политике, всегда привлекавшей ее внимание, она находила объяснение в конкретных людях, их отношениях, привычках и манерах — несравненно более убедительное, чем в борьбе за свободу и за сырье. Например, ее убедительное объяснение причины возникновения холодной войны. (Как мы помним, по ее версии, — из-за того, что «наша монахыня теперь иностранцев принимает» — говаривал, мол, «усач»).

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр 154

Для остальных советских граждан, которые не могли похвастаться, что пятьдесят лет назад им челку стриг парижский парикмахер, понятие «заграницы» было еще более жестким, грубым — но совершенно неизбежным. Было изнурительное понятие «импорта». Что же удивляться, что Анна Андреевна в разговоре с молодым мужчиной коверкает язык, говоря «футболь», а «спортсмен» — «почему-то на английский манер». Ведь это те самые годы. Чтобы угодить молодежи, надо было подчеркивать свое короткое знакомство со всем заграничным.

В конце пятидесятых — начале шестидесятых она познакомилась (а мальчики были такими хорошими, что сразу стало казаться — ее «окружили») с несколькими ленинградскими очень молодыми людьми (чуть больше, и даже чуть меньше! — чем двадцатилетними — эстафета могла быть пронесена очень далеко во времени). Они были в той или иной степени причастны к литературе и хотели жить.

Ахматовские сироты (так стал называться «волшебный хор» после смерти принципалки. По бюрократической иерархии и разветвленности определений видно, что было что делить). До «сиротства» они были, естественно, «детьми».

Были и совсем недоступные люди из числа «золотой молодежи» — детей ответственных работников, известных деятелей искусства и крупных ученых. У них были огромные возможности доставать одежду и пластинки, проводить время в ресторанах и «на хатах», пользоваться автомобилями родителей, получать недоступную для остальных информацию о западной культуре.

Алексей КОЗЛОВ. Козел на саксе. Стр. 80

«Волшебный хор».

По нелепой случайности один из них был Иосифом Бродским.

Бродский, родившийся в сороковом году и в восемьдесят седьмом, американским гражданином, получивший Нобелевскую премию по литературе, мог бы благовествовать о ней еще много лет. Она, как умирающая колдунья, передала свою силу ему.

Я готова была бы слушать его славословия Ахматовой, как декларированные софизмы: известно, что это не так, но ход доказательств и их утонченность — важнее смысла.

К сожалению, самого сильного и бесстрашного воина уже нет, и в чистом поле пришло время прокричать, что той прекрасной дамы, честь которой он защищал, — нет. Вернее, она была не так прекрасна.

А Иосиф в шестидесятые был юн, прекрасен, любил первоклассных дам и фотографировался в ссылке на фоне пачки из-под сигарет «Честерфилд». Пути открыты только Господу, но о чем-то из будущего догадывались и он, и Анна Андреевна Ахматова. Ей надо было что-то делать. Ее «слава» должна была стать «мировой».

Когда-то давно «заграница» не имела сакрального смысла и была простой арифметической составляющей успеха. Правда, такой, какой тоже нельзя было пренебрегать. Даже наоборот неплохо бы и подчеркнуть.

«О вас много писали в Англии? Раньше — в прежние годы?» — Писали… Много… В 16-м году летом».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. кн. 1. Стр. 79

Жалко, что она не назвала точную дату — день и час, когда о ней много писали в Англии. И она становилась там известной, как Лурье во Франции.

В понедельник, в три часа…
Анна Ахматова

1925 ГОД.

«Сейчас был у Пуниных. Там живет старушка. Она лежала на диване веселая, но простуженная. Встретила меня сплетнями: Г. Иванов пишет в парижских газетах «страшные пашквили» про нее и про меня».

Письмо О. Э. Мандельштама — Н. Я. Мандельштам.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр 92

4.06.1927.

Сегодня получила от Пунина письмо. <…> В письме фотография: Пунин на берегу моря, около Токио… В письме еще — японское открытое письмо, на котором приветы (на русском языке) от двух японских писателей и художника Ябе. Так: первый писатель: «Вам привет» (sic)…

Художник: «Сердечный привет. Т. Ябе».

Второй писатель: «Поэтессе советской России» (и т. д. — привет).

АА хочет пойти к профессору Конраду и составить по-японски ответ всем им…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Т. 2. Стр. 125

Она очень любезна и внимательна к людям. Но не ко всем.

С отечественными корреспондентами она была чрезвычайно высокомерна.

Русистика — периферия западной культуры, поэтому все болезни этой культуры сказывались в ней более явно. <…> престижно было попадать в высокие интеллектуальные творческие круги Москвы и Ленинграда, что доставалось им

очень легко. Какого-нибудь заштатного русиста мог в Москве принимать сам Окуджава — о выходе в такие круги в собственной стране он и мечтать не мог.

Наум КОРЖАВИН. Генезис опережающей гениальности

В пятидесятые годы к созданию мировой славы она отнеслась с необычной для себя академичностью. Не упустила случая, когда заезжей американской студентке оказалось возможным навязать писание о себе — не курсовой работы, на что та по максимуму рассчитывала, а монографии. Со всеми препарированными биографическими материалами, «тайнами» и пр.

Я работала нянькой в английской семье, прикомандированной к посольству. Я нашла эту работу после завершения курса русского языка и литературы в школе славянских и восточноевропейских исследований в Лондонском университете <…>.

У меня была очень неопределенная идея изучения поэзии Ахматовой: к тому времени я прочла какие-то се стихи. <…> Я была мало что понимающим исследователем, когда на меня свалилась потрясающая удача. Однажды я шла с английской подругой, учившейся в МГУ, и мы остановились поговорить с ее приятельницей армянкой. <…> Девушка спросила меня, чем я занимаюсь, и я сказала, что надеюсь что-то написать об Анне Ахматовой. К моему изумлению, она произнесла: «А вы хотите встретиться с ней? В данный момент она остановилась у моей тетки». <…> Когда меня взяли увидеться с Ахматовой, та встретила меня как человека, который может быть ей полезен.

Аманда ХЕЙТ. Человек, а не легенда. Стр. 670

Конечно, ее встретили не так, как приятельницу Натальи Ильиной (это одна из многочисленных историй о том, как Анна Андреевна замораживала мгновенным высокомерным и гневным холодом нечиновного, незнаменитого человека). Иностранец в России — больше чем человек.

Никакой серьезный и самостоятельный исследователь никогда бы не взялся за такую работу: записывать надиктовки.

Аманда Хейт.

Золотокосая, молодая, с приветливой широкой улыбкой. Совеем молодая. Смущенно поздоровалась. Дальнейшая наша совместная беседа обернулась столь неожиданной стороной, что смутилась не одна Аманда. «Я посплю, — объявила Анна Андреевна, — а вы обе сядьте возле столика. Аманда! Сейчас

Лидия Корнеевна расскажет вам, что такое тридцать седьмой…» Мы сели. Анна Андреевна повернулась на бок, спиной к нам. Рассказать про тридцать седьмой! Анна Андреевна спала. Дышала ровно. Я мельком позавидовала ей: значит, она умеет спать днем! Да еще при других! Мне бы так! Тогда и никакая бессонница не страшна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 219 **Да, не все обладают такой толстокожей расчетливостью, как Анна Андреевна, чтобы вот наскоро, конспективно, рассказывать заезжим иностранцам о самых больных темах. Стыдно читать конспект Берлина о литературной личной судьбе Ахматовой, записанный с ее слов. Монолог на 4 часа с ремарками. «И тут они убили Мандельштама. — Рыдает». Лидия Корнеевна дама совестливая, чувствительная. Хоть и поручено ей рассказывать краснощекой незначительной студентке, как двадцать лет назад замучили и расстреляли до сих пор еще любимого мужа (хорошо бы и разрыдаться — время повествования сокращает, а Аманда Хейт ну уж там потом своими словами эмоции эти выразит повествовательно, но постеснялась Ахматова рыднуть посоветовать) — ее рассказ был более целомудрен.**

Цинизм какой-то старушечий, неопрятный: деточка, вы расскажите все, а я посплю.

Для творения своей биографии она готова продавать все: тридцать седьмой год, свою личную жизнь, не говоря уж о сыне, который, к несчастью, очень четко представлял, в каком качестве он становится наиболее привлекателен как лот. («Тебе было бы лучше, если бы я умер. Для твоей славы»).

В шестьдесят пятом, за границей, она торопится, уже не обращая внимания ни на какие условности. Вдруг кто-то клюнет: «Серебряный век», фарфоровая женщина, любовь втроем. Главное — чтобы записали. О тридцать седьмом годе пусть рассказывает Лидия Чуковская, об уже умершей в нищете в Париже Олечке Судейкиной — краеугольный камень треугольника, Артур Лурье.

Госпожа Мойч видела Анну в Париже и даже несколько раз. Эта особа, о которой я никогда не слыхал и понятия не имел, собирается написать диссертацию об Олечке. Вероятно, Анна ей рассказывала об Олечке. Так вот, Анна ее направила ко мне и

просит, чтобы я рассказал ей, т. е. этой француженке, ВСЕ, ЧТО Я ЗНАЮ ОБ ОЛЬГЕ.

Артур Лурье — Саломее Андрониковой.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 121

У Ахматовой были, по всей видимости, всемирные планы, она хотела завалить своей биографией весь мир, она «щедро» вводила в круг мировых тем и людей из СВОЕГО окружения.

Но Шилейко нужна была жена, а не поэтесса, и он сжигал ее рукописи в самоваре.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 71

Графиня с изменившимся лицом бежит к пруду.

Ахматова диктует так, как иностранцам проще понять, возможно, выговаривает «самофарр».

Считаю уместным вспомнить здесь случай, как она отбрила «наглого» — потому что отечественного — ахматоведа, который тоже вознамерился у нее о ней что-то узнать.

«Когда-то в Ленинграде, в Пушкинском доме, я читала свое исследование о «Золотом петушке». <…> Когда я кончила, подошел Волков. Он сказал, что давно изучает мою биографию и мое творчество и хотел бы зайти ко мне, чтобы на месте ознакомиться с материалом. А я ни за что не желала его пускать. «Они, — сказала я, кивнув на пушкинистов, — жизнь свою кладут, чтобы найти материал, а вы хотите все получить сразу».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 106

Она специально готовилась к работе с Амандой, перечитывала статьи и книги, делала многостраничные записи в своих рабочих тетрадях с пометами: «Аманде», «Для Аманды». Аманда Хейт практически под руководством Ахматовой написала диссертацию.

С. КОВАЛЕНКО. Проза Анны Ахматовой. Стр. 394

Это столп построения мировой славы: утверждение своей какой-то славной биографии, якобы легендарной, связанной в первую очередь с Гумилевым.

У Ахматовой было какое-то интуристовское отношение к русской культуре. Чингисхан, конструктивизм, Евтушенко.

Она хотела отметиться во всех этих пунктах.

Гумилева отдельным пунктом не было, но она хочет фальсифицировать русскую историю литературы и приписать

Гумилеву невиданное, первостепенное в ней значение. Она надеется обмануть зарубежных историков: мол, эмигранты по злобе замалчивали, а на самом деле здесь все сокровища и зарыты — якобы это пропущенная, сгоревшая в терроре, неразгаданная страница.

Ее ранило, что ее жизнь, так же, как жизнь Гумилева, была описана неверно и дурно, и она чувствовала, что это делает бессмыслицей их творчество.

Аманда ХЕЙТ. Человек, а не легенда. Стр. 671

Лучше не скажешь. Для этого она пригрела несовершеннолетнюю девушку и надиктовывала ей то, что имела сказать.

…А жизнь Шекспира не только была описана «неверно и дурно» — возможно, это была совсем не его жизнь. Но это не «делает бессмыслицей» его творчество. Это то, что я хочу сказать этой книгой.

28 января 1961 года.

Ее терзают мысли о ее биографии, искажаемой на Западе. Снова — гнев по поводу предисловия к стихам в итальянской антологии.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 457

Ахматова выбросила себя на западный рынок как «биографию» — подработанную для этой цели. Продать Анну Ахматову как поэта на Западе было невозможно. Она да, плохо переводилась, при всей малой целесообразности этого занятия — поэтического перевода как такового: легкость или трудность этого перевода не является тем более положительным или отрицательным качеством. Кого-то легче переводить, кого-то труднее, кто-то теряет в переводе все, кто-то — хоть что-то приобретает. Ахматову на Западе почти не знали, что знали — интереса не вызывало. Казалось вторичным и не слишком оригинальным. На волне оттепели и всколыхнутые «Доктором Живаго», обратили внимание на «Реквием». Обратили внимание не Бог весть как — всей чести было, что пригласили «за границу».

Твардовский поехал в Италию на заседание Руководящего совета Европейского сообщества писателей, вице-президентом которого он являлся.

А. И. КОНДРАТОВИЧ. Твардовский и Ахматова. Стр. 678

Это сообщество решило наградить Анну Ахматову премией — «короновать», как хором пели потом ее почитатели (никто не хотел видеть: чтобы поставить ее перед выбором — заступаться за Иосифа Бродского, ожидавшего суда, или поехать за границу).

Мероприятие было абсолютно совкового пошиба: так провинциальные жены ответственных работников едут по турпутевке в Чехословакию. Сбиваются по номерам, заграницу, кроме покупок и подарков, обсуждать неинтересно: ничего не видели, ничего не поняли, говорят только об оставленных губернских делах.

После первых поздравлений и тостов итальянцы скоро ушли. У оставшихся разговор постепенно оживлялся. Обратились к стихам, переводам, изданиям.

И. Н. ПУНИНА. Анна Ахматова на Сицилии. Стр. 669

Окружающим она внушает, что, живи на Западе, была бы миллионершей.

«Поэма».

Тираж нарочито маленький — всего 25 тысяч.

Такие тиражи ей обеспечил нарочно созданный советским строем литературный голод. На Западе у нее было бы 800 экземпляров. Или 300.

«Это для того, — пояснила она, — чтобы за границей думали, будто я ничтожество, будто читатели вовсе не хотят читать Ахматову».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 269

Все о заграницах да о заграницах.

На родине у нее была слава «пророчицы» — мелковатая слава, как на возросшие аппетиты Ахматовой. В мировую славу с кондачка было не въехать. Там уже вовсю «процветали» прецизионные технологии вхождения в заветный круг.

Волков: Ну, Ахматова с этими «вынырнувшими» своими стихотворениями и более сложные игры затевала. Она в свои тетради в пятидесятые и шестидесятые годы списывала стихи, под которыми ставила даты «1909» и «1910». И так их и печатала как свои ранние стихи. Кстати, в XX веке, когда в искусстве стал важным приоритет в области художественных приемов, такие номера многие откалывали. Малевич, например, приехавший в Берлин в конце двадцатых годов, написал там целый цикл картин, датированных предреволюционными годами…

Бродский: Это вполне может быть! Прежде всего за этим может стоять нормальное кокетство.

Бродский проявляет невиданную инфантильность, присущую ему только в разговоре об Ахматовой.

Это «кокетство» — на самом деле неуважение к себе. К своему творчеству, к своей личной истории.

Правда, он тут же дает расшифровку этого «кокетства» — за ним стоят вещи гораздо более практические.

Затем — соперничество с кем-нибудь. И когда Ахматова делала подобное, то она, я думаю, даже имела право на это. Потому что она, может быть, говорила себе: да ведь я про это раньше думала, чем икс или игрек, я раньше это нашла.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Иосифом Бродским. Стр. 266–267

Совершенно верно. И она не зря возмущается, узнав, что приоритеты считают по-другому:

Вся я из Кузмина.

Так говорят на Западе недоумки, а она — имеет право поставить все с ног на голову. Кузмина — обозвать гнусным педерастом (она не знала, что на Западе давно в моде политкорректность и гомофобию «уже никто не носит»), громко прокричать:

Я научила женщин говорить…

Ну, в общем, если за состоятельные аргументы признавать кокетство и «я раньше об этом думала», а фальсификацию датировки признать нормальным творческим приемом — то тогда Бродский, продвигающий на Западе Ахматову, может считаться добросовестным промоутером.

В маркетинге она проявляла юношескую гибкость. Назвав свое программное стихотворение «Нас четверо», подмазав свое имя к Пастернаку, Мандельштаму и — Марине Цветаевой. Той самой, которая «замечательно, что как-то полупонимала, что Ахматовой принадлежит первое место в тайной вакансии на женское место в русской литературе». Закон таков, что двум брэндам — не взаимоисключающим, а взаимопродвигающим, подстегивающим, провоцирующим потребителя — всегда есть место. Это как «Порше» и «Феррари». Полупонимает ли каждый из них, что он в компании равных? Но я против того, чтобы «Нас трое!» кричал концепт-кар тольяттинского автогиганта.

Сэр Исайя Берлин — Исайя Менделевич Берлин — эмигрант, сделавший научную карьеру в Англии, культуролог, посетивший однажды Анну Ахматову в Ленинграде и проведший с ней продолжительную беседу, имел огромное значение в последние два десятилетия жизни Ахматовой, практически оказал влияние на более чем четверть ее жизни. Но не в том смысле, какой она беспардонно придумала, у него никогда не было с ней никакой мужской истории: он был младше ее ровно на двадцать лет, встретился случайно один раз (еще один раз зашел с коротким визитом попрощаться, через месяц), не интересовался ею в последующие годы, радушно принимал, когда она приехала в Оксфорд. К его, возможно, чести надо сказать, что — не оборвал этих формальных отношений резко и публично, когда стало известно, что она посвящает ему любовные стихи, сожалеет с горечью (обстоятельства!), что он «не станет ей милым мужем», считает себя в связи с «отношениями» с ним виновницей холодной войны между Россией и Западом. И прочий бред. Такого поклонника, мужа, публично заявленного любовника — она считала очень подходящим себе но статусу.

У нас эта версия охотно поддерживается — даже людьми, которые прекрасно знают всю фактическую сторону дела, но считают, что Анна Ахматова имеет какие-то тайные моральные права творить такие вот мифы. Одним из самых значительных — и соответственно виновных — апологетов этой «мистификации», а на самом деле неостроумной и бестактной выдумки — снова был Иосиф Бродский.

Отношение Бродского к «роману» Ахматовой и Берлина похоже на Козлова и его знакомца с гриновской (без материальной базы для снобизма им приходилось быть снобами-романтиками в духе Александра Грина) кликухой «Гайс»:

Совершенно загадочный человек, называвший себя не иначе как «Гайс», и утверждавший, что он знаком с дочерью английского посла. В это трудно было поверить, но мы подыгрывали ему — нам просто хотелось верить, чтобы гордиться знакомством с ним.

Алексей КОЗЛОВ. Козел на саксе. Стр. 80

Иосиф Бродский, вероятно, был знаком не с одной дочерью различных послов. Сэр Исайя в светском плане не был для него чрезмерно лестным объектом (при полном к нему уважении как к личности самой по себе — без той пошлой утилитарности — иностранец, профессор,

состоятельный человек (все это из Америки видится немного по-другому), — которую навесила на него Анна Ахматова). Но как видим, он был готов идти на любые уловки и — увы! — подлоги, чтобы поддержать бабушкину репутацию роковой женщины. Все — падали к ее ногам. Исайю Берлина Иосиф Бродский к этим ногам наклонил сам.

В сущности, он стал посланцем цивилизованной Европы, возвестившим Анне Ахматовой о ее неувядающей славе.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 272

Конечно, это о Берлине. Но только вот он до встречи с ней даже не знал, жива ли она.

Понимаете ли, она же не видела иностранца с 1916 года. И вот появляется у нее первый человек с Запада, и так сказать, нечаянно… Я ведь не знал, что ее встречу. Я ведь не читал ни одной строки ее поэзии. Я не знал, что она жива… И вдруг этот критик, Орлов, мне сказал: «Ахматова. Она живет за углом. Хотите к ней зайти?» — «Конечно!» Он сказал: «Да ради Бога».

Исайя БЕРЛИН. Беседа с Дианой Абаевой-Майерс. Стр. 91

Не только практически иностранец Берлин (хотя, как эмигрант, он, конечно, был гораздо более информированным в вопросах русской литературы, его специальности — правда, только значимой, интересной для него литературы — и литераторах) не знал ничего об Анне Ахматовой (это значит: НЕ ИНТЕРЕСОВАЛСЯ), не знали ничего — НЕ ИНТЕРЕСОВАЛИСЬ — русские.

Ахматова для меня звучала как поэт минувший, предреволюционный, и только потом я узнал, что она жива и пишет. «Александр Трифонович! Позвоните Ахматовой!» — «Неожиданная мысль… Здравствуйте, Анна Андреевна, с вами говорит Твардовский…» Царственно ответила.

А. И. КОНДРАТОВИЧ. Твардовский и Ахматова. Стр. 674

Вне литературных интересов была Анна Ахматова и для Иосифа Бродского.

Лурье, однако, пишет, что Берлин был свидетелем откуда-то взявшейся неувядаемой мировой славы.

Это и почти текстуальное повторение стихов Ахматовой о бедном Берлине «А был он мировою славой…» и свидетельством стремлений самого Артура Лурье с помощью большого влияния, которое под конец жизни имела в номенклатурных кругах Анна Андреевна, устроить

постановку его оперы в одном из советских театров. В эмиграции он был совершенно без работы, и вместо всех некрологов получил только строчку соболезнования вдове в местной вечерней газете. За такие слова Ахматова писала о его жизни на Западе: «Кажется, гремит там…», «…Посланцем цивилизованной Европы, возвестившем ей о ее неувядаемой славе» — какой-то шулерский кодекс чести…

Лев Николаевич Гумилев о визите Берлина и последовавшем за ним — по времени, не по причинно-следственному закону постановлении.

Мама стала жертвой своего тщеславия.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 345

За желание рассказать о себе западному литературоведу пришлось заплатить прищучиванием в постановлении, больше рисковать не хотела.

«Роман» Анны Ахматовой с Исайей Берлиным — это репетиция того, что она смогла воплотить с Амандой Хейт. Берлину она впервые попробовала наговорить свою версию своей великой жизни, он должен был потрясться, вернуться домой и положить жизнь на то, чтобы услышанное романтизированным образом записать, доложить Черчиллю, королю и прочим заинтересованным лицам, прославить на весь свет, а затем сделать Анне Ахматовой предложение. Она сначала бы вздохнула: ах, зачем я не умерла маленькой! — а потом скорбно бы приняла…

Берлин честно записал, получился немного комический эффект, как при старой съемке рапидом: рыдают, ломают руки — и все очень быстро, много, мелкими шажками… Писать большую книгу с рекламной целью, на недостоверном материале — тенденциозно подобранном заказчицею и частично фальсифицированном — он, конечно, не мог: не хотел, не пришло бы в голову, не стал бы никогда.

С Берлиным не сложилось, попалась девятнадцатилетняя девушка, нянька-англичанка… ну, пусть не «лучший causeur Европы» — ладно.

Однако Берлина она использовала по полной программе все двадцать лет.

В стихах Исайе Берлину она преподносит то, что котируется на Западе, то, что конвертируемо.

За тебя я заплатила чистоганом,
Ровно десять лет ходила под наганом.

«Постановлением», — восторженно пишет Чуковская. Но ведь под наганом не ходила, правда?

Д. Абаева-Майерс: Как вы думаете, что вы действительно «смутили двадцатый век»?

Берлин: Она на самом деле верила в то, о чем писала в «Госте из будущего». Для нее это не было простой метафорой, игрой воображения. Она буквально в это верила.

Д. Абаева-Майерс: Но ведь бывает, что незначительные на первый взгляд события оборачиваются со временем эпохальными.

Берлин: Безусловно, маленький толчок начинает Бог знает что… Но в данном случае этого не было.

Исайя БЕРЛИН. Беседа с Дианой Абаевой-Майерс. Стр. 87

Так сильно хотелось, чтобы на Западе знали о ней. Силой таланта, как Пастернак, было не пробиться, не прорасти сквозь стену, она решила найти культурного человека, рассказать ему мною и красиво — и занять «подобающее» ей место.

Все-таки было ясно, что мировой славы нет. Срочно было найдено другое объяснение.

«Я пожертвовала для него мировой славой!»

Анна АХМАТОВА

Смысл этого леденящего душу восклицания Анны Андреевны о сыне в том, что, по ее расчетам, Лев Николаевич что-то не доплатил за родство с нею, раз еще такую жертву она для него принесла. Жертва будто бы в том что она для спасения Левы написала хвалебные стихи Сталину. (Она писала их для того, чтобы обезопасить себя.) Но это позднее, натянутое, еле дышащее оправдание — все-таки не может объяснить, как так из-за этих стихов могла рухнуть ее «мировая слава». Ну, какая-то сиюминутная, политическая, журналистская известность — может быть, могла бы быть, в одной-двух статьях. Но мировая слава здесь ни при чем.

Никому и никогда не помогла жертва, тем более — поза жертвы. «Всесожжения не благоволиши» — хочется православным что-то сделать в доказательство своей любви, но с детской назидательностью осаживают сами себя. Я не самодельную проповедь сочиняю, но в жанре этой книги цитирую молитву дальше, чтобы вывести на чистую воду

нашу героиню: «Жертва Богу дух сокрушен».

«Я пожертвовала для него мировой славой», — вопль несокрушенного духа.

«Глубоко религиозной» Ахматовой духовные резоны в вопросе на сто тысяч (или сколько тогда была «нобелевка» — пусть даже в пересчете только на моральные ценности?) — отвратительны, раздражают. «Бог с вами, Лидия Корнеевна, что это вы стали такой христианкой?» Дело нешуточное. Солженицын — вот истинный соблазн. К-нему-пришла-мировая-слава! Он не был знаком с Модильяни, не носил узких юбок, ему не сажали так удачно и трагически в лагерь сына (что сидел сам — это почти что минус — его забывали в писательских кругах, вернее, он был еще там неизвестен, но в том и дело — упускалось время). Короче, мировые славы пришли к нему и к Пастернаку, и какая-то глухая, но довольно грозная волна поднималась вокруг имени Марины Цветаевой. А в ее, ахматовском, активе оставалась только «трагическая судьба» (хорошо, что никто не знает подробностей), «Реквием» — прекрасно, что он был написан! — Постановление, Постановление! — но надо еще что-то… Я пожертвовала для него мировой славой! Вот, пусть будет так. Еще — не упустила эту девчонку-иностранку, Аманду Хейт, надиктовала ей правильную биографию. Берлин — немного смешно, конечно, посвящать любовные цикл за циклом, когда виделись один раз, но, по счастью, люди действительно крайне невнимательны друг к другу. Она скажет это: «Дидона и Эней», а они пусть доказывают обратное, если захотят. Скорее всего, им будет легче принять на веру.

Что еще. Главное — сейчас, потому что время идет вперед — говорят, ее туда не возьмут, в это трудно поверить — это Иосиф Бродский. «Я сама вырастила Иосифа!»

С Бродским она сыграла самую тонкую и сильную свою игру. Она была согласна уже на профессора Гаршина — и вдруг ей дается сияющий, дерзкий, гениальный Иосиф. Он был слишком юн — и для того, чтобы она все испортила еще одним «Ты не станешь мне милым мужем», и для того, чтобы начать искренне почитать «бабушку», как почитал он своих совсем не выдающихся папу и маму.

То, что Бродский упомянул Анну Ахматову в своей нобелевской речи — это все, что есть в ее «мировой славе». Она постаралась, раздула, а он силой своего слова и

авторитета, не снисходя до объяснений, просто как факт своей биографии, подтвердил.

Так Сальвадор Дали ставил свою собственноручную подпись на только что при нем намалеванной фальшивке.

Часть II
СЛАВА

СЛАВА, СЛАВЫ, СЛАВОЙ, О СЛАВЕ…

Запись К. А. Федина:

23 сентября 1949

К обеду Анна Андреевна Ахматова. По-старому «царственное» величие, трезвый взгляд на историчность нашего времени — с высоты некоторого пьедестала. <…> При полном понимании своего положения «отвергнутой» она как бы говорит, что покоряется необходимости быть именно отвергнутой, ибо «достойна» играть столь важную роль «избранницы». Все это с прирожденным тактом самоуважения. <…> Больше чем прежде, полюбила говорить о своей славе. Возраст.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 63

«Отверженность» — это все Постановление, подарок судьбы.

Но физиологический возраст здесь ни при чем. Слава была ее главной темой с юности.

Она вспоминала, как возвращалась из Киева в Петроград в 1914 году перед самой войной через Москву: «Приехала в Москву утром, уезжала вечером, видеть никого не хотелось, с вокзала поехала на извозчике к Иверской, помолилась, потом весь день ходила по улицам, было так хорошо быть никем».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 251

В Киеве накануне войны она писала о своем «жертвенном и славном» пути.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 58

Кто же еще напишет?

Когда Надя представила меня Ахматовой, она лежала, вытянувшись на тахте в своих красных штанах, и сделала особенное лицо: надменное и жеманное. Это меня обидело: ведь я не из тех, о которых, по словам Нади, она говорила недовольно: «Они делают из меня монумент».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Тридцатые годы. Стр. 248

Ахматова навестила Павла Лукницкого в доме его родителей.

В половине восьмого АА вошла. <…> Из кабинета вышел папа. <…> АА твердым и эластичным голосом сказала несколько общих фраз об отвратительной погоде. Я проводил АА

к себе в комнату. <…> Вошла мама с подносом — чай, коньяк, печенье, шоколад. Поставила на стол. Пожали друг другу руки и несколько секунд стояли, обмениваясь обычными в таких случаях фразами. Мама ушла и больше уже никто нас не тревожил в течение всего вечера. <…> Потом я спросил ее о моих родителях. АА, улыбнувшись, заметила, что, вероятно, ее за крокодила приняли — вышли на нее посмотреть.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 239–245

А как некрокодилов встречают, навестивших взрослого сына? Сидят у себя в комнате и не выходят поздороваться?

«Самое трудное — это испытание славой. И Гоголь, и Толстой, и Достоевский — все впадали в грех учительства. Все, кроме Пушкина».

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 12

Учительство — это совсем не грех. Такой грех нигде не записан. Ни Господь такую заповедь Моисею не давал, ни ученые методисты-богословы нам в ежедневное правило не вписали. Учительство угодно Господу. Христос выбрал апостолов, чтобы учили.

Если хочешь учить, чтобы учить, — учи.

Если хочешь учить, чтобы видели, что учишь, то не называй свой грех учительством. Назови гордыней. Тщеславием, глупостью. Сядь под портреты Гоголя, Толстого, Достоевского, спроси себя, твое ли место с ними.

Ахматова втолковывает ересь мальчишке Бабаеву, «подрезает ему крылья». Многие малы перед нею, это правда, тем множественнее ее грех соблазнения сих.

Анна Андреевна — после очередного звонка: «Видите, Лидия Корнеевна, что делается?! Меняю одну свою знаменитость на дне ваши незнаменитое».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 216

Письмо от поклонницы. «Всю жизнь мечтаю вас увидеть… Узнала, что вы сейчас в одном городе со мной… Я не молода, одинока, и ФЕНОМЕНАЛЬНО застенчива. «Путь мой жертвенный и славный здесь окончу я». Читая, я вся измазалась в пошлости. Оказывается, и у нее тоже славный и жертвенный путь. Экая дурища». <…> По-моему, такую (стихотворную) строчку как раз и может написать любая дурища.

«Я дала прочесть то письмо Тане Казанской, — продолжала Анна Андреевна. — Она очень острая дама. Прочитала и

спрашивает: «Значит, это и есть слава?» — «Да, да, это и есть, и только это. И ничего другого».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 124–125

Приятного мало иметь у себя в статусных приятельницах такую великую поэтессу, ВэПэЗээР — великий писатель земли русской. Приходишь к ней поговорить — а она тебе подсовывает ворох полоумных писем, да еще требует, чтобы ты их читала. А потом в обязательном порядке потребует, чтобы ты спросила у нее, что такое слава. И дождалась бы ответа. Еще и сделала вид, что придешь домой и запишешь. Не зря к ней серьезные люди не ходили. Когда появилась ленинградская четверка — они поставили себя так, что могли и не прислуживать. Найману, правда, все же пришлось рисовать сельские деревья с мрачными сучьями.

О Гумилеве.

«Самая лучшая его книга — «Огненный столп». Славы он не дождался. Она была у порога, вот-вот. Но он не успел узнать ее.

Блок знал ее. Целых десять лет знал».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 40

Или почти целых двадцать — всю жизнь.

<…> Она заговорила о славе: «Я сейчас много об этом думаю, и я пришла к твердой мысли, что это мерзость и ужас — всегда. Какая гадость была Ясная Поляна! Каждый и все, все и каждый считали Толстого своим и растаскивали по ниточке. Порядочный человек должен жить вне этого: вне поклонников, автографов, жен мироносиц — в собственной атмосфере».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 96

Все было наоборот. Она ничего об этом не знала. А Толстой как раз и жил вне «всего этого». И если у нее была меньшая слава, это не значит, что она была более порядочным человеком, чем Лев Толстой.

«Ненавижу выступать. Мне до сих пор со вчера тошно. Совершенно ненужное занятие. Трудно представить себе Пушкина или Баратынского выступающими, не правда ли?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 449

Она постоянно думает о Пушкине — не в бытовом даже плане, а в плане поведенческом в контексте их «одинаковой» славы. Снижая его до себя — как раз то, в чем обвинял

Пушкин пошлых изучателей судеб великих людей.

«Когда я вспоминаю, что говорят обо мне, я всегда думаю: «Бедные Шаляпин и Горький! По-видимому, все, что говорят о них — такая же неправда».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматов ой. 1938–1941. Стр. 439

Это просто так, просто она задает свой уровень.

«А. А. рассказала, как в детстве она нашла «царь-гриб». «За мной бежали мальчики и девочки, и тогда я вкусила НАСТОЯЩЕЙ славы».

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей"» Анны Ахматовой. Стр. 294

Так оттеняет свою «настоящую славу» и так подчеркивает свое к ней безразличие!..

В Ташкенте она звала меня часто с ней гулять. Ей нравился Ташкент, а за мной бежали дети и хором кричали: «Муля, не нервируй меня». Это очень надоедало. К тому же я остро ненавидела роль, которая дала мне популярность. Я сказала об этом Анне Андреевне. «“Сжала руки под темной вуалью”» — это тоже мои Мули», — ответила она.

Ф. Г. РАНЕВСКАЯ. Дневник. Стр. 45

Она знала себе цену: «Ехал на ярмарку ухарь-купец» все-таки был популярнее.

Ахматову занимали все проявления славы: в интеллектуальных кругах, в «фельдшерских», на эстраде, в андеграунде. Она воспринимала славу как абсолютную величину, без знаков плюс или минус. Все равно какая, лишь бы слава. Чем больше, тем лучше.

«Чехов невольно шел навстречу вкусам своих читателей — фельдшериц, учительниц, — а им хотелось непременно видеть в художниках бездельников».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 71

А кто были ее читательницы? Неужто кто-то повыше учительниц и фельдшериц? А они как хотели видеть художников? Несомненно — «Все мы бражники здесь, блудницы».

А вот и они — ее читатели.

Она [Ахматова] называет это «моя катастрофа». Рассказала,

что к ней пришел циркач-канатоходец. Силач, полуграмотный, вскоре после своей «катастрофы» и стал просить ее или усыновить его, или выйти за него замуж.

Ф. Г. РАНЕВСКАЯ. Дневник. Стр. 41

Она показывает свою карточку, где она на скамейке вывернулась колесом — голова к ногам, в виде акробатки. «Это в 1915. Когда была уже написана “Белая стая"», — сказала она. Бедная женщина, раздавленная славой.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. Стр. 225

Дореволюционная Россия — и Анна Горенко скорее всего зачитывалась дневниками рано умершей Марии Башкирцевой — тогда была в новинку откровенная и жадная женская жажда славы (почестей и завоевания соответствующих мужчин — таковыми до конца дней остались мотивы Анны Ахматовой). Но будем справедливы к Башкирцевой — когда она пишет цитируемый ниже отрывок, ей всего 12 лет.

Я создана для триумфов и сильных ощущений, — поэтому лучшее, что я могу сделать, — это сделаться певицей. <…> Я могу достигнуть счастья стать знаменитой, известной, обожаемой и этим путем я смогу приобрести того, кого я люблю. <…> Когда он увидит меня, окруженную славою! <…> Слава, популярность, известность повсюду — вот мои грезы, мои мечты.

Выходя на сцену — видеть тысячу людей, которые с замиранием сердца ждут минуты, когда раздастся ваше пение. Сознавать, глядя на людей, что одна нота вашего голоса повергнет всех к вашим ногам. Смотреть на них гордым взглядом (я все могу!) — вот моя мечта, мое желание, моя жизнь, мое счастье… И тогда герцог Гамильтон придет вместе с другими повергнуться к моим ногам.

Мария БАШКИРЦЕВА. Дневник. Стр. 14

Чувство, с которым я прочитала цитату из «Петербургских зим», относящуюся к моим выступлениям в 1921 г., можно сравнить только с последней главой «Процесса» Кафки. Слушатели якобы «по привычке хлопали». По привычке никто не хлопает. Люди до сих пор с волнением вспоминают эти вечера и пишут мне о них.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 85

Ахматова всуе — для поднятия уровня ассоциаций при разговоре о себе — упоминает Кафку. А теперь и мы вложим в уста Кафки (или под его перо, если угодно) ее аргумент в

защиту сведений об истинном уровне ее популярности, выраженную весьма по-зощенковски: «Люди с волнением вспоминают…», «Люди пишут мне о них…».

Здесь Анна Ахматова — этим все сказано. Подумайте, что Вы будете рассказывать Евгению! Видимся почти ежедневно, но описать эту прелесть, этот восторг — разве возможно?!

Письмо В. А. Меркурьевой — К. Л. Архиповой.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 21

Статья В. Ходасевича «Бесславная слава», посвященная популярности А.А. <…> «Люблю Ахматову, а поклонников ее не люблю».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 12

А Ахматовой, наоборот, такие поклонники очень нравятся.

«Доброй, мудрой Вере Меркурьевой от Анны Ахматовой» — и сама отнесла к ней на дачу (надпись на фотографии).

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 22

Вся эта возня со своей славой мне не по вкусу! После стольких лет и всего, что было ею пережито, без этого можно было бы ей обойтись. Было бы гораздо серьезнее! Суета сует и всяческая суета!

Артур Лурье — Саломее Андрониковой

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 118

Разговор с Солженицыным.

Она спросила его: «Понимаете ли вы, что через несколько дней вы будете самым знаменитым человеком в мире, и это, может быть, будет самым тяжелым из всего, что вам пришлось пережить?»

Наталья РОСКИНА. Как будто прощаюсь снова. Стр. 538

Хочется сказать банальность: это смотря как к этому относиться. Самым тяжелым или самым легким… самым важным — ведь она это хочет сказать? Говорит о славе, даже чужой, со сладострастием, как развратник о порнографической карточке.

Анна Ахматова заговорила со мной о Максиме Горьком. Она сказала, что он настолько знаменит, что каждое его замечание и каждая его записка будут запоминаться и будут где-то опубликованы. У меня осталось впечатление, что, говоря о Горьком, Ахматова думала о себе.

Л. ГОРНУНГ. Записки об Анне Ахматовой. Стр. 188

<…> Созерцание своей живой еще славы, сознание своей СИЛЫ и укрепили в Анне Андреевне ее гордыню, <…> это было обоснованное, но все же более, чем хотелось бы, подчеркнутое чувство своей значительности. <…> Разговаривать с нею о литературе и о чем угодно всегда было интересно приятно, но нередко как-то невольно она направляла беседу к темам, касающимся ее лично — ее поэзии или ее жизни.

Д. МАКСИМОВ. Об Анне Ахматовой, какой помню. Стр. 119–120

Комаровская почтальонша принесла телеграмму с просьбой американского профессора такого-то принять его в такое-то время. Ахматова буркнула: «Чего им дома не сидится?» — и в назначенный час погрузилась в кресло у окна.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 161

Она говорит: «Да, Вы знаете, это ужасно. Вот едешь в поезде. Никто не знает, кто ты такая. И прекрасно общаешься с людьми, все к тебе открыты, и сердцем, и веселы все. Как только узнают, кто я такая, сразу наступает немота. Какой-то испуг передо мной, что ли?»

А.Ф. и Г. Л. КОЗЛОВСКИЕ в записи Дувакина. Стр. 215

Она обсуждает тему шекспировского неавторства.

«Анна Андреевна, но какое это имеет значение? Есть пьесы, и слава богу, что они остались для нас» — «Вы думаете? — Пауза. — Вопрос авторства не имеет значения? — Снова пауза. — Ему повезло. Ему удалось скрыться».

И это говорит она — всю жизнь положившая на то, чтобы ее «не скрыли». Строившая себе подпорки в виде бывшего мужа — заметьте, не пройдите мимо!

Рецептер вспоминает пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом», ему кажется это иллюстрацией к ахматовским словам, и он ей верит — что ей, бедной, ну никак не удалось скрыться от славы людской…

Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!..

Владимир РЕЦЕПТЕР. «Это для тебя на всю жизнь…» Стр. 649

А она сделала все наоборот — не став поэтом, она поэтом захотела остаться в душах черни.

Ты напрасно мне под ноги мечешь
И величье, и славу, и власть…

О, знала ль я, когда, томясь успехом…

И вот уже славы
Высокий порог…

Долгую песнь, льстивая,
О славе ноет судьба…

Славы хочешь?
У меня попроси тогда совета…
Земная слава — как дым, не того я просила…

Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой…

Счастья и славы…

Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебниках дети…

Вот бы
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца…

Там мертвой славе отдадут
Меня — твои живые руки…

Кто знает, что такое слава…

…притащится слава
Погремушкой над ухом трещать…

И ты ко мне вернулась знаменитой,
Темно-зеленой веточкой повитой…

Где под ногой, как лист увядший, слава

… и т. д. и т. п.

В «Четках» слишком много у начинающего поэта мыслей о «славе», о своей «музе», о тех прекрасных «песнях», которые она поет. Пусть «слава» — крест, но о кресте своем не говорят так часто.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК. Анна Ахматова. Стр. 340

Сейчас трудно гадать, почему критики поддавались на ее уловки и наивно подтверждали, что она, Анна Ахматова, хотела быть — ЗАБЫТОЙ!

И как безымянный библейский автор, Ахматова хотела «забытой быть».

О. А. КЛИНГ. Своеобразие эпического в лирике Ахматовой. Стр. 69

У Библии не один автор, и большинство из них известны. Если она хотела стать как они — Моисей, апостолы-евангелисты, например, — то надо было заниматься чем-то другим в жизни, а если высокие сравнения все-таки не будем использовать — то забытой Ахматова как раз быть не хотела. Вся долгота ее дней была воспринята ею как шанс рукотворно — обманом, настойчивостью, манипулированием — создать себе памятник.

СОЛЖЕНИЦЫН

Прощенья и любви…

Премудрости этих добродетелей якобы научила Ахматова Иосифа Бродского. Сама же Ахматова не простила в жизни никого. Да и как простить Солженицыну — славу, Пастернаку — Нобелевскую премию и Марине Цветаевой — то, что она из «demodé», плохо одетой, без такта и обращения, судомойки — когда Ахматова и головы-то сама не чесала — становилась несанкционированно МАРИНОЙ ЦВЕТАЕВОЙ.

Познакомилась с Солженицыным.

Я ему сказала: «Знаете ли вы, что через месяц вы будете самым знаменитым человеком на земном шаре?» — «Знаю. Но это будет недолго». — «Выдержите ли вы славу?» — «У меня очень здоровые нервы. Я выдержал сталинские лагеря». — «Пастернак не выдержал славы. Выдержать славу очень трудно, особенно позднюю».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 533

Здесь все. Сначала — конечно, о славе. Она — эксперт по славе. Знаток и подруга Пастернака. Лягнуть Пастернака. А почему это он не выдержал славы? Какой славы он не выдержал? Разве у него была поздняя слава?

Заговорили о Солженицыне. «Можете представить, что с ним сейчас делается? Мгновенная мировая слава. Он дает урок, подходит к доске, пишет мелом, а все ученики уже читали газеты, полные его именем… Трудно себе это вообразить». — «Ну, вам не так уж трудно» — «Я тогда не стояла у доски».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 55

Разница не только в том, что она не стояла у доски. Просто все газеты — не были полны ее именем. Мгновенной мировой славы у нее не было. В десятые годы у нее была эстрадная слава. Не мировая, конечно, местная, попсовая, как сейчас говорят. Если Ахматовой есть чем гордиться в «Вечере», то на каких языках они говорят с Солженицыным?

Анна Андреевна снова и снова о Солженицыне (то есть снова и снова об одном и том же — о славе): «Огромный человек. Надеюсь, он понимает, что его ждет. Было время, я спрашивала,

выдержит ли он славу? Помните, накануне «Ивана Денисовича»? Он ответил: «Я выдержал сталинские лагеря». Теперь я спросила: «Вы понимаете, что скоро вас начнут ругать?» — «Конечно!» — «Выдержите?» — «Я выдержал прокурора. Уж сильнее не обругают». — «Вы ошибаетесь. Это другое, совсем другое. Если выдержали прокурора, нельзя быть уверенным, что выдержите ЭТО».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 27

Она сама НИКОГДА не видела вблизи прокурора и никогда не испытала такой славы, какая была у Солженицына.

«Прочитала «сиделок тридцать седьмого». Он сказал: «Это не вы говорите, это Россия говорит». Я ответила: «В ваших словах соблазн». Он возразил: «Ну что вы! В вашем возрасте…» Он не знает христианского понятия».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 185

Ну ладно Ахматова-то — она уверена, что, кроме нее, никто не знает христианского значения слов «соблазн», «мирская прелесть» и пр. А Найман? Он что, на самом деле думал, как Анна Андреевна, что Солженицын намеревался склонить ее льстивыми речами — к половому акту? И грубо так, мужик-с, говорит ей, что дамочки ее возраста его не интересуют?

«Ему 44 года, шрам через лоб у переносицы. Выглядит на 35. Лицо чистое, ясное».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 185

Понравился, одним словом. Но нет — Солженицын имел в виду, что не хочет обижать ее предположениями, что в ее возрасте — и в его, и в моем, и в вашем — можно думать о жалкой погремушке соблазна славы.

Напрасно он так думал. Ее волнует только слава.

«Я ему сказала: "Вы через некоторое время станете всемирно известным. Это тяжело. Я не один раз просыпалась утром знаменитой и знаю это"».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 185

И Солженицын нашел себе других собеседников…

Часть III
ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО

КОМИССАРЫ

Понятия моральной чистоплотности, политической брезгливости и пр. были совершенно неведомы Анне Андреевне Ахматовой. Вернее, как всё или почти всё на этом свете, ей это было ведомо — как феномен, — но казалось несущественным, ненужным для жизни: для продвижения, для преуспевания, для славы, и, как всегда, в этом она была права. И сейчас никто не назовет это в числе реальных добродетелей — так, антураж эпохи романтизма. Другое дело, что и эпоха была другая — просто на каждом шагу реально убивали, мучили, расстреливали, пытали — можно было видеть этих мученных людей, потрогать их, поговорить. Конечно, говорить с ними избегали — кому же приятно, в лучшем случае общались, не прекращали знакомства, но тема пыток и расстреливания несчастных по темницам — это было табу. Табу и для Ахматовой. Ее родного сына пытали, но эта тема не стала для нее даже впоследствии чем-то большим, чем конъюнктурной фишкой, а муж, Пунин, предавший ее сына, комиссар, — не потерял ничего в ее глазах.

Она тяжело переживала арест Пунина, жалела его. Скоро арестуют и ее сына, в третий раз, — по показаниям Пунина. <… > Дополнительную тяжесть приносила ей явная напряженность в отношениях между сыном и Пуниным, возникшая уже после первого ареста. Очевидно, какие-то основания были, если в решении прокуратуры глухо сказано о показаниях Пунина против Левы.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 351

Она будет до конца жизни подсказывать, чтобы ее называли дважды вдовой. Пунину она хотела быть вдовой.

ЗНАЯ. Знала — если это знал Лева, ушедший из дома Пунина после освобождения в первый раз. Она, величественная и горделивая, осталась.

У Льва Николаевича не было своей квартиры, он жил с матерью у Пунина. Он ушел из дома Пунина непосредственно после первого ареста в 1935 г., когда Пунин тоже был арестован, но оба были выпущены Сталиным. О показаниях Н. Н. Пунина против Л. Гумилева здесь (в письме из прокуратуры от 6 июля 1954 г.) говорится.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 351

Николай Пунин являл собой пример человека, ради фанатичной преданности идее коммунизма не гнушавшегося ничем, в том числе и предательством старых друзей. Чего стоит одна его статья «Попытки реставрации» в газете «Искусство Коммуны», представляющая собой печатный донос на Николая Гумилева, только что вернувшегося в Советскую Россию! Поэт прорвался из-за границы в голодный и холодный Петроград, чтобы помочь своему народу в строительстве новой культуры, а его земляк-царскосел, недавний сотрудник элитарного журнала «Аполлон» Николай Пунин не стыдится публично обозвать стихи Гумилева «гидрой контрреволюции».

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 248

Через пятнадцать лет Пунин «сдаст», оклевещет в ЧК и сына Ахматовой, Леву Гумилева. Она прощала мужчинам физические побои, моральные унижения — и кровь сына — даже не дала никому повода говорить об этом. Где-нибудь в обширном ахматоведении, в подробнейших восторженных воспоминаниях кто-то хоть раз вспомнил об этом? Она — не Приам, поцеловавший руку убийцы сына. Такого персонажа, как она, не было в греческих трагедиях, потому что они были — о трагедиях. А не о грязи.

Вот и второй комиссар, по музыкальной части, комиссар МУЗО.

Артур Лурье, сделавшись комиссаром, не прекратил писать музыку и публиковать свои музыкальные опусы на роскошной веленевой бумаге, благо, и бумага была в его распоряжении.

Программной вещью этого времени стал «Наш марш» на слова Маяковского. В одном из журналов того времени был опубликован приказ Наркомпроса № 109 от 3 октября 1918 года: «<…> Особенно желательно разучить с учащимися хоровое и оркестровое исполнение Интернационала, Дубинушки и Нашего марша (слова Маяковского, музыка Артура Лурье) <…>».

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 249

А вот каков он был в жизни, тогда, когда она себя при нем считала Рахилью. Правда, не любимой, правда, не законной, правда, не избранной (короче, Рахиль — это не она).

5 декабря я пошел к Маяковскому опять — мы пили чай — и говорили о Лурье. «Сволочь, — говорит Маяк. — Тоже… всякое

Лурье лезет в комиссары, от этого Лурья жизни нет! Как-то мы сидели вместе, заговорили о Блоке, о цыганах, он и говорит: едем туда-то, там цыгане, они нам все сыграют, все споют… я ведь комиссар музыкального отдела. А я говорю: «Это все равно, что с околоточным в публичный дом».

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 150

Маяковскому хватало врожденной брезгливости, чтобы не якшаться с вошедшим во власть комиссаром. Хватало ли ее Ахматовой? Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять <…>.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 249

Ахматовой ли брезговать Аграновым и попрекать Лилю Брик? Ее комиссары погаже будут.

Особенно возмущался Пунин, комиссар изобразительных искусств. <…> На столе перед ним лежал портфель. Лицо у него дергалось от нервного тика. Он сказал, что гордится тем, что его забаллотировали в «Дом искусств», ибо это показывает, что буржуазные отбросы ненавидят его… Вдруг Горький встал, очень строгий стал надевать перчатку и, стоя среди комнаты, сказал: «Вот он говорит, что его ненавидят в «Доме искусств». Не знаю. Но я его ненавижу, ненавижу таких людей, как он, и… в их коммунизм не верю». Потом на лестнице говорили мне: «Он раздавил Пунина, как вошь».

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 144–145

При власти был и Вольдемар Шилейко.

1918. Ездила в Москву с Шилейко. У него был мандат, выданный отделом охраны памятников старины и подписанный Н. Троцкой, удостоверяющий, что ему и его жене предоставляется право осматривать различные предметы и накладывать на них печати.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 34

Сама Ахматова лично, хоть и комиссарская жена, не расстреливала несчастных по темницам — не довелось. Осматривала разные вещи у владельцев памятников старины, накладывала печати. А понадобилось решить квартирный вопрос, забрать комнату — упекла с помощью нового любовника-комиссара старого мужа-комиссара в психушку. Никакому Агранову не снилось. Там — по свято сбереженному навету (на самом деле ничего не было, но уж очень складно обвинение звучит) — мол, Лиле Брик не хотелось отпускать Маяковского жениться в Париж, и она

якобы попросила Агранова с визой Маяковского попридержать. Так ведь не в психушку же упечь, не в тюрягу!

1925 год, март.

А. Лурье решил вырвать АА от Шилейко. За Шилейко приехала карета скорой помощи, санитары увезли его в больницу. Я: «А предлог какой-нибудь был?» АА: «Предлог? — у него ишиас была… но его в больнице держали месяц».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 45

«Я знаю ее полную достоинства жизнь…»

Борис ПАСТЕРНАК — в письме Сталину

Порыться в архивах Института имени Сербского — может, и найдутся методички по разработкам «юристки» Анны Андреевны Ахматовой. Сколько лет верой и правдой служили борьбе с инакомыслием, а рождены — гением Анны Ахматовой, нашим всем.

Таков был ее ближний круг. Так что же говорить о писателе № 1 Советской России, красном графе Алексее Толстом, который решил приблизить ее к себе, а ведь он был главным редактором всего на свете, лауреатом, хозяином флигеля ну прямо рядом с особняком Рябушинского-Горького, посылал ей в Ташкенте шофера с продуктовыми корзинами, имел прекрасные костюмы!..

Упреком Ахматовой — мол, не водись, грех — мог быть только один Осип Мандельштам. Да будет вам!..

Ахматова — Берлину об Алексее Толстом (и Мандельштаме).

Он мне нравился, хотя он и был причиной гибели лучшего поэта нашей эпохи, которого я любила и который любил меня.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 500

Парадоксы Ахматовой не парадоксальны, как не смешны анекдоты, рассказанные с конца. «На самом деле он подумал… и поэтому сказал так:…» Она взахлеб перечисляет Исайе Берлину своих высокопоставленных друзей — как бы походя, как бы стоя высоко НАД, как бы предоставляя замереть от чудовищности такого сочетания — убийца ее лучшего друга — светски близкий ей человек, ему она подает руку — для поцелуя, щебечет: «Граф» и пр. — игра в фанты на костях. Мандельштам был слишком крупен для Надежды Яковлевны, его образ затмил плоть, даже жена в сверкающей

ауре не нащупала тощее тельце, играла с ним в бисер, дала играться и Ахматовой…

Поцеловала руку, с провинциальным кокетством протянутую Ахматовой Алексею Толстому. О Ташкенте Ахматова не распространялась перед Берлиным. Пусть знает про «героизм» — и лучше без подробностей.

Биение себя в грудь Сергеем Есениным прошло Ахматовой незамеченным:

Не расстреливал несчастных по темницам.

Как мы знаем, это очень немало, Есенин гордился этим справедливо, Ахматову это не задевало, более того — она была по другую сторону. Пару несчастных можно было бы и расстрелять. А статистика больших чисел в этом деле и вовсе была бы величественна. Ахматова не отказалась бы поиметь в пажах инфернальную фигуру. Толстого она очень любила, хотя он был причиной гибели ее лучшего друга. Рыдает (см. версию И. Берлина). Это не первый и не единственный комиссар, который помогал ей предавать сестер и братьев.

Анна Ахматова — обостренная совесть эпохи. Она очень строго судит — других. Особенно, конечно, женщин.

«Знаменитый салон должен был бы называться иначе… И половина посетителей — следователи. Всемогущий Агранов был Лилиным очередным любовником. Он, по Лилиной просьбе, не пустил Маяковского в Париж, к Яковлевой, и Маяковский застрелился».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 547

Есть небольшая разница: всего лишь ИЗ-ЗА Агранова Маяковский застрелился САМ (если здесь вообще было «из-за», но вот «сам» — несомненно было), а Алексей Толстой ЛИЧНО застрелил Мандельштама. Такова, по крайней мере, версия Ахматовой.

После комиссаров пошла мелочь: шпионы.

Юзеф Чапский.

Бродский: Отношения с Чапским могли быть только осторожными. Ведь он, насколько я знаю, занимался контрразведкой у генерала Андерса.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 247

Сэр Исайя Берлин.

Волков: В своих воспоминаниях Берлин настаивает, что шпионом он никогда не был. Но его рапорты из британского посольства в Москве вполне соответствуют советским представлениям о шпионской деятельности.

Бродский: Советским, но не ахматовским. **Иосиф Александрович, а она что — их читала? чтобы сравнивать со своими представлениями или непредставлениями о шпионской деятельности?** Хотя Ахматова, думаю, догадывалась о служебных обязанностях Берлина.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 247

Не сомневаюсь. Похвальная небрезгливость.

Однако это все-таки ее страна, верно? «Не с теми я, кто бросил землю» и прочее. Она с теми, кто против нее шпионит.

О Цветаевой.

«Уверяю вас, Лидия Корнеевна, Марина про Сергея была отлично осведомлена».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 259

Осведомлена-осведомитель-осведомительница… Все — осведомители.

И тут выходит Анна Андреевна Ахматова в белом фраке.

«ГЕРОИЗМ»

Я понял, что ее жизнь была какая-то уникальная. И на меня невероятное впечатление произвели ее гордость, героизм. Она была человек не добрый, не в этом дело. Очень умна, очень царственна.

Исайя БЕРЛИН. Беседа с Дианой Абаевой-Майерс. Стр. 91

Героизм Ахматовой, действительно один из столпов ее имиджа, сформировался во время войны. Она жила в Ленинграде и с первых же дней войны стала паниковать. Подробности ее двухмесячного «блокадничества» (ДО начала блокады), бегства (спецбегства), привилегий в пути и авторитетного (с отчетливым иерархическим лагерным душком) проживания в эвакуации в Ташкенте — подверглись неумолимому огероичиванию впоследствии. Люди не могли говорить о ней, не присочинив какую-нибудь героическую подробность.

Только потом узналось из устных и письменных рассказов Зои Борисовны Томашевской, в каком положении Анна Андреевна очутилась в осажденном Ленинграде. Пунин с Анной Евгеньевной, дочкой Ирой и внучкой Аней был эвакуирован вместе со всей академией художеств в Самарканд. Ахматова осталась одна в опустевшей квартире на Фонтанке. Томашевские взяли ее к себе.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 302

Даже если у Томашевских была неправильная информация, Ахматова, когда оказалась у них, могла им спокойно все разъяснить, и никто из них не смог бы никогда, ни письменно, ни устно повторять эту клевету на Пуниных. Значит, эта клевета — не незнание, раз уже упоминаются и кто поименно, и куда, т. е. подробности — клевета исходила от самой Героини.

Пунины НИКУДА НЕ сбежали, СПАСАЯ себя, БРОСАЯ на произвол судьбы Ее.

Вот как было на самом деле.

В июле и августе 1941 года А. Ахматова как «неслужащая» привлекалась к общественным работам и дежурствам. Анна Андреевна, я и еще две-три женщины из нашего дома красили противопожарной смесью балки на чердаке Шереметьевского дворца. Обращения управдома к А. А. Ахматовой при вызовах ее на работу и дежурства неизменно сопровождались угрозами и

хамством, которые Анна Андреевна с трудом выносила. Все это вынудило ее в конце концов перебраться в писательский дом (канал Грибоедова), здесь ее поддерживала семья Томашевских.

Воспоминания И. Н. Пуниной.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 57

Ахматова рассказывала:

«Вы думаете, я хотела уезжать? — я не хотела этого, мне ДВА раза предлагали самолет и наконец сказали, что за мной приедет летчик. Все здесь ужасно, ужасно».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 369

Дневник 1941 год. 25 сентября, вечер, 11 часов.

Днем зашел Гаршин и сообщил, что Ан. послезавтра улетает из Ленинграда. (Ан. уже давно выехала отсюда и последнее время жила у Томашевского в писательском доме, где есть бомбоубежище. Она очень боится налетов, вообще всего.)

Николай ПУНИН. Дневники. Письма. Стр. 348

8 сентября.

8-го бомба упала совсем близко — в Мошковом переулке, потом на Дворцовой набережной. <…> Анна Андреевна запросилась жить в убежище.

Воспоминания З. Б. Томашевской.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т 3. Стр. 58

1941 год.

Странно мне, что Аня так боится: я так привык слышать от нее о смерти, об ее желании умереть. А теперь, когда умереть так легко и просто? Ну, пускай летит!

Николай ПУНИН. Дневники. Письма. Стр. 348

24 сентября.

Зашла к Ахматовой, она живет у дворника, убитого артснарядом на ул. Желябова (см. воспоминания З. Б. Томашевской: 17 сентября Анна Андреевна попросила дворника Моисея купить ей пачку «Беломора». Он пошел и не вернулся — но это уж пустяки, мужики-с) в подвале, в темно-темном уголку прихожей, вонючем таком. На досках — матрасишко. На краю, затянутая в платок, с ввалившимися глазами — Анна Ахматова, муза плача, гордость русской поэзии. Она почти голодает, больная, испуганная. И так хорошо сказала: «Я ненавижу Гитлера, я ненавижу Сталина».

Запись О. Ф. Берггольц.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 59

Далее будут приведены воспоминания, где Ахматова с озлоблением негодует, как морально опустились ленинградцы после войны — вернее, после блокады, еще до окончания войны. Наверное, можно опуститься морально, или — чувствовать себя опустившимся морально, или, в отчаянии, — назвать себя опустившемся морально — тому, кто съел свою кошку, кто дал умереть своей собаке, кто недодал кусок хлеба своей матери. Недодал, взял себе и съел. И мучается. Считает себя морально опустившимся — он переступил через все, и этого уже не исправишь. Но не Анне Андреевне Ахматовой, мгновенно действительно опустившейся просто от страха в первые же дни войны, пьянствовавшей и объедавшейся в Ташкенте, об этом судить.

25—26 сентября.

О записи и передаче по Ленинградскому радио выступления А.А.

Понесся над вечерним на минуту стихшим Ленинградом глубокий, трагический и гордый голос «музы плача». Но она писала и выступала в те дни совсем не как муза плача, а как истинная и отважная дочь России и Ленинграда.

Ольга БЕРГГОЛЬЦ. Говорит Ленинград. Стр. 347

Написав предательски формальные стихи, которые она сама с презрением (к читателям, очевидно) называла «патриотическими», она смогла заставить поверить, что она — отважна: просящаяся в убежище, рассказывающая о «неспокойстве в доме», сбегающая от работ, испуганная и опустившаяся — отважна.

Это подписание обращения — единственный геройский поступок Анны Андреевны за время войны.

Вы слышали, верно, о героическим подвиге Раевского, обнявшего двух сыновей и сказавшего: «Погибну с ними, но не поколеблемся!»

Лев ТОЛСТОЙ. Война и мир

Такого же рода и беспримерное мужество Ахматовой.

26 сентября.

Удостоверение о бронировании жилплощади, выданное А.А. в связи с эвакуацией из Ленинграда.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 59

За удостоверением следующего дворника посылала или

сама отважно сходила?

28 сентября.

Решили эвакуировать Ахматову. Она сказала, что ей нужна спутница, иначе она не доберется до места. Она хотела, чтобы ее сопровождала Берггольц. Это была самая влиятельная поэтесса Ленинграда тогда — Ахматова была всегда внимательна к таким вещам. Ольга решительно отказалась эвакуироваться с Ахматовой, и с ней отправилась в путь Никитич.

Воспоминания Е. Л. Шварца об эвакуации по решению горкома партии А.А.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 60

Слухи о ее романе с Блоком Ахматова называла народными чаяниями. Встречается Пушкин с Гоголем на Невском проспекте… Летят в эвакуацию Анна Ахматова и Ольга Берггольц — две героические защитницы Ленинграда… Ольга Берггольц решила остаться со своим народом. Я не считаю, что это единственно правильный путь. Я считаю, что в такой момент составлять эффектные пары, как в мазурке, — вот что не совсем этично.

Нина тогда ничего не знала об Анне Андреевне, кроме того, что она в Ленинграде. «И никуда она оттуда не уедет. Ни за что не уедет», — убежденно говорила она. Однако, слава богу, получилось по-другому.

Маргарита АЛИГЕР. В последний раз. Стр. 351

Как еще можно было говорить об Ахматовой?

Их самолет эскортировали семь самолетов. Она сказала: «Надо было давно уехать».

Н. Г. ЧУЛКОВА. Об Анне Ахматовой. Стр. 39

О бегстве, «геройском», конечно, Ахматовой из Ленинграда — ее стих:

Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от лютой погони спаслась…

Какой образ! И этот «авангардизм» совершенно неожиданного предположения, что кто-то взялся бы любоваться ею, — не для эпатажа, мол «люблю смотреть, как умирают дети», — а просто, чтобы ритмично заполнить строку, когда нечего сказать. Брюхо летучей рыбы — это

образ, ради которого все строится (сомнительного достоинства), а уж «я от лютой погони спасалась» — это привычное, это наше, геройское, ахматовское.

Великая пианистка Мария Юдина была ленинградкой, профессором ленинградской консерватории. За ее религиозность ее лишили преподавательского места, она уехала работать в Москву. Когда началась война и блокада — вернулась — безо всяких брюх летучих рыб, никого — всех вас! — не приглашая любоваться собою.

Она ездила на фронт, как Вы знаете. В Ленинград, когда он находился в окружении, когда там было очень небезопасно. А ее тянуло всюду. Где была опасность и «грозило гибелью», ее туда тянуло. И она туда ездила очень часто. И там играла. <…> Она считала, что человек существует для того, чтобы сгореть, чтобы отдать себя, чтобы пожертвовать собой.

М. М. БАХТИН. Беседы. Стр. 259

Все искали способа уехать из осажденного города — Юдина рванулась туда; это и было христианством в собственном смысле, не больной и изломанной жаждой страдания, но верой в то, что разделенное страдание легче переносится.

Дмитрий БЫКОВ. Борис Пастернак. Стр. 617

О соседской собаке.

Я сказала, что сквозь полуоткрытую в доме Гитовичей дверь видела Литжи. «Правда, красавица? — оживленно спросила Анна Андреевна и прибавила: — У нее восемнадцать медалей, а у меня только три».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 98

Награды Ахматовой:

«За доблестный труд в ВОВ 1941—45 гг.», «За оборону Ленинграда» и юбилейная медаль «В память 250-летия Ленинграда».

Лучше бы колли прибавили девятнадцатую медаль. Я видела ее на фотографии. Прекрасная собака.

В военные годы начинается вторая слава Ахматовой. Наконец-то ее патриотизм оценен.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 47

О второй славе и патриотизме см. главу «Я была с моим народом».

Перевезли Ахматову бесплатно в Москву, а в Москве Литфонд

снабжает ее в дорогу продуктами. Анна Андреевна сказала, что она надеется на хороший прием у татар благодаря своей татарской фамилии.

Н. Г. ЧУЛКОВА. Об Анне Ахматовой. Стр. 39

В Ташкенте.

Она получила медаль — за защиту Ленинграда. Материально она благополучна: получает лауреатское снабжение и квартиру.

Н. Я. Мандельштам. Письмо В. Кузину.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 60

«Правда» напечатала ее стихи «Мужество», посланные туда не ею — сейчас же ей предложили комнату в новом доме со всеми удобствами и ордер на саксаул. Она пока отказалась. Трудно жить одной, а в общежитии у нее свита, а саксаул взяла.

Письмо В. Меркурьевой.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 71

О Ташкенте.

Рассказ Анна Андреевна начинала так: «Я лежала в тифозном бараке».

Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. Стр. 488.

Тиф он и есть тиф, и если бы не ее всегдашнее желание как-то в более отредактированном виде представить все обстоятельства своей жизни, то «тифозным бараком» — больницей ЦК, в которой, по ее настоянию, она лежала — можно было бы пренебречь.

На подоконнике лежала плитка шоколада. Это приходила Анна Андреевна, положила и ушла. Это она — блокадница, это видение из другого мира, это она, знавшая голодные грезы, принесла эту шоколадку и, верно, радовалась, что нас нет дома.

Г. Л. КОЗЛОВСКАЯ. «Мангалочий дворик…» Стр. 385

Это сейчас, по прошествии 60 лет, можно в этом не разбираться и любой даме, выехавшей во время войны из Ленинграда — поверить, что она была блокадницей. Но тогда счет шел на дни. Тогда уехавший из Ленинграда 31 декабря 1941-го и уехавший в двадцатых числах наступившего января 1942-го — это были люди, видевшие совсем разное. Декабрьский видел голод. Январский — смерть, истребление народов, уход их в небытие. Если кто-то хотел бы знать правду об Ахматовой, или смел бы ее знать — видел бы яснее ясного, что она, выехавшая — вылетевшая чуть ли не на персональном самолете («за мной летчика хотели прислать»)

в сентябре, никогда не была блокадницей. Но создание своего имиджа — это ее епархия. Здесь она как рыба в воде, и в глазах ташкентцев она была несравнимой героиней. Ольга Берггольц была пред ней — никто, трусливая тыловичка.

Анна Андреевна Ахматова не знала и «голодных грез». Хоть она и напишет, что знала четыре «клинических голода», перечислив и ташкентский, и скажет в интервью «Таймс» о том, что ей пришлось голодать — заявление, ужаснувшее действительно знавшего всю ее жизнь Корнея Чуковского, — блокадницей она не была и голодных грез не видела.

В эти военные годы она была на вершине своей популярности. Это отразилось на ее манере держать себя.

Е. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА. Встречи с Ахматовой. Стр. 242

В Ташкенте у нее свои проблемы. Пожив сыто в лауреатском доме и беспокоясь, что оставшийся в Ленинграде Гаршин не слишком-то заваливает ее письмами и, возможно, раздумал жениться, Ахматова решает немного развлечься и успокоиться насчет Гаршина, навестив его.

12.06.1942.

NN вдруг объявила мне третьего дня, что она хочет ехать с подарками ленинградским детям в Ленинград и что она уже возбудила об этом ходатайство. Я решилась возражать.

«Вам не следует ехать в Ленинград. Ленинградцы снова должны будут вывозить Вас, и тем самым Вы создадите им лишнюю заботу». — «Поеду. Приду к Алимджану и скажу: в Ленинграде меня любят. Когда здесь в декабре Вы не давали мне дров (помнит) — в Ленинграде на митинге передавали мою речь, записанную на пластинку».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 461

Недавно она жаловалась, что выступать приходится бесплатно, нет, авторские она хочет получать и с пластинок.

Вот история «в тему»: о том, как круглый сирота Георгий Эфрон, Мур, сын Марины Цветаевой, стремился из Ташкента в Москву, но не мог купить билета и у него истекал срок пропуска. Уехать — начать жить — было невозможно.

…пошел к Ахматовой — «сейчас ничего не вижу, что могла бы для вас сделать» (к Ломакину отказалась обратиться, мол, слишком маленькое дело, чтобы обращаться к «главе государства»). В общем, лед и отказ.

Георгий ЭФРОН. Дневник. 1943 год. Стр. 292

Упоминает Мур и Алимджана, у которого Ахматова намеревалась конвертировать народную любовь к себе в дрова и авиабилеты:

Алимджан смог бы, но, конечно, ничего не сделает.

Георгий ЭФРОН. Дневник. 1943 год. Стр. 293

Ахматова не станет хлопотать и перед Алимджаном: действительно, ей самой ехать гораздо важнее. Проговаривается Чуковской (да та и догадалась): рвется в Ленинград отнюдь не из-за несчастных ленинградских детей с несчастными подарками, а к Гаршину.

«Вот, вы меня отговариваете ехать, а если бы Ваш Митя был там, Вы б поехали?» — «Да». «Ну, то-то же».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 461

«Митя», приведенный для ПРИМЕРА, — это расстрелянный муж Лидии Чуковской. Причина такой бестактности — даже не в жестокости, а просто в распущенности: когда-то ей о чувствах бедной Лидии Корнеевны задумываться, да и стоит ли того!

Ну и «Митя» не был женатым любовником с неясными намерениями, а если бы Чуковская и поехала — то не прикрывалась бы ленинградскими детьми, ехала бы на свой страх и риск, правительственных самолетов ей не предоставили бы, и под это дело не оговаривала бы себе дров на будущую зиму с учетом недодачи за протекшую — в пересчете на митинги и пластинки.

«Мусорный старик» (Лен Толстой) во время голода не собирал «подарки детям» (особенно в виде предлога для организации свидания с любовницей за государственный счет), а ОРГАНИЗОВЫВАЛ ПОМОЩЬ. Конечно, в Советском Союзе организовывать помощь нельзя — когда правительство организовало саму блокаду. Но образ барыньки с подарками все-таки слишком малосимпатичен. Тем более что барыня откровенно говорит не «А если бы Ваша дочь Люша?..», а «Если бы Ваш Митя…»: что едет не к бедным малюткам, а к любовнику, который не особенно, видно, «за ней скучает».

А между прочим, «мусорный старик» организовывал помощь голодающим не по своей воле, вернее, не по своей охоте. Помощь была противна его убеждениям. Он отказывал всем, кто призывал его к участию в помощи голодающим. Но теории не устояли перед голодом. Толстой взял деньги у

Софьи Андреевны, дочерей — и уехал «на голод». Он так смог организовать это дело и в таком широком масштабе, что его «методиками» пользовались в России и при других голодах. Ему же приходилось и мучиться самому, и оправдываться перед ожесточенными нападками «правоверных» толстовцев.

> Все, что вы пишете мне, совершенная правда… Я был против… Согласиться — значит стать в противоречие со своим убеждением, что помощь настоящая, всегда и всем действенная состоит в том, чтобы очистить свою жизнь от греха, и что всякая помощь чужими, отнятыми от других трудами, есть обман, фарисейство и поощрение фарисейства; не согласиться — значит отказать в поступке, который может облегчить сейчас страдания нужды. Я по слабости своего характера избираю второй выход, и мне это мучительно.
>
> *Лев ТОЛСТОЙ. Письмо 1891 года*

Анна Ахматова, сытая, пьяная, получающая медали, желающая, чтобы 90 килограммов ее тела доставили — на правительственном! на специальном! самолете, в брюхе летучей рыбы или как там!.. — в Ленинград вместо нескольких мешков муки, чтобы она могла напомнить о себе любовнику, а в случае отказа властей брящает славой и угрожает — эта «великая душа», Анна Ахматова, она могла бы мысленно представить пропасть, которая отделяла ее нравственную позицию от позиции «мусорного старика». Соглашусь, что позиция Толстого на ступеньку выше обыкновенного здравого смысла и обыкновенного сострадания, но само зияние пропасти — неужели было ей не видно?

«Я БЫЛА С МОИМ НАРОДОМ»

Я была с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был.
Анна АХМАТОВА

…Тогда **(когда-то)** еще Ахматова не умела употребить свой дар на то, чтобы воодушевлять и вселять мужество в людей, как по вторую мировую войну.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 66

Во «вторую мировую войну» — несомненно, уже могла. Известно это со слов самой Анны Андреевны — Хейт записывала за ней.

А. А. очень многое диктовала о себе одной англичанке, которая пишет о ней книгу.

Ю. Г. ОКСМАН. Из дневника, которого не веду. Стр. 646

Попытки «воодушевлять и вселять мужество в людей» предпринимались и во время Первой мировой войны.

В 1915 году Ахматова пишет «Молитву», проникнутую готовностью пожертвовать всем во имя военной победы:

Так молюсь за твоей литургией,
После стольких томительных дней.
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Это настроение совсем напоминает настроение Жанны Д'Арк, с той только разницей, что настроение Ахматовой остается настроением, а Орлеанская дева «одела латы боевые», «в железо грудь младую заковала» и «Карла в Реймс ввела принять корону», но, видимо, активность французской крестьянки XV века и русской дворянки XX различна.

Г. ЛЕЛЕВИЧ. Анна Ахматова (беглые заметки). Стр. 475

Это — как эпиграф.

О том, какой она была «героиней», мы только что говорили. Сейчас о том, как она просто была со своим народом — так, как был он. Или не совсем так.

Речь пойдет о том, как Анна Андреевна переждала войну в Ташкенте в эвакуации. Не будем спорить — доля, выпавшая миллионам.

В «Ташкентской тетради» Лидия Чуковская называет Анну Ахматову NN.

Вчера днем я пошла с Ираклием на рынок, мы купили три пустых ящика и лопату угля и поволокли к ней. NN лежала в кровати, кружится голова и болят суставы. При мне встала, вымыла посуду, сама затопила печь. Сказала фразу, очень злую, и, в известной мере, увы! правдивую. «Я ведь в действительности не такая беспомощная. Это больше зловредство с моей стороны».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 350

Давно замечено.

В эвакуации встречаются бытовые трудности.

NN оглушает меня: «Вот, товарищи пришли сказать, что мне отказали в прописке…» У NN кружится голова. Вижу, что она страшно встревожена. «Я же вам еще в поезде говорила, что так будет», «что ж! Поеду в кишлак умирать!..» Я пытаюсь говорить, что все наладится, но получаю грозную и гневную отповедь: «Марину из меня хотят сделать! Болтуны! Им бы только поговорить об интересном! Не на такую напали».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне. Ахматовой. 1938–1941. Стр. 352

Не на такую, это точно. Это я отнесу в разряд ее коммунальных криков, фуй и пр., чтобы видели, в каком контексте она «Марину» упоминает. Марине Цветаевой, впрочем, отказали в должности судомойки в писательской столовой — а не в прописке в лауреатском доме.

Выяснилось: никакого отказа не было.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 353

А как бы хорошо было поехать умирать в кишлак! Она же смерти все хотела!

«Не желаю я больше слышать ничего о прописке. Если Ташкент не хочет связать свою биографию с моей — пусть. **Видно, что она очень уверена в себе.** Пусть меня вышлют. Так еще смешнее». Я замолчала. Мне не нравится это ее желание непременно пострадать. Она ведь сама отлично знает, что власти дали разрешение на прописку в одну минуту, что никто не собирается ее выселять — а вся загвоздка в неряшестве и лени Радзинской.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 359

Читатель! Не пропускай ни слова из трагических речей! Если вы большой поклонник Ахматовой — можно будет найти применение горькому восклицанию: Ташкент не захотел связать свою судьбу с ахматовской!

<…> (несколько строк густо зачеркнуты. — *Е.Ч.)* в то время как все порядочные люди радостно служат ей — моют, топят, стряпают, носят воду, дарят папиросы, спички, дрова…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 373

Начинаются зачеркивания в дневнике Лидии Корнеевны.

А.А. показала мне полученную ею бумажку, которая ужасно оскорбила ее. Это было приглашение выступить в лазарете для раненых, написанное в чудовищно-грубой форме: «В случае В \неявки Союз будет рассматривать это, как тягчайшее нарушение союзной дисциплины».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 374

Потом пришли О. Р. и Лидия Львовна. Они трещали без умолку, и NN много смеялась, даже падая на постель. Ушли мы поздно.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 381

Она позвала к себе. Легла. В комнате холодновато, с обедами что-то разладилось — и она, которая никогда не жалуется, говорит о «зверином быте». «Как я рада, что вы пришли. Я написала патриотические стихи».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 381

Какой цинизм — «патриотические стихи». Дипломатическая сноровка дает сбой — о таких вещах лучше промолчать.

Утром ходила заказывать для нее продукты, ведро, а вечером пошла к ней. Говорили о возможных отъездах в Москву, и NN опять повторила: «А меня забудут в Средней Азии… Фирса забыли…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 383

NN горько жаловалась, что се заставляют выступать два дня подряд, а у нее нет сил; что она имеет право не работать совсем на основании своей инвалидной карточки («Неужели вы этого не знали?»). На мое предложение показать эту карточку в Союзе: «Тогда меня вышлют в Бухару как неработающую»…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 384

Сегодня я зашла днем, принесла творог и яйца, долго ждала ее у Штоков, где мы, ни с того, ни с сего дули перцовку.

NN почему-то была веселая, возбужденная, шутила. Смеялась, упрашивала меня идти вместе с ними всеми на Тамару Ханум. Но я помчалась в детдом **(где записывала рассказы осиротевших детей).**

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938-1941. Стр. 385

Слетов заходил при мне, обещал поговорить в Союзе, чтобы NN не трепали по выступлениям.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 386

Лежит, но уверяет, что ей лучше. Комната, заботами О.Р. и Наи, чисто вымыта.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938—941. Стр. 386

Мне хотелось проводить ее на почту. В прошлый раз, не получив на почте писем, она захворала и слегла на три дня.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 389

Писем она ждала от Гаршина — тот остался в блокадном Ленинграде, потерял жену — в общем, немного отвлекся от интрижки.

NN, увидев меня, кинулась мне на шею и расцеловала. Она казалась очень возбужденной, радостной и приветливой.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 389

Пик второй славы Ахматовой пришелся на время войны: когда ее народ вел войну, ее город переживал самую жестокую масштабную блокаду в истории человечества, ее

сын был в тюрьме и в штрафном батальоне — а она пила. Веселилась, отлынивала от работы, вешалась на шею мужчине, проявляла невиданную чванливость, вела скандальную личную жизнь.

«Я очень, очень на вас сердита и обижена. Вчера у Беньяш Радзинская заявила: «Я хотела принести вина, но Лидия Корнеевна запретила мне, так как NN сегодня нельзя пить». Я в ярость пришла. Как! Я уже двое суток не курю, на это у меня хватает силы воли, а меня изображают перед чужими людьми безвольной тряпкой, от которой необходимо прятать вино! О вас какой-нибудь пошляк скажет глупость, и она тотчас забудется. А на меня столько клеветали в жизни. И будьте спокойны, что эти три дамы накатают мемуары, в которых читатели прочтут «в ташкентский период жизни NN пила мертвую. Друзья вынуждены были прятать от нее вино». **И смутится двадцатый век…** Уверяю Вас. Не иначе… Есенин…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ Записки об Анне. Ахматовой. 1938–1941. Стр. 395

Некая неприятно-преувеличенная забота о своей репутации несомненно наличествует. В защиту же ее могу сказать, что все это вызывается острым чувством чести, которая, в свою очередь, обусловлена чувством ответственности перед своим народом.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 395

От которого ей «хочется отмыться».

«Меня так балуют, будто я рождественский мальчик. Целый день кормят. О.Р. выстирала мне полотенце, Ная вымыла мне голову и сделала салат оливье, Мария Михайловна сварила яйца, шофер Толстого принес дрова, яблоки и варенье».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 373

Только что вернулась из «Ленинградской консерватории» — слушала квинтет Шостаковича. В первом ряду Толстые, Тимоша и пр., а также А.А.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 398

У NN мигрень и тоска по случаю двух предстоящих выступлений. Начала писать военное стихотворение и не дописала.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938-1941. Стр. 401

Пришла женщина из Ленинграда, дура, нарассказала ужасов. Держалась любезно, но почему-то оставила в нас очень тяжелое чувство. Оторвавшись от грустнейших соображений о В. Гаршине, NN занялась причиной этого чувства и предположила, что оно происходит от презрения дамы к «убежавшим» ленинградцам, которыми ни NN, ни… не являются. Я сказала, что презрение несправедливо, но понятно, закономерно и к нему нужно быть готовым. NN посердилась на меня за эту мысль.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 402

Почему-то купили две бутылки вина и выпили их. О.Р. говорила массу женских пошлостей. Потом она ушла. NN выпила вторую пиалу вина и я впервые увидела ее почти пьяной. Она говорила очень много, перескакивая с предмета на предмет, много смеялась, никого не дослушивала.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 404

Сегодня я встретилась с NN у Беньяш. Она была очень оживлена и торопилась на вечер в Союз, в президиум.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 410

Это не перед ранеными выступать.

NN окрылена похвалами Толстого. Она какая-то возбужденная, рассеянная, помолодевшая, взволнованная.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 409

Вокзал; эвакопункт. Страшные лица ленинградцев. Совершенно спокойное лицо NN.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 417

Ахматова ничего не придумала сама — даже этого холодного цинизма. Не она одна играла роль в постыдной пьесе «война все спишет» и «дают — бери». Многие решились не особенно лицемерить. Великая Отечественная война была войной в Отечестве. Линия фронта проходила между людьми.

В чем-то она пошла и дальше всех — родному сыну, например, на фронт не писала — так уж сладка сытость была.

Других сытых, может, и осуждали, а Ахматова должна была быть воплощенным героизмом. Говорить полагалось так: маску надела, глубоко скорбела, мужество и пр.

Холеные цветущие лица и тьма нищих на улицах… Равнодушное отношение к сообщениям Информбюро.

Марта ЦИФРИНОВИЧ. У кукол все как у людей

«Вы писали эти ночи?» — «Нет, что Вы. Теперь, наверное, годы не смогу писать».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 418

А как же «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума»? А стихи вязальщицам: «Какая есть. Желаю вам другую» — кухонное сведение счетов?

Затем явились Беньяш, Слепян, Раневская. Сидели мы как-то скучно, по-обывательски. Раневская рассказывала поха-ха-хабные анекдоты. При всем блеске ее таланта это невыносимо. NN несколько раз звонила к Толстым, которые страшно огорчены и не скрывают — так как премия не ему. NN решила сделать визит сочувствия. «Это правильно», — сказала Беньяш. «Я всегда знаю, что следует делать», — сказала NN, а я вновь огорчилась.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 426

Сегодня NN больна — очень кашляет по ночам. Лежит. Скоро явились: Раневская и Слепян. Сквернословили и похабничали. NN была с ними очень терпелива и любезна. Зато на меня сердилась, когда я мыла посуду: «Не надо, вы ничего не видите. Вот у Дроботовой это выходит легко». Но я все же вымыла, принесла воды, вынесла помои.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 427

А NN очень сердилась. Мысли ее пошли по привычному руслу. «Симулянтку из меня делают. Я говорила, что не хочу врача. Видите? Стоит ходить к Баранову, к крупным врачам **(Баранов — заведующий кафедрой и т. д. — не все имеют возможность ходить к крупным врачам. Некоторым надо просто лечиться).** А эти ведь существуют только для разоблачения симулирующих бюллетенщиков… Теперь она доложит, что я притворяюсь. Это-то только еще мне не хватало».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 429

Чуковская полностью на стороне несчастной страдалицы.

О Слепян сказала: «Это не женщина, а какая-то сточная труба».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 432

Дня два-три тому назад она показала письмо из Армии, от очередного незнакомца, благодарящего судьбу, что он живет на земле одновременно с нею.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 432

Вечером. Поздно, зашла к NN. У нее застала Раневскую, которая лежала на постели NN после большого пьянства. NN, по-видимому, тоже выпила много. Она казалась очень красивой, возбужденной и не понравилась мне. Она говорила не умолкая и как-то не скромно: в похвалу себе:

Приехали какие-то с Памира, стояли перед ней на коленях. Зовут туда. Не вставая.

Видела когда-то в каком-то журнале свой портрет с подписью «гений» и т. д.

И — откровенности — Вовочка был похож на Леву, потому она его так любила **(Вовочка уже умер в блокаду. Лева — в тюрьме. Мать пьяна).**

И Пастернак объяснялся, говорил: Вас я мог бы любить.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 436

Раневская в пьяном виде кричала во дворе писательским стервам: «Вы гордиться должны, что живете в доме, на котором будет набита доска». Не следовало этого кричать в пьяном виде.

Раневская без умолку говорит о своем обожании NN, целует ей руки — и это мне тоже не нравится.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне. Ахматовой. 1938–1941. Стр. 437

И рядом с этим — страстные разговоры о Нае. О том, что она сколотила дамский антиахматовский блок, что она — злое, завистливое существо, воспитанное бесконечно завидующим семейством, что у нее обида за отца выражается в бесконечной ненависти ко всем окружающим.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 440

Ахматова пишет на эту тему великое стихотворение:

Какая есть. Желаю вам другую…

Отповедь соседкам. И если «А, ты думал, я тоже такая» и «Ты выдумал меня, Такой на свете нет» — похожи хотя бы на фабричные любовные песни, для приличного исполнения на самодеятельном концерте, то это — рифмованная стенгазета «Товарки — за здоровый быт».

Правда, как всегда — кощунственно, торгашески, упоминает она Цветаеву:

Как той, другой — страдалице Марине, —
Придется мне напиться пустотой…

Раневская и Рина «представляли» встречу двух эвакуированных дам, а мы с А.А. плакали от смеха и обе валились в подушку.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 445

Вероятно, пародируемые дамы, кроме изъявления радости от своего избавления от блокады (голода, каннибализма, повреждений рассудка и прочего, неведомого привилегированным ташкентцам), считали нужным показывать (это был совершено необходимый социальный код) героизм, самоотверженность и прочие смехотворные черты. К их несчастью, они не имели актерского таланта Фаины Раневской, Рины Зеленой и Анны Андреевны Ахматовой — и от этого их лицемерие и выглядело не величественным, как у вышеперечисленных особ, а смешным.

Сегодня, в Союзе, Радзинский рассказал мне, что вчера вечером за NN присылали машину из ЦК, и там спрашивали о ее здоровье, книге, пайке и пр. <..>.

После того как NN была приглашена в ЦК, Радзинский с легкостью выхлопотал для нее в издательстве 1000 р.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 446

Накануне я рычала на Дроботову за поцелуй в руку и в плечико (она ответила, что в Англии молоденькие девушки всегда целуют руки пожилым дамам). Гм! **Не девушка и не пожилая дама. Да и мы не в Англии.** NN, по-видимому с провокационной целью, заговорила об этом при Раневской.

Раневская страшно заинтересовалась. Она была пьяна. Сказала: «Вы — начетчик».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 447

Дамы ведут разговор о том, что кто-то перепутал Ахматову с другой поэтессой, посчитав ее женой другого человека, некоего Островского. Раневская с наслаждением подхватывает:

«С той минуты ко всем вашим мужьям неизменно присчитывался Островский. Плюс Островский», — сказала Раневская.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 399

Как шикарно. Не устаю повторять, что муж у Ахматовой был один. Остальные не женились. Но Ахматова не поправляет.

Вечер Ахматовой в Доме Академиков.

Тут я снова увидела ее такой, какой не видала давно. Она была вся в белом, великолепная, с прекрасным лицом — с таким лицом, что все остальные вокруг казались рожами, чем-то нечеловечьим. Академики слушали хорошо. Она читала глубоким, лебединым голосом, без напряжения — только иногда трамвай заглушал ее. <…>

«Какое навозное занятие — выступать», — сказала она. <…>

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 448

Мы сошли у сквера, а потом все пошли к ней. Около двенадцати простились и поднялись. Раневская поднялась с нами. Но у ворот она вдруг вспомнила, что оставила у NN какие-то вещи (зонтик) — и вернулась. Я не сомневаюсь, что она пошла ночевать.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 449

«И сколько пошлостей приходится выслушивать бесплатно! Вчера Благая все спрашивала меня: почему вы не прочли хлыстик и перчатку?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 449

Столько пошлостей выслушивать, сколько их было написано. И не бесплатно: а пайки, а комнаты, а машины из

ЦК?

Наконец, пришла NN, надела новый халат, поднесенный Раневской, легла и сказала: «Делайте с книгой что хотите».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 452

Чуковская составляла ей сборник.

Я подала папино письмо в воскресенье утром, а во вторник NN прислали пропуск в распределитель ЦК и талон на обеды в Дом Академиков.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 254

Вчера я переехала в большую хорошую квартиру (2 комнаты). Приезжай погостить.

Анна Ахматова — письмо Ирине Пушной в Самарканд.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 86

На зуб попалась Беньяш. NN с активной помощью Раневской просто возненавидела ее. NN сначала была с ней очень дружна, а теперь при упоминании ее имени каждый раз произносит что-нибудь унижающее: «такая бездельница», «лгунья» и пр. «Беньяш сделала мне страшную гадость, но я связана словом и не могу объяснить, в чем дело». Сделать — едва ли, сказать что-нибудь непочтительное могла.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 446

NN откликнулась очень горячо и строго и произнесла один из своих великолепных грозных монологов: «Зак говорил, что в эмиграции к каждой фамилии, как у испанцев «дон» механически прибавлялось «вор» — до того люди дошли. Вот и у нас скоро будет: воровка Чуковская, воровка Ахматова… Будет, уверяю вас!..»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 439

Похоже на «бездельница Беньяш», «лгунья Беньяш», правда?

Чуковская называет это эмигрантской грязищей. Я — лагерными нравами.

Раневская сама по себе меня не раздражает, но наоборот: ум и талант ее покорительны. Но рядом с NN она меня нервирует. И

мне грустно видеть на ногах NN три пары туфель Раневской, на плечах — платок, на голове — шляпу… Сидишь у нее и знаешь, что Раневская ждет в соседней комнате. От этого мне тяжело приходить туда.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 466

Юноша-танкист у NN. Присланный с письмом. Двадцать три года, серьезный, измученный. Совсем неинтеллигентный, но тонкий. «Как странно, что здесь танцуют. Хорошо бы, если бы этого не было». Сорванный голос. Возвращается на харьковское направление. «Я был в атаке два раза. После первого кажется, что больше уже не пойдешь». Братское чувство. Хочется обнять его и плакать. <…>

Я была утром 25-го: Раневская подавала ей картошку, духота, полутьма. Тяжело это.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 448

Вчера вечером, полумертвая от боли в ногах, я пошла к NN. Сначала ее не застала — потом она пришла, провожаемая Раневской. Мы остались одни. Обе были вялые, хотя NN красива и приветлива.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 469

Вялая, красивая — такой описывают новобрачную на «второй день».

А вот так начинался «конец приличий» с Чуковской:

С трудом выбрала время, пошла вечером к NN, не была два дня. Через пятнадцать минут разговора вошла Раневская: «NN, вы не передумали идти в парк?» — «Нет». Поднялась и ушла, не извинившись. Что это? Нарочно, или просто небрежность? Ведь она такой вежливый человек, может ли она не понимать, что это невежливо? За что? По-видимому, за то, что я очень сильно ее люблю.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 470

Прочла «новые строфы» — ах, какие! Отповедь вязальщицам всех мастей и оттенков.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 471

Вот что ее волнует.

Иногда у Хазиных ее ждала Раневская, и тогда она торопилась. Но чаще сидела долго.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 472

NN третьего дня уехала в санаторий.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 474

По-видимому, заговор мой с Радзинской удался: Радзинская ходила к Пешковой, чтобы NN продлили пребывание.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 476

Посвежевшая, похорошевшая. Спокойная и очень грустная. Я не видела ее очень давно и наново поразилась ей, как чуду. Ее наглядно во вне выраженному величию.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 477

«Меня выписали. Я взяла чемоданчик, спустилась вниз. Тут меня вдруг нагнала сестра и говорит, что я оставлена еще на месяц. Но я как раз не из тех людей, кого можно «выписывать и оставлять, и опять выписывать», — сказала я и уехала».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 478

Если бы она не была симулянткой, она бы осталась продолжить лечение.

Соперничество двух скомпрометировавших ее женщин с определенной репутацией: Беньяш и Раневской. Разговоры только о том, кто компрометирует больше. О Беньяш:

«Сидит со мной на концерте и кладет руку на спинку моего стула».

Как дальнобойщик. То есть Ахматова все это видела.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 478

Они жили в Ташкенте, как на зоне, все в них проявилось — рвачество, похабство, лесбиянство, лизоблюдство и т. д.

Там оказалась Раневская. Раневская деятельно чистила туфли NN. NN казалась мне очень оживленной, веселой, озорной, резкой, подвижной.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 479

Все пили, кроме меня. NN была веселой, озорной, много шутила, пересмеивалась.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 480

Зашла к NN. Ее обрабатывает педикюрша. В комнате неубрано, грязно. В академический дом NN переезжать не хочет. Но надо, чтобы ей оттуда давали питание первого разряда.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 481

Она не хочет переезжать, потому что из лагерного быта и понятий она могла бы переместиться в дом, где, наверное, были табу — начало культуры, по определению Лотмана. А она хотела словно заново создавать новый мир, ей он казался совершено новым, свободным от условностей, по ее мерке. Но оказалось, что это давно изобретено — в блатном мире.

Я попросила прочесть еще раз. Она отказалась. Ф.Г. решила, что не хотят читать при ней, и принялась устраивать сцену. Я ушла.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 482

«Гулянье в пользу танков». Позвонили по телефону из Союза и очень грубо просили, чтобы NN непременно ехала выступать. NN как школьница нырнула в постель: «Я больна». Она просила меня и Лилю остаться чай пить. Но пришла Раневская с букетом роз, и мы удалились.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 483

Я была с Лилей у NN. <…> NN расспрашивала ее, но суховато. (Лиля — жена математика Г. И. Егудина. Егудины пережили зиму в блокадном Ленинграде, потеряли родителей и дочку. Эвакуировались на Кавказ. После прорыва немцев [бежали] и оказались в Ташкенте.)

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 482–483

Ну и что, что суховато. Пусть скажут спасибо, что не выгнала.

Ташкент Ахматовой поднадоел, и она стала рваться в Ленинград становиться профессоршей Гаршиной.

«Вы понимаете, конечно, что сама Москва мне ни для какого употребления, и я еду туда, чтобы постараться проехать в Ленинград».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 484

Вечером, закутавшись, я пошла к NN. У нее застала Раневскую — выпивают и закусывают. NN оживленная, веселая. Ясная, без обычной ее подспудной печали — просто веселая. Раневская, против обыкновения, приветлива со мной и любезна. И не очень истерична, потому что еще не очень пьяна. Сыплет блистательными рассказами.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 485

Об ужине у Эйзенштейна с икрой и пр. Черная от голода уборщица. «Я уже давно думаю, что пора переходить в стан уборщиц. Выбираю момент, чтобы переметнуться», — сказала NN.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 486

Возможно ли большее барство? Цинизм?

Раневская сообщила, что не получающие пайков и денег алмаатинцы мечтают поджечь лауреатник с четырех углов. Ходят бледные, усталые. «Но сил, чтобы поджечь, надеюсь, у них хватит?» — спросила NN. <…>

Я ушла в двенадцать. NN и Раневская вместе стояли на лестнице, пока я спускалась.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 486–487

NN заходит иногда — по дороге на обед (партактив) или с обеда. Ходит она теперь легко.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 487

Вчера днем она вдруг пришла — прекрасная, сосредоточенная, ясная, благостная. В кольцах и ожерелье.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 488

Обещала придти вечером прочесть поэму Лиле и Геше — мы

накупили винограду и пр. Читала хуже обычного, торопясь и гриппозно. Прочла ленинградский цикл (без детей: вспомнила, милая, что слушатели потеряли ребенка) и с новыми вводными строками ко всему вместе: кровавые громады, которые мне не очень понравились.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 488

Раневская кормила ее яйцами, вела себя как хозяйка.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр.491

С большим удовольствием рассказала о том, как патруль задержал Раневскую, но узнал и отпустил. Она всегда с гордостью говорит о ее гении и славе.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 492

Кругом хаос, грязь. NN — злая, раздражительная.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 493

«Такие стихи можно писать только по приказу. Ни один ленинградец так чувствовать не мог и не может».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 494

Это Ахматова о других.

«Зачем вы вчера привели ко мне этого болвана? — криком встретила меня NN. — Невежа, не понимает ничего, кроме одного слова: больница. Зачем надо было его ко мне тащить?.. У меня от него t поднялась» — «Я его привела, чтобы добыть лекарства, которые имеются только в его аптеке, — сказала я. — И он хороший врач». — «Вовсе не только в его аптеке! Все таскают ко мне лекарства!» Я грубости вообще не выношу. А от любимых людей — тем паче. И несправедливости. Поливанов — опытный, хороший врач, смотрел ее очень внимательно, на больнице вообще не настаивал… Я понимаю, что она страшно больна, и все же не могла подавить в себе возмущения. Она, мужественная — **очень мужественная, и в чем же только ее мужество?** — негнущаяся — а как дает себя согнуть болезни, как БОИТСЯ смерти (как БОЯЛАСЬ дороги).

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 497

Сегодня зашла ко мне Н. Я. Она настроена очень мрачно, говорит, что NN может умереть. Продолжает раздражаться из-за всего, из-за каждого пустяка. На всех кричит. Боится смерти, все время думает о ней.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 498

Я сегодня не была, так как ногам моим с каждым днем все хуже. Да и не тянет меня. «Лакеем я не буду и у царя небесного». И бесполезны мои визиты, так как хозяйничаю там не я, а лишние люди только мешают.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 498

Утром я пошла к Над. Ал. Пешковой. Разнюхать, не может ли она добиться для NN привилегированной больницы. (Военной? Или какого-то правительственного корпуса?). Застала Надежду Алексеевну, которая была весьма приветлива и обещала поговорить.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 498

Я отправилась к NN. Обрадовалась, услышав из-за двери смех (Ф.Г. показывала, как NN рассматривает свой температурный листок).

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 498

Меня вызвал к себе — через Раневскую — Радзинский и сказал, что надо пойти к Толстому, устроить деньги. Я пошла. Толстые обедали. Я оторвала от обеда Людмилу Ильиничну. Она выслушала и пошла выяснять.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 497

Монолог был самый гневный и увы! очень грубый. «Кто смеет бегать и клянчить от моего имени? Да не желаю я этих денег, они мне не нужны. Как она смела пойти без моего разрешения? Делают из меня такую же свинью, как сами! Неужели я прожила такую страшную жизнь, чтобы потом ТАК кончать?»

Ничего преступного увидеть не могу. Ведь это не пособие, ведь издательство должно NN гонорар, а Толстой — шеф издательства. Раневская (инициатор похода) молчала.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 498

За NN на легковой машине приехал директор клиники с сестрой; повезли в Ташми, но в особую какую-то палату. Всю дорогу сердилась.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 499

Пошли вместе. Раневская, как всегда, поражает пьяным возбуждением и какой-то грубостью и тонкостью вместе. Никого не пускают. Мы ходили к кому-то высшему, Раневская щеголяла заслуженностью.

Квадратная голубая палата, сверкающее окно. Расспрашивала Раневскую о комнате, о вещах, целы ли книги, кому что отдали. Обо всех мелочах. При нас принесли ей обед из Правительственной поликлиники.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 500

Меня ждала Надежда Яковлевна (Мандельштам), очень расстроенная. Сообщила нечто, чего я не хотела бы слышать: «NN объявила мне, что так как она помещена в Правительственной палате, то она не считает возможным, чтобы я ее посещала. Не думаете ли вы, что такая осторожность излишня? Я думаю, Осип на такое способен не был».

О, бедная моя. Ведь я не сумею «забыть и простить».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 499

NN диктовала Раневской телеграмму Пуниным: «Лежу больнице больна брюшным тифом желаю всем долгой счастливой жизни».

В Ленинград она сообщила также Лидии Гинзбург: «Больна брюшным тифом подготовьте Гаршина». Какая мелодраматичность. Готовят тогда, когда нужно сообщить о чем-то все-таки худшем, чем просто (у нее была — «просто» нетяжелая форма тифа) болезнь.

Когда Чуковская стала отговаривать, жалея адресатов, Ахматова, откричавшись, сердито засмеялась: «Господь с вами, Лидия Корнеевна, что это вдруг стали такой христианкой!»

Очень безжалостно все-таки. Ведь в Ленинград.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941.

Стр. 501

Послала Гаршину еще телеграмму, где упоминается «строгая диета»: «Это если в предыдущей телеграмме не пропустили слова «тиф», так чтобы он догадался».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 506

«У меня было осложнение, так как меня два дня кормили бараньим супом. К счастью, Ф.Г. это обнаружила. Теперь она принесет мне куриный: сама покупает куру, сама ее варит… Она меня спасла».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 507

Надеюсь, об этих ужасах она телеграммой в блокадный Ленинград Гаршину не сообщала.

Уход за ней отличный, директор правительственной поликлиники прислал особую сиделку и звонок (а то раньше надо было стучать ложечкой). Сиделка — деревенская дуреха, но это не важно.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 504

Я объяснила, что в Доме академиков было бы идеально — но у нее мало денег, а там надо много платить. «Да. А почему, если у нее трудно с деньгами, она не займется переводами?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 508

Это Чуковская рассказывает о низости современников Ахматовой, которые не могут постичь величие ее души и подло предполагают, что она, вместо воплощения великих замыслов, займется переводами.

Сегодня я пошла к ней в стационар. Она вышла ко мне — в нарядном синем халате, с пушистыми, только что вымытыми волосами.

Разговор, который мы вели, был странен — по злости с ее стороны, по какой-то упорной меркантильности <…>: «А знаете, Радзинские-то ведь оказались бандитами. Он сам признался, что брал все время себе мой паек — весь мой паек… Вы подумайте! Холодные, спокойные бандиты. Это после стольких демонстраций заботы и преданности». — «Кому же он признался?» — «Фаине Георгиевне».

Я молчала. По-видимому, раздраженная этим молчанием, она несколько раз повторила слова о бандитизме. Потом: «Как я скучаю по Наде… <…> Ведь она и Ф.Г. и Ломакина спасли мне жизнь. Иначе я давно лежала бы на кладбище. Особенно после того, как Ваш убийца врач, которого Вы привели (зачеркнуто полторы строки — Е.Ч.). Скажите, зачем Вы его тогда привели? Для чего?» — «По-видимому, для того, чтобы убить Вас, NN. Для чего же еще!» <…>

<…> Пришла Ф. Г. Я встала. NN радостно подошла к ней: «Я сама мыла голову!» — «Ну NN, разве можно самой!» (вырезана половина страницы — Е.Ч.).

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 514–515

После этого Лидия Корнеевна перестала навещать Анну Андреевну, та не вспоминала о ней десять лет. Через десять лет Чуковская написала Ахматовой короткое письмо — и отношения возобновились. Они никогда не вспоминали ничего из ташкентской жизни, и только когда к Ахматовой приходила «третья слава» в хрущевские года и она опять почувствовала себя «окруженной» — тогда над Чуковской вставал призрак Ташкента.

Народ безмолвствовал.

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ

27 сентября 1944 г.

Запись С. К. Островской

Ахматова заботится о своей политической чистоте. Она боится. Она хочет, чтобы о ней думали как о благонадежнейшей.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 106

Это — исчерпывающая характеристика ее гражданской позиции. Она просто не смогла заставить официально признать себя этой благонадежнейшей — не хватало политического темперамента. А все, что делала и говорила в этом плане, — все постыдно.

Все ее проявления гражданского мужества — а ее позицию всегда интерпретировали именно в таком ключе — очень изощренные: она дружит с Алексеем Толстым, Эренбургом, пишет хвалебные стихи Сталину, шествует в первые ряды партийных собраний и т. д. — а все взахлеб рассказывают, какой величины кукиш она при этом держит в кармане. А ведь скорее всего — ничего не держит. Боится за себя — все. Я не говорю, что теленку обязательно надо бодаться с дубом — но хоть как-то воздержаться, не поучаствовать…

10 июня 40 года. Вот ее постыдный список: подписан к печати журнал «Звезда» № 3\4, в нем опубликованы стихи «Маяковский в 1913 году» **(Лиля Брик уже похлопотала, уже можно, до этого Маяковский интересовал ее меньше — скажем прямо, совсем не интересовал),** «Борис Пастернак» **(объясняется просто: на прошедшем съезде писателей Н. Бухарин объявил Пастернака первым поэтом)**, «Годовщину веселую празднуй!» **(это о революции? или Лева год в тюрьме? — «о пытках говорили громко»)**, «От других мне хвала, что зола» (**снова то про золу, то про лучину, здесь другие вроде темы у твоего народа)**, «Мне ни к чему одические рати» **(это еще кто такие?)**, «А я росла в узорной тишине» **(не в узорной, конечно, не в тишине — бегала уже барышней в разорванном платье и за арбузами плавала. «И — никакого розового детства»)**.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 59

«Ты ведь написала что-то советское, и теперь тебе отовсюду авансы, авансы».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 146

Это Сверчкова, воспитательница ее сына, его тетка, грубо так говорит: может, надеется на увеличение алиментов? Ведь и вправду написала что-то советское — за это и платят в советской стране. Это — по определению. За розы платят в другой стране. Надо к тому же стараться, чтобы заплатили за твои, а не кого-то другого розы. В советской стране проще: пиши «что-то советское» и публикуйся, не хочешь — говори: гонима.

Особый предмет гордости Анны Ахматовой, пример ее дальновидности и хватки — отказ от эмиграции. Она прекрасно знала, какими тиражами выходят и за сколько продаются любые поэтические сборники на Западе. Продаются, «только если какой-то известный художник их оформит». Как женщине ей тоже было не пробиться — в топ-моделях ходили княгини (не Шахматовы», хватало настоящих), шансов не было. Но об Ахматовой — только славоговорение.

Ахматова не отказывается от того исторического и душевного опыта, который ей и ее народу стоил так дорого.

Анна ТАМАРЧЕНКО. Тема эмиграции в поэзии Анны Ахматовой. Стр. 85

Так теперь и кощунствуй, и чванься.
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.

…Ты отступник…

За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу.

А почему бы не полюбить и свободу?

Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.

Шептал про Рим, манил в Париж…

Не с теми я, кто бросил землю.

Марина Цветаева бросила землю. Можно сказать, оторвала от себя. А Ахматова осталась. И считает себя неизмеримо выше, пишет об этом, напоминает. Секретарю Союза писателей Федину покрасили забор, ей Ленинградское отделение СП не присылает пригласительных, кремлевка ей по чину или все еще нет, в писательском доме дали квартиру, дачи, санатории — ЭТУ землю можно и не бросать…

Ольга Судейкина пишет, что в Париже гнусно и отвратительно, что с радостью вернулась бы сюда, если б ей дали разрешение. Она хочет только изучить какое-нибудь модное ремесло, чтоб иметь возможность здесь жить этим.
П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1.Стр. 123

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,

Стихи навзрыд или сочиняем навзрыд? По-русски она что хотела сказать?

Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи…

Советские гражданские стихи, очень плохие.

Анна Андреевна об эмигрантах:
«Те, кто уехали, спасли свою жизнь, может быть, имущество, но совершили преступление перед Россией».
П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 212
Особенно имущество — очень правильный намек. Пусть отмываются еще и от этого.

Мой сын говорит, что ему по время следствия читали показания Осипа Эмильевича о нем и обо мне и что они были безупречны. Многие ли наши современники могут сказать это о

себе?

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 416

«Безупречный» в отношении Анны Андреевны Ахматовой, Мандельштам «назвал» Эмму Герштейн, Ахматова знала это. Для Ахматовой это мелочь. Для меня — повод не осмеливаться судить «безупречность» или «небезупречность» — подвергаемых пыткам.

Надежда Мандельштам о визите Ахматовой в Воронеж.

Она была недовольна Ахматовой за ее стихотворение «Воронеж»: «Приехала к ссыльному поэту, а о чем написала? О памятнике Петру? О Куликовом поле?».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 61

Ахматова потому и проставляла на своих стихах неверные даты, что одно дело написать о Мандельштаме правду в тридцатых годах, другое — в конце пятидесятых. Но она не признавалась, когда ее героизм проявлялся: непосредственно в момент события или задним числом для огероичивания себя, героической.

Вероятно, поэтому уже и пятидесятых годах Анна Андреевна приписала к своему стихотворению строфу «А в комнате опального поэта…» и т. д. Я убеждена, что в 1936 году ее не было. Что мешало бы Ахматовой прочесть ее Наде в те годы? Анна Андреевна не могла напечатать ее в сборнике 1940 года по цензурным соображениям, но ближайшие слушатели знали бы трагическое заключение «Воронежа».

В «Беге времени» стихотворение датировано 1936 годом, но о позднем происхождении последней строфы говорит и анализ текста. **Еще бы эта фальсификаторша не поставила бы такую возвеличивающую ее дату!**

Разве можно писать про живого поэта о надвигающейся на него беспросветной ночи? Ясно, что это написано ретроспективно. Горькая ироническая интонация появилась у Ахматовой в стихах более позднего периода, когда и разговорная ее речь стала уснащаться бытовыми остротами, приближающимися к прибаутке. И резкие ритмические перебои — все это признаки стиля «поздней» Ахматовой.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 61

Герштейн приходится ловить Ахматову, как в детективе. Это не очень достойная игра, особенно на фоне того, что происходило на самом деле. Считаться геройством с Мандельштамом…

Сейчас всплывают какие-то невразумительные документы, предполагается, что они должны доказать, как деятельна и опасна для строя была Ахматова, а на самом деле не было ничего.

1935 год.

Докладная записка начальника Ленинградского УНКВД Л. М. Заковского и начальника секретно-политического отдела УНКВД Г. А. Лупекина — А. А. Жданову «Об отрицательных и контрреволюционных проявлениях среди писателей гор. Ленинграда». Упомянуты, в частности, Л. Я. Гинзбург, Г. Е. Горбачев, Г. И. Куклин, В. А. Рождественский, Б. М. Эйхенбаум. А.А. не упомянута.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 13

Слово — красивое словцо — ее оружие в уловлении душ. Над Иосифом Бродским готовится суд за «тунеядство», грозит ссылка.

«Не смыть им будет со своих рук его крови. Они будут запятнаны».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 118

Что она знает о крови? Сам Бродский никогда не говорил ни о какой крови. Вот, пожалуйста, молодой журналист, ее знакомый, добровольно почти в такие же условия, как Бродский по суду, попал.

Осенью я уехал в Архангельскую область, якобы для сбора литературного материала, а на самом деле — послушать язык. Работал в школе, в районной газете, а вечерами сидел над переводами.

Игн. ИВАНОВСКИЙ. Анна Ахматова. Стр. 624

Ведь сама же писала: «И мы узнали навсегда, что кровью пахнет только кровь». Стихи — стихами.

О крови пусть она поговорит со встреченной на улице знакомой Лидии Чуковской — Анной Абрамовной Освенской.

Я давно не встречалась с Анной Абрамовной, но слышала от общих друзей. Что любимый брат ее, арестованный в 1937-м, реабилитирован посмертно. Я думала, расстрелян — жена его была отправлена в лагерь, а это верный знак мужнина расстрела. Он был не расстрелян, а запытан, он умер на Шпалерной под пытками. Он отказывался подписать что бы то ни было — о себе, о других — и обозвал следователя гестаповцем. В разговорах с товарищами по камере он утверждал, что в стране произошел фашистский переворот и вот почему арестовывают неповинных и

уж, разумеется, в первую очередь коммунистов. Он был коммунист. Его избивали на каждом допросе. Однажды под утро в камеру втащили и бросили на пол какую-то окровавленную рогожу: «Вот вам ваш Освенский»… Он был еще жив. Шевелил губами. Умер к утру.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 104

Ахматова, однако, и Анну Абрамовну забирает к себе в копилку. Для нее важно только одно — ее имидж.

«У нее хорошее лицо. Но почему люди так меня боятся? Ведь она слово вымолвить боялась».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 104

Свою чванливость, естественно сковывающую стеснительных людей, она считает величием.

Песни о заезжем иностранце, имевшем с ней однократную беседу на литературные темы и вызвавшем в ней приступ сенильного эротизма, — одни из самых бессовестных строк в русской поэзии.

Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится двадцатый век.

Что знала эта женщина о двадцатом веке, если в 1946 году думала смутить его нелепой любовной историей? Она не была блокадницей, хоть и получала за это медали, но глянула она в глаза хоть одному ленинградцу, желая его смутить?

Солженицын читал главы из романа в Москве, у друзей. И Чуковская читала.

«Почему же он мне не дал их, ни словечком не обмолвился? За что же он меня обидел?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 81

Тут в позу встать не получится, Солженицын — сам себе хозяин, каждое четверостишие, как якобы когда-то Пастернак, показывать Ахматовой не побежит.

Страшно далека была Анна Андреевна от народа. Хоть и вела она с Солженицыным разговоры о славе (и, похоже, ни о

чем другом, кроме как о славе — это единственное взволновало ее в феномене Солженицына), видимо, салонной славы он не захотел, а больше ему не для чего было ей свой новый роман и читать.

Анна Андреевна познакомилась с одним молодым человеком, физиком, который сказал ей: «Когда вышло постановление, мы считали, что насчет Зощенко неверно, а насчет вас все логично и убедительно». — «Вы подумайте — ОНИ считали!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 228

Анне Андреевне, как известно, хочется вымыться после встреч с читателями, а тут, видите ли, вы подумайте — они еще и что-то считают! Поэтому Солженицын и не хотел перед ней красоваться.

Вот се мнение о своем народе, не только о читателях.

Если бы строй поддерживала только продажная челядь! А у нас были «верующие»… Чистые души. Анна Андреевна сердито повела плечами: «Я таких не встречала». — «А я — в изобилии».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 28

То есть Ахматова, прожив со «своим народом» более семидесяти лет, не встретила ни разу в жизни искренне верующего в какие-то светлые социальные идеалы человека? Встречала только продажных и циничных?

«Ах, не понимали? — закричала она. — Ложь. Вздор. Не хотели понимать — другое дело».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 103

Как каждый человек, Ахматова мерит по себе. Приспособленка — она видит продажность в каждом.

Я с ней не согласилась. На своем пути мне довелось встречать людей чистых, искренних, бескорыстных, которые и мысли не допускали, что их обманывают. Пастернак и Мандельштам пережили ИСКРЕННЮЮ любовь к Сталину. «Неправда! — закричала Анна Андреевна с такой энергией гнева, что я испугалась за ее сердце. — Ложь! Они притворялись. Им выгодно было притворяться перед другими и самими собой. Вы еще тогда понимали все до конца — не давайте же обманывать себя теперь».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 98

Однако не каждый, кто понимал или не понимал, писал тем не менее стихи Сталину.

Ахматова знала, для чего нужны поэты и писатели в советской стране, за что им платят деньги, для чего ей надо писать хвалебные стихи Сталину. Лев Николаевич Гумилев, вернувшись из лагеря, передает тюремный фольклор:

Строки эти я запомнил с его голоса, сразу и на всю оставшуюся жизнь:

Чтобы нас охранять,
Надо многих нанять,
Это мало —
Чекистов, карателей,
Стукачей,
Палачей,
Надзирателей…
Чтобы нас охранять,
Надо многих нанять,
И прежде всего —
Писателей…

Михаил АРДОВ. Монография о графомане. Стр. 98

Она горда тем, что к концу войны подходит матерью не безвестного зэка, а солдата, бравшего Берлин.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 47

Она считает, что у нее больше оснований гордиться своим сыном, чем у матери зэка Освенского? Гордиться тем, что в стране невинно мучимых один из мучеников по причине большей молодости и состояния здоровья попал под более выгодный параграф: солдат, пайки, пенсия для матери в случае чего. Наверное, про пенсию я сказала лишнее, но я не хочу, чтобы она своим гордым взглядом гусыни смотрела бы на мать убитого зэка, брата Анны Абрамовны, если б им пришлось встретиться. Здесь нечем гордиться.

Заговорили о «Реквиеме». Я рассказала о бесконечных хвалах, которые слышу отовсюду. «Да, я и не ожидала такого успеха. Плачут бесперебойно», — подтвердила Анна Андреевна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 25

К которой из ее добродетелей отнести такой цинизм?

Называл ли Солженицын то, что ему удалось донести до людей свой труд, — что он поимел успех?

Судит Твардовского, к чужим политическим взглядам и гражданской смелости она очень требовательна.

«Прогресс, Лидия Корнеевна, явный прогресс, — повторяла Анна Андреевна. — Товарищ растет».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 381

Европейское сообщество писателей является единственной общеевропейской организацией, в которую входят писатели как социалистических, так и капиталистических стран. Входящие в него писатели обязаны «всемерно содействовать развитию духа дружбы и сотрудничества между народами».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 381

Нам этот слог разъяснять не надо — помним, что это значит. Ахматова, будучи приглашенной этим почтенным обществом для вручения премии, считала и заставляла всех считать это всемирной славой. Бродского и ленинградских мальчиков, ее окружение, «волшебный хор» — удалось. Тогда не хотели верить пропаганде, что существует коммунистическая заграница. Все, что на Западе — было западным, и вот — живая Ахматова дотянулась, она, собственно, там была и раньше, она как бы оттуда не уезжала — и она рядом с ними. Как все близко. Они не могли не верить. Они не заметили даже, что «заграницу» ей бросили как кость — чтобы не рассчитала, что ей выгоднее заступиться за судимого Бродского. Не заступилась.

1 июня 1956 года.

На столике и на постели разбросаны тетради, блокноты, листки. Чемоданчик открыт. К празднику сорокалетия Советской власти Слуцкий и Винокуров берут у Ахматовой стихи для какой-то антологии: 400 строк. Чемоданчик в действии — Анна Андреевна перебирает, обдумывает, выбирает, возбужденная и веселая.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 206

А 15 мая (того же года, две недели назад) вернулся из лагерей сын Лева, а 4 марта был разговор о подонках, которые притворялись, потому что им выгодно было. И вот сейчас Ахматова празднует свой большой праздник —

сорокалетие Советской власти. Вот она выбирает стихи, почитайте их.

Какой-то наивный провинциальный обком в 38-м, кажется, году, запросил Сталина, допустимо ли в советских следственных органах «применение физических методов воздействия». Сталин ответил, что да, допустимо, безусловно, и мы были бы плохие марксисты, если бы избегали их. «Для вас это ново? Что он был прям? Для меня нисколько! — сказала Анна Андреевна. — Мне даже кажется, что я эту телеграмму собственными глазами читала. Быть может, читала во сне. Жаль, в те годы мы не записывали своих снов. Это был бы богатейший материал для истории».

Полновесные ахматовские бредни.

Я подумала, что мы и явь-то описали едва-едва, одну миллионную.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 198

Сурков просил вставить в новую книгу непременно что-нибудь из цикла «Слава миру». «Не о Сталине, конечно, Анна Андреевна, но чтобы не было с вашей стороны демонстративного отказа от этого цикла». Теперь она просит выбрать из этой стряпни «стихи поприличней».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 167

Это происходит 1964 году. За два года до смерти. Бесстрашие и героизм Ахматовой.

Ей тактично подсказывают: «Анна Андреевна, это будет похоже на демонстративный отказ» — и она в 1964 году, перед смертью, не смеет сказать: «Да, пусть будет демонстративный отказ».

Разве можно представить себе Пастернака, подбирающего что-то «поприличнее» из стихов, которые он считал бы позорящими его? Начиная с того, что он таких не писал. Писал о Сталине — но искренне любя или желая его полюбить. Она циничная, расчетливая, а вот ответ Пастернака.

История о скандале Пастернака и Вишневского на новоселье у Федина в начале 50-х годов: «Пью за будущего советского поэта Пастернака». И Борис Леонидович спокойно: «Идите Вы в п…»

Общий ужас. Б.Л. повторяет. В<ишневский> быстро уходит: потом истерика Федина.

Александр ГЛАДКОВ. Дневник. Стр. 276–277

А что? Анна Андреевна считала элегантным эпатажем употребление «словечек». Ну, это — может, и слишком, а выбирать между «Где Сталин, там свобода» и «Но чуток слух и зорок глаз / Советских моряков» — не слишком?

[Анна Ахматова] о стихах, где он [Пастернак] хвалит Сталина: «Я теперь понимаю, что это была болезнь».

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 290

Но не расчет. Он мог заблуждаться, как в любви.

Не дай Бог осуждать кого-то за то, что он делал в середине 20-го века в СССР, чтобы спасти себя от мнимой или реальной опасности.

Хотя Анну Ахматову никто за язык не тянул, когда она писала свои «славы» Сталину.

Мне ее не жалко — это ОНА обманула малых сих, а не я.

СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА

Эта глава может называться «Звездный час» — она о Постановлении 1946 года.

В довольно-таки широких кругах так и считается, что знаменитое Постановление 1946 года об Ахматовой и Зощенко (на самом деле не о них, конечно, но уж оставим, как принято в литературном обиходе) — это ей подарок судьбы.

Не такой роскошный, правда, подарок, о каком догадывался ее сын Лев Николаевич Гумилев, но все-таки вполне весомый.

На самом деле Постановление было:

— не о ней персонально;

— реальных санкций не вызвало (житейских, бытовых, избави Боже — пенитенциарных); получала все свои привилегированные пайки, путевки, квартиры, дачи, даже медали;

— на литературную деятельность запрета не налагало: переводы сыпались как из рога изобилия, приходилось даже нанимать подмастерьев; стихотворение «Я к розам хочу…», правда, газета «Правда» отклонила: печатать не стала и гонорара не заплатила. И сборники дореволюционных стихов переиздавать не хотели, так же как и незаконченный «Реквием» и любовные стихи к английскому шпиону Исайе Берлину. Но это ведь не ее особенная злая судьба, верно? Постановление ведь здесь ни при чем? — единственное ущемление прав, воспоследовавшее реально, — это изменение ее официального статуса в иерархии Союза советских писателей. Но если бы она не дорожила так всеми этими тонкостями чиновничьих литературных игр, была бы хоть чуть-чуть более свободна и ценила бы творчество как таковое, эта трагедия — СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА — осталась бы попросту незамеченной.

Свою славу перед Постановлением она помнит твердо. Творческого взлета не было никакого, но было другое, гораздо более значимое для нее. Через двадцать лет она продолжает по-хлестаковски хвалиться, как ее носили на руках.

Мои выступления (их было 3 в Ленинграде) просто вымогали.

Мне уже показывали планы издания моих сборников на всех языках. Мне даже выдали (почти бесплатно) посылку с носильными вещами и кусками материи (помню, я называла это — «последний дар моей Изоры»).

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 192

Правда, видно, что она пишет это для иностранцев?

Тут же она непоследовательно — но ведь иностранцы могли и вскричать: а где же эти издания сборников на всех языках? или планы Гослита по обыкновению не отражали реального интереса издаваемых авторов для читателей всех стран? — говорит:

Для заграницы дело обстояло иначе. Ввиду полной непереводимости моих стихов.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 192

Но это детали. Главное — Постановление 1946 года грянуло как гром.

В Постановлении об Ахматовой сказано всего четыре слова: о том, что журнал «Звезда» предоставил свои страницы для… (сначала идет не про Ахматову) и для 1) пустых 2) и аполитичных 3) стихотворений 4) Ахматовой. Убирая №№ 3 и 4 как заведомо неругательные, а априорно являющиеся мерилом всего прекрасного в литературе, видим, что самая жестокая реальная (поскольку она сама не сидела, мужей не хоронила, о сыне особенно не переживала, военных тягот счастливо избежала, от непечатания страдала только по причине неписанья, замуж не брали — особенно молодые, удачливые и богатые — это действительно) трагедия в жизни Ахматовой заключалась в том, что в ее адрес были произнесены слова «пустой» и «аполитичный». Теперь посмотрим, как она инвестировала этот политический капитал.

Бедная Л. К. Чуковская почему-то считает себя обязанной нести околесицу:

Судя по слогу, автором постановления (разумеется, опирающимся — **разумеется, он оперся** — на референтов) был Генералиссимус — сам. (**Ради такого случая — падения Луны на Землю — конечно, он написал САМ.) Вот и доказательства:** На странице — толчея одних и тех же, одних и тех же, одних и тех же слов. Какие же это слова? «Безыдейные», «аполитичные», «отравляющие», «пустая», «чуждая».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 9

Продлив ахматовские года, Господь дал ей силу заставить людей верить в ее судьбу такой, какой она хотела показать ее. Поистине шекспировская мощь: она говорила «Буря!» — все видели бурю. Роскошь платья на голой королеве видели даже те, кто жизнь провел в портняжных мастерских.

Например, семейство Чуковских. Вот какие СЛОВА ГОВОРИЛИ расстрелянному мужу Лидии Корнеевны, Матвею, «Мите» Бронштейну.

Еще в 1931 году в «Успехах физических наук», этом рассаднике идеализма в физике, исподволь насаждавшегося врагами народа, пробиравшимися к руководству некоторых научных журналов, разоблаченный ныне контрреволюционер М. Бронштейн, рекламируя «космологическую» стряпню Леметра, утверждал, что вселенная есть «замкнутая система». Можно было бы удивляться маскировке, с помощью которой советскому читателю навязывалось здесь обветшалое поповское учение. Можно было бы удивляться этому, если бы подобные приемы не входили в общую тактику вредительской банды, засылаемой вражеским окружением на разные участки нашего культурного, научного и хозяйственного фронта. Известно, что разгромленная агентура воинствующего обскурантизма внутри СССР занималась отнюдь не только вредительством в области «чистой» теории, — она ставила вполне определенный упор и на проникновение в научно-популярную (в том числе детскую) литературу. С помощью головотяпов и гнилых либералов из издательства ОНТИ, советский книжный рынок оказался в течение определенного времени наводненным бронштейновской «популяризацией», сопровождавшейся, между прочим, восторженными комментариями иных досужих рецензентов. Экспозитура поповско-фашистского идеологического штаба была вполне достойна своих зарубежных мэтров. И те, и другие, как мы не раз увидим дальше, состязались во вредительском подкопе под основы материалистического естествознания.

А. РАЗУМОВ. Памяти юности Лидии Чуковской. Стр. 211–212

Корнея Ивановича, слава Богу, не расстреляли. А вот СЛОВА — говорили — и тоже покрепче, чем Ахматовой. Из газеты «Правда» от того же 1946 года.

Крушинский пишет: «Нельзя допускать, чтобы под видом сказки в детский журнал досужие сочинители тащили явный бред. С подобным бредом под видом сказки выступает в детском журнале «Мурзилка» писатель Корней Чуковский… Нелепые и

вздорные происшествия следуют одно за другим… Дурная проза чередуется с дурными стихами. Натурализм, примитивизм. В «сказке» нет фантазии, а есть одни только выкрутасы…»

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1930–1969. Стр. 490

Значит, опять мне на старости голодный год. Я не вижу никаких просветов в моей стариковской жизни. В сущности, я всю жизнь провел за бумагой — и единственный у меня был душевный отдых: дети. Теперь меня ошельмовали перед детьми, а все, что я знаю, никому не нужно…

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1930–1969. Стр. 174

Почему никто не говорит о Катастрофе?

Но он настал, тот день, когда в газетах было напечатано знаменитое постановление об Ахматовой и Зощенко. Мы были в это время в Ленинграде, и увидеть ее не пришлось. Она лежала за закрытой дверью. Лежала неподвижно, глядя в потолок, безмолвная. Как бы лишившись речи. Так было долго-долго.

Г. Л. КОЗЛОВСКАЯ. «Мангалочий дворик…» Стр. 396

Вот уж расцвет чаяний! И не видели вовсе, и лежала за закрытыми дверями — а знают, и как лежала, и куда она глядела, и была ли безмолвная, или молвила что.

Зощенко и Ахматова были исключены из Союза писателей. То есть обречены на голод.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 243

Это Ахматова диктовала Аманде Хейт. Никаких реальных неудобств, однако, это исключение ей не создало.

29-ого позвонили и велели прийти за ахматовской карточкой. Дали рабочую карточку за весь прошедший месяц.

И. Н. ПУНИНА. Сорок шестой год. Стр. 470

Это было в сентябре. Постановление — в августе. Всего реального наказания было — ЗАДЕРЖКА с привилегированной карточкой на две недели. Ну а ее к этому времени уже завалили карточками почитатели, кормили знакомые.

Хотя книги Ахматовой, вопреки постановлению, печатались несколько десятилетий многотысячными тиражами…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 668

22 сентября 1946 года.

С. К. Островская: Пьем у Ахматовой. <…> А. держится прекрасно и, пожалуй, даже бесстыдно. «На мне ничто не отражается».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 45

Однако надо и красиво сказать:

Подведя меня к газете, прикрепленной к доске, сказала: «Сегодня хорошая газета, меня не ругают». «Скажите, Фаина, зачем понадобилось всем танкам проехать по грудной клетке старой женщины?»

Ф. Г. РАНЕВСКАЯ. Дневник. Стр. 48

Гонений реальных, кроме тех, что известны — а всего-то и было, что объявлено: стихотворения Анны Ахматовой не являются зовущим вперед образцом коммунистического поэтического задора — А ОНА СЧИТАЛА НАОБОРОТ? — никаких не воспоследовало.

4 сентября 1946 года А. А. Ахматова и М. М. Зощенко были исключены из Союза писателей. Однако с голоду умереть им не дали. «По высочайшему», очевидно, повелению — обоим разрешили заниматься литературными переводами.

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 134

А может, и без «высочайшего» повеления.

Б. Пастернак — письмо жене:

Я добился того, что Анне Андреевне дадут работу во всех издательствах.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 57

Хотя это вообще-то поклонники Ахматовой считают Голгофой — переводы. Она скорбела, что «Правда» отклонила ее стихотворение «Я к розам хочу…».

Февраль 1948 года.

Л. В. Шапорина:

«Московский Литфонд предложил ей санаторию и 3000 рублей. Я очень советовала ей воспользоваться этим предложением и поехать».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 54

3 апреля 1948 года. А. В. Любимова посетила АА. А.А. показала ей альбом своих фотографий. «Она получила медаль «За доблестный труд».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 56

На этом можно закончить о гонениях?

Ахматова с юных лет усвоила, что литература — это

прежде всего карьера, успех, а не творчество.

Литературную дрязгу она называет трагедией. «Последняя трагедия Анненского» — ее статья: о главном событии в литературной биографии Иннокентия Анненского.

Суть статьи в смерти немолодого поэта, пережившего потрясение, когда его первую большую публикацию в «Аполлоне» легкомысленно сняли, заменив подборкой стихов Черубины де Габриак, то есть Е. Дмитриевой и М. Волошина. «Анненский был ошеломлен и несчастен. И через несколько дней он упал и умер на царскосельском вокзале».

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 294

Может, впрочем, это она возводит напраслину на заслуженного поэта: как-никак Черубина де Габриак — ее соперница в романе с Гумилевым. На Черубине хотел Гумилев жениться, стрелялся — и вынужден был утешиться Анной Горенко.

Анна Ахматова вешает на Черубину (предварительно растоптав, конечно, как личность в других мемуарах) и вину за смерть Анненского.

В случае Зощенко и Ахматовой все обстояло гораздо более конкретно. Вне зависимости от меры таланта они были официальными статусными советскими писателями. И вот потеря этого положения — в этом была их трагедия. Отстранение от читателя? — не смешите меня! — Ахматова не заметила ни отлучения Корнея Чуковского от детской аудитории, ни Пастернака: его зло одернула (он, правда, не нуждался — писал стихи): «Почему же он не черпает силы в гонениях?» А вот лишение номенклатурных привилегий — это действительная трагедия. Смерть чиновника.

«В Ленинграде Союз Писателей не обращает на меня ровно никакого внимания. Я ни одной повестки не получаю, никогда, никуда, даже в университет марксизма-ленинизма. Со мной обращаются как с падалью <…>».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 73

«Я позвонила в Союз <…> заказать билет в Москву <…> и, чтобы придать своей просьбе вес, называю себя. Боже мой! Зачем я это сделала! Незнакомый голос кричит: «Анна Андреевна? А мы вам звоним, звоним! Вас хочет видеть английская студенческая делегация, обком комсомола просит вас быть». Я говорю: «больна,

вся распухла». <…> Через час звонит Катерли: вы должны быть непременно, а то они скажут, что вас удавили. (Так прямо по телефону всеми словами.) **Потому что в 1954 году уже это не драматизировали — те, кому не надо было в отличие от нее этим спекулировать.** <…> За мной прислали машину, я поехала».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 93

Ахматова говорила, что, сколько она ни встречала людей, каждый запомнил 14 августа 1946 года, день Постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», так же отчетливо, как день объявления войны.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 20

2.8.51.

Анна Ахматова на днях за счет Литфонда поедет на месяц в санаторий «Удельное» по Казанской железной дороге.

Л. ГОРНУНГ. Записки об Анне Ахматовой. Стр. 241

К. А. Федин:

Вчера К. Чуковский привел дочь и Анну Ахматову, и мы сидели у яблонь. Анна Андреевна с чувством изумления, но не без польщенной гордости рассказывала, что ленинградцы предоставили ей дачу в Комарове, которой она пока не видала.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 122

29.5.54.

Ахматова рассказала, что 8 июня едет в санаторий «Болшево» в третий раз. Никакой книги стихов ее пока не предвидится. Сейчас занимается переводами. Гослитиздат предлагает ей перевод китайского поэта восьмого века Ли-Бо.

Л. ГОРНУНГ. Записки об Анне Ахматовой. Стр. 214

«У меня все пребывание в санатории было испорчено, — сказала А.А. — Ко мне каждый день подходили, причем все — академики, старые дамы, девушки… жали руку и говорили: как мы рады, как рады, что у вас все так хорошо. Что хорошо? Если бы их спросить — что, собственно, хорошо? Знаете, что это такое? Просто невнимание к человеку. Перед ними писатель, который не печатается, о котором нигде, никогда не говорят. Да, крайнее невнимание к человеку <…>».

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. Стр. 141

Зверства над Ахматовой.

Этому не было конца. Постановление стало для Ахматовой разменной монетой, которую она бросала на стол всегда, когда молоток ведущего аукцион замирал перед тем, как опуститься в третий раз, — ну или просто для красоты.

«Ничего удивительного, что Malia засиживается. Malia ведь приятель сэра Исайи, а тот однажды просидел у меня двенадцать часов подряд и заслужил Постановление».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 552

Прошло 16 лет, а она все продолжает рассказывать небрежным тоном, как СЭР засиделся у нее и что по ее поводу (или по поводу ее «отношений» с сэром — смотря какое у нее было настроение, гражданское или лирическое: «Осенний лист мне на погон ложится» или «Стиляги голубя убили») — было Постановление. На самом деле НЕ по ее поводу, она там просто была упомянута. У нее спросили о дурной привычке человека, и она перевела — на СЭРА, потом на то, что он однажды (да, один раз в жизни, просто встречались не бесконечное число раз, как можно заключить из ее слов, а вот именно единожды) засиделся у нее. С чего она взяла, что это у него в привычке, ведь и засиделся он потому, что она его не выпускала, не но неодолимой все-таки привычке, так что совсем не факт, что он такую привычку имел, и тем более — что эту привычку он распространял на приятелей? Ну, если имеет привычку засиживаться ваш приятель — сэр он или не сэр, — разве вы тоже засиживаетесь? Ну а закончила она тираду Постановлением. Все по логике сумасшествия. Правда, не всегда этот мотив: когда ее попросили вступиться за Бродского (через почти двадцать лет после Постановления), она впала в истерику от трусости:

«Не наивничайте, пожалуйста, я этого терпеть не могу! — оборвала меня Анна Андреевна. — Вам не десять лет! Голоса Суркова и Твардовского для Микояна гораздо более весомы, чем голос какой-то Ахметкиной. Про меня давненько с полной ясностью высказался товарищ Жданов».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 273

Она козыряет своим Постановлением, не замечая, что — никто не смеет напомнить (даже вспомнить через сорок лет после ее смерти), — что ей-то самой эта схема была прекрасно известна и даже многократно осмеяна.

<…> Когда после войны в Сталинграде выбирали место для строительства нового тракторного завода взамен разрушенного, то в комиссию среди представителей общественности входила мать Зои Космодемьянской; неожиданно для всех она заявила непререкаемым тоном, что строить надо не там, где выбрали специалисты, а вот здесь, и когда ее попытались вежливо урезонить, задала антично-убийственный вопрос: «Кто мать Зои Космодемьянской, вы или я?»

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 285

«Кто заслужил Постановление — вы или я?» Это — джокер.

О август мой, как мог ты весть такую
Мне в годовщину страшную отдать?

Представьте себе Марину Цветаеву, убивающуюся и строящую себе капитал на каком-то Постановлении.

Песне этой конца не было до ее смерти…

КАКУЮ БИОГРАФИЮ СЕБЕ ДЕЛАЕТ!

Гонения в конце пятидесятых показали свою «конвертируемость». Ахматова не умела держать язык за зубами и проговаривалась. «Какую биографию делают нашему рыжему!»

А за «биографию» много полагалось: и «нобелевку» давать автору «Реквиема», и «ничего кроме «Реквиема» на Западе не знают», и Солженицын, и правозащитники (Бродский недоверчиво называл их «борцовщиками»), и «Я пожертвовала для него мировой славой».

Есть словесная игра: объяснять все жизненные реалии в популярных терминах рыночной экономики. Расскажу, как в литературе сделать «свои два процента» — из небольшого крепкого таланта получить сверхприбыль.

Вынуждена констатировать, что Ахматова пробилась в «олигархи». Себя она числит среди четырех: Пастернак, Мандельштам, Цветаева — и она. Раз названы эти, надо добавить Маяковского и Блока. Олигархи — это те, к уровню которых никогда не приблизится никто из малого, среднего и даже самого крупного бизнеса. Олигархи — это нечто «сверх».

«Труба», на которую «села» Анна Андреевна Ахматова, — это ее «трагическая биография».

Один из столпов этой биографии — история с сыном. Об этом в отдельной главе. Так же, как и о «дважды вдове», «героизме», громких романах, великих стихах и прочих фальшивках.

В этой — о том, что создание биографии было совершенно сознательным.

Вольпин: <…> Заговорили о Пастернаке, о горестной его судьбе, и вдруг она сказала: «Михаил Давидович, кто первый из нас написал революционную поэму? — Борис. Кто первый выступал на съезде с преданнейшей речью? — Борис. Кто первый сделал попытку восславить вождя? — Борис. За что же ЕМУ мученический венец?» — сказала она с завистью. Вот я долго думал потом, что же вообще в человеческой натуре… какие странные, значит, проявления бывают.

Дувакин: Да.

Вольпин: И понял, что все-таки это очень возвышенная зависть была у нее. Вы знаете, позавидовать чужому несчастью — это не дано мелкому тщеславию. Это дано только настоящему,

подлинному стремлению к хорошей, подлинной, настоящей, в высоком смысле слова, славе.

М. Д. ВОЛЬПИН в записи Дувакина. Стр. 259

Да, к славе.

Ворон гонят с поля растерзанной тушкой убитой вороны, привязанной к шесту. Вороны не наказывают обидчиков — улетают подальше. Анну Андреевну пугнули посаженным сыном. Она испугалась (за себя) и закаркала хвалебную песнь.

Не все продавались, как Анна Андреевна.

Когда Цветаева оказалась в ситуации политической несвободы, она перестала писать стихи и повесилась.

Томас ВЕНЦЛОВА. Интервью. Стр. 354

Я вставила эту цитату не для ловкости композиции, а потому, что ТАК сделала Марина Цветаева и по-другому не могла.

Ахматова же все проверяет выписки из банка: как прошло ее первоначальное накопление капитала.

14 мая 1960.

«Вы подумайте только: Николай Степанович, Лева, Николай Николаевич, два постановления ЦК! Это не то что какая-нибудь там буржуазная слава: ландо или автомобиль, брильянты в ушах. Это — читайте товарища Жданова. Это — я!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 387

Волков: Когда Ахматова обсуждала суд над вами с близкими людьми, то любила повторять, что власти своими руками «нашему рыжему создают биографию». То есть она смотрела на эти вещи трезво, понимая, что гонения создают поэту славу.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 262

Письмо Льва Николаевича из лагеря.

«Она очень бережет себя и не желает расстраиваться. Поэтому она так инертна во всем, что касается меня. Для нее моя гибель будет поводом для надгробного стихотворения о том, какая она бедная — сыночка потеряла, и только. Но совесть она хочет держать в покое, отсюда посылки, как объедки со стола для любимого мопса, и пустые письма».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 356

Бродский: [О Льве Гумилеве]: <…> Он сказал ей как-то

фразу, которая Ахматову чрезвычайно мучила. Я думаю, эта фраза была едва ли не причиной ее инфаркта. «Для тебя было бы даже лучше, если бы я умер в лагере». То есть имелось в виду — для тебя как для поэта. Что называется — додумался.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 245

А разве не так? Была бы счастливейшей из литературных матерей.

Она любила говорить, что Надежда, его жена (Мандельштам), несомненно самая счастливая из всех литературных вдов. Потому что неисчислимое множество очень хороших людей, писателей и поэтов, было уничтожено (какие биографии делали!), ко многим из них потом пришло признание. В случае же с Мандельштамом — это было не просто признание, это была всемирная слава…

Иосиф БРОДСКИЙ. Большая книга интервью. Стр. 18

Ахматова все же была в несколько лучшем положении, чем Надежда Яковлевна, хотя бы потому, что ее, хоть и скрепя сердце, но признавали писательницей и позволяли проживание в Ленинграде или в Москве. Для жены врага народа большие города были закрыты.

Иосиф БРОДСКИЙ. Некролог Н. Я. Мандельштам. Стр. 145

Нашей дважды вдове — это-то еще раз доказывает, что она ею не была — тоже бы устроили такой эпизод в биографии (запрет на въезд в большие города). Но она не была вдовой. Рыжему нечего делать ей биографию; делали, правда, и без него, но не надо повторять. Пусть это не «свято сбереженная сплетня», а свято сбереженная лакировка патетического образа.

Кстати, насколько «несколько» было лучше положение — можно посмотреть в главе «Гонения».

Сама дважды вдова — первый ее муж, поэт Николай Гумилев, был расстрелян ЧеКа, второй — искусствовед Николай Пунин — умер в концлагере, принадлежащем той же организации.

Иосиф БРОДСКИЙ. Некролог Н. Я. Мандельштам. Стр. 144.

Она ни единожды не была вдовой. Вдовой является только действующая супруга умершего, как это ни печально для биографии «ААА». Ей биографию недоделали.

Ей кажется, что за границей преуменьшают трагичность ее судьбы. Она дает развернутую отповедь Струве: «первое постановление 1925 года… Даже упоминание моего имени (без ругани) <…> г-ну Струве кажется мало, что я тогда достойно все

вынесла <…> бормочет что-то о новом рождении в 1940 г.

Очень мило звучат критические статьи того времени. Напр<мире>: «Критика и контрреволюция». <…> Всем этим с высоты своего калифорн<ийского> великолепия г-н Струве пренебрегает (как?). Он говорит о тяжко больной (находили даже туб<еркулез> брюшины) — нашли или нет? — женщине, кот<орая> чуть ли не каждый день читала о себе оскорбительные и уничтожаю<щие> отзывы <…>».

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 230–233

Называются эти записки «Для Лиды» — то есть чтобы Лидия Корнеевна сохранила, переработала, дала ход.

«Первого постановления» никакого не было.

О кресте своем не говорят так часто.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК. Анна Ахматова. Стр. 340

19 июня 1960 г. Дневники Чуковской полны рассуждений о творчестве Пастернака.

Когда я побывала у нее впервые после похорон, она еще была полна скорбью. <…> Теперь первое потрясение прошло, и она опять говорит о Борисе Леонидовиче хоть и с любовью, но и с раздражением, как все последние годы. Снова — не только соболезнует, но идет наперекор общему мнению, оспаривает, гневается <…>.

— Какие гонения? Все и всегда печатали, а если не здесь — то за границей. Если же что-то не печаталось — он давал стихи двум-трем поклонникам и все мгновенно расходилось по рукам.

Это тоже признак благоволения властей? «Сероглазый король» тоже расходился (а больше нечему было).

Деньги всегда были. Сыновья, слава Богу, благополучны. <…> **Чуковская заступается:** Родившийся в рубашке, счастливый от природы Пастернак научился чувствовать чужую боль, уже неизлечимую веснами. <…> Деньги у него были благодаря необычайному переводческому трудолюбию, <…> и деньгами своими он щедро делился со ссыльными и с тою же Анной Андреевной.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 404

Пусть в долг, но был готов отдать и не в долг. Готовность — это все. Ахматова не дала денег погибающему шестнадцатилетнему сыну Цветаевой. Вступила с ним в счеты. Он погиб, и она ни разу о нем не вспомнила. Никогда. «Глаза убийцы» — у укравшего от голода — так она говорила о нем.

К чему затевать матч на первенство в горе? Материнские страдания Ахматовой ужасны. И ждановщина **(ничего, кроме слова, для нее не значившая. Ну, непечатание ненаписанного и неприсылание приглашений на партсобрания)**. И нищета **(при возможности заработать)**. И все-таки она, Анна Ахматова, счастливее тех матерей, к которым сыновья не вернулись. Пастернаку страданий оказалось достаточно, чтобы умереть. Выносливость у каждого разная. Пастернак был задуман на 100 лет, а умер в 70. И не умер, а загнан в гроб. В 60 лет он был подвижен, влюбчив и способен к труду, как юноша <…>.

Все это я произнесла осторожно, а потому и неубедительно. Анна Андреевна слушала, не удостаивая меня возражениями. Только ноздри вздрагивали (как у графинь в плохих романах).

Жаль, что она не была на похоронах, подумала я. Дело не только в том, что собралось около полутора тысяч человек. Там сознание, что хоронят поэта, избравшего мученический венец, было явственным, громким, слышным.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 405

Она это и так почувствовала, отсюда и «гнев».

С поэта, правда, мы спросим не за мученичество, а за поэзию.

ШПИОНОМАНИЯ

Воспоминания Н. А. Роскиной:

<…> Ахматова стала мне говорить, что с ней нельзя встречаться, что все ее отношения контролируются, за ней следят, в комнате — подслушивают, что общение с нею может иметь для меня самые страшные последствия.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 47

Не более страшные, чем те, которые могли быть у Л. К. Чуковской, которой Ахматова передала на хранение свой «запретный» архив перед войной — когда та ждала неминуемого ареста после расстрела мужа. Навязала — все-таки Чуковская воспринимала свое положение однозначно. Тогда вопрос для Ахматовой заключался в том, что в любом случае избавиться от компромата и — если уж не судьба — скорбным укором встать перед тем, кто не сберег, а сейчас — просто нагнетать страсти.

Запись Л. В. Шапориной:

<…> Я было начала что-то рассказывать — она приложила палец к губам и показала глазами наверх. В стене над ее тахтой какой-то закрытый не то отдушник, не то вентилятор. — «Неужели?» — «Да, и проверено». Звукоулавливатель.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 55

Проверено. При ее всегдашних величии и гордости можно было бы не унижать себя подробностями. Я не только об этом эпизоде — кто его знает, может, и был у нее «звукоулавливатель». Только вот «проверить» это сложновато, не имея, так сказать, доступа. Если она его имела — кто знает, может, как плату, потребовали от нее помощи в установлении контроля — не за ней, а за ее гостями? Этого тоже нельзя отрицать. Дорогу в «Большой дом» (это ленинградское название) она знала — письма брата туда носила (по собственной инициативе, была отправлена назад, даже не заплатили).

28 ноября 1963.

«Кто-то из моих ближайших друзей безусловно состоит у них на жалованьи. Нет, нет, не из ближайших, вы, например, вне подозрений».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 110

Поклонилась ли ей Лидия Корнеевна в ножки, что не

приходится теперь отмываться? Здесь интересен, конечно, не ее психоз, а маниакальная подозрительность — чаще, правда, она спокойно называет имена этих «ближайших друзей».

Во время войны М. Д. Вольпин и драматург Эрдман, оба в военной форме, навестили, попав в Ташкент, Ахматову. Они знали только приблизительно, где находился дом и, по ее словам, всякий, у кого они спрашивали, в какой она живет квартире, спешил, в уверенности, что «за ней пришли», сообщить им что-нибудь разоблачительное.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 130

Здесь интересна неосторожная — неужели выброшенная, как SOS, записка в бутылке: смотрите, что здесь было на самом деле?! — оговорка «по ее словам».

Много позже Ахматова рассказывала Берлину, что ей следовало не меньше двух раз в день подходить к окну, чтобы дежуривший на улице шпик мог удостовериться, что она не сбежала, не покончила с собой.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 159

И что происходило, если она, заспавшись, не подходила? А Берлин — он поверил ей? А эти исследования (сколько раз, куда подходить, в чем конкретно надо удостовериться шпику: особенно как бы не покончила с собой! и пр.) кто ей предписал, каким образом?

Она усталая, раздраженная. Рассказала о новых подвигах Двора Чудес. У нее пропали: заметки о Пушкине, воспоминания о Мандельштаме, выписки из дневника Якова Захаровича. «<…> Может быть, еще найдутся, — сказала я. — Может быть, в Ленинграде. А, кроме того, не купить ли вам для рукописей чемоданчик с ключом?» — «Ах, оставьте, пожалуйста, — оборвала меня Анна Андреевна, — какие ключи? Просто хочется все сжечь!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 441

Рукописи нашлись.

Я спросила, собраны ли у нее, наконец, дома все ее стихи. Все ли записаны? Тут воспоследовал не монолог — взрыв. <…> Она подошла к табуретке, на которой стоял чемоданчик, и с яростью принялась выкидывать оттуда на тахту рукописи, книги, тетради, папки, блокноты. «Как я могу записывать? Как я могу хранить свои стихи? Бритвой взрезают переплеты тетрадей, книг! Вот, вот,

поглядите! У папок обрывают тесемки! Я уже в состоянии представить коллекцию оборванных тесемок и выкорчеванных корешков! И здесь ТАК, и в Ленинграде ТАК! Вот, вот!» (Она швыряла на стол тесемки и картонки. Господи, думалось мне, ну зачем выдергивать тесемки? Ведь их развязать можно.)

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 419

Тихим, но яростным голосом пожаловалась, что ее папки явно подвергаются просмотру: кто-то бритвой взрезает корешки.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 362

Агата Кристи на старости лет рассуждает о своей удавшейся жизни.

Хорошо, конечно, писать такие возвышенные слова. А что, если я проживу лет до девяноста трех, сведу с ума всех близких тем, что не буду слышать ни слова <…>. Буду яростно ссориться с сиделкой и обвинять ее в том, что она хочет меня отравить, или сбегать из лучшего заведения для благородных старых дам, обрекая свою бедную семью на бесконечные тревоги?

Агата КРИСТИ. Автобиография. Стр. 632

Анна Андреевна в очередной раз отдыхает в санатории.

Затем последовал неприятный рассказ о какой-то даме, с которой она подружилась и ходила гулять. Читала ей стихи. Однажды, когда Анна Андреевна читала, в комнату вошла докторша. И на следующий день объявила той даме, что чтение стихов слишком возбуждает Анну Андреевну, ей это вредно. <… > Анна же Андреевна полагает, что этот запрет неспроста, что дело тут совсем не в ее здоровье.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 278

Ей звонит поклонница, она считает, что — провокаторша.

«Извините меня, пожалуйста! — закричала она, не сдерживаясь. — Я знаю, как говорят поклонники. Я имею право судить. Уверяю вас. Это совсем не так».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 179

Мои слова вызвали только ярость. «В. Г[аршин] сказал про меня нашей общей знакомой: «Мадам психует». А не следует ли

предположить, что не я психую, а сумасшедшие те, кто не умеет сопоставить самые простые факты…» Она стала шепотом рассказывать мне о волоске, который, оказывается, не исчез со страницы, а был передвинут правее, пока она ходила обедать.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 179

Она в течение жизни часто закладывала в книги волоски.

Очень похоже также и на то, что про волосок все она придумывала — она его вовсе не закладывала, он, естественно, не передвигался, и заподозрить никого ей не хотелось. Рассказ был придуман для того, чтобы показать, насколько она близка к безумию. Ну и смотреть со стороны — как на это реагируют близкие.

Весной 26 года. <…> Анна Андреевна в то время не писала писем, не говорила по телефону. У нее было такое настроение, что ее слушают, что письма ее смотрят, и она сразу сообщила, что писать не будет. Ну, может, это и не было так, но у нее было такое состояние.

Л. В. ГОРНУНГ в записи Дувакина. Стр. 94

Помню, в моем присутствии одна простодушная — а может быть, не столь уж простодушная — особа спросила Ахматову: «Анна Андреевна, ну откуда вы знаете, что за вами следят?», и Ахматова ответила: «Голубушка, этого нельзя не заметить!»

Иосиф БРОДСКИЙ. Большая книга интервью. Стр. 84

Вообще-то говоря, не особенно и остроумный ответ, чтобы его так патетически предварять «…И ответила Ахматова». Это хорошо еще характеризует ее привычное хамство: ну что это за «Голубушка»?

Про Наймана надо писать отдельную книгу комментариев. Просто переписать ее, ставя отточия и восклицательные знаки. Нужен борхесовский автор, который переписал «Дон-Кихота» Сервантеса. Вот я перепечатываю без пропусков:

В ней не было ни тени русской ксенофобии и подозрительности к иностранцам. **Ее не было ни у кого! Какая там ксенофобия! У русских был дикий интерес, подобострастие, страстное желание хоть чуть-чуть потянуть на себя высочайшее иностранное внимание.** Шпиономания же, к концу ее жизни укоренившаяся в умах и сердцах публики, была ей отвратительна. (Другое дело — что она не избежала отравы шпикомании — может быть, недостаточно основательно

предполагала — а предположив, убеждала себя и близких, — что такая-то «к ней приставлена», такой-то «явно стукач».)

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 157

Найман не мог не назвать всего, потому что он все видел, он уличал ее во всем — а потом давал смехотворное объяснение, издевательское, но высказанное смиренным тоном, или как бы приподнимаясь в некие совершенно заоблачные вершины, где витал великий дух Ахматовой, и там уже по теории относительности все самое омерзительное, мелочное, что было в ней, представлялось великим. Люди заслужили эту книгу, все заглатывалось не раздумывая. Считается, что Найман написал панегирик Анне Андреевне, но ему ничего не оставалось делать, он не мог писать плохо ни о Бродском, ни об Ахматовой — его бы тогда спасло только то, что те умерли своей смертью, иначе все бы знали, кого назвать Сальери двадцатого века.

Я вспоминаю, как еще в пятидесятых годах Ахматова чувствовала постоянную слежку. Иногда, если мы шли по улице, она указывала на шпиков, которые ее сопровождали…

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 34

А на Недотыкомку?

Передонов был уверен, что за дверью стоит и ждет валет и что у валета есть какая-то сила и власть, вроде как у городового: может куда-то отвести, в какой-то страшный участок. А под столом сидит недотыкомка. И Передонов боялся заглянуть под стол или за дверь.

Федор СОЛОГУБ. Мелкий бес.

ДЕЛО БРОДСКОГО

«Она помогала вам, не так ли?» — «Да, она здорово мне помогала». — «Когда вы были в тюрьме?» — «Благодаря ей я был освобожден. Она развила бурную деятельность, подняла народ».

Иосиф БРОДСКИЙ. Большая книга интервью. Стр. 18

13 марта 1964 года в Ленинграде поэт Иосиф Бродский был осужден по сфабрикованному обвинению в тунеядстве и приговорен к 5 годам принудительных работ на Севере, впоследствии сокращенным до полутора лет (без изменения приговора).

Вот «бурная деятельность». Чуковская читает статью.

Кончается статья угрожающе: «Такому, как Бродский, не место в Ленинграде». Знаем мы это «не место». Десятилетиями оно означало одно место: лагерь. Анна Андреевна очень решительно села. Опустила ноги на пол. Прислушалась к сердцу. Встала на ноги. И села за стол. Мы начали отбирать стихи для «Нового мира» <…>.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 114

Вид деятельности: «Опустила ноги на пол. Очень решительно».

8 декабря 1963 года.

Анна Андреевна в своем нарядном сером платье, оживленная, красивая. Она только что из гостей <…> — где, по ее словам, «шампиньоны, инженеры, икра; физики, любящие стихи — знаете, как это сейчас принято всюду». Я ей рассказала о нашем с Фридой замысле: напишем о Бродском подробное письмо И. С. Черноуцану, одному из деятелей аппарата ЦК. <…> Анна Андреевна обрадовалась нашей затее.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 115

Ей все равно — она не будет принимать участия ни в одной акции в защиту Иосифа Бродского. Ни до суда, ни во время — она оттянет время своего возвращения из Москвы в Ленинград, ни после — когда писатели, друзья, Фрида Вигдорова со своей стенограммой судебного заседания будут добиваться его досрочного освобождения — и добьются. Ахматова не шевельнет ни пальцем. Один раз, в самом конце, подпишет письмо в числе 13 писателей. Как Иуда. Иуда — потому что она просто предала его, как если бы написала

донос. Она настолько была в силе тогда, что одного ее заступничества могло бы хватить. Но она побоялась: уже не ареста (даже не для себя, даже не для Льва Николаевича — такие были времена) — но просто ей пообещали заграничную поездку. И она отказалась сделать хоть что-либо.

Единственное, что известно из той эпохи о действиях Ахматовой, — она передала Твардовскому — не сама, сама даже не позвонила, не написала, не потревожила капитал, — а через малознакомого человека, чтобы в случае чего отказаться, — стихи Бродского. Для того чтобы Твардовский познакомился с поэзией Бродского, она выбрала и передала поэму Бродского и два стихотворения: одно посвященное Ахматовой (еще бы!) и другое — «Стансы».

[Бродский|: «Вы не думайте, пожалуйста, что мне плохо. Я спокоен. Я все время помню, что двадцать лет назад людям моего возраста было гораздо хуже».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 125

<…> Сказала тихим голосом: «Мы все ходим с ножами в спинах. Ардов в деле Иосифа ведет себя весьма двусмысленно». Я спросила, что случилось, но она то ли не расслышала, то ли не пожелала ответить.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 184

Она не хочет рассказывать все об Ардове, чтобы не быть обязанной раззнакомиться с ним.

«Давно уже ничто так не терзало меня, как дело Иосифа», — сказала Анна Андреевна. **Жаль, что она не говорит, что оно и задумано для того, чтобы ее потерзать.**

Мрачные разговоры продолжались под возобновившуюся карточную игру.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 127

В это время — не случайно, конечно — Ахматову пригласили за границу. ЗА ГРАНИЦУ. Приглашающая сторона — прокоммунистическая, прогрессивная и пр. писательская организация. Ее председатель — заместитель секретаря коммунистической партии Италии, г-н Вигорелли. Его заместитель по ассоциации — тов. Твардовский (СССР). Приглашение Ахматовой он прислал по представлению СП

СССР. Поскольку известно, что дама — гордая (скорбная и пр.), то обещана премия (по случаю 50-летия литературной деятельности и выхода книжки в Италии — можно догадываться, кем проплаченной — стихи ведь не окупаются, правда?). Ахматова абсолютно не ориентировалась в рейтинге литературных событий в Европе, но это было совершенно не важно, потому что она все прекрасно понимала по сути и продавалась за поездку. И — развращала «ленинградских мальчиков», как сводня.

Потом Анна Андреевна надела очки, порылась в сумочке и вынула оттуда письмо. Снова от Вигорелли. На этот раз благодарность за воспоминания о Модильяни, ею присланные, а затем сообщение о ее будущем триумфальном путешествии по Италии. Она сунула письмо обратно и целую минуту — как учит нас театральная традиция МХАТа: взял паузу — держи — с ожесточением запихивала глубже и глубже. «Тут уж пошла петрушка», — говорила она <…>.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1964. Стр. 189

Воспоминания о Модильяни впервые были опубликованы в Италии, «Реквием» — в Мюнхене — времена действительно были вегетарианские.

Чуть успокоясь, она сказала, что «Литературная Россия» выпросила у нее стихи. «После долгих просьб и мольб я дала одиннадцать стихотворений. А они не печатают. За этим что-то кроется». Думаю, ничего не кроется, а просто редакция откладывает из номера в номер: их вытесняет «более современный материал».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 189

А на Вигорелли — гнев. В какой-то рецензии он, оказывается, назвал сборник «Из шести книг» — «полным собранием сочинений Анны Ахматовой». <…> «Это клевета на меня — повторила Анна Андреевна. — Не только рецензия Вигорелли: книга. <…> Составляла я сама вместе с Люсей Гинзбург, редактор — Тынянов, корректоры — вы <…>. Уж чего, кажется, лучше? Но ведь меня там нет! <…>» — «Но откуда это могло быть известно Вигорелли? <…>— «Он не ХОЧЕТ знать!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 181

Она уверена, что вечера ее в Музее Маяковского, намеченного на 26 апреля, — не будет. <…> «Результат «Реквиема» в Мюнхене и «дела Бродского» в Ленинграде».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 201

Вечер состоялся. К делу Бродского она имела слишком малое отношение. За что и была вознаграждена.

Во время суда над Бродским ее бесстрашие подвяло. Она приехала отсидеться в Москве.

Из ленинградских источников поступило известие (ленинградцы постоянно звонят Фриде), что суд над Иосифом назначен на 25 декабря.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 118

Приехать на суд Ахматовой не пришло бы в голову никогда — это не на свидание с Берлиным лететь, обгоняя солнце.

Давид Яковлевич Дар советует написать письмо в «Известия». Пусть Ахматова обратится туда с письмом в защиту Бродского. План этот возникал уже не однажды, но всякий раз Анна Андреевна отвергала его: она полагает, что ее прямое вмешательство в дело Бродского принесет не пользу, а вред.

На этот раз внезапно согласилась: «Готова писать кому угодно и что угодно». Однако отложила окончательное решение до понедельника: хочет посоветоваться с Сурковым. «Дело против Иосифа благословил Союз Писателей <…>».

Может быть… Анна Андреевна попросила меня для разговора с Сурковым составить ей «шпаргалку» — дата, содержание статьи и пр.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 118–119

15 декабря.

Сегодня мы с Фридой составили «шпаргалку» для разговора Анны Андреевны с Сурковым. Все изложили по пунктам: краткую биографию Бродского, лживость выдвинутых против него обвинений <…> и пр. Фрида отпечатала нашу стряпню на машинке и сегодня вечером доставит ее Ахматовой.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 124

Так пойдет ли Ахматова когда-нибудь к Суркову?

Я спросила, состоялась ли обетованная встреча с Сурковым **(то есть она не звонила, не сообщала сама о столь не важном для нее деле).**

Состоялась. «Алексей Александрович, я хочу поговорить с вами о судьбе Иосифа Бродского». — «Анна Андреевна, я хочу поговорить с вами об однотомнике Анны Ахматовой». Однотомник, Лидия Корнеевна, будет большой. Включим туда все мои сборники в хронологической последовательности». И т. д.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 129

…Тему поменял не Сурков, тему поменяла сама Ахматова, даже в пересказе не остановившись на том, что Сурков не захотел с ней говорить. На этом ее заступничество кончилось. В ведомости гонораров Ахматова вывела своей рукой сумму прописью: «Сребреников — тридцать».

НА ЭТОМ ЕЕ ХЛОПОТЫ О БРОДСКОМ ЗАКОНЧИЛИСЬ.

17 февраля 1964.

Завтра в Ленинграде судят Бродского. Он из Тарусы уехал домой, и его арестовали. <…> Дед и Маршак по вертушке говорили с Генеральным Прокурором СССР Руденко и с министром Охраны общественного порядка РСФСР. Сначала — обещание немедленно освободить, а потом какой-то вздор: будто бы, работая на заводе, нарушил какие-то правила. <…> Телеграмма в суд от Деда и Маршака послана. Фридочка в Питере (присутствовала на суде и застенографировала заседание).

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 170

Заступались многие. Кроме Ахматовой — в это время Анна Андреевна Ахматова перетусовывает стихи о том, чьей она не стала женой и кто не стал ее мужем. Темя, колени и пр…

Ахматова ни с кем не говорила.

Лежит. У ног — грелка. <…> Встретила меня словами: «Проводится успешная подготовка к третьему инфаркту». <…> Вчера в Ленинграде осудили Иосифа. <…> Подробностей мы еще не знаем: Фридочка еще не вернулась, но знаем приговор. За тунеядство — 5 лет. <…> Я рассказала Анне Андреевне о вчерашнем разговоре Миронова с Корнеем Ивановичем. <…> Возможен ли крик тихим голосом? Оказывается — возможен. Анна Андреевна тихим голосом кричала. «Этакая наглость. <…> Кто бы он [Миронов] ни был, он прежде всего посторонний.

Самое главное: по-сто-рон-ний. Культуре. Поэзии. России».

Теперь о главном.

Анна Андреевна, грузно повернувшись со спины на бок, нашла свою сумочку и вынула из нее письмо. Письмо от Вигорелли — вторичное приглашение весною в Рим. «Вы поедете?» — «Не знаю. Мне все равно, что будет со мной». <…> И стала рассказывать, как ее собираются чествовать в Италии. «Вы, и еще два-три близких человека, знаете, чьих рук это дело. Я не понимаю, зачем этот господин так беспокоится».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 179–180

«Этот господин» (Исайя Берлин) беспокоится лишь об одном — чтобы она оставила его в покое своими нелепыми домыслами о его несуществующей заботе о ней. Чуковская и еще два-три человека знают, что она приезжала для удобства его встречи с ней в Москву — к Иосифу на суд не поехала, — но он проигнорировал возможность дать пищу еще новой партии романтических псевдовоспоминаний. На следующий день после приговора Иосифу у нее нет других забот, кроме сладостных фантазий.

«А хорошо, что мы все за него хлопотали» — сказала она, внезапно подняв веки. — «Для нашей совести хорошо?» — «Нет. Хорошо потому, что правильно».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 186

И мы пахали. Бессмысленная фраза, сказанная для того, чтобы Чуковская записала.

«<…> А знаете, у меня огорчение. Догадайтесь, кто не пожелал присоединиться к хлопотам об Иосифе? Кроме Анны Ахматовой? Не написавшей ни строчки, не подписавшей ничего, не сделавшей ни одного звонка и ни одного визита? Александр Исаевич… Давно я так не огорчалась». — Я сказала, что, насколько мне известно, Солженицын после опубликования «Ивана Денисовича» получает много писем от заключенных и, пользуясь своей славой и новыми связями, пытается им помочь, вызволить их из беды. Выручить тех, за кого не заступится никто. «Хорошо, если так, — сказала Анна Андреевна. — Но единственная ли это причина?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 187

А Бродский, как известно, на Солженицына не обижался, что тот сказал, что еще ни одному русскому писателю

гонения не повредили. Признавал — и было бы глупо не признавать, — что Солженицын, отсидев сам, имел на это право. Анна Андреевна пострадала «только» сыном (которого не очень любила, скажем для ясности).

Другой сиделец — Михаил Михайлович Бахтин, не считавший Анну Ахматову великим человеком, не интересовавшийся ею, — просто знал, что ее занимают лишь люди известные, значимые. И это не было даже снобизмом, который все-таки лишь — дело вкуса, а не совести.

Бродский: Это был, если хотите, некоторый ад на колесах: Федор Михайлович Достоевский или Данте. На оправку нас не выпускают, люди наверху мочатся, все это течет вниз. Дышать нечем. А публика — главным образом блатари. Люди уже не с первым сроком, не со вторым, не с третьим — а там с шестнадцатым. И вот в таком вагоне сидит напротив меня русский старик <…>— эти мозолистые руки, борода. Все как полагается. Он в колхозе со скотного двора какой-то несчастный мешок зерна увел, ему дали шесть лет. А он уже пожилой человек. И совершенно понятно, что он на пересылке или в тюрьме умрет. И никогда до освобождения недотянет. И ни один интеллигентный человек — ни в России, ни на Западе — на его защиту не подымется. Никогда!<…> Уже какое-то шевеление правозащитное начиналось. Но за этого несчастного старика никто бы слова не замолвил — ни Би-би-си, ни «Голос Америки». Никто! И когда видишь это — ну больше уже ничего не надо… Потому что все эти молодые люди — я их называл «борцовщиками» — они знали, что делают, на что идут, чего ради. Может быть, действительно ради каких-то перемен. А может быть, ради того, чтобы думать про себя хорошо. Потому что у них всегда была какая-то аудитория, какие-то друзья, кореша в Москве. А у этого старика никакой аудитории нет. Может быть, у него есть его бабка, сыновья там. Но бабка и сыновья никогда ему не скажут: «Ты поступил благородно, украв мешок сена с колхозного двора, потому что нам жрать нечего было». И когда ты такое видишь, то вся эта правозащитная лирика принимает несколько иной характер.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 82

Такая же судьба — не выбор, а bad luck — была у Льва Гумилева. Активом она была в руках Анны Ахматовой.

Бродский на Солженицына не обижен за себя. Ахматова соринку в глазу яростно хотела бы с глазом вместе вырвать.

«Но единственная ли это причина?» Боялся? Завидовал? Мстил? — легче всего ей приходят на ум такие резоны, это ее

собственный склад личности.

Конечно, трагично и эффектно выглядит, как вчера еще всемогущий красный маршал или член ЦК, потревоженный ночью, из пуховой постели попадал в подвал Лубянки, получал кулаком по роже или сапогом в пах и тут же бывал расстрелян. И нет во всех этих воспоминаниях места простым, неграмотным русским Ивану да Марье, которых с малолетними ребятишками отрывали от последнего мешка с зерном и полудохлой коровенки, выволакивали из затхлой, грязной, но все же родной избы и гнали этапом в бескрайние сибирские лагеря да поселения <…>. Детям же их, тем, кто выжил в детских колониях, после XXII съезда партии правительство посадит на шею, на хлеба почетных мордастых пенсионеров, тех самых, кто сгноил их батьку и мать.

Галина ВИШНЕВСКАЯ. Галина. Истории жизни. Стр. 241

Ахматова очень тонка — подхватит этот «новый тон». Она посылает Ирине Пуниной ночную рубашку «нечеловеческой красоты» (а Нине Ольшевской привозит из Италии халат «нечеловеческой пушистости»: у этого поэта скудноват словарный запас) — в полном соответствии с житейской мудростью Лили Брик, рассказывающей секреты обольщения с честностью профессионала: «все остальное сделает хорошая обувь и шелковое dessous».

Это нужные ей люди, но она о своих подарках скажет многозначительно: «Я одевала тех, у кого ничего нет».

На суд к Бродскому она из Москвы в Ленинград не поехала, протянула время. Потом засобиралась.

21 апреля 1964 года.

«Я вынуждена буду уехать в Ленинград еще раньше, чем предполагала: хворает Ира».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 204

Вот это причина, чтобы ехать в Ленинград!

Отвратительная неприятность: Иосиф позвонил на Ордынку к Ардовым откуда-то с дороги (в ссылку), спросил, как дела, на что Виктор Ефимович ответил: «Забудьте наш телефон. ЗДЕСЬ у нас никаких дел больше нет». <…> Тут я сразу поняла ее недомогание. <…> «Ужасно, — сказала Анна Андреевна с искаженным лицом. — Ужасно».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 190–191

Это запись 28 марта, но вот проходит месяц, даже

меньше. Дом Ардовых по-прежнему притягателен для Анны Андреевны, она здесь никогда не возмущена, не гневлива.

22 апреля 64.

Я застала ее в столовой. Сидит на своем обычном месте в углу дивана за большим обеденным столом. <…> Я преподнесла ей Леопарди. Случайно он попал ко мне в руки. <…> Издание необычайно изящное. <…> Ардов восхитился переплетом, бумагой. И тут же с большим проворством приклеил непрочно вклеенный портрет.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 205

После суда, когда идут хлопоты о пересмотре дела.

Алена [Ольга Чайковская] советует Анне Андреевне срочно обратиться с письмом к Анастасу Ивановичу Микояну, чтобы в руках у него оказался высокий отзыв Ахматовой о поэте Иосифе Бродском. Он <…> может повлиять на Смирнова. <…> Анна Андреевна предложила нам такой план: она письмо Микояну подпишет, но пусть присоединят свои подписи еще два поэта: Сурков и Твардовский. <…> Я сказала, что уж если Анна Ахматова свидетельствует, то какие и чьи еще требуются заверения? <…> «Не наивничайте, пожалуйста, я этого терпеть не могу! — оборвала меня Анна Андреевна. — Вам не десять лет! Голоса Суркова и Твардовского для Микояна гораздо более весомы, чем голос какой-то Ахметкиной. Наверху своя шкала ценностей».

Она трусит.

Мария Сергеевна глядела на меня с укором. В самом деле, не в возрасте Анны Андреевны и не с ее заболеванием сердца пускаться в судебные тяжбы <…>.

«Сурков и Твардовский им ближе нас всех. <…> О себе не говорю. Про меня давненько с полной ясностью высказался товарищ Жданов».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 272–273

Ее медаль, она никому не даст забыть.

Бродский отправлен в ссылку, друзья за него хлопочут, а у Ахматовой решается ее «судьба» — поедет или не поедет она в Италию. Все об этом.

«Сил моих нет видеть, как губят молодежь! Собственная моя судьба меня уже не занимает… Поеду в Италию, не поеду в

Италию… <…>».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 231

Это — судьба?

На днях Анну Андреевну посетил Сурков: все те же разговоры об осенней поездке в Италию.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 217

<…> О Поликарпове заведующем отделом культуры ЦК КПСС — о его приезде в Переделкино к деду. С его, Чуковского, заступничеством они считаются, а вы, Корней Иванович, за кого, дескать, заступаетесь? Ну и дальше запустил обычную шарманку: подстрочники, попойки <…>. «Бесстыдники, — сказала Анна Андреевна. — Чуковскому который год пошел? Восемьдесят третий?» Я сказала, что сперва испугалась: дед лежал странно, косо и «не в ту сторону», то есть головою не там, где подушка, и губы, губы! — но он вдруг выпрямился, сбросил ноги на пол и, форся перед нами, сказал: «Он требует, а я ему — кукиш!» Между тем Анна Андреевна уже не слушала меня. Она пристально глядела в окно. Ей так не терпелось узнать, кто пожаловал в Будку — что она встала, с неожиданной легкостью прошла в переднюю, отворила дверь на холод. Оказалось: Натан Альтман с женой. <…> Начался разговор о поездке в Италию, о премии, о художественных сокровищах Рима, об Оксфорде. Анна Андреевна веселая, даже, я сказала бы, радостная. Никаких тебе трагических четверостиший о встречах, что разлуки тяжелей.

Я ушла.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 250–251

«Приезд ко мне Ирины (жены Альтмана) — хороший знак. Эта дама — вернейший барометр. Она никогда не удостоила бы меня визитом, если бы мои акции в глазах начальства не поднялись». Завтра Анна Андреевна уезжает в Ленинград, оттуда в Москву, оттуда в Рим. Выдержит ли сердце?

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 251–252

Сегодня она величественна и раздражена. Звонил Сурков. Сообщил, что она летит в Италию получать премию, что это уже решено. Он явится в 5 часов рассказать подробно о предстоящей церемонии. «Я ему скажу: верните мне Иосифа! А то я не поеду».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 215

Потому она и едет, что не просила Иосифа.

В поздних «воспоминаниях» имя Ахматовой часто упоминается в связи с защитой Бродского. Просто все помнят, что она как-то была связана с ним, а то, что нет никаких упоминаний о ее конкретных действиях, — это никому не приходит в голову.

«За него хлопочут и Фрида, и я, и вы, и Твардовский, и Шостакович, и Корней Иванович, и Самуил Яковлевич, и Копелевы…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 207

Ну это она сама.

В результате вмешательства видных деятелей европейской культуры (в том числе — письмо Ж.-П. Сартра руководству страны), вызванного публикацией на Западе записи судебного процесса, сделанного Ф. А. Вигдоровой, Бродский, отбыв в ссылке 18 месяцев, освобожден досрочно).

В. А. КУЛЛЭ. Иосиф Бродский. Хронология жизни и творчества

Имен деятелей культуры, вступавшихся за Бродского, как видим, много. Их упоминает и отец Иосифа Александр Бродский в жалобе Председателю Президиума Верховного суда РСФСР. Ахматову, естественно, назвать не рискнул — и потому, что не билась она за него, и потому, что знает — такой мировой угрозы она не простит. «Вы опять хотите, чтобы я была за все в ответе?»

«Все радиостанции мира кричат об освобождении Ивинской и Бродского. Для того ли я растила Иосифа, чтобы имя его стояло рядом с именем этой особы?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 250

И растила, и освобождала…

ТРУСОСТЬ КАК ТАКОВАЯ

Анна Андреевна Ахматова была настоящий мальчиш-плохиш: ленива, лжива, труслива. Труслива во всем: от простых житейских ситуаций, когда ей хамили домработницы и горничные в зарубежных отелях, наглые юнцы и самоуверенные девицы (она не смела возразить, а потом, конечно, отыгрывалась на «преданных») — патологической трусостью как таковой, когда смелость требовалась всего лишь в пределах санитарных норм. Ни за кого не заступилась, ничего не подписала (я не наивничаю — речь идет о временах, когда это все-таки можно было делать). За родного сына не вступилась, хоть на XX съезд партии только ленивый не обращался. Жалкую свою «Поэму» за набат считала и — нет, не гордилась, хотя по объявленной свободе уже и нечем было, — трусила по-прежнему.

О «Поэме»

Лагеря они там, к счастью, не чуют — а если бы даже и чуяли? Уже напечатан Солженицын! — но какую-то крамолу чувствуют. Может быть, опасаются, что там где-то упрятан Гумилев? Под чью-то Маской? Да Гумилев уже вышел Собранием сочинений! А может быть, догадываются, что речь в «Поэме» идет о победе над ними? О победе поэта?

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 559

Разве что.

Новый бешеный взрыв. Она рассказала о посещении Гранина, <…> он сообщил, будто сделалось известно (я не поняла из ее рассказа, *кому* известно?), что, когда она была в Италии, к ней приходили и предлагали ей остаться. «Я так на него закричала, что он даже и сам крикнул: «Не кричите на меня, пожалуйста». А я кричала, что никто нигде ко мне не приходил, никто ничего не предлагал, что это все — вранье. Кому нужно это вранье? Зачем? Кто это изобретает?» Она задохнулась.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 281–282

Напрасно. Это все — народные чаяния. Народ хочет, чтобы к ней приходили, звали, она бы отказывалась… Можно было бы быть поспокойнее в 75 лет.

Когда в Ташкенте Анну Андреевну положили в правительственную больницу, она запретила Мандельштам ее навещать.

Надежда Яковлевна рвется к ней в больницу и просила меня позондировать почву. Я зондировала — нет. Н.Я. написала записочку — «Ануш! Очень хочу Вас видеть» <…>— но ответа не последовало, ни письменного, ни устного. Очень, очень NN бережет А.А. И это мне неприятно.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 504

Между тем Ахматова не забывает прихорашиваться перед вечностью, как перед зеркальцем.

«Как я скучаю по Наде… Очень хочу ее видеть. ПОЧЕМУ-ТО она ни разу не пришла…» В ответ на мой удивленный взгляд: «Да, в ту больницу я не хотела, чтобы она пришла, та уже была слишком страшная…» (Зачем она лжет мне? Ведь я знаю, почему она не хотела.) «А здесь нарядно, хорошо. Пусть она придет в воскресенье».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 515

Пастернак в свое время не отказался общаться с опальными.

Наступал 1937 год. Из Грузии пришли страшные вести: застрелился Паоло Яшвили, которого мы с Борей очень любили, вскоре арестовали Тициана Табидзе. Когда до нас дошли слухи о причинах самоубийства Яшвили, Боря возмущенно кричал, что уверен в их чистоте, как в своей собственной, и все это ложь. С этого дня он стал помогать деньгами Нине Александровне Табидзе и приглашал ее к нам гостить. Никакого страха у него не было, и в то время, когда другие боялись подавать руку жене арестованного, он писал ей сочувственные письма и в них возмущался массовыми арестами.

Зинаида ПАСТЕРНАК. Воспоминания. Стр. 294–295

А Ахматова боится к себе пускать даже не опальную, а только притронутую бедой (в смысле, что оставшуюся для себя лично без последствий, легализованную) «Надю». Ахматова хочет быть святее папы римского — вернее, подлее кагэбешников. Не пускает — так боится.

Осторожничала и раньше, Надежда Яковлевна не хотела верить.

30 ноября 39 года.

На днях Анна была в Москве, а ко мне не заехала. Меня это ужасно обидело.

Письмо Н. Я. Мандельштам к Кузину из Калинина.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 38

9 мая 1941.

Анна Андр<еевна> была в Москве и рыдала на Жениной груди. На этот раз она откровенно сказала, что боится ко мне заезжать <…>.

Письмо Н. Я. Мандельштам к Кузину из Калинина.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 55

«Они уже боятся ездить ко мне», «Зина уже не пустила его ко мне» — этим Ахматова щедро хлещет по щекам коллег. А они (я говорю о Пастернаке) в это время хлопотали о ней, даже премий добивались…

А вот Борис Пастернак, писавший Сталину за сына Ахматовой, выдвигавший ее на Сталинскую премию, когда она была в немилости, ссужавший деньгами — сам подвергся травле за историю с «Доктором Живаго».

Сказала, что собирается съездить с Ниной Антоновной к Борису Леонидовичу на дачу. «Это будет визит соболезнования, но без выражения соболезнования. Оставлю такси ждать и просижу полчаса. Не более. О его делах ни слова — о погоде, о природе, о чем хочет. Если же его не будет дома, оставлю ему записку, и дело с концом».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 340

Это напоминает визит Бетси Тверской к Анне Карениной, когда та впервые с Вронским приехала в Петербург и никто не хотел ее навещать и тем более приглашать к себе. Бетси рассматривала свой визит как акт эпатажа, эксцентричности, светского аттракциона. Заодно хотела получить и моральные дивиденды. И Ахматовой, и Бетси Тверской все удалось: и героиня, и друг…

Да что там опальный Пастернак! Брат родной, скромный служащий в эмиграции, после «оттепели» знак подал.

В 1956 г. после 30-летнего молчания Ахматова получила первое письмо от брата, ответить на которое она решилась только в 1963 г. См. свидетельство С. К. Островской: «Письмо от брата Виктора Анна Андреевна получила не без помощи Шостаковича, вскоре после XX съезда партии и после освобождения Льва

Николаевича Гумилева. Письмо от «брата с Уолл-стрита» (на самом деле он был охранником в банке) очень напугало Ахматову (а беспрестанные цитаты о ее бесстрашии разбросаны по всей этой книге) и, предвидя неприятные последствия, решив загодя предупредить их, она отправилась на Литейный, 4, где показала полученную корреспонденцию. Там Ахматовой в вежливой форме ответили, что переписываться с американским родственником или нет, ее, Ахматовой, личное дело».

С. Б. БЕРШТЕЙН в записи Дувакина. Стр. 141

Письмо на Литейный тащила сама, дорогу переходила, не боялась переходить сама. Или кто-то сопровождал и есть такие люди, которые могли бы вспомнить поход героической Ахматовой в Большой дом с доносом на собственного брата? Такие воспоминания никто публиковать не будет!

У нее не было ни братьев, ни сына, ни, конечно, мужей. Разве что в той степени, в которой они делали ей биографию.

Брата я не ненавидела
И сестры не предала…

В новую эпоху страх сменился тем, за что ее хвалил Сурков: «Исключительно тактично себя ведет». На моем языке это называлось «чрезмерная осторожность».

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. Стр. 303

<…> Ее уговаривали послать «Реквием» в редакции журналов, например, в «Новый мир». Она ведь огорчалась, что стихи ее мало циркулируют в списках, но в редакции она их послать отказывалась. «Что вы хотите, чтобы опять весь удар упал на меня?»

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. Стр. 303

Опять? ВЕСЬ удар?

О старых друзьях.

Через несколько лет Чулков умер — «от страха», сказала Анна Андреевна. Чулковы поссорились с домработницей и боялись, что она станет писать на них доносы.

Э. ГЕРШТЕЙН. Тридцатые годы. Стр. 249

Чулков умер в 1937 году.

Пусть даже от страха.

А письмо родного брата в 1963 тащить в КГБ?

Ну и так далее. Отсылаю ревнителей мужественной Анны Андреевны к многочисленной мемуарной литературе.

Внук Толстого, преподаватель МГУ, знавший в молодости брата Ахматовой, спешит поделиться с нею новостью.

При встрече с Анной Андреевной он ей сказал: «Знаете, я от Виктора Андреевича недавно получил письмо. Вас, наверное, интересует, жив он или нет». Она вся побледнела и сказала: «У меня нет брата и я не желаю ничего о нем знать».

С. Б. БЕРШТЕЙН в записях Дувакина. Стр. 140

…Затем показала статью <…>, передававшуюся по французскому радио. Статья о ней <…>. Перевела отрывок. «Ахматову чтут в России за ее бесстрашие в сталинские времена»…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 132

«ГОНЕНИЯ»

Ахматова, как известно, была всегда гонима и травима, без этого не обходится ни один вздох о ней. Даже не заблуждающиеся на ее счет машинально повторяют мифы.

<…> Ее травили, все время, до последних дней ведь ее травили <…>.

М. М. БАХТИН в записи Дувакина. Стр. 47

Она числит за собой два периода официальных гонений: после «Первого постановления» и после «Второго». «Первого постановления» в природе никогда никакого не существовало. Просто она была в творческом кризисе как минимум пятнадцать лет, до войны, но задним числом сочла более эффектным оправдать его партийным запретом. Здесь явный просчет: запрет чего? Писания? Или публикаций? Писать вроде запретить трудно, публикации возобновили — а написанного не оказалось.

«Второе постановление», 46 года, было реальнее, но было оно не о ней — о журнале, для которого она была неподходяща. И из этой завязки она сделала сюжет о том, что ей опять запретили писать — ну и начали холодную войну.

В записках о Мандельштаме Анна Ахматова вспомнит: «…Он выгнал молодого поэта, который пришел жаловаться, что его не печатают. Смущенный юноша спускался по лестнице, а Осип стоял на верхней площадке и кричал вслед: «А Андрея Шенье печатали? А Сафо печатали? А Иисуса Христа печатали?»

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 41

1928.

Анна Андреевна ездила в Москву, где, между прочим, ей предложили принять участие в руководстве работой ленинградского отделения ВОКСа. Шилейко сказал: «Ну тогда в Москве будет ВОКС populi, а в Ленинграде — ВОКС Dei» (Vox populi — vox Dei: глас народа — глас Божий).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 280

Это — после «Первого постановления»!
Никакого «Первого постановления» никогда не было.

Работать — заниматься литературным трудом, хорошо зарабатывать — она могла бы всегда. Не хотела. Даже писать

стихи, как выяснилось, могла — только на заказ, зная, что опубликуют и оплатят.

25 января 1936.

Выписка из протокола № 3 курортно-бытовой комиссии при секторе персональных пенсионеров Ленгорсобеса о прекращении выплаты А.А. персональной пенсии за литературную деятельность.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 18

Казалось бы, литературной деятельности и вправду не было особой — стихов не писала, лежала на кушетке, несколько работ сделала как хобби, на персональную пенсию точно не тянуло. Лет тоже было немного — 46. Однако:

9 сентября 1937.

А.А. выдана пенсионная книжка персонального пенсионера республиканского значения.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 28

Какого же еще более официального признания она хотела?

Она умеет противостоять попыткам ущемить ее права на привилегии, а назвать их можно как угодно: и гонениями, и репрессиями.

Разговор о квартире: «На новостройку я не поеду. Ни в Стрельну, ни в Лесной. Здесь ко мне все мои друзья близко, я до всех могу сама дойти пешком, а там я буду отрезана. И Владимир Георгиевич сможет навещать меня не чаще раза в неделю».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 90

18 днем <…> Анну Андреевну позвали к телефону. Она подошла и вернулась к нам в большом гневе. «Звонит какая-то секретарша из Литфонда. Сообщает, что все места в Детском заняты и для меня путевки нет (дело происходит через девять дней после того, как доктор ей предписал отдых, но она отказалась от путевки — а потом передумала и обратилась снова. Тем временем разгар лета). Я кричу (тут она действительно закричала по слогам), что я никого не хо-чу ли-шать от-дыха, что я рада не ехать… А она в ответ: да вы не волнуйтесь, не волнуйтесь, мы вас все-таки как-нибудь устроим… Они совсем не понимают, с кем имеют дело! Она ждала, что я начну требовать **(а она не начала? Это — не начало? «Какая-то секретарша» не скажет начальнику: Ахматова кричала и требовала?)**: мне, мне

давайте путевку! Что я приму участие в общей свалке!»

(О, как я благодарна ей за то, что ей хорошо ведомо, кто она, что, блюдя достоинство русской литературы, которую она представляет на каком-то незримом судилище, — она никогда не участвует ни в какой общей свалке!)

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 165

Январь 1940 года.

«Целые дни теперь приходят и приходят изо всех редакций».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 66

Все, что было написано за эти годы якобы опалы, о чем молчалось — все можно было опубликовать. Опубликовала «Из шести книг» (назвала для солидности) — и потом долгие годы разражалась гневом, мол, какая ужасная книжка. «Старо, слабо, — скажет Марина Цветаева. — Что же она делала эти годы?» Говорила, что много работала, — не всплыло никогда. Разве что иногда ставила заведомо ложные даты. Иосиф Бродский говорит об этом с провоцирующей наивностью.

Бродский: Был период, когда Ахматова писала стихов довольно мало. Или даже почти ничего не писала. Но ей не хотелось, чтобы про нее так думали.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 267

Это он объясняет, почему она ставила под своими стихами фальшивые даты. Это объяснение, кстати, еще самое мягкое — более корректным было бы обвинить ее в мошенничестве.

Все слухи оказались справедливыми. Действительно, ей уже прислали из Москвы три тысячи единовременно, и ежемесячная пенсия повышена до 750 рублей. Зощенко с листком, присланным из Москвы, ходит в Ленсовет просить для нее квартиру. В Союз принимали ее очень торжественно. За ней заехали секретарша и член правления Союза — Лозинский. Председательствовал Слонимский.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 65

Это все она рассказывала. Это все для нее очень важно в 51 год.

Теперь сделаем паузу и процитируем другой документ.

В Совет Литфонда.

Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда.

М. Цветаева.

26 августа 1941 г.

Анна САКЯНЦ. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. Стр. 753

Гонения после Второго постановления (было всего одно, оно и было).

Описать гонения довольно трудно. Почти все они заключались в том, что отказались печатать «Сероглазого короля» и «Чудотворной иконой клянусь / И ночей наших пламенным чадом…» Что касается тов. Жданова — то он ничего нового в ее характеристике не выдумал, «блуд в молельне» был обнаружен критиками давно, в самом начале ее литературного пути, об этом говорилось обыденным тоном, как об очевидном содержании ее поэзии.

<…> Остается в силе вывод об узости Ахматовского мирка, ограничиваемого комнатными эротическими и молитвенными эмоциями.

Г. ЛЕЛЕВИЧ. Анна Ахматова (беглые заметки). Стр. 472

Это не великая страна всеми танками, а дежурный литературовед одним перышком. Это 1923 год.

К тому же я абсолютно уверена, что это оригинальное, как ей казалось, сочетание — «религиозности» и эротизма — культивировалось ею сознательно. Однажды найденное, оно было сочтено очень удачным для узнаваемости брэнда. Она никогда от этого не отказалась. О религиозности Ахматовой речь, я думаю, все-таки не идет, а особенно жаркого блуда я тоже не чувствую. Легкий оттенок мазохизма — да, она, со своим умом, быстро идентифицировала его и сама — и культивировала, как непосредственное ощущение (редкое среди ее обычных рассудочных построений).

Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —

Это запатентованный знак, это лишь помогает продвижению товара, а на качество его не влияет. Очень хорошо, если женщина пишет о своих эротических безумствах — я готова ждать, что она сообщит мне нового. Неплохо, если она имеет привычку молиться или знает, как

заходить в церковь. Плохо, когда мне преподносят специально созданную мешанину, чтобы эпатировать. Товарищ Жданов осадил — чтобы не задумывались те, кто принимает все за чистую монету. Имел право. Дачи, санатории, загранпоездки и бесплатные проезды в трамвае распределял он. Кто мог обойтись без дачи не думал печататься. Все-таки можно было разобраться, в какой стране выпало жить и каковы правила игры.

Наигуманнейшим образом людям с гуманитарными наклонностями позволяли заниматься гуманитарными профессиями. Писатели, например, которые не хотели писать для публикации того, за что товарищ Жданов был готов платить, могли работать редакторами, рецензентами, переводчиками. Не все, правда (неудачники преподавали в школе или инженерствовали, занимаясь для себя чтением или писанием) только те, кому повезло, как Анне Ахматовой. Ее завалили предложениями переводов.

Писать или не писать стихи — оставалось делом совести. Она — стала писать «Слава Сталину».

«Я совсем не могу работать, не в силах. За лето перевела 30 строк, а должна была перевести 3000 **(за столько ей готовы были заплатить — и можно было бы не завидовать Пастернаку).** Зощенко уверен, что он накануне богатства, а я накануне самой черной нищеты».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 228

Отдавала бы переводы плечистым помощникам — эта схема была ей хорошо известна и в краску не вводила.

Стихотворный перевод Ахматова называла трудным и благородным искусством.

Игн. ИВАНОВСКИЙ. Анна Ахматова. Стр. 615

Ну, это — ее обычное бытовое лицемерие.

И она раздавала подстрочники помощникам, делилась с ними гонорарами. Некоторые из них тоже нуждались в заработках, но не могли получить заказов. Это все были драматические подробности ежедневной литературной жизни Анны Ахматовой.

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 68

Да, это драма.

Я спросила, чем она угнетена. Оказалось: по случаю ремонта дома <…> ее вместе с Пуниными, после долгих хамств, временно перевели в писательский дом. Но эту временную квартиру из-за какой-то неисправности залило водой. «Все мои книги, вещи, платья — все утоплено, — сказала Анна Андреевна. — У меня теперь ничего нет. Мне это все равно, это очень идет моей судьбе». (Впоследствии выяснилось, что размер бедствия оказался не так уж велик. Кроме того, в писательском доме в Ленинграде Анне Андреевне предоставили квартиру не временно, а навсегда.)

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 462

В 1955 году Литфонд стал строить в Комарове свои дачи, одна из которых предназначалась Ахматовой.

Сильва ГИТОВИЧ. В Комарове. Стр. 506

«Что Надя думает: что она будет писать такие книги, а они ей давать квартиры?»

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 114

Так щепетильна Анна Андреевна, когда на бездомность жаловалась Надежда Мандельштам.

Анна Ахматова «таких» книг не писала. Получала за это многое, но слово «гонения» велела произносить.

Однажды она показала мне листок с машинописной копией стихотворения «Мужество», которое она предложила в Ташкентский альманах. Рукопись была возвращена с пометкой: «Доработать». «Вот видите, — сказала Анна Андреевна, — редактор сразу заметил, что последняя строка короче других. К тому же здесь нет рифмы». «Дорабатывать» «Мужество» она не стала, и стихи не были напечатаны в альманахе. В этом уже тогда можно было увидеть залог будущих поношений.

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 84

Диплом «гонимой» — статья Перцова двадцатых годов. Перцов — младший брат Жданова.

Но у языка современности нет общих корней с тем, на котором говорит Ахматова, новые живые люди остаются и останутся холодными и бессердечными к стенаниям женщины, запоздавшей родиться или не сумевшей вовремя умереть, да и самое ее горькое страдание сочтут непонятной прихотью.

В. ПЕРЦОВ. По литературным водоразделам. Стр. 696

Человек, вполне включенный в контекст современной Ахматовой литературы, говорит на языке литературной критики о литературной материи. Такую статью «носить всегда при себе» и протыкать булавкой — право, не стоит. Она — другая и о другом.

Да и подумаешь, какой ужас: забыла, когда умереть. Ну и что? Он ей это не в гостях за чаем говорит, здесь она — на поле боя.

Обвинения Пастернаку — обвинения не в будуарности и высказаны не в литературном журнале.

«Иногда мы… совершенно незаслуженно говорим о свинье, что она такая-сякая и прочее. Я должен вам сказать, что это наветы на свинью. Свинья <…>— она никогда не гадит там, где кушает… Поэтому, если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья никогда не сделает того, что он сделал. (Аплодисменты.)»

(29 октября 58 г.

Доклад Семичастного на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ «40 лет ВЛКСМ»)

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 327

17 января 1957 года.

«Я была в Гослитиздате и огорчена. Мне хамят в редакции. Я хочу, чтобы книга называлась «Стихотворения Анны Ахматовой», а они требуют «Анна Ахматова. Стихотворения». Мое заглавие, немного старинное, подходит к моим стихам, а это телеграф. Я сказала: пусть лучше тогда совсем не выпускают книгу.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 241

Процитировать еще раз заявление Марины Цветаевой? Той — не хамили, ей даже не ответили на ее просьбу принять судомойкой в столовую, где «кушали» поэты и поэтессы.

«Больше никогда не разрешу ни одного вечера».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 228

Что-то в организации литературного вечера было не так. Отголоски гонений?

Ахматова погружена в болезни, нищету, бесправие, от которого не могут спасти даже переводы, даже восстановление в Союзе, даже предоставление литфондовской дачи.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 51

ЧЕГО же еще? Она живет в Советском Союзе. Больших привилегий нет ни у кого. Вилл на Майами не выдают. В эмиграции (если исследователи вслед за Ахматовой намекают, что болезни, нищета и бесправие — ее свободный выбор взамен несомненных, но отвергнутых богатства, здоровья и всевластия, будто бы обетованных где-то) у нее не было бы и того.

Кстати, о даче.

Аренда продлевается, но при условии: там будет жить Ахматова, а не Пунины. А все дело в том, что ее лачуга, наверное, понадобилась кому-нибудь из писательских чинуш.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 273.

Если не ей — то есть даже если не Найману или Пуниным — то сразу «чинуши», «лыжницы», «добрые нравы литературы» и пр.

7 августа 55 года.

Давно не видела ее такой встревоженной и раздраженной. При мне какой-то мужской голос позвонил ей из Ленинграда с требованием срочно ехать в Комарово, а то Литфонд недоволен.

По телефону она говорила спокойно, но мне, положив трубку, сказала: «Клинический случай идиотизма». Потом легла и попросила дать ей валидол.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 157–158

От такого недолго и помереть.

Запись Л. В. Горнунга: «Сегодня по просьбе Лукницкого снова справился в Цекубу о санатории для Ахматовой…»

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 92

Это — гонения после Первого постановления. Ее санатории (бесчисленные) — это отдельная песня. После Второго уже не надо было о санаториях и просить.

Вот гонения после Постановления 1946 года, когда она была «обречена на голод» (об этом тоже есть отдельная глава).

«Вы знаете, меня это даже утомило: я каждый день получаю такое количество карточек продовольственных, что я не знаю, что

с ними делать». Ей анонимные лица посылали… Она говорила: «Не меньше десяти в день я получаю». Я говорю: «Что же Вы с ними делаете, Анна Андреевна?» — «Как что? — Отношу в кассу и беру», — она говорит. И вообще она к этому относилась не только спокойно, а выработала в себе даже какую-то такую усмешку по этому поводу.

Е. К. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА я записи Дувакина. Стр. 116

«Я была с моим народом там, где мой народ, к несчастью, был».

В стране в это время был голод. Ее собственных карточек, напомню, никто не отнимал.

В. Из небольших своих заработков она купила <…> машину, вот так вот.

Д. Машину? Все-таки разве у нее могли быть…

В. Да. Когда она издала несколько книг, потом переводы какие-то у нее там… Сравнительно дешево она купила <…> машину.

М. Д. ВОЛЬПИН а записи Дувакина. Стр. 174

И очень мелкие жемчуга.

С одной стороны, ей стали предоставлять работу переводчика стихов, чтобы она не умерла с голоду. Еще через некоторое время, под давлением доброхотов-благожелателей, Литературный фонд сдал ей в аренду маленький коттедж в Комарове на общем участке с тремя другими писателями.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 463

Доброхоты, ах проклятые!.. Это просто невыносимое гонение.

Правда, возили ее в этот «маленький коттедж» на литфондовской машине — как-то компенсировали «травлю».

Что мы все о материальном и о материальном. Страдания Анны Андреевны гораздо более утонченны.

Потом Ахматова рассказала, что у нее попросили стихи для «Правды», она послала «Летний сад», но оказалось, что не подошло. Она прочитала: «Я к розам хочу…» Пастернак в ответ прогудел: «Ну, вы бы еще захотели, чтобы «Правда» вышла с оборочками».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 728

На «Правду» ей наплевать. Анне Андреевне хочется всего и сразу. Журнал Cosmopolitan учит девушек, что это — правильно. Если мы будем считать Ахматову поэтессой для

гувернанток, которым вряд ли удастся выйти замуж, то поприветствуем ее за непоколебимость жизненной позиции.

А если принять во внимание ее претензию числиться в великих, то очевиден правильный ход: надо было пострадать. Пострадать чувствительно (чувствительно по ее меркам, потому что, например, для другой матери то, что случилось с ее сыном, было бы даже слишком; а ей — хоть бы что!). Небольшие же жизненные невзгоды здесь не годились — и она их «подчищала», раздувала и вешала себе на шею — как медаль.

Что она знает о настоящих гонениях?

Часть IV
ПОДВИГ МАТЕРИ

SA PAUVRE MÈRE

Все благоговели перед «Подвигом Ахматовой». Подвиг в чем? Жива, здорова, сама не сидела, мужей теряла только бывших или не своих, не воевала, в блокаде не была, перед красноармейцами не выступала, отлынивала, злилась, лежала пьяная с подругой в кровати до вечера, щеголяла в подаренных ею шляпках. Не печатали какое-то время, да. Так она ведь и не писала. Не писала, потому что думала, что не будут печатать, душевной потребности не было. Подвигом все-таки с натяжкой можно назвать. К тому же многих бы напечатали — а они все равно не пишут. В общем, вопрос совсем не однозначный, но все это не очень похоже на настоящий подвиг. Писем протеста не подписывала, даже демонстративно не отмалчивалась, славословия Сталину писала — это да, это тоже иногда называют ее подвигом, но ход мыслей теоретиков настолько изощрен и тонок, что, следуя их логике, часто ловишь себя на мысли — а все-таки не в противоположную ли сторону мы движемся?

Ее единственный сын сидел в тюрьме. В общей сложности четырнадцать лет. Если это — подвиг, то подвиг Ахматовой напоминает подвиг mixt-героя Павлика Матросова: тот закрыл амбразуру собственным папой. Не знаем, как с сыновними чувствами у этого гибрида, а вот у Ахматовой с любовью к сыну что-то действительно было не так.

Бродский: <…> Рациональность творческого процесса подразумевает и некоторую рациональность эмоций. Если угодно, известную холодность реакций. Вот это и сводит автора с ума.

Волков: Но разве в этом смысле «Реквием» не есть именно автобиографический слепок с ситуации, в которой, как я понимаю, присутствовало определенное равнодушие Ахматовой к судьбе собственного сына?

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Иосифом Бродским. Стр. 244

С ума ее, конечно, ничто не сводило, весомый голос Бродского эксплуатирует свою весомость, но вот нюх на цыганщину у нее был безукоризненный. Вот один из мотивов: «Несчастная мать».

Мне, лишенной огня и воды,
Разлученной с единственным сыном…
На позорном помосте беды
Как под тронным стою балдахином.

Муж в могиле, сын в тюрьме…

Ахматова уже один раз прикрывалась своим сыном, объясняя неосуществленность романа своей жизни — неромана с Блоком. Безнравственная мать А. А. Кублицкая-Пиоттух (Блок) — сводит сына с дамой (которая, впрочем, и сама на квартиру к поэту в гости невзначай забредает) — но как можно! У нее же ребенок! Из-за рождения которого она пропустила два месяца светских развлечений!

За само по себе отсутствие материнской любви Ахматову не стоит упрекать — за это ее надо бы славить: если бы она могла полюбить ближнего больше, чем родного… Но она не любила никого.

Ей просто повезло, почти как «наисчастливейшей из вдов», — на сцену вышел сын.

«Я пожертвовала для него мировой славой!!!» — выкрикнула она в пароксизме отчаяния и обиды на нескончаемые попреки вернувшегося через семь лет (!) сына.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 323

Здесь еще интересен восклицательный знак, поставленный Герштейн после цифры семь. Что семь? Мол, за семь лет мог бы и притерпеться, и не мечтать о лучшей доле, мать не упрекать?

Вот это и есть ее награда: возможность так воскликнуть, возможность показать на виноватого. Это то, что дал ей сын. А вся история была такова: сначала было детство (в котором не было ролей ни матери, ни сына), потом юность, в которой она была возмущена тем, что он хочет жить, потом ее любовник донес на него, взяли обоих, она чуть не потеряла рассудок от горя по Пунину, хлопотала, их освободили, сына чуть позже опять посадили, но началась война — ее звездный час, было не до него, после войны еще какое-то время был почти апофеоз, а потом ее все-таки решили окоротить, а сына — как водится, посадили.

Ей было ясно, что сажают его, а не ее — в назидание за правильное поведение. Она все поняла и неправильных шагов не делала. Она платила сыном.

Она должна была сделать свой ход: или защищать его, а значит — протестовать, или — показать, что она понимает: или он, или она. Она согласна расплачиваться сыном и пишет стихи Сталину. Конечно, поклонники все воспринимают превратно.

Жертва Ахматовой оказалась напрасной. **Такие вещи всегда бывают напрасными. Читайте Евангелие.** «Грехопадение», насколько мне известно, никто ей не заказывал и ничего не обещал <…>.

Леву <…> не выпустили, а надломленной Ахматовой предоставили право говорить с кем попало непроницаемым тоном и переводить на русский язык стихи своих иноязычных подражательниц. Если кто-нибудь думает, что это не пытка, он ничего не знает о радостях и страданиях творческой личности.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 323

Радости и страдания творческой личности заключаются в творчестве. Поэт — это тот, кому ничего нельзя дать и ничего нельзя отнять. Непроницаемым и холодным тоном она разговаривала всегда. Иноязычных подражательниц у нее было, скажем прямо, мало, — ведь речи-встречи-невстречи — это обыденный круг женских тем, и если автор не поднимается над темой, а только обозначает ее, то он обречен натыкаться на своих не подражателей, а двойников.

Стихи Сталину — не жертву, а плату — она написала не для того, чтобы помочь сыну, а чтобы защитить себя. И это было понято правильно. Ахматову никогда не тронули.

«Какую биографию делают нашему рыжему!» — ее знаменитая фраза о суде над Иосифом Бродским. Представим себе, что, ослепленный завистью, Иоанн Креститель (если б дожил) упрекает Пилата: «Какую биографию делаете нашему Длинноволосому!» Ну, жил себе человек, проповедовал, зачем же такие авансы… При самом изощренном зломыслии, может, и можно ему приписать такую фразу. А вот Богородицу, довольно похлопывающую себя по бокам: какую биографию делают Ей, — это уже невозможно. Такое возможно только в жизни. В жизни замечательных людей — великой Анны Ахматовой.

ЛАГЕРНЫЙ ПСИХОЗ

Принято считать, что Лев Николаевич «испортился» в тюрьме, был несправедлив к матери, когда освободился в

пятидесятых годах, выглядел неблагодарным. Повторяли ахматовское: «Мне его испортили. Бедный мой Левушка! Прости его Господь». Прислушиваться к Левушкиному мнению считалось (и считается) «неправильным» и неприличным. Слушать надо только поклонников и наследников Ахматовой. А ведь Лев Николаевич, кажется, вменяемым был. Может, и ему дать слово? Особенно если это письма, написанные не десять лет спустя чужими людьми, а им самим? Из тюрьмы, скажем?

Эмма Григорьевна Герштейн полностью отметает точку зрения самого Гумилева и тех, кто почему-то — а почему бы нет? — ему поверил, например, его жены и академика Панченко.

…Гумилева, который через сорок лет рассказывал академику Панченко свои байки.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 320

Это — хороший тон.

В письмах подруге Лев Николаевич жалуется ей на маму. Что поделаешь: Эмма — более чем двадцатилетнее знакомство, а мама не пишет. Зэку же хочется тепла.

15.1.55.

«Я ей написал огромное письмище, но она, возможно, не скоро вернется домой и, значит, не скоро его получит. **А если бы она поручила кому-нибудь пересылать ей в Москву письма от сына, как нечто нужное ей, она могла бы получать их и скорее.** Поцелуйте ее от моего имени и велите написать открытку. **Она и напишет — за стойкой в зале Центрального телеграфа — дома-то ведь хочется писать что-то свое, личное, сыну — достаточно и с почты открытку…** Я вошел во вкус эпистолярного стиля. Как будто за последний год жить стало легче и веселее. Мне многие знакомые написали. Эмма, милая, пишите иногда, мне очень это радостно».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 354

Нет, пишет и мама.

Дорогой мой сынок Левушка, опять давно не писала тебе и даже не имею обычного извинения — работы. Я отдыхаю теперь после санатории, где было очень хорошо и прохладно и отдельная комната и общее доброе отношение.

Письмо АА — Л. Н. Гумилеву.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 95

Просто к слову: у нас дома завелась шутка: «Ты чем занимаешься?» — «Я? Отдыхаю после санатории».

22 декабря 1954 г. (телеграмма)

«Напомните маме обо мне похлопотать Лева».

Ответная телеграмма была послана 23 декабря 1954 г.: «Помним. Постарайтесь сохранять спокойствие. Это самое главное. Эмма».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 354

Краткость Левиного стиля могла бы показаться вызывающей, но Эммин бесстрастный тон доктора-психиатра подтверждает, что эта игра существует. Раз существует — значит, в нее играют обе стороны.

А вот когда он уже не хочет подыгрывать матери:

8 марта 1955 г.

«Мамин эпистолярный стиль несколько похож на издевательство, но знаю, что это неумышленно, вернее, просто недостаток внимания ко мне. <…> Все-таки, я полагаю, что посылка в месяц не покрывает всего долга матери перед гибнущим сыном, а это не значит, что мне нужно 2 посылки. Вы можете заметить, что я чувствую себя несколько обиженным невнимательным обращением со мной. Напр., сообщая мне о заявлении ак. Струве, мама не написала ничего по поводу содержания его и т. п. — **и Эмме запретила писать, просчитав, что эта искренняя забота (подробное сообщение о его делах) так сыном и будет воспринята — как искренняя забота, только вот не со стороны матери.** <…> А ламентации по поводу моего здоровья меня просто бесят. Пора понять, что я не в санатории <…>».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 354–355

«Мама как натура поэтическая, страшно ленива и эгоистична, несмотря на транжирство. Ей ЛЕНЬ ДУМАТЬ о неприятных вещах и о том, что надо сделать какое-то усилие. Она очень бережет себя и не желает расстраиваться. Поэтому она так инертна во всем, что касается меня».

«<…> Для нее моя гибель будет поводом для надгробного стихотворения о том, какая она бедная — сыночка потеряла, и только. Но совесть она хочет держать в покое, отсюда посылки, как объедки со стола для любимого мопса, и пустые письма, без ответов на заданные вопросы. <…>»

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 356

Письмо это очень пространно, и, если бы это был роман,

мы должны были бы упрекнуть автора за многословие и попытки вызвать сочувствие к такому малосимпатичному резонерствующему персонажу. Романтический герой должен был бы гордо молчать. Но если все количество слов этого письма мы разделим на количество дней, которые он провел в тюрьмах и лагерях — как раз и получится, что каменное его слово падало с частотой, полностью соответствующей самым строгим законам элегантности.

Лев Гумилев:

«В последнем письме она высказала гипотезу, что нас кто-то ссорит. Увы — это она сама».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 359

9 июня 1955 г.

«Получил от мамы 3 открытки, на которые долго не мог ответить, так они меня расстроили. Так пишут отдыхающим на Южном берегу Крыма, что она, в конце концов, думает?! Я это время пролежал в больнице, сердце и желудок объединили свои усилия, но сегодня выписан и послезавтра выхожу на работу».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 360

12 июня 1955 г.

«Ну, к примеру: я спрашиваю, жива ли моя любовница, а получаю письмо с описанием весенней листвы. Ну, на черта мне листва?!»

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 361

21. VII.1955.

«Очень, очень благодарю вас за заботу и за письмецо. С ними легче».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 363

Вот — сидит совершенно безвинный человек, не убийца, не насильник, и с письмецом ему легче. Каждую ночь, проведенную ими всеми в квартире, он проспал на нарах. Каждое утро, когда они просыпались и шли — шла Эмма на работу — а могла и не пойти на работу, бросить ее, уволиться сегодня, наняться потом в дворники, или в машинистки, или в воспитательницы — в общем, распорядиться своей судьбой сама, — он шел туда, куда распределяло его исправительно-трудовое заведение. И видел только лица других осужденных мужчин или охранников. С письмецом ему, конечно, было легче.

30.7.1955.

«Пришли: Ваше письмо, две вкусных посылки и 200 р. денег от мамы».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 363

200 р. — можно. Недавно Анна Андреевна все спрашивала у сына: можно ли 200 р., или только 100? Вот попробовала — и получилось. Как хорошо. Также для справки — кто читает не сначала: денег у Анны Андреевны было сколько хочешь, она к этому времени была очень богата.

10.9.55 г.

«Мама прислала 100 рублей, но почему-то не пишет».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 366

Почему все-таки опять 100 рублей? Послать денежный перевод без приписки — это как? Впору назад отправлять. Но зэк — он не должен быть гордым. Наверно, в этом наука, которую ему преподают.

«От мамы пришла открытка, в которой она горько оплакивает телефон, выключенный на месяц. Мне бы ейные заботы. Я, разумеется, ответил соболезнованием».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 368

Нередко мы ездили с Анной Андреевной на Центральный почтамт, где я становилась в очередь на отправку бандероли, и в этом огромном зале, под шум хлопающих дверей и шаркающих ног, под дробный стук почтовых штемпелей и возгласы с названиями городов, она писала письмо сыну.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 456

«…Мне темно и страшно»?

21.11.55.

«Мама написала очень теплое письмо на трех открытках, но все-таки вклеила пейзаж. Я начинаю думать, что у нее и к живописи были в детстве способности, но не развились».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 371

Разумеется, очень злобно. Но если адресат не чувствует естественности описательной лирики — скорее всего ее и нет. Если мне смешно читать про «темные наши клены» — то мне могут возразить, что ее адресат — Пунин, Найман — прослезились. А вот Лева не прослезился. Может, те прослезившиеся просто боялись ослушаться, а Леве все-таки было уже более или менее все равно?

«Воюю я пока удачно: наступал, брал города, пил спирт, ел кур и уток <…>. Мама мне не пишет».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 200

Письмо Льна Гумилева с фронта от 5 февраля 1945 г.

«Жить мне сейчас неплохо. Шинель ко мне идет, пищи — подлинное изобилие, иногда дают даже водку, а передвижения в Западной Европе гораздо легче, чем в Средней Азии. Мама мне не пишет, это грустно».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 200

Письма стали приходить после победы. Позволю себе высказать такое предположение. Молчание Анны Андреевны было как бы заклинанием, пока шли бои за Берлин. Ей казалось, что в каждом написанном ею слове заключены суеверные приметы. <…> А я позволю себе высказать другое предположение и отошлю читателя к главе «Я была с моим народом». Ни с каким народом она не была, не была и с сыном — прожигала жизнь и вторую молодость в чаду славы, как она ее понимала.

Лаконизм писем Анны Андреевны раздражал Леву и впоследствии, когда в 50-х годах он опять сидел в лагере.

Вообще говоря, Анна Андреевна перестала переписываться с родными и друзьями, вероятно, после расстрела Гумилева, когда в 1925 году она была негласно объявлена опальным поэтом.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 200–201

Невероятно. В 25 году — это не «после расстрела Гумилева» (прошло достаточно времени), а родному сыну можно писать, можно не писать — это не убавит и не прибавит лояльности. После расстрела Николая Гумилева она не почувствовала на себе никакой опалы. Дав поручение Лукницкому собирать материалы по его биографии, Ахматова втянула в эти сборы множество людей в Москве и в Ленинграде. Дневники Лукницкого пестрят как минимум двумя десятками людей, дававших материалы по Гумилеву, и не было ни одного случая отказа из-за боязни. Это, очевидно, очередная подложенная Ахматовой выгодная ей версия.

Ахматова не только не переписывалась с сидящим в тюрьме сыном, она НЕ ПОЕХАЛА повидать его, когда после многих лет тюрьмы ему дали разрешение на свидание.

КАК ОНА НЕ ПОЕХАЛА

7 декабря 54 г.

«Милая Эмма

Простите, что я не сразу отвечаю на Ваше милое, приветливое письмо. Я был очень тронут вашим желанием приехать повидать меня, но, к сожалению, это невозможно. Только родители, дети и зарегистрированные жены имеют право на свидание, так что ко мне может приехать только мама. Но поднимать маму на такую дорогу <…> ради 2 часов невозможно. **Если среди читательниц есть матери, то они сразу поймут, что когда у женщины сын в тюрьме, а она сама еще жива и — какое счастье! — у нее есть многочисленные знакомые, готовые без труда и охотно собрать деньги на дорогу, найти молодых, здоровых и предприимчивых мужчин или женщин, в том числе, например, женщину-врача, кого угодно, в сопровождающие, — что-то тут не то с материнскими чувствами, раз сын заранее подбирает извинения за отказ матери навестить его в тюрьме. Тем более если читательницы узнают, что через десять лет мать этого заключенного, не помолодев и не поздоровев, с радостью и серьезной подготовкой два раза подряд отправится в долгие — дольше, чем до Омска, — заграничные путешествия. И оттуда будет многия и богатыя подарки везти юным друзьям и свидетелям своего триумфа.**

Кроме того, мой внешний вид расстроит ее <…>». **Ну вот это уже действительно уважительная причина.**

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 354

Спустя восемь лет после отказа повидать сына Анна Ахматова ездила не только за границу за мировой славой, но и за любовным приключением — правда, всего лишь из Ленинграда в Москву, но тоже путь неблизкий. Летела к сэру Исайе Берлину на крыльях любви, узнав, что он в Москве. Он, правда, не захотел встретиться (потому что не только любви не имел, но и был едва знаком).

18 мая 63.

Утром позвонила мне Анна Андреевна. От неожиданности я не сразу узнала голос. «В Комарове прозрачная весна, а здесь уже пышное лето». <…> Приехала с надеждой на очередную «невстречу». (Намек в одной фразе.) Привезла ее Галя Корнилова.

Переезд, всегда дающийся ей тяжело, на этот раз совершился благополучно.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 38

Вернемся, однако, к лагерной пыли.

2 мая 1955 года.

«Короче говоря, я жду если не приезда, то по крайней мере отговорки — почему она не едет».

Л. Н. Гумилев — Э. Г. Герштейн.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 358

Отговорки не замедлили.

Собираясь в мае 1955 г. ехать на свидание с сыном (по ее просьбе я должна была ее сопровождать), Ахматова подверглась такому натиску противников этой поездки, что совершенно растерялась. Одним из главных доводов Пуниных, Ардовых и окружающих их лиц были выдуманные примеры скоропостижной смерти заключенного от волнения встречи.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 359

То она письма академиков в его защиту запрещает ему показывать, опасаясь чрезмерного волнения, то эта какая-то уж слишком изощренная забота, действительно не вяжущаяся с пренебрежением в вещах куда более грубых.

Нина Ольшевская: «Прилетел Толя, и нам удалось отговорить мадам от поездки в Париж».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 300

Это 1965 год.

Как видите, тоже значительно позже, но решимость была куда как более явная. И то — Париж или Туруханский край. Сами подумайте.

Кстати, когда Иосиф Бродский был в ссылке, родители его навещали (поврозь, чтобы его развеять) два раза. Им было по шестьдесят лет. Сидел Иосиф год с небольшим.

26 мая 55.

«Дорогая, милая Эмма,

могу сообщить Вам, что я опять в больнице. Мои болезни, сердце и живот, обострились; но надеюсь, что долго не проваляюсь. <…> Меня не особенно удивило сообщение о неприезде, хотя мама могла бы сама известить меня. Суть дела, конечно, не изменилась бы, но было бы приличнее. <…>

Я только одного не могу понять: неужели она полагает, что при всем ее отношении и поведении <…> между мной и ей могут сохраниться родственные чувства, т. е. с моей стороны. Неужели добрые друзья ей настолько вылизывают зад, что она воображает себя непогрешимой всерьез. В письме от 17.V она пишет, что ей без моих писем «скучно» — но я их пишу не для того, чтобы ее развлекать, для этого есть кино. Там же

спрашивает, «можно ли присылать денег больше 100 р», — это она может узнать и в Москве, но она, видимо, хочет, чтобы я клянчил подачку <…>».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 359

Здесь надо писать: и т. д. Ведь мужчине жаловаться не пристало, верно?

Представьте себе положение зэка и то, как смотрят на него другие заключенные — узнав, что мать отказалась к нему приехать повидать. Жалеют, думаю. Потом знакомые негодуют, что бывшие зэки, сидевшие с Левой, «кирюхи» — отзываются о великой Ахматовой с ненавистью.

В своих воспоминаниях Эмма Герштейн сочувственно пишет «о горечи Анны Андреевны по поводу внутреннего разрыва, произошедшего между нею и Левой». **И мы все эту горечь с ней разделяем.**

КАК ОНА «ХЛОПОТАЛА»

Когда Лев Николаевич Гумилев отбывал свой последний срок (всего он провел в заключении около 15 лет), в нем особенно сильно укрепилось убеждение, что мать хлопочет о его освобождении недостаточно. Не будем утрировать — даже если страдания осиротевшего материнского сердца уже в ней вызрели, и она была бы готова разразиться горчайшим поэтическим некрологом, и судьба ее обрела бы наибольшую отточенность — тем не менее она не делала ему вреда сознательно. Ленилась — да, боялась — да. В ту его последнюю отсидку действия ее были таковы:

— Написала ОДНО ходатайство о пересмотре дела. Получила официальный отказ и посчитала, что это из-за того, что она — это она, Анна Ахматова, и больше ей обращаться не следует.

— О ПОМИЛОВАНИИ — не ходатайствовала. Помилование — это для преступников с признанной виной, но она не стала.

— На писательском съезде, где была звездой, сделала только один жест: поговорила с Эренбургом (могла хоть каждый день с ним разговаривать).

— На XX съезд партии не написала ни строчки, не позаботилась о сыне вовсе. Лева был освобожден позже многих других, «микояновской» комиссией, без всякого участия Ахматовой.

Иосиф Бродский из ссылки в Норенской торопит своих благодетелей хлопотать за него энергичней. Ахматова раздражена, хотя хлопотать в любом случае придется не ей.

«У него типичный лагерный психоз (это заболевание немного стыдно — вроде энуреза или педикулеза) — это мне знакомо — Лева говорил, что я не хочу его возвращения и нарочно держу в лагере…» Я подумала: Лева пробыл в тюрьмах и лагерях лет двадцать без малого, а Иосиф — без малого три недели. Да и не в тюрьме, не в лагере, а всего лишь в ссылке.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1962–1966. Стр. 207

У Чуковской был расстрелян любимый муж, которого она помнила тридцать лет, поэтому в этот торг она вступает с полным правом, как эксперт, знающий цену каждому дню.

Лева был точен: ей было бы лучше, если б он умер в тюрьме, для маски страдалицы — просто подарок судьбы его десятилетия в тюрьме. Но не будем опереточными макиавеллиевцами: она, конечно, бездействовала в плане его освобождения не для того, чтобы продлить его страдания — а себе славу. Она бездействовала, потому что трусила и ленилась.

<…> Гумилев был искренне убежден, будто мать не добивалась его освобождения из лагеря. <…> Лев Николаевич не изменил своего мнения до конца своих дней.

Михаил АРДОВ. Вокруг Ордынки. Стр. 64

Верить мы должны кому угодно, но не Льву Николаевичу.

Волков: Лев Николаевич Гумилев, сын Ахматовой, не раз упрекал ее в том, что она о нем заботилась недостаточно — и в детстве, и в лагерные его годы. Помню, я разговаривал со старым латышским художником, попавшим в лагерь вместе со Львом Гумилевым. Когда я упомянул Ахматову, его лицо окаменело и он сказал: «От нее приходили самые маленькие посылки». Я как будто услышал укоряющий голос самого Гумилева.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 245

А если поверить? — что зэк, сидевший со Львом в одной тюрьме, мог и сам оценить размер посылок? а не только передавать жалобы со слов Гумилева, на самом деле, предполагается, получающего самые большие?

А может, здесь и вообще не в этом дело? Может, лучше все-таки отвлечься от тонкой этической стороны дела и не браться судить Льва Николаевича Гумилева за то, что он мысленно укорял мать за маленькие посылки? Может, при

нашей очень тонкой душевной организации мы бы тоже стали укорять?

О Льве Гумилеве

С. Они с моим отцом оказались вместе в пересылке.

Мне не нравилась его манера себя держать, немножко такая надменная. Заносчивость такая. Мне это не нравилось. А отец мне сказал: «Вот ты так говорила о Левушке, а ты знаешь, он себя вел ТАМ идеально». Это большая проба.

Д. Конечно.

С. И отцу моему понравиться было трудно.

М. Д. СЕМИЗ в записи Дувакина. Стр. 181–182

Все ссылаются на его черствость. Что «потерял человеческий облик», и «сам перестал быть человеком», и «бедный мой Левушка» — но вот во время войны он в каждом письме, каждый раз, без исключения, говорит о том, что мама ему не пишет. Может быть, был не прав — не промолчал, подчеркнул, но ведь она-то — не писала. Не писала, скрывай он это во спасение ее репутации безутешной матери или не скрывай. То же и с посылкой. Даже самый сытый и лишенный воображения человек может все-таки согласиться с тем, что у зэков мало развлечений. И получение посылки — самим или сокамерником — большое событие в их жизни, они разбираются в этом и отличить большую посылку от маленькой умеют. Большая — это большая, маленькая — это маленькая. Самая маленькая — это самая маленькая. Пусть собранная со страданием, с величием, с героизмом, но — самая маленькая.

Известие об избрании Ахматовой делегатом на всесоюзный съезд писателей повергло в шок всех грамотных людей в лагере. Особенно волновались «кирюхи» **(кто такие — см. ниже)**. Узнав из газет, что заключительным заседанием съезда был правительственный прием, они вообразили, что это и есть единственный удобный случай для «качания прав» Ахматовой. <…> В газетах не писали, что члены правительства сидели в президиуме на сцене, отгороженной от зрительного зала. В зале среди писателей, ужинавших за столиками, присутствовала и Ахматова с застывшей **(или с не застывшей — как знать)** любезной улыбкой на лице. «Маска, я тебя знаю», — обронила проходящая мимо нее Рина Зеленая (они были знакомы по ардовскому дому). **Вот как изысканно все было.**

<…> Лев уже никогда не мог освободиться от ложного

убеждения, что на съезде его мать упустила единственную возможность просить за сына. **Она ее упустила.** Я утверждаю это не голословно, а на основании писем Л. Гумилева ко мне из лагеря. Встреч с вернувшимися ранее его «кирюхами» и примечательного письма одного из них, имевшего ко мне поручение от Льва Николаевича **(колоритнейшее, должно быть, презабавное письмо, кирюха — он и есть кирюха).** Это люди, среди которых были и стихотворцы, и художники, научные сотрудники, но, к сожалению, не искушенные в политике и дипломатии — **политиков и дипломатов, к сожалению, сажали недостаточно.** Им казалось, что Ахматова купается в благополучии, что опала с нее снята, и они удивлялись, как при таком, по их понятиям, высоком положении она не может пальцем пошевелить, чтобы выхлопотать освобождение своему совершенно невинному сыну. Все это было иллюзией, стимулирующей в Леве развитие не самых лучших черт — зависти, обидчивости и — увы! — неблагодарности.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 324–325

Лева был не в пеленках дитя, это не было развитием черт, это они и были: а) зависть к двум «дочкам» (московской, сыну которой она подарила машину, а могла бы уже и самого дорогого адвоката нанять — Коммодов, или кто там, жив был еще, кто был слишком дорогостоящ для нее — но все не дороже автомобиля брали, скорее всего? и ленинградской — за то, что чтобы поселиться с ней, привилегированной, в одной квартире, она лишила Льва комнаты), б) обида и в) отсутствие благодарности при отсутствии предмета благодарности. Что посылку прислала — написал: «благодарю», см. выше. А еще за что?

Надо сказать, что заслуженные востоковеды и историки, уже включившись в борьбу за Льва Гумилева, делали это охотно, с умом и настойчиво. **В отличие от писателей, которые за «славу русской поэзии» заступиться не очень пожелали. Может, поняли, что не так-то ей это и нужно на самом деле.**

Струве писал дважды, а Конрад, хотя и рассказывал мне, как доверенному лицу Ахматовой, что он потерпел фиаско, впоследствии добавлял, что мы не можем себе представить, какие он делал еще попытки, но безуспешно.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 326

Это отражено в <…> письме одного из «кирюх», востоковеда Михаила Федоровича Хвана. 9 сентября 1955 г. он обратился к В. В. Струве с просьбой не о себе, а о срочном вмешательстве в

судьбу Л. Н. Гумилева **(не Ахматова к нему обращается!)**: «Все его несчастье в том, что он — сын двух известных поэтов-неудачников, и обычно его вспоминают в связи с именами родителей, между тем как он — ученый и по своему блестящему таланту не нуждается в упоминаниях знаменитостей, чтобы его признали». — «…Видите, Лева уже от нас отрекается», — с грустью сказала Анна Андреевна, протягивая мне бумаги, полученные от В. В. Струве. Да, конечно, Хван писал с Левиного голоса. Это было ясно.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 327–328

«Уже» — это что значит? Что, мол, только седьмой год — и уже?!

Человек досиживает седьмой год, его сокамерник пишет за него просьбу, а его мать — не скроешься! — вычисляет, что ход защиты придуман им самим — и с грустью говорит: «он УЖЕ (семь лет — да «по рогам» одиннадцать) отрекается от нас». Хотя она-то трубила на каждом углу, что из-за нее, из-за ее славы сын пострадал. Но отрекаться — некрасиво, надо посидеть еще. «С грустью» — мол, не хочет за такое дело сидеть. А так было бы красиво. Такая биография у нее… А он там, кстати, даже и не отрекается, а говорит, что он самостоятелен — то есть не отвечает за них. Что про заслуги сказал — это непростительно совсем. Еще бы она после такого разрешила Эмме «блестящие рецензии ученых» ему пересылать! (Впрочем, письмо формально вовсе и не от Гумилева, но Ахматову не обманешь, с чьего голоса заступнички поют).

8.1.56.

<…> Ваше последнее письмо произвело на меня впечатление более сильное, чем Вы могли себя представить. Просто обухом по лбу. Я имею в виду Ваш вопрос по существу. Да неужели это до сих пор неизвестно маме? Чем это можно объяснить, кроме абсолютного невнимания?

Письмо Л. Н. Гумилева — Э. Герштейн.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 376

<…> Как только прошел XX съезд, Л. Н. Гумилев был реабилитирован.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 338

Завершает Герштейн историю трагедии того, кто пережил трагедию, — Льва Гумилева, как говорится, неожиданно:

<…> Самое печальное то, что этот легендарный образ

дурной матери укрепился в воображении завсегдатаев окололитературных кружков (да и чисто литературных). Этим удовлетворяется непреодолимая страсть к мелодраме <…>. Давайте избавим одного из лучших русских поэтов от этого слащавого жанра. Вернем Анне Ахматовой то, что принадлежит ей по праву — ее трагедийную музу и трагическую биографию.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 338

Вернее, она этого и не теряла — у нее не отнимешь. А трагедия ее, по счастью, не коснулась. К счастью, правда, только для Льва Николаевича. Анне Андреевне чего-то все-таки не хватило.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Ахматова была недовольна отношениями с сыном.

<…> Арктический институт стал выживать из Фонтанного дома Анну Андреевну и Иру Пунину с ее семейством. <…> В начале 1952 года Ирина позвонила в Москву Анне Андреевне: «Ты как хочешь, а я больше не могу. Я беру квартиру на Красной Конницы». Анна Андреевна была поставлена перед свершившимся фактом. Вообще-то она не хотела расставаться с Ирой и Аней, но в этой новой квартире не было комнаты для Левы. На Фонтанке после войны у Ахматовой были две комнаты, в одной жил Лева. <…> Могла ли она, уже перенесшая тяжелый инфаркт, остаться одна на съедение грубых администраторов института? Борьба была безнадежной, и она дала свое согласие на переезд.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 324

Читать квартирные склоки кого бы то ни было — неинтересно, не хочется вникать. Можно без «выживать», «грубые администраторы», «безнадежная борьба» написать проще: Ахматова въехала из двух комнат в одну, другую оставив государству, чтобы не разлучаться с Ириной Пуниной. Оставленная государству комната принадлежала Льву Гумилеву. «Принадлежала» — это по-сегодняшнему. По-тогдашнему — числилась, был прописан, занимал — в общем, имел в Ленинграде жилплощадь, место, где голову преклонить. Мать его ее лишила. Ну, знаете, дело обычное — сидел в тюрьме, жена (чаще всего жена, мать — это реже) выписала…

В данном случае — мать. Деньги у нее были тогда практически вольные, она могла помочь ему с кооперативной квартирой… Но это уж слишком. За какие заслуги?

Вырвавшись наконец на свободу, он жаждал жить своим умом. Мать, глубоко обиженная сыновьей непочтительностью

<…>, настаивала на своем.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 186

Он прекрасно знает, что Анна Андреевна живет на два дома, где Нина Антоновна Ольшевская-Ардова играет роль московской дочери, а Ирина Николаевна Пунина — ленинградской.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 321

По словам Нины Антоновны Ира и Лева ненавидят друг друга.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 481

Он заявил: «Ноги моей не будет у матери в доме». А есть ли у его матери дом?

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 482

Вроде есть отдельная квартира и государственная дача. В Москве тщательно оговорено, в уплату за что была подарена пресловутая машина.

О его делах.

<…> А Леве не терпелось строить себе новую свободную жизнь.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 341

Нельзя не согласиться с тем, что оборот «не терпелось» — все-таки насмешливый. Как бы только согласиться еще и с тем, что отсидевший четырнадцать лет в сталинских лагерях человек мог бы надеяться, что близкие — подруга, мать — не будут иронизировать над его правом стремиться начать после выхода из тюрьмы «новую свободную жизнь». Ему не терпелось — а зачем терпеть-то? 44 года, вроде ничего ему не отбили в лагерях — ну и что терпеть? Ублажать величие и горделивость матери? Да и Эмме он вроде не обещался. Эмму понять можно: женился он после лагеря, это правда, но надо уметь и класть вещи на весы и смотреть — соизмеримы ли они.

СЛЕЗИНКА РЕБЕНКА

Ирония здесь в том, что слезинка ребенка по-достоевски — плач по несовершенству мира — это в самом конкретном случае боль за чужого ребенка. У Ахматовой плакал свой, но она предпочла принять позу мировой скорбицы, вставшей выше страданий сына. А поскольку на самом-то деле сын этот

не так уж ее и волновал, то из этой прямо математической формулы выходит, насколько приближается к бесконечности неспособность Анны Ахматовой к состраданию.

А вот это должно быть эпиграфом к главе о материнстве, а может, и ко всему:

Ахматовой снилось, что к ней, при живом Гумилеве, приходят ночью чекисты. <…> Они спрашивают «Гумилева», и она выталкивает им сонного Леву.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. Стр. 302

Когда, негодуя, он в который раз приводил ей в пример других матерей, она повторила, не выдержав: «Ни одна мать не сделала для своего сына того, что сделала я!» И получила в ответ катанье по полу, крики и лагерную лексику. Это было при мне.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 323

Наверное, Анна Андреевна тоже его осуждала за катанье по полу и крики. Милые дамы, напрягите свое воображение и попробуйте представить себе, от хорошей ли жизни мужчина приобретает такие малоэлегантные манеры? Может, ему пришлось в жизни перенести что-то такое, за что вам стоило бы его пожалеть и скрыть то, что вы увидели, от людей? Я — сделаю вид, что я этого не читала. Или не поверила.

Если он приводил в пример других матерей, значит — были все же другие матери? Почему же ему всегда не верить?

А вот о стихотворении, написанном в Москве — в дни, когда впервые арестовали Леву и Пунина и она приехала туда за ними — чтобы не сказать прямо, что за «Николашей».

Шофер двинул машину со стоянки, спросил, куда ехать. Она не слышала. Я не знала, куда мы едем. Он дважды повторил вопрос, она очнулась: «К Сейфуллиной, конечно». — «Где она живет?» Я не знала. Анна Андреевна что-то бормотала. В первый раз в жизни я слышала, как она кричит **(многие только крик и слышали)**, почти взвизгнула сердито: «Неужели вы не знаете, где живет Сейфуллина?»

Откуда мне знать? Наконец я догадалась: в доме писателей? Она не отвечала. Кое-как добились: да, в Камергерском переулке. Мы поехали. Всю дорогу она вскрикивала: «Коля… Коля… кровь…» <…>.

Сына ее звали не Коля.

Через очень много лет, в спокойной обстановке, Ахматова читала и Толе Найману довольно длинное стихотворение. Оно показалось мне знакомым. «Мне кажется, что давно вы мне его

уже читали». — сказала я. «А я его сочиняла, когда мы с вами ехали к Сейфуллиной», — ответила Анна Андреевна <…>.

…За ландышевый май
в моей Москве кровавой
Отдам я звездных стай
Сияние и славу…

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 218

Интересно видеть, когда, в какие моменты ее волновал вопрос славы. Не прав ли был Левушка, предполагавший гораздо большее количество славы для нее в случае его мученической смерти?

Кстати, это четверостишие хорошо бы разобрать с точки зрения простой логики: ландышевый май так хорош, что за него не жалко отдать славу. А чем хорош был тот май? Неужто ландышами? чем ландыши отличаются от лебеды?

Я не заметила, сколько времени прошло — два дня? Четыре? Наконец, телефон и снова только одна фраза: «Эмма, он дома!» Я с ужасом: «Кто он?» — «Николаша, конечно». Я робко: «А Лева?». «Лева тоже».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 219

На другое утро раздался звонок из Ленинграда, сообщили, что Пунин освобожден и находится дома. Я влетела радостно в комнату Ахматовой, поздравила ее с освобождением ее мужа. На меня большое впечатление произвела ее реакция: она сказала «хорошо», повернулась на другой бок и заснула снова. Выйдя наконец к обеду, она сказала, что поедет в Ленинград на другой день. Мы с Борей уговорили ее ехать тотчас же. В конце концов она согласилась, мы достали ей билет и проводили на вокзал.

Зинаида ПАСТЕРНАК. Воспоминания. Стр. 194

Вот и Зинаиде Николаевне не запомнилось, что, кроме мужа, у Ахматовой был арестован и сын.

Второй арест Левы.

По рассказу Анны Андреевны, после прощального благословения сына она потеряла сознание. Очнувшись, услышала: «А теперь вставайте, мы будем производить у вас обыск». Когда гебешники ушли, Анна Андреевна стала импульсивно бросать в печь свои перемешанные бумаги, не разбираясь в них. <…> Уничтожение огромной части бесценных ненапечатанных рукописей поэта было не единственной жертвой,

принесенной Ахматовой в те трагические дни.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 463

А) Ее послушать, она то заплачет, то сознание потеряет. А никто никогда не видел ее до такой степени расчувствовавшейся.

Б) Есть анекдот про писателя Солоухина: на важном литературном заседании, где обсуждалась какая-то политическая крамола, дали ему высказаться. Он начал: «Я пОлагаю, что неОбхОдимО…», председательствующий возмутился применением в деловой обстановке маркетинговой фенечки писателя из народа: «Перестаньте окать, вы не перед читателями выступаете!» Скорее всего, прощального БЛАГОСЛОВЕНИЯ все-таки не было, надеюсь. Она же совершенно была не религиозна и не церковна — не молилась, в церковь не ходила, неужели перед гебешниками стала разыгрывать провокационный спектакль?

В) А зачем ПОСЛЕ обыска сжигать бумаги? Все, что было, уже нашли и изъяли (правда, вроде ничего не нашли и не изъяли). Надеюсь, что, кроме уничтожения, не было также «огромной части», и бесценных ненапечатанных рукописей тоже не было.

Запись Л. В. Шапориной:

А. Ахматова рассказывала мне со слов сына, — что в прошлом июне 1938 года <на допросах> были такие избиения, что людям переламывали ребра, ключицы. Сын Ахматовой обвиняется в покушении на Жданова.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 36

1938 год.

«<…> В это время мой сын сидел на Шпалерной уже два месяца (с 10 марта). О пытках все говорили громко».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 29–30

Будем это все время помнить — что она знала о пытках, что о них говорили. Пытки легко себе представить.

В этот раз она уже не особенно хлопотала (его взяли без Николая Пунина).

Уводили тебя на рассвете…
Анна Ахматова.

Перефразируя Толстого о равном неудобстве выражения мыслей в рифму с пахотой и одновременным танцевальным приседанием при каждом па — выписывать пируэты на

лестнице вслед за уводимым сыном — все-таки это чересчур. Вообще при всей спорности самой возможности без публицистического налета вводить в поэзию обсуждения конкретных политических, социологических и пр. реалий — когда описываются реальные переживания — это уже какая-то порнография духа. Порнография тем-то и хуже эротики, что эротопевец живописует тебе то, чем возбудился сам, и надеется угостить этой клубничкой и тебя, а порнограф уже прямо считает тебя за животное и без вариантов уверен, что ты пустишься за ним в обезьяньи пляски. Но с эротическими фантазиями все-таки разбираться легче, чем с ямбами и хореями матери, у которой «уводили на рассвете». Все-таки на «Гернике» изображен не расчлененный малолетний сын художника, и не расчлененный неизвестный солдат, и не известный военный эпизод — «Герника» — это только факт искусства. Но матери Зои Космодемьянской виднее.

Прошло очень много лет.

Сидим за столом на кухне. У Льва Николаевича из глаз текут слезы. «Михаил Давидович, я не виноват, что у моего отца и у меня все следователи были евреи и меня очень больно били».

М. Д. ЭЛЬЗОН. Что помню. Стр. 207

Дело происходит в 1989 году, и человек плачет, вспоминая пытки.

Его мать их не помнила. Не хотела и знать, когда они непосредственно происходили. Писала, что за ландышевый май она отдаст всю славу. Это когда «о пытках говорили громко».

Молоденький наш оператор, Юра Сосницкий, наивно спросил: «Что же вам инкриминировали, Лев Николаевич?» — «Что!

Тогда было два обвинения. Те, кто выезжали за границу, были шпионами, кто нет — террористами. Я был террористом». <…> — «А-а-а, скажите… вас следователи… это… ну, били?» — «Вот так. С восьми вечера и до восьми утра. Несколько месяцев подряд». Лев Николаевич размахнулся и показал удар…

Василий КАТАНЯН. Прикосновение к идолам. Стр. 429

<…> По поводу возвращения Иосифа Бродского Анна Андреевна записывает: <«Освобожден Иосиф.> Ни тени озлобления и высокомерия **(бедная мать, нашла кого с кем сравнить! Кто, сколько, когда и где отсидел)**, бояться которых велит Федор Михайлович. На этом погиб мой сын. **(А сама**

Ахматова не погибла?) Он стал презирать и ненавидеть людей и сам перестал быть человеком. **(Лицемерка!)** Да просветит его Господь. Бедный мой Левушка».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 472

Наверное, такое лучше давать без комментариев.

ПРИДУРОК ЛАГЕРНЫЙ

«А что бы было, если б он воспитывался за границей? — часто спрашивала она себя. — Он знал бы несколько языков, работал на раскопках с Ростовцевым, перед ним открылась бы дорога ученого, к которой он был предназначен».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 345

А разве он не знал несколько языков? Английский он знал уж гораздо лучше нее. Ну, а тюркские языки, которыми владел Гумилев, она с высоты своего имперского сознания — советского, планомерно привитого сознания — за языки не считала: так, туземцы на базаре в Ташкенте лопочут. Народ в том масштабе, как смог понять его историк Гумилев, был для нее совершенно недоступен, она не могла подняться со своей обывательской позиции. Но продолжим цитату:

Работал бы на раскопках с Ростовцевым.

Это — предел ее мечтаний или предел, который она устанавливает для него? Ну, а дороги ученого и так открылись перед Гумилевым — те, которые он выбрал сам, не те, на которые она сталкивала его, — быть только ее сыном.

«Я задаю маме вопросы — она отвечает невпопад, и я же выхожу виноватым. Она не понимает, что ее невнимание оскорбительно, напр., вместо просимой мной книги прислать другую, дорогую, но ненужную; лучше уж ничего не присылать, я думал бы, что у нее денег нет».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 357

Но она же не считала его ученым. А книжки почитывать — какая разница: ту, эту ли.

«Вот если бы интерес редакции «Всеобщей истории» получил реальное воплощение и у меня были бы затребованы рукописи, а за них переведен гонорар, с коего 50 % получил бы лагерь, то мне создали бы все условия для работы, как создают изобретателю».

Л. Н. Гумилев — Э. Герштейн.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 367

Что ей до его научной работы (и до «условий»)?

«Нет также книг и вообще ничего хорошего. Мама, видимо, здорова, я из телеграммы Надежды Яковлевны узнал, что она вернулась в Ленинград, но мне она не пишет, не телеграфирует. Печально. За все мои тяжелые годы я не бросал научных и литературных занятий, но теперь кажется, что все без толку.

Больше ничего не было и нет в моей тусклой жизни».

Л. Н. Гумилев — Э. Герштейн.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 197

«Удаление Гумилева из рядов советских историков является существенной потерей для советской исторической науки», — пишет академик В. В. Струве. Он говорит о недавно умершем профессоре Якубовском, потерю которого некем заменить, кроме как Л. Гумилевым, и смело указывает на его «глубокие знания и зрелость мысли». Профессор Артамонов говорит о «незаурядном даровании» Л. Гумилева и о его «блестящих знаниях в избранной специальности». <…> Доктор исторических наук и лауреат Сталинской премии А. П. Окладников <…> с большим нажимом сообщает, что не он один считает Гумилева «крупным, я бы даже сказал, выдающимся исследователем прошлого народов Центральной и Средней Азии» <…> и в заключение просит по возможности ускорить пересмотр дела «в надежде, что здесь во времена Берии могли быть допущены нарушения советской законности».

Я хотела послать Леве копии блестящих рецензии ученых, но Анна Андреевна опасалась, как бы в его настоящем зависимом и унизительном положении это не вызвало бы у него нервного срыва.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 326–327

Это просто какая-то психологическая диверсантка. Ей бы помощником у Геббельса работать — конкретно по деморализации объекта — противника, соперника, сына.

Лева не сделал себе капитала на своей личности, он не придумывал себе биографию и ее не создавал. Вопреки всему он сделал себе имя своим трудом. Ахматовского винтика из него не получилось.

Анна Андреевна знала, что я регулярно общаюсь с ее сыном, а потому спросила меня: «А как Лева?» — «У него все хорошо, — отвечал я. — Между прочим, он датировал «Слово о полку Игореве». — «Ну вот в это я не верю», — отозвалась Ахматова.

Михаил АРДОВ. Монография о графомане. Стр. 190

Не верил и Ардов: Воспитанный Ахматовой <…>, **он воспринял и отрицательное отношение к культу Льва Гумилева. О единственной слышанной им лекции Гумилева пишет так:** все это как-то легковесно, несолидно, эдакий научный Аркадий Райкин, виртуоз на профессорской кафедре…

Михаил АРДОВ. Монография о графомане. Стр. 203, 357

Это — его поклон в сторону Анны Андреевны.

Лева даже не понял, что Анну Андреевну огорчало не отсутствие у сына живых интересов **(Это у него-то не было интересов!)**, а полная атрофия чувства любви и благодарности к людям.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 472

Как это ни странно, чувство его любви к матери не атрофировалось, но это уже не о ней, а о нем.

«Я ПЛОХАЯ МАТЬ»

Я дурная мать…

Анна АХМАТОВА

Если мы подтвердим: да, дурная: сына младенцем отдала родственникам, почти не видалась, не интересовалась, «пуговиц не пришивала», из тюрьмы выручала плохо (когда его взяли с ее любовником — получше, а так не очень), в лагерь и на фронт писала мало, редкие открытки, посылки присылала самые маленькие, жила без него весело, хотя «о пытках говорили громко», в личную жизнь вмешивалась, достижений научных не признавала, не поощряла и не подбадривала, материально помогала не ему, а чужим людям — более светским, веселым, на виду. И поставим точку.

Что же произойдет?

Случится крик: ах нет, это она от самобичевания… от обостренного… от героизма… Она прекрасная мать… начнем сначала.

«Мать была никакая. Конечно уж, танцевать, имея четырех маленьких детей… Она ни одну ночь не сидела дома, только и было ей, что танцевать».

Л. А. ШИЛОВ. Звучащие тексты Ахматовой. Стр. 226

Это не об Ахматовой. Это она сама о Наталье Николаевне Пушкиной. Об Ахматовой — ниже.

1912. Осень. После рождения Левы АА приблизительно четыре недели не принимала участия в общей для всех жизни.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 319

Вскоре Леву забрали мать и сестра Н. С. Гумилева. Ахматова никогда не брала его к себе и никогда не воспитывала, воспитывали другие люди.

<…> Стоит ли называть их? Среди них глупая, злая и очень завистливая Шура Сверчкова. <…> Эта злая ведьма, к сожалению, всегда была рядом с Левушкой — Аниным сыном, и во многом виновата в замкнутом недовольстве его характера.

В. С. СРЕЗНЕВСКАЯ. Воспоминания. Стр. 353

Срезневская писала свои «воспоминания» под диктовку Анны Андреевны. Сверчкова (сестра Н. С. Гумилева, тетка Левы) взяла себе на воспитание сына Анны Ахматовой — вот что значит, что «всегда была рядом». Вовсе не то, что лезла

быть всегда рядом, — просто на нее «скинули» племянника. Срезневской продиктован эвфемизм, каким это обстоятельство обозначить. Ну и что была «злая ведьма», а как еще?

Ахматова ни забирать сына, ни видеться с ним (да, почти что так) — не желает. Вид, конечно, напускает трагический.

1917 год

Ноябрь

Приписка А.А. — А. И. Гумилевой на письме Николая Гумилева: «Милая Мама, только что получила твою открытку. Не сердись на меня за молчание, мне очень тяжело теперь. Целую тебя и Леву».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 101

Это еще при жизни Н. Гумилева. Тяжело Ахматовой было уже и тогда — надо же было объяснять старорежимной «маме» («мама» — это свекровь: Анна Андреевна строго следует одесским правилам приличия), почему это родительница не стремится объединиться с сыном. Леве пять лет.

А вот Ахматовой 37 уже лет, ее сыну — 15. Забрать бы его из малоинтеллигентной среды, воспитывать, дни рождения ему устраивать… Нет, Лев Гумилев живет у «злых ведьм», Ахматова — с Пуниным, в доме, где живет жена Пунина (знакомые так и говорят: Пунин с женой, Пунины, это то время, когда Ахматова считается состоящей в третьем браке), и их дочь Ира. Ире устраиваются детские праздники (они ровесники с Левой).

Сегодня день рождения Ирины Пуниной. Я пришел в Шереметевский дом в шесть часов вечера и застал там великое множество детей и родственников Пунина. Был Тырса с женой и детьми. В столовой были угощения.

Разошлись в 11 1/2.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 310

Лева изредка (очень редко) навещает мать — получает разрешения навестить. На праздники его, конечно, не приглашают. На праздниках — угощения.

«Когда-то за столом он [Н.Н. Пунин] произнес такую фразу: «Масло только для Иры». Это было при моем Левушке. Мальчик не знал куда глаза девать». — «Как же вы это выдерживали?» — «Я все могу выдержать». («А хорошо ли это?» — подумала я.)

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 51

В другой раз по какому-то поводу говорили о бездельниках. Анна Евгеньевна **(настоящая жена Пунина)** вдруг изрекла: «Не знаю, кто здесь дармоеды».

Лева и Анна Андреевна сразу выпрямились. Несколько минут я не видела ничего, кроме этих двух гордых и обиженных фигур, как будто связанных невидимой нитью.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 241

Или гордых, или обиженных. Если обиженных, севших за чужой стол и получивших тарелку — значит, никаких не гордых, а если гордых — то здесь мало выпрямиться за столом и продолжать сидеть — и есть — гордо, здесь все-таки надо встать и уйти.

Но это тот период, в котором Ахматова считается женой Пунина.

«Николай Николаевич уехал с Ирочкой и Анной Евгеньевной в Сочи. Он оставил нам паек, но у нас нет денег, чтобы выкупить его».

«Я плохая мать» — плохая.

Когда Лева приезжает из Бежецка в Ленинград, он, конечно, не останавливается у матери — ее сожитель бы не позволил. Да она и сама не рвется видеться с ним — ездит по своим гостям, сына перекидывает на «пажа» — Павла Лукницкого.

Около четырех часов дня я вместе со Сверчковой вышел из Шереметевского дома и проводил Сверчкову до Литейного. Здесь она по секрету (!) сказала мне, что хочет усыновить Леву (!!), якобы для того, чтоб ему легче было поступить в ВУЗ. Сказала, что все и так считают Леву ее сыном («Ведь это же так и есть…»).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 33

1926, 28 марта.

А. И. Гумилева с Левой приехали, оказывается, еще в субботу. АА узнала об их приезде только в воскресенье и очень досадовала. Весь день провел с Левой. Вечером пошли в кинематограф. Левка остался доволен. Проводив его домой, зашел к АА. Часа полтора говорил с нею о Леве; она очень тревожится за его судьбу, болеет душой за него.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 187

Досадовать Анна Андреевна досадует, что не знала о приезде сына. Встречаться с ним — это другое дело, это не

входит в ее планы.

Анна Ахматова почти не видится с сыном и почти ему не пишет. Изредка, когда уж очень допекают, пишет ему никчемные (почитайте сами) письма — полуграмотные записки. Для красоты и чтобы посеять в чуждом ребенке смуту, заканчивает по тогдашним временам провокационно: «Господь с тобой». (Орфография оригинала соблюдена.)

Дорогой мой мальчик! Благодарю тебя, за то что ты доверчено и откровенно рассказал мне свои горести. Делай всегда так — это самое главное. Я считаю тебя настолько взрослым, что мне кажется лишним повторять тебе как важно для тебя хорошо учиться и пристойно вести себя. Ты должен это понять раз навсегда, если не хочешь погибнуть. Не огорчай бабушку и тетю Шуру, жизнь их бес тяжела, полна тревог и печали. Побереги их и себя! Целую тебя. Господь с тобой.

Мама.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 232

16.06.1926.

Сидел у АА в Мраморном дворце — двенадцать часов дня. Стук в дверь — неожиданно Лева и А. И. Гумилева (приехали сегодня из Бежецка, остановились у Кузьминых-Караваевых).

АА удивилась, обрадовалась — усадила. Я через пять минут ушел с Левой **(аудиенция у матери закончилась)**, чтоб пойти с ним в музей. Музей закрыт. Сидел у меня. Лева перешел в седьмой класс.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 186

От 17.06.1926.

Катал его на велосипеде.

Пришел с ним в 2 1/2 часа к АА. Вернулась из Царского Села вечером, потому что звонила мне с Царскосельского вокзала в десять часов вечера.

Ездила в Царское Село к Рыбакову. Была приглашена обедать **(не отменять же в честь приезда сына)**.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 186

Сегодня в связи с приездом Сверчковой и всеми ее разговорами АА расстроена. Ей грустно, что такой эгоистичный и с такими мещанскими взглядами на жизнь человек, как А. С. Сверчкова, воспитывает Леву. АА опасается, что влияние Сверчковой на Леву может ему повредить.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 87

О Леве:

«Неужели он тоже будет стихи писать?! Какое несчастье!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 336

Быть поэтом — это уж не такое несчастье. Поэт — это и по-ахматовски высокое предназначенье. Несчастье — это добиваться дач, санаториев, сравнивать, каким номером тебя занесли в список правления и пр. — чем занималась всю свою творческую жизнь поэтесса Анна Ахматова.

<…> Он до последнего дня верил каждому слову матери. А мать говорила ему: видишь, вот в машине едет Никита Толстой. У тебя никогда не будет машины, у тебя никогда ничего не будет…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 440

Это — ее воспитание, это категории, с которыми она вводила сына в жизнь: будет или не будет у него машина. Но на самом деле она «вспоминала» эти наставления уже во время войны, когда сблизилась с Алексеем Толстым и машина Никиты Толстого уже не была абстрактностью, а — вполне осязаемым предметом, доступным уже конкретной — самой жгучей — зависти.

Незадолго до своей смерти, во всяком случае в последний период своей жизни, она однажды глубоко задумалась, перебирая в уме все этапы жизни сына с самого дня рождения, и наконец твердо заявила: «Нет! Он таким не был. Это мне его таким сделали».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 253

Письмо Ахматовой Марине Цветаевой.

Скажу только, что за эти годы я потеряла всех родных, а Левушка после моего развода остался в семье своего отца.

Анна САКЯНЦ. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. Стр. 251

После развода? Она отказалась от него еще до всякого развода. «В семье отца» — звучит прекрасно, даже более изысканно, чем если бы «остался с матерью». «С матерью» — это привычно, что делать, женская доля, а «в семье отца» — это высокие педагогические принципы, большая ответственность за ребенка, чуть ли не династические условности и пр. Правда: «кинули на бабушку с теткой» — это уж совсем плохо, как-то по-босяцки — но Ахматова знает, как себя подать.

Лев Николаевич Гумилев, сын Анны Ахматовой, после гибели отца в 1921 г. жил и воспитывался в Бежецке у бабушки, Анны Ивановны Гумилевой.

Н. ПУНИН. Дневник. (Примечания) Стр. 492

А до 1921 года где он воспитывался? Он воспитывался у бабушки с рождения, гибель отца здесь ни при чем, но ахматоведы без этого не могут. Вот разница между ложью и ошибкой.

24 марта 25.

<…> Недавно, когда Леву спросили: что он делает, — Лева ответил: «Вычисляю, на сколько процентов вспоминает меня мама…» Это значит, что у Левы существует превратное мнение (как у посторонних АА, литературных людей) об отношении к нему АА. А между тем АА совершенно в этом не повинна. Когда Лева родился, бабушка и тетка забрали его к себе на том основании что «ты, Анечка, молодая, красивая, куда тебе ребенка?» АА силилась протестовать, но это было бесполезным <…>. Потом взяли к себе в Бежецк — отобрали ребенка. АА сделала все, чтобы этого не случилось. <…> «Конечно, они столько ему сделали, что теперь настаивать я не могу…»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Из дневника и писем. Стр. 147

…«совершенно не повинна», «силилась протестовать», «отобрали ребенка», «сделала все», «теперь настаивать не могу»…

Уложила сыночка кудрявого

Это ее стихи. Она знает, что сыночки бывают кудрявые. И что матери сами укладывают их спать. Комбинирует стихи из расхожих фраз, как всегда, на темы, которые ей кажутся наиболее эффектными.

Часть V
ДАМА ВЫСОКОГО ТОНА

У ПАПА́ БЫЛА СОБАКА

Простая девичья забава на все времена: приписывать себе родословные поинтереснее. С годами детское тщеславие, как правило, проходит. Ахматова упорствовала до конца, интересничала до старости, и уже за семьдесят лет придумала себе, кроме линии Хана Ахмата («Я Чингизидка»), еще и «греческую» («островные греки»). Ну и все Великие князья — это не горячий девичий шепот — то ли во сне, то ли наяву: это все в старости записывается и диктуется. «Здесь — сокровища!»

Конец золотоордынского ига на Руси связывался Карамзиным с убийством хана Ахмата, чингизида, от которого Ахматова производила свою татарскую родословную.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 305

Хан Ахмат, однако, был скорее декоративным украшением, антуражем, придававшем фигуре имени поэта пикантную яркость, не лишнюю, но и ничего не менявшую.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 76

Ахматова — бабушка Инны Эразмовны — от хана Ахмата, того, который был последним ханом на Руси.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 129

Мой знакомый поляк говорил, что он не встречал в Москве девушки, которая бы не рассказывала ему, что ее бабушка была польская графиня.

Из рассказа Анны Андреевны. В Ташкенте старый узбек носил ей молоко. Он был почтителен сверх меры. Молитвенно складывал руки при виде ее. Однажды взял со стола зеркало и сперва приблизил его к лицу Анны Андреевны, а потом поцеловал его. После рассказа пауза. И после паузы: «Он, очевидно, полагал, что я принадлежу к потомкам хана Ахмата, последнего хана Большой Орды…»

Лев ОЗЕРОВ. Разрозненные записи. Стр. 597

Чингисхан, великие князья появились в биографии Ахматовой под воздействием старческой распущенности, когда уже никто не мог ничего возразить, а начиналось все по-ахматовски «сдержанно» (то есть с чванством) и привычно лживо:

1.11.1927.

Как-то был случай: пришел к АА П. Н. Медведев и стал настойчиво просить дать ему автобиографию. АА с большим неудовольствием согласилась продиктовать ему некоторые краткие сведения. Медведев записал строк двадцать; в этой автобиографии есть неверности: там сказано, что АА училась в Смольном институте <…> и что отец АА — морской офицер.

П. Н. Медведев предупредительно спрашивал АА: «Может быть, этого записывать не следует? Может быть, записать как-нибудь иначе?». АА холодно отвечала ему: «Нет, запишите именно так…» Эти полуневерные сведения АА дала Медведеву умышленно, негодуя на его назойливость.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 226

А вот она пишет через двадцать пять лет в официальном документе.

Я родилась 23 июня 1893 года в Ленинграде.

Автобиография (автограф).

Такими же данными ею самой заполнена и карточка члена Союза писателей. «Сбросила» себе четыре года. Эмигрантских дам обвиняет в том, что «они все там себе скостили по десять лет». Конечно, четыре на этом фоне — просто пустяк.

Что там года — она играет с каждым днем, хотя ни по старому, ни по новому стилю так красиво, как хотелось бы ей, не получается.

Существенным же было ее утверждение, письменно и устно повторяемое, что она родилась в ночь на Ивана Купалу, то есть опять-таки 7 июля по новому стилю. То есть опять солгала! Ради уж такой романтики. Она давала понять, что магия, приписываемая этой ночи, ее обряды, поиски папоротника, цветущего огненным цветом так же, как и круг мифов, связанных с Купалой, скрывающимся в воде, подающим силу воды и теплоту солнца растениям, — были усвоены ею как бы вследствие уже самого факта (не факта — вранья) рождения в этот день.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 76

Анатолий Найман — это из воспоминаний о 60-х годах.

…Жене в летах, перед молодыми мужчинами, разговаривать о папоротниках, будучи крещеной, привирать себе даты — это как-то нехорошо.

Ну и ни в каком «Ленинграде» (она перестаралась с благонадежностью — хоть Ленин и существовал тогда уже, маленький, с кудрявой головой — но город все-таки так не назывался) она, конечно, не родилась.

«МНИМАЯ БИОГРАФИЯ»

Все считают меня украинкой. Во-первых, оттого, что фамилия моего отца Горенко, во-вторых, оттого, что я родилась в Одессе. В третьих, главным образом, потому что Н. С. Гумилев написал: «Из города Киева, из логова Змиева я взял не жену, а колдунью…»

Анна АХМАТОВА. Автобиографическая проза. Стр. 220

То, что писал Гумилев, — это не главное, это вовсе не «все» знают.

Во-вторых: а разве у нее с отцом были разные фамилии? По-русски так не говорят. «Фамилия, которая была у отца» — это девичья фамилия. Не «фамилия, которая была у моего отца», а «моя девичья фамилия».

У отца фамилия — Горенко, у двоюродной сестры — Змунчилла. «Почему-то» их считают украинцами. Почему бы это?

Думаю, если бы у ее отца была фамилия Романов или Виндзор — она не возмущалась бы, что с фамилией отца увязывают ее происхождение.

Такая вот ирония судьбы, что Анна Ахматова родилась в Одессе. Хоть бы в Новгороде или там Орле — а то прямо-таки в Одессе. И придуманное ею название «Фонтанный дом» кажется смешным в сочетании с Большим Фонтаном — действительным местом ее рождения (см. метрику). А так — миллионы людей родились в «Ленинграде» — она была их не менее достойна того же. Но вот судьба смотрела за тем, чтобы дать ей в руки игрушки, а не орудия.

…Он черт знает что написал обо мне. Смотрите! Оказывается, что девичья фамилия Ахматовой — Горенко! И как он смел! Кто ему позволил!

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник 1901–1929. Стр. 201–202

В Киеве я жила меньше, чем в Ташкенте во время эвакуации. Но невнимание людей друг к другу не имеет предела. На этом свойстве человеческой природы держится 90 % чудовищных слухов. (Мы до сих пор храним змеиное шипение Полетики о Пушкине!!!)

Анна АХМАТОВА. Автобиографическая проза. Стр. 220

Думаю, что такое кощунственное невнимание все-таки еще достаточно далеко от «предела».

…Она-то любит сравнивать себя с Пушкиным. Или

«подкладывать» параллели — чтобы кто-то другой сравнил. Это тоньше, конечно, было бы, но у нее терпения не хватает — и тогда она лепит сама: «Слава, слава! Неужели так было с Пушкиным?..» Я — для того и пишу, чтобы никто и не заикнулся о Пушкине ближе чем через тысячу слов от нее. Вот: о царственной (для него — без кавычек) свободе Пушкина.

Пушкин [жил] в Царском Селе, близ Китайского домика. <…> Однажды в жаркий летний день граф Васильев, зайдя к нему, застал его чуть ли не в прародительском костюме. «Ну, уж извините, — засмеялся поэт, пожимая ему руку, — жара стоит африканская, а у нас там, в Африке, ходят в таких костюмах».

П. К. Мартьянов со слов графа А. В. Васильева.

В. ВЕРЕСАЕВ. Пушкин в жизни. Стр. 267–268

Вот и все. Не надо никаких оправданий: ни какая фамилия была у отца, ни что я в Африке почти что и не жил и т. д.

За другими Анна Ахматова следит зорко.
О Марине Цветаевой.

«Есть прекрасные статьи, <…> а есть такие, как будто писала провинциальная поповна — как Николай II с семейством открывал музей и прочее».

Ника ГЛЕН. Вокруг старых записей. Стр. 629

Не к каждой поповне, да еще провинциальной, приходит государь с семейством на открытие папашиного заведения. В Ахматовском семействе такого не случалось. А теперь представьте, что — случилось. Она за это стала бы царицей, императрицей, наследницей престола и пр. Бродский об этом в Нобелевской речи нашел бы случай помянуть.

В воспоминаниях <…> давней подруги, В. С. Срезневской, редактированных, если отчасти не продиктованных ей Ахматовой, описывается такой эпизод: «Отошли в область прошлого Версальские и английские кущи Ц.С. и Павловска, лунные ночи с тоненькой девочкой в белом платьице на крыше зеленого углового дома («Какой ужас! Она лунатик!») и все причуды этого вольнолюбивого ребенка, купанье в ручейке у Тярлева беленьких <…> стройных ножек (ну уж это точно ее голос), — и ласковый голос вел. кн. Владимира Александровича, совершавшего пешком с адъютантом утреннюю прогулку: «А если вы простудитесь, барышня?»

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 24

Это несомненно, что воспоминания были продиктованы: ведь «вел. кн.» (как изящны и якобы обыденны ее сокращения) Владимир Александрович был кумиром всех гимназисток, и для вешающих на стену фотографии футболистов великой княгиней (пусть даже только в переносном смысле) представляется сама мемуаристка (диктовальщица):

Четверг, 10 августа. Сегодня знаменательный вечер. Я окончательно перестаю смотреть на герцога Гамильтона как на любимый образ. Я видела у Бергамаско портрет Великого князя Владимира и не могла оторваться от этого портрета: нельзя представить себе более совершенной и приятной красоты. Жиро восхищалась вместе со мною, и мы дошли до того, что поцеловали портрет в губы.

Мы поступили, как истые институтки: у них мода обожать государя и великих князей; да право, они так безупречно красивы, что в этом нет ничего удивительного.

Мария БАШКИРЦЕВА. Дневник. Стр. 149

Так и хочется поставить подпись — Анна Ахматова, княжна.

Наверно, эта общая влюбленность не обошла ее стороной. Только Башкирцева писала это в 16 лет, а Ахматова диктовала свои воспоминания в возрасте за 60.

Это все, что она запомнила о веке предыдущем и чем думала смутить его.

Отец не сошелся характером с Великим князем Александром Михайловичем и подал в отставку, которая, разумеется, была принята.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 169

Надо же, принял Великий князь отставку. А что стоило сходить, повиниться, попросить прощения, глядишь, мсье Горенко и забрал бы решение об отставке обратно, сменил бы гнев на милость…

Пишет, пишет король Прусский
Государыне Французской
Макленбургское письмо…
РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

«Мне было тогда лет тринадцать. Я ходила в туфлях на босу

ногу и в платье на голом теле — с прорехой вот тут, по всему бедру».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 198

Босоногое детство — и великие князья.

«Мама часто посылала нас, детей, в Херсонес на базар, за арбузами и дынями. В сущности, это было рискованно: мы выходили в открытое море».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 215

И никакого розового детства…
Анна АХМАТОВА

Я давно уже подозревала, по многим признакам — да и по ее ленинградским рассказам — что детство у Ахматовой было страшноватое, пустынное, заброшенное. А почему — не решаюсь спросить. Если бы не это, откуда бы взялось в ней чувство беспомощности при таком твердом сознании своего превосходства и своей великой миссии? Раны детства неизлечимы и они — были.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 154

Она отрезала ранние годы, потому что в них ничего идиллического не было. У нее была тенденция сглаживать сумбур прошлого, у Мандельштама, раскрывая — изживать их.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 351

Ахматова отнюдь не сглаживала, она — заменяла. Вычеркивала и ставила более красивое.

Княжна не княжна, но уж какие-то дворянские легенды, будто пересказанные со слов приказчиц, видевших господское обхождение, Ахматова надиктовывала десятилетиями всем, желающим (по разным причинам) слушать.

Самым усердным стал Иосиф Бродский. Настолько тщательно воспроизводил все, что ему сочиняли, что становится ясно — он сам решил принять участие в этой мистификации. Иначе это умиление перед тонкими дворянскими предрассудками невозможно истолковать.

Узнав, что несколько стихотворений его дочери вскоре

должны появиться в одном из петербургских журналов, отец призвал ее к себе и, заметив, что в принципе он ничего не имеет против того, что она сочиняет стихи, попросил все же не компрометировать его доброе имя и воспользоваться псевдонимом. Дочь согласилась, вследствие чего вместо Анны Горенко в русскую литературу вступила Анна Ахматова.

Иосиф БРОДСКИЙ. Муза плача. Стр. 35

Он не позволяет себе усомниться в подлинности бабушкиных воспоминаний. Это он в восьмидесятых годах повторяет, вернее, берет вымогаемую ею интонацию: «призвал», «вступила» — и пересказывает небылицы. Что, мол, она взяла себе псевдоним не из интересничанья, а уж по таким родовитым причинам.

Тот факт, что в России имя с татарским звучанием воспринимается не столько с любопытством, сколько с предубеждением, означает, что псевдоним выбирался не экзотики ради.

Действительно, не только ради экзотики.

Куприн, написав «Гранатовый браслет», показал, что он хорошо знает, что — красиво. Татарская фамилия у великосветского семейства, у князей — это шик. А Бродский не знал?

Со стороны матери линия Горенок восходила к последнему хану Золотой Орды, Ахмату, прямому потомку Чингизхана. «Я — Чингизидка», — говаривала Ахматова не без гордости.

Иосиф БРОДСКИЙ. Муза плача. Стр. 36

На самом деле в этой выдумке был не только этот экзотический чингизидский подтекст: дорожка была гораздо прямее и вела к фамилиям, воспринимаемым без русского предубеждения к сострадаемым татарским дворникам. В то время, когда мамзель принимала себе псевдоним, совсем другие татарские ассоциации были на слуху: и князь Юсупов, и другие «бедные татары»: Урусовы, Баскаковы. Вот на такие корни намекал псевдоним, взятый Аней Горенко.

Анна Горенко пошла на это ради «соблюдения приличий», ибо в семьях, принадлежащих к дворянскому сословию — а Горенки были дворянами, — профессия литератора рассматривалась как не слишком достойная, приличествующая скорее выходцам из сословий низших, у которых нет другого способа приобрести себе имя. Здесь см. комментарии выше:

«приличествующая», «Горенки», инверсия «сословий низших», и — **конечно, у м-ль Горенко способов приобрести себе имя было не счесть: так и представляется вереница династий, только и мечтающих о внесении ее в свои славные родословные. Девчонка, которую мать посылает за арбузами… — это разве о ней?**

Но Бродский отнимает хлеб у Акунина, покорно стилизует дальше: Требование отца, тем не менее, было несколько чрезмерным. Горенки, конечно **(конечно, конечно! не поступимся ни словечком против достоверности)** были дворянами, но все же не титулованными.

Иосиф БРОДСКИЙ. Муза плача. Стр. 35

А литераторствующий князь Вяземский был титулованным, а барон Дельвиг был бароном! Есть также князь Одоевский, граф Толстой… нетитулованной мелочи не счесть — Херасков, Фонвизин, все с уважением в качестве литераторов отмеченные в истории дворянских родов… А с другой стороны, множество нетитулованных фамилий было поважнее титулованных: Нарышкины, например.

…Песне Бродского о сословных предрассудках Горенок не видно конца, послушаем Лукницкого о том, как «несовместимо» было звание стихотворца с высокородными амбициями Горенок:

АА сказала, что мечтой отца было отдать ее в балет.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 213

Видя такой успех своих генеалогических вымыслов, Ахматова под конец жизни распаляется еще больше:

В родословной Ахматовой в 1960-е годы рядом с Чингизханом появляется греческая линия, идущая через крымских греков, предков отца (Горенкоподиса, очевидно): это «греки с островов». В «Родословной Анны Ахматовой»: «Можно полагать, что «предки-греки» столь же легендарны, как и «бабушка-татарка».

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 16

В добротном туристическом путеводителе по греческим островам среди множества грамотных исторических, страноведческих, культурологических и др. справочных врезок читаю:

Гиппократ, «отец» современной медицины, родился на острове Кос в 460 г. до н. э. и умер в Фессалии ок. 375 г. до н. э. Он учился врачеванию у отца и деда: его отец был прямым

потомком Асклепия, бога врачевания, а мать — Геракла.

Греческие острова. Стр. 168

Вот что значит не мелочиться!

Кажется мне, Клеопатра была не пошлая кокетка и ценила себя не дешево.

А. С. ПУШКИН. Мы проводили вечер на даче

Вот если бы и Анна Андреевна сразу, не упоминая об княжне Ахматовой, о великих князьях, «тайно обвенчаюсь с Nicolas», островных греках и пр., сразу бы сказала, что богиня Гера — ее прямой предок, — этому можно бы было поверить.

ДАМА ВЫСОКОГО ТОНА

Ахматову принято считать аристократкой. Натуральной, по рождению и воспитанию, без кавычек. Свою родословную она начала искажать еще тогда, когда слишком легко ее было схватить за руку.

Было только одно, что реально существовало и дало ей повод возносить себя в аристократические, великокняжеские и прочие, особенно далекие от послевоенного Ленинграда круги: семья Горенко во времена ранней юности дочери Анны проживала в Царском Селе. На улице Широкой, около железнодорожного вокзала.

Мимо вокзала каждые полчаса проносится от вокзала и к вокзалу целая процессия экипажей. Там все: придворные кареты, рысаки богачей, полицмейстер барон Врангель, флигель-адьютантская тройка, просто тройка (почтовая), царскосельские извозчики.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. *Стр. 168*

Вот здесь она и видела аристократов.

Она рассказывала о княгине Палей как о царскоселке, хотя не помню наверное, говорила ли, что была с нею знакома.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 23

Да полно! С какими это княгинями, даже если и царскоселками, она была знакома?

Мандельштам называл это «Царскосельский сюсюк».

НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 287

Л. Н. Замятина сказала, что никогда не видела царя. На это АА ответила, что видела его несчетное количество раз.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 61

Будочник, отдающий честь проезжающим, видел царя еще большее количество раз.

Надпись на фотографии.

«Павлу Николаевичу Лукницкому перед моим отъездом в Царское Село. Ахматова. Мраморный Дворец».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 80

Она скорбела о жизни, сметенной революцией, о ливрейных лакеях (которых она не имела), о дворянском собрании (куда она

не ходила), о царскосельских гусарах в ментиках…

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 83

Я осведомилась, была ли она на выставке Серова. «Нет, хотя меня и звал Борис Леонидович. Я не люблю Серова. Вот, принято говорить про портрет Орловой: «Портрет аристократизма». Спасибо! Какой там аристократизм! Известная петербургская великосветская шлюха». **(Да нет, просто «всегда была за развод»)**. — Она отвернулась и возмущенно поглядела в окно. — «Этот пустой стул с тонкими золочеными ножками, как на приеме у зубного врача!! Эта шляпа! Нет, благодарю!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 44

Что там со шляпой у Ольги Орловой? На сколько процентов можно сомневаться, что шляпа Орловой была не модна?

Заговорили об «Анне Карениной» во МХАТе. Ругая этот спектакль, я сказала, что публику в нем более всего привлекает возможность увидеть «роскошную жизнь высшего света». «Исторически это совершенно неверно, — сказала Анна Андреевна. — Именно роскошь высшего света никогда и не существовала. Светские люди одевались весьма скромно: черные перчатки, черный закрытый воротник. Никогда не одевались по моде: отставание по крайней мере на пять лет было для них обязательно. Если все носили вот этакие шляпы, то светские дамы надевали маленькие, скромные. Я много их видела в Царском: **поскольку проживала около вокзала, и они проносились мимо нее** — роскошное ландо с гербами, кучер в мехах — а на сиденье дама, вся в черном, в митенках и с кислым выражением лица… Это и есть аристократка. Это когда она едет мимо вокзала и дома, где проживала знаток светских условностей недоучившаяся гимназистка, пригородная мамзель. А роскошно одевались, по последней моде и ходили в золотых туфлях жены знаменитых адвокатов, артистки, кокотки. Светские люди держали себя в обществе очень спокойно, свободно, просто».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 141

Ценные сведения — но это она могла узнать уже только из книг «мусорного старика».

Корней Иванович Чуковский был более опытен. Рассказывает о приятеле:

Я познакомился с ним в 1906 году в одном из игорных

притонов. Он по-домашнему расположился за круглым столом, за которым сидели сторублевые кокотки, чинные, как классные дамы, одетые богато, но скромно.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 453

Боюсь, что уровень светских знакомств Анны Андреевны не позволял ей различать, кто есть кто: аристократки или сторублевые кокотки.

К матушке Феликса Юсупова являлась приятельница в восхитительном вортовском платье розового бархата.

Более сиятельного общества в России тогда не было. В дороге эта дама, очевидно, одевалась другим образом, и завистливая девочка из пригорода видела ее в другом обличье.

Мы ехали в 1-м классе. Помня высказанное как-то мнение Льва Николаевича насчет дорожного туалета дамы, я, как бы шутя, точь-в-точь исполнила его программу и захватила с собой роман Теккерея. Он говорил: «В дороге надо быть порядочной женщине одетой в темное или черное платье — «costume tailleur», такая же шляпа, перчатки и французский или английский роман с собой».

Т. А. КУЗМИНСКАЯ. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Стр. 477

И вообще у нее было интересное такое отношение к придворным сплетням и обычаям начала века, которые она наблюдала лично.

В. Е. АРДОВ в *записи Дувакина. Стр. 146*

У бедного Антона Павловича Чехова возможностей «наблюдать лично» жизнь высших классов в отличие от Анны Андреевны не было.

«А как он описывал представителей высших классов! Он этих людей не знал! Не был знаком ни с кем выше помощника начальника станции».

Наталия ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 584

Она же их знает. Со всеми князьями на дружеской ноге.

В Петербурге, когда она приехала туда с Гумилевым, ее поразил не успех ее первых книг, а женский успех. К

литературному успеху она сначала отнеслась равнодушно. А женский успех вскружил ей голову, и здесь кроется тайна, почему ей захотелось казаться приятной дамой. Первые свои уроки, как должна себя вести женщина, А.А. получила от Недоброво. Какая у него была жена, спрашивала я; оказалось, что его жена очень выдержанная дама из лучшего общества. Сам Недоброво тоже был из «лучшего общества», и его влияние здорово сказалось на некоторых жизненных установках Анны Андреевны. А сам Недоброво, влияя и сглаживая неистовый нрав своей подруга, вероятно, все же ценил ее необузданность и дикость.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. Стр. 319

20 сентября 1919 года в Астрахани во время прогулки на катере Л. Рейснер мне говорила об отношении Гумилева к АА: До него она была ничто. Он ее поставил на недосягаемую высоту и внушил ей, что это ей подобает. И она по этой линии пошла.

П.Н ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 181

Тут я увидела совсем другой облик Анны Андреевны, я увидала ее в роли обыкновенной дамы, она даже кокетничала с Журавлевым… Кокетничала, конечно, в пределах своего возраста и на другом уровне. Как полагалось в дворянском обществе, когда дама разговаривает с мужчиной. У Иогансона была чрезвычайно толстая, добродушная, все терпевшая жена. И вот она прикладывалась, клала головку на плечо этой жене, прямо как «дама, приятная во всех отношениях». Так выявилось ее такое дворянское воспитание.

Е. К. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА в записи Дувакина. Стр. 119

Насчет того, как даме полагалось вести себя в дворянском обществе, когда дама разговаривает с мужчиной, куда класть головку и пр.:

<…> Ты знаешь, как я не люблю все то, что пахнет московской барышнею <…>. Если <…> я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот-те Христос, и пойду в солдаты <…>.

Письмо Пушкина — Н. Н. Пушкиной.

30 октября 1833 года.

Совпадением, случайностью — ей Бог послал — было то, что она действительно жила во дворцах. Уж этого бы ленивый не заметил. Но она проявляет свою обычную настойчивость — и становится более, чем нужно, заметно то, что во дворцы она проникла в прямом и переносном смысле с

черного хода.

До революции Шилейко служил домашним учителем у Шереметьевых <…>.

Комната Шилейко размещалась в той части здания, в которой прежде жила прислуга.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 72

6 мая 1924

Ахматова переехала на новую квартиру — на Фонтанку. Огромный дом — бывшие придворные прачечные.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 273

«Мои дворцы»… стихи

Фонтанный дом.

«Посмотрите на эту дверь, — сказала мне Анна Андреевна и прикрыла ее. Там оказалась надпись: «Мужская уборная». — Вечером, когда эта дверь прикрыта, так, что надпись видна — к нам никто не приходит».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 32

…Особенных претензий не имею
Я к этому сиятельному дому…

К Шереметевскому дворцу.
Какие-то могли быть претензии?

Кстати, о Шилейко и о том, что он служил учителем у владельцев Фонтанного дворца. В воспоминаниях уважаемого Анатолия Генриховича Наймана читаю:

Перед революцией Шилейко был воспитателем детей графа Шереметьева и рассказывал Ахматовой, как в ящике письменного стола в отведенной ему комнате, издавна предназначавшейся для учителей, обнаружил папку с надписью «Чужие стихи» и, вспомнив, что в свое время воспитателем в этой семье служил Вяземский, понял, что папка его, поскольку чужие стихи могут быть только у того, кто имеет свои.

Анатолий НАЙМАН. Воспоминания о Анне Ахматовой. Стр. 110

Это какой же «Вяземский», думал Найман, мог служить перед Шилейкой воспитателем у детей графа Шереметьева?

Со времени постройки дворца в учителях из «Вяземских» здесь мог служить только князь Петр Андреевич, Рюрикович, друг Пушкина —

Судьба свои дары явить желала в нем
…соединив…
Богатство, знатный род — с возвышенным умом.
А. С. ПУШКИН. К портрету Вяземского

Когда он, Петр Андреевич, сам учился, на дом приходили университетские профессора, он никогда не обедневал (и не вредился рассудком, чтобы пойти в домашние учителя, — да ему и не позволило бы тогдашнее устройство общества), оставался владельцем знаменитого Олсуфьева (вы бывали там? пробовали на глазок прикинуть его рыночную стоимость в какие бы то ни было времена, поделенную на годовые жалованья домашних учителей?) и всего своего состояния. Был короткий срок товарищем министра народного просвещения: это было, да, служил — как дворянин, государству, помилуйте, не у частного же лица. Диктовался выбор службы довольно высокими и амбициозными мотивами — далекими от тех, которые побуждают молодых людей поступать домашними учителями в богатый дом. Это не он проживал в учительской каморке.

Может, единственный сын его, Павел Петрович? Тот самый, с которым «возился» Пушкин?

Раз княгиня застала, как они барахтались и плевали друг в друга.

П.А. и В. Ф. Вяземские. Запись П. И. Бартенева.
В. ВЕРЕСАЕВ. Пушкин в жизни. Стр. 62

Петр Андреевич прожил трагическую семейную жизнь. Брак его с Верой Федоровной, хорошей подругой Пушкина, длился 67 лет — но они сами похоронили семерых из восьми своих детей… Пережил их только один сын. Но и он, Павел Петрович, сам был… тестем графа Шереметева, нанявшего бедствовавшего молодого ученого Шилейку в домашние учителя. Женившийся не без родословных соображений граф Сергей Дмитриевич Шереметев тестя князя Вяземского воспитателем к родным внукам служить не нанимал. Да и вообще это чудеса какие-то были бы. Стихов Павел Петрович не писал, делал карьеру в Министерстве иностранных дел, занимался историей литературы, забавны его литературные мистификации. Наемным воспитателем внуков не служил.

Нам интересно другое: происхождение дикой версии. Шилейко такого сказать не мог — он был слишком для этого образованным человеком (хотя для таких вещей, лежащих на поверхности, большого образования не нужно). На мистификацию мог пойти — но чтобы поддаться на нее, Анне Ахматовой требовалось совершенно отчетливое волевое решение. Простодушно поверить здесь невозможно.

Тогда вывод один: она все придумала сама, вложила в уста мертвого Шилейки (она и не такими вещами не гнушалась) — и повесила на уши Найману. Служил мол, мой второй муж пан Вольдемар домашним учителем в одном доме после князя Вяземского. Да-да, того самого.

Счастливый Вяземский, завидую тебе!

Что ж тут такого! Анна Андреевна — Шилейко — Вяземский — Пушкин.

«В постели с Пушкиным».

Смысл этого всего — в бессмысленном плебействе анекдота: «I fuck your Queen!»

«А знаете, Александр Исаевич (Солженицын) удивился, когда я сказала, что люблю Некрасова. Видимо, он представлял себе меня этакой чопорной дамой. А Некрасова не любить разве можно? Он так писал о пахаре…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 29.

То есть уж такой чопорной, уж такой дамой, что — как можно-с о пахаре-с? А о куфельном мужике? А о «шлюхе» и «кретинке»? А о «фуй, какой морд»?

Ахматова вошла в столовую, и мы встали ей навстречу. Первое, что запомнилось, — это ощущение легкости маленькой узкой руки, протянутой явно не для пожатия, но при этом удивительно просто, совсем не по-дамски.

Виленкин В. Я. Воспоминания с комментариями.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 30

«Совсем не по-дамски» подать руку «явно не для пожатая» — для поцелуя! — это надо долго тренироваться. Когда поцелуи давно вышли из обыденного употребления — это невозможно делать машинально, по привычке. Да и привычку ей было негде и некогда приобрести. Но за давностью лет и при настойчивом педалировании своей дамистости простодушные поклонники верили.

Важны и материальные признаки. Шляпа княгини Орловой — дурного тона, жилищные условия семейства Гумилевых — comme il faut.

Ахматова, перечитывая записи Лукницкого, делает свои замечания. Редкие, но — по существу (для нее). Вот одно — в записи о воспоминаниях о Блоке.

АА: «В Царском Селе против окна комнаты, с которой мы жили — росло дерево».

Июнь 1938.

Имеется в виду Гумилев с нею. Она приписывает возмущенно:

«он, а не мы жили. У нас, как известно, было 6 комнат».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 11

Для нее это принципиально. Представляю, какое впечатление это производило на ленинградских коммунальных мальчиков. А для Лукницкого, который происходил из приличной петербургской семьи, такая мелочность, очевидно, и накапливалась — до того момента, когда ему стало неинтересно общение с Ахматовой.

Мы с ней много ездили. Она любила Арбатские переулки, улицу Кропоткина (всегда называла ее Пречистенкой). В октябре 1959 года мы поехали в Троице-Сергиеву лавру, как Анна Андреевна всегда называла Загорск.

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 582

Ну а за границей, даже при встрече с друзьями юности, — все серьезнее. Она чувствует высокую миссию советского человека за рубежом…

«Вы говорите Ленинград, а не Петербург?» — Ахматова довольно сухо ответила: «Я говорю Ленинград потому, что город называется Ленинград».

Георгий АДАМОВИЧ. Мои встречи с Анной Ахматовой. Стр. 73

«И у вас есть это чувство разночинности». Она страшно огорчилась — ей ни за что не хотелось признать себя разночинцем. Ее тянуло в круг повыше. Ее отношения с дочерью Пунина обусловлены именно этой потребностью — смягчить прошлое, облечь его в умилительную рамку: падчерица, к которой относятся как к дочери. Из этого ничего не вышло, кроме абсолютного безобразия, и оно вылезало из всех щелей еще при жизни Ахматовой.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 351

В эвакуации в Ташкенте.

Однажды по этой лестнице поднимался Алексей Толстой, который решил проведать Анну Андреевну Ахматову. За Толстым шли два сопровождающих товарища, загруженные продуктами, верней — корзинами, открывающимися под напором необъятного запаса.

Анна Андреевна подошла к нему, и при этом во всем: в ее движениях, в улыбке было высказано столько тепла, но… как она с ним поздоровалась, вызвало улыбку у всех присутствующих. «Здравствуйте, граф!» Он поцеловал ей руку, и они пошли в комнату.

П.М. и П. И. ЖЕЛЕЗНОВЫ в записи Дувакина. Стр. 193–194

У Ахматовой негативизм был не только прирожденным свойством, но и позицией, которую она тщательно разрабатывала, да еще ряд моделей, приготовленных еще Недоброво по образу собственной жены, «настоящей дамы», для сознательного выравнивания интонаций, поступков, манер.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 258

На воре шапка горит — Ахматова мгновенно вычисляла, если кто-то тоже брался за создание собственного имиджа.

Сказала, что это вовсе не «врожденное» хамство. Она отлично помнит, как С. Есенин был у них в Царском Селе, сидел на кончике стула, робко читал стихи и говорил «мерси-ти».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 272

Она на самом деле думала, что Есенин робел перед господином офицером и барынькой? Если он и рядился, то в поддевку и «мерсити», но Ахматовой важнее здесь то, чтобы не разоблачили ряженую — барыню.

Анна Андреевна вспомнила такой диалог между ними. Цветаева сказала: «Я многих спрашивала: какая вы?» Ахматова, поддавшись на эту удочку, заинтересованно: «И что ж вам отвечали?» — «Отвечали: «Просто дама!»

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 589

Маловероятно, чтобы какие-то «многие» могли все-таки сказать про Ахматову: «Просто дама». Но ей так хотелось быть дамой, даже быть «просто дамой», профессоршей Гаршиной, что подозрения крепнут — она не только подкладывала

мысли, но и вкладывала слова.

А вообще-то это просто вранье.

Когда она сталкивается с настоящими господами — только еще с их первой линией обороны от холопов — швейцарами, официантами, портье — она тут же трусливо отступает, забыв свое космическое величие.

В Италии Вигорелли отправляет ее с Ириной Пуниной из Таормины в Катанью без провожатого. Не Бог весть какой версальский округ — но все-таки неприлично старую даму, иностранку, не умеющую, кстати, изъясниться по-итальянски — отправить в путешествие одну. Она, конечно, терпит все: это в России она требует себе провожатых даже во время войны, в санаторий одна не едет — «одна я не в силах», здесь она за свою Музу может топать ногами на секретарш, а за границей она готова автостопом ездить.

Я получила ключ от номера, и мы поехали на восьмой этаж. Это была маленькая комната с одной кроватью посредине. Я сказала, что не потерплю такого издевательства, спущусь вниз выяснить недоразумение. А кума перешла на крик: «Не смей! Откуда ты знаешь, может быть, у них принято спать на одной кровати!!!»

И. Н. ПУНИНА. Анна Ахматова на Сицилии. Стр. 663

…прислуг она боялась…

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 363

Вот и вся барыня.

МАНЕРЫ

Анна Андреевна Ахматова, как мы знаем, была дамой высокого тона. Иногда (довольно часто) тон давал сбой — высокомерие, грубость, хамство (с низшими, конечно; так-то она была трусовата и на рожон — даже чтобы домработнице замечание сделать — не лезла). Сквернословила, особенно в подпитии, жила в грязи, ходила в рваной одежде, подворовывала (упаси Боже — только то, что, как считала, принадлежит ей, автографы своих писем, например: она продавала свои архивы и знала, что почем). Очень также раздражает малокультурная привычка надписывать не свои книги. С нее и начнем.

«Вольдемару Шилейко книгу светлого хмеля и славы — смиренно — Анна» **(надпись на мандельштамовской «Tristia»).**

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 336

Здесь все хорошо — и что надписывает не свою книгу (позволительно только автору), и что Владимира называет Вольдемаром, и что — слава, слава! и что «смиренно» (как монастырка прямо). И что — «Анна».

Сегодня день моего ангела. АА дала мне подарок — переплетенную в шелк старую, любимую книжку, которую она годами хранила у себя — книжку стихотворений Дельвига. Я раскрыл книжку и прочел надпись: «Милому Павлу Николаевичу Лукницкому в день его Ангела».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 256

АА снова рассказывала, как она «всю ночь, до утра» читала письма Тани и как потом Николаю Николаевичу никогда ничего об этом не сказала.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1.Стр. 178

Не спорю, читать письма другой женщины к своему мужу — это не то, что читать просто чужие письма, здесь мы ей полностью прощаем. Правда, они уже были практически не супруги, у самой «роман за романом», у мужа растет сын от другой женщины…

Дневник 30 июля. 1936 год.

Проснулся просто, установил, что Ан. взяла все свои письма и телеграммы ко мне за все годы; еще установил, что Лева тайно от меня, очевидно по ее поручению, взял из моего шкапа сафьяновую тетрадь, где Ан. писала стихи, и, уезжая в

командировку, очевидно, повез ее к Ан., чтобы я не знал.

Николай ПУНИН. Дневники. Письма. Стр. 334

Чтобы достать что-то из чужого шкапа, надо залезть в чужой шкап. Надо там хорошо пошарить, отделить нужные (пусть свои) письма и телеграммы от чужих писем и телеграмм, просматривая их, надо не прихватить случайно чужие письма и телеграммы… ведь она же порядочная женщина и сына плохому не научит…

Перечисляя второстепенных поэтов, назвала и С. Штейна.

С. Штейн устроил ей по телефону скандал: «С каких это пор я стал для вас второстепенным поэтом!..» Говорил очень невежливо. АА ответила, что нездорова и здесь около телефона холодно, и повесила трубку.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 256

Вешать трубку — ее прием. Но с какими-то полуизвинениями, полуотговорками, лживыми оправданиями. Даже просто — резкого решительного вешания трубки — не может сделать. Ощущение от этих эпизодов — что тебя не одернули, а обхамили. Но «правда, я его перехамила?» — это она себе приписывает за достоинство.

<…> О том, как С. Городецкий захотел увидеть АА, и она ему сказала: «Приходите завтра в двенадцать», — и как на следующий день, наглухо забыв об этих словах и не думая никак, что Городецкий примет их всерьез, мирно проснулась в 11 часов, пила кофе в постели, а Николай Степанович в халате сидел за столом и работал, и как в двенадцать часов явился Городецкий — наглаженный, с розой и как резким голосом стал говорить с Николаем Степановичем, упрекал его за какое-то невыполненное дело…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 255

Рыбаковы позвали ее с Пуниным обедать в Царское Село и позабыли — это у Лукницкого тянулось в дневниках на стра ницы: не прощу, законченные отношения. Не звонили? Все, никогда. Не извинялись? Все… Потом, конечно, простила, и обедала снова, когда позвали.

Под вечер АА с Пуниным были у Рыбаковых на блинах. АА попросила Пунина за столом показать Рыбакову фотографии, снятые мной (я их дал вчера АА и вчера же Пунин забрал их у нее — себе). Пунин взъерошился: «Не покажу…» — «Почему?» — «Они неприличны!» Создав неловкость, Пунин потом решил показать. Рыбаков смотрел сластолюбиво и сказал приблизительно так:

«Да, Анна Андреевна на все способна». Еще углубил этим неловкость. Потом Пунин выговаривал АА: «Вы думаете, мне приятно, что Лукницкий видит вас в таком виде!» А история глупая — фотографии абсолютно приличны: А.А. снята в постели. Что в этом неприличного?

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 67

Эту фотографию она потом пошлет еще и Пастернаку. Читатель, у вас есть жена?

…Вспоминать ее полуглухой, с больным сердцем, сидящей в маленьких комнатенках в чужих квартирах, когда она переезжала из дома одних друзей к другим, чтобы не оставаться дольше, чем того бы хотели хозяева.

Аманда ХЕЙТ. Человек, а не легенда. Стр. 672

Она этого хотела сама. У нее отдельная (с Ириной Пуниной — но по обоюдному согласию) квартира в Ленинграде. Она вольна была принимать друзей и поклонников там, но если Магомет сам хочет идти к горе — то это его желание. Она им делает подарки, чтоб не гнали, расплачивается славой и с легкостью высчитывает момент, когда заживаться уже дольше не следует.

И вот Любочка вспоминала такую сцену: Ира Пунина и ее муж, взявшись за руки, идут мыться, принимать ванну. Дескать, пусть все видят, что теперь они муж и жена… Ахматова смотрит на это с недоумением и говорит: «Я себе представить не могу, чтобы мы с Колей Гумилевым вошли вместе в ванную комнату…»

Михаил АРДОВ. Вокруг Ордынки. Стр. 70

В дни моей викторианской юности мне показалась бы дикой сама мысль о том, что я могу разбудить едва знакомого молодого человека и попросить его проводить меня в туалет. Между тем именно это я и сделала: разбудила Макса, он вызвал полицейского, полицейский взял фонарь, и мы втроем совершили путешествие по длинному коридору до смердящей комнаты, где в полу было устроено отверстие.

АГАТА КРИСТИ. Автобиография. Стр. 469

Все меняется. А брюзжать по поводу коммунальных обычаев нехорошо.

Говорит она громко, свободно, как будто мы с ней наедине у нее в комнате — а между тем в палате еще три больные женщины и возле одной сидит посетитель. Но Анну Андреевну это не стесняет ничуть.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966.

Стр. 311

Анна Андреевна с детства уже знала, когда можно переходить границы приличий — хамить, попросту говоря — когда чувствует силу.

«Пунины взяли мой чайник, — сказала мне Анна Андреевна, — ушли и заперли свои комнаты. Так я чаю и не пила. Ну Бог с ними».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 32

Как же не запереть, если она по шкапам лазит.

31 мая 39.

Вечером у меня сидел Геша. Вдруг, без предупреждения, пришла Анна Андреевна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 29

А ведь, перефразируя прозу Ахматовой, «уже вовсю процветали телефоны» — как фиакры в Париже.

Гуляя по Фонтанке, [Ахматова] Олень всенародно вынула из волос гребенку и причесывалась.

Николай ПУНИН. Дневники. Письма. Стр. 225

Не ковырялась ли в зубах?

«Аничка всем хороша. Только вот этот жест». АА ударила рукой по колену, а затем, изогнув кисть, молниеносно подняла руку ладонью вверх и сунула мне ее почти под нос. Жест приморской девчонки под покровом дамы, иногда естественно любезной, а чаще немного смешноватой.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. Стр. 319

Добрый, добрый Корней Иванович пишет после ее смерти свои воспоминания о ней именно так, как она хотела этого:

Порою, особенно в гостях, среди чужих, она держала себя с нарочитой чопорностью, как светская дама высокого тона, и тогда и ней чувствовался тот изысканный лоск, по которому мы, коренные петербургские жители, безошибочно узнавали людей, воспитанных Царским Селом. Приметы этой редкостной породы: слегка холодноватая учтивость в обращении с посторонними людьми, полное отсутствие запальчивых, резких, необузданных жестов…

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Из воспоминаний. Стр. 53

Она, бедняжка, не знала, что чувствовалась НАРОЧИТАЯ

чопорность, она была уверена, что это только светский лоск. Как она воспитывалась в Царском Селе — известно.

Анна Андреевна, правда, беспрестанно на кого-то кричала. На профессора Гаршина, например, когда тот отказался жениться.

Владимир Георгиевич бывал у нас сначала, он приносил ей в судках обед. Они подолгу разговаривали в ее комнате. И вот однажды я услыхала громкий крик Анны Андреевны. Разговор оборвался. Гаршин быстро вышел из ее комнаты, стремительно пересек столовую и поспешно ушел. Больше они не встречались.

О. И. РЫБАКОВА. Воспоминания. Стр. 101

Надежда Яковлевна рассказывала мне, как Анна Андреевна топала ногами и кричала: «Какой-то Наташе написать такие стихи!»

А. И. НЕМИРОВСКИЙ. Осип и Надежда Мандельштамы. Стр. 234

В трамвае не протолкнуться. Впереди стоит АА, за ней я, за мной Л. Н. Замятина. В руках у меня горшок с цветами. Слева от меня встает дама, освобождается место. Я предлагаю: «Анна Андреевна, садитесь!» И вдруг, совершенно неожиданно неизвестно на что рассердившись, АА нервно выкрикивает: «Садитесь вы!.. Павел Николаевич!.. Потому что Вы с цветами… Это очень глупо!» — уже совсем громко, увидев, что я не сажусь. Я и Л.Н. немного смутились. АА быстро продвинулась вперед и стала у выхода — далеко от нас. Л.Н.: «Ну тогда я сяду». Ни ей, ни мне не была понятна причина такого неожиданного отпора… Доехав до своей остановки и выйдя из трамвая, мы продолжали разговор самым обычным порядком… Это второй случай за все наше знакомство, когда АА восстала на меня.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 70

Федин стал вспоминать, как Ахматова удивляла всех своей гибкостью: перед собравшейся в кафе литературной компанией показывала свое акробатическое мастерство, сгибаясь кольцом, так что пальцы ее ног касались головы.

Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. Стр. 476

В половине шестого звонок. Звонит Таня Григорьева. Вешает трубку. Через несколько секунд опять звонок. «Так вы говорите, что «2х2 = 5» у вас есть?» Я спрашиваю: «Таня?» — «Нет, это не Таня, а Ахматова», — веселым голосом говорит АА… Ее

присоединили случайно, и она слышала весь разговор.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 222

А должна была — только часть. После чего или повесить трубку, или объявить о своем невольном участии в разговоре.

Вчера забыл у нее свою дневник-тетрадь, и АА сказала мне сегодня, возвращая ее, что она «не осталась без занятия ночью».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. I. Стр. 171

Прекрасная привычка — читать чужие дневники.

1962.

Мне позвонил мой приятель, переводчик Наум Гребнев, и пригласил проехаться с Анной Ахматовой погулять! Он иногда возит ее подышать воздухом в Переделкино. Мы заехали за ней куда-то за Сокол. Наум погудел, и Ахматова вышла.

Это бы почитать Лидии Чуковской, она не погудит, ее школили не так! Лидия-то бы Корнеевна пешочком бы сбегала наверх, какое там «погудела»!

Вернувшись в город, я попросил Анну Андреевну надписать мне репродукцию Альтмана в сборнике стихов, изданных в Берлине в двадцатых годах. «Малознакомым не делают именную надпись, не правда ли?» — и написала: «Анна Ахматова, Покров, 1962, Москва». Я поблагодарил.

ВАСИЛИЙ В. КАТАНЯН. Прикосновение к идолам. Стр. 422

По привычке набивает себе цену или помнит, что Катанян — пасынок Лили Брик? Знает, как Маяковский прибегал к Блоку на квартиру, чтобы тот надписал ему книгу стихов? Блок, в отличие от Ахматовой высоко ценивший Маяковского, был польщен и приготовился сделать сердечную и значительную надпись. Маяковский смущенно предупредил, что надпись надо делать — «Лиличке». Он получил очередное задание. Дух независимости от чужих мнений Маяковского восхищает. Он делал то, что было нужным ему.

Ахматова такое не прощает.

«Малознакомым» — это когда подходят на улице. А как провели вместе целый день — уж не настолько малознаком человек, чтобы имени его нельзя было написать.

С сэром Исайей она не больше была знакома. А он не стал ей милым мужем! Как и Василий Катанян.

Покро-о-о-в!

Пунин очень любил Анну Андреевну. Я не говорю уже об его письме из Самарканда, которым Анна Андреевна гордилась и

многим показывала.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 479

Это прилично? Пунин впоследствии сам удивлялся, что написал это письмо. Все-таки Ахматова прожила с ним рядом больше двадцати лет: такие вещи женщина не может не чувствовать — на самом деле пишут ей или «ей в чужой адрес». Скорее всего она и чувствовала. Но — «гордилась и многим показывала».

Ночь. Телефонный звонок из Лондона. «Говорит Ахматова. Завтра я буду в Париже. Увидимся, да?» Не скрою, я был взволнован и обрадован. Но тут же, взглянув на часы, подумал: матушка-Россия осталась Россией, телефонный вызов во втором часу ночи! На Западе мы от этого отвыкли.

Георгий АДАМОВИЧ. Мои встречи с Анной Ахматовой. Стр. 71

При всем своем внутреннем величии Анна Андреевна не оставалась равнодушной к поклонению. Помню встречу у нас с Дмитрием Николаевичем Журавлевым. Запомнился этот вечер потому, что Ахматова была в несвойственном ей веселом настроении. Журавлев читал стихи Пушкина, и она нежно благодарила его, с улыбкой подавая ему руку ладонью вверх. И он всякий раз неизменно учтиво поворачивал эту руку и целовал ее особенно почтительно.

Самое удивительное было ее веселое кокетство.

Е. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА. Встречи с Ахматовой. Стр. 242

А если вспомнить описание вечера у городничихи, то такое поведение не будет казаться ничем удивительным при всем внутреннем величии Анны Андреевны.

ЯЗЫКИ ИНОСТРАННЫЕ

Как ни странно (для моего читателя), у литератора Ахматовой иностранный язык — это не орудие, предмет или цель писательского труда, а просто статусный символ.

В сентябре — октябре 1927 АА изучала английский язык, изучала совершенно самостоятельно. Сказала, что английский язык ей очень не нравится.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 338

Бедный английский язык. Такое основательное изучение — и приговор.

АА с Николаем Константиновичем занимались английским языком по книжке Манштейна, — Вот terribly я не знаю…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 341

Зная французское «terrible»?

— Thart… Я повторил:
— Thort…
Взглянула на меня презрительно:
«Сорт», по-вашему… — читает дальше.
П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 341

Вот она своим интеллектом соблазняет английского сэра.

Она хотела прочесть мне две песни из «Дон Жуана» Байрона. Даже несмотря на то, что я хорошо знал поэму, я не мог бы сказать, какие именно песни она выбрала, поскольку, хоть она и читала по-английски, ее произношение было таким, что я не мог понять ничего, за исключением одного или двух слов.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 442

Бродский защищает ее по-своему.

Волков: А почему Ахматова говорила с Фростом через переводчика? Ведь она знала английский.

Бродский: Начальство было бы сильно недовольно <…>.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Иосифом Бродским. Стр. 109

Читала она по-английски, почти не пользуясь словарем, а говорила с большими затруднениями, с остановками, ошибаясь в грамматике и в произношении.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 140

Но:

«Д, т, э» произносит чуть-чуть на английский манер.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 383

Плёко говорить русский языка!

«Вы, оказывается, профессиональный спортсмен», — причем «спортсмен» произнесла по-английски. Я спросил, по внезапной ассоциации, а каков внешне Исайя Берлин. «У него сухая рука, — ответила она сердито, — и пока его сверстники играли в футболь, — «футболь» прозвучало уже по-французски, — он читал книги».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 145

Губы у нее были сложены сердечком, и произносила она так: «У нас в Пютюрбюрге».

А. П. ЧЕХОВ. Муж

Личная карточка члена Союза Советских писателей, заполненная А.А.: «Иностранные языки: английский — говорю, читаю».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 87

Навестила в Голицыне Анну Андреевну. Она внизу, в просторной светлой комнате. Спокойная, красивая. Чувствует себя хорошо. За окном зелень. Лежа на кровати возле окна, читает по-английски детектив. «Говорят, это очень полезно для языка. Тут и быт, тут и светская жизнь».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 102

Из английского, она считает, ей пригодится знание светской лексики, а с другой стороны, это и есть круг ее интересов в ее 65.

В начале пятидесятых годов Ахматова отправляет Мишу Ардова передать ее подарок Борису Пастернаку — свою книгу с дарственной надписью.

Там рукою Ахматовой было написано:

«To our first poet Boris Pasternak».

Михаил АРДОВ. Монография о графомане. Стр. 43

К чему же это — по-английски? Так в школе в пятом классе гуляют под партами записочки: «Семенова, I love you!»

Я спросила Блока, почему он не на чествовании Верхарна. Поэт ответил с подкупающим прямодушием: «Там будут просить выступить, а я не умею говорить по-французски».

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 74

Знал он французский.

АА не любит говорить по-французски, потому что сознает, что не может находить слова с той точностью, с какой находит их, когда говорит по-русски.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 220

Пятерка в школе по французскому, гуманитарный склад, месяц в Париже — этого более чем достаточно, чтобы барышня могла при случае подчеркивать свое приличное образование. Блоку не надо было так яростно самоутверждаться — он был внуком ректора столичного университета (а уж о том, что не ставил перед собой такую задачу, — нечего и говорить), за границей он живал раз в десять больше Ахматовой и мог себе позволить отговориться леностью в изъяснении на иностранном языке. Он к слову относился более интимно, чем Ахматова, и, раскрывая рот, чтобы говорить — сказать, — хотел знать, на каком языке и как он это скажет.

Что-то Анне Ахматовой не везло в деле принижения соперников по признаку образованности. Как-то однозначно не были они кухаркиными детьми, долгих реалий перечислять не приходилось, вернее, можно было избежать: или дочь основателя музея изящных искусств (в Москве, да напротив Кремля), швейцарские пансионы, или — вышеупомянутый внук (из Петербурга на дачу в Шахматово возили целые библиотеки, а у Горенок в доме была одна книга — стихи Некрасова). Про Пастернака с его германскими университетами просто никто бы ничего не понял, вздумай она и его тыркать, оставался один душка: Осин Мандельштам.

Она утверждала, что Мандельштам нигде никогда не был, никакой Италии не нюхал, никаких экзаменов никогда не сдавал, а я никаких языков не знаю…

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 354

О романе «Подросток».

«Подросток учился у Тушара, с детства учился, а стеснялся своего дурного французского языка. Это Федор Михайлович себя

вставил, как он себя чувствовал, попав в общество».

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 585

Ну и что, что это за открытие, за находка, что это добавляет пониманию романа? Но ей важно между делом подчеркнуть свое превосходство.

Все великое было ей сродни. Когда вышел пастернаковский перевод «Фауста», она сказала: «Всю жизнь читала это в подлиннике, и вот впервые могу читать в переводе».

Наталья РОСКИНА. Как будто прощаюсь снова. Стр. 530

Она всю жизнь читает и Данта. Почему же она не говорит по-итальянски в Италии? У нее там проблемы с шофером, и в зале не понимает, о чем говорят. Все время просит перевести.

Она сказала В. К. Шилейко, что была бы вполне удовлетворена, если б знала английский язык настолько, чтобы могла читать по-английски. Шилейко с тягучим пафосом ответил ей: «Да если б собаку учили столько, сколько учили тебя, она давно бы была директором цирка!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2, Стр. 339

Бог с ними, с иностранными языками, — нам интереснее, почему по-русски она так часто выражается неграмотно.

Пренебрежение к языку заразительно.

Ахматовские поклонники поставили ее выше русского языка. Книгу назвали «О Анне Ахматовой» — не «Об»! Как можно «Об»! Кто знает, на что похоже!

«Это фамилия моя — Яичница. Я хотел было уже просить генерала, чтобы позволил называться мне Яичницын, да свои отговорили: говорят, будет похоже на «собачий сын».

Н. В. ГОГОЛЬ. Женитьба

Часть VI
ДРУГИЕ МИФЫ ПО МЕЛОЧИ

МОНАСТЫРКА

Анна Ахматова — моральная монастырка, монашенка, с крестом на груди. Она помнит об аде, верит в Божье возмездие. Ее любовь — та же власяница <…>.

Ю. АЙХЕНВАЛЬД. Силуэты русских писателей. Стр. 243.

Звучат эти прочувствованные слова пародийно, но глава будет — о религиозности Анны Ахматовой, к которой все относились с необыкновенным пиететом, серьезностью, верили и заставляли всех верить, что Анна Ахматова была религиозным человеком.

Начну с пустячка, пустячного урока, который дала маленькая девочка Аля Цветаева, написав письмо великой тете, всемогущей Анне Всея Руси (так учила ее мама) — Анне Андреевне Ахматовой. Аля не знала, что Анна Андреевна была дама не только чиновная, но и очень серьезная, и религиозность ее никакого отношения к Богу не имела. Она (ее религиозность) имела отношение к стихотворным приемам и дамским штучкам.

Девочке восемь лет, но ей неприятно революционное насилие над Словом, вернее, пока — над словами: над русской орфографией.

<…> Мне теперь восемь. Я нигде не учусь, потому что везде без Ъ и чесотка.

А. А. САКЯНЦ. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. Стр. 250

Слово Бог дается в планах Ахматовой по-разному: если в ранних книгах оно, естественно, пишется с заглавной буквы, то в годы советского атеизма написание слова меняется.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 7

И для Блока «лесъ» без Ъ не был лесом, а наша духовная монастырка в полном соответствии с линией партии спокойно пишет в черновиках «Бог» с маленькой буквы.

Я не буду говорить о том, сколько красивых стихотворений написала Анна Ахматова, сколько раз в них употребилось слово «Бог», и уж тем более — различных красивых и респектабельных христианских символов, использованных с декоративной целью. Посмотрим-ка, как по-божьему жила.

Она считает — увы, небезосновательно, — что все будут послушно соглашаться с ее правом говорить о религии «как знающий». Например, она знала, как уходят в монастырь: любила Шилейко, а жили плохо. Она об этом не скажет просто, она скажет со значением.

«Чувствовала себя такой черной, думала очищение будет. Пошла, как идут в монастырь».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 44

А вот как из монастыря ушла:

«А. Лурье решил вырвать АА от Шилейко. За Шилейко приехала карета скорой помощи, санитары увезли его в больницу. Я: «А предлог какой-нибудь был?» АА: «Предлог? — у него ишиас был… но его в больнице держали месяц!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 45

Как мы помним, Артур Лурье был комиссар.

Выстраивать такие свидетельства в связный сюжет — невозможно. Своей напускной «религиозностью» она метила каждый шаг в своей жизни — из шагов, которые могли быть замечены и отмечены (в последующих мемуарах). Отсюда ее беспрестанные «Храни Господь», «Господь с тобою» — невинным комсомольцам — от нее, которая ни креста не носила, не причащалась (нет таких свидетельств, а ведь от церкви отлучается не бывший год у причастия), ни священника перед смертью не позвала. Это — об обрядности. О другом — вся ее гордая жизнь. «Гордая» — в жалком, мирском, тщеславном значении. Разве ее жизнь была не такой?

Ее выдавал злой смех, когда она обрывала Лидию Чуковскую, пытавшуюся урезонить ее в пошлых и жестоких играх:

«Господь с вами, Лидия Корнеевна, что это вдруг стали такой христианкой!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 501

Об «Анне Карениной».

«Неужели вы не заметили, что главная мысль этого великого произведения такова: если женщина разошлась с законным мужем и сошлась с другим мужчиной, она неизбежно становится проституткой. Не спорьте! Именно так! И подумайте только, кого же «мусорный старик» избрал орудием Бога? Кто же совершает обещанное в эпиграфе отмщение? Высший свет: графиня Лидия Ивановна и шарлатан-проповедник. Ведь именно они доводят

Анну до самоубийства».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 25

Нет, не они. Правда, сознание греха — категория, недоступная для Анны Ахматовой.

И юная Ахматова, гордая и непреклонная, увидела в романе Толстого покушение на свое достоинство, на свою свободу. Тем более что героиня романа носит имя самой Ахматовой — то имя Анна, которое Ахматова любила и чтила.

В. Г. АДМОНИ. Знакомство и дружба. Стр. 338

А.С. [Лурье]: «Анна была блудницей. Она, как коршун, разоряла чужие гнезда, ни с кем не считаясь».

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 95.

А какая я беспутная? Теперешние советские барышни <…>. Да я в 1000 раз их целомудреннее <…>.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 74

Вот в такой плоскости она трактует Заповеди (это почти что каламбур — потому что трактовка действительно уж слишком плоская). Понятие греха по-ахматовски относительно, а не абсолютно: «Ну и что ж, что я убил?! Другие-то в десять раз больше поубивали. Я их в 1000 раз добродетельнее».

Анна Ахматова была человеком верующим, православным.

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 118

А вот удивительное свидетельство — ее прямо-таки святой считали. Характеристика человека: а, это тот, о котором молилась Ахматова!

Среди осужденных <…> были молодые люди <…>, поверившие оттепели. Одни из них — ныне известный <…> правозащитник Б. Пустынцев, другой — бывший депутат Государственной Думы М. Молоствов, а об освобождении третьего — математика Р. Пименова — Ахматова молилась.

Ирина ВЕРБЛОВСКАЯ. Горькой любовью любимый. Стр. 264

Прямо-таки и молилась? Интересно бы прояснить детали этого утверждения. Сколько раз молилась, где, какие есть документы — может, мольнулась один раз и все, а уж математик Пименов себе приписывает!

Анна Андреевна просит Чуковскую взять для нее у Корнея

Ивановича роман Владимира Набокова «Пнин». Она прослышала, что там выведена она — поэтесса, кумир дам. Есть и образец великой поэзии — для Набокова такие игрушки не труд.

Гневная тема нынешнего вечера — «Пнин», по отношению к себе она нашла ее пасквилянтской. Книга мне тоже не нравится, но пасквиль ли на Ахматову? Или пародия на ее подражательниц?

Добрая Лидия Корнеевна не отваживается даже произнести печальную, но очевидную правду: это пародия на саму Ахматову.

Я надела темное платье.
И монашенки я скромней;
Из слоновой кости распятье
Над холодной постелью моей.

Но огни небывалых оргий
Прожигают мое забытье
И шепчу я имя Георгий —
Золотое имя твое.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 458

Найдите два отличия между пародией Набокова и великим стихотворением самой Ахматовой.

Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

Основной мотив ахматовской лирики — униженная, рабская любовь — ее отличительный, узнаваемый признак, «фишка» — это тоже отпадение от божественных установлений. В «Песне песней» нет унижения — вот как-то совсем без декаданса. «Муж хлестал меня узорчатым…» и «… ни один не дрогнул мускул просветленно-злого лица»… — это любовь по-ахматовски.

Когда я пришла, Анна Андреевна вместе с Марией Сергеевной дозванивались Галкину, чтобы поздравить его с еврейской

Пасхой. «Галкин — единственный человек, который в прошлом году догадался поздравить меня с Пасхой», — сказала она.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 293

Если бы она про Пасху помнила и поздравляла бы православных — не забывали бы и ее. Просто религиозные праздники — это нечто вне ее интересов.

Посещение Загорска с разбитным автовладельцем.

19 апреля 1953 года.

Анна Андреевна, сосредоточенно крестясь, уверенной поступью торжественно шла по длинному храму вперед, а мы плелись за нею…Анна Андреевна опустилась на колени перед иконой Божьей матери, а мы вышли.

Рака с мощами преподобного Сергия Радонежского Анну Андреевну, очевидно, не заинтересовала, так же как и иконы в том же храме Андрея Рублева и Даниила Черного, иначе она бы рассказала бы и об этом.

Ее образованность светила нам всю дорогу. Отвечая на вопросы шофера и наши, она рассказывала нам о Сергии Радонежском, о возведении Лавры, о поляках и татарах.

Одна только святость этого места ее не волновала.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 60

Волков: Ходила ли Ахматова по воскресеньям в церковь? Я помню, поэтесса Надежда Павлович, летом жившая в Юрмале, каждое воскресенье отправлялась в близлежащую церковь.

Бродский: Нет, это было бы для нее физически невозможно. В те времена, когда я был с Ахматовой знаком, она была чрезвычайно тяжела на подъем. Кстати, в квартире Ахматовой образов не было.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 100

Насчет «тяжела на подъем».

Ей нравилось, когда даже малознакомые владельцы машин приглашали ее прокатиться на автомобиле; довольно часто она находила повод вызвать но телефону такси поехать куда-то за чем-то, а иногда без повода: «Давайте прокатимся».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 253

И в церковь можно было бы прокатиться хоть раз, вот было бы разговоров: «Я возил Анну Ахматову в церковь. Она была такая скорбная и величественная».

Интересно, что ей было «физически невозможно» ездить

именно туда, куда, собственно, только и нужно ездить человеку, — в церковь да в тюрьму сына проведать.

Ее абсолютно не занимал ни один религиозный вопрос. Ни в ее разговорах, так подробно и часто под ее контролем записанных, ни в ее стихах — нет ни одной религиозной темы. Она не задумывается ни о грехе, ни о спасении, ни о заповедях, фон ее «религиозности» — это обыденный круг мещанки: «престольный праздник», «лампадка», «молитва», «чудотворная икона». Все всуе приказывается для складу — и пошла дальше про «любови». Что касается кощунства — ей иногда мнится, что «опасно» она балансирует у грани кощунства — это всего лишь первая, самая простенькая, для бедных, стадия бунтарства. Когда нет ничего своего, эпатировать нечем — ну, плюнем в чужую икону.

Раньше никогда не носила креста. «А теперь надела — нарочно ношу». Только этот крест, золотой, на золотой цепочке — не ее крест. Своего давно нет.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 42

Крест не носят нарочно. И не снимают без каких-то относящихся к вере или перемене ее причин, если один раз надели.

23 февраля 1914.

А.А. участвует в «Вечере великопостной магии» в кабаре «Бродячая собака».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 69

У Ахматовой строгое лицо послушницы из староверческого скита… Началось с игры в цирк. Ахматова выступала как «женщина-змея»; гибкость у нее была удивительная — она легко закладывала ногу за шею, касалась затылком пяток, сохраняя при всем этом строгое лицо послушницы.

Воспоминания В. А. Неведомской.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 45

Послушницы. Да еще не из московского театрализованного монастыря, а из скита, да еще из — староверческого скита. Ну, это прямо-таки необыкновенное лицо. С заложенной за шею ногой. Далее можно пассаж о монастырке с крестом на груди.

«Плач Ярославны у шеста» — номер в стриптиз-шоу.

Дарственная надпись на книге стихов Франсуа Вийона:

«Владимиру Казимировичу Шилейко от его старого друга Ахматовой. Масленица».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 108

Ей не повезло, что праздник был такой — общераспространенный. Вот если бы ее Купальница Аграфена! Я хотела для красного словца еще какого-нибудь святого или праздник помудренее упомянуть, но устыдилась. Аграфены-то в такой орфографии в святцах нет, это дамские языческие штучки.

Здесь скорее эстетическая форма старинного помещичьего уклада, чем настоящая религиозность.

Большая Советская Энциклопедия. Т. 4. 1926 г.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 106

В двадцатые года это, из недалека, было видно всем. Сама Ахматова не отказалась бы и от такой трактовки — ведь образ гимназистки, барышни, «дамы тринадцатого года» и даже «просто дамы» (для убедительности вложено в уста Марины Цветаевой — та-то глубже, конечно же, смотреть не могла) ею культивировался.

Это уж потом люди сами, добровольно, удесятеряли ее заслуги: не лоб перекрестила, а истово молилась, не бытовая церковность, а глубокая религиозность.

Религиозные мотивы, которым Ахматова отдает щедрую дань, выступают в ее стихах в домашнем, сниженном плане, являются составной частью интимного быта. Многие стихи Ахматовой воспринимаются как интимный мещанский дневник…

История русской литературы. 1954 год.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 107

Перед смертью — вот глубина ее религиозного сознания, вот темы размышлений и образы:

1 августа 1965.

Сегодня — Илья. Вчера всю ночь катался на своей колеснице по небу.

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 326

Натужные дневники Ахматовой написаны не для внутреннего пользования. В этой емкой фразе — она надеялась — читатели почувствуют скрытые глубины, иронию. Но большего выдавить из себя не смогла.

Ильин день, впрочем, 2 августа (н.с.).

Ночью АА ходила к заутрене в церковь Спаса на крови. Странно, не могу понять, зачем это ей нужно? Не молиться же ходит?

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 127

Да, не молиться. Молиться необязательно ночью. Ночью красивый обряд, хотя суть не в нем, а в том, что это становится известно — «ночью АА ходит в церковь».

За такие кощунственные высказывания Павла Николаевича объявляют разве что не сумасшедшим:

О степени непонимания Лукницким духовного мира Ахматовой свидетельствует [вышеприведенная] запись.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 5

«Клевета» — якобы за которую она пострадала от Сталина, Сталин, по ее словам, принял на свой счет — любовное стихотворение.

И всюду клевета сопутствовала мне…
…На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый.
Образок…
Моленья панихиды…

Клевета была вот о чем: мужчина бросил семью, съехался с двумя любовницами (вторая — Анна Андреевна), жили вместе, разные там игры, порнографические картинки рассматривали и т. д. Ну, люди и «клеветали»: живут, мол, втроем.

Я не слышала, чтобы Анна Андреевна вела с кем-нибудь философские, вообще теоретические разговоры о религии.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 493

Какие «теоретические» разговоры могут быть о религии? То, что она не была философом и теологом, — это ясно всем, даже ее окружению, считавшему ее гигантом мысли (только вот интересующимся по большей части бытовыми темами). Но в религии нет теории и практики. Практика есть в церковной жизни — это тоже другое, и тоже то, в чем Ахматова не участвовала. Религия заключается в вере, и верующий человек не ведет теоретических разговоров, он живет и излагает свою веру. Эта тема рождается в его разговорах сама по себе, потому что вера — это его жизнь. Философия была ей недоступна, выше ее понимания, а веры

не было, потому что не было веры.

Она знала церковные обряды, как знал их Стива Облонский — просто в силу своего возраста, то есть связанных с ним традиций воспитания. Знала текстологически Писание — в силу крепости, фотографичности своей памяти. Конечно, в шестидесятые годы это было очень эффектно, и ей было чем ответить

Марине Басмановой и другим «красоткам». У женщины всегда что-то есть и она имеет то, что заслуживает, не только в сорок, но и семьдесят пять лет. А что до религиозности, до «Великой души», которая научила Бродского «прощать» — то он, ослепленный, не увидел подлога ни вблизи, ни из отдаления лет. Ну — или решил, что не стоит уж труда приглядываться.

1938 год.

Мне иногда казалось, что она недостаточно энергично хлопочет о Леве. Я предлагала ей решиться на какой-то крайний поступок, вроде обращения к властям с дерзким и требовательным заявлением. Анна Андреевна возразила: «Ну тогда меня немедленно арестуют». — «Ну и что ж, и арестуют», — храбро провозгласила я. «Но ведь и Христос молился в Гефсиманском саду — «да минет меня чаша сия», — строго ответила Анна Андреевна. Мне стало стыдно.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 264

Трудно найти более далекое от истинного смысла толкование «Моления о чаше», чем как отказ от выполнения своего дела из-за страха наказания. Здесь даже просто логически концы не сходятся. Когда отступаешься и до такой степени боишься расплаты — надо уже не по садам молиться, а отсиживаться в надежном месте, бежать со всех ног подальше. Наказание страшно. Его хочется избежать — и Анне Ахматовой, и Христу. Страшно, да. И молитва, как мы видим из Евангельского текста, автоматически — не спасает, это не заклинание. Здесь есть распорядитель. Скорее подошла бы строчка Ахматовой: «Покорна я одной Господней воле!» Тексты-то она знает, но не знает, что они обозначают. Путается: когда именно их надо сказать, чтобы было красивее, но — по теме.

Да и накал страданий не такой, как «Коля… кровь…». С «Колей» на этот раз все было в порядке.

Я понимаю, что она любовника любит больше, чем сына.

Это правильнее и в религиозном смысле: сын-то ведь это она сама, а любовник — «просто» ближний. Ближнего не написано, что надо любить больше, чем самого себя, но душевных сил надо больше. Борясь за сына, мать, как правило, не стоит перед выбором — ее путь и так ясен, «ближний» же должен всколых-нуть душу так, чтобы подвинуть — слово, ведущее к «подвигу». В данном случае я защищаю Льва Николаевича только потому, что больно сын слаб и мал — не нужный никому, плохо одетый, некрасивый, бесталанный (как матери казалось).

Бродский: По-моему, почти все русские поэты (вне зависимости от того, верующие они или нет) злоупотребляют церковной терминологией. В стихах постоянно возникает ситуация: я и Бог. Что, на мой взгляд, прежде всего нескромно.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Иосифом Бродским. Стр. 99

Да, сравнить себя с Христом, да еще не в пользу последнего — это нескромно, даже для Анны Ахматовой.

Ахматова называла себя с усмешкой Серафимом Саровским.

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 573

НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ
Т. В-ой

…И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.

Это — из стихотворения, посвященного юной балерине Татьяне Вечесловой. Неверующая девочка, возможно, была рада по неразумию получить такой подарок, все-таки какая-то здесь романтика (правда, уголовная), шик (блатной). Что до авторши… «Кто дерзновеннее сделает» — уже Достоевский описал, это уже было.

На даче под Коломной, где Ахматова жила у Шервинских, одной природы ей было мало, надо было занять себя.

«Анна Андреевна ушла в кино». Оно было устроено в здании бывшей церкви, когда-то домовой церкви князей Черкасских. В красивом классическом храме был разрушен алтарь со скромными его беломраморными колоннами, колокольня была разобрана более чем наполовину. Сельская молодежь веселилась в этом клубе. Туда-то и ходила развлечься наша величавая гостья.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 294

Экран, надо полагать, устроен на месте царских врат — больше негде. Не только верующему, а просто воспитанному человеку смотреть на то место, где должен быть престол и запрестольный образ, а теперь Любовь Орлова на свиньях скачет, — неприлично. Буквально сцена поругания… Неужто нечем больше поразвлечься? Такие красоты вокруг, лебеда, шиповник…

Извозчик везет через Кремль. Меня, петербуржанку, поражает, что под Спасскими воротами он снимает шапку, берет ее в зубы и крестится.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 75

А сама потом будет поражать — не Надежда Яковлевна поражаться, а Анна Андреевна стараться поражать (безуспешно, правда: после Ташкента Мандельштам даже в поддавки играть уже не хочет), крестясь на все церкви в Ленинграде… А что под Спасскими воротами, так там полагалось — снимать шапку и креститься. Это из правил, за которыми присматривали городовые. Цари шапку снимали — полагалось. Соглашусь — в зубы не брали. Просто у извозчика заняты руки. А может, и Бога сильно боялся.

Надю раздражало, что Анна Андреевна крестится на каждую церковь. Ей казалось это демонстрацией.

Э. ГЕРШТЕЙН. Тридцатые годы. Стр. 255

Думается, предписаний такого рода, как благочестиво перекреститься на храм Божий, Анна Андреевна не выполняла во множестве. Исправиться она решила почему-то на самом демонстративном.

Посему выразим свое сомнение но поводу нижеследующего:

Бродский: Ахматова никогда не выставляла своей религиозности на публику.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 100

1940 год 27 апреля.

Сегодня, в страстную субботу привез к Шервинским фото для Анны Андреевны. Она была как-то особенно мила и разговорчива. Показывая Шервинскому фотографию в черном платье, она сказала ему: «Правда, я здесь душка?»

Д. ГОРНУНГ. Записки об Анне Ахматовой. Стр. 208

Однако страстная суббота все-таки есть страстная суббота. Если ты ее называешь — то и быть особенно милой и

разговорчивой совершенно не полагается. Даже если только один день в году предоставить соблюдению приличий по отношению к укладам религии, к которой себя причисляешь — и тем более когда статус ее приверженки тебя кормит, — то именно этот день, страстной субботы, и надо бы соблюсти. О чем-то ином поговорить, не о том, какая я душка. Да черное и мало кому не к лицу.

…«Гуковский говорит, что
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом… —
Это клятвы Демона»…

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. Стр. 131

Поскольку она НЕ христианка, ей достаточно того, что это — красиво. Гуковский, правда, выразился еще красивее. Как он изволил? Клятвы демона? Надо запомнить. А вы думали это клятвы кого? НАМ (это которым верят НЕ в демона) сказано — не клянись. Но барынька, сжав руки под темной вуалью, что только не сделает!..

Вообще литературная мифология 1910-х годов.
Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. Стр. 131
Как и все ее творчество.

Не пастушка, не королевна
И уже не монашенка я…

Для придания — весьма нетрудоемкого, машинной работы — словесного лоска, видимой глубины, за которой ничего нет, кроме кстати сказанного словца. С христианскими символами это довольно просто — они и известны, и безопасны. С другими-то не побалуешь. Салман Рушди попробовал с исламом — и где он? А у нас спокойно художница выставляет инсталляцию: ангел из алого парашютного шелка, крылья надуваются и трепещут. И смешно, и уровень ассоциаций поднят.

В 1921—22 гг. Ахматова написала несколько стихотворений, которые, безусловно, в будущем войдут в ряд русской православной духовной поэзии.

Светлана КОВАЛЕНКО. Анна Ахматова. (Личность. Реальность. Миф). Стр. 29

Шестидесятые годы. Великая душа, научившая Бродского прощать, готовится к смерти. Вернее, должна бы была в этом возрасте и готовиться. Еще вернее — быть готовой. Пусть Господь продлит дни всех, даже самых долголетних, но — хоть сколько-нибудь скудненькая, но душа — должна готовиться. Гордыня и безверие так заели Анну Андреевну, что она, похоже, искренне верила, что заслужила бессмертие.

Когда-то ей понадобилось подтверждение какого-то факта из истории 10-х годов, она по телефону попросила приехать Ольгу Николаевну Высотскую, в прошлом актрису, сын которой от Гумилева был ненамного моложе Льва Николаевича. Мы с Борисом Ардовым привезли ее в такси с Полянки на Ордынку. Ахматова сидела величественная, тщательно причесанная, с подкрашенными губами, в красивом платье, окруженная почтительным вниманием, а ее когдатошняя соперница — слабая, старая, словно бы сломленная судьбой. Она подтвердила факт, на мой взгляд, второстепенный — и Ахматова распорядилась отвезти ее домой. Она подтвердила факт — и подтвердила победу Ахматовой.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 299

Конец августа. 1939 год

А.А. сделана операция по поводу воспаления челюсти. В больнице за ней ухаживает О. Н. Высотская.

Это просто так вспомнилось, к слову…

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 36

Вот она религиозности напоказ не выставляла, а была она у нее глубокая, внутренняя…

В. Г. Гаршин жениться не захотел, но чувствовал, что этим обидел даму.

И никогда она ему этого не простила. В пятидесятых годах, когда Гаршин уже перенес инсульт, он просил через кого-то прощения у Анны Андреевны. Она ничего не ответила. Тем не менее ему отпустили грех от ее имени. «Он заплакал и лег в постель, — презрительно отозвалась Анна Андреевна, рассказывая мне об этом. А потом, подумав и помолчав, добавила: — И как это можно, самовольно говорить от моего имени?»

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 478

В конце пятидесятых — значит, ей было за семьдесят лет. Это — уровень ее мыслей перед смертью.

Бог сохраняет все. Особенно слова
Прощенья и любви, как собственный свой голос.

Иосиф БРОДСКИЙ. На столетие Анны Ахматовой

Сироты — по определению братья. Почему же двое из ахматовских сирот так бешено ненавидят третьего? Почему она не научила их любить брата? Если она научила Бродского прощать, почему она не научила тех прощать чужую славу?

Она не простила никому: ни Гаршину, ни Ольге Высотской, ни Маковскому, ни Советской власти, ни Муру за то, что Цветаева не любила ее стихи, — не простила никому и ничему. Этого Бродский не мог не знать. Неужели даже на этом уровне притворилась? Смирилась она со своей жизнью? — просто потому что просчитала, а не потому что простила.

Религиозность — это наша экспортная статья, духовное золото, как балет, пушнина, спутники. Ахматова ориентирует себя на внешний рынок.

К счастью, ей досталась спокойная старость. Она сохранила способность работать и в последние годы жизни, и в этом ее удача. Удивительно, что всякая передышка пробуждала в Ахматовой не черты зрелости с ее аскетизмом и самоотречением, а молодой эгоизм, страсть к успеху и легкомысленную веселость.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 153

Не очень легкомысленна веселость — отомстить перед смертью. А хоть и мертвому — врагу.

Старый солдат у Лермонтова, с гордостью рассказав о военном преимуществе армии, под знаменами которой он воевал, защищая свое отечество, со служивой обстоятельностью отметив и материально-техническую подготовку войска, и гений военачальников, и надлежащий боевой дух, важно и со знанием дела приводит окончательный аргумент, который оказался, однако, несокрушимым: реальным и необсуждаемым: «Когда б на то не Божья воля / Не отдали б Москвы». Это — так оно и было.

Ахматовой такая простота веры не снилась. Я не говорю о том, что она не могла так качественно выразить это в поэзии — за меру отпущенного таланта с нас на Страшном суде не спросят. Просто у нее не было обыкновенного религиозного

чувства. Господняя воля для нее — женские уловки.

Лермонтов не входил в сферу интересов Анны Ахматовой. Говорить о Лермонтове — значит говорить о религии. Там не было ни Натали, ни великих княгинь, а «И в небесах я вижу Бога…» — как это понять? Какой-то флер эпохи — мундиры все-таки — и она дома перед приближенными разыгрывает на пару с великой актрисой Фаиной Раневской сценку Лермонтова с Мартыновым: «Ты говорил за мою сестру, что она б…?» — «Ну».

А ведь развлечения Ахматовой — это не иллюстрация нравов, это — великие проявления «Великой души». Гумилев сказал ей (к счастью — якобы сказал, потому что это только с ее слов): «Ты научила меня верить в Бога и любить Россию». Лермонтов его не научил, а Ахматова научила.

Я пишу свою книгу для того, чтобы никто и никогда не учился у Анны Андреевны Ахматовой.

СИМВОЛЫ РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТИ

Ахматова — это очень культурно. Столько культурных реминисценций, столько имен, столько надо знать. Детям и подросткам — да, надо знать, следите за кругом их чтения. Не оставляйте пробелов. (То, что знает Анна Андреевна, не выходит из круга среднего образования — если не специально написано для конкретного случая.) Взрослым — уверена, что все-таки это чувствуется, об этом только почему-то не принято говорить — все, что пишет Анна Андреевна, она пишет не по велению своего поэтического гения, а всего лишь для произведения эффекта очень культурного текста. Фокус удался.

Волк о в: В стихах Ахматовой, особенно поздних, музыка часто упоминается: и Бах, и Вивальди, и Шопен. Мне всегда казалось, что Анна Андреевна музыку тонко чувствует. Но от людей, хорошо ее знавших, хотя, вероятно, и не весьма к ней расположенных, я слышал, что Ахматова сама ничего в музыке не понимала, а только внимательно прислушивалась к мнению людей, ее окружавших. Они говорили примерно так: высказывания Ахматовой о Чайковском или Шостаковиче — это со слов Пунина, а о Бахе и Вивальди — со слов Бродского.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 240

Это входит в джентльменский набор престижных тем: Шекспир, Данте, Пушкин и пр.

Ее шекспировский интерес на самом деле исчерпался следовательской заинтересованностью в том, был ли Шекспир на самом деле и он ли писал знаменитые пьесы.

В ход идут ее обычные приемы.

«Ведь он в университете не учился. Имени Шекспира нет в университетских списках. Все подписи на документах разные. Как это могло быть? Он не знал, как пишется собственное имя — «Шакспер» или «Шекспир»? **Как, впрочем, Лермонтов и Баратынский.** А завещание вы читали? Он оставляет жене «вторую по качеству кровать». Нет, вы только подумайте!» Тут Ахматову покинуло спокойствие, она даже встала из-за стола.

Должен признаться, что при всем моем почитании Анны Андреевны гораздо больше тайны личности автора меня интересовали сами шекспировские трагедии.

Владимир РЕЦЕПТЕР. «Это для тебя на всю жизнь…» Стр. 650

Артур Лурье, написав музыку к стихотворению «Тень», заменил в — и так ворованной у Мандельштама — строчке «Флобер, бессонница и поздняя сирень» Флобера на — Бодлера! Какой простодушный прием! Ассоциации с Флобером, какими бы они ни были значительными для самой Ахматовой (повесть «Иродиада»), снижают общий «интеллектуальный» уровень ее письма. А так как по большей части у нее все можно поменять местами произвольно, то Лурье это делает спокойно — как сделала бы сама Ахматова.

Кстати, в этом же стихотворении вместо «ясный» в черновике стоит «хмурый»; но ведь «светлый» и «темный», «первый» и «последний», «евангельский» и «языческий» — это для нее с легкостью взаимозаменяемые слова, обозначающие одно и то же — ничто.

Лидия Корнеевна Чуковская огорчена слишком явной ревностью Анны Андреевны к подругам молодых мужчин в ее окружении в последние годы жизни.

«Идя навстречу вашему непониманию, я решила разъяснить «Красотку» с помощью эпиграфа. Найду что-нибудь из Кутулла или Горация. Большего я сделать не могу». Стихотворению в печати предпослан эпиграф из Горация: «O quae beatam, Diva, tenes Cyprum et Memphin…» («О, богиня, которая владычествует над счастливым Кипром и Мемфисом»…)

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 108

Эпиграф значительнее невнятного старческого «Красотка очень молода…» и явно выбран с целью возвысить и сделать более отвлеченной простую и смешноватую тему попытки ревности — как бы свысока. С такой стильной и осязаемой красотой, как у молодых ленинградских девушек, можно сражаться — сосуществовать — лишь уйдя на другое поле, а не погромыхивая взятым в неумелые руки Кутуллом или Горацием.

Беседовала она со мной спокойно и благостно. И — внезапный — взрыв.

«Софокл», ну «Софокл» холодноватые стихи, — сказала я, — но это не резон…» — «Холодноватые?! — с яростью произнесла Анна Андреевна. — Рас-ка-лен-ные! — повторила она по складам. И каждый слог был раскален добела. — Просто у вас нет уха к античности. Для вас это пустое место. И Дионисово действо и легенда о смерти Софокла — звук пустой. А это должно быть

внутри, вот здесь, — она показала на грудь, — этим надо жить… И стихи мои о смерти Софокла так существенны для понимания отношений между искусством и властью. ДОЛЖНЫХ отношений. Это урок».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 468

Вот так она поучает народы. Но когда у нее самой этого нет в груди, а только в холодном уме, высчитавшем, как надо придать себе вес, — отклика такие стихи не получают. Стихи — это нечто другое, чем демонстрация гимназической образованности и рифмованные банальные декларации.

Я промолчала. Насчет темы — поэт и власть, и преподанного здесь власти урока — это я, конечно, уловила. Что же касается античности — «Смерть Софокла» не воскрешает для меня античность. Одна ли я в этом повинна? А быть может, немного и Ахматова? Чудотворства какого-то тут не свершилось, аллегория осталась аллегорией.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 469

Воспоминания Валерии Срезневской, написанные под диктовку Ахматовой, назывались «Дафнис и Хлоя». Ну куда же без этого?

Это именно то, что Сергей Аверинцев называет орнаменталистским использованием ситуации мифа.

Не была завершена трагедия «Энума элиш, Пролог, или сон во сне», вобравшая в себя опыт мировой поэзии от древневавилонского эпоса до абсурдистской литературы нашего века.

Светлана КОВАЛЕНКО. Проза Анны Ахматовой Стр. 403

А было бы интересно читать такую трагедию знатокам древневавилонского эпоса и любителям абсурдистской литературы? Много ли там нового, своего, или это просто чтобы ученость и актуальность свои показать? Разве достоинство поэзии — культурологические реминисценции? Разве ей не о чем писать — о своем? Своего давно ничего не было. Когда-то была одна жалостная женская нота.

И все же современникам привычней было осмыслять лирику Ахматовой через призму поэзии гречанки Сафо.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 117

От поэтических — если читать простодушно, и назойливых — если сразу разгадать ее замысел — античных и библейских образов вовсе не рождается желание рассматривать ее через призму античной поэзии. Это ведь просто литературный прием.

Современникам не пришло бы в голову рассматривать ее лирику через призму Сафо. Это пришло в голову Анне Ахматовой, и она начала пиар-кампанию по продвижению этого сравнения.

Наиболее часто использовался знаменитый прием «подкладывания мыслей».

> Эвтерпа, ты? Куда зашел я, а?
> *Иосиф БРОДСКИЙ*

Это — по существу.
Это не эпиграф к «Красотке».

Она все «занималась» Данте и Шекспиром. Довольно странное занятие для поэта. Мелковатая идея — подбросить современникам словцо для того, чтобы они знали, кого называть «Данте наших дней», заниматься ими особенно нечего — это все равно, что заниматься небом, жизнью, счастьем — и прочее. То есть если не профессионально, то — просто как заниматься вечными истинами на все равно каком конкретно материале. Но она, по правде сказать, особенно и не «занималась». Только говорила. Ни одной интересной мысли, кроме самых высокопарных трюизмов.

Она, величаво и скромно: «Я всю жизнь читаю Данта».
Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 26

Нас может интересовать только одно: что она вычитала в Данте. Работа о деле всей жизни (чтение — черновая работа поэта) — доклад на праздновании в Москве 700-летия Данте — занимает 3 странички очень крупным шрифтом.

Работа **(перевод Лозинского)** была в моей стране высоко оценена…
Анна АХМАТОВА. Данте

Кто-нибудь есть, кто верит, что эти «мой народ», «моя страна» — сказаны простодушно, без тайной мысли об Анне Всея Руси и о том, что русская земля тоже может рождать своих дантов (в юбках)?

Об именах попроще.

Волков: Говорила ли когда-нибудь о Баратынском Анна Андреевна?

Бродский: Нет, до него как-то дело не доходило. И в этом вина не столько Ахматовой, сколько всех вокруг нее. Потому что в советское время литературная жизнь проходила в сильной степени под знаком пушкинистики. Пушкинистика — это единственная процветающая отрасль литературоведения.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 230

А сама девочка не могла додуматься, учила только то, что в школе проходили? К тому же отрасль процветающая, для нее это важно…

Николай Степанович Фета не любил. АА всегда говорила ему: «Почитай Фета, почитай Фета», — не потому, что очень любила, а потому что считала, что Фета, вообще говоря, неудобно не читать.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 188

Это ли подход поэта? Равного — с равным? Нет, только приличие. Ну а Данте, Шекспир — это уже высший тон.

27.11.1927.

<…> «такие их похвалы доказывают только их же примитивность. Эти люди склонны идеализировать предыдущую эпоху, и они восторгаются такими словами, как «попона», «гайдук», «граф Комаровский»… Но это и понятно»…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 319

Я бы добавила еще Аграфену Купальницу, божницу, заутрени и пр. — из дежурного лексикона Анны Ахматовой.

Стилизацией старинных «любовных сетей», «сладкого земного питья» не скрыть скудости своего поэтического багажа.

Д. ТАЛЬНИКОВ. Анна Ахматова. Четки. Стр. 111

4.01.1927.

Шилейко как-то давал АА книгу Толстого о языческом Херсонесе. АА говорит, что, если б знала эту книгу до того, как написала поэму «У самого моря», поэма могла бы быть много лучше.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 350

Что может лучше свидетельствовать о вторичности ее поэтического взгляда? Если бы Пушкин знал современные исследования о добродетельной личности Антонио Сальери, он написал бы своего «Моцарта и Сальери» «гораздо лучше»?

Какое ремесленное отношение к поэзии! Она действительно написала бы «У самого синего моря» «гораздо лучше» — в смысле, что насытила бы большим числом непонятных имен, понятий, ссылок и пр. — чтобы выглядеть значительнее и образованнее. Это — лучше?

«Намного лучше» мог бы быть, по ее мнению, и «Фауст» Гете.

«Жаль, что Гете не знал о существовании атомной бомбы: он бы ее вставил в «Фауста». Там есть место для этого…»

Михаил АРДОВ. Монография о графомане. Стр. 328

Кроме формального использования античных имен, используются и формальные приемы.

<…> Один из излюбленных приемов Ахматовой: начало первой строки с союзной конструкцией: в данном случае с союзом «и». Свыше 60 раз в издании «Библиотека поэта» стихотворения Ахматовой начинаются с союза «и». У Сологуба союз «и» в первом стихе встречается всего 2 раза, у Гумилева — 3 раза. Ссылку на источник дала сама Ахматова.

О. А. КЛИНГ. Своеобразие эпического в лирике Ахматовой. Стр. 63.

В моем издании — 102: по типу «И увидел Бог, что это хорошо».

Это — только стихотворения целиком 102 раза начинаются с «И». Четверостиший — не счесть. Строчек!.. через одну. Механический, спекулятивный прием, вроде разговорного сло-вечка «как бы». То есть привносится какая-то **полифоничность, неоднозначность — и все простым введением союза. Народ попроще употребляет его через слово: «Мы как бы отдыхаем, как бы наступила зима…» Как Анна Ахматова через строчку пишет: «И я наблюдала почти без ошибки…», «И черной музыки безумное лицо…», «И слава лебедью плыла…», «И очертанья «Фауста» вдали…»**

Современная ей зарубежная литература ее не интересовала, но пароли она знала.

Вокруг пререканье и давка
И приторный запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.

Текст на уровне кружка но эссеистике в гуманитарном лицее. Еще и ритм так неприятно хромает.

Чарли!

Дело ее жизни «Поэма», ключевая часть — «Эпилог». Эпиграф к нему — из Хемингуэя. Писателя, которого она не знала, не любила, не уважала, — но он был модным, современным, она с ним могла больше понравиться молодым людям, чьим окружением очень дорожила, и выглядела не такой медведицей на Западе (она была уверена, что все там смотрят в ее сторону).

Бродский: Внешне Фрост прост, он обходится без ухищрений. Он не впихивает в свои стихи обязательный набор второкурсника: не ссылается на йогу, не дает отсылок к античной мифологии. У него нет всех этих цитат и перецитат из Данте.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 104

Если это не об Ахматовой, то о ком же? К этому приплюсовать встречи-невстречи и спросить — а что же тогда?

Бродский думает, что ему все сойдет. Что он будет почти открыто говорить о ней как о спекулянтке, а мы все равно будем ему верить, что она — Великая Душа.

«Одна моя слушательница прочитала о вас доклад — сокрушительный, где доказывала, что вы усвоили себе эстетику «Старых годов» курбатовского «Петербурга», что ваша Флоренция, ваша Венеция — мода, что все ваши позы кажутся ей просто Позами». Это так взволновало Ахматову, что она почувствовала потребность аффектировать равнодушие, стала смотреть в зеркало, поправлять челку и великосветски сказала: «Очень, очень интересно! Принесите, пожалуйста, почитать этот реферат». Мне стало жаль эту трудно живущую женщину. Она как-то вся сосредоточилась на себе, на своей славе — и еле живет другим.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник (1901–1929). Стр. 202

Попытка издательства привести сборник в quasi-цензурный вид — неудачна. Что за принцип — много Бога нельзя, а немножко сойдет?

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. С. 138

Немножко Бога сойдет потому, что так яснее видно, что этот ее «Бог» — дамские увертки и красивости, а если дать слишком много — то непонятно, ведь это же не религиозные стихи.

Ждала его напрасно много лет…
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в вербную субботу

Понятно, что это — накануне Вербного воскресенья, но Вербной субботой этот день не называют, это — Лазарева суббота.

Строки 8—15 включительно отмечены чертой, и написано: «Первая встреча с Б.А. в Царском Селе. Вербная суббота 1915».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 43

Стих стал красивее, обстоятельнее; интонация бледнее, язык выше; библия, лежавшая на столе, бывшая аксессуаром комнаты, стала источником образов.

Ю. Тынянов. «Промежуток». ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 74

Источником образов — да, религиозностью — нет.

Кроме того, Библия — это респектабельно.

Никакой религиозности в ней, конечно, нет. Культурная смесь на уровне гимназистки с отличной памятью. Разве мы не читали стихи поэтов, действительно волнуемых религиозными темами? Какие тут Дафнисы и Хлои? Возьмем «Доктора Живаго». Это, конечно, не религиозные стихи, а стихи с поэтикой религиозного чувства. Всего лишь, казалось бы — но там нет ни одного античного образа. Пастернаку не надо демонстрировать свою начитанность, он пишет о другом.

Число «7» является древним сакральным числом, и Ахматова, глубоко верующий человек, не могла не знать о его ветхозаветных корнях.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 110

Она не верующий, а манипулирующий мифологемами христианства человек. Вернее, не христианства, а Библии, поскольку предания она не знает. Церковная практика и религиозная жизнь ей неведомы.

Классическая музыка — это Ахматова знает твердо — это очень респектабельно. Она пишет о голосе Г. Вишневской (услышанном по радио):

Где-то что-то на миг серебрит…

Плюс еще кое-что для объема: «алмазное сиянье», «могучая сила», петые-перепетые еще Есениным, «одеяньем шелков шелестит»…

О другом — о войне, блокаде, Ташкенте — в общем, о розах, как всегда.

В изгнаньи сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда
Нам родина пристанище дала.

Неужели нету другого слова, кроме как «сладость» — для всего?

Про природу так же совершено необходимо писать, она это делает исправно.

Приехали туда однажды в ноябре, когда листья давно облетели, и Ахматова сказала: «Природа готовится к зиме. Взгляните, какой она стала прибранной и строгой».

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 594

Борис Леонидович спросил Ахматову, умеет ли она полностью читать по-латыни название своего сборника «Anno Domini MCMXXI». Она ответила, что когда-то могла это сделать, а сейчас не уверена. Борис Леонидович стал вспоминать многосложные латинские числительные и довольно уверенно произнес полностью все заглавие, явно гордясь своими познаниями латиниста.

Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. Стр. 475

К слову сказать — очень плохое заглавие, в прежнем стиле манеры и позы. Ибо как прикажете читать: «Anno Domini millesimo nongentesimo vicesimo primo» (не думаю, чтобы и сам поэт твердо произнес эту кухонную латынь), или «Anno Domini тысяча девятьсот двадцать первый» (безвкусица порядочная)?..

ИВАНОВ-РАЗУМНИК. Анна Ахматова. Стр. 339–340

Если не с иронией, латынь по-латыни можно использовать только тогда, когда полностью ею владеешь. Это как минимум.

Иначе это уж слишком смешная претензия.

Ахматова много читала и много запоминала. Ее вкус — не собственный, а угаданный хитрым умом — бесперебойно работал, как фильтр: какие знания важны, какие — нет. Общая картина вырисовывалась величественная — Анна Ахматова знала, ЧТО надо любить и ЧЕМ восхищаться. В глубину — в собственное познание предмета — эти знания не шли. Ее образованность была чрезвычайно поверхностной. «Кафка писал обо мне и для меня» — все, что она смогла сказать об основном блюде джентльменского набора. Звучало беспроигрышно, как угадывание года при разговоре с сомелье. «По-европейски, первоклассно». Эффект нужен был только этот.

Опускаю сплетни, славу, «проклятый вопрос» — половой — и вот что остается.

Кто-то, кажется, Рыкова, говорила АА, что приходящие к ней гости всегда разговаривают с АА по 4 пунктам: 1. Ее болезнь, 2, 3,4 (не написано). И когда поговорят по всем этим 4 пунктам, то уже умолкают и больше ни о чем не говорят.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 182

Это так и осталось до конца жизни. Эти пункты можно вписать.

2. Ее слава.

3. Старорежимные красивости (как она видела царя, в котором часу полагалось ходить на службу, какой толщины была любовница у Блока и пр.).

4. Для увековечивания своего величия какая-нибудь очень короткая фраза или замечание — о Данте, Шекспире или Пушкине. Если же знакомые проверенные, как «верные» у Вердюренов, то тогда в этом пункте ведутся сплетни — разговоры о женском возрасте, разводах, светских успехах и пр.

26 марта 1922.

Мы садимся у окна, и она жестом хозяйки, занимающей великосветского гостя, подает мне журнал «Новая Россия», только что вышедший… Я показал ей смешное место в статье Вишняка, но тут заметил, что ее ничуть не интересует мое мнение о направлении этого журнала. «А рецензию вы читали? Рецензию обо мне. Как ругают!»

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 189

Бродский: Помню наши бесконечные дискуссии по поводу бутылок, которые кончаются и не кончаются. Временами в наших разговорах возникали такие мучительные паузы: вы сидите перед великим человеком и не знаете, что сказать.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 237

У Ахматовой сидела приятельница, ученая дама, засыпавшая меня многочисленными вопросами об английских университетах и их организации. Ахматовой это было явно неинтересно, она молчала.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 441

С Анной Андреевной иногда не знаю, о чем говорить.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 246

Почему-то все так — и Бродский тоже. Он, как всегда, называет это — не может скрыть — но холодно оставляет без объяснений.

Когда я впервые надолго приехал в Москву из Ленинграда и стал ее осваивать и спросил у Ахматовой, с чего начинать, она ответила: «Смотря что вам интересно: если камни, то с Коломенского, если барахло — с Останкина». **Как еще назвать коллекцию? Время, когда это барахло было повседневными предметами быта, отстоит от нас на два века назад. Это барахло это время не прожило, оно осталось там, ты можешь видеть барахло и одновременно — видеть время. В общем, разные чувства могут овладевать нами, когда мы смотрим на ложечку для косметики из голенищевской египетской коллекции в Пушкинском музее. Пусть будет барахло.** И, когда придя к ней после Коломенского, я рассказал, как уговорил сторожиху открыть мне Вознесенскую церковь и какая там была невыносимая пустота и невыносимая стужа, она спросила «А вы заметили, какая она внутри крохотная? **(нетрудно и снаружи заметить)**. Какой, стало быть, маленький был у Грозного двор!» О Казанской, действующей, не было сказано ни слова, как будто ее вообще не существовало.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 71–72

Потому что религия была вне поля интересов Ахматовой.

«Наше время даст изобилие заголовков для будущих трагедий. Я так и вижу одно женское имя аршинными буквами на афише», — и она пальцем крупно вывела в воздухе: ТИМОША.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 211

Дамы — музы — а особенно музы с особняками и в кожанках — это ей интересно. В «Гамлете» трагедия не в том, что Гамлет — сын короля, а вот Ахматовой Тимоша (невестка Горького) интересна не тем, что у нее никчемный муж, сладострастный свекор и всесильный любовник, а тем, что для прогулок по Волге им выдавали личный теплоход, для прогулок по Соловкам лично ей — кожаные галифе, кожаную куртку. «Она была ослепительно хороша». Ахматова не видит сути вещей. Вернее, может, и видит — она действительно многое видела, но писателю мало видеть, он должен быть готовым это «описать», а это уже те усилия духа, на которые Анна Андреевна была решительно не способна. За это и винить нельзя. Титанов — мало. Притворяющихся — притворяются все-таки не титанами — тоже не очень много. Тех, кому УДАЛОСЬ всех одурачить, заставить называть себя великой душой, — единицы. Напишем ее имя аршинными буквами — Анна АХМАТОВА. (А в этой книге — попробуем стереть.)

Замятин относится к АА-поэту с каким-то поразительным и мужским, и литературным высокомерием… Разговоры на серьезные литературные темы, иногда начатые АА, всегда прекращались сразу же — при этом у АА появлялось убеждение, что Замятин в затронутом вопросе несведущ, а у Замятина — что тема поразительно скучна и неинтересна.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 267

Анна Ахматова никогда не упомянула нигде имени Андрея Платонова. Такого писателя не было в ее время. Андрей Платонов — бесспорно, самый значительный русский писатель двадцатого века. Это — великий писатель. Но — не функционер, работал дворником, «постановлениями» не тряс.

Назвал Сталин его однажды «сволочью» — он и свернулся в комочек. Не замолчал, правда, как Ахматова — он не мог перестать писать. Теперь мы его читаем.

В общем, в ее окружении, в сфере интересов — имена только Федина, Дудина и других высоких писательских чинов — всегда.

Интересно, что она некоторые свои писания называла прозой — ей, не знающей Платонова, что-то говорить о прозе в двадцатом веке!

Если поздно вечером из театра возвращалась Нина

Антоновна, всегда очень оживленная, нас звали к столу. На людях здесь обычно не полагалось ни стихов, ни серьезных разговоров.

Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. Стр. 478

Рассказывают Солдатовы, что Ахматова заявила им, что не любит Чехова, так как он был антисемитом.

Еще и это? Если и был, то на таком личном уровне, что этим неприлично и интересоваться. Думаю, Чехов скрывал бы это, как отрыжку или метеоризм. Выставлять напоказ свою осведомленность, полученную от горничной, — говорит гораздо хуже об обличителе, чем об уличенном.

Художественный вкус самой Ахматовой (заполняет анкету):

Любимые художники: Александр Иванов, Федотов, Врубель.

ЕГИПЕТ в Лувре с Модильяни.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 211

Последняя строчка трудно поддается расшифровке. То ли ей нравится египетское искусство, то ли она хочет подчеркнуть, что египтян она не в Пушкинском музее видела, а бывала в Париже, то ли — отвечает на искусственно и искусно составленный вопрос: «с кем она больше всего любит посещать коллекцию, посвященную египетскому искусству в Лувре?». Отвечает скромно: «С Моди».

Вопрос похож на задаваемый протежируемому двоечнику: «Волга впадает в Каспийское что?»

Кстати о Пушкинском музее. Что-то мне не попадалось упоминаний, чтобы Анна Андреевна его усердно посещала — ей ли пережить такое монументальное напоминание, что Марина Ивановна, хоть и demodé, но все-таки не из путевых обходчиков происходит. И как в насмешку, Музей изобразительных искусств Пушкинским назвали, известного изобразителя дамских ножек, профилей и романтических кущ. У нас, понятно, Пушкин — все… А Ахматовой каково? Марину-то к Пушкину подпускать нельзя… И ей, Ахматовой, ходить в Музей имени Пушкина, имени славы Ивана Цветаева?

Анна Андреевна часто упоминала Эрмитаж и подчеркивала, что она знает его от начала и до конца как свои пять пальцев.

Л. Н. ГОРНУНГ. Записки об Анне Ахматовой. Стр. 209

О Пушкинском музее приходилось не упоминать.

Сверчкова расспрашивала АА о театрах, где что идет, и когда АА сказала, что нигде не бывает и потому ничего о постановках сказать не может, Сверчкова весьма явно не поверила АА.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 336

И правильно сделала. Кое-какие шедевры театрального искусства Анну Андреевну увлекали.

17.11.1927.

Весь день была дома, чувствует себя плохо — больна. Жалеет, что не могла выйти на улицу, чтоб посмотреть на демонстрации и на действо на Неве, режиссированное С. Радловым.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 350

Ну какая досада, на самом деле! Ничего, можно найти замену и не остаться в культурном вакууме.

13.05.1926.

АА собирается во вторник на негрооперетту.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 156

18 мая был на негрооперетте в цирке. Там были и АА с Пуниным.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 156

«Слушаю привезенного по вашему [Бродского] совету Перселла («Дидона и Эней»). Это нечто столь могущественное, что говорить о нем нельзя».

Можно.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 342

Пожилая писательница употребляет жеманное, бессмысленное выражение: «Столь могущественное, что говорить о нем нельзя». Ну и не говори. Хотя странно — о «Божественной комедии» можно говорить, а о Перселле — нельзя. Почему же нельзя? Столь могущественное, не столь, ибо, кабы… Она это не говорит — пишет.

Ахматова боготворила Кафку. «Он писал для меня и обо мне», — сказала она мне в 1965 году в Оксфорде.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 445

Берлин, увидевшийся с ней первый раз за двадцать лет, узнать, боготворила или нет она Кафку, мог только от нее самой — по единой фразе. Боюсь, большего она сказать бы о Кафке не смогла. Никто не вспоминает ее интереса к боготворимому Кафке.

В Ленинград в 1962 году приехал Роберт Фрост, и ему организовали встречу с Ахматовой. Ее торжественно наряжали, красили.

«Сидели мы в уютных креслах друг против друга. Два старика. Когда его принимали куда-нибудь — меня откуда-нибудь исключали; когда его награждали — меня шельмовали, а результат один: оба мы кандидаты на Нобелевскую премию».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 509

Это все, что Ахматова нашлась сказать о Фросте. По ее представлениям, в ее системе ценностей, главный итог жизни Фроста — что он писательский функционер, а она, в силу отсутствия политического темперамента, так устроиться не смогла. Их уравнивает кандидатство на «нобелевку». Про его поэзию — «Видно, что знает природу». Все.

Лучшая окраска для домов — розовая, по мнению АА (конечно, если удачно подобран оттенок). Очень хороша и голубая.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 97

Представить себе здания эпохи классицизма, особенно ампира — крашенными голубым! Или историзм, когда он «обрабатывает» готику — да и любой другой стиль, кроме, естественно, барокко. Для Анны Андреевны красота — «красиво», «хорошо», «лучше всего» — это барокко. О вкусах не спорят. О милом ее сердцу голубом, в который бы перекрасить «мой город»: есть пример идеологической колеровки — английский клуб на Тверской в Москве, особняк Менеласа. Покрасили же в ярко-красный, приспособив под Музей революции.

«У наших «левых» встречается кое-что живое, а вот что действительно мертвечина — это американские абстракционисты. Мне привез альбомы один американец, и я насмотрелась. И так и этак стараются, все плоско, все убого».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 565

Все плоско, все убого. Мне американец привез альбомы.

«Балерина никакая, — говорит она об Улановой. — «В «Жизели», в том месте, где смотрит сквозь кусты, лицо у нее страшное, а шея безобразная и тоненькая. Она гениальная

мимистка и больше ничего». Мимистки такой действительно в мире не было. **Среди всех тех мимисток в мире, которых она знала…** Когда умирает — подбородок делается восковым. **Что такое мимистка? От миманса? Или от мимики, вращения глазами? Или от мима — но тогда не большая заслуга в восковом подбородке — там белят все лицо…**

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 178

Послушаем и компетентных людей.

Я впервые увидела Уланову в 1939 году. <…> Меня поразили ее линии. Ее арабески словно прочерчены тонко очиненным карандашом. Руки хорошо вписывались в идеально выверенные, отточенные позы. Во всем была законченность и тщательная продуманность. <…> Резко бросалось в глаза различие ленинградской и московской школы. Уланова нигде не переходила с рассказа сюжета шекспировской пьесы на вереницу знакомых по балетному классу движений — плие, пассе, алясекон, перевести в арабеск <…>. Чья это была заслуга? Постановщиков, Прокофьева, замечательной выучки вагановской школы или самой Галины Сергеевны? Все помогло, но дар неба, думаю, был решающ.

Майя ПЛИСЕЦКАЯ. Стр. 97–99

Она ничего не знает, не сведуща, поверхностна, лишь бы пустить пыль в глаза.

А первое движение души — уничтожить, измазать в грязи.

Волков: Почему, по-вашему, у Ахматовой — после ее поездки в Италию в шестьдесят четвертом году — от Рима осталось впечатление как от города сатанинского? «Сатана строил Рим — до того как пал», — говорила она…

Бродский: У Ахматовой не могло быть иного впечатления: ведь ее при выездах за границу окружал бог знает кто. К тому же в таких городах надо жить, а не проезжать через них. Если на два-три дня очутишься в Питере, то и от него создается не менее сатанинское впечатление.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 204

То есть Иосиф Бродский считает, что у Анны Ахматовой странное представление о Риме — никакое, выраженное трескучей претенциозной фразой, не имеющей смысла, — из-за того, что ее в поездке «окружали бог знает кто»? такие претензии можно высказать разве что пятикласснику, который из-за невежества вожатых запомнил из экскурсии только киоски с мороженым.

Вот история — вообще-то о ее непомерной гордыне и беспрестанном мифотворчестве, но она не могла бы произойти, если бы Анна Андреевна была бы хоть сколько-нибудь культурным человеком, культурным не в смысле воспитанным: не брать без спроса, не портить тайком чужую вещь и пр. — этого вдосталь в этой историйке, но поразительно здесь полное отсутствие знакомства с понятием культурной ценности.

Речь идет о портрете Анны Андреевны Ахматовой, выполненном в Ташкенте Александром Тышлером, бывшем в собственности Лидии Яковлевны Гинзбург.

И вот однажды Анна Андреевна попросила меня привезти этот портрет к ней, так как ей что-то из ташкентских времен припомнилось, и она хотела проверить свои воспоминания по этому рисунку. С Лидией Яковлевной все уже было договорено.

Я привез его на Петроградскую сторону к Анне Андреевне. Ахматова поставила портрет на столик. Неожиданно посреди беседы она спросила: «Женя, вы можете вынуть его из рамки?» — «Ну конечно», — ответил я и через пару минут кухонным ножом раскрыл рамочку. И тогда Анна Андреевна внезапно достала откуда-то ластик и карандаш, которые, вероятно, были у нее припасены заранее. К моему удивлению, она решительно что-то подчистила ластиком и столь же решительно что-то поправила карандашом на рисунке. «Он сильно преувеличил знаменитую горбинку, я немного поправила. А теперь надо это дело вернуть на место». И я вставил рисунок обратно в рамку, под стекло.

Евгений РЕЙН. Заметки марафонца. Стр. 350–351

Как полагается хористу из волшебного коллектива, приведя свидетельство такого вопиющего бескультурья, Евгений Рейн дает «правильный» ответ на поставленную задачу:

Какой надо иметь характер, какую решительность, чтобы поправить завершенную работу мастера, и прежде всего, надо точно знать, какой именно облик следует канонизировать! Ахматова это знала.

Евгений РЕЙН. Заметки марафонца. Стр. 352

Однако же если мы раскроем толковый словарь на слове «ХАМСТВО» — то нам будет дано гораздо более подходящее случаю определение. Я согласилась бы отчасти с восторгами уважаемого г-на Рейна, если бы г-жа Ахматова проявила свои замечательные свойства с согласия или хотя бы ведома автора произведения искусства (если таковым она считала работу Александра Тышлера) — а про никчемную Лидию

Гинзбург (законную владелицу предмета) нечего и вспоминать — ее-то, очевидно, и незачем ставить в известность. Если, читатель, рассуждения о чувствах Тышлера и Гинзбург кажутся вам слишком утонченными и непонятными и не заслуживающими внимания — попробуйте представить себе, что приятельница взяла у вас поносить платье, которое навевает ей какие-то воспоминания, а вернув — даже не сочла нужным извиниться, что отрезала у него наполовину подол или нашила на него какие-то замечательно украсившие его бантики. Красивость — или схожесть — или все, что угодно, кроме авторского замысла — это вещи, совершенно не относящиеся к категориям, важным для понимания искусства, но для Анны Андреевны Ахматовой именно это было единственно важным.

А я еще удивлялась и насмешливо цитировала, как Анна Андреевна требовала от Пушкинского дома, чтобы ей для «работы» выслали по почте рукописи Пушкина. Требовала три раза, пока ей вежливо не ответили, что это не принято. Теперь я понимаю, что она могла с этими рукописями сделать и что там между делом приписать! Думаю, что-нибудь про предчувствие незнакомки с бурбонским профилем.

Может, у кого-то есть иная трактовка этого эпизода?

В университете АА не читала ни разу, за всю жизнь.
П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 33

Это хороший тест. Можно ли представить ее, читающую в университете? Перед студентами? Читать студенткам «муж хлестал меня узорчатым, вдвое сложенным ремнем»… Бродский с незаконченным средним образованием на университетской кафедре — это одно, читающая всю жизнь «Данта» Анна Андреевна — совсем другое.

Артур Сергеевич был также против восторгов Ахматовой по отношению к Шаляпину. «Шаляпин был певец, великолепный исполнитель и только. «Слава и торжество» — это Глинка и Мусоргский, а не их исполнитель». Он находил ее восхищение провинциальным.

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.
Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 29

Этот комментарий я привела, чтобы показать, как из ее интересов, знаний и вкусов рождались ее шедевры — нас ведь интересуют именно они — шедевры, достойные украсить любую районную газету.

И опять этот голос знакомый,
Будто эхо горного грома —
Наша слава и торжество!
Он сердца наполняет дрожью
И несется но бездорожью
Над страной, вскормившей его.

И вот эту «Поэму» слушали как награду, записывали и запоминали люди.

«ПУШКИНИСТКА»

О знаменитых «пушкинских штудиях».

Начнем с самого поразительного — с уровня исследовательской культуры у заставившей себя уважать «пушкинистки», «ученой», «юристки».

8.6.31.

За чаем Цявловский сообщил об Анне Ахматовой. Он сказал, что она начала заниматься Пушкиным, для чего она затребовала в Ленинград из Библиотеки им. Ленина рукопись «Золотого петушка». Ей трижды отказывали и, наконец, объяснили, что подлинные рукописи Пушкина на руки не выдаются.

Л. ГОРНУНГ. Записки об Анне Ахматовой. Стр. 191

Зачем же ей понадобились подлинные рукописи Пушкина, зачем она захотела им заниматься «профессионально»? Причина все та же, что двигала ее жизнь и творчество, выстраивая по заданной схеме ее образ: респектабельность, официальная признанность этого почтенного занятия, возможность подложить мысль, что «наследницей оказалась она».

Бродский: В советское время литературная жизнь проходила в сильной степени под знаком пушкинистики. Пушкинистика — это единственная процветающая отрасль литературоведения.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 230

Как всегда, Бродский фактологически выдает ее. Он ничего никогда о ней не прячет. Другое дело, что он с хладнокровием профессионального игрока комментирует все, условно говоря, в ее пользу. Он использует ее высказывания, поступки, строки как символы, которые нуждаются в обратном здравому смыслу толковании. Он их так и толкует — и толкования значительно важнее и подлиннее источника. Он составляет из них Книгу Перемен, И-Цзин русской культуры, где сначала падают на стол бессмысленные палочки, потом отыскиваются маловразумительные слова, а потом выходит ясно, как таинственно, но гармонично мироздание. Из ее банальностей, тщеславия, воровства и клеветы он выводит, как велика душа Ахматовой.

Ахматова становится общепризнанной пушкинисткой и,

пусть не добившись выдачи ей на руки подлинных рукописей, «работает над Пушкиным».

Писать холодным сердцем скучно. Отдав дань декабристам и чему там еще полагается из приличного, Ахматова обращается к тому, чем на самом деле горит ее сердце. Это две темы. Первая: что Пушкин «мал и мерзок, как мы» — «брал», подворовывал сюжеты и образы, даже слова у других поэтов, у Андрея Шенье. Где, у кого и сколько. Она составляет списки. Ну а вторая — тут и к гадалке ходить не надо — «Натали».

21.05.1926.

АА говорила о том пиетете, который был к Пушкину даже у его ближайших друзей — у Дельвига, например. Когда мы говорили о влиянии Шенье на Пушкина, я спросил — неужели никто из друзей Пушкина, несомненно замечавших в его стихах это и подобные влияния, не указывал ему на них? **(Да о чем здесь указывать!!!)** АА ответила рассказом. Даже Дельвиг не мог сделать никаких указаний Пушкину!

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 165

Скажу лишь о Ленском (потому что АА обнаружила это сегодня — обнаружила с большой очевидностью). Описание могилы Ленского в точности совпадает со стихотворением «Гроб юноши», а источник последнего — элегия Шенье. Там, например, упоминание о суеверных крестах, подразумевающее, что могила юноши, лежащая в стороне от тех могил с «суеверными крестами», не имеет креста. А почему эта могила без креста? **Потому что Ленский — самоубийца, дуэлянты приравнивались к самоубийцам, это можно было бы знать.**

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 163

АА лукаво взглянула на меня: «Все, все — и Пушкин, и Баратынский — брали у него!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 114

…Ахматова <…>, по-видимому, в изученьи поэта видящая только исследование его источников…

Б. ПАСТЕРНАК — М. ЦВЕТАЕВОЙ. Переписка. Стр. 174

Пушкин сейчас завладел АА. Вот я разговариваю с ней. Вот на минуту вышел в соседнюю комнату — зажечь примус, возвращаюсь — и вижу АА склоненной над томом брюсовского Пушкина и скользящий по странице карандаш. И за ту минуту АА успела найти новую жемчужину — слово ли, образ ли, или

сравнение — и подчеркнула его.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 163

Имеется в виду слово ли, образ, сравнение — сворованные Пушкиным у кого-то. Не самого причем великого — это и есть «открытие» пушкиноведа Ахматовой.

13.05.1926.

Весь день с увлечением занималась сравнением Пушкина с Шенье. АА отыскивает все новые и новые слова, которыми Пушкин воспользовался у Шенье.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 161

Разве есть неиспользованные темы? А нужны ли они?

Вчера я выразил АА свое удивление по поводу того, что она совершенно не была огорчена словами Щеголева о том, что все найденное ею уже известно. Ведь разве не приятно сознавать, что ты сделал без всяких соответствующих знаний, без всякой подготовки — и сделал правильно — то, чего и многие специалисты не умели или не смогли сделать (Щеголев давал задание в прошлом году — где-то в ученом семинарии, в котором его слушали Тынянов, Томашевский, кажется, и т. п. пушкинисты, — проделать именно эту работу: найти влияние Шенье у Пушкина — и никто этого не сделал. Щеголев сам это говорил). **Наверно, увлеклись другими темами.**

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 158

Она в эти годы не работала, замолчала на двадцать лет. Занялась Пушкиным. Поставить себе скромную академическую задачу ей показалось утомительно. Ей захотелось «сразу» открыть что-то новое, интуитивно-провидческое, достойное поэта-исследователя. Все, что ее взволновало, — это влияния и заимствования. От чистого сердца признать чью-то самостоятельность и гениальность она не могла.

Не желая объяснить самобытную природу пушкинской сказки, следуя компаративистскому методу А. Веселовского, Ахматова свела «Сказку о золотом петушке» к сумме сюжетных заимствований…

А. ТАРАСЕНКОВ. Заметки критика.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 64

Более широкой темы в Пушкине она для себя не нашла, увлеклась выискиванием блох, как диссертантка.

Заимствования и «заимствования», украл — не украл —

тема для Анны Ахматовой животрепещущая и — деликатная. Мало свежего в ее поэзии, мало оригинального и в ее «штудиях». Чтобы закрыть тему, скажу, откуда взялся (не сам взялся — Ахматова «взяла») один из самых цитируемых ахматовских пушкинистических пассажей:

Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской.

АННА АХМАТОВА. Слово о Пушкине

Это то «слово», которое начинается знаменитым «Мой предшественник Щеголев».

Открытий в пушкинистике, кроме ярости сплетни, ею сделано мало. И вот эту яркую формулировку она тоже взяла у «предшественницы», не называя ее — авось не заметят.

После этого вечера появилась в газетах краткая, но очень значительная заметка Анны Радловой, в которой было сказано, что наше время будет когда-нибудь называться «блоковским».

М. А. БЕКЕТОВА. Воспоминания об Александре Блоке. Стр. 190

Анна Радлова — соперница Ахматовой в литературе, которой Ахматова «не простила» до конца своих дней. Не зря сказано, прожив долго, можно дождаться всего. Кто помнит сейчас Анну Радлову?

Конечно, без подпитки официальными директивами ее исследовательский пыл не прогорел бы так долго.

31.05.1926.

20-го или 21-го АА получила из Москвы почтой сборник стихов московского Союза поэтов. 22-го я получил экземпляры «Сборника стихотворений» петроградского Союза поэтов и подарил один АА. АА замечает в обоих сборниках культ Пушкина. В московском трижды упоминается памятник Пушкина (не важно, что в пошлейших стихах), в петербургском — имя Пушкина проскальзывает в стихах Лившица, Рождественского (с его «Бахчисараем»), Оксенова и др. АА находит, что это очень показательно <…>. АА видит в этом особенность переживаемой эпохи. Сейчас должен быть культ Пушкина.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 173

А вот и «Натали».

В Италии, в Милане, хотят издать книгу ее статей о Пушкине **«Хотят» — это значит, что,** по словам Э. Герштейн, Ахматова написала «заявку» на книгу о Пушкине и отправила в одно из итальянских — миланских — издательств. Книга в Италии, однако, издана не была.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 404

Хорошо бы! <…> Потом Анна Андреевна читала принесенные Эммой копии каких-то архивных документов — кажется, все тех же писем Карамзиных. «До Пушкина им уже никакого дела не было. Наталия Николаевна! Вот это было интересно. А тут возле ходил какой-то маленький, курчавенький, писал стихи — кому это интересно?».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 202

Это ей было дело только до Натали.

В отрывке о Геккерне пленили меня ненависть и презрение. С какою открытою ненавистью пишет Ахматова о недругах Пушкина: «шипенье Полетики», «маразматический бред Трубецкого», «сюсюканье Араповой», с каким презрением — о придворной челяди. И стилистически, формально — это уже не «литературоведение» (форма, принципиально отвергающая темпераментность).

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 324

Это и нельзя назвать литературоведением. В нем формальности соблюдать надо. Если желчь не дает покоя, нужно искать другие формы.

Анна Андреевна отпустила несколько привычно-гневных реплик но адресу Ираклия (Андроникова) и принялась излагать собственную концепцию гибели Пушкина; над книгой о его гибели она, по ее словам, работала целых шесть лет.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 175

Геккерн и Дантес — карьеристы и мерзавцы. Дантес вовсе не любил Наталью Николаевну; изображал высокую страсть, чтобы не выгнали из кавалергардов за отказ от дуэли; Екатерина Гончарова была от него беременна, и он женился на ней весьма охотно потому, что ему, при его подмоченной репутации, трудно было сделать лучшую партию <…>.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 176

Ахматова с готовностью повторяет сплетни, но Екатерине трудно было быть беременной от жениха до свадьбы, родив первого ребенка через одиннадцать месяцев после того, как

она состоялась. Ну а женихам, красавцам, кавалергардам и баронам партии составлять все-таки не так уж трудно во все времена.

Сегодня в «Красной газете» напечатано письмо Пушкина к Хитрово. Я сказал об этом АА. Она сказала, что к Хитрово Пушкин относился иронически. Она была лет на тридцать старше его и очень к нему приставала. Но дочь Хитрово. — «Вы знаете ее?» Я: «Знаю». — «Назовите ее фамилию». Я смолк со стыдом. «Вот у Замятиных вчера тоже никто не знал Пушкина».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 212

Здесь нечего смолкать со стыдом. Я, например, знаю и фамилии обеих дочерей Хитрово, и, естественно, ее самой — девичью, и то, что Пушкин относился к ней, старшей его на 16, а не на 30 (Анна Андреевна слишком много «знает» о Пушкине) лет, с иронией, и люблю с выражением процитировать к месту письмо Пушкина к жене из поездки: «Кланяйся моим прелестям, Хитровой первой. Как-то перенесла она мое отсутствие? Надеюсь, с твердостию, достойной дочери князя Кутузова» — но мне в голову не придет не смолкнуть со стыдом и сказать, что я «знаю Пушкина», как «знает» его Анна Андреевна. Но все эти ее знания «Пушкина» сводятся к знанию единственного аспекта преддуэльных обстоятельств — Натали и кавалергардов. Какую роль сыграла Елизавета Михайловна в творчестве Пушкина? В отличие от дочери она, правда, могла читать стихи по-русски.

Из других ее «открытий» в пушкинистике.

Пушкин писал в письме к Н. В. Путяте в 1828 г.

«Вчера, когда я подошел к одной даме, разговаривавшей с г-ном де Лагренэ, последний сказал ей достаточно громко, чтобы я его услышал: прогоните его. Поставленный в необходимость требовать объяснений по поводу этих слов, прошу вас, милостивый государь, не отказать посетить г-на Лангренэ для соответственных с ним переговоров».

Ахматова обнаружила — и в этом было ее «открытие» **(кавычки, весьма закономерные, поставила Чуковская),** что в «Уединенном домике» существует изображение ВЕСЬМА **(тут выделяю я)** сходного эпизода. «Он увидел, что она в стороне говорит тихо с одним мужчиною… любопытство, ревность заставили Павла подойти ближе, и ему послышалось, что мужчина произносит его имя, шутит над его дурным французским выговором, а графиня изволит отвечать на это

усмешками. Наш юноша взбесился, хотел тут же броситься и наказать насмешника».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 340

21 сентября 1959 года.

Сегодня Анна Андреевна прочитала мне набросок из своей книги о Пушкине. Она утверждает, что прозаические отрывки последних лет в действительности не отрывки, а цикл законченных произведений.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 362

В отличие от нее Пушкин был профессиональным литератором. Если он что-то писал, то писал. А под выдуманную концепцию можно подогнать все, что угодно, особенно разрозненные отрывки. Лучше бы она изощрялась над своим творчеством, а не для вящего блеска трогала бы Пушкина.

Надпись на книге.

«Библиотеке Пушкинского дома от ленинградки и пушкинистки Ахматовой — малая дань».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 87

А вот о методах научной работы пушкинистки и ленинградки — о методах святого сбережения сплетен.

О дуэли знали многие и, между прочим, «друг Пушкина» Александрина Гончарова. Могу сообщить многочисленным поклонникам этой дамы, что много лет спустя Александра Николаевна, не без умиления, записала в своем дневнике, что к ней в имение (в Австрии) в один день приехали ее beau-frere Дантес (очевидно, из Вены от Геккерна) и Наталья Николаевна из России. И вдова Пушкина долго гуляла вдвоем по парку с убийцей своего мужа и якобы помирилась с ним.

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 220

Не вдаваясь в подробное обсуждение статьи Ахматовой, я должен тем не менее заметить, что дневника Александры Николаевны Ахматова, несомненно, читать не могла, так как и по истечении 20 лет этот документ остается необнаруженным. Из числа лиц, пишущих о Пушкине, я был, к сожалению, единственным, который видел замок Бродяны таким, каким он был при жизни Александры Николаевны и приезжавшей к ней в гости Натальи Николаевны. Никаких следов пребывания Дантеса в Бродянах нет.

Николай РАЕВСКИЙ. Портреты заговорили. Стр. 54

Самым характерным для Ахматовой как исследовательницы, пушкинистки и юристки является в вышеприведенном пассаже замечание, что баронесса Фризенгоф, Александрина, Азя, писала «не без умиления». Как известно, она призывала считать уголовным преступлением введение в текст воспоминаний прямую речь — чтобы не использовалось как документ. Но сочинение эпизодов, сдобренных «с умилением» или «без умиления», полуграмотные обвинения «агентка» (о Наталье Николаевне) — это нормально, если исходит от Ахматовой.

Общий взгляд Анны Ахматовой на Пушкина и его эпоху был строго историческим. Она относилась с предубеждением ко всем попыткам житейски-бытового или отвлеченно-психологического истолкования судьбы поэта.

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 51

Не надо забывать, что Анна Ахматова училась на юридическом факультете Высших женских курсов в Киеве, изучала право. Она умела читать и разбирать документы <…>.

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 52

Это Бабаев нас поучает по поводу ее увлечения пушкиноведением. Нет, дорогой Эдуард, до разбора документов на единственном семестре, который она проучилась, дело явно не дошло.

Вернемся еще раз к ее научной работе, а заодно и убедимся, что вообще-то цену документам (рыночную) она хорошо знала.

Она жаловалась на Анну Николаевну (вдову Гумилева). «Вообразите, Волфсон просит у нее стихов, а она дает ему ПОДЛИННЫЙ АВТОГРАФ Гумилева. Даже не потрудилась переписать. «Что вы делаете?!» — крикнула я и заставила Иду Наппельбаум переписать. Вот какая она не культурная.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 203

Замечу, что, требуя высылки себе по почте ПОДЛИННОГО АВТОГРАФА Пушкина, она уже имела за плечами этот эпизод.

19.02.1926.

Вчера В. К. Шилейко случайно купил «Слово о полку Игореве» в том издании, какое было в руках у Пушкина. АА очень любит его; когда полушутя она попросила В.К. подарить его ей, он напустился на нее со злоязычием.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 70

Говорила о том, как нужно относиться к книгам. Хорошо, если книги теряют свою первоначальную чистоту. Книги любят, когда с ними плохо обращаются — рвут, пачкают, теряют <…>. Можно и нужно делать на книгах пометки. Она, конечно, не говорит о редких книгах; смирдинских книг, например, не нужно давать всем на прочтение.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 69

К каким же книгам она отнесла рукописи Пушкина — к тем, что надо рвать, терять и пачкать, или к смирдинским? Очевидно, к первым, раз считала, что их можно выдавать всем «на прочтение».

Ну и наконец о том, для чего в конечном итоге работала — над чем бы то ни было — Анна Ахматова. Для того чтобы подняться над «чернью» — пушкинистами и любителями Пушкина.

Мнение о пушкинистах. АА сегодня (как часто и раньше) неодобрительно отзывалась о теперешних пушкинистах. Все они относятся друг к другу с недоброжелательностью, с завистью, грызут и загрызают один другого по малейшим поводам. И в то же время между ними существует какое-то молчаливое соглашение — не отвечать ни на какие вопросы о Пушкине, заданные им не «пушкинистами», а скажем, «дилетантами» (как, например, Лернер и другие отнеслись к АА). Пример такой: когда АА обнаружила сходство описания боя в «Руслане и Людмиле» с описанием боя в «Полтаве», АА через Гуковского и др. узнавала у пушкинистов о том, известно ли это, есть ли в пушкинской литературе указания на это. Никто не отвечал — встречали все вопросы молчанием, отговаривались неведением. А недавно АА случайно нашла в книге, кажется, Томашевского — указания по этому поводу (там сказано, что в первом издании «Руслана» боя не было вовсе, Пушкин написал или доделал описание этого боя значительно позже и близко к тому времени, когда писалась «Полтава»).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 238

Везде, где она появляется, она начинает ненавидеть своих братьев. Ненавидит поэтов, ненавидит пушкинистов.

Это — не заговор молчания. Пушкинисты не обязаны отвечать на досужие вопросы: известно ли что-то в пушкинистике или нет. Компьютеров тогда не было, тот, кто «отговорился неведением», мог и действительно не знать,

известен ли такой многозначительный факт заимствования или самозаимствования кому-либо из коллег. Выискивать в работах? — ну так и выискивай. А то ей ни рукописей Пушкина не шлют, ни нужных справок не выискивают. Это уж точно дело самого автора — доказать свой приоритет. Изобретатели паровоза не запрашивали патентное ведомство — работали, и все. Нравилось Колумбу плыть, он и плыл. А Америго Веспуччи мог слать ему вдогонку телеграммы: «А не в Америку ли ты плывешь? А то я поверну в другую сторону».

Сегодня в «Красной газете» помещена заметка Модзалевского о пьесе «Пушкин и Дантес»; АА не видела этой пьесы, да и не хочет видеть, считая, что изображать самого Пушкина на сцене, как бы это ни было сделано вообще, а особенно так, как это сделано в этой пьесе, — кощунство.

П. П. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 165

Для Ахматовой заниматься Пушкиным — как копаться в «Готском альманахе»: чинно, благородно, и как бы присматриваешь себе место, выбираешь себе партию из августейших женихов Европы.

Ахматовское пушкиноведение автобиографично насквозь.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 20

Кто, кроме «Нарцисса собственной чернильницы» (словцо Тютчева о Горчакове), может написать: «Мой предшественник Щеголев»?

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 37

По-тогдашнему, по-бальному жена камер-юнкера Пушкина вела себя неприлично.

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 222

Анна Андреевна хоть и называет Щеголева (не без стратегического умысла) своим предшественником, но ее научному словарю и обывательским понятиям («По-тогдашнему, по-бальному», «котильонный принц»), я скорее назвала бы ее предшественником — поручика Ржевского.

Пушкина никто никогда не называл «камер-юнкером Пушкиным», и в 1836 году, когда царь «упек его на старости лет в камер-пажи», он для современников был уже тем, чем назовут его через год: солнцем русской поэзии. И советской

литераторше неплохо бы об этом помнить.

По-народному выходит яснее, а главное — без жеманной полуобразованной пошлости:

Живут задью наперед. С утра гости, по хлебам ходят, куски топчут, о кака скверна!.. Все к изъяну да к убытку пошло. <…> Пушкин все как не по своей воле. От табаку-то он весь угорел! Чины и вельможи стали с маху щелкать: «Ты велик ли зверь-то, Пушкин! Шириссе больно. На твое место охочих много будет стихи писать».

Пинежский ПУШКИН. Запись Бориса Шергина. Стр. 466–467

Столетие гибели Пушкина.

Анна Андреевна провела его в полном одиночестве. Вечером на Фонтанку пришла В. Н. Аникеева и застала ее одну дома, очень грустную. Ахматовой даже не прислали пригласительного билета на торжественное заседание 10 февраля.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 245

Однажды за обедом в Старках одна наша родственница, большая любительница поэзии, позволила себе с ненужной авторитетностью что-то высказать о Пушкине. Анна Андреевна тут же наложила на нее руку, и бедная любительница Пушкина затрепетала, как мотылек на ладони. Хорошо, что божественный гнев прорывался не часто, его суровость ставила жертву в трудное положение. Трогать Пушкина при Анне Андреевне было небезопасно.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 285

Особенно при ее негативизме, «которым она страдала с детства». Здесь главное — не что сказали о Пушкине: сомневаюсь, чтобы кто-то «трогал» его обидным образом, — а что кто-то, кроме нее, посмел.

Говорили о Пушкинском доме. АА возмущалась тем, что на выставке, которую Пушкинский дом устраивал, был без разрешения АА выставлен ее автограф. Отзывалась о Пушкинском доме крайне резко, назвала его «гнусным заведением» и «лавочкой».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 44

На том и закончим.

ПРОКЛЯТЫЙ ВОПРОС, ИЛИ МАКАКА

О макаке.

«Когда при нем поднимаешь какой-нибудь общий вопрос, например, о клеточке, или инстинкте, он сидит в стороне, молчит не слушает; вид у него томный, разочарованный, ничто для него не интересно, все пошло и ничтожно, но как только вы заговорили о самках и самцах, о том, например, что у пауков самка после оплодотворения съедает самца — глаза у него загораются любопытством, лицо проясняется и человек оживает, одним словом. Все его мысли, как бы благородны, возвышенны, или безразличны они ни были, имеют всегда одну и ту же точку общего схода. Идешь с ним по улице и встречаешь, например, осла… «Скажите, пожалуйста, — спрашивает, — что произойдет, если случить ослицу с верблюдом?»

АЛ. ЧЕХОВ. Дуэль

Анну Ахматову я знал как человека, лично, очень немного. Я ее встречал несколько раз. Один раз только с ней беседовал, и наша беседа не была особенно интересна. Более того, мне показалось, что вообще она как-то вот на такие вопросы, выходящие за пределы узкого и преимущественно любовного быта, — она не особенно любила разговаривать.

Михаил БАХТИН в записи Дувакина. Стр. 46

«Пришли ученики Его и удивились, что он разговаривал с женщиною; однако ж ни один не сказал: «чего Ты требуешь?» или «о чем говоришь с нею?» — «Замечательно, — сказала Ахматова, — то, что Евангелист обращает на это вниманье: застав его наедине с женщиной, никто не подумал дурного». Подобные места Нового и Ветхого Заветов привлекали ее особый интерес,

под таким, или сходным углом зрения они были прочитаны ею, о чем свидетельствуют в первую очередь «Библейские стихи».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 73

Да, кроме НЕЕ, никто не подумал дурного. Она обратила внимание на то, что Он там с ЖЕНЩИНОЙ: а разве там об этом?

Н. Гумилев. «Шатер». «Заказная книга географии в стихах и никакого отношения к его путешествию не имеет». По-видимому, оценка Ахматовой связана с отсутствием в книге интересовавшего ее лирико-биографического сюжета.

Светлана КОВАЛЕНКО. Проза Анны Ахматовой. Стр. 640

«Я никогда не любила ислам, — сказала Анна Андреевна, — и к Корану равнодушна. Смесь иудаизма с христианством, приспособленная для пустыни. Унижение женщины. (Потому никогда и не любила — подумала я.) Говорят, монгольские царевны, до того, как приняли ислам, были дамы очень самостоятельные, даже на пирах дрались, а потом чадра, паранджа… все кончилось. Брачные нравы такие: если мужчина ищет близости не только со своими женами и рабынями жен, но и с другими женщинами — он распутник».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 434

Это все, что имеем про ислам.

А в обществе, унавоженном Арцыбашевскими «половыми проблемами», — какая благородная и тонкая — не чета Арцыбашеву — была ей уготована слава!

В. ПЕРЦОВ. По литературным водоразделам. Стр. 695

Жарко веет ветер душный…
…Жизнь по-новому легка.
Кто сегодня мне приснится
В пестрой сетке гамака?

Признание ценнейшее! Жажда любовных увлечений рождается «в пестрой сетке гамака» во время сладостного безделья.

Д. ЛЕЛЕВИЧ. Анна Ахматова (беглые заметки). Стр. 463

Где-то она насмотрелась порнографических гравюр XVIII века.

Монашенка, королева, приморская девчонка, канатная плясунья, бездельница, плясунья, под такими и еще другими масками является нам она. Но чаще всего хочет представить себя в гнете порока, греха.

Е. ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ. Творческий путь Анны Ахматовой. Стр. 431

Ее разговоры о жизни и литературе — практически всегда на одну тему.

Она часто говаривала, что метафизика и сплетни — единственно интересные для нее темы.

Иосиф БРОДСКИЙ. Большая книга интервью. Стр. 17

Что называла она метафизикой, и почему Бродский с ней соглашался?

Прочитала мне кусок из «Гибели Пушкина». Поражает в этой работе следовательский (не только исследовательский) склад ее ума. Ведь и в жизни она искусный следователь: постоянно анализирует и сопоставляет факты в быту и делает из них смелые выводы.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 354

Однажды к Ахматовой приехал славист-англичанин, женатый на русской из первой эмиграции. Он должен был навестить и Жирмунского, Ахматова попросила меня показать дорогу. Жирмунские в этот час сели ужинать и пригласили нас обоих к столу. Было время белых ночей, светло, только что прошел дождь. Англичанин передал привет от своей тещи, вдовы университетского учителя Жирмунского. Жирмунский благодарил: «Он был не только моим учителем, но и старшим товарищем. Я писал у него курсовую работу». Потом вдруг спросил: «Сколько же лет вашей жене? Они уехали в двадцатом, она была вот такого роста, лет десяти — значит, сколько сейчас?» И мне, и жене Жирмунского стало ясно, что она порядочно старше мужа, который, очень смутившись, повторял: «Нет, нет, не может быть». Жена Жирмунского перевела разговор на другую тему, но хозяин, возраста гостя, кажется, не оценивающий и неловкости не замечавший, вернулся к прежней и попросил меня как имеющего техническое образование сосчитать, сколько ей лет сейчас, если в 20-м, и так далее. Я понимал, что эта история как раз для Ахматовой, и, вернувшись, сразу стал рассказывать ее. Она жадно слушала и даже, по мере развития сюжета, медленно наклонялась в мою сторону. «Получалось, что ей не меньше пятидесяти пяти», — подытожил я. Она откинулась в кресле и тоном человека, присутствовавшего при рождении, произнесла: «Шестьдесят пять, если не семьдесят. Они там все себя убавили на десять лет».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 203

Даже если дело происходит в 1965 году, даме 65–20 + 10 = 55 лет. Если она старше 55-ти, то в 20-м году, в год отъезда, ей должно было быть больше десяти. Сколько? Если шестьдесят пять, как говорит — утверждает Ахматова, то — двадцать лет или еще больше. Но о двадцатилетней никто бы не вспоминал, какого она роста: вот такая или вот такая, тоном человека, присутствовавшего при рождении.

Волков: Мне кажется, Анна Андреевна была совсем не прочь посплетничать. И делала это с большим смаком.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 232

В то лето Раневская принесла Ахматовой книгу Качалова-химика о стекле. «Фаина всегда читает не то, что остальное человечество, — сказала А. А. — Я у нее попросила». Возможно, у обеих был специальный интерес к автору, мужу известной с 10-х годов актрисы Тиме.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 164

Сплетнями она интересовалась еще в юности, помнила то, что ее занимало:

В другой раз она продекламировала шуточные царскосельские стихи, связанные с приездом в Россию французского министра Люббе: он не знал про недавний морганатический брак великого князя Павла Александровича и княгини Палей, бывшей прежде женой Пистолькорса, и обратился к императрице:

— Ou est Prince Paul, dites-moi, Madame? — спросил Люббе, согнувши торс.

— Il est parti avec ma femme! — из свиты брякнул Пистолькорс.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 23

Как Вы знаете, у Ахматовой моментов философских в стихах совершенно не было, совершенно. Это была лирика, чисто интимная лирика, чисто женская лирика. Глубины большой у нее не было в стихах. Не было ее и в жизни, как мне показалось. Ее интересовали люди. Но людей она ощущала именно… по-женски, как женщина ощущает мужчину. Ну и поэтому мне она лично не очень понравилась.

Михаил БАХТИН в записи Дувакина. Стр. 46–47

Анна Андреевна охотно рассказывала о своих работах о Пушкине, например, о разборе «Каменного гостя». Это был совсем новый взгляд. Ахматова утверждала, что в «Каменном госте» есть нечто автобиографическое: Дон Гуан — поэт, а Донна Анна — его первая настоящая любовь. Для нее подтверждением служил тот факт, что Пушкин при жизни не опубликовал это сочинение.

Дмитрий ЖУРАВЛЕВ. Анна Ахматова. Стр. 326

Как группу воспринимала нас и Ахматова, говорила мне: «Вам четверым нужна поэтесса. Возьмите Горбаневскую». Мне это казалось как раз ненужным, мы не декларировали направления, не выпускали манифестов, не находились в оппозиции к другим группам.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 101

Это все Ахматову и не интересовало. Ее занимал только половой вопрос.

Осип Мандельштам (как известно, хвалящий ее из наивного расчета): «В настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России». **И приводит пример великого стихотворения:**

Читаю посланья Апостолов я,
Слова Псалмопевца читаю.
Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней,
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.

Что еще ее могло интересовать!
Встречи одна другой чудесней, и Величие России — далековато.

Итак, женщина: любовь, страсть. Лучший пример такой односторонности женского творчества являет собой… товарищи, вы все знаете… Являет собой известная поэтесса наших дней… Являет собой поэтесса… Анна — Ахматова.

Валерий БРЮСОВ. Вступительное слово к «Вечеру поэтесс» в Политехническом музее.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 21

Когда-то в Ташкенте она рассказала Раневской свою версию лермонтовской дуэли. По-видимому, Лермонтов где-то непозволительным образом отозвался о сестре Мартынова, за ее честь вступался брат. «Фаина, повторите, как вы тогда придумали», — обратилась она к Раневской. «Если вы будете за Лермонтова, — согласилась та. — Сейчас бы эта ссора выглядела по-другому… Мартынов бы подошел к нему и спросил: «Ты говорил за мою сестру, что она б…?» Слово было произнесено со смаком. **За него-то Ахматова и помнила всю эту «историю», сексологи знают, как иногда женщинам надо слышать или произносить — на людях, пережить как бы невозмутимо при всех — непристойности. Конечно, чем гуще, тем лучше — но по тогдашним временам для царскоселки и этого было достаточно.** «Ну, — в смысле «да, говорил, — откликнулась Ахматова за Лермонтова. — Б…» — «Дай закурить, — сказал бы Мартынов. — Разве такие вещи говорят в больших компаниях? Такие вещи говорят барышне наедине… Теперь без профсоюзного

собрания не обойтись». Ахматова торжествовала, как импресарио — **«смрадный эстрадник» — любила она других назвать,** получивший подтверждение, что выбранный им номер — ударный. Игра на пару с Раневской была обречена на провал, но Ахматова исполняла свою роль с такой выразительной неумелостью, что полнота этого антиартистизма становилась вровень с искусством ее партнерши. Мартынов был хозяином положения, Лермонтов — несимпатичен, но неуклюж и тем вызывал жалость.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 164

Она мне чужда и как поэт, и как человек. Чужда, быть может, потому, что женщина в ней заслоняет все.

Ирина Грэм — Михаилу Кралину

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 36

Выбор Ахматовой сюжетов из Священного писания (Рахиль — Лия — Иаков; жена Лота; Мелхола — Давид; дочь Иродиады), их трактовка, ударения, в них расставленные, обнаруживают отчетливую тенденцию: все они так или иначе посвящены любовным отношениям мужчины и женщины — точнее, женщины и мужчины. И не прообразы любви небесной, видимые, согласно христианскому вероучению, «как бы сквозь тусклое стекло», проясняет поэт через образы любви в этом мире, а как раз психологические, чувственные, «всем понятные» стороны любви плотской, пусть и самой возвышенной.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 75

«Удовлетворяют их только те сочинения или картины, где есть женщина. Вот они каковы макаки» <…> — начал фон Корен <…>.

А. П. ЧЕХОВ. Дуэль

СЛАБОСТЬ ЗДОРОВЬЯ

Эта главка — так, для забавы. Лет Анне Андреевне было отмерено завидно, здоровье, стало быть, тоже с запасом было, особенно при том образе жизни, который она вела: пила, курила, обедов себе не готовила, физической активности — никакой, хорошо хоть, советское правительство дачи и санатории предоставляло всю жизнь в изобилии, да нервы, нервы: гнев, зависть, раздражение! Но кто из нас не знает таких дам: пышущих здоровьем, но подверженных, по их словам, многочисленным сложным и смертельным болезням. Список таких болезней довольно определен: это сосуды, давление, сердце — сердце, это, конечно, главный конек — таинственные, но бессимптомные аллергии, спазмы, тонкие реакции на редкие явления вроде повышения радиации и пр. Кому из них врачи не предрекали скорую и верную смерть — по счастью, отложившуюся на бесконечность! «Врачи отказались…», «Врачи пришли в ужас…» — это их лексикон…

Я на несколько дней потеряла сознание и после двух приступов боли начала задыхаться. В больницу была доставлена в безнадежном состоянии (слова врача).

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 331

Она знает, что ее словам веры нету, в 76 лет она не уверена, что ей поверят. Поэтому — «слова врача».

Безнадежное и все ухудшающееся состояние было всю жизнь; вот — двадцатые годы.

АА со мной вернулась (с прогулки с Тапом), на столе письмо. Прочла — от Алянского. «Прошу подтверждений получения денег и подтверждений, что я честен»… Грубое письмо. АА очень расстроилась. Это большое значение для болезни было. Совсем слегла…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 109

После войны:

Живет она нормально: по утрам сердечные припадки, по вечерам исчезает, чаще всего с Софьей Казимировной.

Н. Н. Пунин — И. Н. Пуниной.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 412

«Исчезновения» подразумевают собой попойки.

Ранняя юность — ей 16 лет:

«Живу отлетающей жизнью так тихо, тихо».

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 324

Январь 1907 года.

С сердцем у меня совсем скверно, и только оно заболит, левая рука совсем отнимается.

Письмо А.А. — С.В. фон Штейну **(мужу ее умершей сестры Инны).**

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 26

Дорогой Сергей Владимирович, хотя вы и прекратили со мной переписку, у меня все-таки явилось желание поговорить с вами. Я болела легкими (это секрет) и, может быть, мне грозит туберкулез. Мне кажется, что я переживаю то же, что Инна. Очень боюсь горловую чахотку. Она хуже легочной.

Письмо А.А. — С.В. фон Штейну.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 28

Не знаю, слышали ли вы о моей болезни, которая отняла у меня надежду на возможность счастливой жизни. Я болела легкими. Это секрет **(как можно слышать о СЕКРЕТЕ?)** и, может быть, мне грозит туберкулез. Не говорите, пожалуйста, никому о моей болезни. Даже дома — если это возможно.

Письмо А.А. — С.В. фон Штейну.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 325

То есть даже дома не знают о ее смертельной болезни. Это не редкость — у «слабых женщин» это всегда так. Правда, она задает корреспонденту вопрос, будто весь свет об этом только и говорит: вы слышали? Авось хоть что-то сработает.

Дорогой Сергей Владимирович, сердечный припадок, продолжавшийся почти непрерывно почти шесть дней, помешал мне сразу ответить вам.

Письмо А.А. — С.В. фон Штейну.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 319

У меня невроз сердца от волнений, вечных терзаний и слез. После Валиных писем я переношу такие припадки, что иногда кажется, что уже кончаюсь.

Письмо А.А. — С.В. фон Штейну,

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 318

Знаете, милый Сергей Владимирович, я не сплю уже четвертую ночь. Кузина моя уехала в имение, прислугу отпустили, и когда я вчера упала в обморок на ковер, никого не было в целой квартире.

Сергей Владимирович, если бы вы видели, какая я жалкая и ненужная. Главное, ненужная, никому, никогда. Умереть легко.

Летом Федоров опять целовал меня, клялся, что любит, и от него опять пахло обедом. Милый, света нет.

Ваша Аннушка.

Письмо А.А. — С.В. фон Штейну.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 318–319

Кузина, имение, прислугу отпустили — боюсь, что Сергею Владимировичу сейчас не до дамских повестей.

Ранняя смерть и неизлечимая болезнь были по тем временам такими же столпами романа, как теперь жестокость и насилие. Тогда молодой женщине ни в коем случае не полагалось обладать оскорбительно отменным здоровьем. Бабушка постоянно с большим самодовольством рассказывала мне, что в детстве отличалась необычайной хрупкостью: «Никто даже не надеялся, что я доживу до зрелых лет». Бабушка дожила до девяноста двух лет.

Я склоняюсь к мысли, что викторианские женщины извлекали из этих обычаев немалую выгоду для себя, избавляясь таким образом от утомительных домашних обязанностей. Их навещали друзья, а прелесть смирения перед лицом преследующих их несчастий вызывала всеобщее восхищение. Страдали ли они в самом деле от какого-нибудь недуга? Вряд ли. Конечно, могла болеть спина или тревожили ноги, как это случается со всеми нами с возрастом. Так или иначе, но лекарством от всех болезней был диван.

Агата КРИСТИ. Автобиография. Стр. 50–51

Сестра Н. Гумилева А. С. Сверчкова воспитывала сына Анны Андреевны Льва в городе Бежецке. Иногда привозила мальчика в Ленинград. Но Анна Андреевна не всегда могла встретиться с ней — нездоровилось.

АА позвонила мне, просила сообщить Сверчковой, что не придет. Приехав на Фурштатскую утром, я застал только Констанцию Фридольфовну. В разговоре с ней выяснилось, что она обижена на АА за то, что АА ни разу осенью не была у них и что К. Ф. не верит в болезнь АА. «Да, да… Мы все больны, а все-таки она могла бы зайти, если б хотела».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 339

Утром была в бане. Вернулась домой и больше не выходила. Чувствует себя плохо сегодня: либо простудилась, либо потому что два дня не соблюдала диеты — ела мясной суп с «ушками», все, что ели другие.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 330

Летний сад.

Я вернулась с Кавказа здоровой и веселой. Не чудо ли?

Целую.

Ваша Акума.

Открытка А. А. Ахматовой — Н. В. Гуковской.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 220

3.08.1927.

В одну из встреч в последние годы Николай Степанович сказал такую фразу: «Твой туберкулез — от безделья».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 267

Старается не показать своего состояния, скрыть все свои недуги и боли… Самое страшное бывает, когда АА начнет шутить и острить с самым веселым и счастливым видом о своем здоровье. Тогда словечки «заживо разлагаюсь», «пора на Смоленское» и т. п. скачут с самым наглым озорством.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 262

АА сегодня получила извещение из Секции научных работников о том, что место в санатории в Кисловодске ей предоставляется с 20 июня по 25 июля. АА согласна ехать. АА едет в Кисловодск по необходимости, потому что уж очень плохо состояние ее здоровья, но едет с большой неохотой, почти против желания.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 218

Доктор оказался знакомый. Постоянно бывает у Срезневских. АА встречалась там с ним. «Ведь он же невропатолог — вы не знаете, почему он мне выслушал легкие?..»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 250

Во врачебной комиссии доктор Доброчаев — невропатолог. Плечо обнажил, послушал: «У вас туберкулеза нет». Удивлен, почему АА выбирает Кисловодск? Не лучше ли Сочи. АА быстро ответила: «На меня море плохо действует!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 250

У нее всегда есть такие оригинальные и непохожие на то,

что есть у других, объяснения. А как же то, что «меня принимали за помесь щуки и русалки», «А плавала я так, что мой брат, гардемарин, который плавал в полной выкладке в ледяной воде, говорил: “Я плаваю почти как Аня”»?

3.08.1927.

Когда АА ехала в Кисловодск, очень желала смерти себе. И только приехав, только увидав мирные горы, мирный мир — перестала хотеть смерти. Ехала туда смятенная, гневная, печальная, отчаянная… Совсем не помнит пути туда…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 267

А причина та, что врач не нашел у нее никакой болезни, в санаторий отправил потому, что писателям полагались такие привилегии.

Письмо свекрови, у которой живет сын Лева.

4 февраля 1927 г.

Дорогая Мама, 24 дек. н. ст. я почувствовала себя дурно, легла в постель, да и проболела до сего дня, причем по временам опасались, что болезнь может принять дурной оборот. Поэтому я не писала в Бежецк, не ответила даже на письмо Левушки, которое бесконечно тронуло меня.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 180

Конечно, «врачи опасались», что болезнь может принять «дурной оборот».

Бедный Левушка, он не знал, что в те же дни, когда она была не в состоянии ответить ему на письмо, она весьма весело проводила время. «Очень много смеялись» — как записал Лукницкий.

Весна 1926.

Днем — АА. У нее кашель и жар, а кашель — явление, для нее необычное.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 127

АА пришла в Шереметевский дом и легла. Лежит и больна. Но отрицает, что простудилась, — утверждает, что у нее просто заболевание — поветрие в Петербурге, какая-то легкая форма эпидемической болезни — грипп, что ли?

II.Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 127

В конце тридцатых годов Ахматова сошлась с врачом Владимиром Георгиевичем Гаршиным, профессором, патологоанатомом — таких не проведешь, его пациенты сами

не высказывают своих жалоб — ни истинных, ни мнимых. Он видит только то, что видит, такая специализация.

Он вчера приехал с дачи. Был у Анны Андреевны и находит, что она на грани безумия. <…> Что она ничего не хочет предпринять, что она не борется со своим психозом. «А может быть, — спросила я, — это просто у нас не хватает воображения, чтобы понимать ее правоту? Может быть, не у нее психоз, а у нас толстокожесть?»

Он помотал головой.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 177–178

9 июля.

Среди дня я позвонила Анне Андреевне и предложила вместе пообедать в Доме писателей. Она согласилась, но, когда я пришла за ней, выяснилось, что она никуда не пойдет, потому что ожидает доктора Баранова. <…> **Не доверять же Гаршину!**

Явились Владимир Георгиевич и доктор Баранов. <…> Я спросила В.Г., почему это у Анны Андреевны постоянно отекают ноги? «А, ноги пустяки! — отозвался он. — Отекают слегка от жары. Надо носить более просторные туфли и на низком каблуке. Вот и все. Но она не хочет: ничего не поделаешь, Ewigweibliche! (вечная женственность). Вы недовольны? Вам кажется, что я говорю зло?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 158–160

Доктор Баранов не выходил и не выходил, и мы решили подняться. <…> [Доктор] откланялся чинно. Ушел.

«Что же он предписал вам?» — спросила я у Анны Андреевны. — «По-видимому, он считает меня безнадежной, — гневно ответила она, — потому что единственное его предписание: ехать на дачу, на воздух». И она начала объяснять мне и В.Г., почему она ни в коем случае не может ехать на дачу. В.Г. сначала пробовал было спорить, потом умолк и, огорченный, простился.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 161

В конце концов на дачу она решилась ехать.

У нее Владимир Георгиевич. Кругом беспорядок, грязная посуда, сырные корки. Жалуется, что опухла нога. Жалуется, что

простудилась. <…> Действительно — говорит в нос. **Действительно ли опухла нога — поди проверь.**

Владимир Георгиевич распрощался, и я пошла закрывать за ним дверь. По дороге спросила — что с Анной Андреевной? «Да ничего, — ответил он слегка раздраженно. — Ногу натерла, вот и все». Уже переступи в порог квартиры, он вдруг вернулся в переднюю: «Только вы, пожалуйста, скажите ей, что ни о чем меня не спрашивали». <…> Эта просьба меня и удивила, и обидела. <…> Но у него был такой измученный, расстроенный вид, что рассердиться я не могла.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 155–156

Этот разговор подтверждает, что эти расхождения в жалобах Ахматовой и замечаниях профессора — не просто несовпадения, а система.

«Сердце шалит. Я сегодня <…> была во ВТЭКе. Мне дали вторую категорию, а раньше была третья. Я постепенно приближаюсь к идеалу инвалидности. У меня нашли перерождение клапана сердца».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 116

Опять лежит. По ее словам, не спала уже ночей пятнадцать.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 57

Сегодня днем я зашла к Анне Андреевне, чтобы проводить ее в амбулаторию, к доктору, по назначению Литфонда. <…>

«Он нашел меня совершенно здоровой. Так я и знала. Я говорила Владимиру Георгиевичу, что так и будет. Теперь на вопрос Литфонда он ответит, что я симулянтка. Уверяю вас, так и будет. <…> Он три раза спросил меня: «Вы служите?» Верно, думал, что я хочу бюллетень получить. **А что ей надо было от Литфонда, как больной? Не бюллетень, так санаторий. Или пенсионную книжку — в общем, что-то надо, но вот «бюллетень» — это как-то слишком простонародно.** Назначил мне солено-хвойные ванны, а электризации и ножных ванн, которые рекомендовали Давиденков и Баранов, не назначил: «совершенно лишнее». Мы шли пешком: в гневе Анна Андреевна не пожелала ждать трамвая. **И силы откуда-то взялись. Надо меньше лежать, а больше ходить.**

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 55

По дороге заговорили о щитовидной железе, которая у нее увеличена еще сильнее, чем у меня. «Мне одна докторша сказала: «Все ваши стихи вот тут», — Анна Андреевна похлопала себя ладошкой по шее спереди <…>.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 54

А.А. возмущена была тем, что врач нашел ее «совершенно здоровой».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 53

«У меня, кроме каверн во всех легких, еще, наверное, и миньерова болезнь, — сказала Анна Андреевна. — Когда-то специалисты мечтали наблюдать хоть одного больного. Теперь таких больных много. Стоит мне двинуться, повернуть голову — головокружение и тошнота. Когда я иду по лестнице, передо мною бездна».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 48

Была у Анны Андреевны, заносила билет (на поезд в Москву). Вдруг показала мне на свой лоб — там какая-то с краю темно-коричневая ранка. — «Это рак, — сказала она. — Очень хорошо, что я скоро умру».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 21

По-видимому, я приняла утверждение Анны Андреевны за медицински установленный факт — и сразу сообщила об этой беде Корнею Ивановичу.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 287

Записка, адресованная А. А. Фадееву (автограф К. И. Чуковского): «Дорогой Александр Александрович. На днях, 25 или 26 февраля, приезжает в Москву Анна Ахматова. У нее рак. Остановится она у Николая Ивановича Харджиева. Горячо просим Вас принять самые решительные меры, чтобы ей немедленно была оказана медицинская и денежная помощь. Ф. Парфенов, К. Чуковский, Вера Инбер, С. Маршак, Ольга Форш».

На записке помета: «По словам Н. И. Харджиева, А. Ахматова в настоящее время в медицинской и материальной помощи не нуждается. 27.2.39».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 287

Конечно, никакого рака не было, она сама ставила себе диагнозы и проверяла их эффект на публике. Корней Иванович у нее, однако, очень-то не выслужился: он ни секретарем Союза писателей не был, ни кандидатом на «нобелевку». Ему просто разрешали заботиться, без особой благодарности за это.

21 апреля 1927 года.

Я считаюсь уже совсем здоровой, но ознобы жестокие мешают работать и жить.

А. А. Ахматова — Н. Н. Пунину.

Николай ПУНИН. Дневники. Письма. Стр. 278

«Считаюсь» — это в огород врачей-недоучек. Ей бы убийц в белых халатах доверили разоблачать — не проскользнул бы ни один!

22 августа 1926 года. Ленинград.

А.А. с Тапой живут у нас. Она опять больна, повторился припадок. Вы знаете какой, шестой день лежит.

Н. Н. Пунин — А. Е. Аренс-Пуниной.

Николай ПУНИН. Дневники. Письма. Стр. 268

Дневник 1923 год, 17 января.

К пятому акту ей стало вдруг плохо, заболело «солнечное сплетение», она побледнела и, видимо, очень страдала, мы уехали до конца, я отвез ее домой, час посидел у нее — была нежная, ласковая, все удивлялась тому, что у меня было страшное лицо.

Николай ПУНИН. Дневники. Письма. Стр. 168

К пятому акту — бывает.

В театре от невыносимой трескотни у меня сделалась мигрень, так что я до сих пор лежу в постели.

А. А. Ахматова — Н. Н. Пунину.

Николай ПУНИН. Дневники. Письма. Стр. 161

Дневник 1922, 30 декабря.

Сегодня пришел к Ан., холодно, сломана печка (времянка), совсем больна — сердце.

Николай ПУНИН. Дневники. Письма. Стр. 161

Это он вначале так всему верил. Потом перестал.

Мне позвонил Пунин и просил съездить к АА в Мраморный

дворец и сказать ей, что у него приготовлен вкусный обед, что он купит ей бутылку коньяку, что он покажет ей интересные книги, что он все равно не верит в ее болезнь.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 280

В кабинете на диване АА лежит на положении больной — раздетая, под одеялом. Рассказывает о вчерашнем обеде у Замятиных. Обед был часов в 6, а пробыла АА до 11-го часа.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 210

5 часов провести на обеде — это надо иметь достаточно крепкое здоровье.

Я удивляюсь, как АА, пролежав 4 месяца, может ходить, к Пунину пойти — и иметь после этого температуру 36,9… АА: «Лошадь!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 181

Это так.

Вечером после моего прихода выяснилось, что АА переедет завтра в Рентгенологический институт для точного исследования причин ее болезни и выяснения способов лечения.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 174

Сегодня у АА сильная (невралгическая?) боль. О себе она совершенно не заботится. Вчера или позавчера 2 часа каталась с Пуниным на извозчике.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 159

Зашел к Пунину — взял у него рецепт для АА. Получил по рецепту лекарство — valerian 8 % — через 3 часа по столовой ложке — и поездом отправился в Царское Село.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 158

Наверное, спасать от смерти. Валерьянка — это ведь только для безнадежных.

Я добиваюсь у нее, известна ли доподлинно причина ее болей. АА отвечает, что в конце концов неизвестна. «Бывает туберкулез в легких, в мозгу, в кишках». АА тихо-тихо добавила: «Только не поправляются от этого».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 136

Она начала тяжело дышать. Попросила Веру Николаевну пойти к Пунину за камфарой. Пунин вошел в комнату, напевая. Начал расспрашивать Анну Андреевну, но петь не перестал. Вопросы вставлял в пение. «Ти-рам-бум-бум! Что с вами, Аничка?

Та-рам-бум-бум?» — «Дайте, пожалуйста, камфару». Он принес пузырек — ти-рам-бум-бум! — накапал в воду — ти-рам-бум-бум! — и она приняла.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 57–58

Когда АА отправили в Хювинькя (санаторий) — она еще больше заболела. Не ела, не спала. Об этом сказали проф. Лангу, и он глаза широко раскрыл от удивления. АА просила увезти ее оттуда. «Я сказала Коле: «Увези меня умирать-то хоть!»… В Петербурге стала поправляться.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 73

21 марта 1942.

Открытка А.А. — Л. Я. Рыбаковой.

Скажу вам по секрету от Владимира Георгиевича, что у меня уже три недели нестерпимо болит голова.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 97

От врача — какие секреты? Ну разве что чтобы Рыбаковой напомнить о том, что от Владимира Георгиевича уже можно, как в обычной супружеской жизни, уже иметь маленькие женские секреты.

3 марта 1939.

Письмо Н. Мандельштам Кузину из Малоярославца.

Встреча с Аней была очень болезненной. Главное, никому не приходит в голову, что я живой человек, и что моя жизнь не литература. У Ани сняли со лба небольшую раковую опухоль.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 34

Это она продолжала рассказывать.

Дарственные надписи на фотографиях «Тем, кто не забывал меня в больнице — милым Рыбаковым», «Милому Осипу Израилевичу Рыбакову в день возвращения из моих больниц».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 27

Письмо Б. Пастернака — Н. Н. Пунину.

Дорогой Николай Николаевич, сердечно благодарю вас за успокоительное известие и Анну Андреевну за особо драгоценную в ее состоянии приписку.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 138

Ее состояние, несомненно, ужасно, не зря же она Пастернаку дарит свои фотографии — в постели. В постели она — на одре: с белой подушкой, укрыта по плечи,

воспаленные губы, на тумбочке — бутылка в четверть. Не иначе для лекарств.

Гаспра. Осенью. Тяжелая астма. Весь месяц пролежала.
Анна АХМАТОВА. Т. 5. Записные книжки. Стр. 227

В Гаспре — Ахматова. У нее болит живот — гастрит.
Чулков — Чулковой.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 130

Одна моя знакомая в таких случаях всегда говорила: сосуды. У нее никогда не болел живот, не было насморка, не дай бог, мокроты или поноса. Сосуды, давление, невралгии… Тяжелая астма — это тоже, конечно, вам не живот болит, гастрит там.

6 декабря 1940.
Мне очень хорошо в Кисловодске. Я окрепла и наконец научилась спать.
Письмо Анны Ахматовой — Л. Н. Замятиной.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 113

Большая рана для меня Анна Андреевна. Она больна, в ужасном виде; меня все убеждали, что она умрет в 40 году, теперь — в 41.
Письмо Мандельштам — Кузину.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 52
Дотянула до 1966-го.

Бывал у Ахматовой. Говорит, что она почти всю зиму пролежала: у нее туберкулез кишок. Очень, очень много читает.
Д. С. Усов — Е. Я. Архипову.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 114

Она все еще чувствует себя неважно. Очень подействовали на нее незадачи с изданием «Собрания стихов».
Письмо В. А. Рождественского — Е. Я. Архипову.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 108

26 год.
Приехала сюда Анна Ахматова. Я видел ее два года назад. По-моему, она поправилась, и больше — похорошела, помолодела, но очень грустна.
Б. Л. Пастернак — И. А. Груздеву.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 97

Анна Андреевна, зачем вы так небрежете здоровьем?
Письмо Б. Л. Пастернака — А.А.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 100

Говорить о себе нет силушки. Прости.
Письмо А.А. — Владимиру Шилейко.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 104

Милая Оленька, посылаю тебе письмо Валентины Андреевны и картину одного из моих последний умираний.
Письмо А.А. — О. А. Глебовой-Судейкиной.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 104

NN — это Анна Ахматова в «Ташкентских тетрадях» Чуковской.

Я пришла к NN днем. Она лежит, но кашляет меньше и t нормальная. Явился доктор с плоским лицом домработницы. И я увидела сцену, которую уже наблюдала в Ленинграде, когда Литфонд переживал приступ забот о NN. «Что вас приковало? Почему вы лежите? Какая зарплата? Голодаете? Не залеживайтесь!» «Мы всегда думали, — сказала NN, — что врачи существуют для облегчения страданий больных. Оказывается, их призвание — разоблачать симулянтов. Стоит ходить к Баранову, к крупным врачам. Теперь она доложит, что я притворяюсь. Этого только еще мне не хватало». Разумеется, врач не знал фамилии NN.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 429

И не обязан был знать. Хоть убей, не пойму, в чем тут пафос: почему не спросить у больной без симптомов и температуры, что ее приковало, какие страдания, какая тут вина врача, кроме того, что у нее простоватое, без бурбонского профиля, лицо домработницы?

Она очень задыхалась на лестнице, потом сразу легла (как всегда) и закурила.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 365

Только тем и спасалась.

Но немножко погодя мы с ней все-таки разговорились, и она с улыбкой — наконец она улыбнулась — сказала: «А, теперь я понимаю, почему Осмеркин сделал меня такой не в меру полной. Наверное, он думал о вас, когда он меня писал. Это делает вам

честь. Никогда в жизни еще меня никто не изображал в таком состоянии… ну, упитанности или здоровья… все по-другому меня понимали».

Е. К. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА в записи Дувакина. Стр. 112

Конечно, кто бы заикнулся о здоровье… А Модильяни? Этот ли зад не упитан?

Врачи ее сейчас лечат, здесь, на даче, за ней наблюдают профессор Шервинский и его ассистентка Валентина Ивановна — оба терапевты и эндокринологи. Василий Дмитриевич нашел у нее изменения в щитовидной железе. И все же Анна Андреевна говорит, что за последнее время она «перестала чувствовать свое сердце».

Л. ГОРНУНГ. Записки об Анне Ахматовой. Стр. 195

29 мая 1960 Москва.

Была в Боткинской у Анны Андреевны. В палате ее не оказалось. Больные объяснили: она на балконе. Значит — не лежит, ходит! Значит — не инфаркт! Анна Андреевна в кресле, под сводами столетних лип. И не только не инфаркт, а даже и не сердечный приступ: межреберная невралгия. Хоть и больно, да зато безопасно. Она спокойная, ровная и почти веселая.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 391

Через несколько дней умрет в Москве же Борис Пастернак, но Ахматова сочтет себя слишком слабой, чтобы съездить к нему проститься — а ее отвезли бы, проводили и пр. — без публики, конечно, без суеты…

«Бог с ним, с Левой. Он больной человек. Ему там повредили душу <…>. А мою болезнь он не признает. “Ты всегда была больна, и в молодости. Все одна симуляция”».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 480

Анна Андреевна сказала мне, что бросила принимать какое-то лекарство, которое принимала по поводу недостаточности щитовидной железы — и теперь чувствует себя гораздо лучше.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 413

Сильные боли в правом плече. Доктор думает, отложение солей, она — сердце. Однако, она на ногах.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962.

Стр. 267

Инфаркт. По медицинскому счету третий, по ее собственному — четвертый.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 306

«Вам нехорошо? — спросила Анна Андреевна с некоторым пренебрежением в голосе. — Могу предложить валериановые капли».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 141

Чуковская много работает для Ахматовой, потому что казенная редакторша наверняка отказалась бы терпеть ее непрофессионализм и капризы.

А закончу моим любимым пассажем: собственноручные бюллетени о состоянии здоровья Анны Андреевны, посланные ею из Ташкента с разницей в неделю. Попробуйте их увязать между собой.

27 сентября.

Письмо А.А. — И. Н. Томашевской.

«Я — четвертый день в постели, простужена и стерла ногу».

6 октября.

Телеграмма А.А. — Раневской из Ташкента в Москву.

«Перенесла тяжелую болезнь. Медленно поправляюсь. Привет. Ахматова»

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 92

6 октября она уже «поправляется». Поправка идет уже не первый день, «медленно», значит, хотя бы уже неделю назад как закончилась «тяжелая болезнь». Какая — см. предыдущее письмо.

Стихотворение:

> Недуг томит — три месяца в постели.
> *Анна АХМАТОВА, т. 2(2). Стр. 123.*

И т. д.

Я ЕГО СЛЕПИЛА ИЗ ТОГО, ЧТО БЫЛО

Ахматовой жизненно важно было доказать, что Гумилев — великий поэт и таким всегда признавался (без этого последнего для нее ничто не имеет значения). В молодости она не имела иллюзий на его счет и не стеснялась об этом говорить. С течением времени стало ясно, что из него можно слепить гаранта ее величия, и она принялась за дело. Ослушаться не смел никто. Иосиф Бродский выдвинул благообразный аргумент, что ею двигала — любовь. Он, конечно, знал, что это не так, как он знал все об Ахматовой. Но изучать и разоблачать это ВСЕ ему не хотелось, это было слишком далеко от него и неинтересно, все эти дамские хитросплетения, и он предпочел поддакивать всем ее мифам, чтобы не отказаться от того единственного, что связывало его с ней, — во времена его молодости ему было приятно от ее дружбы, она наполняла его жизнь, сообщала ей глубину во времени. Как бабушка. Всегда ведь приятно иметь бабушку, правда? Мы прощаем бабушке маленькие слабости. Нам горько, когда бабушка уходит. Мы не будем передавать плохое о бабушке и поддакнем ее маленькой лжи. Ну да, она сильно любила своего нелюбимого мужа, весьма среднего поэта.

Бродский: Гумилев мне не нравится и никогда не нравился. И когда мы обсуждали его с Анной Андреевной, я — исключительно чтобы ее не огорчать — не высказывал своего подлинного мнения. Хотя я и не скрывал, что, с моей точки зрения, стихи Гумилева — это не бог весть что такое.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 251

К несчастью Ахматовой, не только она одна не догадалась умереть вовремя, но и некоторые из их с Гумилевым современников. Жили за границей и писали «мемуарии» — по ее терминологии.

Примерно половина этой достойной шайки честно не представляют себе, чем был Гумилев, другие, говоря о Гумилеве, принимают какой-то идиотский покровительственный тон, треть сознательно передергивают. А все вместе это, вероятно, называется славой. И не так ли было с Пушкиным и Лермонтовым?

Анна АХМАТОВА. Т. 5. *Стр. 101*

Нет, с Пушкиным и Лермонтовым было не так.

Гумилев — непрочитанный поэт. Визионер и пророк.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 100

Ни одна его тема не прослежена, не угадана, не названа. Чем он жил? К чему шел?

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 106

Его бешеное влияние на современную молодежь (в то время как Брюсов хуже чем забыт).

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 138

Я знаю главные темы Гумилева. А главное — его тайнопись.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 126

А почему этого не знает читатель? Ну вот всех прочли и поняли, а его — нет.

<…> такого властного человека и поэта, наложившего печать на несколько поколений молодых…

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 112

Эти формулировки похожи на те, которые на спор или на занятии поэтического кружка придумывают, чтобы патетически отразить величие N. Сейчас проще — сейчас есть компьютеры, выдадут весь список.

Все, что он сделал — все значительно.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 284

Видим, что — не все.

На даче Шмидта сжег рукопись пьесы «Шут короля Батинволя» за то, что я не захотела ее слушать.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 91

Эта красивая история должна иллюстрировать необыкновенную любовь к ней Гумилева, а иллюстрирует только то, что больших талантов Гумилев не проявлял: раз она не захотела слушать, а он не пожалел сжечь. Это сильно отличается от того, как Маяковский порвал поэму «Дон Жуан», когда Лиля Брик не захотела его слушать. Она имела право не захотеть — потому что стихотворение было о ней (тема, которую она хотела изжить, поставив на его творчество в целом, а не на воспевание ее — для ее альбома). Она не захотела. Ахматова не захотела, потому что предполагала, что пьеса — плохая, неинтересная.

Я заговорил о Гумилеве: как ужасно он перевел Кольриджа.

Она: «А разве вы не знали. Ужасный переводчик». Это уже не первый раз она подхватывает дурное о Гумилеве.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник 1901–1929. Стр. 138

«Вся Россия подражала Гумилеву, — сказала она мне. — А я — нет».

Наталья РОСКИНА. Как будто прощаюсь снова. Стр. 528

Вся ли?

«И такой человек хочет писать о Гумилеве».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 70

Однажды, гуляя по берегу Москвы-реки, я позволил себе сказать, что мне никогда не была близка поэзия Гумилева. Я тут же понял, что этой темы лучше не касаться. Анна Андреевна реагировала на мое замечание бурно, почти резко. Больше мы этой темы не затрагивали.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 296

23 апреля 1963 года Ахматова встречалась с доцентом Политехнического института М. В. Латманизовым. Он просил об интервью с нею. Едва познакомившись с интервьюером и узнав, что тот интересуется Гумилевым, она задает вопрос, вместо ответа на который в расшифровке интервью поставлен знак —?!

«Вы взялись бы составить свод его ранних стихотворений и прокомментировать?»

Ранних — это значит о ней, о «страшной любви».

Больше никто не хочет. Подразумевается, что работа будет такая же, как у Аманды Хейт, — записать все, что захочет продиктовать Анна Ахматова.

Это у нее из пушкинистики — что изучением творчества поэта может заниматься любой дилетант. Латманизов — человек из научной, технической, среды. Он в ответ на этот вопрос ставит знак: «?!»

6 лет собирала материал. Сделала для его памяти все, что можно. Поразительно, что больше никто им не занимался.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 146

Ахматова советует исследователям Гумилева.

Дождаться опуса Хейт-Левенсон, который должен дать ГИГАНТСКИЙ материал.

Она считает, что этот «достоверный» материал и должен использоваться как первоисточник. На следующей же

странице прибавляет:

Критика источников в современном литературоведении — насущная задача (знаю по пушкиноведению).

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 140

Это имеются в виду все другие источники по Гумилеву, не исходящие от нее или не прошедшие ее цензуру.

«Был у меня на днях один посетитель — голландец. Мы все видывали западных знатоков России, русской истории, русской литературы и пр. А тут я увидела рядового западного человека. Ко мне пришел, потому что ему сказали, что есть такая старуха, которая в десятые годы писала стихи о Боге. **Какие же это стихи о Боге? В них да, упоминались лампадки, иконы, заутрени — но это совсем было не о Боге.** Не знает ровно ничего ни о чем и ни о ком, даже Гумилева не знал.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 204

Это — несомненно дикарь, спрыгнувший с ветки. Мог, впрочем, быть назван и покрепче.

«Как можно подпускать к священной тени мещанку и кретинку…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 774.

Никто не должен сметь писать о Гумилеве с собственной точки зрения…

Одоевцева —

«Хочет быть вдовствующей императрицей».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 345

Вот только император подкачал. Вроде не Александра Сергеевича она осталась вдовой (литературной, я имею в виду)?

Волков: Когда говорят о Гумилеве, то иногда забывают, что он был в числе нескольких русских поэтов, чья участь была решена непосредственно Лениным.

Бродский: Вы знаете, от того, как узурпатор обращается с поэтом — благородно или неблагородно — отношение у меня к нему не изменяется ни в коей мере.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 251

Виктор Жирмунский в ответ на смущенные объяснения Бродского (уже после смерти Анны Андреевны), почему он

отдает за ненадобностью собрание сочинений Гумилева:

«Здрасьте! Я еще в 1914 году говорил, что Гумилев — посредственный поэт!»

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 251

Так говорил не только Жирмунский. Ахматовой надо было дать хоть какие-то объяснения тому, что Гумилев совсем не был признан современниками.

Блок о Гумилеве. Их ссорили окружающие.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 81

И надиктовывали большую статью «Без божества…».

Блок в обществе ревнителей Художественного слова, когда Н.С. прислал «Актеон», в разговоре с АА фыркнул на Гумилева (как АА на Шкапскую).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 81

Блок в статье об акмеистах с говорящим названием «Без божества, без вдохновенья» брезгливо и недовольно расправился с основателями этого направления, не забыв даже вытереть пальцы и таким образом:

«Единственная дельная мысль Гумилева была заимствована им у меня», **но с Блоком Ахматова не воюет. Брюсов, Вячеслав Иванов — вот с ними.**

Александр БЛОК.

Гумилев — Сальери, который даже не завидует Моцарту.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 156

Городецкий слушал очень внимательно все, что я говорил ему о его стихах, о Гумилеве, о цехе. А я говорил откровенно, бранясь и не принимая всерьез то, что ему кажется серьезным и важным делом.

Александр БЛОК. Дневник

«Маяковский очень хотел познакомиться с Николаем Степановичем и Николаю Степановичу передали это. Николай Степанович сказал, что ничего против не имеет… **Это еще не все. Николай Степанович еще и поставил условие:** «но только если Маяковский не говорил дурно о Пушкине». Оказалось, что Маяковский *не говорил* дурно о Пушкине. И знакомство состоялось.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1.Стр. 12

Можно было всерьез предположить, что образованный человек всерьез дурно говорит о Пушкине? А в рамках игры,

эпатажа — как раз подтверждающего авторитет дурнословимого Пушкина — почему бы и не позволить? Что за маленький тиран или напыщенный зануда этот Николай Степанович? Или это Ахматова оказывает ему дурную услугу, расписывая, как долго кобенился Николай Степанович, прежде чем согласиться на знакомство с Маяковским?

Если расставить математические значки в отношениях: по версии Ахматовой, Блок равен ей, она равна Гумилеву, Гумилев больше Маяковского, — Маяковский превращается в букашку. Но и в математике дважды два не равно пяти. Наверное, что-то не сходится и в подсчетах Анны Андреевны.

Ну вот, поговорив о каком-то Маяковском, Ахматова снова упоминает равновеликих.

Обоих ждала громкая посмертная слава.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 15

Обоих — это Амедео Модильяни и Гумилева.

Он был провинциален до убожества, обо всем судил с кондачка, самонадеян, ничего как следует не знал и сам себя провозгласил «мэтром».

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 87

О словах Николая Степановича «Я трус» АА очень хорошо сказала: «В сущности — это высшее кокетство».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1.Стр. 106

Почему высшее? Это самое обычное кокетство.

Волков: Она причисляла Гумилева к величайшим русским поэтам XX века. Вы согласны с ней в этом?

Бродский: <…> Ее сентимент по отношению к Гумилеву определялся одним словом — любовь.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 251

Это не так, и Бродский знал, что это не так, но с той мгновенной расчетливостью, которая двигала весь его пиар Ахматовой, он знает, что это объяснение — самое благопристойное. Не говорить же как есть: что она возвеличивает Гумилева, чтобы возвеличиться на его фоне. Ведь только ему она может приписать слова: «Ты научила меня верить в Бога и любить Россию». Не Пушкин же ей это сказал?

Он сказал: «Ты научила меня верить в Бога и любить Россию».
Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 128

Вот в этой фразе она и проговаривается. Если поверить в то, что она пытается доказать — что Гумилев велик, то тогда безмерное значение придается и ей самой — той, которая научила его не больше не меньше как верить в Бога и любить Россию. Недурно, верно? Если она научила этому посредственного поэтишку, это — одно, если Великого Гумилева — совсем другое.

КЛИНИЧЕСКИЕ ГОЛОДА

«Перенесла (три) четыре клинических голода: I — 1918–1921, II — 1928–1932 (карточки, недоедание), III — война, Ташкент, IV — после Постановления ЦК 1946 г.».

Анна АХМАТОВА

Давайте и мы посчитаем голода.

1921 год.

3 февраля.

Вчера в Доме Ученых встретил в вестибюле Анну Ахматову: весела, молода, пополнела! «Приходите ко мне сегодня, я вам дам бутылку молока — для вашей девочки». Вечером я забежал к ней — и дала! Чтобы в феврале 1921 года один человек предложил другому — бутылку молока!

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 157

Такое, наверное, не забывается. Как не забыла бы Марина Цветаева, как на соседней улице в Ташкенте при процветающей Ахматовой ее сын Мур почернел от голода. Украл, был арестован… Дело только еще в том, что ни Чуковский, ни Марина Цветаева не могли такие вещи: голод, быт, довольство, пусть даже напрямую касающиеся жизни и смерти, — считать тем не менее СВОЕЙ жизнью и смертью. Все это было лишь условиями… Тем более не могли спекулировать…

Пропустим второй «голод» — просто карточки.

А вот голод в Ташкенте.
Лидия Чуковская здесь называет Анну Ахматову NN.

«У меня было осложнение, так как меня два дня кормили бараньим супом. Ф.Г. теперь принесет мне куриный».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 507

Квадратная голубая палата, сверкающее окно. При нас принесли ей обед из Правительственной поликлиники.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 500

NN (Анна Ахматова) заходит иногда — по дороге на обед (партактив) или с обеда.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 487

Об ужине у Эйзенштейна с икрой и пр. Черная от голода уборщица.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 486

В академический дом NN переезжать не хочет. Но надо, чтобы ей оттуда давали питание первого разряда.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анна Ахматовой. 1938–1941. Стр. 481

NN прислали пропуск в распределитель ЦК и талон на обеды в дом Академиков.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 454

Для приватного совещания меня пригласила к себе Радзинская. Она решила кормить NN у себя в семье. Я горячо приветствовала эту идею, потому что от столовых обедов NN, конечно, захворает.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 434

Хлеб тоже раздает, яблоки раздает детям, все свои мизерные богатства.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 428

Почему-то купили две бутылки вина и выпили их.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 404

Все писатели пьют. <…> Пьют Толстой и Погодин, Луговской и Антокольский, Ахматова и Городецкий, пьют все.

Георгий ЭФРОН. Дневники. Т. 2. Стр. 136

24.2.42.

Она лежала, О.Р. стряпала какой-то обед и соус «тартар».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 401

«Меня так балуют. Целый день кормят. Ная сделала салат

оливье, Мария Михайловна сварила яйца, шофер Толстого принес дрова, яблоки и варенье».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 373

Мы познакомили Ахматову с Козловскими, и они устроили нам сказочную встречу Нового года с удивительным пловом, приготовленным в котле на дворе, для чего был нанят узбекский повар, шампанским и музыкой. <…> Ахматова читала стихи…

Е. Б. ПАСТЕРНАК. Существованья ткань сквозная. Стр. 436

Февраль 1942 г.

В эти же дни выяснилось, что NN давно уже получила пропуск в магазин, то есть право НА ПАЕК; ее известили — и ОНА ПОЗАБЫЛ А об этом, чудовище **(Мур бы, голодающий там же, в Ташкенте, сын Марины Цветаевой, не позабыл).** Капуста, желе, вино, пшенная крупа, лапша.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 396

Нечкина угощала нас вином, изюмом, орехами и манной кашей.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 360

23.1.42.

Утром ходила заказывать для нее продукты, ведро, а вечером, раздобыв сахар и хлеб, пошла к пей.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 383

6.1.42.

NN лежит, t 36,8. Обедать ходила. **Не на носилках несли.** Очень грустна. Я поила ее чаем с принесенными бутербродами. Завтра принесу ей продукты.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 366

Я зашла к ней и порадовалась: яблоки, яйца, рис. Масло (мое!), хлеб, уголь!.. Все понемногу налаживается.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 357

Первые три голода — это, что она пережила «вместе» со своим народом.

Я была с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Голод после Постановления 1946 года — это уже то, что она ЗАСЛУЖИЛА. Это ее стигматы.

Зощенко и Ахматова были исключены из Союза писателей. То есть обречены на голод.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 243

Так Ахматова диктовала Аманде Хейт.

В самый день доклада Жданова Анна Андреевна, ничего не зная об этом, ходила в Союз писателей за своей привилегированной продовольственной карточкой. Запас, по крайней мере месячный, был сделан.

«Прихожу в комнату, где выдают лимит, и воочию вижу эпидемию гриппа: все барышни сморкаются, у всех красные глаза. Получила лимит, иду домой».

Воспоминания Ахматовой в записи Чуковской.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 37

<…> В Союзе писателей Ахматовой выдавались рабочая карточка, лимит на 500 рублей, пропуск в закрытый распределитель на Михайловской ул. (распределитель был высокого класса. Лимит в 500 рублей был очень ценным. Пунин, как профессор, получал лимит в 300 рублей), книжка для проезда в такси на 200 рублей в месяц.

И. Н. ПУНИНА. Сорок шестой год. Стр. 468

Лимитные книжки, лимиты — так назывались в ту пору повышенные пайки, которые во время войны стали выдаваться ученым с высокими степенями и видным деятелям искусства. Получила «лимитную книжку» и Ахматова.

В. Г. АДМОНИ. Знакомство и дружба. Стр. 342

Писательская братия быстро отреагировала на это постановление. Писатели даже перестарались и лишили ее рабочей продовольственной карточки. Но это вызвало недовольство в верхах, карточку Ахматовой возвратили.

Л. В. ГОРНУНГ. Воспоминания. Стр. 213

Запись Ф. Г. Раневской.

Ее, величавую, гордую, мне всегда было жаль. Когда появилось «постановление», я помчалась в Ленинград. Открыла

дверь А.А. Я испугалась ее бледности, синих губ. В доме не было ничего съестного. Я помчалась в лавку. Она лежала, ее знобило. Есть отказалась.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА.Т. 4. Стр. 42

Я узнал, что в это время Ирина Николаевна и Борис Викторович Томашевские, ее старые и верные друзья, ежедневно посылали ей с кем-нибудь из своих детей горячую еду.

В. Я. Виленкин. Воспоминания

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 50

Жила все-таки не в тайге. Чтобы написать о «клиническом» голоде, надо упрекнуть всех до единого своих знакомых и друзей в Ленинграде, что хлеба размоченного ей не дали.

«Вы знаете, меня это даже утомило: я каждый день получаю такое количество карточек продовольственных, что я не знаю, что с ними делать». Ей анонимные лица посылали <…>. Она говорила: «Не меньше десяти в день я получаю». Я говорю: «Что же Вы с ними делаете, Анна Андреевна?» — «Как что? — Отношу в кассу и беру», — она говорит.

Е. К. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА в записи Дувакина. Стр. 116

29-го [сентября 1946 года] позвонили из Союза и велели прийти за ахматовской карточкой. Дали рабочую карточку за весь прошедший месяц.

И. Н. ПУНИНА. Сорок шестой год. Стр. 470

За август, как мы помним, получила все сполна, за сентябрь — вот, пожалуйста, тоже, все вернули. Ну и народ не забывал. Четвертый клинический голод закончился.

После Постановления ЦК и исключения из Союза писателей Ахматову лишили продовольственных карточек. Она получала крошечную пенсию, на которую жить было невозможно. Друзья организовали тайный фонд помощи Ахматовой. Анна Андреевна рассказала мне об этом спустя много лет, грустно добавив: «Они покупали мне апельсины и шоколад, а я была просто голодная».

Наталия РОСКИНА. Как будто прощаюсь снова… Стр. 525

То есть можно сказать, что, кроме всего прочего, оставшегося без изменений, были еще апельсины и шоколад.

Как говорила Ахматова: «Опровергать надо ТАМ», — и лгать тоже ТАМ. Когда вернется ОТТУДА — мы все поверим.

Ее фото и интервью с нею напечатаны в «Times». Там

говорится, что ей, Ахматовой, пришлось голодать.

Меня это интервью УЖАСНУЛО. Лиде оно по душе. «Ахматова всегда была героична».

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник 1930–1969. Стр. 373

«Героична» — будем теперь знать эго слово — значит: рядилась в тогу героини. Ложью ли, подтасовками прикрывалась — не важно.

Часть VII
КОГДА Б ВЫ ЗНАЛИ, ИЗ КАКОГО СОРА…

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ АХ-МАТЬ-ЕЕ-НИАНА

Посвящается Веничке Ерофееву,
который, как выяснилось,
с Ахматовой за стол бы не сел и
в стакан бы ей не налил.
За его маленькую лениниану —
«Моя маленькая ах-мать-ее-ниана».

Каков слог, какова лексика!

«Все актрисы-чтицы возжаждали читать с эстрады мои стихи! В большинстве такие панельные литовские девки».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 10

Отзывалась о Пушкинском доме крайне резко, назвала его «гнусным заведением» и «лавочкой».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 44

Об Эльзе Триоле:

Какая-то Триолешка даже осмелилась написать…

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 43

«Он был мне физически неприятен. Я не могла, например, когда он целовал мне руку».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 36–37

Я без внимания. Я за вами скучаю. Я не могла…

В значительной части мемуаров к Ахматовой отношение почтительное, если не сказать подобострастное. Однако Ахматова в ярости обращается ко всем грядущим исследователям: «Предупредить против: Маковского — 85 лет, дурное окружение, Неведомской — дурища, Страховский — просто самозванец, Г. Иванов, оболгавший всю эпоху, неграмотный и бездельный хулиган».

Светлана КОВАЛЕНКО. Проза Анны Ахматовой. Стр. 393

«Антимемуарии», «псевдомемуарии».

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 378

<…> Все мгновенно превратится в кучу зловонного мусора. <…> Наглое улюлюканье <…>.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 138

Мой совет: убрать какую-то побочную ублюдочную биографию Гумилева, заменить ее моей.

<…> Вранье Г. Иванова.

<…> Мещанские сплетни старушек.

<…> Мелкого жулика Г. Иванова.

<…> Абсолютно впавшего в детство, злобствующего, умирающего от зависти С. Маковского.

<…> Убогих, мещанских сплетниц вроде Веры Неведомской, с которой Гумилев был мельком в связи.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 138–139

<…> Тупо повторять <…>.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 143

«Вы-то знаете, что я говорю как царскосельская дама 1913 года, но я ведь этого не слышу».

Игн. ИВАНОВСКИЙ. Анна Ахматова. Стр. 618

Мы тоже.

Дешево, вульгарно и к теме диссертации «Ахматова» не имеет отношения.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. *Стр. 138*

О Георгии Иванове:

Как можно русское Возрождение отдать в руки глупому, злому и абсолютно безграмотному педерасту… Это пустой снобик из кузминской своры — сплетник и мелкий, но довольно хитрый дьяволенок.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 107

Попробуйте посчитать, сколько здесь в одной фразе слов информативных и стилистически нейтральных, и сколько — ругательств. Какой счет?

Веру Александровну — наделил ее красотой, умом и т. д., хотя в самом деле это была накрашенная, как литовская девка, мошенница, мелкая спекулянтка.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 107

<… > смрадные «мемуары» Г. Иванова <…>.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 87

Заканчивает перечисления статей, имена, кто может засвидетельствовать, «огромная работа» и пр.

величественным

«Dixi».

Как припечатала.

Анна Ахматова о Марине Цветаевой:

«Тон рыночной торговки».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 305

Стихотворение самой Анны Ахматовой:

А, ты думал — я тоже такая!

Сегодня АА при мне читала про себя «Ariosto». Я сидел рядом в кресле, смотрел какую-то книгу. Вдруг АА с юмором тихо сказала: «Да, жди!» Я взглянул на нее — она продолжала чтение. Я спросил, к чему относится ее замечание. АА рассмеялась, прочла вслух и перевела мне отрывок <…> видит на деревьях надпись, говорящую о том, что его любимая на этом месте имела любовное свидание<…> Он начинает ревновать, пытается обмануть самого себя, сделав вид, что он не прочел надпись и что упоминаемое в надписи незнакомое имя мужчины — не что иное, как неизвестное ему ласкательное имя, каким, вероятно, за глаза зовет его самого любимая. И вот восклицание АА относится именно к этому месту.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 237

А на самом деле — к характеристике ее речи — «да, жди», «я без внимания» и пр.

Бездельник и болтун Маковский.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 61

«Эмигрантский маразм. «Ахматова не могла родиться в Москве». Что за чушь! А если бы моя мама в это время случайно оказалась в Москве? И почему их более устраивает, что я родилась в Одессе?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 313

Мы догадались почему.

«А я без внимания», — сказала Анна Андреевна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 77

«Я на это не стажировала»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 28.

Фуй!

«Он черт знает что написал обо мне. Это черт знает что!..»

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. Стр. 201

«Три дементные старухи написали о Гумилеве воспоминания».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 10

Итак, оказывается, что Гумилева нам описывают три дементные старухи.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 103

«Как можно придавать значение и вообще подпускать к священной тени [Гумилева] мещанку и кретинку А. А. Гумилеву.

Анна АХМАТОВА. Листки из дневника. Цит. по: Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 774

<…> принимают <…> идиотский покровительств<енный> тон <…>.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 101

Перелистывая книгу, проговорила задумчиво, медленно, угрожающе: «Я сделаю… из них… свиное отбивное».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 537

«Невестку Гумилева, крутейшую дуру».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 526

Я ей призналась, что выдвижение на Нобелевскую премию и радует меня за нее и тревожит. Как бы не повторилась пастернаковская история. «А я без внимания», — ответила Анна Андреевна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 511

Прекрасное одесское выражение.

«Моя родственница, жена Мити Гумилева, совершенно меня не знающая, я же знаю о ней одно: большая дрянь».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 511

О воспоминаниях дочери Ф. И. Тютчева:

«У человека удар, два удара, он тяжело больной, умирающий. Идиотка дочь пишет, что отец потерял голову» <…>.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 274

Аренда продлевается, но при условии: там будет жить Ахматова, а не Пунины. Сказала: «Клинический случай идиотизма».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 158

«Какое навозное занятие — выступать», — сказала она.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 448

С негодованием обрушилась на Панаеву: «Хамка, грубая баба, хамка до самых глубин».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 388

«Если вы принесете масла, ветчины, хлеба, то зачем же тогда обедать? Это и будет ВИХОД».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941.Стр. 149

Несколько лет тому назад Анна Евгеньевна уехала с Ириной на Кавказ и не вернулась к началу занятий. «Из школы пришла грозная повестка. Николай Николаевич попросил меня пойти туда, поговорить. Я пошла. Вижу: «Учительская». Вхожу — там какая-то женщина. Протягиваю повестку ей. Она налилась красной кровью, даже похорошела. «Вы понимаете, что ей грозит исключение?» Она ждала просьбы. А я вдруг как заору: «Ну и валите! Исключайте! Мне-то что! Мне наплевать. Я просто соседка по квартире». (Анна Андреевна произнесла эти слова, столь необычные в ее устах, несколько раз — «валите! мне наплевать!» — видимо, радуясь их грубости.) Она как-то вся обмякла и сразу смолкла.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 115

А поговорить в более интеллигентном ключе — пусть с напором, умея постоять за себя, но — сохраняя достоинство? Нет, в Одессе это было бы непонято.

«Приезжала ко мне директорша Гослитиздата. По-моему, стерва». Я громко рассмеялась. Я очень люблю слушать такие слова из ее уст.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 68

А «фуй, какой морд»? Но лучше всегда с эротическим подтекстом — еще смешнее. На самом деле смешно не то, что из «ее уст», настроенных на совсем другой лад — изысканный, величественный, утонченный, а то, что «они» (ее уста) готовы вот-вот перейти на сниженную лексику, перейти не насовсем, а отпустить тщательно отмеренную дозу. Вот этого — ждут, вот это — очень любят. Попробуйте представить себе, что кого-то называет «стервой» Толстой. Вы не находились в сладком ожидании — вам и не смешно. А если скажет так шутник Чехов? Вы рассмеетесь? Ну, простонародное грубое слово — дальше-то что? Мы будем ждать юмора. Его — дождемся. «Стервы» — нет. Но это не моя цель — называть Анну Ахматову в ряду таких имен. Ее здесь не стояло.

«Да, да, не смейтесь, стерва. Я ей говорю: «Стихи мои уже отданы в «Издательство писателей». А она: «Это не беда, лишь бы материал был другой». Какой же это материал, Господи!

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 68

Действительно, это же — Дар небес!

Бродский: Люди, мало с ней знакомые, привыкли думать об Ахматовой, как о царственной даме, которая говорила на языке Смольного института. В то время как Ахматова обожала все эти, как говорится, «выражансы»: «вас тут не стояло», «маразм крепчал».

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 271.

Бродский впадает в несвойственный ему тон приблизительности: почему обожала? что тут обожать? что хорошего в пристрастии к таким выражениям? Бродскому ли употреблять жеманное слово «выражансы»? почему непременно надо разочаровывать малознакомых с ней людей, привыкших к тому, к чему она их сама приучила?

Возможно, это прорывалась усвоенная ею в детстве и юности несдержанность и даже демонстративность реакции, свойственные той южнорусской, особенно одесской, среде, в которой она жила.

В письмах — образчики тогдашнего разговорного стиля: «Не бойтесь, я не зажилю», «Я пускаюсь на аферу», «Фуй, какой морд», «Сначала уроки, випить потом».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 57

Да, не по-бальному.

Юная стеснительная девушка, дочь Натальи Роскиной, навещает по поручению матери Ахматову в Комарове. Подходит к крыльцу дачи, и хозяйка замечает гостью.

«О, кого мы имеем!» — произнес удивительный голос.

И. В. БОРИНЕВИЧ-РОСКИНА. Воспоминания девочки. Стр. 131

Нина Антоновна Ольшевская-Ардова о сочинении Анной Андреевной стихов:

<…> Впоследствии Анна Андреевна вспомнила покаянно: «..я просто обалдела…»

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 501

«Я просто не знаю ни одной фразы, которую могла бы сказать в ее защиту. Я не знаю такой фразы. **Даже для магнитофонной записи слишком даже уже не небрежное, а безграмотное выражение: «Какие он слова сказал тебе?»** — «Анна Андреевна, а что она сказала Ланскому перед смертью?» — «Это уже красота…»

Л. ШИЛОВ. Звучащие текста Ахматовой. Стр. 226

Отрицательный жест головой: «Ни».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 570

К материальным благам по-прежнему «без внимания» (ее выражение).

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 591

Фуй!

Надежда Яковлевна Мандельштам причину серьезности Ахматовой в разговорах со мной видела именно в ее собеседнике. По ее мнению, именно моя почтительность и ненастроенность на юмор вынуждали ее так себя вести. Действительно, способ обращения Штока, называвшего ее в лицо «старуха» и

рассказывавшего ей только смешные истории, Ахматовой, по слухам, нравился. При мне у Ардовых она так же участвовала в обмене остротами и анекдотами, как за столом у Рожанских — в разговоре на пушкиноведческие темы. Я слышал и о таких компаниях с участием Ахматовой, где присутствующие в своей словесной невоздержанности далеко шли по пути бахтинского карнавала. Она понимала вкус грубой шутки. Как-то Анна Андреевна сказала мне: «И как мы разговариваем? Обрывками неприличных анекдотов». **(Но не все мы так разговариваем.)** Один из таких обрывков она любила особенно. Не раз я слышал от нее реплику: «Тоже красиво».

Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. Стр. 479

«Великая душа» ведет себя так, как ее заставляют. Холопы желают царицу — она царственна, ардовцы видят трусливую бабу, желающую всем понравиться, — она проглатывает все их «смрадные репризы» и угодливо выдает свои: мол, «жопа» по-польски — это тоже красиво.

Бродскому она тоже подчинялась, конечно, как более сильному.

Ему и посвящалось:

«В конце концов, поэту хорошо бы разбираться, где муза и где блядь».

Анатолии НАЙМАН. Великая душа. Стр. 381

МРАК И МЕЛАНХОЛИЯ

Бродский: Главная феня Ахматовой — это афористичность.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 270

Особенно любила Анна Андреевна писать афоризмами в личной переписке: наверное, представляла, как, польщенные, потрясенные, ее адресаты получают драгоценный конверт, вскрывают, читают, заучивают наизусть и пересказывают знакомым: надо же, о простых житейских вещах пишет, но КАК! Вы только послушайте! Она, наверное, не может иначе…

2 июня.

АА — И. Н. Томашевской

У меня новый дом с огромными тополями за решеткой окна, какой-то огромной тихостью и деревянной лесенкой, с которой хорошо смотреть на звезды.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 86

«Маргарите Алигер в долготу дней. Ахматова»

Всем — в долготу дней. Ей казалось, что выдумала красиво. Так подписано бесчисленное множество ее книг.

Перевелись ли у вас комары? Мы с Толей заканчиваем перевод Леопарди, а в это время стихи бродят где-то далеко, перекликаясь между собой, и никто не едет со мной туда, где сияет растреллиевское чудо — Смольный собор.

Анна Ахматова — Иосифу Бродскому.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 343

Это она пишет письмо в ссылку Бродскому — тому самому, у кого «безумные глаза» и «обещание любви еще до первой встречи». Он, правда, утверждает, что ей не обещался. Милые дамы! Будем брать на вооружение прием?

Письмо Ахматовой — Л. Н. Гумилеву в лагерь в поселке Карабас Карагандинской области.

«Дорогой Левушка. Лежу — простужена — болит горло и голова. Я очень печальная и у меня смутно на сердце. Пожалей хоть ты меня».

17 сентября 1954 года.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 108

Перл ее эпистолярной афористичности — переписка с одним из «ленинградских мальчиков» — Анатолием Найманом.

«Сегодня Ира сеет привезенный Вами мавританский газон около будки, костер сохнет, кукушка говорит что-то вроде ку-ку, а я хочу знать, что делает Ваш тополь?»

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 234

Анатолию Найману двадцать три года. Он очень красив.

«Вы» с прописной буквой — это называется интимной поэзией — лучше интимной манерностью. Этот «мальчик» — **не может успокоиться критик. Есть с чего.**

Д. ТАЛЬНИКОВ. Анна Ахматова. Четки. Стр. 100

Мальчик сказал мне: как это больно.
И мальчика очень жаль.

Кстати, иногда ей кажется более интересным тыкать — там, где прав у нее уж точно не было. Чтобы застолбить за собой эту привилегию, а, с другой стороны, не натолкнуться на законное недоумение, облекает свои слова в бессмысленно-пафосную форму.

Надпись Блоку на книге «Четки»:

«От тебя приходила ко мне тревога и уменье писать стихи».

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 376

Эти ее «ты» Блоку и «Вы» с прописной буквы Найману — такое жеманство.

«Ира и Аня единственные люди на земле, которые говорят мне «ты».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 101

Ну а она тыкает еще и Блоку. Основание для этого — ее умение писать стихи.

Но продолжим переписку с Найманом.

«А по Комарову уже бродят «морские белые ночи», кричит кукушка и шуршат сосны. Может быть, там ждет меня книга о Пушкине».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 260

А может, не ждет.

«Вот и моя московская зима пришла к концу. Она была трудной и мутной. Я совсем не успела ничего сделать, и это очень скучно».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 259

И мальчика очень жаль.

И знаете вы новую манеру ухаживать? — с веселой улыбкой сказал Пьер. — Теперь, чтобы понравиться московским девицам, il faut être melancolique. Et Il est tres melancolique aupres de m-lle Жюли Карагин. (Надо быть меланхоличным. Он очень меланхоличен при ней.)

Жюли была особенно ласкова к Борису: жалела о его раннем разочаровании в жизни, предлагала ему те утешения дружбы, которые она могла предложить, сама так много пострадав в жизни, и открыла ему свой альбом. Борис нарисовал ей в альбоме два дерева и написал: «Arbres rustiques, vos sombres rameaux secouent sur moi les tenebres et la melancolie». («Сельские деревья, ваши темные сучья стряхивают на меня мрак и меланхолию».)

Лев ТОЛСТОЙ. Война и мир

«Писать все труднее от близости встречи. Я совершенно одна дома. Вокруг оглушительная тишина».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 234

Семиклассница могла бы тоже так писать.

Приди, приди. О мой кумир!

Влюбленные, кокетливые, позерские письма. Джульетте, как мы помним, за семьдесят. Она совершено одна дома. Что делает Ваш тополь (вопрос, возможно, к Фрейду)?

«Сегодня день опять был серый, пустой и печальный. По новому Мишиному радио услышала конец русской обедни из Лондона. Ангельский хор. От первых звуков — заплакала».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 233

Неужели правда — заплакала? При такой чувствительности можно было бы проявлять и большее усердие в посещении храмов по месту жительства. И в Москве, и в Ленинграде много церквей с ангельскими хорами. И ей нетрудно было бы съездить — возили же ее кататься беспрестанно. В церкви постоять. Или посидеть — слабым не возбраняется в очень многие моменты. Плачь — не хочу. Ну, это у кого есть потребность в практике религиозной жизни. Ахматова церкви не посещала.

«Саша расскажет Вам, что я делаю. А в самом деле я сонная и отсутствующая».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 233

«Напишите мне совсем доброе письмо».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 233

Интонация Лили Брик, которая пишет такие детские фразы (в ее случае, правда, это вопрос не вкуса, а близости).

<…> Он был смел, а на стене в его квартире в беспросветном Зюзине красовалась фотография Анны Андреевны, снятой на пленэре, с ее автографом наискось ТОШЕ ЯКОБСОНУ — ПОД ВЯЗАМИ (не знаю, отчего ПОД ВЯЗАМИ — наверное, то был намек, понятный только Тоше, но факт оставался фактом: помимо четырех ленинградских АХМАТОВСКИХ МАЛЬЧИКОВ, были МАЛЬЧИКИ и московские, и Тоша состоял некогда одним из них).

Николай КЛИМОНТОВИЧ. Далее — везде. Стр. 128

А были ли вязы? Это можно воспринять как намек, если быть уверенным, что она знала, что такое вязы. Климонтович предполагает, что был именно намек, а на самом деле так многозначительно она писала всегда. Намек на возможность намека. Это 1948 год.

О «Поэме без героя».

«Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день»…

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 53

Записка А.А. — Пунину:

Если у тебя не злое сердце — позвони мне. Тебе бы только все губить. А ты знаешь, как трудно исправлять. Мне темно и страшно.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 136

И темные сучья осыпают ее мраком и меланхолией.

ОВЦА ПЕРЕД МОЛОДЦАМИ

Такие люди часто встречаются — властные, вздорные, требовательные. Это врожденное свойство, как тип темперамента или цвет волос, — но это совсем не свидетельствует о силе личности или там величии души. И часто эта усложняющая жизнь черта дополняется трусоватостью, человек сам пугается своих претензий к окружающим. Если, конечно, ему не потакают. Анне Андреевне Ахматовой потакали во всей ее фанаберии, некоторые подчинялись даже со сладострастием — но сама она была откровенно осторожна, и при малейшей опасности сразу пасовала, сильным уступала с предупредительностью.

Самая гроза таких «королев», лакмусовая бумажка — прислуга, горничные, официанты.

Ну а знакомые, которые поделикатнее, — это для наших молодцов хоть отдушина.

АА рассказывала Данько, как она была на днях у Сологуба (Сологуб живет в Царском Селе). «Федор Кузьмич очень не любит, когда к нему рано приходят. Я знала это, но все-таки пошла рано — из зловредства, конечно! Он, встал, но был еще в халате, пошел переодеваться, просил извинений у меня, что так поздно встает!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 122

Маня приносит суп, которому уже 4 дня. АА недоверчиво смотрит на него. Велит Мане убрать суп, а ей сделать чай и пойти за провизией. «Только недолго ходите, Манечка», — ласково говорит АА. «Манечка» исчезает на 2 часа.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 172

Более сильных она не гоняет, не зловредничает с ними.

«Но здесь вы все-таки лечитесь, уход за вами хороший. Хороший или нет, скажите?» — «Хороший… Но там лучше, там Маня была, я за каждым пустяком могла ее крикнуть, а здесь я стесняюсь…»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 110

У нее совсем нет барских манер — настоящей барыни, знающей правила.

А вот так она себя ведет, когда чувствует себя в силе.

Обнаружив на кухне свет, она резко сказала пунинской домработнице: «Погасить сейчас же. Это квартира коммунальная,

и я не хочу из-за вас сидеть в лагере». Я в первый раз слышала, чтоб она говорила с кем-нибудь в таком резком и раздраженном тоне.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 204

Ирину Пунину Анна Андреевна под конец жизни стала «позиционировать» как свою дочь. Можно было рядиться в какую-то семейственную, светски-условную, осложненную жизненную ситуацию.

Из Ленинграда ее зимой выгоняли, чтобы она не путалась у Ирины Пуниной под ногами, и всю зиму она слонялась по Москве.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 351–478

Если у Пунина это была хорошо продуманная поза (надо полагать, он прекрасно понимал значение Ахматовой), то у его бывшей жены и дочери-подростка пренебрежение к литературному имени Анны Ахматовой было вполне искренним.

Э. ГЕРШТЕЙН. Тридцатые годы. Стр. 252

Никакого вынужденного кочевья у нее не было. Она уступила — как всегда трусила перед сильнейшими — Пуниным право называться ее семьей, и не смогла себя поставить так, чтобы жить в своей квартире. А квартира была ее, она могла туда взять компаньонку и жить хозяйкой.

Хотя в Ленинграде Союз писателей предоставил квартиру в писательском доме Ахматовой (не Пуниным), они, живя с нею, не считают себя обязанными создавать в этой квартире быт по ЕЕ образу и подобию, соответствующий ЕЕ работе, ЕЕ болезни, ЕЕ нраву, ЕЕ привычкам. Сколько бы они ни усердствовали, выдавая себя всюду за «семью» Ахматовой, — это ложь. Никакая они не семья. Я-то ведь помню Ирину в 38 году, как она обращалась с Анной Андреевной еще в Фонтанном доме.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 27

«Ирочка и Аничка никогда не помнят ничего, что меня касается. Они хотят жить так, будто меня не существует на свете. И им это удается вир-ту-о-зно!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 277

Пуниным позволялась холодность любого градуса.

На Лидии Корнеевне Чуковской можно было показывать величие.

Второй раз я помню ее такой же статуей возмущения, когда мы вместе шли под вечер в гости к Пешковым в Ташкенте. Тьма наступила, как всегда там, мгновенно, и, разумеется, никаких фонарей. Анна Андреевна уже бывала у Пешковых, я — никогда. Но она стоит неподвижно, а я бегаю в разные стороны, тычусь в чужие ворота, из одного переулка в другой, тщетно пытаясь найти табличку. Анна Андреевна не только не помогает мне, но гневным молчанием всячески подчеркивает мою виноватость: я неквалифицированно сопровождаю Анну Ахматову в гости.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 502

Анна Андреевна хотела, чтобы новые вещи были непременно сверены с корректурой <…>, которую держал Михаил Леонидович. Я позвонила в издательство нашей милой Тане, но она сказала, что корректура уже ушла в типографию и ничего поделать нельзя. Анна Андреевна сердилась и заставляла меня звонить несколько раз: «Скажите ей, что дефективная старуха ничего не понимает и требует». Но я-то понимаю, и мне было неловко перед Таничкой, которая и без моих звонков все готова была сделать для Анны Андреевны <…>. Мы работали запоем, почти не отрываясь с четырех часов дня до часу ночи. Когда мы кончили, я позвонила Анне Андреевне — она просила, чтоб я принесла верстку не утром, а сейчас же. Я принесла.

Вчера вечером **(то есть почитав, выспавшись и отдохнув)** она пришла ко мне с портфелем. Вялая, раздражительная — по-видимому, суета вокруг книги утомляет ее.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 106

На днях Анна Андреевна позвонила мне и, узнав, что в субботу я собираюсь вечером к Маршаку, попросила заехать за ней к семи часам, захватив ее к Самуилу Яковлевичу, а потом, в десять, доставить в гости — к Вил.? Вит.? — я не разобрала фамилию <…>.

Я еле-еле выкричала, вымолила машину к девяти. В начале десятого я приехала на Ордынку и застала Анну Андреевну молчаливо негодующей. Я была виновата в ливне, в опаздывании, она встретила меня, как провинившуюся школьницу. <…> Села в машину сердитая, сказала шоферу адрес и отвернулась к окну. Со мной ни слова. Льет дождь, подрагивают щетки на стекле

перед шофером, он медленно ведет машину сквозь завесу ливня, еле-еле разбирая тусклые номера домов. Я никогда не была здесь <…>, Анна Андреевна бывала, но молчит, отвернувшись. Наконец, шофер, несколько раз выбегая под дождь, нашел номер и въехал во двор: во дворе — разливанное море <…>. Теперь надо найти подъезд и квартиру. Анна Андреевна молчит, хотя, быть может, знает. Мы с шофером бегаем по колено в воде, ищем подъезд. <…> Наконец, и подъезд найден.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 502–503

Речи бы и быть не могло, чтобы Ахматова потягалась с Пастернаком…

Вот Ольга Ивинская попалась на воровстве. Ахматова ненавидела ее, но хотела разгребать жар чужими руками, сама бы Пастернаку не сказала ни в коем случае, это могло бы значить потерять такие престижные отношения; вот бешено настраивать Чуковскую — это ее дело.

<…> «Такие… они всегда прирабатывали воровством — во все времена — профессия обязывает. Но обворовывать человека в лагере! — она подняла глаза. Камень ожил. — Самой находясь при этом на воле!.. И на щедром содержании у Бориса Леонидовича… и не у него одного, надо думать… Обворовывать подругу, заключенную, которая умирает с голоду… Подобного я в жизни не слыхивала. Подобное даже у блатных не в обычае — между своими. Я надеюсь, вы уже объяснили Борису Леонидовичу, кого это он поет, о ком бряцает на своей звучной лире? Образ «женщины в шлеме»! — закончила она с отвращением цитатой из стихотворения Пастернака. Я ответила: нет, не стану… И тут вся ярость Анны Андреевны, уже несдерживаемая, громкая, обрушилась с Ольги на меня. **Она хотела бы, чтобы Пастернак поругался с Лидией Корнеевной, выгнал бы ее, а Ахматова потом ни словом бы не заступилась, но дело было бы сделано.** Она не давала объяснить, ПОЧЕМУ я не желаю рассказывать Борису Леонидовичу об Ольгиной низости, она кричала, что с моей стороны это ханжество, прекраснодушие — Бог знает что.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 208

При таком неистовстве — ну что бы не сказать самой?! — нет, не скажет, побоится.

Нина Антоновна Ольшевская и ее муж Виктор Ефимович Ардов — еще одна «дружба», «семья» Ахматовой — им это

было интересно и, как более сильные люди, они полностью подмяли ее под себя. Она жила у них в Москве — пока не надоедала («не оставалась дольше, чем этого хотели хозяева»), проживание — оплатила. Доброхоты (как всегда, Ахматову нужно защищать с разных сторон, у нее нет СВОЕЙ, одной позиции, поэтому нападки на нее даже по одному и тому же поводу всегда многогранны) говорили, что она заплатила автомобилем за проживание сыну Ольшевской Алексею Баталову (мол, не могла не заплатить, ведь занимала жилплощадь и пр. — это когда ее упрекали в том, что недопосылала денег Льву Николаевичу в тюрьму, то ли скупилась, то ли все время забывала, сколько положено и пр.).

Это хорошо, что платила за себя. А что называла друзьями, дочерью — тех, кому НЕОБХОДИМО было платить — уже не так. В этом можно было бы разбираться.

Ардовы были людьми влиятельными (в артистических и светских кругах — единственно значимых для Анны Андреевны), богатыми и понимали, что для Ахматовой, по ее вкусам и представлении о жизненных ценностях, они — сила.

Вот как они познакомились, по словам Нины Антоновны:

«Когда она гостила у Мандельштамов, и я видела, как она подымается по лестнице, я обалдевала. С Мандельштамами мы уже были знакомы. И однажды мы с Виктором поднялись наверх и представились Анне Андреевне».

Э. ГЕРШТЕЙН. Тридцатые годы. Стр. 252

Обычно такой способ знакомства вызывал у нее ярость. Но — когда не в писательском доме, не с зажиточным эстрадником…

Помню, как поздней осенью 1955 года ко мне без телефонного звонка зашла одна моя приятельница и застала у меня Ахматову. На моих глазах Анна Андреевна облачилась в свою непробиваемую броню и уже только на вопросы отвечала и то кратко. Приятельница моя оробела, не засиживалась, я ее не удерживала и, одеваясь в передней (а я провожала), она говорила не полным голосом, а шепотом, будто рядом больной. Сильное впечатление умела произвести Ахматова на свежего человека!

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 591

Ардовы сказали Иосифу Бродскому, позвонившему им

после осуждения: «Забудьте этот номер», ссорили Ахматову с сыном, водились с самыми темными людьми…

Меня очень смешат шутки Ардова, которые Анна Андреевна выносит с благосклонной полуулыбкой. Он постоянно «снижает» величавость Ахматовой, называя ее то «m-me Цигельперчик», то «жиличка», то «командировошная из Ленинграда». Когда она при мне вошла в столовую в шуршащем лиловом халате — Ардов сказал, поднимаясь ей навстречу: «Благословите, отец благочинный».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 83

Ардов: «Анна Андреевна! Не скрывайте своего возраста, иначе все будут думать, что вам уже сто лет!»

Л. ГОРНУНГ. Записки об Анне Ахматовой. Стр. 215

На горизонте — иностранка, тем более такая, какую можно приспособить к писанию биографии Анны Ахматовой под диктовку.

Вчера Анна Андреевна по телефону настойчиво просила придти. Звала она меня для встречи с Амандой. Однако Аманда явилась не сразу.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 217

Когда появился «волшебный хор», она превратилась в полностью безвольное существо, трусила.

Она прощала Бродскому, и никому больше, житейскую необязательность, как например, когда он должен был встретить на вокзале приезжавшую из Риги пожилую ее невестку Ханну Вульфовну Горенко с вещами и то ли забыл, то ли проспал. Когда часа через два мы все съехались наконец к Ахматовой, кипел и пыхтел я один, а ни та, ни другая, ни, главное, он виду не подавали, что что-то произошло, о чем стоит говорить, ни Ханну жалеть, ни Иосифу пенять. «Бывает» — как мне сказала потом, улыбнувшись, Ахматова.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 368

Чуковская доработалась в помощь Ахматовой до кровоизлияния в сетчатку, но попросить передышки не смеет — ученая.

Лифт не работал. Фина волокла четыре папки, а я две. С точки зрения медицинской науки мне уже полагался в то время постельный режим. Но, к счастью, еще ни я, ни наука не знали о

кровоизлиянии в сетчатку. Глаз не болел; одышка и стук в висках. Дотащилась я до верху кое-как. Не желая навязывать Анне Андреевне свое знакомство, Фина, сгрузив папки у двери, кинулась по лестнице вниз.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 176

В 60-е годы у нее разве не было «знакомых мужчин перевозить тиражи»??? Разве ей некому было из молодых людей приказать помочь? Она не хотела растрачивать кредит своей великосветскости, который «волшебный хор» оценивал только в усилия на то, чтобы броситься подвигать ей стул — не больше.

РЮМКА ВОДКИ

Вроде и ни к чему об этом писать: о том, как женщина попивает, даже если это и не к лицу ей — не по-французски пьет, не по-царскосельски, но все-таки попробуем.

Когда я получил неожиданный гонорар и хотел пригласить в ресторан всю ордынскую компанию, она посоветовала вместо этого купить ведро пива и ведро раков. Я так и сделал, купив пива в Кадашевских банях, и, дочерпывая со дна остатки пива после еще одной или более ходок в те же бани, Ахматова с таким же красным и отяжелевшим, как у остальных, лицом, произнесла: «Дай Бог на Пасху, как говорил солдат нашей няни».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 278

Водку пьет, как гусар.

С. К. Островская.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т.3. Стр. 108

О ее пьянстве во время войны в сытом для нее Ташкенте здесь я писать не буду, это совсем о другом.

Я затеял с ней какой-то спор, что все-таки стихи хорошие, и нельзя так, Анна Андреевна, — по личной симпатии… И она вдруг: «А что вы в свертке-то принесли?» Я: «Да вино там». — «Да я вижу, а какое?» Я говорю: «Анна Андреевна, а не все ли Вам равно? Ну, придут гости, поставим вино. Разное там вино: есть для дам, есть для нас с Вами». Она: «Ну давайте все-таки посмотрим!» В общем, мы с ней бутылку выпили до всяких именин.

М. Д. ВОЛЬПИН в записи Дувакина. Стр. 270

«Александр Трифонович всю жизнь полагал, будто я этакая чопорная, чинная строрежимная дама».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 268

Скажем прямо — фрейлина. Он, правда, попроще смотрел на это дело.

«Я все же с некоторой опаской — женщина немолодая, может быть, сердечница — спрашиваю ее: а не отметить ли нам некоторым образом ее награждение? «Ну конечно же, конечно!» — обрадовалась она. «Тогда, может быть, я закажу по этому поводу бутылку какого-нибудь итальянского?» И вдруг слышу от

нес: «Ах, Александр Трифонович, а может быть, водочки?»

А. И. КОНДРАТОВИЧ: Твардовский и Ахматова. Стр. 678–679

Ну не в России же умиляться, что женщина пьет — крепкую.

— Пойдем лучше водку пить и уху есть, — сказал он <…>.

Она кокетливо затопала ногами:

— Да, да, водки, водки! Чертов холод!

Иван БУНИН. Визитные карточки

Она <…> была радостно возбуждена, по-видимому тем, что хорошо поладила с редактором и написала эту страницу — а тут еще выпила с Ильиной бутылочку муската и совсем развеселилась. Анна Андреевна оттаивала на глазах: лицо порозовело, заблестели глаза и больше не было ахматовских поднятых скорбных бровей. Говорила она без умолку.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 128

Бродский: Конечно, были в ее окружении люди, которые этого не переносили. Например, Лидия Корнеевна Чуковская. При первых признаках ее появления водка пряталась под стол и на лицах воцарялось партикулярное выражение. Вечер продолжался чрезвычайно приличным и интеллигентным образом. После ухода такого непьющего человека водка снова извлекалась из-под стола. Бутылка, как правило, стояла рядом с батареей. И Анна Андреевна произносила более или менее неизменную фразу: «Она согрелась».

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 237

Пример ее остроумия.

Волков: Анна Андреевна любила выпить. Немного, но…

Бродский: Да. За вечер грамм двести водки. Я помню зиму, которую я провел в Комарове. Каждый вечер она отряжала то ли меня, то ли кого-нибудь еще за бутылкой водки.

Волков: Когда Ахматовой наливали, то всегда спрашивали — сколько налить. И Ахматова рукой показывала, что, дескать, хватит. И поскольку жест был — как все, что Анна Андреевна делала — медленный и величественный, то рюмка успевала наполниться до краев. Против чего Ахматова не возражала.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 237

Мы с Анной Андреевной сидели вдвоем. Она сказала: «Чем бы вас угостить? — и, глядя искоса, как бы прощупывая почву,

добавила: — Может быть, купить вина?» Я мгновенно вскочила и выразила горячее желание тут же пойти и принести вино… Какое-то время спустя, вспоминая этот гостиничный визит, Анна Андреевна говорила с усмешкой: «Помнится, вы очень оживились при слове «вино».

Наталия ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 571

Анна Андреевна вообще была неразговорчива. Более того, у нее была тягостная манера общения. Лишь изредка Анна Андреевна оживлялась как собеседница. Иногда — после нескольких глотков вина.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 285

Бродский: Помню наши бесконечные дискуссии по поводу бутылок, которые кончаются и не кончаются. Временами в наших разговорах возникали такие мучительные паузы: вы сидите перед великим человеком и не знаете, что сказать.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 237

Важно то, с кем она садилась за стол, а еще важнее, как во всем — кто за стол бы с ней не сел. Спросим эксперта.

Мы однажды говорили о прозе и меня спросили: каким критерием мерить? И я сказал: очень простым критерием — сколько я б ему налил, это абсолютно точный критерий. Астафьеву ни грамма, Белову — ни граммули, Распутину — и то погодя, ну туда-сюда грамм сто, Василю Быкову — полный стакан, даже с мениском, Алесю Адамовичу — даже сверх мениска, ну и так далее.

Венедикт ЕРОФЕЕВ. Интервью. Стр. 281

А Ахматовой он бы нисколько не налил. Он и за стол бы с ней не сел.

Не любит Ахматову. Даже раздраженно сказал: «Терпеть не могу эту бабу!» Я так оторопела от этих слов, что даже не спросила: «За что же? За рассудок? За ясность мысли? За что?»

Наталья ШМЕЛЬКОВА. Последние дни Венедикта Ерофеева. Стр. 70

А я знаю за что.

«БЕСПОМОЩНОСТЬ»

Она была очень внимательна. Чужие привилегии чувствовала, отделенная от них веками и километрами. Владимир Маяковский был ближе и его благополучие распространялось и на Лилю Брик — это невозможно было так оставить…

И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.

Вот ее слова: «Он даже не знал, какая это в наше время роскошь — иметь каждый день чистую рубашку».

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 36

А ведь кое-какая роскошь и ей самой казалась естественной — когда ей расчесывали волосы, набирали номер телефона, подавали палку…

Как ты? Как доехала со своим розовым платочком, смешная. Все удивляются твоему отъезду; я же — твоей развернутой активности — сама взяла билет!

Письмо Н. Пунина.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 333

Таня предупредила, что со следующего месяца не станет кормить ее обедами. <…> «Быть может, Пунины разрешат своей домработнице варить мне обед».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 192

Письмо В. Ф. Румянцевой — М. Н. Иконниковой.

Приезжаю. Звоню. Отпирает сама. На диване неубранная постель. Говорит прислуге: «Ах, Катя, вы еще не убрали, убирайте скорее». Прочитала письмо. «Я сама собираюсь в Москву. Не знаю точно, за мной должны приехать и увезти меня». «Вы нездоровы?» — «Нет, просто тяжела на подъем».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 136

Она остановилась в то время в Музее Новой западной живописи, это был Морозовский особняк, теперь это

Кропоткинская 21, Академия художеств. Там была комната ее бывшего мужа Шилейко, которая еще была за ним как за музейным работником. В это время какая-то служащая музея вошла в комнату и сказала, что купила Анне Андреевне папирос, но хлеба купить не успела, хлеба и сахару. Я вызвался сбегать в булочную.

Л. В. ГОРНУНГ в записи Дувакина. Стр. 94–95

Вошла домработница Оля — постлать постель на ночь.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 136.

АА полушутя говорит, что у нее есть 25 % сил любой самой обыкновенной женщины, которая служит, работает — например (очень слабой) Е. Данько или А. Е. Пуниной. Боюсь, что в действительности — и этих 25 % не насчитать.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 249

Да нет, с силами все в порядке. Это больше, по ее выражению, «зловредство».

3.04.1927.

Два-три человека ушли раньше, а все остальные оставались до утра. Вышли все вместе сегодня часов в девять утра.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 247

Так она ведет светскую жизнь — это она оставалась веселиться до утра. А если бы у нее были все 100 %?

Сил хватает и работать на того, кто с ней не церемонится.

Дрова АА колола три года подряд — у Шилейко был ишиас, и он избавлял себя от этой работы <…>.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 248

АА надорвалась от поездки в Царское село (в 21 г.?): «Пешком на вокзал, в поезде все время стоя, потом пешком на ферму… Уезжала с мешками — овощи, продукты, раз даже уголь для самовара возила… С вокзала здесь домой — пешком, и мешок на себе тащила».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 415

В юные годы, когда АА жила в Шереметевском доме, на всякие черные работы ее заставляли <…>: «Несколько раз чистила помойную яму вместе со всеми». Самой легкой считала для себя чистку снега на Фонтанке.

В доме была тогда общая кухня. Чистили и приводили ее в

порядок <…>. АА тоже мыла и убирала ее. Раз после такой уборки управдом сказал совершенно обессиленной АА, чтоб она очистила от листьев участок сада. Она еще несколько часов работала. Оказалось, что управдому понадобилось очистить для разведения собственного огорода.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 265

Сейчас проводила Анну Андреевну в Ленинград. <…> Анна Андреевна схватила меня под руку, и мы пошли вперед по оснеженной платформе. За нами — друзья, которые ее привезли: Надежда Яковлевна, Нина Антоновна и Миша с чемоданами. На лице у Анны Андреевны вечная ее дорожная тревога, растерянность, такая неожиданная в ней. «Где билеты? Где сумка? Где палка?» В купе Нина Антоновна дала ей валидол, сняла с нее платок и шубу, вложила в руки сумку. И сразу она выпрямилась и закоролевилась.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 347

В Италии, на пути к мировой славе, ей не дали даже сопровождающего. Делать гневное лицо и безумные глаза было не перед кем.

Машина остановилась около крутой высокой каменной лестницы. Когда я узнала, что никакого другого входа нет, я замерла. Акума меня одернула и, впившись в мою руку, начала подыматься с решительностью, которую проявляют люди, готовые к любому рискованному шагу.

И. Н. ПУНИНА. Анна Ахматова на Сицилии. Стр. 664

Ира увезла Анну Андреевну от нас осваивать свою дачу. Не успела она уехать, как я получила от нее душераздирающую записку: «Милая Сильва! Против окна моей комнаты строят дровяной сарай. Взываю к вам! О! Помогите! Целую. Ваша Ахматова. Привет А. И.». Я тут же побежала к ним на Кудринскую, дала плотникам на пол-литра, и они не задумываясь перенесли сарай к забору. В житейских делах она была беспомощна.

Сильва ГИТОВИЧ. В Комарове. Стр. 507

Сегодня, с трудом вырвав время (у меня корректура), я провожала ее к Маршаку <…>. Самуил Яковлевич послал за ней машину. Одна — то есть с шофером — ехать она боится. Боится сердечного приступа, боится улицы, боится шофера. Встретила меня Анна Андреевна нарядно причесанная, в белом костюме, прижимая к груди черную книжку. Едет дарить.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 471

Анна Андреевна в Болшеве <…>.

Мне пришлось обождать в коридоре: у нее массажистка. 15 минут слушала я из-за двери махровые пошлости об ахматовских стихах. <…> Выглядит она хорошо, лицо без отеков, свежее, даже чуть загорелое, но впечатление это обманчиво, она грустна и жалуется на слабость. <…> «Жить в санатории одна я больше не могу. Следующий раз непременно возьму с собой Иру. Одна я не в силах».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 277–278

Машины у Корнея Ивановича сегодня нет. Я заехала за Анной Андреевной в такси и предупредила ее: возвращаться будем поездом, а до вокзала полтора километра, и часть пути в гору <…>. Не успели мы сделать по шоссе и двадцати шагов, как Анна Андреевна с упреком стала спрашивать меня, скоро ли вокзал. <…> Раздраженно, требовательно спрашивала: «скоро ли?» и «почему мы так долго не приходим?» и «где же вокзал?» Я ответила резко: «до вокзала еще километр и притом в гору»… Теперь мне стыдно вспомнить <…>. К счастью, повстречалось такси; Бонди усадил нас в машину и мы доехали благополучно.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 219–220

<…> Она боится, что Сурков предложит ей квартиру в Москве. **В довершение к остальным гонениям.** Она не хочет. Почему? Говорит, потому, что если она переедет сюда — в ее комнату в ленинградской квартире кого-нибудь непременно поселят и, таким образом, Ирина окажется в коммунальной квартире. Но я думаю, тут не только в Ирине дело. Анна Андреевна жить одна не в состоянии, хозяйничать она не могла и не хотела никогда, даже и в более молодые годы. <…> Ей гораздо удобнее жить в Москве не хозяйкой, а гостьей. «Не знаю, как быть, — сказала она со вздохом. — Нина Антоновна и Николай Иванович требуют, чтобы я согласилась».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 75

То есть им тяжеловато.

Я осведомилась, хорошо ли она справляется с лифтом. «Великолепно! <…> Великолепно! Я, конечно, с легкостью

поднимаюсь и опускаюсь, вот только на кнопки нажимать не умею».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 75

Она не дала какое-то великое стихотворение в последний сборник. Почему?

«Вы будете смеяться, господин учитель. Не дала потому, что, начав переписывать, не знала, как расставить знаки».

А те, кто ночами для нее правит корректуру, на что?

(Со знаками [препинания] у нее такая же мания, как с переходом через улицу; она их расставить МОЖЕТ очень хорошо, но почему-то не верит себе и боится).

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 147

Анна Андреевна через год сама объяснит: «Это из зловредства!»

Вчера я сильно устала днем и, вернувшись из библиотеки, легла. Звонок. Говорит Владимир Георгиевич: «Анна Андреевна нездорова и умоляет вас придти». Я отдохнула немного и пошла. Пошла, хотя и понимала, что ничего не случилось, что она просто не спала, ей тоскливо и она хочет, чтобы кто-нибудь сидел возле.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 98

Действительно, она «просто не спала».

В половине третьего ночи я отправилась ее провожать. Когда мы пересекали Невский, совершенно в эту пору пустой, и только что ступили на мостовую, Анна Андреевна спросила у меня, как всегда: «Теперь можно идти?» — «Можно», — сказала я, и мы сделали еще два шага к середине. «А теперь?!» — вдруг закричала она таким высоким, страшным, нечеловеческим голосом, что я чуть не упала и не сразу могла ей ответить.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 75

Ну, это уже перебор.

В Ленинграде. До войны.

Сегодня Анна Андреевна позвонила мне и попросила придти к ней. По правде сказать, просьба довольно безжалостная, ибо мороз — 35. Но я надела валенки, обмоталась платком и пошла. <…> Я принесла ей полпачки чая. Она обрадовалась и сразу

включила чайник.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 68

Вчера вечером Анна Андреевна позвонила и вызвала меня. <…> У нее какая-то новая беда, и позвала она меня, видно, чтобы не быть одной. О беде не говорила, а обо всем на свете.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 27

Днем сегодня я была у Анны Андреевны. Она куда-то торопилась, так что я даже не поняла, почему по телефону она позволила мне придти. Впрочем, она боится улиц и любит, чтобы кто-нибудь ее провожал.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 31

Я уже писала <…> об одиночестве Анны Андреевны, оставшейся на попечении дворничихи Тани. Таня водит ее в баню, тянет за руку при переходе на другую сторону улицы, понукая: «Ну иди, да иди же». Анна Андреевна собирается нести передачу в тюрьму, и я покупаю банки сгущенного молока и еще что-то и, кроме того, даю Анне Андреевне двести рублей для Левы. Но оказывается, его нет в тюрьме, его почему-то еще до приговора отправили на Беломорканал. Мы ничего не понимаем. Я говорю, деньги у них можно затребовать назад. «Какие там требования?» — с ужасом отвечает Анна Андреевна, а мне жалко денег, я с таким трудом оторвала их от себя. Но тотчас мне делается стыдно, я замолкаю.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 264

Я еду в Москву за Аней. Она хочет погостить день-два у меня, но боится. Сама сесть в поезд и приехать — не умеет.

Письмо Н. Я. Мандельштам — Б. С. Кузину (из Малоярославца).

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 33

С. К. Островская посетила А.А.

В комнате холодно и неуютно. Объясняет: третий день не топят, профессору Пунину и Ирине некогда, они чем-то заняты. Ахматова вообще умеет убивать выбором невиннейших слов и ядовитейших интонаций.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 108

Это уже после эвакуации. Ахматова, непрошеная,

поселилась к Пуниным, уже совсем ей чужим, но когда они чем-то заняты, это называется «почему-то».

3 февраля 1945 года.

Ссоримся с Аней (Акумой) по бытовым вопросам: трудный человек; <я> не в силах обслуживать взрослого человека как ребенка <…>.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 393

…«Я ведь в действительности не такая беспомощная. Это больше зловредство с моей стороны».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 350

ПОПЫТКА СРАМА, ИЛИ ПОСТМЕНОПАУЗА

Одна из самых пленительных метаморфоз Ахматовой — превращение из грязной оборванной психопатки тридцатых годов в величественную королеву сороковых — имеет чисто физиологическое объяснение. Довольно унизительное для женщины, потому что правильнее все-таки быть выше физиологии и властвовать над собой в любой период. Она же перенесла все как по писаному в медицинской литературе:

Одним из признаков климакса являются эмоциональные нарушения различной степени. Они могут проявляться в чувстве беспокойства, повышенной раздражительности, частой смене настроений и депрессий. <…> Может возникнуть целый ряд нарушений психовегетативного характера. К ним в первую очередь относятся нарушения сна, головокружения и учащенное сердцебиение. <…> После наступления менопаузы, когда в организме вырабатывается все меньше эстрогена, у женщин возрастает степень риска развития сердечно-сосудистых болезней. <…> К одному из самых неприятных симптомов, который может проявиться в период менопаузы, относится недержание мочи. <…> Увеличивающийся в период менопаузы дефицит гормонов способствует увеличению массы тела. <…> Каждая вторая женщина в период менопаузы имеет избыточный вес.

Бернд КЛЯЙНЕ-ГУНК. Менопауза. Стр. 23, 31, 33, 12

Ахматова получила весь список «по полной программе» — к сожалению, не сумев вести себя так, как практически во всех культурах считается «достойно». Она тщательно следила за соответствием опереточным эталонам королевского поведения, и была в глазах всех ну прямо-таки действительно королевой, но вот упустила такой аспект: французской королеве, во время родов окруженной стоящими вокруг ложа вельможами, полагалось вести себя по-королевски: не стонать и уж тем более не кричать. Королевы соответствовали статусу. Ахматова свои климактерические недомогания выплескивала на окружающих.

14 июля 39.

В старом макинтоше, в нелепой старой шляпе, похожей на детский колпачок, в стоптанных туфлях — статная, с прекрасным лицом и спутанной серой челкой.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 32

Говорит, что чувствует себя плохо, еще хуже, чем раньше: бессонница, и по ночам немеют то руки, то голова.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 65

Этот симптом тоже описан в медицинской литературе:

Реже наблюдается, а потому и пугает так называемая парестезия — нарушение чувствительности, возникающее в одной руке, ноге или вообще половине тела…»

Бернд КЛЯЙНЕ-ГУНК. Менопауза. Стр. 23

Профессор Гаршин не гинеколог, да и проблема не была тогда еще хорошо изучена — он приводит ей лучших ленинградских врачей.

«Что же он предписал вам?» — спросила я у Анны Андреевны. — «По-видимому, он считает меня безнадежной, — гневно ответила она, — потому что единственное его предписание: ехать на дачу, на воздух».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 161

Спит и в два часа дня, и в три. Когда к ней заходят (заносят сделанную для нее работу) в пять — Гаршин сообщает, что она нездорова и только что уснула.

«Что с ней?» — «Она совершенно не умеет бороться со своей неврастенией. Обратила ночь в день, и ей, конечно, от этого плохо. К тому же ничего не ест. Да и ничего не налажено. Может быть, удастся уговорить Смирновых давать ей обед».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 72

Климакс не лечится — просто проходит кризисный переходный период, и наступает вторая молодость.

Во время войны здоровый, правильно запрограммированный организм помог — она расцвела, похорошела, что в медицинской литературе характеризуется как

…желательный побочный эффект.

Последняя менструация определяется как менопауза, по статистическим данным она приходится на 51 год.

Бернд КЛЯЙНЕ-ГУНК. Менопауза. Стр. 19

Пятьдесят один год исполнился Анне Андреевне в 1940

году.

Современные чудеса заместительной гормонотерапии делают это для всех, кто обратится за квалифицированной помощью, но — медицина не изобретает того, что уже изобрел Господь Бог, она только подправляет что-то у тех, с кем тот обошелся построже. А вообще-то после пременопаузы (самого критического периода у женщин, когда они подвергаются неполиткорректному шпынянью: климакс, мол, что с нее возьмешь) — Ахматова пережила это перед войной, когда узкий специалист патологоанатом профессор Гаршин сетовал, что она не может справиться со своим психозом — и наступает настоящий климакс. Это довольно благостная для женщин пора, та самая — «ягодка опять». Однако женщины не фатально стервенеют и во время переходного периода, пременопаузы. У Ахматовой не хватило воспитания и самоуважения пережить его достойно, зато стабилизация гормонального фона пошла ей определенно на пользу: во время войны она безмерно похорошела, пополнела, набралась приличной летам важности — перешедшей, правда, в неприличную фанаберию.

Вот он — «желательный побочный эффект».

Она цветет, хорошеет и совершенно бесстыдно молодеет.

Н. Л. Мандельштам — письмо Кузину.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 83

Анька моя — очень скверная 54-летняя девчонка. Красива. Весела. Молода.

Н. Я. Мандельштам — письмо Кузину.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 91

Вот такой стиль — Надежда Яковлевна потеряла голову от надежды «на близость» Ахматовой.

Она какая-то возбужденная, рассеянная, помолодевшая, взволнованная.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 409

Ташкент. Иду по бесконечной улице под беспощадным солнцем. Навстречу Анна Андреевна под руку с Фаиной Георгиевной Раневской. И все не могу сообразить: почему за последние двое суток Анна Андреевна так постарела. Только шагов через двадцать догадалась: удлинены брови, начернены ресницы и, главное, нарумянены щеки…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966.

Есть в менопаузе еще и тонкий аспект — который, впрочем, тоже можно с достоинством и не без приятности использовать — усиление либидо. Ахматова, как известно, при бурбонском профиле (самоопределение) и брунгильдовской стати (мой подарок) — была страшная распустеха. Синдром усилившегося либидо — вполне обычный момент в жизни женщины — она восприняла прямо по Достоевскому отчаянно: «Все дозволено!» — как будто это случилось с нею с первой.

Получилось как с каким-то персонажем из жизнеописания Хармса. Старый еврей как-то часто вдовел и женился. Каждый раз на еврейках. Раз просватали ему русскую — отказался: «Русская баба рано или поздно напьется и будет плясать под фонарем».

Подобные хороводы напоминало царствование Ахматовой в Ташкенте со свитой из Раневской, Слепян («не женщина, а сточная труба»), Беньяш — см. стихотворение великой Ахматовой «Какая есть, желаю вам другую» (рифмованная отповедь тем, кто порицал чрезмерную физиологическую детерминированность).

Обратимся к ее гетеросексуальным эксцессам.

Сначала — о высоком: высоких моральных принципах Ахматовой. Которые выражаются в том, что Анна Андреевна видит во всех только низкое.

15 ноября 1942 года.

Борис Леонид<ович> сейчас в Москве. Перевел «Ромео и Джульетту». Анна Андреевна уверяет, что это не занятие во время войны. По-моему, она права.

Н. Я. Мандельштам — письмо Б. С. Кузину.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 80–81

Посмотрим, что достойного нашла во время войны для себя Анна Андреевна Ахматова. Про то, как она была со своим народом, написано в соответствующей главе, сейчас — о «Ромео и Джульетте» (такой получился каламбур) в исполнении особ царствующего дома, как льстиво выразился Иосиф Бродский. (Анна Андреевна была очень довольна.)

В эвакуации в Ташкенте, в номенклатурном доме — литературном салоне, она встречается с полушпионом-полуиностранцем Юзефом Чапским, адресатом стихотворения «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума».

Начало мая 1942-го (за полгода до получения позорного известия о переводческой деятельности Бориса Пастернака).

Воспоминания Ю. Чапского:

<…> Я до сих пор вижу слезы в огромных глазах молчаливой Ахматовой, когда я неловко переводил последнюю строфу «Варшавской колядки».

Ахматова согласилась взять на себя перевод «Варшавской колядки», хотя, по ее словам, стихов она никогда не переводила. <…> Мы попросили ее прочитать несколько своих стихотворений. Она сразу же согласилась. <…> Вечер у Толстого затянулся до трех или четырех часов ночи. <…> От Толстого мы вышли вместе с Ахматовой. <…> Мы долго гуляли, и во время этой прогулки она совершенно преобразилась. Об этом я, конечно, не мог написать в книге («На бесчеловечной земле»), которая вышла при жизни Ахматовой.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 72–73

Найдите три отличия с «романом» с Берлиным: так же как и Берлин, Чапский встречи не искал, за любовь не посчитал, все так же Ахматова опутала ее завесой многозначительности…

Чапский произвел на Ахматову неизгладимое впечатление. Она тут же заявила издателю Александру Тихонову: «Не знаю почему, но мне ближе Чапский, чем все остальные здесь…» Чапский прекрасно понимал, что этим он обязан не столько самому себе, сколько тому, что он был представителем другого мира <…>. Когда они все вместе вышли от Толстого, она отделилась от остальных гостей, и Чапский проводил ее до дому.

Ну и…

…В ту ночь мы сошли друг от друга с ума…

Анна АХМАТОВА

Это более достойное занятие во время войны, чем переводить Шекспира?

Еще о проявлениях менопаузы:

Женщины по время менопаузы часто достаточно опытны и изобретательны в доставлении наслаждения.

В ту ночь…

Скорее всего и не сошли. То есть даже если и был секс, то

все же не сошли, иначе он хоть какую-нибудь галантность бы сделал ей, передавая впоследствии приветы в Россию.

У мужчин ее жизни часто есть не они сами, а какое-то амплуа: или Иностранец (или не совсем иностранец, как определил Берлина и Чапского Бродский. Для космополитичной женщины, для «человека мира» оба героя были совсем не иностранцами, но ей так хотелось), или Главный Поэт (Н. Гумилев), или Профессор — Гаршин, или Гениальный Ученый — Шилейко. Конечно, хорошо, что они были незаурядными людьми, да и почему должно быть иначе с нерядовой женщиной Ахматовой — но она слишком откровенно вешала им ярлыки и не позволяла снимать ни другим, ни самим заклейменным.

Интересно — почему-то сейчас пришло в голову, что у всех почти были не то чтобы неблагозвучные или серые фамилии, а какие-то — ну, звучащие как насмешка над ее претензиями. Шилейко — о Шилейке, с Шилейками, П-пу-пунин, Берлин — что еще за Берлин? с Берлином или с Берлиным? Чапский — это пародия, это граф из оперетты. Гаршин один — так она и хотела его фамилию взять. Не пришлось.

Это я ей за «Ахматову» — «бабушка моя, княжна Ахматова…»

Чапский числился впоследствии, естественно, среди «полновесных» романов.

В переделкинском Доме Творчества отдыхал в это время (только что из Парижа) Константин Георгиевич Паустовский <…>. Он мельком сказал мне, что привез мне подарок от Йозефа Чапского. Брошку. Я удивилась и не поверила. Подумала я, через меня Чапский хочет передать подарок Анне Андреевне. Ведь это ему она посвятила стихотворение «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума», я же в Ташкенте виделась с ним всего дважды <…>.

Анна Андреевна с сердцем: «А вы думаете, я — больше?». <…> «Это, конечно, вам», — повторяла я. «Если там есть свирель, мне. Если нет — вам», — заявила Анна Андреевна. Но я ничего не знала насчет свирели — я еще не видела брошку. <…> Она позвала Юлю. Попросила найти в чемоданчике какую-то старую тетрадь. Отыскала черновик и прочла прежний конец стихов к Чапскому:

Будь добрым к моей запоздалой мольбе:
Пришли наяву ли, во сне ли
Мне голос азийской свирели.

А-а, вот почему она ждет в подарок свирель! <…> Но я удивилась: откуда же Чапскому знать этот вариант, если окончательный текст бессвирелен? И вообще — разве она читала ему эти стихи? <…>.

Подала ей коробочку с брошью. Она долго ее рассматривала, серебро и бирюза, потом восклицала о дарителе и о подарке: «Первоклассный человек, и какой вкус!» Потом, «отвернувшись вполоборота», величественно протянула мне брошь на ладони и с высокомерием произнесла: «Свирели нет. Это вам. Наденьте сейчас же». — «Ну пусть это будет мой подарок вам!» — взмолилась я. — «Что вы! У меня их слишком много!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 23–26

Мифотворчество. А Чапский, с его польской и европейской культурой подарков, так ничего не подарил Ахматовой — возможно, малоприглядные ташкентские воспоминания, а может, опасался попасть в смешное положение Берлина.

Чуковская же, очевидно, запомнилась ему как симпатичная приличная женщина. Довольно демонстративный с его стороны жест.

Со стихотворением — обычная игра. Вместо азийской свирели было по-разному: например:

И если вернется к тебе эта ночь,
Ее не гони, как проклятую, прочь,
И знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

Прямо-таки священная? Минута — «приснилась»? как она выглядит?

Простоватая рифма «кому-то/минута» — осталась.

А вот она сама побывала за границей.

«Чапский? Был, был… — она весело ткнула пальцем в мою злополучную брошку. — Я ему устроила сцену ревности, а он пел дифирамбы — вам».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966.

Стр. 295

Одни и те же шутки: «сцены ревности» и пр. Показное великодушие: «Он пел дифирамбы — вам». Да, он пел дифирамбы. Не Ахматовой.

«Приходилось видеть, как женщина преследует мужчину… — пауза, а затем очень убежденно и раздельно: — Из этого никогда ничего, кроме сраму, не получалось».

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 583

Это Анна Андреевна осуждает Марину Цветаеву — за то, что та влюбилась — не в случайного проходимца, не на одну «сумасшедшую ночь», «преследовала» — это писала ему «длинные философские письма» — (Ахматовой нечитанные), они и не сохранились…

Я видела, когда из такой ситуации выходили вещи пострашнее срама. Срам бывает, когда женщина пытается придать своему «гону» характер респектабельности, который на самом деле для сохранения самоуважения должен быть жестко отброшен: погоня за добычей — и все, имею право. Срам — когда в конце вместо победного вопля раздается жеманное вскрикивание… Ну и уж, конечно, когда ловят не в любовные сети, а в брачные — профессоров, иностранцев…

Скажем, однако, честно, что Чапского она не «преследовала». Этот прием еще не был освоен. Так — попытка…

Это — про «любовь» (у нее как-то красивее, или просто — более по-настоящему — не получалось).

Теперь — про упомянутое выше и могущее быть поставленным мне в упрек: недержание мочи. Конечно, конечно, соглашусь, этого мы не знаем, но ее приступы бешенства и нетерпения — думаю, это невозможно без физиологических причин.

Впервые <…> я увидела Анну Андреевну попусту капризничающей еще в ленинградский период нашего знакомства. Она — у меня, на Загородном; она уходит; я собираюсь ее провожать; я помогаю ей одеться. <…> Анна Андреевна, уже в платке и в шубе, стоит в передней, а я, тоже одетая, мечусь по комнате: пропал ключ. <…> Я в десятый раз обшариваю карманы пальто, сумку, муфту, портфель, ищу на

столах, на стульях, задыхаясь от спешки. Бессмысленно тычусь в ванную и на кухню. А для спешки-то моей собственно нет никакой причины; <…> причина одна: Ахматова негодующей Федрой стоит в передней, почти уткнувшись в двери лбом: вся — гнев, вся — нетерпение. Спадая с плеч, окаменела чужая шуба; голова закинута; гневно дрожат вырезные ноздри. Ключа нет. Я приношу из комнаты в переднюю стул, прошу Анну Андреевну сесть, чтобы я могла сосредоточиться, вспомнить. Анна Андреевна стоит у двери, поднимая голову все выше, презирая стул и меня. Как это я осмеливаюсь, со стулом или без стула, заставлять ее, Анну Ахматову, ждать! <…>.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 501

Я на нее сердиться не умею, да и пустяки это все. Да и не знаю я, что бушевало, каменело, созидалось, изнемогало в великой душе Анны Ахматовой, когда Анна Андреевна была со мною так несправедлива, так недружественна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 504

Возможно, что великую душу Ахматовой терзали вещи весьма прозаические.

«Я ЕМУ НЕ АННА АНДРЕЕВНА»

О повести Эм. Казакевича «Сердце друга».

Там есть такая фраза: «Девочки увлекались стихами Анны Андреевны Ахматовой». Она была просто вне себя. «Я ему не Анна Андреевна! Я не имею чести быть знакомой с этим господином! Я Анна Ахматова, и никак иначе он не смеет меня называть!»

Наталья РОСКИНА. Как будто прощаюсь снова. Стр. 528

Такая история всколыхнула общественность.

Ничего прямо оскорбительного там нет, но есть насмешливое, ироническое — а время ли сейчас над ней иронизировать? Он там поминает ярых поклонниц стихов АННЫ АНДРЕЕВНЫ АХМАТОВОЙ. Не совсем понятно также, полагает ли и сам автор, вместе с изображенными им дурочками, что стихи эти специфически-дамские, что Ахматова не один из великих русских поэтов, а поэтесса, пишущая исключительно на женские темы, — ну вроде Шкапской или еще там кого-нибудь. <…> Анна Андреевна обиделась — и очень. Главным образом, на отчество. «Я же не Л. Н. Толстой! Зачем же так почетно? Разумеется, идя по стопам товарища Жданова, он имеет полную возможность ругать меня на все буквы алфавита, но по отчеству-то зачем? Я была у Никулина. Там мне представили Казакевича. Я ничего, подала ему руку, поздоровалась, но ушла в комнату к девочкам». — «Бедняга Казакевич»! — подумала я. А еще подумала, что Казакевич — порядочный человек и, несмотря на неудачи — писатель — и уж во всяком случае лучше водиться с ним, чем с Никулиным. Но не сказала.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 85

Ну и мы сейчас не об этом. С кем она водится — с Никулиным, Фединым, Алексеем Толстым, Эренбургом — знаем, и знаем зачем и почему. Сейчас о том, с кем она НЕ водится, не могла бы водиться, и они бы с ней не стали, но она делает все, чтобы подумали, что — с Пушкиным на дружеской ноге.

«Как непохоже на Хема. Они только и делают, что говорят о еде, вспоминают вкусную еду».

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 51

Какой он ей «Хем»?

Характерная черта: о Пушкине, о Данте или о любом гении,

большом таланте — АА всегда говорит так, с такими интонациями, словечками, уменьшительными именами, как будто тот, о котором она говорит, — ее хороший знакомый; с ним только что разговаривала, вот сейчас он вышел в другую комнату, через минуту войдет опять… Словно нет пространств и веков, словно они — члены своей семьи… Какая-нибудь строчка — например, Данте — восхитит АА: «До чего умен старик!» — или: — «Молодец Пушняк!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 239

«Сейчас прочла стихи Евтушенки в «Юности».

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 261

О письмах Достоевского:

«Скучно, не составляется из них Федор Михайлович».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 352

Какой он ей Федор Михайлович?

«Madame Ахматова». «Товарищ Ахматова» и даже Ахметки — на гораздо лучше. В «madame» заключена смрадная мысль, будто существует некто «monsieur Ахматов».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 94

«Когда я о себе читаю в печати: «А. А. Ахматова», я не сразу догадываюсь, о ком речь. Если я поэт, то я — Анна Ахматова, как Пастернак — Борис или как Блок — Александр. Каждый сам выбирает свое литературное имя для себя».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 85

А какое имя выбрал себе поэт — если он поэт — Александр, он же Александр Сергеевич Пушкин — для себя? Пушняк?

…она произносила с таким же удовольствием, с каким еще не так давно дамы, незнакомые с принцем Агригентским, буде речь заходила о нем, переспрашивали, усмехачясь, чтобы показать, что они в курсе: «Григри?» — удовольствие, известное в относительно спокойные эпохи лишь свету, а во времена великих потрясений становящееся доступным и народу. Например, наш дворецкий, если речь заходила о короле Греции, будучи хорошо информированным через газеты, переспрашивал совсем как Вильгельм Второй: «Тино?»; фамильярность по отношению к

королям превращалась в развязность, если он сам выдумывал им прозвища: когда речь заходила о короле Испании, он именовал его «Фонфонс».

Марсель ПРУСТ. Обретенное время

Вокруг пререканье и давка
И приторным запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.

Кто ей Чарли? Она с ним гусей пасла?

«Какое наследство? Взять под мышку рисунок Моди и уйти»

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 17

В беседе с Дувакиным вспоминается хорошо афишированный «роман» Ахматовой с Амедео Модильяни.

Г. Л. Это…

А. Ф. Ее муж…

Г. Л. Не муж. Это был Ама такой, ее возлюбленный, ну, знаменитый французский…

А. Ф. Модильяни.

Д. У нее была связь с Модильяни?

Г. Л. Да. Она когда была в Париже, там был роман.

А. Ф. Она не скрывала этих вещей.

А.Ф. и Г. Л. КОЗЛОВСКИЕ в записи Дувакина. Стр. 214

То Ама, то Моди. Хорошо, что она не была знакома с Пабло Пикассо. Он бы был и Пусей, и Писей.

ВРАНЬЕ

Как ни прискорбно, Анна Андреевна была лгуньей. Фальшивые сведения, истории и обстоятельства, которые она распространяла, нельзя, как обычно делается в оправдание, объяснить забывчивостью или неуемной фантазией. Для первого у нее была слишком хорошая память, которой она бравировала, а для второй — слишком ограниченный круг тем, на которые она пускалась фантазировать, и слишком выверенные рамки правдоподобия, которое-то и придает ее вранью неприятный оттенок: тебя не хотят позабавить или мистифицировать, а хотят выставить дураком, восторженно восклицающим: ну надо же, какая роскошная женщина! Все россказни касаются одесского шика ее личного и общественного облика. Вот некоторые его блестки.

— Моя бабушка — княжна Анна Егоровна Ахматова, вышла замуж за Мотовилова, потом ее фамилия стала Мотовилова. Вот в память ее фамилию — девичью — я и взяла за псевдоним.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 280

Мотовилова — фамилия купеческая, за купцов княжон не выдавали. Ну да, слава Богу, княжной Ахматова и не была. Князей Ахматовых в Российской империи не было.

Ахматовой за семьдесят, когда она дает это интервью, а тридцать лет назад она диктовала биографу фальшивые сведения о себе, о Смольном институте, о морских офицерах. Проходят годы, и приоритеты все те же: «моя бабушка», «княжна»… Старуха лжет по-прежнему.

Ахматова сказала Харджиеву, что приятно познакомиться с человеком, который, в отличие от многих, не был очарован ее стихами.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 104

Это, конечно, можно было отнести не ко вранью, а к обычному кокетству, если бы не была такой яркой ее черта — лживость: она всегда чувствуется первой.

Ахматова говорила, что все дома, где ей когда-либо приходилось жить, были разрушены.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 34

Как сказали бы в Одессе — типун ей на язык.

Какие-то лачуги, возможно, были разрушены, а все наиболее известные дома, в которых она жила: Фонтанный (на самом деле — Шереметьевский дворец — один из

множества сплошь «фонтанных» домов на Фонтанке), Мраморный, слава Богу, усадебный дом в Слепневе — все прекрасно сохранились. Но сказать — звучит красиво.

Я родилась 23 июня 1893 года в Ленинграде.
Автобиография (автограф). Анна Ахматова
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 87
Разумеется, не в Ленинграде и не в 1893 году.

11 июня 1889 года. В дачной местности Большой Фонтан под Одессой родилась Анна Андреевна Горенко. Запись в метрической книге: «Родители ее оба православные».
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 11
Эти «данные» использовались в официальных документах. Когда они попадались на глаза биографам, те возмущались:

Обращает на себя внимание вопиющая небрежность, с которой эти самые «компетентные» искажают дату и место рождения.
Ирина ВЕРБЛОВСКАЯ. Горькой любовью любимый. Стр. 238
Горечь и гневливость — заповедные качества Ахматовой.
«Восприемники — Романенко (народоволец — убийца генерала Стрельникова)». <…>
Однако, очевидно, убийцей Стрельникова он не был: эта легенда основана на том, что во время покушения (18 марта 1882 г.) он был в Одессе, где оно произошло.
Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 293
Первая фраза: долженствующее вызвать ужас у робкого обывателя сообщение о крестном отце — убийце — принадлежит, естественно, самой Ахматовой, вторая: опровержение, показывающее, как и из чего строит Ахматова красоты своей биографии — исследователю. А ведь она постоянно обличает фальсификаторов (позволяющих себе, как правило, всего лишь собственные интерпретации, а не подтасовки фактов). Ее поклонники (например, малолетний летописец Бабаев) восторгаются ее пиететом перед документами — а сама она в своих записках врет так, что нельзя без проверки поверить просто ни одному слову. И это при ее действительно феноменальной памяти. Просто врет. Ведь она не может не знать, был ли Романенко убийцей генерала Стрельникова или нет, в семьях такие вещи знают.

Гимназия: сначала в Царском Селе — Мариинская, а потом

кончала гимназию в Киеве. Училась хорошо. Чуть ли не с серебряной медалью.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 105

Или с серебряной, или без серебряной — об этом надо было сообщить Лукницкому так, как это было на самом деле.

Медали никакой, конечно, не было, образование Анна Андреевна получила средненькое. Никаких столичных или иностранных университетов. В необразованности, правда, любила упрекать современников. Анна Андреевна поехала в Париж в мещанское свадебное путешествие, ничего не видела, ничего не узнала, одно неустановленное знакомство с Модильяни, да какие-то гуляющие французики ей записки в туфли засовывали. Они и сейчас это делают, стоит зазеваться, только, вернувшись, мы не рассказываем, что это был Зинетдин Зидан.

Бродский: В бытность Ахматовой в Париже за ней не только Модильяни ухаживал. Не кто иной, как знаменитый летчик Блерио… Вы знаете эту историю? Не помню уж, где они там в Париже обедают втроем: Гумилев, Анна Андреевна и Блерио. Анна Андреевна рассказывала: «В тот день я купила себе новые туфли, которые немного жали. И под столом сбросила их с ног. После обеда возвращаемся с Гумилевым домой, я снимаю туфли — и нахожу в одной туфле записку с адресом Блерио».

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 246

Соломон Волков миролюбиво поддакивает: «Что называется, не растерялся!»

Бродский, который и сам придумывает для нее подобные истории, усомниться в подлинности этой не собирался. Рассказывала ему, естественно, Анна Андреевна.

А почему же никто из ее современников этого не знал? — что Гумилев был знаком с Блерио и что отношения были довольно-таки дружескими — все-таки обедали вместе? Кто еще был за столом? Такие знаменитости часто ведь имеют свиту. Откуда у Блерио интерес к Гумилеву?

Ну вот и свидетельство очевидца. Правда, те, кто знает, из какого сора выросла пикантная легенда — помнят все немного по-другому.

В 11 году.

Маленькие кафе, которыми изобилует Париж, совсем другого стиля. Здесь за столиком французы проводят время за чашкой кофе и скромной выпивкой. На маленькую эстраду выходят рассказчики и певцы и развлекают посетителей своими песенками

и остротами, слегка приправленными нескромными словечками и остротами. Помню, как Анна Андреевна снисходительно отнеслась к шутке ее соседа но столику: он незаметно положил ей записочку в туфлю.

Н. Г. ЧУЛКОВА. Об Анне Ахматовой. Стр. 36

Это был разве не Блерио? Как же это рассказчица не заметила, что «за скромной выпивкой» с ними сидел сам Блерио — практически Юрий Гагарин тех дней? Или Ахматовой все так, что ни вечер — засовывают что-то в туфлю?

Бродский «не помнит, где они там обедают втроем», использует все тот же ахматовский прием ложной достоверности — мол, может предъявить все подробности.

1905.

На Пасху Гумилев, в отчаянии от ее нежелания всерьез отнестись к его чувству, пытался покончить с собою. Потрясенная и напуганная этим, она рассорилась с ним.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 26

В «летописях жизни и творчества Анны Ахматовой» упоминаний о попытках самоубийства Гумилева — 3. Источник во всех случаях один — Анна Андреевна.

То, что это цитата из Аманды Хейт, можно узнать по временной координате — «на Пасху». Это был уже период, когда она по контракту о поддержании брэнда должна была именно в таких терминах сообщать даты.

А по существу — типичное для ахматоведения дело: в «Летописях» указывать как факт роскошные «воспоминания» самой Ахматовой.

«Тут мне и представили Владимира Владимировича. Молодой, беззубый. Он очень настойчиво упрашивал меня прийти на премьеру, но я не могла».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 85–86

Маяковский очень упрашивал — как он упрашивал Николая Гумилева познакомиться с ним (тот не хотел и ставил условия), и Анну Ахматову — чаще встречаться.

Директор музея встретила ее с обычной для себя приветливостью. Анна Андреевна величественно поздоровалась с ней. Я попросила Анну Андреевну рассказать о встречах с Маяковским. «Встреч было наперечет, но всегда у Маяковского в те ранние годы была заинтересованность в этих встречах и,

оставшееся неосуществленным, желание их углубить».

Н. В. РЕФОРМАТСКАЯ. Ахматова в музее Маяковского. Стр. 543

Что же помешало их углубить? Может, все-таки недостаточная заинтересованность?

О Блоке:

«…Я, например, была у него, по его настойчивому приглашению, желанной гостьей».

Михаил АРДОВ. Монография о графомане. Стр. 328

Ахматовой не повезло — все якобы настойчиво зазывали ее к себе, но свет увидели не только ее благоуханные легенды, но и записки других современников.

Вот рассказ самого Блока:

«Ахматову я знаю мало. Она зашла ко мне как-то в воскресенье (см. об этом ее стихи), потому что гуляла в этих местах, потому что на ней была интересная шаль, та, в которой она позировала Альтману».

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 164

Анна Андреевна рассказала, как в Ленинграде она шла по улице и почему-то подумала: «Сейчас встречу Маяковского». И вот идет, и говорит, что думал: «Сейчас встречу Ахматову». Он поцеловал ей обе руки и сказал: «Никому не говорите».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 480

Ну прямо как Христос: идите и никому не рассказывайте. А почему бы и не рассказать, люди публичные.

Она всегда, когда ей нечего рассказать о встречах с великими (никаких встреч, никаких дел, никаких диалогов, никаких отношений), рассказывает совершенно незначительные, непроверяемые, но однозначно свидетельствующие о близости, взаимном уважении и притяжении, рассказы. Выдуманные, скорее всего, истории. Тем более что прием повторяется не раз.

О Модильяни.

Рассказывала: «Когда в Париже я его первый раз увидела, подумала сразу — какой интересный еврей. А он тоже говорил (может, врал?), что, увидев меня, подумал: какая интересная француженка».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 479

А может, врала?

Какая же русская, вернувшись из-за границы, не

рассказывает, что ее принимали в третьей стране за француженку?

Сомнительная сценка должна показать широту взглядов Анны Андреевны, не побрезговавшей познакомиться с то ли итальянцем, то ли французом Модильяни. Правда, поскольку Модильяни действительно был евреем, то Анна Андреевна обнаруживает не очень похвальную в приличном обществе фенотипическую наблюдательность — и только. Большего интереса данное «воспоминание» не представляет.

Волков: Существует рисунок Модильяни (вероятно, 1911 года), изображающий Ахматову. По словам Ахматовой, этих рисунков было шестнадцать. В воспоминаниях Анны Андреевны о судьбе рисунков сказано не совсем понятно: «Они погибли в Царскосельском доме в первые годы революции». Анна Андреевна говорила об этом подробнее?

Бродский: Конечно, говорила. В доме этом стояли красногвардейцы и раскурили эти рисунки Модильяни. Они из них понаделали «козьи ножки».

Волков: В ахматовском описании этого эпизода чувствуется какая-то уклончивость, необычная даже для Анны Андреевны.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 246

Никто этих шестнадцати рисунков не видел. Красногвардейцев, раскуривающих «козьи ножки», — тем более. «Подробности» же, заключающиеся только в факте «козьих ножек», повторяются неоднократно, но достоверностью не обрастают.

«Бег времени» — суперобложка украшена рисунком Модильяни.

«Существует лишь один этот рисунок — ваш портрет, сделанный Модильяни, или их больше?» — «Было около двадцати». — «А где остальные?» Отвечает не сразу. Отвечает спокойно: «Остальные выкурили солдаты в Царском селе во время гражданской войны».

Лев ОЗЕРОВ. Разрозненные записи. Стр. 599

У Ахматовой было вполне цивилизованное понимание стоимости объектов культуры и искусства (уже в двадцатые годы она грамотно распродавала свой литературный архив), и она разбиралась в рыночной ситуации. Если бы эти рисунки существовали, она никогда не бросила бы их на произвол

судьбы. Для этого у нее была также интуиция. Сейчас иногда утверждается, что эти рисунки всплыли в Европе. Как они туда попали? Какие-то некультурные солдаты крутили из них «козьи ножки», а какие-то, более искушенные, чем Ахматова, чем парижские коллекционеры, которые в это время еще не разобрались в Модильяни, решили их спасти и украсть? Предпочли нетрадиционные рисунки неизвестного художника письмам вполне известного Александра Блока?

АА рассказывала об архиве своем и Николая Степановича в Царском Селе, в сундуке. В декабре 1917 года АА съездила в Царское Село и взяла из этого сундука много писем, материалов — и своих, и Николая Степановича. Привезла их в Петербург. А в 1921 году, уже когда Николай Степанович был арестован, она опять поехала в Царское Село. В доме уже было учреждение (Рабкрин). Она прошла наверх. Сундука уже не было, а бумаги валялись на полу — несколько писем Блока и т. д. АА, не имея возможности взять все, взяла только самое необходимое.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 270

Ни о каких пропавших рисунках в те времена не вспоминается.

Но впоследствии рисунков Ахматовой было уже мало — она заговорила еще и о письмах Модильяни — которые, естественно, тоже не сохранились.

Не был включен в мемуары о Модильяни — то ли просто не нашлось подходящего места, то ли заводило в ненужные объяснения, **то ли просто решила не завираться…** — и такой отрывок: «Он писал очень хорошие длинные письма».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 155

Очень содержательные комментарии к письмам Модильяни! Да, несомненно, что Модильяни, если бы писал кому-либо длинные письма, писал бы очень хорошие. Какими еще могут быть длинные письма гения? Я также уверена, что Ахматова бы сохранила длинные и очень хорошие письма к ней любого французского художника — при любых обстоятельствах. В ее архиве нет подобных пропаж. Длинные хорошие письма Модильяни — такой же апокриф, как раскрученные на «козьи ножки» двадцать рисунков. Об их пропаже на царскосельском чердаке тоже не говорится ни слова по горячим следам.

«Длинные хорошие письма» — сказать нечего, но жаждущим почитателям надо что-то рассказывать или хотя бы «недоговаривать» — но в нашем случае попросту

привирать.

В ту пору «ленинградские мальчики» страстно желали подобных легенд.

…Открытие в одной из коллекций двадцати трех рисунков, сделанных Модильяни в пору их встреч и в которых некоторые исследователи склонны видеть Ахматову как натуру.

Светлана КОВАЛЕНКО. Проза Анны Ахматовой. Стр. 368

«Некоторые исследователи» — это поклонники Ахматовой. Доказательств существования рисунков Модильяни нет.

«Вы спрашиваете о Модильяни. Я пошел и посмотрел эти рисунки. Боюсь, они не представляют значительного интереса. Я большой поклонник этого художника, но эти рисунки множатся на бесконечные копии и вариации классического искусства — греческого и египетского; затем ряд обнаженных в различных позах; наконец, портрет французской дамы (живопись). Поверьте, я обошел всю выставку в королевской академии, помня Ваши слова — искал хоть малейшего сходства с А.А., но не нашел никакого. Уверяю Вас…»

Исайя БЕРЛИН. Анна Ахматова. Т. 5. Стр. 368

И зачем врать, когда Анна Андреевна достаточно на себя наврала?

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 33

Волков: Ахматова любила повторять, что она к постановлению 1946 года была готова хотя бы уже потому, что это была уже не первая касающаяся ее партийная резолюция: первая была в 1925 году.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 229

В 1925 году ничего государственного — НИЧЕГО — по ее поводу не было. Она, правда, после 25-го года лет на 15 почти бросила писать. Задним числом придумала государственного значения оправдание.

Исайя Берлин со слов Ахматовой.

Сталин разразился по адресу Ахматовой набором таких непристойных ругательств, что она даже не решилась воспроизвести их в моем присутствии.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 451

Обычно она не стесняется.

Ну а про Сталина — она знает все: каким набором,

разразился или не разразился и пр. Кто-то ее проинформировал, воспроизводя все выражения.

«Ну да, в конце тридцать девятого… Помню, что Борис и Осип, оба, называли его лучшим моим стихотворением». — «Анна Андреевна! Этого тоже никак не могло быть! Вы написали его гораздо раньше, потому что ведь Осип Эмильевич весной тридцать восьмого уже арестован». Анна Андреевна меня не ударила, но глянула так, будто ударила.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 155

Не дают сделать величавые ссылки.

Пунин предчувствовал или ждал ареста. Он говаривал Анне Андреевне: «ОНИ прячутся за деревьями…» **Пунин с Ахматовой всегда говорили о деревьях…**

Спускаясь уже под конвоем по лестнице, он произносил тоскливо: «Акума, Акума…» **— читая в другом источнике это описание ареста, я удивлялась: человека уводят ночью из дома, он знает — куда. И он так театрально шепчет: «Акума, Акума…» Но сейчас, знакомясь с первоисточником апокрифа, все становится ясно:**

Так рассказывала мне Анна Андреевна.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 351

Она говорила так, что на ее сестре женился кто-то из гимназистов Анненского, из этой гимназии. Когда старик Анненский узнал, что вышла замуж дочка Горенко, он спросил: «Какая?» Ему сообщили имя (не помню имя сестры), он сказал: «Ну, я бы женился на другой — на Анне».

В. Е. АРДОВ в записи Дувакина. Стр. 146–147

Пересказов этой истории много, да вот беда — все из одного источника: от самой Анны Андреевны. И появились они тогда, когда ни одного свидетеля уже не могло быть в живых.

Этот же эпизод описан в «воспоминаниях» Валерии Срезневской. В рукописи он написан рукой Ахматовой. Царскоселка Срезневская сама об этой истории ничего не слыхивала.

Я поинтересовалась, знала ли она Иннокентия Анненского — он, как известно, долгие годы преподавал в Царскосельской гимназии. Нет, им не пришлось познакомиться, но она, разумеется, знала его в лицо, часто встречала на улице.

Маргарита АЛИГЕР. В последний раз. Стр. 355

Этого вполне достаточно, чтобы жениться, по понятиям Ахматовой. Анна Андреевна любит предстать «дамой высокого тона», но совершенно очевидно, что пожилой человек из приличного общества, Анненский, никогда бы не взял на себя подобные бестактные заявления перед чьей-то свадьбой. Так и до дуэли недалеко. Кстати, немного похожая ситуация есть в семейной хронике «мусорного старика».

Из воспоминаний Софьи Андреевны Толстой из времен жениховства Льва Николаевича: о его брате и своей сестре Тане, прототипе Наташи Ростовой.

Сестре моей еще не было 16-ти лет. Смелая, быстрая, с прекрасным голосом, она прельщала всех, и в том числе и Сергея Николаевича. Раз вечером, сидя на маленьком диванчике с Сергеем Николаевичем, она безумствовала так грациозно, обмахиваясь веером, как большая, так была мило оживлена, что Сергей Николаевич удивился, почему Лев Николаевич не женится на такой обворожительной девочке, а на мне.

С. А. ТОЛСТАЯ. Моя жизнь

Это пишет сама «забракованная», а не «избранная» Ахматова — об умершей сестре. Ни Анненский, ни Инна Андреевна Горенко не ответят.

В общем, кто на ней только не хотел жениться! И Анненский не хотел, и Блок, и те, кто считаются «мужьями» — Шилейко (сказал, что якобы уже женился), Пунин (жена не разрешила), Гаршин — передумал, Исайя Берлин (был едва с нею знаком). Очередь Пастернака…

«Он мне делал предложение трижды, — спокойно и нежданно продолжала Анна Андреевна. — Но мне-то он нисколько не был нужен. Нет, не здесь, а в Ленинграде. Я была тогда замужем за Пуниным, но это Бориса ничуть не смущало».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 429

Ахматова говорит это, естественно, после смерти Пастернака, в октябре 1960 года, когда и он опровергнуть ничего не может. На всякий случай, как осторожный античный врун, она добавляет: это было не в Москве, а в Ленинграде, по ее всегдашнему — и всегда подводящему — приему добавления ко лжи лживых подробностей, — для правдоподобия. «Здесь Родос, здесь прыгай». В Москве она была в гостях, всегда на людях, с Пастернаком виделась

редко, и скрыть, промолчать, затаить в себе — что он-то ей нисколько не был нужен, да вот все делал предложения — было бы невозможно. Другое дело — рассказывать про Ленинград. Мол, как приедет Пастернак в Ленинград, сразу ко мне — делать предложение. Далее по тексту.

Она ссылается на Пунина: мол, была замужем. Пунин, правда, никогда не переставал считаться мужем А. Е. Аренс-Пуниной.

Июль 1934 года: Анна Андреевна сказала: «Николай Николаевич уехал с Ирочкой и Анной Евгеньевной в Сочи».

Э. Г. ГЕРШТЕЙН. Воспоминания. Стр. 160

Так же у нее не было романа с Блоком, потому что она «была тоже замужем» (а «муж» тоже, как на беду, был женат уже на другой) и «имела ребенка» (который жил у родни в другом городе).

Ни при одном из трех предложений свидетелей не оказалось.

Эта «благоуханная легенда» — из типичных ахматовских «подкладываний мысли». Она скажет — потом забудут, от кого услышали — а слух пойдет: «Пастернак предлагал Ахматовой руку и сердце. Два раза». Потом все перепутают: то ли Пастернак предлагал, то ли Александр Блок. То ли два раза, то ли три. Сама Ахматова скажет с иронией: это народные чаяния.

Маленький сын моей знакомой, когда у Сретенских ворот воздвигли огромный и порывистый памятник Надежде Крупской, спросил: «Мама, а чья Крупская была жена — Ленина или Пушкина?»

Борис Пастернак, правда, немного в дурацком виде предстает (вроде как Есенин, когда представилась возможность жениться на Софье Толстой: «Есенин и внучка Толстого, здорово!»). Но разве дело Ахматовой до Пастернака?

И самые убийственные аргументы от ее бесстрашного и верного рыцаря:

Бродский: А во-вторых… Пастернак был все же ниже Ахматовой ростом, помимо всего прочего. И моложе.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 252

И моложе. Значительно моложе. Анна Андреевна Горенко родилась в 1889 году, Борис Леонидович Пастернак — в 1890-

м.

Владимир Казимирович Шилейко (обманом избежавший регистрации, но — «второй муж» — в 1891-м. Гумилев, Пунин, Гаршин (соответственно муж, полумуж, не муж принципиально) — в 1886, 1888, 1887-м. Действительно, были не моложе. Старше — на 1, 2, 3 года. Но и не самое комильфо.

В те времена, если между женихом и невестой было менее 8 лет разницы, считалось неблагополучно.

Т. А. КУЗМИНСКАЯ. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Стр. 456

Конечно, какие уж тут шансы у Пастернака. Правда, были и еще моложе его.

Павел (Павлик) Лукницкий, работающий с Ахматовой над книгой о Гумилеве (это ему, уходящему после работ, она говорит «тихо-тихо»: «Зачем так целуете?») — родился в 1902 году (тринадцать лет разницы). Бедный сэр Исайя Берлин («не станешь мне милым мужем», «венчальные свечи» и пр., видевшийся с нею два раза в жизни) — в 1909 (двадцать лет). Екатерининским гвардейцам Найману, Бобышеву, Рейну в год ее семидесятилетия было чуть за двадцать. Бродскому — не было и двадцати.

Так что если какая-нибудь язвительная дама спросит, почему же никто из «волшебного хора» ленинградских мальчиков на Ахматовой не женился, ей можно с важностью ответить: были моложе.

Бродский к тому же честно признался, что был ниже ее ростом. Тут уж полное алиби.

Она была очень высокая. Когда мы с ней шли вместе, я вытягивался — под влиянием мужского идиотизма.

Иосиф БРОДСКИЙ. Интервью Д. М. Томасу, ж-л «Quatro». Стр. 171

Далее о разнообразном вранье.

Из жен великих людей, которых Ахматова «всегда ненавидела», Зинаида Николаевна Пастернак — самая ненавистная.

Зина — воплощенное антиискусство, сойдясь с ней, Борис перестал писать стихи.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 429

На всякий случай, имея основания заподозривать

Ахматову в чрезвычайной тонкости выстроенных сообщений, заметим, что Пастернак не «сошелся», а — «женился». Что до антиискусства, то не думаю, что оно было бо́льшим, чем у Натальи Николаевны Пушкиной, или у Анны Петровны Керн, или у по определению безымянной незнакомки, музы Александра Блока… Все — антиискусство. Что не искусство — то жизнь. Стихи можно писать, вдохновляясь жизнью…

Как бы мало ни воплощала искусства Зинаида Николаевна — для всех, кроме Пастернака, — он не перестал писать стихи.

24.02.1932. Пришел Пастернак с новой женой Зинаидой Николаевной. Пришел и поднял температуру на 100°. При Пастернаке невозможны никакие пошлые разговоры, он весь напряженный, радостный, источающий свет. Читал свою поэму «Волны», которая, очевидно, ему самому очень нравится, читая, часто смеялся отдельным удачам, читал с бешеной энергией, как будто штурмом брал каждую строфу, и я испытал такую радость, слушая его, что боялся, как бы он не кончил. Хотелось слушать без конца — это уже не «поверх барьеров», а «сквозь стены». Неужели этот новый прилив творческой энергии ему дала эта миловидная женщина? Очевидно, это так, потому что он взглядывает на нее каждые 3–4 минуты и, взглянув, меняется в лице от любви и смеется ей дружески, как бы благодаря ее за то, что она существует.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник 1930–1969. Стр. 49

Так что Борис Пастернак не перестал писать стихи в 1931 году, за тридцать лет до смерти, даже Зинаиде Николаевне не удалось бы прервать его творчество.

На кого рассчитано такое вранье? Что Пастернак перестал писать стихи? Перестал на тридцать лет? Перестал из-за женщины? Очевидно, на тех же читателей, которым «не нужна книга Мандельштама, потому что они не знают всех реалий тогдашней жизни».

Но это вранье по-крупному. Вернемся к изысканному, утонченному, мелкому вранью на каждый день.

8 декабря 1929 года.

Мокрый, пасмурный день. Теплый воздух… «Как зима в Париже, совсем так бывает зимою в Париже», — сказала АА.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 179

До этого момента Анна Андреевна Гумилева была в Париже 2 раза: первый раз со 2 мая по начало июня 1910 года и второй раз с середины мая по начало июля 1911 года. Но

все равно — красиво говорит о зиме в Париже.

А стремительны ли там домкраты?

И так далее.

ИНТЕРЕСНИЧАНЬЕ

Интересничанье — этим, собственно, и была вся ее великая жизнь. И приемы были очень грубые, но что поделаешь, слаб человек, вот видят красивую женщину (очень красивую, согласимся с ней) — ну пусть будет и интересной, раз она этого хочет.

1907 год. Анна Горенко в письме шурину:

«Я ничего не пишу и никогда писать не буду. Я убила свою душу».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 26

Ей восемнадцать лет, и такую надрывную строчку ей можно было бы легко простить, если бы в семьдесят лет она не писала бы про себя «это существо», «страшная жизнь», «бурбонский профиль», «очень стройна».

1910 г.

Записка А.А. — В. Срезневской.

«Сейчас еду в Киев. Молитесь обо мне. Хуже не бывает. Смерти хочу. Валя моя, если бы я умела плакать».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 34

В 22 года, конечно, еще бывают отголоски юношеских депрессий. Записывать эти выкрики — дело темперамента и вкуса. В ее случае — литературного вкуса. В 22 года Толстой начал писать «Детство».

За границу не поеду, что там делать! А дней через 10 буду опять в Слепневе. Если даст Бог, помру, если нет — вернусь в Петербург. Лето у меня вышло тревожное: мечусь по разным городам, и везде страшно пусто и невыносимо. Мне сказали, что издание «Четок» придется повторить.

Письмо А.А. — М. Л. Лозинскому из Киева

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 74

Придется повторить… Какая страшная пустота и невыносимость…

Но она невыносима в своем позерстве, и если сегодня она не кривлялась, то это вероятно, оттого, что я не даю ей для этого достаточного повода.

Николаи ПУНИН. Дневники. Стр. 78

Может быть, Вы знаете, что я ПОСЛЕДНЯЯ ХЕРСОНИДКА, т. е. выросла у стен древнего Херсонеса (т. е. с 7 до 13 лет проводила

там каждое лето).

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 211

Себя также она называет «чингизидкой» — но это отдельная тема.

Пишет мужу только что умершей сестры Инны о своих усадебных страстях. Ей семнадцать лет, но тон и вкус не изменятся и через шестьдесят лет.

Перед своими домашними я читала это письмо «с выражением», попробуйте и вы — получается очень смешно (речь идет о нелюбимом Николае Гумилеве). Важно удерживать «дворянскую» интонацию.

«Как вы думаете, что скажет папа, когда узнает о моем решении? Если он будет против моего брака, я убегу и тайно обвенчаюсь с Nicolas. Уважать отца я не могу, никогда его не любила, с какой же стати буду его слушаться. Я стала зла, капризна, невыносима. О, Сережа… Если я буду жить в будущем году в Петербурге, вы будете у меня бывать, да? Не оставляйте меня, я себя ненавижу, презираю. Скорее бы кончить гимназию. Здесь душно! Я сплю 4 часа в сутки вот уже 5-й месяц».

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 323

«Я увидела страшной северную Францию из окон вагона. И я подумала: «Такое небо должно быть над генеральным сражением» (день, конечно, оказался годовщиной Ватерлоо, о чем мне сказали в Париже)».

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 350

Слово «страшный» — ключевое. Так она пишет, став постарше — это шестидесятые годы.

«Это Вам почему-то пришло в голову показать мне сквозь беспощадное солнечное сияние страшный фон моей жизни и моих стихов».

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 247

Зимой 1915—16 гг. приезжал В. Иванов в Петербург. На собрании Ревнителей художественного слова в «Аполлоне» встретился с Николаем Степановичем и с АА. АА была в трауре. А Вячеслав Иванов, решив, по-видимому, что АА так оделась из «манерности», спросил ее, почему у нее такое платье? АА ответила: «Я в трауре. У меня умер отец…» В. Иванов сконфужен был и отошел в сторону.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 52

Хорошо она его отбрила, можно запомнить на лет 10–12. А почему он, кстати, подозревал ее в манерности?

«Как легко и свободно я сказала трем парням, которые приехали ко мне за стихами: «Все равно не напечатаете». Вот это жизнь, достойная порядочного человека! А теперь… Тогда я дала им совсем новый «Летний сонет» и еще что-то. Значит, скоро 10 лет, как я снова печатаюсь. Ну и путы же это…»

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 245

Она метит все географические и топографические объекты, которые имели несчастье попасться ей на жизненном пути — несчастье, потому что метку получали несуразную: бессмысленную, ни метафорически, ни метафизически не связанную с объектом. Принцип один — чтобы было сказано красиво. «Все места, где я жила, уничтожены» — не уничтожено ни одно; «Все дощато, гнуто» — на месте каменных карьеров; полуграмотное описание Венеции, парижской зимы — и т. д. до бесконечности. Все, что она ни говорит о жизни и местах этой жизни, — сказано для того, чтобы сказать красиво.

Черное море любит больше Средиземного (Ривьера).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 230

В Италии была 20 дней. Средиземное море видела неделю — в Генуе.

АА подарила мне свою фотографию и надписала: «Non dolet, 9 февраля 1926» (Не больно).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 36

Интересничанье уже совсем перешло в пошлость. Ну не больно, так и не больно. Надписывает так свою фотографию — «Не больно», а ведь 38 лет уже. Она ничем не отличается от себя шестнадцатилетней и ничем — от семидесятилетней.

1914 год.

Я стояла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько человек из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошел Осип: «Как вы стояли, как читали», и еще что-то про шаль.

Анна Ахматова.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 67

Ну прямо как будто она стихотворения Мандельштама не знает. Или уже забыла, что там что-то про шаль тоже было… так все переплелось…

Несмотря на то что есть писаное посвящение, Ахматова боится что подумают, что это — поэтические фантазии Мандельштама. Что она в самом деле не была так равнодушна, не смотрела вполоборота и пр.

За границей Ахматову «носят на руках». Вот что известно с ее слов:

В номере отеля очень много цветов. Анна Андреевна говорит Ане: «Да вынеси ты хоть половину!»…

Владимир РЕЦЕПТЕР. «Это для тебя на всю жизнь…» Стр. 660

Зачем это надо записывать? Что цветов много — ну, может быть, и много, но не настолько же, чтобы прилюдно, изнемогая, требовать выносить?

Блок: «Ахматова пишет стихи так, как будто на нее смотрит мужчина, а надо писать так, как будто на поэта смотрит Бог».

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 80

К сожалению, дело обстоит еще хуже — Ахматова пишет даже не перед мужчиной, а перед женщиной. Другой женщиной — соседкой, женой знакомого, знакомой актрисой. Мирок сузился настолько, что ей даже не нужно удивлять, пленять, прельщать, а надо только уесть, щелкнуть по носу, вызвать зависть.

А.А. — Блоку.

6 или 7 января 1914 года.

«За стихи я вам глубоко и навсегда благодарна. Я им ужасно радуюсь, а это удается мне реже всего в жизни».

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 336

Ну прямо ужасно радуется. А это — радоваться, ну как можно — удается ей реже всего в жизни…

A propos:

АА разбирала книги в столовой на полу. Попалась книга Блока с его надписью: «А. А. Гумилевой» (1913).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 76

Не более того.

«Шилейко мне говорил: «От вас пахнет пивом». Я отвечала: «Я пила только шампанское». — «Тогда пейте пиво, и от вас будет пахнуть шампанским…»

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 47

Она точно так же интересничает, и в стихах, казалось бы, это намного заметнее, чем в жизни, но тут получается так: кто мог бы заметить — не читает Ахматову, а кто в восторге от «Мальчик сказал мне: “Как это больно”» — тому хоть кол на голове теши.

Но Ахматову интересуют не только «знаменитые современники». В разных местах ее книги фигурирует какой-то «мальчик».

Мальчик сказал мне: «как это больно»!
И мальчика очень жаль… — сообщает она наивным тоном институтки, и еще то, что этот мальчик «жадно и жарко» «гладит» ее холодные руки.

Д. ТАЛЬНИКОВ. Анна Ахматова. Четки. Стр. 108

А через страницу Ахматова уже хоронит «веселого мальчика» и просит прощения за то, что «принесла» ему смерть.

Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.

«Томно-порочная» — вот он, эффект этих демонических женщин. Своими именами они не желают называть вещи, им подавай плащи. «Томно-порочная». Одно время такая любовь была в самом ходу, как «модерн» у приказчиков от литературы, теперь это немного запоздало… Хотя, впрочем, как знать? «Томно-порочная» всегда ведь будет существовать.

Д. ТАЛЬНИКОВ. Анна Ахматова. Четки. Стр. 108–109

Это рецензия на самые ранние стихи, но такие голоса потонули в визгах «фельдшериц и учительниц», а потом, когда она обвешает малознакомого человека «венчальными свечами» и «ты не станешь мне милым мужем» — то в игру уже вступит до половины возведенное «Величие» и в такой исступленный геополитический роман будет полагаться безоговорочно верить — неприлично станет не верить. Рассерженных рецензентов не найдется.

На Западе нас не понимают.

Есть от чего взбеситься или оледенеть. Впрочем, она собирается в Оксфорд. У самой двери: «Я из Франции получила приглашение. Вот уж непонятно, зачем могла я понадобиться французам».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966.

Стр. 270

Опять требования «Пролога» из ФРГ. Что за напасть!

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 330

Это дневник за 1965 год. Больших хлопот ей немцы не доставили — но погневаться притворно — почему бы нет!

«Оксфордцы вздумали выдвинуть меня на Нобелевскую премию. Спросили, разрешаю ли я. А я находилась в припадке негативизма, которым страдаю с детства. Я ответила: «Поэт — это человек, которому ничего нельзя дать, и у которого ничего нельзя отнять».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 243

Оксфордцы вздумали, им взбрендилось…

Поэту, может, ничего и нельзя дать. Но поэт может потребовать. Анна Андреевна была очень требовательна.

5 октября 1961.

Утром мне позвонила Анна Андреевна: «Я сегодня веселенькая, меня отставили от Стокгольма».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 525

Немножко слишком нервно, а так — можно и поверить.

Я спросила, встала ли она рано или совсем не спала. — «Совсем не спала».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 73

Не надо и спрашивать.

«Как я была тогда уверена, что ни одна моя строка не будет никогда напечатана, как эта уверенность удобно и вольно жила в моем сознании, не причиняя мне ни малейшего огорчения… Вот это жизнь, достойная порядочного человека!»

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 51

ЭТО так, но она не была порядочным человеком.

«От огорчения, что «Вечер» появился, она (девочка) даже уехала в Италию, а сидя в трамвае, думала, глядя на соседей: «Какие они счастливые — у них не выходит книжка».

Анна Ахматова.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 217

«Так хочется умереть!.. Когда подумаю об этом, такой веселой

делаюсь!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 72

«Вы должны знать — ведь я говорила, что так будет! У меня ничего не болит, вы видите, я могу ходить, температура не повышается… Как будто все хорошо — а вместе с этим я так ясно чувствую, *как смерть ложится сюда*» и пальцами коснулась своих волос и лба.

П.Н ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 109

Семестр, который она проучилась на юридическом факультете высших женских курсов в Киеве, дал ей знания по истории права, отзывавшиеся в ее беседах неожиданным заявлениям вроде «я как юрист утверждаю…»

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 171

«Я маму просила не делать три вещи: «Не говори, что мне 15 лет, что я лунатичка и что я пишу стихи»… Мама все-таки всегда говорила».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 58

«Не говори» — ее обычный прием.

Почему-то ее считали «лунатичкой», и она не очень импонировала «добродетельным» обывательницам.

В. СРЕЗНЕВСКАЯ. Дафнис и Хлоя. Стр. 6

Это пишется под диктовку Ахматовой.

В юности она страдала лунатизмом в полном его выражении. Однажды ночью ее нашли в бессознательном состоянии лежащей на полу в церкви.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 470

Надо полагать, Эмма Григорьевна при сем не присутствовала: это Анна Андреевна придумывает о себе. На полу, да в церкви!

Убежденно говорила о себе: «Я черная». Никогда не обращала внимание на одного, безумно ее любившего. Однажды, встретившись с ним, спросила: «Как ваше здоровье?». И вдруг с ним случилось что-то необычайное. Она спросила его о причине такого замешательства. Он тихо, печально ответил: «Я так не привык, что Вы меня замечаете!». АА — мне: «Ведь вы подумайте, какой это ужас? Вы видите, какая я?»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 43

1.01.25.

«Я не люблю своего почерка. Очень не люблю. Я собирала все, что было у моих подруг написанного мной — и уничтожала. Когда я в Царском Селе искала на чердаке в груде бумаг письма Блока, я, если находила что-нибудь написанное мной, уничтожала. Не читая — все… Яростно уничтожала».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 23

Какая бессмысленная и неправдоподобная красивость!

Н. Н. Пунин дал утром АА письмо. АА читала его несколько раз. Когда я ей заметил это, она дала его мне: «Прочтите». Я прочел. Смысл его — «я без тебя не могу работать». Выражение: «Ты самая страшная из звезд».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 104

За это выражение и дала прочесть.

О седьмой симфонии Шостаковича:

Раневская сказала о симфонии: «так страшно, точно ваша поэма… несколько человек так говорили».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 465

Просто нельзя было остановить — все говорили и говорили. Раневская все знает, что ей надо услышать.

1965 год.

Tel<egramme> из Ташкента (Т<оля>), там лето и моя страшная тень (профиль).

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 329

В тени ничего страшного не было — в доме хороших знакомых хозяин обрисовал ее характерную тень на стенке. В тут же сочиненном стихотворении она, правда, назвала его — «кто-то», свой профиль — «не женским, не мужским, но полным тайны». Это уж как всегда.

Эвакуацию же в Ташкенте при этом случае она поминает весомо — не все же догадываются, что это были за времена. А «Дневники» будут читать в веках — нужны цитаты.

Там я оставила войну, хотя и победоносную, но все равно кровавую. Там родина «Пролога», от кот<орого> нет спасения.

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 329

«Мои стихи губят людей. Мои письма губят. И что за судьба моя! Ни у кого такой нет».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 569

Корабль из Дувра приходит к лондонскому причалу. Анна Андреевна, тяжело опершись на плечо своей молодой спутницы, спрашивает: «Почему я не умерла, когда была маленькой?»

Владимир РЕЦЕПТЕР. «Это для тебя на всю жизнь…» Стр. 659

Очевидно, чтобы пережить этот момент Славы.

Корнею Чуковскому точно такое же звание вручали здесь же, в Оксфорде, на три года раньше. Он съездил — без большого удовольствия, правда — 80 лет все-таки, но с интересом: был восторженно встречен, говорил по-английски, многое и многих увидел — и безо всяких «зачем я не умер маленьким».

А вот что она пишет о себе в семьдесят лет. Вчитайтесь в красоту каждого слова.

«Когда в 1910 люди встречали двадцатилетнюю жену И. Гумилева, бледную, темноволосую, очень стройную, с красивыми руками и бурбонским профилем, то едва ли приходило в голову, что у этого существа за плечами уже очень большая и страшная жизнь, что стихи 10–11 годов не начало, а продолжение».

Светлана КОВАЛЕНКО.

Анна Ахматова. Личность. Реальность. Миф. Стр. 52

Этот creme de la creme я приберегла под конец. Найдите отличия между ее пошлостями, писаными в 18, в 38 и в 70 лет.

Ардову, как и Раневской, нестерпимо делать вид, будто он во все это верит.

Ардов изображает дурака-грузина, попрекающего тещу: «Вам, мама, в вашем возрасте не пудриться надо, а размышлять о потустороннем мире».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 90

И то правда.

BON MOTS

Написала Ахматова мало; прозы, за которую с возрастом берется поэт, потому что накопленного времени становится больше, в жизни замечено многое, а мастерство кажется очевидным уже даже для самого себя, — писать не могла и не хотела. Или ленилась — судя по тому, как плохо написано то немногое, что есть. А писательское реноме надо поддерживать — стала мастером устных рассказов. Рассказов тоже было мало, они бесконечно повторялись, были и незначительны по содержанию и бедны художественными открытиями — пришлось с иронией называть их «пластинками». «Вы слышали мою пластинку о паровозе?..» По-настоящему все-таки осталось одно — быть просто салонной острословицей (данные для этого были). Остроты, правда, тоже повторялись, но настоящая беда была в том, что статус страдалицы, «скорбицы», монастырки и акмеистки заставлял говорить чаще пусто и пафосно, чем остро.

«Стихи могут быть связаны с запахами духов и цветов».

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 254

«Знаете, я часто думаю о том, что расставание с жизнью, если человек еще в сознании, должно быть очень страшно».

Е. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА. Встречи с Ахматовой. Стр. 244.

C'est Ça!

Я попыталась задать Анне Андреевне неотвязный вопрос: отчего все теперяшние радости пропитаны для меня отравой? Даю честное слово: не от того, что другие вернутся, а Митя нет. Честное слово.

«Отчего? — Анна Андреевна серьезно поглядела мне в лицо: пойму ли? — От того, что бессознательно, того не ведая сами, вы хотите, чтобы этих лет будто и не было, а они были. Их нельзя стереть».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 198

«Когда подросток рассуждает о любви, о том, что после первой ночи он ее убьет. Не мысли мальчика, а самого Федора Михайловича».

Наталия ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 585

Как сказал ее любимый Флобер: Эмма — это я. Действительно, кем бы мог быть этот мальчик, как не Федором Михайловичем? И мальчик, и отец его, и отчим, и мать, и собака его — все это только Федор Михайлович.

У нескольких фигур Эрмитажа треснули ноги. «Они в белые ночи бегают на площадь играть в мяч, вот и поломали себе ноги!..»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 292

Ср. с «тонкой шуткой» Никиты Богословского: «По ночам чайные ложки в стаканах в купе проводника позвякивают и сплетничают о пассажирах».

Я сказал: «Акума, вы исключительно вредная… для самой себя!».

АА: «Вы редко удачно говорите, но на этот раз очень удачно сказали…»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 246

А вчера ночью, возвращаясь в Мраморный дворец, остановилась на Марсовом поле, внимательно и долго смотрела на снежные сугробы и сказала о том, что вот «бедное Марсово поле всю зиму выдерживало, а теперь — не выдержало и глубоко покрылось снегом…»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 65

Незадолго до смерти судьба послала Анне Андреевне аппендицит. С некоторым опозданием в больничной палате появился представитель писательского Союза, принес цветы, предлагал переехать в другую, лучшую больницу. Ахматова отозвалась холодно: «Благодарю. Я уже перерезана пополам».

Игн. ИВАНОВСКИЙ. Анна АХМАТОВА. Стр. 620

Не успел. Но и что пополам — это все-таки преувеличение.

Италия — это сон, который длится всю жизнь.

Анна АХМАТОВА

«Сосны за моим окном всегда неподвижны. А сегодня они качаются, перешептываются, сплетничают».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 246

«Сегодня в парке березы как березы, а когда они освещены солнцем, то становятся такими бесстыдно-нестеровскими…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 279

Анна Андреевна первая увидала белку, вьющуюся вокруг ствола. «Ртуть», — сказала Анна Андреевна. Потом: «Быстрая, как тень». Потом: «Здесь преступно хорошо».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 133

Одно выражение гениальнее другого.

Говоря словами Ахматовой — «в веках и народах».

Иосиф БРОДСКИЙ. Об одном стихотворении. Стр. 193

Больше никто таких слов не употреблял? Или не знал?

Повторяет без ссылок чужие остроты. О деле Бродского говорит слово в слово за Маршаком:

«Это дело Дрейфуса и Бейлиса в одном лице».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 378

8 декабря 1924 года я впервые вошел в Мраморный Дворец, а сегодня, 8 декабря 1929 года, через 5 лет, войду туда в последний раз.

А.А. сказала: «Это страшно».

П. Н. Лукницкий. ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 131

«Не утешайте меня, я безутешна», — с нарочитой небрежностью ответила Анна Андреевна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 17

«Не надо подавать мне первую помощь — я безутешна».

Ника ГЛЕН. Вокруг старых записей. Стр. 634

«Ни слова правды — ценное качество для мемуариста».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 429

Сказано с иронией.

«Входит Виктор Ефимович и сообщает торжественно, что один москвич, какой-то смрадный эстрадник, в стары годы знавал сына Тютчева от этой вот его последней дамы… Я не растерялась. Ярость сделала меня вдохновенной. Я в ту же секунду ответила: через пятьдесят лет кто-нибудь скажет, что лично знавал моих

близнецов…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 274

Рассказала новеллу:

«Сижу я раз со Шварцем в нашем ресторане (на Съезде писателей). Обедаем. К нашему столику подсаживается Городецкий: «Анна Андреевна, разрешите представить вам моего зятя». — «Пожалуйста». Ушел за зятем, возвратился: «Анна Андреевна, он говорит, что ему неохота знакомиться с контрреволюционной поэтессой». Я ответила ангельским голосом: «Не огорчайтесь, Сергей Митрофанович, зятья — они все такие». Не правда ли, я его перехамила?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 106

Ну не светский ли лоск?

Продолжение новеллы — она прямо царица салонов:

«Через несколько дней я, чтобы похвастать, рассказала всю историю Эренбургу. Он спрашивает: «А что же Шварц? Неужели ни слова? Это недостойно мужчины. Я бы Городецкому так ответил, что он костей бы не собрал». Я сказала: «Не могу же я, на случай возможного хамства, всегда водить с собой Эренбурга. Слишком большая роскошь».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 106

«Она на два года старше меня… Параллельность жизней в одном времени».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ, Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 490

Да, параллельность жизней в одном времени. Что она хотела сказать, кроме того, что хотела сказать что-то красивое, со словом «параллельный»?

О Седьмой симфонии Шостаковича:

«Вещь гениальная, Шостакович — гений и наша эпоха, конечно, будет именоваться эпохой Шостаковича»…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 465

Пушкинская эпоха, эпоха Шостаковича — Анна Андреевна упражняется в разных вариантах, как бы подчеркивая, что она — автор этого хода. На самом деле он заимствован.

Михаил Ардов — священник и летописец Легендарной Ордынки. Вот его описание судьбоносного момента в его жизни — в 27 лет он принимает крещение: день, когда пересекаются обе линии его жизни.

Мы с Ахматовой идем по темному двору, я веду ее под руку от автомобиля до нашей квартиры.

— Анна Андреевна, я крестился.

Она несколько секунд помолчала, потом произнесла: **(читатель, ты замер в предвкушении, сейчас ты узнаешь то, что сказала великая Ахматова, узнав о крещении сына своей ближайшей подруги, «московской дочери». На дворе 1964 год, штучны крещающиеся, какие же слова помнит протоиерей Ардов более сорока лет, что за напутствие монастырка ему дала?). Итак:**

— Как хорошо, что ты мне это сказал.

Михаил АРДОВ. Монография о графомане. Стр. 175

Это все.

В поезде по пути в эвакуацию.

Перечитывает «Alice through the lookingglass» — книжку, которую дал мне в дорогу К.И., чтобы я читала детям. «Вы не думаете, — спросила меня Анна Андреевна, — что и мы сейчас в Зазеркалье?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 239

Это смешно, как карикатура на совет Толстого свояченице о том, что порядочная женщина в дороге должна бы английский роман читать. А потом — ее бессмысленные многозначительности, которые люди с благоговением записывают за ней и которые ничего не значат.

«В Москве ко мне как-то зашла одна девица. Из породы «архивных девушек» — слышали этот термин? Это я его ввела». **Надеюсь, что «Слышали?» подразумевает «от меня?», а не то, что по всей России говорят так. Предполагая, что самой Ахматовой известен «термин» «архивны юноши», могли бы надеяться, что все журналисты и журналистки несметного количества ежедневных газет, радующие нас утренними шутками и каламбурами такого же и гораздо лучшего сорта, тоже имеют право на пошуточное признание.**

«Научно доказано, что мужчины — низшая раса».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 304

Пример острословия.

Как-то раз наше такси остановилось у бензоколонки рядом с новеньким сверкающим «Мерседесом», я сказал: «Красиво, правда?» — «У вас буржуазный вкус».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 253

А какой вкус должен быть в дизайне автомобиля?

Ахматова, рассказывая о наводнении: «Питер с вывороченными после наводнения торцами походит на человека, с которого содрали кожу».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 72

Вспоминая кровать А. И. Гумилевой, АА говорит: «Упоительная кровать была!» Очень часто к мебели, к столу, к креслу и т. п. АА прилагает самые нежные, самые ласковые эпитеты.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 73

«Многоуважаемый шкаф!», например. Может, Павел Николаевич Лукницкий тоже это помнит еще? При любви к нежным эпитетам она часто, правда, не понимает их смысл — каменный дом, например, с метровыми стенами называет «деревянным», даже еще более упоительно — «дощатым».

А об упоительных кроватях с молодым мужчиной можно говорить, только имея в виду подпустить намек.

Не слишком оригинально.

Часть VIII
LA FEMME FATALE

ВЕЛИКАЯ МАДЕМУАЗЕЛЬ

«Человек — это стиль», — говорила Коко Шанель. Анна Ахматова во всяком случае не Поэт, не Жена и не Мать. Анна Ахматова — это Стиль. И ничего больше.

«Подумайте: даме 53 года, а еще видно, чем она была. Видно, в чем, собственно, было дело».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 305

Это так, в этом и было дело.

Из поэтесс ярче всего запомнилась Анна Ахматова. Пленительная сила струилась от нее. Тонкая, высокая. Стройная, с гордым поворотом головы, закутанная в цветистую шаль, Ахматова походила на гитану. Нос с горбинкой, темные волосы, на лбу подстриженные короткой челкой, на затылке подхвачены испанским гребнем. Небольшой, тонкий, нечасто улыбавшийся рот. Темные, суровые глаза. Ее нельзя было не заметить. Мимо нее нельзя было пройти, не залюбовавшись ею.

На литературных вечерах молодежь бесновалась, когда Ахматова появлялась на эстраде. Она делала это хорошо, умело, с сознанием своей женской обаятельности, с величавой уверенностью художницы, знающей себе цену.

А. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС. Тени минувшего. Стр. 544

Ахматова была в белом платье со «стюартовским» воротником (какие тогда носили), стройная, красивая, черноволосая, изящная. Ей было тогда под тридцать, это был расцвет ее славы, ее челки, ее профиля, ее обаяния.

Н. БЕРБЕРОВА. Курсив мой. Стр. 563

Странно, что она не верила, что так про нее напишут, сама сидела и сочиняла про тонкие руки и бурбонский профиль.

«Четки» была первая книга с чистой обложкой, без рисунков и т. п. Это была мысль АА. Детали обложки — разработаны Лозинским. С тех пор почти все книги стихов издаются так. Но «Четки» были примером.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 222

Это — ее стиль. Она была очень стильная.

На старости Ахматова вдруг узнала себя в дочери Ирины Пуниной, Ане Каминской, и даже заставила ее отрезать себе челку. Аня показалась мне абсолютно нелепой в ахматовской челке, и Ахматова отчаянно на меня обиделась.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 356

Это совершенно уже современная технология по продвижению собственной марки.

Когда легендарный, умело стилизованный облик ее создавался с помощью Блока, Кузмина, Гумилева, критиков, художников и восторженных поклонников и особенно поклонниц ее музы.

В. И. САХАРОВ. А. Ахматова и М. Булгаков. Стр. 203

Анна Андреевна своей осанкой, странным обликом неизменно привлекала внимание прохожих. Некоторые раскланивались с ней. Часто у нее спрашивали дорогу. Старик на белом ослике с поклажей, видимо, приехавший из деревни, почтительно спросил у нее, как проехать на Туркестанский базар. <…> Анна Андреевна смеялась и говорила, что это ее призвание, что у нее и в Ленинграде, и всюду, всегда спрашивали дорогу. «Однажды я видела, как человек нарочно перешел площадь, чтобы спросить меня, как ему проехать на Пески».

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 10

«Один скульптор собирался было лепить меня, но потом не пожелал: «Неинтересно. Природа уже все сделала».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 33

Это так. А скульптор мог быть и говорить или никогда не существовать и не говорить, она, по обыкновению, могла это выдумать, но по сути это было так.

Единственное, что в ней не красиво особой ахматовской красотой, — руки, это не рука красавицы, здесь не прав скульптор, отказавшийся ее лепить, рука требовала доработки.

И я еще раз увидала, как неверно изображают ее руку портретисты: на самом деле никаких длинных костлявых пальцев (а жаль), детская ладонь, а пальцы стройные, но маленькие.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 184

Она пришла сама — нарядная и почти румяная. «Как вы хорошо выглядите!» — «Ну что вы! Просто вымылась горячей водой и напудрилась». Прочитала новые стихи — по-видимому, «Мои молодые руки».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 199

Анна Андреевна вскочила и накинула черный халат. (Он порван по шву, от подмышки до колена, но это ей, видимо, не мешает.)

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 33

Дневник 1914 год. 24 октября.

Сегодня возвращался из Петрограда с А. Ахматовой. В черном котиковом пальто с меховым воротником и манжетами, в черной бархатной шляпе — она странна и стройна, худая, бледная, бессмертная и мистическая. <…> У нее длинное лицо с хорошо выраженным подбородком, губы тонкие и больные, и немного провалившиеся, как у старухи или покойницы; у нее сильно развитые скулы и особенный нос с горбом, словно сломанный, как у Микеланджело; серые глаза, быстрые, но недоумевающие, останавливающиеся с глупым ожиданием или вопросом, ее руки тонки и изящны, но ее фигура — фигура истерички; говорят, в молодости она могла сгибаться так, что голова приходилась между ног. <…> Из-под шляпы выбивалась прядь черных волос; я ее слушал с восхищением, так как, взволнованная, она выкрикивала свои слова с интонациями, вызывающими страх и любопытство. Она умна, она прошла глубокую поэтическую культуру, она устойчива в своем миросозерцании, она великолепна. Но она невыносима в своем позерстве.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 78

Опять бульон и курица на ночном столике АА, и она в чесучовом платье, под одеялом, с распущенными волосами и белой-белой грудью и руками.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 292

АА через 20 минут в черном жакете (и под ним черное платье), выходит.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 20

В столовой — вышла АА, распущенные волосы, черное

шелковое платье…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 206

17 июля.

Письмо Меркурьевой — Е. Я. Архипову.

Не могу написать ничего об Ахматовой — не было сил записывать каждое слово, каждое движенье. Теперь все слилось. Прекраснее нет на земле.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 22

Из гусарской переписки любовников, бывшего и настоящего:

Попросту красивой ее нельзя назвать, но внешность ее настолько интересна, что с нее стоит сделать и леонардовский рисунок, и генсборовский портрет маслом…

Недоброво — Анрепу.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 72

Высокая, стройная женщина. Брюнетка. Носик с горбинкой. В лице что-то нерусское. Глаза хотя голубовато-синие. В лице у нее что-то татарское. Все на нее заглядывались. По лицу, очень истасканному, несвежему, ей лет 26–27.

И. В. Евдокимов. Дневник.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 66

Письмо В. А. Меркурьевой — К. Л. Архиповой.

Я видела ее одну минуту — и ослепла. Как расскажешь о ней? Высокая (не так высокая, как стройная) женщина-птица, руки легкие, в полете, глаза без цвета, так глубоки и темны светлые глаза, в черном длинном в обтяжку платье.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 142

Ахматова гордилась своей горбинкой…

А. КУШНЕР. Здесь, на земле… Стр. 171

Она похожа на ростовскую икону XIV века: длинные руки и ноги, маленькие ладони и ступни, маленькая голова, большой живот, высокие широкие бедра, удлиненное тело.

Можно видеть это по-другому, но это не меняет сути.

О фамильном сходстве Ахматовой с братом.

Он на динозавра походил. Значит — огромное туловище, тело колоссальное, длинная шея и миниатюрная головка, маленькая такая.

М. Б. БЕРШТЕЙН в записи Дувакина. Стр. 140

Анна Андреевна совершила с Пильняком экзотическую поездку в открытой машине из Ленинграда в Москву. Где-то под Тверью с ними случилась небольшая авария, пришлось остановиться и чинить машину. <…> Сбежались колхозники. И сама легковая машина, и костюм Пильняка обнаруживали в нем советского барина. Это вызывало вражду. Одна баба всю силу своего негодования обратила на Ахматову. «Это — дворянка, — угрожающе выкрикивала она. — Не видите что ли?»

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 148

Все видно. Кстати, здоровье надо иметь большое — такое расстояние да еще немыслимая открытая машина.

У нее лично никогда не было денег, и она <…> не очень-то любила одеваться или не могла одеваться — не знаю. Дома, например, она ходила в каком-то китайском или японском халате, и сзади был виден большой шов… ну, туфли уже стерты — в общем, она никак не была одета. Даже в те годы, когда еще особенно не одевались, она все равно была одета… видно было, что у нее нет денег и что это ее очень мало волнует.

Е. К. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА в записи Дувакина. Стр. 117

Но все равно было видно — «в чем было дело».

<…> Те времена, когда одна ее внешность служила моделью для элегантных женщин артистической среды.

Э. ГЕРШТЕЙН. Тридцатые годы. Стр. 252

Для московского житья она захватила с собой ярко-красную пижаму Пунина, которая подчеркивала ее высокий рост и линейность фигуры. Но матиссовские волосы, ренуаровская челка, черные волосы делали ее похожей на японку. Впечатление, очевидно, неверное, особенно если вспомнить миниатюрность японок, но мы жили так серо, а облик Ахматовой был так необычен, что рождал какие-то неопределенные воспоминания и ложные ассоциации.

Э. ГЕРШТЕЙН. Тридцатые годы. Стр. 248

А Марлен Дитрих — я не знаю, решилась ли бы, додумалась ли бы до такого стильного наряда? Красная мужская пижама! Сто очков!

Это вам не ее современница Зинаида Гиппиус, «вся в белом»: о такой писать нечего — старомодно.

Лицо у нее было усталое, немолодое, землистого цвета, однако изящный и нежный рисунок рта, нос с горбинкой были прелестны. Улыбка ее не красила.

Э. ГЕРШТЕЙН. Тридцатые годы. Стр. 248

Всякий раз, когда я видел ее, слушал ее чтение или разговаривал с нею, я не мог оторваться от ее лица: глаза, губы, вся ее стройность были тоже символом поэзии.

Юрий АННЕНКОВ. Дневник моих встреч. Стр. 78

Бывало, человек, только что ей представленный, тут же объяснялся ей в любви.

Георгий АДАМОВИЧ. Мои встречи с Анной Ахматовой. Стр. 68

<…> Ну, внешне она была изумительна.

М. Б. БЕРШТЕЙН в записи Дувакина. Стр. 140

<…> Анна Ахматова поразила меня своей внешностью. Ее иногда называют красавицей: нет, красавицей она не была. Но она была больше чем красавица, лучше, чем красавица. Никогда не приходилось мне видеть женщину, лицо и облик которой повсюду, среди любых красавиц, выделялся бы своей выразительностью, чем-то сразу приковывающем внимание.

Георгий АДАМОВИЧ. Мои встречи с Анной Ахматовой. Стр. 66

Перед войной у красоты Ахматовой был пубертатный период. Она была гадким утенком — челка уже не французила ее, а выдавала только бедную старость, которая считает, что завязать пучок — значит сдаться. А на адаптацию имиджа к возрастным изменениям средств нет — вот и нищая полубезумная старость подступила… Худоба тоже выглядела не холеной и высушенной, а заезженной. Всласть поев, попив (оставим на ее совести «третий клинический голод») во время войны, открыв для себя третий возраст неги смятых простыней, она пережила серьезное изменение внешности — как гусеница, за ночь превратившаяся в бабочку. Она была очень хороша в старости.

19 марта 1947.

Она немного похудела лицом, но, кажется, стала еще красивее. Она была в красивом темно-синем платье лиловатого тона, вижу в нем впервые. Этот цвет ей идет больше всего. Черные замшевые туфли на высоких точеных каблуках.

А. В. ЛЮБИМОВА. Из дневника. Стр. 432

Перед встречей с Робертом Фростом, иностранцем.

Утром Нина Антоновна сделала ей великолепную прическу, красиво зачесала волосы наверх, погладила парадное шелковое платье, называемое «подрясник». В тон платья надели парадные серые туфли Нины Антоновны. И, высоко неся седую голову, в длинном светло-сером платье, она, в ожидании машины, появилась на крыльце.

Сильва ГИТОВИЧ. В Комарове. Стр. 517

Секрет житейского образа Ахматовой и секрет ошеломляющего впечатления, которое этот образ производит, состоит в том, что Ахматова обладает системой жестов. Ее жесты, позы, мимические движения не случайны и, как все конструктивное, доходят до сознания зрителя. Современный же зритель-собеседник не привык к упорядочненной жестикуляции и склонен воспринимать ее в качестве эстетического эффекта. Движения рук, плеч, рта, поворот головы — необыкновенно системны и выразительны, но то именно, что они выражают, остается неузнанным, потому что нет жизненной системы, в которую они были бы включены. Перед нами откровенное великолепие, не объясненное никакими социально-бытовыми категориями.

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. Стр. 133

Это — то, что только женщина может писать о женщине, описывая ее любовные, неведомые ей — немужчине — чары. Хотя любовь здесь была не к мужчине. А — к человекам, и, впрочем — продолжим цитату и придадим ей злой смысл — не любовь, а ловля человеков.

Она прочла в каких-то зарубежных мемуарах — женских, конечно, что она была некрасивой — писала, очевидно, какая-то одноклеточная женщина. «Надя, объясните мне, почему я должна быть красивой? А Вальтер Скотт был красивым? Или Достоевский? Кому это в голову придет спрашивать?». С этого дня началось собирание фотографий. Все знакомые несли ей фотографии: помните, Анна Андреевна, мы это у вас выпросили? Нужна она? <…> Анна Андреевна собирала фотографии, там, где она красивая, разумеется, и выклеивала их в альбом <…>. А записать стихи не успела — времени не хватило…

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. Стр. 325

Она была невероятно высока… (Смех). Мой рост — метр семьдесят девять или что-то около этого, по российским меркам,

вполне достаточно. Ну так вот, я никогда не испытывал никаких комплексов по поводу собственного роста, кроме случаев, когда я находился рядом с ней, потому что она была невероятно высока. Когда я смотрел на нее, я понимал, почему время от времени Россией управляли императрицы. Она выглядела, если хотите, как императрица. Учтите — она была в летах, в то время ей было семьдесят.

Иосиф БРОДСКИЙ. Большая книга интервью. Стр. 17

И такой неподдельный стиль она меняла на фальшивую «Великую душу»!

БЕДНЫЙ МОЙ РАЗВОДИК, ИЛИ «СРАМ В ЗАКОНЕ»

Марину Цветаеву Анна Ахматова упрекнула за то, что та влюбилась в мужчину — писала длинные философские письма. Назвала срамом.

Ее личными срамами, худшими, не на честных десяти страницах, а недомолвками разлитыми, были: первый — Александр Блок, где ничего не было, второй — Исайя Берлин, которого и самого-то не было («Ты выдумал меня» — а на самом деле «я выдумала тебя»). Эта глава — о худшем из срамов, где у нее на руках документы, «штамп в паспорте», а человек — Николай Гумилев — превращается в предмет для манипулирования задним числом и с определенной целью, ни к любви ни к браку отношения не имеющей.

На старости лет ей почему-то понадобилось, чтобы Гумилев нес в душе неостывающую любовь к ней и только потому менял женщин, что ни одна не могла ее заменить. Его она, кажется, не любила никогда. Так, по крайней мере, считали все современники, и она этого совсем не скрывала. Зачем же ей понадобилось утверждать посмертно любовь к себе Гумилева? Она говорила, что в этом спасение Гумилева как поэта. Довод более чем сомнительный.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 53

Схема на самом деле была такая. Она — самая величайшая женщина в мире, потому что поэзия Гумилева — величайшая в мире (это тоже придется доказывать, в России она почему-то — «непрочитанная», как неуловим неуловимый Джо — никто не хочет его читать, но об этом в другой главе), а Гумилев любит ее, и вся его поэзия — для нее и о ней.

Начинает с конца — с любви Гумилева. Начать с начала — о величайшей женщине — ведь как-то неловко, правда?

Думает — не заметят.

Казалось бы, банальная вещь — слабоватая партия, не для создания семьи заключенный брак, отсутствие энтузиазма у родных в связи с этим… Взаимные измены, ребенок, сразу после рождения отданный бабушкам, у мужа — внебрачный ребенок, его намерение заключить другой брак (даже дважды), наконец находит постоянного партнера

и она, и — развод. Он сразу женится, рождается еще один ребенок. Но наша героиня над всем велит ставить восклицательный знак, всему поперечить, все гневно оговорить — не поймешь даже, за что она бьется.

Еще более обычное дело — гимназист влюбился в гимназистку. Никто ведь не сомневается в возможности юношеской влюбленности — раз уж до свадьбы дело дошло. Но Ахматовой надо манипулировать даже тогда, когда все ей сдались. Она хочет, чтобы мы говорили: была не любовь, а стррр-ррр-рашная любовь.

Отчего нигде не сказано:…

Парижские «Романтические цветы» посвящены мне. Это же посвящение повторено в «Жемчужинах».

О радостях земной любви (посвящение мне) 2 раза.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 99

«Романтические стихи» — целиком просто посвященные мне, а в «Жемчужине» 3/4 лирики тоже относится ко мне.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 102

Ах, да, это только что было. Хотя здесь подсчеты более детальные.

Стихи, которые относятся прямо ко мне. Их много, и они очень страшные.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 102

Здесь нужно обращать внимание на литературный стиль. Ведь это графоманское жеманничанье пишет не писатель средней руки какой-то, а Великий Поэт. Правда, я думаю, что великий поэт так писать не может — он просто не выведет ручкой таких слов. Почитаем страшилку о СТРАШНЫХ СТИХАХ.

В них соседние темы. <Страшная женщина> <…> «Из города Киева». <…> «Из логова змиева» — меня за гибкость называли — женщина-змея.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 105

…он сочинил за моим столиком «Из города Киева» — полу-шутка, полу — страшная правда.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 135

Следующий период — страшные стихи в «Чужом небе».
Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 93

…девочку, к которой он был привязан так долго огромной трагической любовью.
Анна АХМАТОВА. Т. 5 Стр. 137

Борьба с тем, что было ужасом его юности — С ЕГО ЛЮБОВЬЮ.
Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 103

Его страшная сжигающая любовь тех лет выдается за леконтделиливщину, и биограф через 1/2 века выдает это как факт непререкаемый. Неужели вся история литературы строится таким образом?
Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 100

Это история — НЕ литературы. Это — любовная история, интересующая интересующихся такими делами людей.
Из этой любви вырос поэт. Но из нее же вырос и Дон Жуан, и Путешественник. И донжуанством, и странствиями он лечил себя от того смертельного недуга, который так тяжело поразил его.
Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 114

Здесь мы отойдем от иронизирования по поводу страшилок, смертельных недугов, ужасов юности, а обратимся к сути. Ну, дать определение пафосное — «страшная любовь» (не в разговорном смысле — мол, ужас какая сильная, а стр-р-рашная: боль, кровь, любовь, конец света, Gotterdammerung, у графа Толстого в шуточной незаписанной пьесе для домашнего исполнения: «Барабан, горе, кухня, любовь!» — тоже все по-немецки), или более сниженное — леконтделиливщина — это все-таки не факт литературы. Это — вообще не факт. Это — интерпретация. Ахматова мало того, что часто выдает за факты то, что сомнительно, но невозможно проверить, но и закрепляет за собой монополию на интерпретацию этих фактов и «фактов». В данном случае — ну конечно, любил Гумилев ее, чтобы не путаться в терминологии — скажем, по-особому относился: все-таки человек женился. Это — факт. А то, что к женитьбе его подвигла «страшная любовь», «ужас его юности», Gotterdammerung или леконтделиливщина — не факт; это предмет для авторской интерпретации исследователя поэзии

и жизненного пути Гумилева. И у первой жены Гумилева на эту монополию не больше прав, чем у кого бы то ни было.

Перечисления всего — инвентаризация «love story».

Отчего выпали все приезды Николая Степановича ко мне (Киев, Севастополь, дача Шмидта, Люстдорф) из Парижа и Петербурга.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 99

Нашу переписку (сотни писем и десятки telegrammes) мы сожгли, когда женились, уже тогда понимая, что это не должно существовать.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 141

Это почему же? Если «уже тогда» понимала, что ЭТО не должно существовать, то зачем сейчас тратить столько сил, чтобы создать (или сочинить) ЭТО же?

Сотен писем, наверное, не было, а любовь все-таки, наверное, была — молодые как-никак.

На даче Шмидта у нее была свинка, и лицо было до глаз закрыто — чтоб не видно было страшной опухоли. Николай Степанович просил ее открыть лицо, говорил: «Тогда я вас разлюблю!» АА открывала лицо. «Но он не переставал любить!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 147

Читала ли она «Циников» Мариенгофа? Там дама не свинку показывала («страшная опухоль») — а без обиняков просила поставить ей кружку Эсмарха. Влюбленный поставил — а любовь тоже не уменьшилась нисколько. Пора бы знать такие вещи о любви — в 36 лет (это когда она раскрывает свои ТАЙНЫ Павлу Лукницкому).

Ахматова забыла, какую причину она называла Лукницкому в свое время, и диктует своему «биографу» — студентке Аманде Хейт другую версию самоубийства (сначала было «страшнее» — но об этом речь ниже).

Во Франции ранней осенью, в отчаянии от нового отказа, Гумилев вновь пытался покончить с собой.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 28

Хейт записывает в третий раз:

В декабре он попробовал отравиться и был найден спустя сутки в бессознательном состоянии в Булонском лесу.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 29

А когда же он жил? Когда писал новеллу «Радости земной любви»? Когда успевал вести здоровую деловую переписку?

Осенью 1906 г. А.А. почему-то решила написать письмо Николаю Степановичу. Это письмо не заключало в себе решительно ничего особенного, а Николай Степанович ответил на него предложением.

Запись П. Н. Лукницкого.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 25

Здесь нет ровным счетом ничего, чтобы ставить интригующий союз «а», — часто брачные предложения делаются вовсе не в ответ на какие-то необыкновенные известия.

Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года. Не издает ли А. Блок новые стихотворения — моя кузина его большая поклонница. Нет ли у вас чего-нибудь нового Н. С. Гумилева? Я совсем не знаю, что и как он теперь пишет, а спрашивать не хочу.

Письмо Анны Горенко шурину.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 26

Не хочет спросить у жениха… Да разве есть еще более откровенный способ дать понять другим, что выходит замуж за знаменитость: нет ли у вас чего-нибудь Гумилева, или на худой конец Блока? Моя кузина…

Мой Коля собирается, кажется, приехать. Он пишет мне непонятные слова, и я хожу с письмом к знакомым и спрашиваю объяснение. Всякий раз как приходит письмо из Парижа, его прячут от меня и передают с великими предосторожностями. Затем бывает нервный припадок, холодные компрессы и общее недоумение. Это от страстности моего характера. Он так любит меня, что даже страшно.

Письмо Анны Горенко шурину.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 322

Это письмо — образец ахматовской прозы. Стиль, который не изменился за всю жизнь. Так же выспренне и жеманно она будет писать и в семьдесят лет. И на те же темы: про холодные компрессы, общее недоумение и свою красоту:

«бледная, очень стройная… позади — страшная жизнь».

Жду каждую минуту приезда Nicolas. Смогу ли я снова начать жить? Конечно, нет! Но Гумилев — моя Судьба, и я покорно отдаюсь ей. Я клянусь Вам всем для меня святым, что этот человек будет счастлив со мной.

Письмо Анны Горенко шурину.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 26

Лето:

Я в Евпатории вешалась, и гвоздь выскочил из известковой стенки. Мама плакала, мне было стыдно. Летом Федоров опять целовал меня. Клялся, что любит, и от него опять пахло обедом.

Письмо Анны Горенко шурину.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 24.

Казалось бы, обычное девичье безудержное хвастовство ангажированностью — просватана! Но нет, здесь — ТАЙНА!

Об этом совершенно серьезно пишут в толстой книге.

ТАЙНА.

А отношения эти были «особенными, исключительными, являлись непонятной связью»… **Цитируется, конечно, сама Ахматова** «для обсуждения этого рода отношений действительно еще не настало время». Здесь мы подошли к ахматовской ТАЙНЕ.

Светлана КОВАЛЕНКО. Проза Анны Ахматовой. Стр. 387

Боже, о чем же это речь? Для какого такого рода отношений не наступило еще время их обсуждать? Не кривись, читатель, действительно: речь идет о том, что «существо с бурбонским профилем» уже, оказывается, начало половую жизнь. Вам кажется, что это не обязательно делать достоянием гласности и обсуждать? Мне — тоже. Но проследим за летописями эпохальных событий. Тем более что Анна Андреевна Ахматова возвращается к этому эпизоду всю свою долгую жизнь.

Весной 1907 года Николай Степанович приехал в Киев, а летом 1907 на дачу Шмидта.

На даче Шмидта были разговоры, из которых Николай Степанович узнал, что А.А. не невинна. Боль от этого довела Николая Степановича до попытки самоубийства в Париже.

Запись П. Н. Лукницкого.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 28

Это по ее словам.

Письмо Гумилева — В. Брюсову.

«Две недели прожил в Крыму, неделю в Константинополе, в Смирне имел мимолетный роман с какой-то гречанкой, воевал с апашами в Марселе и только вчера, не знаю как, не знаю, зачем очутился в Париже».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 28 — по словам самого Гумилева ничего подобного не выходит. Никакой боли от страшной тайны.

Мы сидели у моря, дача Шмидта, летом 1907 года. Н.С. уговаривал меня уехать с ним в Париж — я не хотела.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Записные книжки. Стр. 120

То есть Николай Степанович в «страшной тайне» ничего на самом деле космического не увидел, а попросту сделал свои конкретные выводы.

Еще по «Бесприданнице» мы знаем, что молодым девушкам неприлично ездить в Париж с мужчинами. Хвастать поступившими предложениями — тоже неприлично.

Но тайны — тайнами, а замуж надо все-таки выйти.

Родственники Ахматовой считали брак заведомо обреченным на неудачу, и никто из них не пришел на венчание, что глубоко оскорбило ее.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 32

1912 год.

Прошение бывшего студента Н. С. Гумилева о зачислении на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета.

Зачислен.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 55

Что же удивляться, что родные проигнорировали свадьбу, если он только после рождения сына в студенты пошел.

1916 год.

Во второй половине августа Гумилев приехал из полка в Петроград, чтобы держать экзамен в Николаевском кавалерийском училище на корнета. Н. С. Гумилев «по невыдержании» офицерского экзамена возвратился в действующую армию.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 93

Гумилев еще курил опиум. Правда, родители тогда этого так уж не боялись.

Ахматова излишне настойчиво подчеркивает то, что именно влюбленность привела Гумилева к женитьбе. В этом как раз сомнения нет. Отчего же было не влюбиться? Девушка была интересная, оригинальная — в таких обязательно кто-нибудь влюбляется. Не лучшие партии, правда, а такие же — большие оригиналы.

«Николай Степанович совершенно не выносил царскоселов. Конечно, он был такой — гадкий утенок — в глазах царскоселов. Отношение к нему было плохое». — «Среди сверстников»? — «Среди сограждан».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. I. Стр. 113

«Так вот он какой, Гумилев! Трудно представить себе более некрасивого, более особенного человека… Все в нем особенное и особенно некрасивое. Продолговатая, словно вытянутая вверх голова, с непомерно высоким плоским лбом. Волосы, стриженные под машинку, неопределенного пегого цвета. Жидкие, будто молью траченные брови. Под тяжелыми веками совершенно плоские, косящие глаза. Пепельно-серый цвет лица, узкие, бледные губы. В улыбке его было что-то жалкое и в то же время лукавое».

Ирина Одоевцева. По:

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 774

По возвращении домой познакомил АА со всеми присутствующими, не сказав, однако, что АА — его невеста. Он не был уверен, что свадьба не расстроится.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 105

Приехала Аня. Как-то мельком сказала о своем браке. У нее совсем не было желания, как это часто бывает у новобрачных, поговорить о своей судьбе.

Валерия СРЕЗНЕВСКАЯ. Дафнис и Хлоя. Стр. 8

Перед свадьбой он стрелялся из-за неразделенной любви к другой. Стрелялся с Волошиным из-за «Черубины де Габриак», не хотевшей выходить за него замуж. Ко времени, когда Ахматова принялась придавать последний лоск своей биографии посредством возвеличивания Гумилева и его к себе любви, уже почти не оставалось в живых людей, которые это помнили. Ахматовой удается ограничиться только следующим:

Лизавета Ивановна [«Черубина де Габриак»] все же чего-то не рассчитала. Ей казалось, что дуэль двух поэтов из-за нее сделает ее модной петербургской дамой и обеспечит почетное место в литературных кругах столицы, но ей почему-то пришлось почти навсегда уехать… Всего этого никто не знает…

Анна АХМАТОВА, т. 5. *Стр. 109*

Неудивительно, однако, что после свадьбы никто не говорит в этих же самых «литературных кругах» о «страшной» любви Гумилева. Женился и женился.

Запись Кузмина в дневнике.
10 июня 1910.
Приехали Гумилевы. Она манерна, но потом обойдется.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 36

Ахматова же пишет:
«Я смертельна для тех, кто нежен и юн» **и прочее.**

Ахматова удивительно милое создание, но сколько в ней сидит чисто женских черт, и как она тщеславна!

О. Л. Делла-Вос-Кардовская. Дневник.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 82

Когда Н. С. уехал в Африку в 13-м году, АА, перебирая бумаги, нашла письма одной из его возлюбленных. Это было для нее неожиданностью: она в первый раз узнала. АА за полгода не написала в Африку Н. С. ни одного письма. Когда Н. С. приехал, она царственным жестом передала письма ему. Он смущенно улыбался.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 40

«До последних лет у Николая Степановича было много увлечений — но не больше в среднем, чем по одному на год. А в последние годы женских имен — тома. И Николай Степанович никого не любил в последние годы».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 146

То есть почему-то стал любить только ее. Доказательство — слишком большое число женщин.

Можно посвятить женщине множество самых любовных стихов, но не дать ей значительного места в своей жизни. То же самое было и с Гумилевым. И был влюблен, и уважал, и посвящал стихи, но она — не женщина его жизни. Женщины были далеки от его жизни. Даже если они окружали его во

множестве.

«Для меня он стал путешественником (чтобы излечиться от любви ко мне), для меня стал Дон Жуаном (чтоб доказать мне — он любим), для меня и про меня писал стихи».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 10

Это только так кажется. Конечно, она много значила, но потом жизнь идет вперед, большими кругами, поднимается к своим вершинам и разрешается там — и одна женщина в ней ничего не значит. Мостить там себе место, огораживать колышками — неправильно. Про нее и так все сказано: первая любовь, недолгая жена, яркая личность. Разошлись навсегда. Срам — это не только женская активность по отношению к живому мужчине и в настоящем, но и к мертвому — в прошлом.

У самой Ахматовой во время брака — «роман за романом» (по ее осудительному определению, употребленному для безнравственной Марины Цветаевой): с Анрепом, Недоброво, Артуром Лурье. Никто ей предложения из них, естественно, не делал.

Почему нигде и никогда не прочла, что развод попросила я, когда Николай Степанович приехал из-за границы в 1918-м, и я уже дала слово В. К. Шилейко быть с ним.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. *Стр. 100*

Можно сколько угодно раз (в ее «прозе» подсчитать это невозможно — бесконечно) повторять, что не он ее, а она его оставила в 1918 году, но просто она же сама упоминает о его намерении жениться в 1916-м на Ларисе Рейснер и ранее — на Тане Адамович. Детей рожал — от других. При таких обстоятельствах можно уж и жене самой завести разговор о разводе.

Когда он предложил Ларисе Рейснер (1916 год) жениться на ней, а она стала ломать руки по моему поводу, он сказал: «Я, к сожаленью, ничем не могу огорчить мою жену».

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 102

А от бедной, милой Ольги Николаевны Гумилев даже родил сына Ореста. Все это не имело ко мне решительно никакого отношения.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 123

Ничего особенно странного в таких семейных отношениях нет — когда у другой женщины рождается ребенок, а жену это решительно не касается — всякое бывает. Но вот только если бы она не объясняла, что у нее не было романа с Блоком (именно в это время), потому что она была «замужней женщиной».

Таня Адамович, по-видимому, хотела выйти замуж за Николая Степановича, потому что был такой случай: Николай Степанович предложил АА развод.

На самом деле говорится по-другому: Николай Степанович хотел жениться на Тане Адамович и поэтому предложил жене развод. Так кто же у них был инициатором развода? Мы видим, что он предлагал первым не раз.

АА: «Я сейчас же, конечно, согласилась!» Улыбаясь: «Когда дело касается расхождения, я всегда моментально соглашаюсь!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 177

Всегда — это когда? Разве она когда-то еще была замужем?

«Когда он вернулся из Парижа во время войны, я почувствовала, что мы чужие, я объявила ему, что нам надо разойтись. Он сказал только — ты свободна, делай что хочешь — но при этом страшно побледнел, так, что даже побелели губы. И мы разошлись…»

Михаил ЗЕНКЕВИЧ. Эльга. Стр. 20

Насчет того, что побелели даже губы — это очень сильный образ. Где-то встречался… в пародиях на дамские романы…

В общем, хоть Ахматовой за Шилейко выйти замуж по-настоящему не удалось, с Гумилевым она развелась, он женился на Анне Энгельгардт (которую соответственно оставил после себя единственной законной вдовой) и родил с нею ребенка.

А под конец снова о том, чем Ахматова просто вымазывает Гумилева — О ТАЙНЕ. Но, право, мы не в каменном веке и не в албанской деревне…

В последние годы у Николая Степановича целый гарем

девушек был… И ни одну из них Николай Степанович не любил. И были только девушки — женщин не было.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 146

Нет ли у вас чувства брезгливости перед такой классификацией?

АА много говорит о своих отношениях с Николаем Степановичем. Он признавал только девушек.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 27

Лариса Рейснер пришла и рассказала о Николае Степановиче, что она была невинна, что она очень любила Николая Степановича, совершенно беспамятно любила. А Николай Степанович с ней очень нехорошо поступил — завез в какую-то гостиницу и там сделал с ней «все». Правда, потом он предлагал Ларисе Рейснер жениться на ней.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 178

В таких случаях хорошо бы поспорить, что сама Анна Андреевна это все и сочинила. Кроме самой простой канвы — что у Гумилева и Ларисы Рейснер был роман. А кстати, куда надо завозить, чтобы и сделать «все» и — поступить ХОРОШО?

О том, о первом, кто узнал АА, Николай Степанович помнил, по-видимому, всю жизнь, потому что уже после развода с АА он спросил ее: «Кто был первым и когда это было?» Я: «Вы сказали ему?» — АА, тихо: «Сказала»…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 145

Женщина — под сорок лет, опытная, — «тихо» говорит такие пошлости молодому мужчине. Ну о чем тут так тихо говорить-то?

«Он признавал только девушек». Даже если его интересовала борьба лишь до этой черты — после каждой черты у человека остается меньше пространства, меньше возможностей что-то преступить — он не делается более глубоким, он делается более толстым. Опыт, цинизм — это не глубина. Только Христу был интересен человек (разбойник) и после убийства — после преступления самой дальней черты. Но Христос и знал больше, то, что за последней чертой, убийством — за чертой добра и зла. А Гумилев доходил только до «девушка-недевушка». Или это Ахматова — находила это интересным, и его там останавливала — в своих воспоминаниях, приписывала ему? Он умер, и был в полной

ее власти — приписывать ему, что «его интересовали только девушки». То есть делать из него «смрадного» пошляка.

Однако это — отношение Ахматовой к Гумилеву — есть дело частное и не относится к тому, как Ахматова решила использовать Гумилева для создания биографии — себе.

Итак, его любовь к ней и полную зависимость от нее она считала доказанной, оставалось доказать, что Гумилев — гений времен и народов (об этом глава «Я его слепила из того, что было»). Тогда круг замкнется.

Практически он и замкнулся. А я продолжаю дальше — у Ахматовой ведь было «три мужа».

«МУЖЬЯ»

Считается, что Ахматова была трижды замужем.
«Сама дважды вдова…»
Иосиф БРОДСКИЙ. Меньше единицы. Стр. 144

Это — общеизвестно.

На самом деле по достоверности и степени отраженности народных чаяний это равно подсчетам Даниила Хармса:

«У Пушкина было четыре сына. И все идиоты».

Начнем с числа замужеств. Три — считается официальной версией. Иногда называются другие цифры или делаются какие-то оговорки. Сама Ахматова считала цифру 3 вполне удовлетворительной, часто добавляла неожиданные, небрежно сказанные фразы о том, кто еще и «делал предложения» — Пильняк, Пастернак и пр. по мелочи. Довольно странный расклад для женщины, профессионально живущей чувствами, на них сделавшей карьеру. У всех у нас были романы, которые могли бы завершиться браком, но не состоялись. Это — романы. А теперь вспомните о тех, о ком нечего сказать, кроме того, что они — «делали предложение». Никакого романчика. О любовной истории с Борисом Пастернаком, например, Ахматовой нечего сказать, кроме того, что он — «делал предложение». Три раза. Сообщение вызывает удивление даже у Чуковской: что? кто? когда же это? Женатый, разведенный, вновь женатый, безумно влюбленный (не в Ахматову) Пастернак между делом делает предложения Анне Ахматовой — как семинарист, которому надо определиться перед выпуском, в белое или черное духовенство идти — жениться или не жениться, — или как загранработник, которого тоже неженатым не выпустят за рубеж. Вполне водевильные сюжеты она создает для своих товарищей по перу. Сталин хоть, слава Богу, жениться не хотел. Влюблен — был. Об этом — в другой главе. В этой — о том, что Ахматова была женой единожды, не трижды.

Но, как и в случае с Хармсом, здесь что-то есть и от истины: ведь четверо не четверо, а сыновья у Пушкина были. Может, и не идиоты, но ведь, во всяком случае, и не гении. Толстой и Достоевский, по крайней мере, не были братьями и Александровичами. Так и с Ахматовой. Мужья: был (были) — 1 (один). Мужчины близкие тоже были, а значит, есть кому

дальнейшие числительные присваивать.

Разумеется, вычеркивая из числа мужей Шилейко и Пунина — тех, кого считают законными мужьями самые добросовестные исследователи жизни Ахматовой, я вовсе не упираюсь в то, что они не были «расписаны» — не состояли в зарегистрированном браке. На все времена и культуры свои обычаи. Однако Ахматова и не состояла с этими мужчинами в той форме брака, который в то время признавался обществом.

Странная форма сожительства с Владимиром Шилейко — «приют для бродячих собак», требования уйти из дома, когда приходят его друзья, его фальшивое заверение, что он зарегистрировал их отношения, «перешел в православие ради Ани — приношение ей» (чего, разумеется, не было, да и рассказывает это только она), реальный развод с вскрикиваниями Ахматовой: «Какую же фамилию мне теперь впишут в паспорт?! Ведь этого, кажется, даже у преступников не отнимают!», другая женщина в Москве, тяжелая работа Ахматовой на него, его грубость — все бы ничего, ввиду неординарности сошедшихся людей, но вот только книга «Последняя любовь» — переписка Шилейко с Ахматовой и с Верой Андреевой — все расставляет по местам. Открываю: благодушная основательная фотография, бракосочетание Владимира Казимировича Шилейко с Верой Андреевой. Солидная «адвокатская» дача под Москвой: залитая солнцем столовая с двухстворчатой дверью, зеркало под потолок, картины в хороших рамах, люстры. Красиво сервированный стол, вино. В центре стола — новобрачные. Невеста улыбается. В фате. В книге переписка родственников невесты перед свадьбой: «Он очень ученый, востоковед, знает массу языков. Есть в нем что-то диогенское». Переписка самих молодоженов, стихи. Совместная жизнь, ребенок. Все это происходит в те годы, когда Анна Ахматова приписывала себе второе, с ним же, замужество.

Это история с Шилейко.

С Николаем Пуниным еще проще: он просто все время был женат на Анне Евгеньевне Пуниной-Аренс (Гале), имел с ней дочь, проживал вместе с ними, никогда не хотел оставить жену, и абсолютно всеми знакомыми считался семьей: он, Анна Евгеньевна и Ира. Пунины. Анне Андреевне Ахматовой разрешили жить вместе с ними — покуда был роман, такие были нравы. Разрешили, очень редко, принимать и сына

Леву. Изменял Пунин жене и с другими, а потом «серьезно» сошелся с Мартой Голубевой. Когда прекратились интимные отношения, Пунин стал Анну Андреевну настойчиво выселять. Ахматова, конечно, уперлась. Последние пятнадцать лет жизни Пунин был женат на Марте Голубевой.

Это — история с Пуниным.

Но именно по Пунину Анна Ахматова считается вдовой — той, которая «дважды». Между прочим, как правило, никогда не называют, по ком она считается вдовой второй раз. Первый — ну ладно, закроем глаза на реальную вдову — пусть по Гумилеву, а уж Пунин — и мужем не был, и после полного разрыва до его смерти пятнадцать лет прошло, женат он был прочно на другой, и она за это время навязывалась и Гаршину, и Берлину, такие судьбоносные они для нее были люди, какой там Пунин — но вот вдова, и все тут.

С Пунина и начнем.

Уезжая в Европу, Артур Сергеевич поручил Ахматову заботам своего друга Пунина. Вы знаете, что вышло из этих забот. А.А. ни с кем не считалась, и чужие переживания ее не волновали. Дружочек мой, эпоха была… блудная, и женщины не задумываясь сходились со своими «поклонниками и почитателями».

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 28

Завязался роман: наверное, бурный, но — классический, где есть страсти, но нет желания создать семью. Пунин был человек классический и слишком умный, чтобы участвовать в декадентском сюжете.

Дневник 1923 год, 15 февраля

Все мои отношения к Ан. разрушены из-за желания сохранить в доме Галю и беречь ее самолюбие.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 173

Галя — это Анна Аренс-Пунина.

23 февраля.

У меня недостает любви, не хватает… Пустота в душе: и думал, если бы уже Гали не было дома, если бы она тогда действительно ушла, — какая страшная глухая была бы пустота.

Днем Ан. сказала: «Немножко ты меня все-таки любишь» — что значит это «немножко»? Может быть: большой любви она во

мне не вызвала.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 176–177

Не вошла она ничем в мою жизнь, а может быть, не могла.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 170

Ан. я все-таки люблю, как Г. люблю. И ты тоже будешь хозяйкой, немножко оригинальнее Гали, но зато и неверной…

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 177

20 марта.

Когда я вернулся и пришел к Ан., она страшно обрадовалась, и так чувствовалось, что она уже долго и мучительно ждет. А у меня было выработанное решение: видеть ее только раз в неделю — хочу, очень хочу жадно работать. И это она почувствовала. Страшно рассердилась. Все кончено. Она знает, что наши отношения кончились. Я тоже так думаю.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 179

Однако — отношения утряслись. Пунину, как более сильному, ей пришлось уступить, но кое-чем это компенсировалось.

Ей страшно причинить человеку боль.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 43

Причинять боль ей было не страшно, а сладостно. Так было всю ее жизнь. Пунин оставил жене надежду: он действительно не хотел ее бросать. Но делал это не от избытка «передовых» взглядов, а от недостатка любви к Анне Андреевне. Пуниной же предписывалось играть по правилам: принять «свободную любовь» смело и свободно. Но никто еще ничего нового не придумал в этих делах: недоброшенная Анна Евгеньевна страдала отчаянно.

25 сентября 1928 года.

Пунин — Анне Евгеньевне Пуниной.

Что касается нашей жизни (общей), то она не столько тяжела для всех нас — и тяжелее всех, конечно, для А.А. — сколько безобразна и бесформенна. Но виноваты в этом только некоторые ложные Ваши чувства, они главным образом мешают внести ясность в отношения.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 303

Иногда его супружеская солидарность с женой расцветает нежностью, и тогда Анна Евгеньевна ликует самым

художественным образом.

Анна Евгеньевна Пунина — Пунину.

Милый Ника, пишу Вам последнее письмо, а дальше — встреча. Вы не только сами ликуете, но письмо Ваше длительно живет и радостно наполняет мою суетную голову.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 308

Пунин же гораздо более прагматичен и острожен: ему не хочется осложнений и с Анной Андреевной, и он холодно меняет местами жену и любовницу.

Милое сердце. Получил сегодня открытку.

Из Москвы протелеграфирую Вам, а со своей стороны прошу сообщить туда открыткой, приехала ли А.А. и в каком она состоянии: не хочу никаких неожиданностей.

Солнце садится в густые желтые облака, и опять гудит море к непогоде. Я люблю здешние вечера, становится как-то тревожно и горестно о жизни, о мире…

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 309

Г. У нее [Анны Евгеньевны] было много сторонниц, которые говорили, что это возмутительно, что [Ахматова] переехала в дом, где есть первая жена с ребенком, с Ирой. <…> Тогда даже была какая-то мода: если не въезжать в квартиру первой жены, то, во всяком случае, никак не избегать ее и смотреть на это как на факт, который принят в современном обществе.

Д. Новый быт.

Г. <…> Вроде как в гареме — никто не удивлялся, когда несколько жен. Я помню, Красин, у которого была официальная жена и такая красавица женщина, ее все называли Красина, я забыла, как ее на самом деле фамилия. Что-то похожее было и у Луначарского. В общем, это было совершенно принято. Потом, кажется, навели в этом смысле довольно строгий порядок, и юридический — в смысле площади, и общественный — стало в это вмешиваться, например, РОНО, чтобы никоим образом не въезжать с новой женой <…> И кроме того… вообще, это было уже не принято.

Е. К. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА в записи Дувакина. Стр. 114–115

На протяжении всей жизни Ахматова резко отрицательно относилась к бриковскому окружению Маяковского, являющемуся для нее своего рода символом всеразрушающей безнравственности.

С. А. КОВАЛЕНКО. Ахматова и Маяковский. Стр. 170

А вот что жена отвечает на такой «новый быт». Довольно большой ошибкой Анны Евгеньевны было то, что она начала воевать на поле Ахматовой — письмами, «полными поэзии». Пожалуй, именно из-за красивости слога становится видна реальная безобразная боль.

Анна Евгеньевна Пунина — Пунину.

9 августа 1932 года. Кабардинка.

Милый друг Ни,

Прошло три дня, как получила Ваше письмо, дождя все нет, а получив его, я плакала, хотела писать сразу, по разболелась голова, нервы дрожали во всем теле, и решила ждать успокоения.

Ира сегодня решила строить шалаш. Возились на пляже, я делала гимнастики, кувыркалась через голову **(не доставала ли головой колени?)**, вообще Ира любит, когда я бываю молодой и находит, что, несмотря на самый солидный возраст, я моложе всех. <…> Знаете, мне уже даже не любовь нужна, не ласка. Вы ведь хорошо знаете меня, я не сентиментальный человек, хотя плачу часто (я себя ненавижу за это, ведь это тоже унижение), мне нужна вера в Вас, что Вы мне не измените и не предадите. О (без О трудно обойтись), тогда хватило бы у меня мужества на все. Мне нужно Ваше уважение, и мне кажется, я его заслужила, так говорят люди, я даже забыла об этом, и казалось, что все брезгуют мною. Я не могу понять, как я себя выношу, как еще считаю себя правой, доброй, честной и т. д., живя в таких условиях, и что Вы можете думать обо мне и кем считать.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 317–318

Анна Ахматова платила Пуниным деньги (25 рублей в месяц) и садилась за стол, где сидела эта сводящая сама себя с ума женщина, которой Пунин оказывал всяческое уважение, ходил с ней по гостям, приглашал родственников. Она все это видела, отмечала.

Это письмо писалось, когда такие отношения тянулись уже 10 лет.

2 февраля.

Г. И. Чулков — Н. Г. Чулковой

Живет уже вместе с Пуниным, т. е. на одной квартире. И жена там. Все это не совсем понятно — что-то магометанское.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 121

В два часа я ушел домой, на лестнице встретил возвращавшихся Пуниных (они были у Льва и Сарры Пуниных, и

А. Е. Пунина подвыпила).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 338

19.12.1927.

Днем заходил к АА. Пунин сегодня именинник. АА сердится, или, вернее — стилизует злость, но смеется…

Вечером у Пуниных были все родственники, было пьянство, выпили две четверти вина. АА на весь вечер уходила из Шереметевского дома — была у Срезневских, вернулась домой во втором часу ночи…

Пунины после вчерашнего пьянства спят весь день.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 280

Дарственная надпись на книге: «Мужу и другу. Анна». 5 сентября 1927 года.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 115

10.12.1927.

Мелочность и глупость А. Е. Пуниной:

Пунин вчера купил АА кусок мыла «Кил» и сегодня как-то упомянул об этом. А. Е. Пунина, решив, что это доказательство внимания Пунина к АА и невнимания к ней, обиделась и надулась, и долго об этом говорила Пунину.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 260

К Пуниным приехали родственники, квартира переполнена ими, они пируют и пьют водку. АА загнана в кабинет.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 238

Мужья с друзьями и женами. Не пойму только, почему она себя называет женой.

Она потом будет еще и вдовой этих мужей — после того как там наслоятся следующие жены…

Сегодня мне позвонила Н. В. Рыкова и сказала, что Николай Николаевич Пунин с женой уехали в Царское Село — без АА.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 254

Вот так Анна Ахматова была трижды замужем.

Она жила в доме Пунина, ей была предоставлена комната <…>. Я не знаю, коммуналка это была, может быть, и нет, потому что там довольно большая семья была. А жена Николая

Николаевича Пунина со своей дочкой жила в другой комнате <…>.

Д. В той же квартире?

Г. В той же квартире. И где обретался сам Пунин, мне так и непонятно. Во всяком случае, я задумывалась над этим.

Большая столовая, и за столом Николай Николаевич, мы с Осмеркиным, девочки не было. А вот сидит его первая жена, Анна Евгеньевна, с каким-то молодым человеком, именно молодым, он выглядел гораздо моложе всех присутствующих <…>. Как мне сказали, это врач по профессии, и больше ничего не сказали. <… > Как я потом узнала, да я и очень скоро это поняла, что это заместитель Николая Николаевича в жизни Анны Евгеньевны. Она ему улыбалась, она делала вид, что она страшно счастлива. Сидел Пунин и смущенная Анна Андреевна, которая даже посмеивалась, подавала какие-то довольно остроумные реплики, не имеющие отношения ко всем присутствующим <…>. Вот так мы сидели и даже выпивали.

Е. К. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА в записи Дувакина. Стр. 113–114

Экспансивный, со своим тиком и хозяйственными дрязгами, Николай Николаевич ни на кого не был похож.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 242

«Муж» уехал в загранкомандировку, Ахматова пишет ему.

30 марта 1927 года.

Милый друг,

сейчас Анна Евгеньевна предложила мне написать Вам несколько слов, потому что отправляет первое письмо в Токио. <…> Здоровье не лучше.

А. А. Ахматова — Н. Н. Пунину.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 272

2.05.1927.

Сегодня получила письмо Пунина от 15.04.1927 из Токио. Получила письмо и А. Е. Пунина — первое письмо (до сих пор он посылал ей только открытки, и она была страшно обижена и огорчена, видя, что АА получает письма).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 198

А. Е. Пунина получала от Н. Н. Пунина письмо из Москвы и очень довольна, что письмо получила именно она, а не АА. АА подозревает, что не Лиля ли Брик является причиной такого невнимания к ней. (Лиля Брик влюблена в него. Он бросил ее, но не она ли теперь хороводит им там?) Пунин пишет А. Е. Пуниной, что в четверг не приедет, так как у него в четверг назначен доклад. С АА он уговорился, что приедет на сутки раньше, чем будут знать. Для А. Е. Пуниной выдуман этот доклад или на

самом деле так — АА не знает.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 55

Что до Лили Брик — ее да, иногда бросали. Тогда бросала и она. Но теми, кто попадал в ее орбиту — «хороводила» она.

Шереметьевский дом передают в какую-то другую организацию. Куда же переедут Пунин с семьей и А.А.?

П. Н. Лукницкий.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2 Стр. 131

«Николай Николаевич уехал с Ирочкой и Анной Евгеньевной в Сочи. Он оставил нам паек, но у нас нет денег, чтобы выкупить его».

Они оба ослабели от голода, даже курево не на что было купить. Потом они, видимо, заняли у кого-то из знакомых немного денег. Тем не менее Лева сдал последний экзамен на тройку, потому что у него от голода кружилась голова. Тогда я вплотную столкнулась с особенностями домашней жизни Ахматовой. Николай Николаевич Пунин жил на две семьи. Все жили в одной квартире на общем хозяйстве. Только Ахматова и ее сын — немного похуже.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 210

Она разливала чай. Вошел мужчина с бородкой, в руке у него была раскрытая книга. Нас познакомили. Пунин сел по другую сторону стола и тотчас погрузился в чтение. Читал, не поднимая глаз от книги и не обращая ни малейшего внимания ни на присутствие Анны Андреевны, ни на ее гостя. Он словно хотел показать, что ее жизнь — вовсе не его жизнь. Мы с Анной Андреевной проговорили еще час, а Николай Николаевич так и не изменил своей позы и вышел, не простившись.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 288

Подали блюдо с уже нарезанными кусками жаркого. Каждый должен был класть себе в тарелку сам. И Пунин угрожающе вскрикивал: «Павлик!», «Лева!»

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 241

Как несладко было жить за Пуниным, вернее, за Пуниными.

Мы быстро дошли до Ахматовой и застали ее лежащей на диване. Вошли Пунин с женой, и нас всех пригласили в столовую пить чай. Жена Пунина Анна Евгеньевна сидела за самоваром.

Пунин расположился в кресле с книгой в руках.

Л. ГОРНУНГ. Записки об Анне Ахматовой. Стр. 188

«Вы не можете себе представить, как он бывал груб во время своих флиртов. Он должен был все время показывать, как ему с вами скучно. Сидит, раскладывает пасьянс и каждую минуту повторяет: «Боже, как скучно… Ах, какая скука» <…>. Чувствуй, мол, что душа его рвется куда-то».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 187

Самое простое было бы предположить о ее склонности к страданиям и поискам их. Но никакого мазохизма в этих рассказах не чувствуется. Как не чувствуется и страдания. Она неуязвима в войне полов, лишенная болевого синдрома. Ахматова видела все эти детали, долженствующие доставить страшные страдания любой нормальной женщине, видела, отмечала, предъявляла публике их, требовала возгласов «Ах!», не допускала, чтобы ее заподозрили в бесчувственности, претендовала на полное знание любви.

Не раз я слышала от нее слова: «Я всегда за развод».

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 585

А вот и после «развода»: после «брака» наступил «развод». «Наши» — это то, что всегда было «нашим» — его и Анны Евгеньевны.

Лошадь везла дрова. «Дрова, которых у меня нет, — сказала Анна Андреевна. — Их некуда положить. Весь сарай доверху занят дровами Николая Николаевича». Я спросила, как она думает, нарочно ли Николай Николаевич делает ей неприятности. «Нет, не нарочно. Он даже был сконфужен, когда сообщил мне, что для моих дров места нет. «Понимаете, Аня, оказывается, наши дрова занимают сарай до самого верха».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 41

Мельком жалуется: «Шумят у нас. У Пуниных пиршества, патефон до поздней ночи… Николай Николаевич очень настаивает, чтобы я выехала». — «Обменяли бы комнату?» — «Нет, просто выехала».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 26

Воспоминания Ирины Пуниной

История переезда Анны Андреевны из кабинета тоже совсем не так освещается, как оно было в самом деле. Я вышла замуж, и многое в нашей жизни поменялось. Николай Николаевич с большим терпением и очень упорно просил Анну Андреевну вообще уехать с Фонтанки. Он считал это естественным, раз они расстались. Но, как ни убеждал ее Николай Николаевич, она не уехала; единственное, чего он добился, это чтобы из кабинета Анна Андреевна переехала в бывшую детскую комнату.

Гаршин приходил к ней в эту комнату. Это был трогательный и милый человек, с такой необычной деликатностью, которая казалась уже тогда музейной редкостью.

АННА АХМАТОВА И ФОНТАННЫЙ ДОМ. Стр. 146

Итак, Пунин обещал, что женится, но жил с женой. Шилейко говорил, что — женился. Гаршин жениться раздумал. Берлин попросту был плохо с ней знаком. Уверена, что ни Найман, ни Бродский ей тоже не обещались. Пастернак, хоть она и говорит, что он ей три раза предлагал, а она отказала — но это неправда. На самом деле муж у нее всего один и был — Николай Гумилев.

Вдовой же Анна Ахматова не была ни разу. После Гумилева она не стала вдовой по той же самой причине, что и после Пунина: с Гумилевым она была разведена (по ее словам — по ее же инициативе) задолго до его гибели. Он к тому времени был женат и имел ребенка. Его жена и осталась его вдовой. Остальное — народные чаяния.

В роли народа — Анна Андреевна Ахматова. Обычно бывает так: она создает схему, внедряет ее крепко, а потом возмущается свято скроенной сплетней. С «мужьями» она решила не создавать путаницы. Сама создавала легенду — и не возражала. Укороченная схема.

MADAME LE PROFESSEUR

Эта глава — в доказательство существования Провидения Божьего. За Гаршина-то, собственно говоря, почему ей не удалось выйти? Все-таки по социальному статусу она была ему совершенно ровня; по летам ровесница. Но вот тут просто Господь отвел, и все. Наверно, профессоршей в Ленинграде она была бы худшей, чем генеральша в далеком гарнизоне. Уж ей-то все равно было бы, Ахматовой, что в Ленинграде профессор не один, она себя поставить сумела бы. Но не привел Бог.

Историю с Гаршиным мы помним, она совсем простая: сошлась с ним до войны, после окончательного расставания с Пуниным (который уже не просто романы заводил, а женился — это я к тому, что до «вдовы Пунина» ей было еще далеко), Гаршин был женат, навещал ее в доме Пунина, откуда Ахматову выселить не удалось. Участвовал в каких-то нелепых нежностях («Вы хорошая сегодня?» — «Хорошая») при людях, а так — лечил, коллег-профессоров вызывал, а чтобы быть точнее — свидетельствовал, что Ахматова здорова и лишь раскаленные от жажды славы и безделья нервы не дают покоя. Во время войны остался в Ленинграде, потерял жену. С Ахматовой переписку хотел свести на нет; овдовев, жениться не захотел. Можно было это предвидеть, но Ахматова, закусив удила, без устали рассказывала всем о предстоящем замужестве — вышло жалко.

Показательна реакция Ахматовой.

Измученная необходимостью вечно скитаться по «чужим домам», Ахматова согласилась выйти за него замуж.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 139

Достойная причина!

Ахматова перестаралась в своем стремлении свести свою заинтересованность Гаршиным к нулю в глазах окружающих и ушла в минус: все-таки выходить замуж за жилплощадь — это как-то…

«Я теперь уверена, что В.Г. погиб. В.Г. меня никогда не бросил бы. До самой смерти. Если он умер, это хорошо: это для меня освобождение».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 405

Вышло по-другому: и не умер Гаршин, и ее бросил. Для

нее это было, правда, не освобождением, а позором.

В Ташкенте опять стояли; на машине приехала Аня (Ан.); в меховой шапке; волосы седые; добрая; подарила Аничке собачку, Ире — мыло, мне — папирос. По-прежнему (как летом) говорила о Гаршине — «мой муж». Я не очень понимаю, что это значит. Это все-таки «комедь», как говорит маленькая Ника.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 373

Надежда Яковлевна Мандельштам там же, в Ташкенте, в эвакуации, переживает кризис: все дозволено! однова живем, сильный — прав! Она самозабвенно расстилается перед Ахматовой: «Ее муж, он врач, профессор». Больше Надежде Яковлевне нечего сказать о человеке — она говорит то, что интересует Анну Андреевну. Мандельштам, с ее колкостью и цинизмом, лучше других известно, что Гаршин — не муж.

В. Г. Гаршин — адресат стихотворений… В рукописном экземпляре «Поэмы без героя», подаренном Чуковской, над главой «Решка» Ахматова поставила посвящение В. Г. Гаршину. «Эпилог» «Поэмы» был посвящен «Городу и Другу», т. е. Гаршину. Посвящения Гаршину впоследствии Ахматовой сняты. Ташкентские строки «Поэмы», обращенные к Гаршину, также впоследствии подверглись редакции.

В Ташкенте она возмечтала стать приличной профессоршей с вполне законной и традиционной в русской литературе фамилией, любимой интеллигентами средней руки. Господи, Гаршина Анна Андреевна с «красным цветком»…

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 366

Я должна быть или герцогиней Гамильтон — или знаменитой актрисой, но эта будущность не улыбается мне так, как первая. Это, конечно, лестно — видеть благоговение всего мира, начиная с самых малых и кончая монархами, но другое…

Я предпочитаю быть великосветской женщиной, герцогиней в этом обществе, чем считаться первой среди мировых знаменитостей, потому что это — совсем другой мир.

Мария БАШКИРЦЕВА. Дневник. Стр. 2

Или стать профессоршей Гаршиной или — о Боже! — леди Анной.

Мой муж просит меня дождаться здесь ленинградского вызова.

Анна Ахматова — Т. Луговской.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 97

Гаршин не пишет.

NN поручила мне написать записку Томашевским. Я спросила: «Что написать?» — «Как что? Вы сами знаете, один вопрос», — ответила она зло.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 448

Анна Андреевна лежит в больнице с нетяжелой формой тифа.

По дороге назад Раневская сообщила мне текст телеграммы в Ленинград, Лидии Гинзбург: «Больна брюшным тифом подготовьте Гаршина». Очень безжалостно все-таки. Ведь в Ленинград!

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 501

В этой телеграмме все: и напоминание ему (как будто на голубом глазу, как будто она не придает значения тому, что он не пишет, как будто это невообразимо, что он может охладеть к ней, забыть, передумать жениться…), и оповещение всех: вот, у меня есть человек, которого надо подготавливать к тому, что я могу скончаться, практически муж… Конечно, более филигранной была бы работа, если бы она «подложила» эту мысль кому-нибудь из окружения: дал такую телеграмму в Ленинград. Было бы весомее, если бы написала не она, известная своими мнимыми болезнями и неизменной смесью мнительности и театральности: умираю, безнадежна. Об этом все ее юношеские письма. Но что делать, времена в Ташкенте были суровые, прямолинейные: все видели, что не умирает, никто и не суетился — вот телеграмму и пришлось самой давать: подготовьте, мол, Гаршина.

«Вот, когда мы окончательно расстались с Пуниным и я уходила навсегда из его комнаты, Николай Николаевич сказал мне вслед: «Едет царевич задумчиво прочь / Будет он помнить про царскую дочь». Она сказала это с усмешкой, презрительной и горькой. И тут же без перехода сообщила: «А вы знаете, я выхожу замуж за профессора медицины Владимира Георгиевича Гаршина».

Е. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА. Встречи с Ахматовой. Стр. 243

В Ташкенте она с нетерпением ждала писем от Гаршина. Наконец, Чуковская сама решилась написать ему, умоляя дать знать о себе Ахматовой, которая очень больна и подавлена отсутствием вестей от него и они опасаются за ее жизнь. Когда же все-таки письмо пришло, оно привело Ахматову в ярость. Он писал, что его жена скончалась, и он понял, что покойница была для него самым значительным человеком в жизни. Ахматова с негодованием говорила <…>: «А что, если бы я написала ему, что самым значительным человеком в моей жизни был Лурье?»

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 139

Ничего, ведь Гаршин прожил с женою жизнь (в блокадном Ленинграде она упала на улице и умерла), а Лурье — на несколько лет сделал Ахматову своей второй любовницей, а до этого она была любовницей, которую он бросил, чтобы жениться. Она потом много горько писала что-то там о его невесте. Что тут могло быть, даже если бы она написала, что Лурье был главным человеком в ее жизни?

Жду на днях приезда Анны Андреевны. Правду говоря, все это вызывает какое-то беспокойство и волнение <…>

Владимир Гаршин. Письмо сыну. 18 апреля 1944 года.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 97

Дошло даже до того, что он телеграфно спрашивал ее, согласна ли она носить его фамилию. Анна Андреевна приняла и это предложение. Вот почему в Москве она широко оповещала знакомых, что выходит замуж. Однако в Ленинграде на вокзале Гаршин тут же задал ей вопрос: «Куда вас отвезти?» Это походило на какой-то оскорбительный розыгрыш. Но куда же можно было отвезти Анну Андреевну? В брошенный и запущенный дом на Фонтанке? Одну?

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 478

А куда всех «отвозили» после эвакуации? Наверное, в брошенные и запущенные дома. Она, кстати, на свой предусмотрительно взяла в свое время бронь.

1 июня она вернулась в Ленинград. Тут она узнала, что Гаршин, не сказав ей ни слова, женился на медицинской сестре.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 148.

В примечаниях к тексту указывается, что эта информация — распространенная ошибка мемуаристов. Трудно называть это «ошибкой», поскольку книгу Хейт надиктовывала сама

Ахматова.

К. Г. Волкова не медсестра, а профессор и доктор наук, и не молоденькая девушка (год рождения 1989-й), а ровесница Анны Ахматовой.

О. РЫБАКОВА. Воспоминания. Стр. 101

Ахматова распространяет слухи, что Гаршин психически заболел.

От Анны Андреевны очень печальная телеграмма. У нее катастрофа. Гаршин, видимо, психически болен. Они разошлись. Она просила меня никому не говорить.

Надежда Мандельштам. Письмо Кузину.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 103

Ардовым дает телеграмму, выждав до 6 августа (больше двух месяцев):

Гаршин тяжело болен психически расстался со мной сообщаю это только вам. Анна.

Телеграмма А.А. — Н. А. Ольшевской.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 105

Пунина, однако, на таких штучках не проведешь.

Почти ежедневно заходит Аня. О Гаршине сказала: «У него свой курс в жизни».

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 385

Такие водевильные обстоятельства получаются, когда относишься к себе и людям как к героям оперетты: муж, врач-профессор, профессор Гаршин, профессорша Гаршина.

Гаршин никогда не сходил с ума. Перед Чуковской тоже фантазировать не было смысла.

«Да, у меня тоже так было в 44 году. Мне тоже сделалось трудно жить, потому что я дни и ночи напролет старалась догадаться, что же произошло. Могу вам сказать, как это окончилось. Однажды я проснулась утром и вдруг почувствовала, что мне это больше неинтересно. Нет, я не проснулась веселой или счастливой. Но — освобожденной».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 452

Если бы он был душевнобольным, ничего бы этого не было — о душевнобольных не говорят: интересно,

неинтересно. И не бравируют тем, что «освободилась». От больных не освобождаются, по крайней мере вслух так это не называют.

Гаршин, о сумасшествии которого писалось в другие города, в Ленинграде вел обычный образ жизни, навещал Ахматову и приносил ей еду.

После оформления прописки А.А. получила «лимит» (особое писательское снабжение) и больше в судках с обедами, приносимыми Гаршиным, не нуждалась.

О. РЫБАКОВА. Воспоминания. Стр. 103

То есть сначала она нуждалась в судках с обедами, приносимых «душевнобольным» Гаршиным, а потом, когда она получила «особое писательское снабжение», — перестала нуждаться.

Гордая Ахматова, наверное, сразу села и написала стихотворение: «А человек, который для меня теперь никто…» Полились стихи.

Для поклонников срочно создавалась версия об очередной роскошной победе Ахматовой, увы, как всегда, завершившейся драмой с очередным разбитым сердцем позади.

Боже, боже, боже!
Как пред тобой я тяжко согрешила!
Оставь мне жалость хоть…

ОНА перед ним не согрешила — это ведь он ее бросил, она сокрушается, будто бы это она, — и кается. Как убивается! Боже, Боже, Боже! А ведь совершенно не согрешила. Но читателям надо вбить в головы. Бродский — вот уже подтверждает, что Гаршин сошел с ума. Потому и не захотел жениться. На себя бы он такое объяснение принял?

С Берлиным пришлось быть осторожнее.

<…> она не упомянула ни о Гаршине, ни о Надежде Мандельштам <…>.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 447

Берлин, которому, защищая свою честь, приходится быть объективным, упоминает именно эти два имени, называя тех,

о ком Ахматова не говорила. Понятно, почему не говорила, и понятно, почему это отмечает Берлин. Он рассказывает о своей встрече с Ахматовой: «Завистница чужой славы, она не могла назвать соперницу. Гаршина тоже не могла назвать: Как! Пастернаку отказывала три раза, а какой-то Гаршин не захотел жениться!»

Мы пишем о поэте, поэтому — чуть-чуть стихов.

Я молилась, чтоб смертной муки
Удостоились вместе мы.

Это было сначала. Очевидно, молилась плохо — только для рифмы.

Все изменилось, любовь прошла, судки с обедами — врозь.

А человек, который для меня
Теперь никто.

Ахматова недовольна своими читателями: хочется отмыться от них, фельдшерицы и пр. А для кого она пишет эти стихи? Разве интеллигентная женщина станет так выражаться? Такие стихи в минуту грусти повторять? Это фольклор работниц — о подружке, которая дружила, дружила, а потом кофточки поносить не дала. Теперь она для меня никто. Можно и в стихи переложить.

…Тяжелый, одурманенный безумьем,
С оскалом волчьим…
Боже, боже, боже!
Как пред тобой я тяжко согрешила!
Оставь мне жалость хоть…

Дразнил ее Тальников старинными рифмами:

Катерина Великая, О!
Поехала в Царское Село.

Наподобие этого стишата.
Про «волчицу мерзкую и подлую притом», наверное,

неприлично здесь говорить — слишком и без этого на виду сходство?

От Ляписа Трубецкого г-жа Ахматова берет не только строфу и роскошный в своей мути образ волчицы подлой, но и основной прием — незначительные перестановки в гениальном стихотворении, чтобы оно соответствовало меняющемуся духу времени.

Итак, было:

Ты мой первый и мой последний.
Светлый слушатель темных бредней.

Меняем все числительные и прилагательные местами:

Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней.

Это не пародия, это сами великие стихи.

Конец совсем смешно.
Было:

Положи мне руку на темя.

Стало:

Не клади мне руку на темя.

Неизменно только «темя». Если бы речь шла о проклятой сопернице, могло бы замениться и на «вымя».

Есть у девичьей обиды и более неожиданные перефразировки. Иногда более выгодным оказывается менять не «первый» на «последний», а «любовник» на «День победы». Нетленка остается в целости и сохранности:

Потом я повторила, что в стихотворении «Как мой лучший день» мне не нравится казенное «отмечу». Сейчас это слово ассоциируется с казенными речами или с выпивкой. «Отметить 25-летие со дня»; «отметить юбилейную дату»… Выпить и закусить.

Как мой лучший день я отмечу,

День, когда о победе пела…

Какой хочешь день — и красный день календаря, и хоть какой по-женски радостный, критический, по-нынешнему.

Исправила на по-ахматовски туманно и изысканно:

Белым камнем тот день отмечу,
Когда я о победе пела.

Она — поет. Но оказывается, пела — это вовсе не пела…

«Исправлю», — согласилась Анна Андреевна всемилостливейше, а затем открыла мне секрет, которого я никак не ожидала. Оказывается, тут на самом деле совсем не «отмечу» и совсем не о победе.

Я бы лучше но самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

То есть стремительным домкратом, обгоняя солнце, летела. Что, куда — все равно. На самом деле это были стихи к разрыву с Гаршиным, как она к нему, обгоняя солнце, летела, отмечая в полете что-то белыми камнями, а он не захотел жениться.

Когда она перелицевала их, переадресовала победе — слог сразу отозвался на ложь — этим инородным, бюрократическим «отмечу».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 346 **— подсказывает добрая Чуковская.**

Это тоже не пародии злопыхателей.

И в заключение.

На прошлом я черный поставила крест,
Чего же ты хочешь, товарищ зюйд-вест…

Угадайте, товарищи, кто это написал?

АЛЕКСАНДР БЛОК В НОВОМ ПАЛЬТО, ИЛИ СРАМ № 1

Ахматова говорит об Александре Блоке.

Она, современница, была с ним едва знакома, она не нравилась ему как женщина, и она казалась ему пигмеем от поэзии. Никакого сколько-нибудь ловкого объяснения, почему же это ОНА не стала Прекрасной Дамой, не придумывалось. Она кричала на всех углах, что это только в «народных чаяниях» их хотят поженить, как равных, как Солнце с Луной — чтобы породить эти чаяния. А потом стало ясно, что время сработало на нее: хоть почти ничего он не сказал о ней в дневниках, хоть никто их вместе не видел, хоть ничего придумать не удалось — тем многозначительней казалось молчание — если это молчание подчеркнуть.

Ее женский дневник сводится к одной случайной встрече на железнодорожной станции, Он спросил, с кем она едет… Более не произошло ничего.

«И так как он был не только великим поэтом, но и мастером тактичных вопросов…» Далее, в качестве иллюстрации, приводится бестактнейший вопрос Блока: одна ли она едет в поезде или не одна. И все эти точные перечисления встреч и слов служат какому-то одному несомненному умолчанию.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 305

Для того и пишется. Какому умолчанию? Ведь кроме этого — ничего не было и быть не могло. Намек только на космическую любовь, как и он не стал ее милым мужем.

Ну на что можно намекать? Вопрос Блока был самый простой и тактичный.

В 1965 году она старается вбить в голову людям — хитроумнейшим способом — мысль о влюбленности в нее Блока.

«Блок был таким милым, таким хорошим, что я не в обиде, если считают, что у него был со мной роман!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 7

Как мало надо быть знакомой с Блоком, чтобы сказать о нем так содержательно.

В семье Бекетовых известно письмо его малокультурной бабушки его отцу:

«У меня был твой Саша. Такой молодец, в новом пальто». Это все, что она нашла сказать о двадцатилетнем внуке, каким был в то время Александр Блок.

М. А. БЕКЕТОВА. Воспоминания об Александре Блоке. Стр. 520

Блок спросил: «Вы одна едете?» — Одна. По логике ее намеков, он должен был впрыгнуть за нею в вагон. Все-таки она не ответила ему: со свекровью и братьями мужа — тогда-то мы обязаны бы были поверить, что Блок поджидал ее на станции Подсолнечная, как Вронский Анну Каренину.

Ахматова по памяти цитирует дневники Блока: «Читала Ахматова. Она уже волнует меня». **Великолепная память подводит: в оригинале «Читала стихи, уже волнуя меня». Между «волновать» и «читать, волнуя» есть разница.**

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 76

Ахматова читает изданные записные книжки Блока и предается разбуженным ими псевдовоспоминаниям.

А вот мы втроем (Блок, Гум<илев> и я) — **прямо Лиля Брик с Бриком и Маяковским** — обедаем на Царскосельском вокзале.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 77

Она возвращалась с Гумилевым в Царское село. На вокзале в Петербурге им встретился «некто» (Анна Андреевна всегда говорила таинственно), завел разговор с «Колей», «а я дрожала, как арабский конь».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 229

Эмма Григорьевна догадывается — это был Блок!

А вот запись Блока:

5 августа 1914 г.

Встреча на Царскосельском вокзале с Женей, Гумилевым и А. Ахматовой».

Александр БЛОК. Записные книжки. Стр. 42

Вчетвером и без обеда. И никаких арабских коней.

Слава Богу, Блок — «без внимания», как выражается Анна Андреевна.

А перед Блоком Анна Ахматова робела. Не как поэт, как женщина. В Башне ее стихами упивались. Но ее темные глаза

искали Блока. А он держался в стороне. Не подходил к ней, не смотрел на нее, вряд ли даже слушал. Сидел в соседней полутемной комнате.

А. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС. Тени минувшего. Стр. 254

Не любишь, не хочешь смотреть.
О! Как ты красив, проклятый…

«В Москве многие думают, что я посвящала свои стихи Блоку. Это неверно. Любить его как мужчину я не могла бы. Притом ему не нравились мои ранние стихи».

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1930–1969. Стр. 257

Всякий раз, заговорив о Блоке, она торопится признать его великим поэтом, но заключает какою-нибудь колкостью.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 224

«Как известно из воспоминаний Блока, я занимала мало места в его жизни».

Наталия РОСКИНА. «Как будто прощаюсь снова…» Стр. 537

Это известно не только из воспоминаний Блока, это известно изо всех свидетельств. Нет ни одного свидетельства, чтобы он хоть чуть-чуть интересовался ею. Ее многозначительность хоть и на многое намекает, но не имеет под собой реальной почвы.

Разве что его матушка. Но ей, как известно из опубликованной переписки, даже стихи Ахматовой нравились.

7 января 1914.
Письмо и стихи от А. А. Ахматовой
Александр БЛОК. Записные книжки. Стр. 41

25 марта.
«Четки» от Ахматовой. Дважды (без меня) звонила А. Ахматова.

Александр БЛОК. Записные книжки. Стр. 42

Он всегда называет ее А. Ахматова или А. А. Ахматова. Это, конечно, не любовное отношение, и Чуковская правильно подметила, что «А.А.» в записках что-то тщательно маскирует — но так, чтобы это чувствовалось… потому что опубликование дневников Блока ей испортило все.

Опубликование дневников Блока — это ее «Рома, не выдавай» Лили Брик. Но Якобсон выдал тайну полутора лет знакомства с Татьяной Яковлевой и двух стихотворений, которые никак не могли закрыть всей взрослой мужской жизни Маяковского, а дневники Блока — тщательные, немецкие — не оставляют места ничему. Однако Анна Ахматова берется за многозначительные недомолвки. Наглые недомолвки, равные лжи.

26 марта 1914 г.

Многоуважаемая Анна Андреевна. Вчера получил Вашу книгу, только разрезал ее и отнес моей матери. Сегодня утром моя мать взяла книгу и читала не отрываясь: говорит, что не только хорошие стихи, а по-человечески, по-женски — подлинно. Спасибо вам. Преданный вам…

Александр БЛОК. Записные книжки. Стр. 42

Это — квинтэссенция отношения Блока к Ахматовой — к ней самой и к ее стихам. А маме — понравилось.

Я спросил об основных причинах их вражды (Ал. Блока и Н. Гумилева). АА сказала: «Блок не любил Николая Степановича, а как можно знать — почему? Была личная вражда, а что было в сердце Блока, знал только Блок и больше никто. Может быть, когда будут опубликованы дневники Блока, что-нибудь более определенное можно будет сказать».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 260

Дневники опубликованы, и что можно сказать? Ни Гумилев, ни Ахматова его не интересовали. Личной вражды уж тем более никакой не было. В сердце Блока ничего не было: «такого», на что тонко намекается.

На станции Подсолнечной случайно на платформе увидела Ал. Блока, который пришел на станцию узнать, нет ли почты. Блок спросил: «Вы одна едете?». Блок очень удивил этим вопросом АА: «Блок меня всегда удивлял!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 100

Когда же это «всегда» удивлял ее Блок? Впрочем, это ее прием.

10 мая 65.

Мы заговорили о предстоящей поездке в Англию. «Интересно понять, соблаговолит ли там присутствовать в это время — гм,

гм! — вы знаете, о ком я говорю… Он ведь с большими странностями господин… Да, да, может как раз взять да и уехать читать лекции в Америку… Я от него еще и не такие странности видела».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 281

Сэр Исайя Берлин тоже «всегда» ее удивлял. Все мужчины, с которыми она была едва знакома, но насаждала в умах «мифическую сплетню» — вот это действительно новый жанр! — «всегда ее удивляли». Потому что логики, как она понимает ее: увидел-влюбился-застрелился — не наблюдалось. Удивительные, стало быть, были личности! Вот она всегда и удивлялась.

На странице 104 у Лукницкого еще раз записана встреча с Блоком, уже с многоточиями:

«Подсолнечная… Я вышла из вагона… Он меня очень удивил…»

15.03.25.

А когда он ее следующий раз удивил? «Всегда удивлял», «я такие от него странности видела» — поди проверь. Никто не помнит такого ничего, она — на все лады перепевает один вопрос: «С кем вы едете?» Анатолий Найман спустя пятьдесят лет знает, как ей угодить, и пишет, как об установленном факте и с однозначным толкованием: «БЫСТРЫЙ вопрос Блока: С кем вы едете?» — такой мужской, конкретный вопрос. Все это Найман льет ей на мельницу уже после ее смерти — они никто не смеют ее ослушаться, — а Блок вообще, как известно из его дневников, был тогда с матерью. Ну, а если бы одна — закусив губу, хриплым бы голосом сказал: «Пойдемте к вам?» У него были случаи поблагоприятней. Она сама к нему приходила домой. Вот это уже действительно серьезней. Да и так в Петербурге можно было бы найти номерок. Нет — «быстрый вопрос»!

Вот тогда еще предмет для удивлений.

Письмо Марины Цветаевой.

Дорогая Анна Андреевна. Пишу Вам по радостному поводу вашего приезда. Одна ли вы едете или с семьей (мать, сын)?

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 105

До насмешки похоже на «бестактнейший» вопрос Блока.

Познакомилась с Ал. Блоком в Цехе поэтов. Раньше не хотела

с ним знакомиться, а тут он сам подошел к Н.С. и просил представить его АА.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 59

Да что ж такое! Она с Блоком все не хотела знакомиться, Гумилев — с Маяковским. Условие поставил какое-то, не помню, потом уж только согласился. Да, кстати, интересно, а почему она «раньше не хотела» с Блоком знакомиться?

Царственное первенство Блока, пусть и расходясь с его поэтикой, мы все признавали без споров, без колебаний, без оговорок.

Георгий АДАМОВИЧ. Мои встречи с Анной Ахматовой. Стр. 69

Рассказывала о вечере А. Блока в Малом театре. «Это как богослужение было: тысячи собрались для того, чтобы целый вечер слушать одного».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 48

«Блокослужение» — так говорили. А она все не хотела познакомиться.

Книги А. Блока, надписанные им Ахматовой. А. Блок как-то пришел к АА и все книги сразу надписал.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 30

Не так Блок надписывал свои книги Маяковскому — думая, что надписывает Маяковскому.

Вот огромный козырь в руках Ахматовой:

«Я все жду, когда Саша встретит и полюбит женщину… И есть такая молодая поэтесса, Анна Ахматова, которая к нему протягивает руки и была бы готова его любить. Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантливая, но печальная. А он таких не любит».

Мать Ал. Блока А. А. Кублицкая-Пиоттух — письмо М. П. Ивановой.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 550

Существует письмо матери Блока 1914 г., где она сочувственно, если не восхищенно **(нет, это не так, все-таки не «восхищенно» она говорит. А главное — не восхищался сам Блок, как бы ни выводилось это подспудно из ахматовского комментария)** говорит обо мне и выражает желание, чтобы у ее сына был роман со мной, но, к сожалению, ему такие женщины, как я, не нравятся. Удивительные нравы, когда старые почтенные дамы подбирают любовниц своим сыновьям, причем их жертвами

оказываются замужние женщины и матери двухлетних детей.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 77

Ах вот почему у нее не было романа с Блоком! Правда, на самом деле ребенок был отдан родственникам мужа, она жила второй любовницей с Лурье (жили втроем — Артур Лурье, Ольга Судейкина и Анна Андреевна). Она знала прекрасно, что она не была в это время слишком замужней.

В данном случае речь идет не о «ma pauvre mère» — этот поезд ушел, этот момент упущен — страшная драма о неневинности юной невесты, особенно перед лицом жениха, который «признавал только девушек», — проскочила как-то незамеченной. Даже безродная — и та придумала себе историю. Юной «смолянке» это не пришло в голову печися. Пришло в голову почему-то много позднее, когда показалось весьма интересным представляться и русской дамой девятнадцати лет, перед которой встают случайные попутчики (наверное, видали русских дам и пощепетильней), и замужней женщиной с ребенком — родив по ребенку почти одновременно с любовницей мужа, отдав этого ребенка родным мужа, побыв во всеуслышание любовницей разных других господ — почему-то решила именно этим знаменем взмахнуть перед бедной матерью Блока — которая действительно, будучи по образу жизни в курсе литературных и окололитературных репутаций, простодушно (и справедливо) не предполагала в том препятствий и была уверена, что это «существо, у которого за плечами большая и страшная жизнь», будет польщено и что ей хватит сладостных воспоминаний на всю жизнь.

Впрочем, ей хватило и невоспоминаний.

Еще дома Бродский показал рисунок Ахматовой, сделанный Модильяни, один из десяти недавно найденных, которые она считала пропавшими. «Возможно, — сказал он, — ей так хотелось думать, поскольку на них она изображена обнаженной». Мне же кажется, она ничуть бы не возражала против этой находки, наоборот, была бы ей рада: близость с Модильяни Ахматова и не скрывала, гордилась ею, а кроме того, она на этих рисунках так хороша, что вряд ли они могли ее смутить. **Бродский, как всегда, выгораживает ее. А эпизод — к разговору о замужней даме и нравах матери Блока.**

А. КУШНЕР. Здесь, на земле… Стр. 189

С Модильяни, как мы помним, Анна Андреевна познакомилась во время своего медового месяца.

В то время, когда мать Блока писала приятельнице, что вот есть пикантная дама, вполне декадентски настроенная, заинтересованная в ее знаменитом сыне — у Анны Андреевны была женская проблема в том, что ее любовник Артур Лурье бросил ее, чтобы жениться на другой.

Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.

«В каком году вы отошли «физически» от Николая Степановича?» А.А. ответила, что близки они ведь были очень недолго. «До 14 года — вот так приблизительно. До Тани Адамович».

Запись Лукницкого.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 67

То есть одновременно были и Недоброво с Лурье у Анны Ахматовой, и Высотская с Таней Адамович у Николая Гумилева, только Блоку места не нашлось. Даже выговорила его матери. Как, мол, можно, она же замужняя женщина…

Скоро после рождения Лены мы с Н. С. Гумилевым молча дали друг другу полную свободу и перестали интересоваться интимной стороной жизни друг друга.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 118–119.

1912 год.

«Все мы бражники здесь, блудницы»…

Мой дружок: опыт жизни научит вас отличать подлинное от литературных самолюбий — и от женских самолюбий: Анна Андреевна не простила Блоку того, что он не стал одним из пажей в ее свите; не простила ему также записи: «По телефону меня истерзала А. А. Ахматова».

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 29

Был у Ахматовой. Она показывала мне карточки Блока и одно письмо от него, очень помятое, даже исцарапано булавкой. Письмо — о поэме «У самого моря».

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 246

Блок.

Об Ахматовой: «Ее стихи никогда не трогали меня. В ее «Подорожнике» мне понравилось только одно стихотворение». Об остальных он отзывался презрительно:

Твои нечисты ночи.

Это, должно быть, опечатка. Должно быть, она хотела сказать:

Твои нечисты ноги…

«Ахматову я знаю мало. Она зашла ко мне как-то в воскресенье (см. об этом ее стихи), потому что гуляла в этих местах, потому что на ней была интересная шаль, та, в которой она позировала Альтману».

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 146

Wallis, by accident or design, caught a glimpse of him one murky afternoon as he left York House, St James Palace, in the polished black royal Daimler to go to Buckingham Palace to attend his sick parent. She claims she was on her way to pick up her husband in the City when she beheld this sight; in fact Ernst was always brought home by chauffeur, and the Palace was not on the direct route from Upper Berkeley Street. It is probable, therefore, that like so many fans she was simply waiting to catch a glimpse of the Prince.

Charles Higham. Wallis. P. 97

Уоллис, запланированно или случайно, одним пасмурным вечером сумела увидеть мельком принца Уэльского, когда он на черном лакированном королевском «Даймлере» отъезжал от дворца Сент-Джеймс в Букингемский дворец навестить своего заболевшего отца. Она утверждала, что увидела его, когда ехала забрать с работы в Сити своего мужа. Но на самом деле Эрнста всегда привозил домой шофер, а Дворец не был по дороге от дома на Верхней Беркли-стрит. Таким образом, скорее всего, она, как великое множество фанатов, просто специально поджидала момент, чтобы мельком увидеть принца.

Это та самая Уоллис Симпсон, ради которой принц Уэльский, ставший к тому времени Эдуардом VIII, отречется от трона. Ахматовой, технологиями владевшей не хуже и времени так же не жалевшей, повезет меньше.

А где же проживал Блок, чтобы к нему можно было запросто, гуляя, забрести?

Это старый, сформировавшийся еще к концу прошлого века, район, но петербуржцы, живущие вне Коломны, бывают здесь не чаще, чем в Москве или в Хельсинки.

РЕАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ. Стр. 64

Прийти домой к мужчине, в особой шали — довольно смело. Особенно для «замужней женщины и матери двухлетнего сына».

«И вот там много говорили о вас, о Блоке, о ваших отношениях с Блоком». И вдруг Анна Андреевна как бы вспылила: «Что такое? Какие отношения? Никаких отношений не было!» И даже сказала фразу, которая запомнилась очень, я ручаюсь за точность: «Как это могло быть? Мы просто очень уважали друг друга. У него была красная шея, как у римского легионера».

Так можно сказать, когда совсем нечего сказать. Здесь даже не подходит новое пальто, потому что там бабушка просто не увидела, Ахматовой не было возможности смотреть.

За эти слова я ручаюсь. Что, в общем — не могло быть никаких романтических отношений и не было.

А. Ф. и Г. Л. КОЗЛОВСКИЕ в записи Дувакина. Стр. 211

Почему это не могло быть? Из-за красной шеи? Это не повод отменять романтические отношения. Даже наоборот. И что-то не слышно было, чтобы внешность Блока отталкивала дам. Такие сведения есть как раз о Николае Гумилеве. Например, у Берберовой. И с чего бы у него была красная шея? Как у Алексея Толстого, от обжорства? — у умершего от голода Блока?

Корней Иванович как-то говорил: «Никогда не забуду: шел по какому-то ленинградскому проспекту Блок и нес на ладошке кусочек творогу. И он его нес как причастие, с каким-то просветленным лицом от голода». Но это a propos.

А.Ф. и Г. Л. КОЗЛОВСКИЕ в записи Дувакина. Стр. 211

Еще — о Блоке. Когда Анна Андреевна прочитала записные книжки Блока и увидела, что не оставила в них следа — это уязвило ее. Не раз я слышала ее высказывания в таком духе: «Как известно из записных книжек Блока, я не занимала места в его жизни…»

Наталья РОСКИНА. Как будто прощаюсь снова. Стр. 537

Наверно, на то та многозначность, отмеченная Чуковской, и намекает — что из записных книжек известно

одно, а из не записных — из чего-то такого таинственного — известно совсем другое.

Так или иначе, пять открытых «а» Анны Ахматовой обладали гипнотическим эффектом и естественно поместили имени этого обладательницу в начало алфавита русской поэзии.

Иосиф БРОДСКИЙ. Муза плача. Стр. 36

Анна Горенко сказала ААА, но ей не удалось сказать БББ: ей не дались ни Блок, ни Берлин, ни даже Бродский, которого она «сама вырастила» — для подпитки своего фальшивого бессмертия.

К сожалению, от вначале приходящего на ум предположения о том, что Бродский влюбился в нее, остается неопределенное ощущение того, что в конце концов она заставила его жениться. И он стал пытаться убедить окружающих, что брак был по любви. Читатель — соучастник поэзии, читательница чувствует себя «смуглой леди его сонетов» — ведь именно ей он открывает свое сердце. Портрет надменной жены в гостиной ее раздражает. Бродский, как князь Мышкин, знал, кого он любит. Перефразируя Марину Цветаеву — «не было у Донны Анны Дон Жуана, более известного под именем Иосиф Бродский».

Ну и послушаем дальше нашу сказку про белого бычка.

…Шестидесятые годы. Ахматовой — за семьдесят. Под предлогом помощи в переезде к ней приходит познакомиться едва двадцатилетний литератор.

Дверь открыла сама Ахматова. <…> «Хотите, я расскажу вам, как у меня НЕ БЫЛО романа с Блоком?..» И она рассказала <…> о случайной встрече на железнодорожной станции и его быстром вопросе: «Вы едете одна?»

— «Бог знает, что было у него в уме».

Дмитрий БОБЫШЕВ. Я здесь. Стр. 296–297

Ее забавлял и продолжал шокировать заданный тогда Блоком вопрос, с кем она едет в поезде. Больше всего ее развлекало восприятие этого ее рассказа о Блоке приезжавшим в Москву известным американским литературоведом. «Вы знаете, что он сделал, когда услышал об этой нечаянной встрече с Блоком на платформе?» После выразительной паузы: «Он свистнул». Развязность этого дикого ковбоя ее приводила в восторг.

Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. Стр. 502

Я так и вижу, как в ажитации Анна Андреевна хлопает в ладоши. Присутствующие также не могут удержаться от бурных проявлений восторга… Блок безмолвствует.

Все ей удалось: в «Поэме без героя» почему-то именно Блока считали счастливым соперником —

«…виновник гибели гусарского корнета, застрелившегося на пороге неверной возлюбленной».

Светлана КОВАЛЕНКО.

Анна Ахматова. (Личность. Реальность. Миф). Стр. 36

Но тому прошло уже пятьдесят лет и о мертвом не имущие сраму живые могут писать что угодно. Могут и умалчивать — многозначительно — на сколько хватит совести.

СЛОВО ПОТЕРПЕВШЕМУ

Исайя Берлин, рижский эмигрант, живший в детстве с родителями и в Петербурге, заслуженный человек, получивший в Англии звание сэра (там для этого Альпы переходить не надо, все сделает рутинная система «наградных листов», продвигающая граждан по служебной и социальной лестнице), проведший с Анной Ахматовой одну литературную беседу у нее дома в Ленинграде в 1946 году, был ею сочтен достойным слыть ее другом, любовником, судьбой, чем угодно. Его согласия никто не спросил. Ленинградским мальчикам присутствие в совсем недавней судьбе Ахматовой «иностранца» страшно импонировало, и они радостно включились в мифотворчество.

Послушаем сначала потерпевшего.

Летом 1945 года я был временным сотрудником британского посольства в Вашингтоне. Мне сообщили, что на несколько месяцев меня переводят в распоряжение нашего посольства в Москве. Там не хватало людей, и было решено, что, поскольку я владею русским языком и у меня была возможность кое-что узнать об официальном и неофициальном отношении американцев к Советскому Союзу, я смогу оказать помощь в работе посольства.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 436

А вот вполне прозаичные причины, приведшие к эпохальному знакомству Берлина, сэра, гостя из будущего и пр. — с Анной Ахматовой.

Я хочу описать мои встречи с поэтом. Это произошло так: я прослышал, что книги в Ленинграде в магазинах, называемых в Советском Союзе «антикварными», стоят гораздо дешевле, чем в Москве. Чрезвычайно высокая смертность и возможность обменять книги на еду во время блокады привели к тому, что много книг, особенно принадлежавших старой интеллигенции, оказались на прилавках букинистических магазинов. После обычной волокиты мне дали разрешение провести в Ленинграде две ночи в старой гостинице «Астория». Мне не терпелось своими глазами увидеть город, в котором я провел 4 года своего детства.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 436

Я направился прямо к цели моего путешествия, в Книжную лавку писателей. В некоторых русских магазинах было две половины: одна для общей публики, и другая, внутренняя, куда допускались писатели и другие привилегированные лица. Поскольку мы были иностранцами, нас допустили в святилище. Рассматривая книги, я вступил в разговор с человеком, перелистывающим книгу стихов. Мы разговорились о недавних событиях, он рассказал об ужасной участи Ленинграда во время блокады. Я спросил его о судьбе писателей-ленинградцев. Он ответил: «Вы имеете в виду Зощенко и Ахматову?» Ахматова была для меня фигурой из далекого прошлого. «А Ахматова еще жива?» — спросил я. «Ахматова, Анна Андреевна? — сказал он. — Да, конечно. Она живет недалеко отсюда, на Фонтанке. Хотите встретиться с ней?» Для меня это прозвучало так, как будто меня вдруг пригласили встретиться с английской поэтессой прошлого века мисс Кристиной Россетти. Я пробормотал, что очень бы желал с ней встретиться. «Я позвоню ей», — ответил мой новый знакомец и возвратился с известием, что она примет нас в три часа дня. Я возвратился в «Асторию» к мисс Трипп и спросил ее, хочет ли она посетить поэта, на что она ответила, что не может.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 439

Долго добиваться аудиенции не пришлось.

Добрый, преданный, нелюбимый сын, Л. Н. Гумилев, однако, напишет: Ахматова была вынуждена принять английского дипломата по прямому указанию В. Н. Орлова, члена президиума Союза писателей.

Л. Н. ГУМИЛЕВ. Дар слов мне был обещан от природы. Стр. 294

Ахматова потом будет муссировать две взаимоисключающие версии: первую — эту, хотя очень странно, что при выполнении такого важного задания ее оставят наедине с иностранцем, в то время как во время других, действительно санкционированных встреч она была окружена представителями Союза писателей, переводчиками, просто людьми в штатском, а вторую — что встреча была делом исключительно ее личным, интимным, «свою мировую славу я меняла на вечер тот», и Сталин, узнав, рассвирепел. На самом деле, как мы видим — ни то и ни другое, а нечто гораздо более простое и прозаичное.

Итак.

Исайе Берлину 36 лет, Ахматовой — 57.

Навстречу нам медленно поднялась статная, седоволосая

дама в белой шали, наброшенной на плечи. Анна Андреевна Ахматова держалась с необычайным достоинством, ее движения были неторопливы, прекрасные, немного суровые черты, выражение безмерной скорби.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 439

Без скорби нам нельзя.

Я поклонился, поблагодарил ее за то, что она согласилась принять меня и сказал, что на Западе будут рады узнать, что она в добром здравии. «Однако же статья обо мне была напечатана в «Дублин ревью», а о моих стихах пишется, как мне сказали, диссертация в Болонье».

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 439

По невероятной случайности Берлин статьи такой не читал и о готовящейся диссертации не слышал.

Здесь происходит смешной эпизод, однако ставший весьма важным для обозначения сфер, к которым считала себя принадлежащей Анна Ахматова.

Пьяный сын Черчилля Рандольф, купив икры, искал холодильник и, узнав, что здесь же, в Ленинграде, находится его знакомый Исайя Берлин, посчитал, что тот заменит ему переводчика в этом важном деле. Спутница Берлина сообщила ему адрес Ахматовой, Черчилль (Рандольф) пришел и спьяну долго орал под окном Ахматовой, вызывая Берлина для помощи в пристройстве контрабанды.

Этот невероятный инцидент **(Ахматовой его Бог послал)** породил в Ленинграде самые нелепые слухи о том, что приехала иностранная делегация, которая должна была убедить Ахматову уехать из России, что Уинстон Черчилль, многолетний поклонник Ахматовой, собирался прислать специальный самолет, чтобы забрать ее в Англию и т. д. и т. п.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 440

Берлин ушел, а к вечеру вновь пришел к Ахматовой.

Она начала говорить о себе, начала говорить о своей молодости, о своей поэзии, начала мне читать стихи. Одно стихотворение за другим, одну поэму за другой. Она рассказывала о своем детстве на берегу Черного моря; она называла эти места языческим, некрещенным краем; там она чувствовала близость к какой-то древней, полугреческой, полуварварской, глубоко нерусской культуре; о своем первом муже, знаменитом поэте Гумилеве. Как она встречала Гумилева после Абиссинии. Через много лет она снова рассказывала эту историю — в тех же самых словах — Дмитрию Оболенскому и

мне в Оксфорде.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 442

Надо иметь ровно столько знакомых, сколько раз, не унижая себя до положения «смрадной эстрадницы», можно рассказывать одну и ту же историю.

У Ахматовой этих «знакомых» — просто малознакомых, но падких на знаменитостей людей — было больше, в наше время этот процесс называется «чёс», занимаются им эстрадные дивы — к которым, собственно, Анну Андреевну и стоит относить.

Примечательно, что в тридцатых, например, годах она хоть и повторяла одни и те же истории, но не поставила повторения на промышленную основу. От этого ее рассказы производили еще впечатление приватного, индивидуального, личного разговора. А вот уже в Ташкенте «иностранец» Йозеф Чапский уже был «поражен ее откровенностью» с ним — разудалой откровенностью надрывного эстрадного шлягера.

Она хотела прочесть мне две песни из «Дон Жуана» Байрона. Даже несмотря на то, что я хорошо знал поэму, я не мог бы сказать, какие именно песни она выбрала, поскольку, хоть она и читала по-английски, ее произношение было таким, что я не мог понять ничего, за исключением одного или двух слов. Закрыв глаза, она читала наизусть, с большим эмоциональным напряжением. **(А обычно, на публику попроще, читает ровно!)**

Исайи БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 442

Затем она стала читать собственные стихи. «Стихи, похожие на эти, только лучше, чем мои, явились причиной гибели лучшего поэта нашей эпохи, которого я любила и который любил меня…» я не мог понять, шла ли речь о Гумилеве или о Мандельштаме, потому что она разрыдалась и не могла продолжать. Затем она прочла по рукописи «Реквием». Она остановилась и начала рассказывать о 1937–1938 годах. Гробовой покров повис над городами Советского Союза, где миллионы невинных подвергались истязаниям и казням. Она говорила совершенно спокойным, бесстрастным тоном, иногда прерывая свой монолог замечаниями вроде: «Нет, я не могу, все это бесполезно. Вы живете в человеческом обществе, в то время как у нас общество разделено на людей и…» Я спросил про Мандельштама. Она не произнесла ни слова, глаза ее наполнились слезами, и она попросила меня не говорить о нем. «После того как он дал пощечину Алексею Толстому, все было кончено…»

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 443

Далее идет о Толстом в лиловой рубашке, как он ценил ее и как она его любила. Ценил, любила, в Ташкенте, как она к нему обедать нарумяненная ходила… Рыдает.

К этому времени было уже, как мне кажется, три часа утра. Она не подавала никакого знака, что мне надо уйти.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 444

Она спросила меня, что я читал. Прежде чем я смог ответить, она обрушилась на Чехова, обвиняя его в том, что его мир покрыт какой-то ужасной тиной, что в его мире нет героев и мучеников, нет глубины, нет высот, у Чехова «не блещут мечи». Я сказал что-то по поводу того, что Толстой любил его. «А зачем надо было убивать Анну Каренину? Конечно, там есть гениальные страницы, но основная мораль — омерзительна. Мораль Толстого — это мораль его жены, его московских тетушек». О Пушкине она говорила, что он, конечно, понимал все. «Как это он понимал все, как он мог? Этот курчавый смуглый отрок в Царском с томом Парни под мышкой?»

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 445

И т. д. и т. п. Для Берлина, возможно, ново, но мы-то пластинку слушали не раз. Просто тут — «Необыкновенный концерт» Сергея Образцова. Все шлягеры сразу.

После этого она заговорила о Пастернаке, которому она была предана. Она сказала, что на Пастернака находит желание встретиться с ней, когда он находится в угнетенном состоянии. Тогда он обычно приходит расстроенный и измученный, чаще всего после какого-нибудь любовного увлечения, но его жена появляется вскоре вслед за ним и забирает его домой.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 446

Это уже похоже на Хармса, верно? «Где это он? Ах, опять у Ахматовой! Какая гадость!» — спотыкается и падает. Ее тошнит. «Увлечения» Пастернака, после которых вскоре вслед за ним появляется его жена, имеют несомненный душок.

Пастернак время от времени делал ей предложение, но она к этому никогда серьезно не относилась. Они любили и обожали друг друга и чувствовали, что после смерти Цветаевой и Мандельштама они остались одни, в пустыне. Правда, они окружены любовью и бесконечной преданностью **(как**

Хлестакову, им ничего не надо, кроме преданности и уважения) бесчисленных читателей, множество людей в Советском Союзе знает их стихи наизусть, переписывают их, декламируют, передают из рук в руки, конечно, это очень приятно **(правда, ей часто хочется вымыться после встреч с поклонниками)** и они гордятся этим, но продолжают пребывать в глухой ссылке. По мере того, как уходила ночь, Ахматова становилась все более и более оживленной.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 446

Она заговорила о своем одиночестве и изоляции как в культурном, так и в личном плане. У нее еще оставались преданные друзья. Однако поддержку она черпала не от них <…>. З**апись разговора слишком подробна, чтобы быть искренне восхищенной. Скажем прямо, иногда она кажется издевательской. У Берлина есть только один способ уберечься от той смехотворной и унизительной роли, которую ему приготовила Ахматова, — твердо держаться тона литературоведа, который с благодарностью принимает информацию и со здравым смыслом взрослого мужчины проявляет снисходительность к девичьему возбуждению. Это единственно возможный прием, чтобы не стать смешным, в свою очередь, — если бы он затрепыхался и заотнекивался от ее десятилетиями длящихся впоследствии намеков. Даже хотя ее откровений было несколько часов, все-таки это получается чересчур плотно — стольких упомянуть, столько назвать, несколько раз зарыдать. Берлин включает сюда и другие ее стратегические ходы: умолчания.**

Она не упомянула ни о Гаршине **(а как увязать гордо отвергнутые предложения Пастернака с тем, что доктор Гаршин не захотел жениться?)**, ни о Надежде Мандельштам. **(Надежда Мандельштам — прямая соперница. Маловероятно, чтобы Берлин считал Ахматову великим поэтом. Свидетельницей эпохи — да, членом изысканного круга — да. Но в этом качестве Надежда Мандельштам ей ровня, а где-то даже интереснее — не так усередненно-литературна.)**

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 447

<…> Единственная вещь: мне страшно хотелось выйти в уборную, но я не посмел. Это русское.

Исайя БЕРЛИН. Беседа с Дианой Абаевой-Майерс. Стр. 92

Когда Бродскому напомнили эту ремарку, он сделал свое рассеянное «да-да» и настойчиво привел свой подобный же

казус при встрече с любимым им западным поэтом. Но ведь он не посвятил ему стихи о милом муже! А просто среди людей — почему бы такому не случиться? Странно, что милый жених помнит такие подробности да еще распространяется о них. Ему стыдно сказать прямо, что, мол, жениться я не намекал. Если бы у них что-то было, проскочила бы и уборная. И вода, и полотенца — мало ли что. Она знала, что это не так.

Наша беседа затянулась вплоть до позднего утра следующего дня. Я встретился с ней опять, проезжая на обратном пути из Советского Союза через Ленинград в Хельсинки. Я зашел с ней попрощаться пополудни 5 января 1946 года, и она подарила мне один из своих поэтических сборников. И больше у нас отношений не было…

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 449

Попрошу особо отметить последнюю фразу. Больше у нас отношений не было. Все.

Ты выдумал меня. Такой на свете нет…

и прочее — это все ее неустанный труд двух десятилетий.

Ахматова на меня рассердилась под конец, потому что я женился: я не имел права этого делать. Она считала, что между ней и мной какой-то союз. Было понятно, мы никогда друг друга больше не увидим, но все-таки наши отношения святы, уникальны, и ни она, ни я больше ни на кого другого, понимаете ли, не посмотрим. А я совершил невероятную вульгарность — женился.

Исайя БЕРЛИН. Беседа с Дианой Абаевой-Майерс. Стр. 90–91

Ахматова сочинила своего «Гостя из будущего» — заурядного профессора. Нелепее всего, что она даже замуж за него собиралась идти <…>. **Похоже, что были все-таки и слухи, будто Берлину это могло прийти в голову…** Что бы она стала делать в чуждом ей Оксфорде и чуждой ей по мысли и по культуре Англии, в обществе махрово-буржуазного Берлина и ему подобных? Конечно, в Оксфорде были светочи культуры и знаний — такие люди, как Сесиль Баура, Вивиан де лос Пинтос, или же те, кто был близок к кругу Мориса Бэринга. К этим людям Исайя отношения не имел… <…> Он, кстати, родня Генриэтте Гиршман, увековеченной в свое время Серовым. Все это — еврейская буржуазия, и что общего с Ахматовой все это имеет?

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.
Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 33

Волков: Сэр Исайя напечатал свои воспоминания о встречах с Ахматовой. Об этих же встречах говорится во многих стихах Ахматовой. Если эти две версии сравнить, то создается впечатление, что речь идет о двух разных событиях. В трактовке Анны Андреевны их встреча послужила одной из причин начала «холодной войны». Да и в чисто эмоциональном плане, посудите сами: «Он не станет мне милым мужем / Но мы с ним такое заслужим / Что смутится двадцатый век». Ничего похожего у сэра Исайи вы не прочтете.

Бродский: Конечно, вы правы, он не придавал встрече с Ахматовой столь уж глобального значения.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 247

Бродский не может просто сказать, что Берлин вообще не придавал встрече с Ахматовой глобального значения. Только «столь уж» глобального, мол, не придавал. А вот некоторая глобальность, по его мнению, все же присутствовала. Совсем топтать Анну Андреевну Бродский не позволит.

Сам Берлин — когда в 1962 году принимал в Англии Корнея Чуковского, общался с ним, приглашал к себе в дом — даже не вспомнил о знакомстве с Ахматовой, привета не передал.

Она продолжала писать про него выставляющие его в смешном свете, по существу — позорящие — любовные стихотворения. Такое ощущение, что, проживи она подольше, его бы заставили на ней жениться. Молодой, в здравом уме Иосиф Бродский, описывая первую свою, за границей, встречу с Исайей Берлиным, утверждает, что этот Берлин вместо первых слов приветствия закричал: «Я не Эней, она не Дидона» — апеллируя к стихотворению Анны Ахматовой. То есть все, о чем он думал, — это о его взаимоотношениях с Ахматовой.

Понимаете, Бродский описал ведь первую свою встречу со мной неправильно. Он соврал, в общем. Это получилось очень мило, но он соврал. <…> Когда мы встретились, знаете, что получилось? Его Оден привез в Лондон и оставил у Стивена Спендера. Спендер мне позвонил, сказал, у меня поэт Бродский, он по-английски не очень говорит, не хотите ли с ним увидеться. Я сказал — очень. Он привел его в этот «Атенеум». Мы

познакомились, потом все пошло. А он говорит, что, когда мы познакомились, первое, что я сказал: «Я не Эней, а она не Дидона». А я не знал, что она меня назвала Энеем… Дидона… Это он мне рассказал. Потом. Так что не могло начаться с того, что я сказал «Я не Эней».

Исайя БЕРЛИН. Беседа с Дианой Абаевой-Майерс. Стр. 94

Разве такой Бродский не смог бы благословить его образом: «Мол, совет да любовь»? Бродский делал для Ахматовой все. Он мог и заставить жениться.

«История», не состоявшая ни из чего большего, чем описанный Берлиным вечер, длилась двадцать лет.

Вернувшись из Англии, она рассказала о встрече с человеком, занимавшим в ее жизни особенное место. Сейчас он жил, по ее словам, в прекрасном замке, окруженном цветниками, слуги, серебро. «Я подумала, что мужчине не следует забираться в золотую клетку».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 17

Чтобы рассуждать о том, как следует и как не следует вести себя Исайе Берлину в качестве «мужчины», надо иметь на это право.

Из Бунина: барчук, чтобы забыть любовное разочарование, сходится в деревне с крестьянкой.

Когда они поднялись, — Митя поднялся, совершено пораженный разочарованием, — она, перекрывая платок, поправляя волосы, спросила оживленным шепотом, — уже как близкий человек, как любовница: «Вы, говорят, в Субботино ездили. Там поп дешево поросят продает. Правда ай нет? Вы не слыхали?»

И. БУНИН. Митина любовь

Ахматова распространяет сведения, что и она Берлину — близкий человек, любовница.

27 мая 1965 года.

И вдруг Лида мимоходом сказала мне, что А.А. знает Берлина лучше, чем я, так как у нее в 40-х годах был роман с ним в Ленинграде или в Москве, что многие ее стихи («Таинственной невстречи») посвящены ему, что он-то и есть инициатор ее коронования.

Какой у нее, однако, длинный донжуанский список.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1930–1969. Стр. 372

Корней Иванович знал Исайю Берлина на самом деле гораздо лучше Ахматовой — он его действительно знал. Но Анной Ахматовой пущена сплетня — как от нее отмыться?

И хочется перефразировать саму Ахматову: «Какой он ей мужчина?» Он ей — профессор Исайя Берлин, сэр. Он ей — никто, она ему — тем более.

СРАМ № 2

«Приходилось видеть, как женщина преследует мужчину… — пауза, а затем очень убежденно и раздельно: — Из этого никогда ничего, кроме сраму, не получалось».

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 583

Это в огород Марины Цветаевой, в 1941 году увлекшейся — или восхитившейся — Н. Н. Вильям-Вильмонтом. «Она писала ему длинные любовно-философские письма, которые он…» Это «плохо» говорит не столько о ней, как о нем. Ну и совсем плохо — об Ахматовой. Цветаева, может, и писала что-то «любовно-философское», но это не она — молчала в трубку, была суперхолодна с женой, воображала, что он говорит кому-то пронзительно-пошлые слова: «Я могу жениться на женщине, если мне больно от ее лица», упоминала «венчальные свечи» пр. Срам — это вот он.

Это был визит еще одного человека из того самого «зазеркалья». Этим человеком, ставшим для нее в силу обстоятельств более чем частным посетителем, был Исайя Берлин.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 153

Он стал для нее более чем частным посетителем не в силу обстоятельств, а в силу воображения и безнаказанности. Свободы слова для защиты репутаций не было, а мифологенный потенциал у нее был несравненно большим, чем у безвинного партнера по любовной схватке. Он был не более страстным Дон Кихотом любовных баталий, чем летящий по своим самым мелким семейным делам обыватель — пассажир захваченного террористами самолета. Это она — пассионарий страстей ценою в жизнь (чужую), это она мстит за поруганную любовь и недавшуюся семью, все как с террористами: у них своя правда, и боль, и резоны — да только вот обывателю-то какое дело? Свое кафкианство он хочет изжить в другом жанре. Не в надрывной мелодраме. Он даже не благодарит за честь.

Когда через десять лет Берлин снова посетил Советский Союз, Ахматова помчалась в Москву, предлагаясь ему, чтобы даже поездки в Ленинград не надо было предпринимать. Возможно, он поехал бы с удовольствием, — кто же

откажется от Ленинграда! — но он знал, что она сделает все, чтобы вся поездка была многократно описана и зафиксирована как нерестовое стремление осетра — к ней, к ней, к ней. Он не был свободен — она узурпировала его, как Сталин репатриантов: вернулся — пожалте в лагерь. Так и Ахматова: посмели приехать в Петербург? Пожалте в «он не станет мне милым мужем». А там собирался ты становиться ее мужем, не собирался — никого не волнует. Так хотела великая Ахматова! Так что Берлин от туристических вояжей поостерегся, но что его осторожничанье перед мифотворческой энергией Ахматовой!

Лидия Корнеевна Чуковская, приехав из Москвы, навещает Анну Андреевну на даче в Комарове под Ленинградом.

Я вспомнила новость: в апреле приедет Берлин. Анна Андреевна оживилась. «С женою или один? В прошлый раз был с женой. Впрочем, это не имеет ровно никакого значения… **Действительно — ровно никакого, не надо это многозначительно подчеркивать.** Ехать ли мне в Ленинград? Может быть, мне придти под часы на углу Садовой и Невского? **У них никогда не было свиданий под часами, даже намеков на них, поэтому сейчас ее ирония совершенно неуместна.** По старости меня привезут туда на тачке… **Она не была слишком молода и в первую встречу.** Впрочем, может быть, обойдусь телефонным разговором, как в прошлый раз…» **Девять лет назад. Видевшись с человеком один раз в жизни можно впоследствии обходиться телефонными звонками с перерывами в десять лет.**

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 21

Таинственной невстречи
Пустынны торжества…

29 марта 1963 года.

Сегодня телеграмма от Анны Андреевны. «Вторник возвращаюсь домой весь апрель буду Ленинграде напишите мне = Ваша Ахматова». Долго я, ничего не понимая, вертела прямоугольную бумажку так и этак. Переписка между нами не ведется — зачем мне, собственно, знать, в Комарове Анна Андреевна или в Ленинграде? Да и в любом случае, письмо я все равно адресовала бы в Ленинград — так дойдет быстрее. К чему она вдруг сочла необходимым сообщать мне свое расписание? И

какого, собственно, ожидает от меня письма?

Наконец, догадалась.

Она хочет через меня разведать, не приехал ли тот, кто собирался приехать в апреле.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 37

Бедный сэр.

Видя, что Берлин не едет к ней в Ленинград, дама, которая еще десять лет назад отказывалась от свидания с досиживающим семилетний тюремный срок родным сыном по причине своей возрастной немощи, — приезжает в Москву.

Обгоняя солнце, летела!

18 мая 1963 года. Москва.

Утром позвонила мне Анна Андреевна. От неожиданности я не сразу узнала голос. «В Комарове прозрачная весна, а здесь уже пышное лето». Она просила меня придти немедля, но я выбралась только к вечеру. Она сидела в столовой с Ниной Антоновной. Не усаживая меня, поднялась навстречу и взяла за руку: «Пойдемте ко мне, посекретничаем. Дамы всегда секретничают, правда, Ниночка?» И вот мы опять сидим друг напротив друга. Я на стуле, она на своей узкой тахте — полная, прямая, красивая. Приехала она, как говорит, по делам: из-за каких-то переводов и из-за того, что Луконин просит в «День поэзии» стихи **(«Я никогда не интересуюсь»)**. Приехала с надеждой на очередную «невстречу». (Намек в одной фразе.) Привезла ее Галя Корнилова. Переезд, всегда дающийся ей тяжело, на этот раз совершился благополучно.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 38

Нужен ли поэту для любовной или какой лирики конкретный объект, да еще ценой срама?

Не зря он с ней не увиделся на этот раз, не хотел быть посмешищем.

Но это не меняло дела. Она вела себя с ним как глумящийся насильник.

Она сама рожала от него стихи, показывала их читателям и знакомым: «похож»? горько усмехалась, праздновала годовщины, звала его «тем господином», гневно бранилась за его хлопоты «о «нобелевке» для нее», обсуждала его физические особенности, сухая или не сухая у него рука,

хвасталась его карьерой — и он ничего не смог поделать всю свою жизнь.

«Я дала Володе Муравьеву почитать книгу того господина о Льве Толстом. («Тот господин» — у нее всегда «Гость из будущего», Исайя Берлин.) Он пришел в восторг. Объяснял мне, что это гениально. Я слушала молча и смотрела девственными глазами».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 29

Представьте взгляд девственных глаз. За которыми чувствуется — ого-го! Что же? Берлин как-то нарушил ее девственность? Какой контраст девственности она намеревалась предъявить? То есть была не девственность — а что? Она каждую минуту намекает на что-то — бывшее. Не было ничего. Даже в самом умозрительном плане. Сколько же и чего она о нем не передумала!

По дороге домой я думала о том, о чем не решилась ее спросить:

А мне в ту ночь приснился твой приезд… — значит ли это, что заграничный господин снова приедет?

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 231

Ну мы все, русскоязычные, знаем, что «тем господином» можно назвать человека только с большой долей иронии — или недоброжелательства. Поскольку Берлин — наш самый желанный господин, остается только ирония. А что он сделал? Проявил интерес к персоне по своей специальности — литературоведению, встретившись совершенно случайно. Не ища этой встречи, предложили — не отказался, познакомился, поговорил — все, забыл. Он не давал никакого повода иронизировать над собой: он за ней не ухаживал, не делал ей двусмысленных или однозначных намеков, не обещал ничего. И двадцать лет ему не дают покоя. Он мог бы надеяться, что двадцать лет разницы в возрасте дадут ему гарантированную чувством приличия безопасность. Нет. Она многозначительно пересказывает их более чем невинные телефонные разговоры, вернее, один разговор. Больше не было.

Лидия Чуковская говорит покорно: значит ли это, что господин снова приедет — как будто господин К НЕЙ уже

хоть раз приезжал.

О август мой, как мог ты весть такую
Мне в годовщину страшную отдать?

Весть — такую. Такую! — о приезде малознакомого человека. Годовщина (речь идет о Постановлении, всегда только о нем)— «страшна».

Ты выдумал меня, такой на свете нет.

Он — никого не выдумывал, это она его выдумала.

Потом заговорила доверительно, чуть понизив голос: «Один господин — вы, конечно, догадываетесь, о ком речь — позвонил мне по телефону и был весьма удивлен, когда я отказалась с ним встретиться. Сообщил мне интересную новость: он женился только в прошлом году. Подумайте, какая учтивость относительно меня: ТОЛЬКО. **Он так не говорил, просто он действительно женился за год до этого.** Поздравление я нашла слишком пресной формой для данного случая. Я сказала: «Вот и хорошо!», на что он ответил… ну, не стану вам пересказывать, что он ответил…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 226

Да. Это была настоящая история любви, не перескажешь. Надо только узнать и его версию.

Позднее сэр Исайя Берлин сообщил мне, что в его памяти телефонный разговор 56 года «сохранился несколько иначе». И еще: «Я записал этот разговор в том же году».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 237

Он подчеркнул, что ручается за точность. Но кто его спрашивает!

Она говорила, хотя и с насмешкой, но глубоким, медленным, исстрадавшимся голосом, и я поняла, что для этого рассказа о «небывшем свидании» она и вызвала меня сегодня, что снова ею совершен один из труднейших поступков.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 226–227

Снова. А предыдущий раз, я забыла, это когда было? Какой труднейший поступок был перед этим?

Но так как я женился… Я с ней имел разговор в 1956 году, когда я приехал со своей женой, у нас был медовый месяц. Пастернак мне сказал: «Послушайте, Анна Андреевна тут, в Москве. Видеть она вас не может, потому что ее сын только что вернулся из ссылки, и она не хочет встречаться с иностранцами. Ей это очень опасно. Но по телефону с ней можно поговорить». Я ей позвонил. Она мне сказала: «Вы?..» Я говорю: «Да». Она сказала: «Пастернак мне сказал. Что вы женаты». Я сказал: это так. «Когда вы женились?» — «В этом году». Длинное молчание. Потом: «Ну что же я могу сказать? Поздравляю!» — очень холодным голосом. Я ничего не сказал. — «Ну да, да… Значит, вы женились. Да…» Конец разговора. Я понял, что совершил преступление — это было ясно. Потом она приехала в Оксфорд… Я встретил ее в Лондоне, как только она приехала. Потом в Оксфорде я пригласил ее жить у нас, этого посольство не позволило, но она пришла обедать. **(Для нее такое приглашение могло значить что угодно, потому что она привыкла садиться за стол там, где сидит уже жена, но для него такое приглашение все-таки значило только одно: что оно ничего не значило.)**

С моей женой она была суперхолодна. Супер. Понимаете, лед. Ледяное отношение.

Исайя БЕРЛИН. Беседа с Дианой Абаевой-Майерс. Стр. 93

Вы верите, что сэр Исайя не смеется над ней? А в ахматоведении считается некорректным считать, что у них не было страстного романа.

Клен в окне, венчальные свечи…

Пусть против своей воли — но Исайя Берлин был втянут в сюжет своего «романа» с Анной Андреевной Ахматовой. Ничего, кроме одного-единственного разговора о литературе, «между ними» не было — и ни о чем другом он бы рассказать «о них» не мог. Но градус распаляемого ахматовскими намеками любопытства поднимался так высоко, что ему приходилось публично оценивать и ее женские достоинства — иначе — конечно, конечно, отовсюду закричали бы, что он этого «старательно» избегает, не дай Бог — что ему «больно от ее лица».

— Потом она поехала в Париж, где она встретилась, как вы знаете, с Анрепом. Это было несчастье, эта встреча. Он сказал, что, когда он ее знал, она была тоненькая, замечательная… Она могла дотронуться до ног своих, не сгибая колен. Замечательная, красивая, тонкая, как ветка… Теперь кого я вижу перед собой? Екатерину Великую.

Д.: Да, перемена разительная была…

— Это от картошки.

Исайя БЕРЛИН. Беседа с Дианой Абаевой-Майерс. Стр. 93

К Берлину было проявлено неуважение. Если отвлечься от подобающих величию Ахматовой эпитетов, то следует признать, что личностью Берлина, как частного человека, пренебрегли.

Такой агрессии подвергся разве что Гумилев, за которого стала распоряжаться она сама, приписав ему славу, равновеликую ее амбициям, — а за это, слово за словом, стих за стихом расплачиваясь битвами за доказательства его любви к ней — женщине его жизни и музе его поэзии…

Никакой чрезмерной любви, уважения, страсти, пожизненного и загробного надрыва не приписывалось ни одному из ее возлюбленных — ни ею самою, ни послушными воспоминателями. Ну, покорно повторили, что Гумилеву она была вдовой, что Гаршин променял ее на медсестру, что Пунин был ее расстрелянным третьим мужем — а так больше ничего. По ним ей полагалось страдать. ВСЁ к ее ногам бросил лишь ни в чем не повинный Берлин.

Ты напрасно мне под ноги мечешь —
И величье, и славу, и власть…

Это — Берлину.

«Ты выдумал меня. Такой на свете нет…» — **про Берлина. Он не выдумал ее. Он о ней не думал.**

Знаешь сам, что не стану славить
Нашей встречи горчайший день.

Как свою посмертную славу
Я меняла на вечер тот,
Не придумать разлуки бездонней
Лучше б сразу тогда — наповал…

И, наверное, нас разлученней
В этом мире никто не бывал.

В Лондоне спустя почти двадцать лет после роковой **(роковой!)** встречи, Ахматова вновь увиделась с Исайей Берлиным. «Раньше я была знаменита в России, но не за границей. Все это — Италия, Оксфорд… Ваших рук дело?» Берлин, несколько обескураженный ее верой в его могущество, отверг это предположение.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 201

Возможно, он был обескуражен также и ее верой в то, что она стала «знаменитой» за границей.

В Оксфорде вручали мантию, «короновали», по ее терминологии, еще и другого поэта, Зигфрида Сассуна. Столь же «знаменитого», как и она.

Вынула очаровательную записную книжку: «Это мне сэр Исайя подарил».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 299

Подарок солдатской фляжки невозможно объяснить никак (предыдущий знак серьезности его намерений). А вот неподарок тоненького золотого перстенька с бриллиантовой крошкой — можно. Принять бы она его смогла — как женщина, общественной значимостью перешагнувшая этикет для бедных. Ленинградские мальчики помножили бы потраченные восемьдесят долларов на ужасы сталинизма, двух расстрелянных мужей и всего, что она приписывала себе, и получили бы сумму в несколько миллионов, молчаливо подтвержденную полуоборотом царственных плеч… То есть все было бы возможно. Но, раздраженный, Берлин не захотел даже подыграть.

Ведь записная книжка, возможно, стоила дороже колечка.

10 мая 1965 года.

Мы заговорили о предстоящей поездке в Англию. «Интересно понять, соблаговолит ли там присутствовать в это время — гм, гм! — вы знаете, о ком я говорю <…>. Он ведь с большими странностями господин… Да, да, может как раз взять да и уехать

читать лекции в Америку <…> Я от него еще и не такие странности видела».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 281

Готовит почву. Он действительно мог позабыть о ее приезде.

Светает. Это Страшный суд.
Свиданье горестней разлуки.
Там мертвой славе отдадут
Меня твои живые руки.

О выходе новой книги:

«Боюсь, Италия ему помешает… Одна тамошняя возможная встреча, — Анна Андреевна многозначительно помолчала, — одна встреча может повернуть весь сюжет».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 252

«И зачем этот господин так обо мне печется?» — считая, что выдвижение на Нобелевскую премию и вообще слава на Западе — это дело рук Исайи Берлина. Значит, «Еще пять» — тоже обращены к нему. Ясно!

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 83

Срам. Он не пекся о ней абсолютно. Славы, конечно, не было тоже.

Ахматова говорила о нем всегда весело и уважительно — **взяла на себя такой тон мужественной маленькой женщины** — считала его очень влиятельной на Западе фигурой, уверяла, правда, посмеиваясь — для правдоподобия — что «Таормина и мантия», то есть итальянская литературная премия и оксфордское почетное докторство, «его рук дело» и «что он сейчас о «нобелевке» хлопочет» для нее, хотя при встрече с нею в 1965 году и в позднейших воспоминаниях он это начисто отрицал.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 144

Что может быть оскорбительнее! Это все видели и знали — и все проглатывали. Она несла эту белиберду перед всеми — и никто не посмеялся — никто даже не пожалел ее! Все продолжали считать более достойным называть порядочного человека «тем господином», а ее — сердцеедкой. Никто даже

в шутку не одернул ее: да полно, Анна Андреевна, было-то там что? что уж вы так распаляетесь-то?

В разговоре она часто называла его иронически-почтительно «лорд», реже «сэр»: за заслуги перед Англией король даровал ему дворянский титул. «Сэр Исайя — лучший causeur (собеседник) Европы, — сказала она однажды. — Черчилль любит приглашать его к обеду». Она подарила мне фляжку, которую он на прощание подарил ей: английскую солдатскую фляжку для бренди.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 145

Найман ее не щадит! Как Иосиф Бродский — говорит все, но велит интерпретировать в смысле «величия и муки».

Оскорбительный в своей бессмыслице подарок! Она что, была мужчиной? Ветераном? Маршалом союзных войск? Военным историком? Двенадцатилетним мальчиком? Школьным учителем истории? У него было сто возможностей сделать ей подарок со значением — любым. Он сделал бессмысленный: от слов «без смысла». Что еще он мог? Не мог же он кричать на каждом углу: «Не домогался я ее! Не метал ей ничего под ноги! Не стоял перед выбором, становиться ли ей милым мужем или нет!» Он надеялся, что это и так понятно. К сожалению, восторжествовали ее беспардонные наветы. Женщин на дуэли не вызывают, и Ахматова продолжала безнаказанно измазывать его воображаемыми диалогами: «Мне больно от твоего лица» и пр. И встретившись впервые с Берлиным, Иосиф Бродский, как загипнотизированный, тоже не промолчал деликатно — мол, поди узнай, спрашивал ли, дрожа от страсти, его об Ахматовой Берлин при этом знакомстве, не принял благородную позу доктора, сохраняющего врачебную тайну о делириумах его подопечной (к сожалению, не старческих — навешивала она на людей то, что считала выгодным для себя — с молодости). Бродский подарил истории никогда не звучавшую фразу Берлина. Берлин опять заверещал, как ужаленный, — но кто его услышал? Зато включите телевизор — и скорбные известия о гостях из будущего, виновниках холодной войны и рыцарях неувядаемой обольстительницы польются на вас, непререкаемые и лживые, как партийные директивы. Каждому досталось то время, которое он заслужил.

А для моего поколения безнадежно устаревшим казался культ «дамы», душевных переживаний, возникших от случайной

встречи, «друга первый взгляд» и те полуотношения, которые культивировались женщинами на десяток лет постарше меня.

Честно говоря, я не верю в любовь без постели и не раз шокировала Ахматову прямым вопросом: «А он вас просил переспать с ним?»

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 119

Дневники Марии Башкирцевой — аналогия жизненных устремлений Анны Ахматовой. Только там шестнадцатилетняя девочка мечтает о славе от полноты жизни, как Наташа Ростова хочет летать, пробует и проявляет свой талант в живописи, в пении, в литературе — и умирает в двадцать четыре года.

А Ахматова забыла, когда ей надо умереть, — подпишусь, пока не поздно, под этой строчкой добровольно.

Господи! Дай мне герцога Г. (детское увлечение герцогом Гамильтоном, которого Муся видела только на улице), я буду любить его и сделаю его счастливым, и сама я буду счастлива и буду помогать бедным! Грешно думать, что можно купить милость Бога добрыми делами, но я не знаю, как это выразить.

Мария БАШКИРЦЕВА. Дневник. Стр. 13

Ахматова считала, что для нее милость Бога уже куплена — величием ее личности.

«Леди Анна» — вот слова ее мечты, казавшейся совсем реальной, ведь между нею и воплощением стоял всего лишь один обычный человек — самая пустяшная для Анны Андреевны вещь — и эта доступность, достижимость мечты заставляла ее вскакивать по ночам, заставляла хвататься за перо.

Не занятое воображение женщины бесконечно переговаривает в уме воображаемые диалоги — все страстнее, все закрученнее, все нестерпимее — литературная мастурбация. Причем не от избытка темперамента, в дополнение, а — вместо.

Воображаемый диалог Ахматовой с Берлиным, написанный на склоне лет.

Гость: Я хочу быть твоей последней бедой… Я больше никому не скажу те слова, которые я скажу тебе.

Начиная вчитываться в этот диалог, перечитайте воспоминания г-на Берлина — насколько возможно было в их

литературоведческом разговоре пожелание «быть твоей последней бедой», или это брутальное и настойчивое «я хочу».

Х: Нет, ты повторишь их много раз и даже мое самое любимое: **(в выдуманных разговорах у нее есть любимые — выдуманные ею его страстные слова)**:

«Что же вы наделали — как же я теперь буду жить?» **(такую фразу трудно запомнить и сделать ее любимой — она слишком патетична и слишком ни о чем)**.

Гость: Как, даже это?..

Х: Не только это — и про лицо: «Я никогда не женюсь, потому что могу влюбиться в женщину только тогда, когда мне больно от ее лица…»

Анна АХМАТОВА. Т. 3. Стр. 334

Ахматова искренне полагает, что «больно» может быть только от ее лица, а влюбиться в какую-то другую женщину — практически невозможно.

Когда в текст лирического повествования выносят категории женится — не женится и авторше под семьдесят… Линия «никогда не женюсь» — «женщина» — «больно» — «больно от ее лица» — эта линия ведет непосредственно к оргазму.

На этой ноте можно бы было повествование о романе с Берлиным и закончить, если бы Ахматова с обстоятельностью маньяка не хотела бы использовать все возможности для мифотворчества, которые ей предоставило в этом смысле действительное судьбоносное знакомство с Берлиным.

Одним из примеров idees fixes была ее непоколебимая убежденность в том, что наша встреча имела серьезные исторические последствия.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 457

В Оксфорде летом 1965 года. После вручения докторской мантии Ахматова рассказывала И. Берлину, как 6 января, на следующий день после его прощального визита в Фонтанный Дом, в потолок ее комнаты был вставлен микрофон для подслушивания.

Светлана КОВАЛЕНКО.

Анна Ахматова (Личность. Реальность. Миф). Стр. 41

«Для Ахматовой она сама и я рисовались в виде персонажей всемирно-исторического масштаба, которым судьба определила положить начало космическому конфликту (она прямо так и

пишет в одном из стихотворений). Я не мог и подумать, чтобы возразить ей, что она, возможно, несколько переоценивает влияние нашей встречи на судьбы мира, поскольку она бы восприняла мои возражения как оскорбление сложившемуся у нее трагическому образу самой себя как Кассандры».

Светлана КОВАЛЕНКО.
Анна Ахматова (Личность. Реальность. Миф). Стр. 41

Писала после встречи осенью 1945-го с Исайей Берлином, не согласованной с властями:

Как свою посмертную славу
Я меняла на вечер тот.

Светлана КОВАЛЕНКО.
Анна Ахматова (Личность. Реальность. Миф). Стр. 17

Она была несогласованной, потому что была абсолютно случайной, как встреча с Амандой Хейт. Книга Хейт — это тот же разговор с Исайей Берлиным, только растянувшийся во времени и записанный под диктовку. Оттого там нет ремарок «рыдает». На его беду, он в отличие от Аманды Хейт был мужчиной и младше только на 20 лет. По ее понятиям, должен был жениться.

Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый век.

Эта женщина ничего не знает о 20-м веке.

«ЛЮБОВЬ»

Это не гордая любовь. Поэт «обидел» ее, но она все-таки приходит снова и молит его не «гнать ее». Есть неприятное слово, которое, очевидно, ей приходится часто слышать: «уйди». Ее любил «знаменитый современник», но он ей «приказал»: «довольно, пойди, пойди, убей свою любовь». Она не стесняется в выражениях, когда приходится страдать из-за невнимания мужчин.

Д. ТАЛЬНИКОВ. Анна Ахматова. Четки. Стр. 107

Герой одной из самых неуклюжих — и типичных — любовных историй Анны Ахматовой — Владимир Георгиевич Гаршин назвал как-то основными характеристиками ее социального поведения «смесь надменности и беспомощности». Она была двойственна почти во всем и везде — в такой резкой пропорции. В любви она — смесь тщеславия и униженности. При таком сочетании для самой любви нет места.

О Гумилеве:

«На самом деле он был так влюблен, что брал деньги у ростовщика под большие проценты и приезжал в Севастополь, чтобы 10 минут видеть мой надменный профиль».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 526

Так мало в ее жизни влюбленностей в нее, «красивых историй» и пр., что приходится пробавляться лишь тем, что она сама на склоне лет напишет.

«Источником существенных развлечений служит для меня Анна Ахматова, очень способная поэтесса».

Письмо Н. В. Недоброво — Б. В. Анрепу.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 63

Ахматова была замужней дамой и матерью. Роману с Блоком это, как она уверяет, мешало, с г-ном Недоброво — нет.

В 1922 году Ольга Афанасьевна собиралась уезжать за границу и говорила мне, что она очень зовет ехать с собой Анну Андреевну, что как раз сейчас самое время, потому что ее слава поглотительницы мужских сердец, обольстительницы стоит за

границей очень высоко. И речь была об Анне Ахматовой не как поэтессе, а как «Клеопатре с берегов Невы».

Вера Знаменская — Борису Анрепу.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 259

О Шилейко:

Нас встретил Тапка, сенбернар. Шилейко сказал, что у него всегда найдется приют для бродячих собак, — «Так было и с Аничкой», — прибавил он. Мы промолчали.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 69

Рассматривая на поблекшей коже
Следы побоев. Господи, прости!

В сравнительно небольшом числе стихотворений, обращенных к Шилейко, слово «палач» употреблено трижды, и это говорит о многом.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 250

«Видел Ахматову. Ахматова превратилась в ужасный скелет, одетый в лохмотья».

Георгий Чулков.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 250

А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.
Но когда замираю, смиренная…

Рабство было прекращено карательными мерами: с помощью Артура Лурье, любовника-комиссара, отвезла в психушку, а потом произошло то, что кто бы изобразил: Чарли? Зощенко? Достоевский?

«Когда Шилейко выпустили из больницы, он плакался: «Неужели бросишь? Я бедный, больной…» Ответила: «Нет, милый Володя, ни за что не брошу: переезжай ко мне», Володе это очень не понравилось, но переехал. Но тут уж совсем другое дело было: дрова мои, комната моя. Все мое… Совсем другое положение. Всю зиму прожил. Унылым, мрачным был»…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 46

Лурье на старости лет читал «Поэму без героя».

Она его глубоко взволновала, он сказал: «Там все о нас, о нашей жизни втроем».

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 28

Описывая свой роман с Артуром Лурье (и Ольгой Судейкиной), Ахматова что-то там пишет про Рахиль. Она на все вешает библейские или еще какие-нибудь столь же респектабельные ярлыки. Если любовный треугольник — значит, Рахиль, Лия и Иаков. А на самом деле та история вовсе не про треугольник, а про любовь. Какой Анну Ахматову никто не любил — просто любовь.

…Когда Иаков увидел Рахиль, он понял, что это и есть его судьба, он полюбил ее. Он сделал за нее какую-то мелкую работу, порученную ей, «И поцеловал Иаков Рахиль, и возвысил голос свой и заплакал». Вот так, за одну минуту все и решилось. Ахматову никто так не полюбил, никто не сделал ей никакой мелкой работы. Все повиновались, кричали: «Приказывай!» А так, чтобы там дрова поколоть, как-то помочь — этого нет. И уж никто никогда не принес ей никакой жертвы.

У Артура Сергеевича стояла на туалетном столе в спальной одна фотография Ахматовой. Он написал «все твои фотографии» по свойственной галантности с дамами <…>. Он ведь был Жуан, дитя мое.

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 48

О Клевете по поводу тех толков, которые ходят о ее связи с Артуром Лурье.

К. И. Чуковский.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 41

«Клеветой», как говорит Чуковский и называет Анна Ахматова в одноименном стихотворении, были следующие обстоятельства:

Только после октябрьской революции, избавившись от всех жен и мужей, Ахматова, Лурье и Судейкина открыто стали жить втроем в одной квартире на набережной Фонтанки, 18. Эта жизнь была уже открытым вызовом обществу и породила множество толков в Петрограде.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 239

До чего же мне был противен и гадок этот Артур Сергеевич! Сальный пошляк, циник; не могу забыть, как мне, совсем молоденькой женщине, которую он мало знал, он, вытащив из кармана брюк маленькую книжку с французским текстом и гравюрками порнографического содержания, всячески старался заставить меня рассматривать с ним эти гравюры. Тут же была то ли Анна Андреевна, то ли Ольга Афанасьевна.

Вера Знаменская — Борису Анрепу.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 259

И яростным вином блудодеянья
Они уже упились до конца.
Анна АХМАТОВА

«У него любовь ко мне — как богослужение была».
П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 60

Артур Лурье сначала бросил Ахматову ради женитьбы на Ядвиге Цибульской, от которой и дочь родил, а потом, после возобновления романа — и ради Ольги Судейкиной. Ахматова уже в двадцатых годах, сообщая сведения о себе Лукницкому, фальсифицирует обстоятельства и даты, закрепляет это в стихах, сравнивает себя с Рахилью. Какая Рахиль! Иакову только обманом подсунули Лию, Лурье выбирал других женщин в полной свободе блудодеянья, по своей собственной воле.

Когда она была очень красива и молода, ее все равно бросали ради «невесты».

Познакомимся с приемами, которыми прельщала Анна Андреевна молодых людей. Речь пойдет о ее «Эккермане» — Павле Николаевиче Лукницком (1900 г.р.).

Знакомство.

Стучал долго и упорно — кроме свирепого собачьего лая, ничего и никого. Ключ в двери — значит, кто-то есть. Услышал шаги. Две тонкие руки из темноты оттаскивали собаку. Глубокий взволнованный голос: «Тап! Спокойно! Тап! Тап!» Собака не унималась. Тогда я шагнул в темноту и сунул в огромную пасть сжатую в крепкий кулак руку. Тап, рыкнув, отступил, но в то же мгновенье я ощутил, как те самые тонкие руки медленно соскальзывали с лохматой псиной шеи, куда-то совсем вниз, и я схватил падающее, обессиленное легкое тело. Нащупывая в полутьме ногами свободные от завалов места, я, осторожно

перешагивая, донес АА в ее комнату и положил на кровать.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 7

Конечно, дело зашло далеко.

Прощаясь, целую АА руку, у локтя долго… Потом целую ее между глаз, наклонившись над креслом сверху. АА тихо-тихо говорит: «Зачем так целуете…»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 185

Павел Николаевич Лукницкий ей никто. Так, приходит, изучает Н. Гумилева, она «замужем». Блок отдыхает.

У АА челка стала длинной. «Надо подстричь — ниже бровей уже». Расчесывает челку.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1.Стр. 136

Она называет его на ты, он ей целует руку и отмечает, при ком это было. «Пунин уже всерьез ревнует меня».

АА стала одеваться. Надела белые чулки и шелковое платье — подарок переводчицы, привезенный М. К. Грюнвальд. АА очень хороша в этом платье.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 214

Кстати, а вот так она сближалась с Пуниным. Очень просто.

17 августа 22 года на пароходе «Гакен» уехал Артур Лурье.

Начало сентября — записка А.А. «Милый Николай Николаевич, если сегодня вечером Вы свободны, то с Вашей стороны будет бесконечно мило посетить нас. До свиданья. Приходите часов в 8».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 92

Синтаксис немного страдает, чуть-чуть похоже на «подъезжая к станции, у меня с головы слетела шляпа».

Изысканные манеры любовной игры, это конец тридцатых годов, ей под пятьдесят.

Зашел Владимир Георгиевич. Зашел узнать о результатах медицинского осмотра. Анна Андреевна, снова изогнувшись по-акробатски, достала с кресла заключение врачей. Он прочел, произнес: «Все вздор, полуграмотная чепуха».

Перед уходом наклонился к ней, близко заглянул ей в глаза и спросил инфантильным тоном, каким часто говорил с ней при мне: «Вы хорошая сегодня?» — «Хорошая», — ответила Анна Андреевна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 119

«Очередной любовник Лили», «У Марины — роман за романом»: **как бы цитируя строчки из хлестких советских статей о морали и нравах, что-то все-таки она не может сдержать и в себе.**

От ее любви веет холодом, почти все ее романы только и нужны ей что для украшательства биографии (у кого-то есть иные варианты для характеристики историй с Гаршиным, Берлиным, эксгумации любви Гумилева). Поэтому-то и такая обычная вещь, как любовь и ревность к сыну, имеют в ее случае не обычное деликатное объяснение, а тоже довольно распространенное, но более низкое объяснение — привычку все захапать себе.

В июле Анна Андреевна вернулась из Старков и встретила меня по-женски, как победившая соперница: «Лева так хотел меня видеть, что по дороге в экспедицию приехал из Москвы ко мне в Старки», — объявила она.

Эмма Герштейн. Мемуары. Стр. 221

Между 3.08 и 8.10.27.

Многих любят так, как любят и любили ее. Но, наверное, никого так, как ее, не ревнуют. И не из-за насмешливости ли ее? Так, по крайней мере, думает она сама. Я убежден, что несчастье ее заключается в том, что она никого не любит. Говорит, что любит П. и в доказательство указывает на долгий срок — на пять лет, которые они были вместе. Думаю, однако, и к П, отношение ее — несколько иное.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 276

Вот ей бы, купаясь в отношениях и живя только ими, уметь бы разбираться в чувствах потоньше. Никого не ревновали так, как ее. Наверно, это если вычислить чисто арифметически: от на самом деле самой обычной ревности, которой ревновали ее, вычесть совершенно, действительно, беспримерное отсутствие ревности у нее. У нее никогда не было мужа или даже мужчины в ее одной распоряжении.

Но вернемся к ее штудиям в любовных делах. Она полагает: не из-за насмешливости ли ее. Как тут не вспомнить Бернарда Шоу: «Две вещи мешают любви: отсутствие чувства юмора у мужчины и его наличие у женщины».

Аня, честно говоря, никогда не любила. Все какие-то штучки: разлуки, грусти, тоски, обиды, зловредство, изредка демонизм. Она даже не подозревает, что такое любовь. Из всех ее стихов самое сильное: «Я пью за разоренный дом…» В нем есть касание к страданию. Ее «лицо» обусловлено интонацией, голосом, главное — голосом, бытовым укладом, даже каблучками, но ей несвойственна большая форма — этого ей не дано, потому что ей не даны ни любовь, ни страдания. Большая форма — след большого духа.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 384

«Я-то вольная, все мне забава…» — проговорилась.

Сын ей дает оценку как матери, Пунин — как женщине, Бродский — как поэтессе, Гумилев — как невесте и жене, Блок — как наследнице века… А вольной, которой все забава, — это весело, и все — игра, но только не надо при этом претендовать на величие, потому что про любовь в Библии много сказано, а про игру — ничего.

Она в Ташкенте читала всем письмо от Пунина из Самарканда — запоздалое признание в любви, как она считала — вернее, хотела заставить считать других. Сам Пунин признавал его фальшивым. Она — сердцеведка — этого не чувствовала?

Письма к Ан. были скорее письмами ей в чужой адрес. Теперь я несколько удивляюсь, вспоминая все это.

Николай Пунин.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 79

Она могла бы заметить искусственность интонации Пунина, и то, что Гаршин особенно жениться не хотел. Ведь смысл — в отношениях, не в «жениться». Для Анны Андреевны главное было стать профессоршей Гаршиной. Это ей показалось очень респектабельно. Гаршин просто разрушил ее изысканные планы и был больше ни для чего не нужен.

Она действительно учила женщин любить и говорить — и тем грех ее возрастает.

Про Исайю Берлина лучше вовсе не упоминать. Если бы его вообще не было на самом деле, если бы она не говорила о нем многозначительно: как он играл в футбол («футболь»), про золотую клетку, про Черчилля, про что сказал Сталин — тогда эту лирику можно было бы разбирать.

…венчальные свечи…

С другими она венчаться не хотела — просто потому что они и не «записывались» с нею. А этого — малознакомого — так еще и под венец…

Ее не любили, и у нее были некрасивые глаза и некрасящая улыбка. У глаз был тонкий, изысканный, как все в ней, рисунок и цвет — светло-серый. Красиво, конечно, особенно для брюнетки. Но не было огня, живости — того, что заставляет говорить о ярком взгляде. Без взгляда глаз нет. Улыбки не было вообще. Разве что — «презрительно улыбнулась». Влюбиться трудно. Не любил никто и отраженно — она не любила сама. Навязывалась, не оставляла, позволяла все, изменяла — вот слагаемые тех драм, о которых нам пишут ее стихами.

Никто не должен бояться старости. В старости возможно все, и достоинство, которое мы сумеем сохранить, украсит нашу жизнь в благословенные года. Ей не удалось.

Вдруг она вообразила, что снова, как в молодости, окружена поэтами и опять заваривается то самое, что было в десятых годах. Ей даже мерещилось, что все в нее влюблены, то есть вернулась болезнь ее молодости.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 90

Она оживленная, веселая, чувствует себя сегодня отлично.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 75

Ахматова заставляет Чуковскую демонстрировать свою память.

«Вы так все тридцать? — спросила Анна Андреевна. — Учитесь, Толя!» — «Что тридцать?» — «Тридцать томов академического Собрания Сочинений Герцена наизусть!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой, 1963–1966. Стр. 42

Она использует все способы обольщения. Как Джулия Ламберт у Моэма потакает снобизму своего молодого любовника, предоставляя в его распоряжение свои великосветские знакомства, так Ахматова мечет перед

интеллектуалом Найманом умственные достижения своих подруг.

В последние годы она со мною как-то необыкновенно ласкова. Пойму ли я когда-нибудь, что случилось в Ташкенте? И — забуду ли? Нет, зла я не помню, то есть зла к ней не питаю, напротив. Но испытанную боль, сознательно причиненную мне ни с того, ни с сего — помню, и это мешает мне радоваться ее доброте.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 461

Для Чуковской любой новый виток славы Анны Ахматовой значил одно: начало строительства нового ахматоцентричного общества, очень закрытого, с жесткой иерархией, очень грубого, лагерного, уголовного. Хотелось бы потоньше, но приходилось выбирать: или сила — без нее не удержать, — или тонкость чувств. Конечно, общество Анатолия Наймана, Дмитрия Бобышева, Евгения Рейна, Иосифа Бродского — это не грязь Ташкента, но дух резервации тяжек.

В комнату, постучав, вошел незнакомый юноша. Черноволосый, чернобровый. Черты лица четкие, прямые, правильные, лицо замкнутое. «Лидия Корнеевна, разрешите вам представить, это Анатолий Генрихович Найман, Толя», — сказала Анна Андреевна. Юноша поклонился, мы пожали друг другу руки, и Анна Андреевна издевательски стала ему рассказывать про мое «ф-фу!». «Вы только подумайте, — оживленно жаловалась она, указывая ему на меня глазами, — и это человек из первого десятка, да-да, из самого первого! — единственное, чего я дождалась от Лидии Корнеевны, когда сказала ей о новой строфе!» Толя — Анатолий Генрихович — вежливо улыбнулся.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 41

Это уже прямо «Анна Каренина».

Вместе с молодыми людьми приходят молодые женщины. Лидия Чуковская в ужасе — она боится ревности Ахматовой к ним.

Постучался и вошел Бродский, а с ним черноокая девушка, сплошные ресницы, брови и кудри. Глаза живые, умные, улыбка прелестная.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966.

Стр. 78

«Эта очень милая, тонкая, но та совсем, совсем в другом роде. Не похожа. И никакой косметики… Одна холодная вода».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 81

Появляется невнятное стихотворение с бессмысленным, но высокого авторства эпиграфом: «Красотка очень молода» — **это ее любовь к Бродскому.**

Жизнь есть жизнь. Ей приходится платить, но по-другому не бывает.

Сегодня я отвезла статью Корнея Ивановича Анне Андреевне. Анна Андреевна слушала с неподвижным лицом, но я чувствовала, что и она волнуется. Потом она очень хвалила: «Первоклассно, по-европейски, точно».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 529

Русский литератор хвалит другого за хорошо сделанную литературную работу словами: «Первоклассно, по-европейски». Сколько надо иметь самоуважения — и, уж конечно, не только «само», но уважения к «остальной» русской литературе, — чтобы как высший шик отметить европейскость? Правда, это было уже в шестидесятые годы, когда европейское происхождение — качество — сумок, курток, «авто» — были мерилом всего настоящего, но ведь Анна Ахматова, как «наследница» и пр. — могла бы позволить себе апеллировать и к истинным ценностям, проверенным временем. Оказывается — не могла. Ленинградские мальчики не простили бы. Они не хотели ждать, когда время покажет им истинные ценности. А она не посмела поднять свой голос.

Этим эпитетам ее научили ленинградские мальчики — а она быстро и услужливо выучилась. Московские бабушки сейчас абсолютно к месту употребляют и удовлетворенное восклицание «Oh, Yes!» и даже «Bay!». Корысть их очевидна: бабушки хотят приноровиться к внукам, хотя бы пока те не выросли. Ахматова хочет остаться в вечности. Для нищих тоталитарных мальчиков ее европейскость — хотя бы на уровне коверканного произношения «спортсмэн», «футболь» — это документально подтвержденная ценность, и она

всячески потакает им.

Подчиняться в любви — как, естественно, и вообще в жизни — сильным — было ей привычно.

И перед читателем этих стихов встает образ рабыни-женщины, стоящей на коленях перед мужчиной и умоляющей его не гнать ее… Может быть, в такой любви-истязании эта женщина и находит всю сладость?

Д. ТАЛЬНИКОВ. Анна Ахматова. Четки. Стр. 108

Но «волшебный хор» отнял у нее и это последнее проявление ее личного выбора — в конце концов оставить за собой свой стиль любовной игры — это наше право. У них был в моде «здоровый эгоизм» и ей пришлось подчиниться и этим правилам.

«Заграница» Ахматовой была двух видов: Европа ее молодости — и место обитания русской эмиграции. Заграница громких имен, новых направлений и течений, благополучия и веселья оставалась чужой и, в общем, малоинтересной.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 154

А их интересовала, конечно, именно эта, третья заграница. Но за отсутствием ее и несомненностью присутствия Ахматовой в первых двух — она была самым близким к этому рубежу для них человеком.

Это были не литературные контакты, а скорее чисто человеческая привязанность.

Иосиф БРОДСКИЙ. Большая книга интервью. Стр. 318

Если бы он с ней не встретился, он бы этого не заметил, он не ждал и не готовился к этой встрече. Она преподала ему урок «величия замысла» — того, чего надо искать в жизни. Как котенок обучается кошкой, как надо караулить мышку, сколько с ней надо играть, как ловчее подластиться к человеку — так и

Бродский в юности узнал для себя, как прожить жизнь, которую безоговорочно перепишут в учебники.

Запад был далеко, там без сантиментов поставили диагноз: старческая любовная лирика. Не считаясь с тонкостью Ахматовских чувств, написали:

«Роза всегда служила в поэзии символом. Думается, что Ахматова пользуется этой метафорой, чтобы назвать избранника. Но кто он? Кто избранник Ахматовой? Вскоре это имя стало

известно всему миру: Иосиф Бродский».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 291

Это она привезла из Лондона, все знали.

Я бы не стала повторять пошлости, но сорок лет спустя их помнит один из участников ленинградского волшебного хора, поэтому расскажу, какие ходили шутки.

Оживление, тосты, стихи… Напротив меня поднялся из-за стола лысеющий парень научно-технического вида. Лернер. Косясь на меня, объявляет не тост, а эпиграмму и читает четверостишие в общем-то почти комплиментарного тона про «ахматовских поэтов, поклонников стареющей… звезды», но что-то мне тут кажется гнусноватым. Появляется забредший сюда со своей дачи Миша Петров, садится рядом. Говорит, заикаясь, на своем жаргоне ядерных физиков: «З-здорово, с-старикан! Ты ч-чего не в себе?» — «Понимаешь, Миша, тут паузу кто-то нехорошую сделал: перед словом «звезда». Надо морду бить». И я влепляю оплеуху Лернеру. Он заносит над головой табуретку, но нас растаскивают.

Дмитрий БОБЫШЕВ. Я здесь. Стр. 358–359

Среди лета я заболел жестокой ангиной, я тогда снимал квартиру в Москве. Она была в Ленинграде, что-то срочное надо было обсудить по телефону, и то ли мой голос, то ли ни из чего не вытекающий поворот на Гамлета в нашем разговоре ее встревожил. Часа через три-четыре раздался звонок, <…> прилетел Иосиф, он у нее в тот момент находился, и она дала ему денег на билет. Он привез с собой записку от нее и ее новое стихотворение «Тринадцать строчек» <…>. Убедившись, что я не умираю <…>, он умчался по своим делам. Вскоре я вернулся в Ленинград, Ахматова встретила меня «вселенским холодом». Через несколько минут выяснилось, что Иосиф по приезде сказал ей: «Ничего страшного, у него адюльтер, и он страдает. <…> Вот вы за него беспокоитесь, а он там безумствует, как Вронский с Карениной, и ему не до вас».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 384

«Старик, осваивающий таинства любви» ей неприятен, а старуха — таинства девичьего кокетства?

Что он ей сделал? Он разве жаловался и вынудил ее прислать гонца? Кстати, можно было и москвичей кого-нибудь попросить? А ему что, нельзя иметь роман? Это

предлог для «вселенского холода»? «Ему не до вас» — и от чего он ее отвлек? От книги о Пушкине? Подождет.

Почти про все ее любови можно сказать: за что она любила или для чего хотела, чтобы любили ее. А когда в дело идут такие точные определения, то недалеко и до цифр.

Цифры как-то очень важны в ее биографии. Я даже больше не знаю ни одного писателя, чтобы столько с ними было связано цифр, да еще таких, которые кто-то, или он сам, оспаривал бы.

И год ее рождения (пустяки — уменьшать себе года, но ведь великая же душа!), в автобиографии — перечисляет не слишком значительные (для ее биографии, во всяком случае) события, связанные с нею только цифрой года (постройка Эйфелевой башни, рождение Чарли Чаплина), хотя понятно, что для нее важна подача для ассоциаций иностранных — французских — реалий. Как будто какой-то оплаченный пиарщик ей продиктовал установку: или Чингисхан, или парижский парикмахер, работаем по этим двум ключевым образам. Но цифры все равно как-то бессмысленно выпирают.

Число мужей, число вдовств. Все оспаривается.

Число инфарктов.

Возраст эмигранток.

«Они там все себе убавили на десять лет». То же самое тем же тоном она говорила о Бальзаке: «Он был обманут женщинами. Его увядающая «тридцатилетняя» — это, конечно же, сорока-, а то и пятидесятилетняя дама».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 203

Размеры чужих страстей:

Исходит она из того, что роман Дантеса с Наталией Николаевной длился не два года, как принято полагать, а всего полгода.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 54

Она любит считать. Своему роману (с Гумилевым — хотя с его стороны эксклюзивности в чувствах не было) сроки набавляет. У Натальи Николаевны — отнимает: искренне верит, что если все говорят 5 лет, а она считает — 3, то все, любовь гораздо меньше, на 40 процентов.

Сколько Постановлений (врала), сколько лет молчала (спутывала цифры) и т. д. до бесконечности.

Высчитывает свою любовь, чужую.

Дневник, 31 декабря 1965 года

Заснула днем, во сне ко мне пришел Х. На вершине острой горы он обнял меня и поцеловал. Я смеялась: «И это все?» — «Нет, пусть видят пятый развод». И вдруг я почувствовала, что я для него то же, что он для меня.

Анна Ахматова.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 284

Разводы его, хоть и во сне, подсчитаны верно. Лурье был жив, может, и за него хотела замуж? Теперь она была влиятельнее, может — взял бы?

Любовь для нее состоит из: «пусть видят», «номер или какая-то цифра (вес, возраст, количество)», «развод-женитьба (тоже вполне измеряемое понятие)».

Она именно потому и любит оперировать цифрами, что с ними легче доказывать свою правоту: как можно возразить цифре? А жизнь свою она рассматривает не как нечто, что живет, растет, течет само по себе, движимое силой жизни — а как придуманную, выстроенную комбинацию, которую надо доказывать.

Любовь для нее важна, только когда ее можно предъявить к зачету.

КАК ЛЮДИ ЛЮБЯТ

Лиля Брик представляет собой не много. У нее были замечательные глаза, энергичный нрав, светскость, долгие годы жизни и возможность одеваться в Париже. Она, кроме того, не упустила своего шанса развить литературный вкус. В нее всю жизнь был влюблен Владимир Маяковский и был очень с ней близок. Не будем уподобляться Анне Ахматовой и эту способность к яркому чувству припишем его таланту, а не глупости и недальновидности, позволившим ему не разглядеть многочисленные недостатки Лили.

Знаменита Лиля Брик своим любовным треугольником.

Самый долгий роман в жизни Анны Ахматовой — тоже треугольный, как и все остальные, впрочем — так уж получилось, что никто не бросал всех и вся, влюбившись в нее. Единственный ее муж Гумилев за два месяца до свадьбы делал предложение другой, потом во время брака еще на двух хотел жениться. Шилейко —

Ахматова оставила бы фамилию Шилейки, если бы с Шилейко они были зарегистрированы. Но Шилейко в первый раз был женат церковным браком и не решился на развод. Поэтому он сводил Аничку просто в домоуправление, и Ахматова считала брак зарегистрированным. Только расходясь с Шилейко, она поняла разницу между загсом и домоуправлением.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 365

Во время «брака» с Ахматовой Шилейко сильно влюбился, а после «развода» — самым патриархальным образом женился.

Гаршин («мой муж — он врач, профессор») сначала был женат, овдовев — жениться раздумал. Анна Андреевна кричала на него. Берлин, естественно, никогда об этом не думал, так же, как и Бродский. Самый крепкий ее треугольник — с Николаем Пуниным, длившийся пятнадцать лет (столько, сколько Лилина история с Маяковским — до его смерти, не до женитьбы на другой, конечно). В треугольниках Ахматовой никогда не было второго мужчины. Всегда — она была второй женщиной. Никогда — главной.

Пуниной она и не помышляла быть — ею была Анна Евгеньевна, в девичестве Аренс <…>.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 365

Николай Николаевич Пунин иногда называл Ахматову своей женой, но женой, хоть и животно страдавшей от «нового быта», никогда не перестала быть Анна Евгеньевна Пунина — ни сама для себя, ни — никогда — для окружающих, ни для самого Пунина. Он был просто несколько двоеженцем.

Ну а теперь займемся геометрией. Попробуем наложением проверить, подобны ли эти треугольники: ахматовский и бриковский.

О САКРАМЕНТАЛЬНОМ

Даже те, кто не прочел ни одного стихотворения Маяковского, кроме школьного «Стихи о советском паспорте», до сих пор интересуются, кто давал деньги на жизнь и почему Осип Максимович тоже садился за стол.

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 75

О семейной жизни Ахматовой таких вопросов не возникает.

Получила обеспечение Цекубу за ноябрь — 59 рублей. Из них двадцать пять рублей пошлет Леве, двадцать пять — Пуниным, пять рублей даст Аннушке **(все домработницы — Аннушки, услуги для себя Ахматова оплачивает отдельно от Пуниных)**, и пять оставит себе.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 325

Это проза. К прозе Ахматовой примешивалась надсадная драма.

Разговорная книжка 1926 год, без даты: **(они с Пуниным имеют блокнот, в котором переговариваются)**

А. Вы сегодня 2 раза сказали при чужих, что я бездельница и притворяюсь больной, когда надо работать. Это правда, и так как вы оба работаете, вам неприятно на меня смотреть. Чувство вполне естественное! Потому-то я вас сразу простила днем. Но мне больно, что вы опять повторили это при Лукницком, который, как вы знаете, все записывает.

А. Мир уже был сегодня днем, а через 2 часа Вы повторили те же слова…

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 264

Осип Максимович Брик, несомненно, где-то работал, но кормильцем семьи был Маяковский. Кормил хорошо —

хорошая одежда, поездки на курорты (Николай Пунин на курорты ездил с семьей — Анной Евгеньевной и дочерью), за границу.

Любовник Лили (за фильдеперс она ничем не была обязана) шикарный кинорежиссер Лев Кулешов был владельцем единственного в Москве «форда». Лиля объявила Маяковскому, что не хочет отставать.

Маяковский обещал подарить Лиле машину. <…> Лиля загорелась, она любила все новое, модное, передовое, удобное, она представляла себя за рулем. «Это будет очень современно», — записала она в дневнике. А Маяковский хотел ее порадовать — тем более теперь, когда любовь ее к нему охладевала, если не охладела. В 1928 году он ехал в Берлин и Париж. <…> 10 ноября приходит долгожданное: «Покупаю Рено. Красавец серой масти

6 сил 4 цилиндра. Целую, люблю. Твой Счен» <…>.

Она хотела серый цвет. И женщина, у которой в Париже был роман с поэтом (Татьяна Яковлева), помогала подобрать подходящий оттенок. «Как велела Лиличка» — уточнял Маяковский. Такова была власть Лили Юрьевны над ним.

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 81–83

ЛЮБОВЬ

20 марта 1923 года.

Это самый-самый разгар, «жаркое» начало их романа.

Когда я вернулся и пришел к Ан., она страшно обрадовалась, и так чувствовалось, что она уже долго и мучительно ждет. А у меня было выработанное решение: видеть ее только раз в неделю — хочу, очень хочу жадно работать. И это она почувствовала. Страшно рассердилась. Все кончено. Она знает, что наши отношения кончились. Я тоже так думаю.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 179

Ахматова потом выдумывает какие-то нереальные тонкости, чтобы объяснить равнодушие к ней разных мужчин, но нет ничего в любви такого, на что бы не нашлось джокера у Лили Брик.

«Но ведь такой ключ к биографии Гумилева только от вас и можно получить, — сказала я. — Вряд ли Николай Степанович объяснял своим дамам — Одоевцевой, в частности, — что он любит ЕЕ, чтобы доказать свою любовь к ВАМ». — «Разумеется, — спокойно ответила Анна Андреевна. — Вот почему я и считаю

себя обязанной продиктовать свои показания».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 11

Она напрасно нагнетает юридические термины: показания, данные заинтересованным лицом, не имеют силы. Должна была сказать сама Одоевцева. Как сказала Наташа Брюханенко. Но это другое дело — это Лиля Брик.

Я пришла его навестить. У меня была новая мальчишеская прическа, одета я была в новый коричневый костюмчик с красной отделкой. «Вы ничего не знаете, — сказал Маяковский, — вы даже не знаете, что у вас длинные и красивые ноги». «Вот вы считаете, что я хорошая, красивая, нужная вам. Так почему же вы мне не говорите, что вы меня любите»? — «Я люблю только Лилю. Ко всем остальным я могу относиться хорошо или очень хорошо, но любить я уж могу только на втором месте. Хотите — буду вас любить на втором месте»? — «Нет! Не любите лучше меня совсем», — сказала я.

Наталья Брюханенко.

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 87

Если бы такие «показания» давала Лиля Брик — даже «спокойно», как Анна Андреевна, — вера была бы уже немного другая.

ПРО ЭТО

Ахматова:

29 октября. Сегодня К. М. (Н. ПУНИН) предложил мне конституцию (видеться понедельник, четверг, субботу вечером). Предложение принято.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 228

По иронии судьбы у Пунина был роман и с Лилей Брик. Ей он тоже в свое время предложил «конституцию:

Когда так любит девочка, еще не забывшая географию, или женщина, беспомощная и прижавшаяся к жизни — тяжело и страшно, но когда Лиля Брик, которая много знает о любви, крепкая и вымеренная, балованная, гордая и выдержанная, так любит — хорошо. Но к соглашению мы не пришли… вчера вечером я позвонил и сказал, что для меня она интересна только физически и что, если она согласна так понимать меня, будем видеться, если же не согласна, прошу ее сделать так, чтобы не видеться. «Не будем видеться», — она попрощалась и повесила трубку.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 132

Конституция для Лили — искренна, конституция для Ахматовой — унизительна. История жизни и любви Ахматовой — история унижений.

Маяковский же любил Лилю. Без перерывов не то что на дни недели, но даже на часы. Вот его конституция:

Дневник для Личика.
9 ч. 30 м. Доброе утро, Лиска.
10 ч. 35 м. Люблю Кисю до чая.
12 ч. Люблю Лисика.
12 ч. 45 м. Люблю Кисю у Шкловика.
2 ч. Люблю Кисю на Исаакиевской площади.
6 ч. 30 м. Кися.
7 ч. 15 м. «Глазки болят».
7 ч. 17 м. Играю на бильярде, чтоб Кисе шоколад.
9 ч. 35 м. Люблю Кисю.
10 ч. 30 м. Люблю.
12 ч. 20 м. Люблю.
Василии КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 51–52

БЫТ
Пунин:
«Мне хотелось бы, чтоб к моему приходу все было сделано: Тап гулян, вино и ягоды стояли на столе и чай был готов. А я иду играть на биллиарде».
Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 414

Лиля Юрьевна любила новый дом, наладила быт. Аннушка вовремя подавала обед, Маяковский и Брик всегда имели свежевыстиранные рубашки, ее стараниями они были ухоженными — она терпеть не могла разгильдяйство, богемность. Авторитет ее был непререкаем, все домашние ее слушались и ходили по струнке.
Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 75

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ
Она сделала такое признание не без легкой иронии: «Когда я напишу новые стихи и сообщу об этом Николаю Николаевичу, он обычно говорит: «Молодец, молодец!..»
С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 288

Николай Николаевич при малейшем намеке на величие Ахматовой сбивал тон нарочито будничными фразами: «Анечка,

почистите селедку».

Э. ГЕРШТЕЙН. Тридцатые годы. Стр. 252

Это, правда, относится скорее не к отношениям, а к тому, что «величие» Ахматовой, выраженное привычными ей водевильными жестами, наводило на Пунина, человека со вкусом, желание призвать ее вести себя прилично.

О Лиле Брик.

Для Маяковского она была абсолютным авторитетом и он говорил: «Лиля всегда права». — «Даже если она утверждает, что шкаф стоит на потолке?» — спрашивал Асеев. — «Конечно».

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 76

СЕМЬЯ. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ГОСУДАРСТВО

Ахматова рассказывает слушателям, как она была богата.

Рассказала о своей библиотеке, которую продала в 1933 году. «В большой комнате на полу стопками лежали книги. Все редкие, и все с надписями. Теперь Николай Николаевич, конечно, говорит: «Этого никогда не было».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 83

Начало предсмертной записки Владимира Маяковского:

Моя семья — это Лиля Юрьевна Брик.

Лиля получала 50 % всех гонораров Маяковского до хрущевской оттепели.

В Хрущеве взыграла крестьянская жилка: «Не слишком ли жирно?»

Аркадий ВАКСБЕРГ. Загадка и магия Лили Брик. Стр. 390

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ. НОВЫЕ ЖЕНЫ

Ахматова не поддалась требованию Пунина съехать с его квартиры.

16 сентября 39.

За другой [стеной] слышался оживленный голос новой жены Николая Николаевича.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 50

У Маяковского был роман с высокой красивой блондинкой. <…> Она была редактором в Госиздате. Владимир Владимирович свою связь с ней не скрывал, имея серьезные

намерения. <…> Когда они были месяц в Крыму, он получил письмо от Лили. «Пожалуйста, не женись всерьез, а то меня все уверяют, что ты страшно влюблен и обязательно женишься». Он послушался и брак не состоялся.

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 80

И на знаменитой Татьяне Яковлевой, на которой он так хотел жениться (почему-то считается, что Лиля это бы разрешила), он хотел жениться весьма своеобразно, вернее, весьма традиционно, по-маяковски:

«Моей надежде взять тебя на лапы и привезти к нам…» Татьяна недоумевала: «Привезти к нам… Что он имел в виду под словом «к нам»? К Лиле и Осе? Представляете, как мы обе были бы рады… Но он настолько не мыслил себя без них, что думал, что мы будем жить вчетвером, что ли? И что я буду в восторге от Оси и Лили?»

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 91

ДЕТИ

У Ахматовой —

«Масло только для Иры!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 51

А Маяковский не считал родившихся от него сына и дочь своей семьей и никому не позволил сделать его заложником физиологии. Свое невольное участие (ЕГО воли в рождении не было, он хотел — другого, понятно чего, он — предохранялся бы или сделал бы аборт. Я — за права человека в мужской сексуальности) — он оплатил.

Несколько месяцев спустя он выполнил свой долг — оплатил все расходы по родам, переведя в американский госпиталь сумму, которую ему назвала Элли. Нежданное отцовство — родилась дочь, которой мать дала имя Хелен-Патриция (в быту — тоже Элли, в русском варианте — Елена Владимировна), — и впрямь не только не стало помехой его поэзии, оно вообще не нашло в его стихах ни малейшего отражения. Факт, весьма красноречиво говорящий сам за себя.

Аркадий ВАКСБЕРГ. Загадка и магия Лили Брик. Стр. 156–157

Остальное — личный проект матери, в котором никто не обязан участвовать. (Сейчас такие номера не проходят — анализ ДНК, и Лиле Юрьевне придется делить наследство на троих — с той, которая за Маяковского решила все в

одностороннем порядке. Гордость отцовства, правда, по суду не присудишь — но с этим у Маяковского было все в порядке.)

Однажды Маяковский был с Лилей в кафе «Привал комедиантов». Уходя, Лиля забыла сумочку, и Маяковский вернулся за ней. Поблизости сидела другая знаменитая женщина тех лет — Лариса Рейснер. Она печально посмотрела на Маяковского. «Теперь вы будете таскать эту сумочку всю жизнь», — с иронией сказала она. «Я, Лариса, эту сумочку могу в зубах носить».

История, рассказанная Виктором Шкловским.

Аркадий ВАКСБЕРГ. Загадка и магия Лили Брик. Стр. 93

Может, и выдуманная история, но для меня, если надо выдумать историю, показывающую независимость человеческого духа от диктовки толпы и гордость индивидуалиста, — вот она.

Гордость, конечно, не в цыганском смысле.

ХВОСТИК МОРКОВИНКИ

В другой раз по какому-то поводу говорили о бездельниках. Анна Евгеньевна вдруг изрекла: «Не знаю, кто здесь дармоеды». Лева и Анна Андреевна сразу выпрямились. Несколько минут я не видела ничего, кроме этих двух гордых и обиженных фигур, как будто связанных невидимой нитью.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 241

Он скуп. Слышно, как кричит в коридоре: «Слишком много людей у нас обедает».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 51

Пунина Ахматова считает мужем. Это не дискутируется. Она пишет ему: «Мужу и другу».

В голодные годы.

Не домой,
не на суп,
а к любимой
в гости,
две
морковинки
несу
за зеленый хвостик.

Это вам не «Масло только Ире!».

Стихотворение, как известно, имеет продолжение.

Я
Много дарил
конфет да букетов,
но
больше
всех
дорогих даров
я помню
морковь драгоценную эту
и пол —
полена
березовых дров.
Владимир МАЯКОВСКИЙ

Был в любви Ахматовой тоже сюжет о дровах — когда ей Пунин даже сложить ее дрова в своем сарае не дал.

Треугольники закончили свое существование, дамы дожили до преклонных лет. Какая-то нота, свойственная им всю жизнь, прозвучала и под конец.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВОЗРАСТ

Яркая женственность была основным капиталом обеих, Лиля Брик была кривым зеркалом Ахматовой. В 1975 году Лиле Брик было восемьдесят лет. В этом году она познакомилась с Ивом Сен-Лораном и в нее влюбился его друг двадцатидевятилетний журналист «Ле Монд» Франсуа-Мари Банье «с лицом ангела и сердцем поэта».

В конце пятидесятых годов, в свои семьдесят Ахматовой пришлось влюбиться в нескольких очень молодых литераторствующих мужчин. Осторожно, конечно, — молодым мужчинам это гораздо меньше льстит, как бы высоко сама дама ни ценила свои чувства.

Лиля Брик легко и радостно могла хвалиться перед светскими знакомыми в Москве победами. Иосифу Бродскому в Норенской вряд ли без неловкости можно было бы показать невесте поношенное четверостишие (а в самоцитировании любовного пафоса действительно есть что-то от непервой

свежести):

Глаза безумные твои
И ледяные речи
И объяснение в любви
Еще до первой встречи.

Такие стихи посылала Ахматова Бродскому в ссылку, и он еще через тридцать лет со своим фирменным брезгливым, непроницаемым видом, но яростно защищался — что не был влюблен, не объяснялся, не обещался, не давал повода… Анатолию Найману, которому она писала многозначительные выспренности, «горчайшие», ревновала, устраивала сцены и пр. — вообще ничего не оставалось делать, как настойчиво отмалчиваться. Самый непричастный (неприближенный: Бродский слишком талантлив, Найман слишком красив) — Бобышев — пишет:

«Она была красива и в 70 лет». — «Вы это как молодой человек чувствовали»? — «Чувствовал». После ее смерти меня об этом же спрашивала Надежда Яковлевна Мандельштам. Она спросила: вот вы были влюблены в нее? Я сказал: да, я был влюблен в нее. Тогда она «сразила» меня вопросом: а вы желали ее как женщину — ведь именно к этому все и сводится? Я ответил: но это же не единственное проявление любви, взять описание у Сапфо — она говорит о волнении, расширении зрачков, о холодном дрожании пальцев — это все было…

Дмитрий БОБЫШЕВ. Я здесь. Стр. 311

У Бродского не было.

В общем, обычная ахматовская история — нелюбовь, которую она облекает в старомодные гекзаметры легенды.

Обычная Лилина история: награда за неумирающую женскую добродетель — легкомыслие.

Шереметьево. Рейс Токио — Москва — Париж. Пока самолет заправлялся, транзитные пассажиры слонялись по залу. Среди них был Ив Сен-Лоран, который возвращался в Париж после шоу в Японии. Этот король парижской моды, поглазев на толпу в зале ожидания, сказал своему директору Пьеру Берже: «Унылое зрелище! Никогда не видел такого количества толстых женщин в черном. Не на ком глаз остановить. Вот разве что на той элегантной даме в зеленой норковой шубке. Видимо, от Диора?» — «Это Лиля Брик, сестра Триоле. Я ее знаю». Так произошло знакомство. В самолете Сен-Лоран прислал ей и Василию

Абгаровичу (мужу) два бокала шампанского и попросил адрес отеля, где они будут жить. С этого и началось. «Каждый день приносили от него свежие цветы, — рассказывала ЛЮ, вернувшись. — Дорогие орхидеи, камелии, однажды внесли в кадке дерево, усыпанное апельсинами. Пришлось открыть вторую половину двери. Он ежедневно звонил, присылал приглашения туда-сюда. Туда — это демонстрация последней его коллекции, на которую съезжается «весь Париж». Сюда — это завтрак у него дома. Как выглядит дом? Это особняк, масса комнат, сплошь антикварные вещи отменного вкуса, огромное полотно Матисса <…> Почему-то мраморная лошадь в натуральную величину… В общем — шикарно.

В одной комнате целое стадо соломенных баранов, это такие стулья и кресла, очень неудобные, но красивые. Одна зала овальная, с диванами и миллионом подушек. «Вы что, занимаетесь здесь любовью?» — «И любовью тоже», — ответил он, смеясь. Завтракали мы за столом из розового мрамора, а прислуживали лакеи в белых перчатках. От него мы поехали на выставку Маяковского, и, увидев «Окна РОСТА» с буржуями, которым красноармейцы дают под зад ногой, Ив спросил, в чем дело. Я объяснила, что в революцию буржуев выгоняли из таких особняков, как у него, на что он, смеясь, заметил: «Хорошо, что мы все-таки успели позавтракать».

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 226

«Вы не поверите, но у меня в Париже был настоящий роман, трудно даже представить!»

Нежное лицо, белокурые волосы, стройная фигура. Он пишет романы и пьесы, их издают и ставят. Он дарит ЛЮ свои книги с нежными надписями, присылает цветы, звонит каждый час и приходит ежедневно. Они беседуют, ездят в Булонский лес, на бульвары, в бутик Сен-Лорана, сидят в кафе и снова долго беседуют… «Они в нас души не чают, и я не понимаю — отчего» — «Может быть, это ореол Маяковского?» — «Да они понятия о нем не имеют. Где он — где они…»

Она вернулась, задаренная с ног до головы и с заверениями любви до гроба. Посыпались длинные письма от Франсуа-Мари, полные шутливого обожания и веселого преклонения, долгие разговоры по телефону, подробные, неторопливые — что читали, что писали, что ели, кого видели, как здоровье и что вообще происходит?

Не в силах выносить разлуку, Франсуа-Мари летит в Москву и вся камарилья с ним.

И вот с неба в Переделкино спускаются ангелы, которые

вместо рогов изобилия держат в руках набитые чемоданы с одеждой от Ив Сен-Лорана и корзины со снедью от Фашона, самого дорогого и изысканного гастронома Парижа. Три дня Франсуа-Мари нигде не был, кроме как в Переделкине.

Вскоре ЛЮ и Василий Абгарович прилетают в Париж по их приглашению. Пьер Берже снимает им апартаменты в «Плаза» — самом дорогом отеле Парижа. Над ними живет Моше Даян, под ними Софи Лорен — такой слоеный пирог. Открытый счет, «кадиллак» с телефоном — можно на ходу позвонить в любой город мира. Лиля Юрьевна не может понять столь бурного успеха и царской щедрости, но в ответ слышит лишь: «Мы вас обожаем!» — и весь разговор.

Светская жизнь бьет ключом, и восемьдесят пять лет ЛЮ праздновали у «Максима» шумной компанией. Всякие знаменитости устраивали в ее честь суаре и всюду она появлялась с Василием Абгаровичем и неизменным Франсуа-Мари.

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 228

Курьез имел продолжение, затрагивающее Ахматову.

Сен-Лоран дарил ей много вещей и бывал польщен, когда она появлялась в его туалете. Я помню фиолетовые бархатные брюки, синий с серебром казакин, блузы с рукавами-пуфами, высокие браслеты, пояса из перьев… «О какой моде может идти речь в мои годы?» — спросила его ЛЮ, когда он помогал ей надеть суконное пальто цвета бордо, отделанное сутажем. Но он ответил, что есть женщины, которые живут вне моды. К ним он относил Катрин Денев, Марлен Дитрих и теперь вот Лилю Брик.

К ее восьмидесятипятилетию он сочинил платье, которое она надела один раз, как было задумано художником. В дальнейшем платье ожидала честь экспонироваться в музее моды Ива Сен-Лорана на улице Риволи.

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 233

Это — формальная судьба. Но это же платье и замкнуло и более широкий круг:

Алле Демидовой предстояло впервые прочитать с эстрады ранее запрещенный «Реквием» Анны Ахматовой. В чем выступать? Концертное платье для такого трагического произведения не подходит. В простом житейском тоже не выйдешь. Сшить — но что? Думали, прикидывали, решили попробовать именно это платье Ив Сен-Лорана.

Алла Демидова вообще очень костюмогенична и умеет придавать образность самым неожиданным вещам, которые останавливают ее внимание, но… «Реквием» и платье «от кутюр»?

Примерили — и оказалось и концертно, и строго. Торжественность и печаль сквозили и в прямом жакете, вызывавшем отдаленные ассоциации с ватником, и в глубоких складках колокола юбки… Все было в разных фактурах и оттенках черного.

И пусть с неподвижных и каменных век,
Как слезы, струится подтаявший снег…

Во многих странах читала Демидова «Реквием» и, конечно, во Франции. Французы с глубоким пиететом относились к концерту — прежде всего из-за подвига самой Ахматовой **(подвиг de la pauvre mère, да?)**. Но Париж всегда Париж: в буклете рассказали, конечно, историю платья Лили Брик, так неожиданно послужившего трагической поэме Ахматовой.

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 233

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИЦА

Катанян использовал бухгалтерскую метафору для описания магнетизма Лили Юрьевны в старости.

Чувствовалось, что она значительна истраченной на нее любовью и поклонением великого человека. Это ощущали все.

Василий КАТАНЯН. Прикосновение к идолам. Стр. 65

Ахматова шиковала на фальшивые купюры. Она взяла Лилин прием и приспособила к своим скудным средствам.

«Лиля всегда любила «самого главного»: (Маяковского), Пунина, пока он был «самым главным», Краснощекова, Агранова, Примакова <…>. Такова была ее система».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 353

За неимением «главных» — они ей что-то не давались — Ахматова брала дело в свои руки, и сама делала самыми главными тех, с кем сводила ее судьба: Гумилева (главнее Блока), Шилейко, Берлина. Или — все так же шулерски — брала действительно главного и притягивала его к себе (посмертно, конечно, когда он ничего не мог сделать).

Речь пойдет о Борисе Пастернаке.

«Он мне делал предложение трижды, — спокойно и нежданно продолжала Анна Андреевна. — Но мне-то он нисколько не был

нужен. С особой настойчивостью, когда вернулся из-за границы после антифашистского съезда».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 429

Это вранье, хотя бы потому, что Пастернак любил другую. Влюблен был пусть не в самую лучшую женщину, с точки зрения Ахматовой и всех, кого также мы сочтем вправе судить Пастернака в этом деле. Был влюблен уж несколько лет, отбил ее у другого выдающегося мужа, женился, любовного пыла не растратил и как раз перед этим антифашистским съездом пережил сильнейшую семейную, вернее, мужскую драму. У его супруги Зинаиды Николаевны был в ранней юности, до революции, пикантный эпизод — связь с кузеном (можно посмотреть в «Докторе Живаго», как неодобрительно относился Борис Леонидович к таким делам).

В 1934 году мы отправились в Ленинград на пленум грузинских писателей. Поселили нас в «Северной» (ныне «Октябрьская»). Это был сплошной праздник для Бориса Леонидовича. Его подымали на небывалую высоту как поэта и переводчика. Как-то я сказала Н. А. Табидзе: «Как странно, что судьба забросила меня в ту самую гостиницу, куда я, пятнадцатилетняя девочка, приходила в институтском платье, под вуалью на свидания с Н. Милитинским». Никогда не думала, что она передаст этот разговор Борису Леонидовичу. С ним я была осторожна и бдительна в отношении моего прошлого, так как с первых дней нашего романа почувствовала непримиримую враждебность и ревность к Н. Милитинскому. **Анна Евгеньевна Пунина писала письма с пафосным надрывом, под Ахматову, Зинаида Николаевна Пастернак в литературном отношении действительно была проста святой простотой, но вчитаемся в факты.**

<…> По приезде в Москву он заболел нервным расстройством — перестал спать, нормально жить, часто плакал и говорил о смерти. Я его начала лечить у доктора Огородова, но ничего не помогало. Я не могла понять, как человек может так мучиться из-за моего прошлого.

Зинаида ПАСТЕРНАК. Воспоминания. Стр. 280–281

Вот тут и случился антифашистский съезд. Пастернак по нездоровью отказывался ехать, звонил Поскребышеву, не помогло ничего — Пастернак был «самым главным». Ахматовой, естественно, нисколько не нужным.

Пастернак писал из Парижа письма жене — по двадцать

страниц.

«Дорогая моя, Ляля моя, жизнь моя.

Ты все. Ты жизнь. Ты именно все правдивое, хорошее и действительное, что я знал на свете. И сердце у меня обливается тоской, и я плачу в сновиденьях по ночам, что какая-то колдовская сила отнимает тебя у меня. Она отнимает тебя не только как жену и как женщину, но даже как веяние простой мысли и спокойного здоровья. Когда ты мне изменишь, я умру. Это последнее, во что я верю: что Господь Бог, сделавший меня истинным поэтом, совершит для меня эту милость, и уберет меня, когда ты меня обманешь. Потому что ты не только Зиночка и Лялечка и женка моя и прелесть, но все, все. И я тут всем надоел тобою. Я чуть ли не французским журналистам говорил, что меня ничто на свете не интересует, что у меня молодая, красивая жена, с которой я в разлуке <…>».

Париж, июнь 1935 г.

Борис ПАСТЕРНАК. Письма З. Н. Пастернак. Стр. 147, 149

На самом деле он, вероятно, лгал французским журналистам — его занимала Анна Ахматова, как становится ясно из ее воспоминаний.

В Париже он встречался с Мариной Цветаевой.

Общение происходило в отеле, а еще — в магазине, где Борис Леонидович просил ее примерить платье, он хотел купить его своей жене, в которую был влюблен и по которой тосковал. Перед нею был несчастный, издерганный человек, находящийся в состоянии, близком к нервному истощению. Говорить о причинах оного — значит пускаться в подробные рассуждения на важную и деликатную тему.

Анна САКЯНЦ. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. Стр. 619

Еще один свидетель — дочь Цветаевой Аля.

Много лет спустя, из ада своих изгнаний она вспоминала то лето в письмах Борису Леонидовичу. «…Мы ходили по книжным магазинам и универмагам, ты ни во что не вникал и думал о своем, домашнем».

Анна САКЯНЦ. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. Стр. 620–621

После Парижа он попадает в Ленинград, где, по словам Анны Ахматовой, как ни невозможно это вообразить, неистовствует по поводу заманивания ее замуж и продолжает

писать жене:

12.07.35.

Я приехал в Ленинград в состоянии острейшей истерии, т. е. начинал плакать при каждом сказанном кому-нибудь слове <…> не могу отойти от полуразвратной обстановки отелей, всегда напоминающих мне то о тебе, что стало моей травмой и несчастьем <…>

Борис ПАСТЕРНАК. Письма З. Н. Пастернак. Стр. 150

РОЗОВЫЕ ПЛАТЬЯ

Ну и конечно, Пастернак из-за границы, несмотря ни на что, привез подарки: список большой, с ними различные приключения на таможне — очень похоже на списки Маяковского и их оживленную переписку с Лилей.

Свою поездку постарался сделать интересной главным образом для тебя. Для себя почти ничего не купил. У Щербакова список вещей, задержанных на Ленинградской таможне. Попроси его, он поможет тебе их выручить и получить. Так как неудобно, чтобы думали, что я вез три вязаных платья тебе (как оно и есть), то говори, что это подарки: тебе, невестке и другим.

Борис ПАСТЕРНАК. Письма З. Н. Пастернак. Стр. 150

Рейтузы розовые, 3 пары, рейтузы черные 3 пары, чулки дорогие, иначе быстро порвутся. Духи Rue de la Paix, пудра Hubigant, бусы, если еще в моде, зеленые. Платье пестрое, красивое, из креп-жоржета, и еще одно, можно с большим вырезом, для встречи Нового года.

Лиля Брик — Владимиру Маяковскому.

Аркадий ВАКСБЕРГ. Загадка и магия Лили Брик. Стр. 210

Что там рейтузы! В списках были и автомобили.

Пушкин ни разу не был за границей, но уверена — с большой бы радостью привозил бы подарки. Вез же он жене с великой радостью свою бороду из Болдина, забыв про друзей — лишь бы показать ей. Так уж это устроено среди любящих и любимых.

Когда Пушкин проезжал через Москву, его никто почти не видал. Он никуда не показывался, потому что ехал с бородой, в которой ему хотелось показаться жене.

П. В. Киреевский — поэту Языкову, от 17 января 1834 года.

ВЕРЕСАЕВ. Пушкин в жизни. Стр. 337

Появиться на людях «в бороде» по обычаям тогдашнего времени было неприлично, поэтому — какие там Чаадаевы, Вяземские и прочие! Он ведь хочет показаться жене! Которая вытаращит глаза, захохочет, будет дергать за эту бороду, много раз потом вспоминать: «Когда я тебя увидела первый раз с бородой!..» Это все — прелести семейной близкой жизни, интимные, не для печати, подробности. Это — не то, что надиктовывать, как она сообщала будущему мужу о том, что уже жила половой жизнью. Довольно гадко, согласитесь. Ей кажется, что семейная жизнь — это вот это и есть.

А уж физиологическая ее сторона — это вообще площадное место. Жаль, что это не разбирается на заседаниях секций Союза писателей.

Скажем словами Ахматовой: «Замечательно, что это как-то полупонимала Марина Цветаева». И написала так:

Все прославляли — розового платья
Никто не подарил.

Надежда Мандельштам не хочет выслушивать дамские стоны: «Ах, как он меня любил». Его любовь была «как богослужение». Она велит описательную часть сокращать:

Есть еще один измеритель, вызывавший всеобщее возмущение: «Сколько он на вас истратил?» Возмущались и «дамы», и энергичные девицы новых поколений. Значит, я попадала в цель.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 119

Согласимся с бравадой Надежды Яковлевны. С оговоркой, что рыночная цена автомобиля «Рено», бороды Пушкина и розового платья — совершенно одинаковая.

Бродский: Эту параллель не надо особенно затягивать, как и вообще любую параллель. Но удобства ради ею можно время от времени пользоваться.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 227

НА КОМ НАДО БЫЛО ЖЕНИТЬСЯ ПУШКИНУ

Оставим школярские шутки — на Арине Родионовне там, на Щеголеве.

Ведь если вот она, Анна Ахматова, хороша собой, даровита, имеет известность — славу, славу! — то именно она и достойна любви всех и во всех веках. Другие женщины, наоборот, недостойны ничего. Ну а слепые, неблагодарные, недальновидные гении — они презренные жертвы несостыковки во времени или вообще интриг.

Меня поразило чувство неприязни, с каким Анна Андреевна относилась к Наталье Николаевне Гончаровой и ее сестрам! Для нее тенденция облагораживания образа Натальи Николаевны, появившаяся в последние годы, была неприемлема. Она так страстно восставала против нее, что порой мне казалось, что ею владеет просто чувство женской ревности.

Д. Н. ЖУРАВЛЕВ. Анна Ахматова. Стр. 326

«Она просто была другим человеком, чуждым интересам своего мужа… Ее интересовали балы, платья, а мужа — какие-то строфы, какие-то издатели, какие-то непонятные и чуждые ей дела»…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 267

То есть если бы Наталью Николаевну интересовали бы «строфы» (строки? — оплата построчная, очевидно), издатели — то это бы называлось, что она жила одними интересами с Пушкиным? ИЗДАТЕЛИ — это и есть сфера интересов Пушкина?

А мне всегда казалось, что я перестал бы понимать Пушкина, если бы допустил, что он нуждался в нашем понимании больше, чем в Наталии Николаевне.

Борис ПАСТЕРНАК

«Наталья Николаевна была женщина типа «гаси свечу».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 106

Что это значит? Кого на Дерибасовской они называли «гаси свечу»?

«Пушкин в то время терзался Натальей Николаевной, которая вся ушла в наряды. Его тошнило. Он написал Миронову и дочь ее, Машу… У дочери одно украшение: розовые ушки».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 259

Может, ей легче признать успех несуществующей Маши Мироновой, чем реально жившей Натальи Николаевны (хотя она бешено ревнует и уничтожает также и литературных героев — героинь — на предмет того, чтобы «какой-то господин» не прельстился даже ассоциациями). Но она не понимает сути любви, влюбленности и вообще мужского интереса. Для мужчин бриллианты и отсутствие их — одни розовые ушки — одно и то же. Это как блондинки и брюнетки. Нравятся красивые блондинки — но красивые брюнетки нравятся тоже.

Женка, женка! Я езжу но большим дорогам, живу по 3 месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу — для чего? Для тебя: чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотою.

Пушкин — жене.

6 ноября 1833 года из Болдина.

ВЕРЕСАЕВ. Пушкин в жизни. Стр. 337

А кстати, какая она ей Наталья Николаевна? Думаю, Пушкин не разрешил бы своей жене знакомиться с дамой с прорехой на платье от бедра, да которая еще во всеуслышанье рассказывает, как муж хлестал ее.

Пушкину в период этого его увлечения она сочувствовала, соболезновала; к Собаньской она его ревновала.

Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. Стр. 498

Она испытывала своего рода ревность к Наталии Николаевне, вообще к пушкинским женщинам. Отсюда суждения о них, иногда пристрастные, незаслуженно жесткие. Анне Андреевне свойственно было личное, пристрастное отношение даже к литературным персонажам.

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. Стр. 131

Ревность — это зависть. Зависть — это основное свойство Ахматовой. Книгу нашу можно бы было назвать «Завистница».

Анна Андреевна признавалась, что она «ненавидит жен великих людей» — очевидно, гордясь своей оригинальностью. Каждая сколько-нибудь заметная женщина получала от нее свой комок грязи.

С необыкновенным, прямо-личным негодованием, обрушилась на Панаеву: «Хамка, грубая баба, хамка до самых глубин. Все лжет, помнит только, как ее хвалили. Еще бы не хвалить, если она была такая красивая!.. А деньги Огаревой она, конечно, просто присвоила».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 388

Читает переписку Достоевского.

«Из этих писем ясно, что Анна Григорьевна была страшна. Я всегда ненавидела жен великих людей и думала: она лучше **(без романтической истории, немолодая, некрасивая, хозяйственная, не за развод, одним словом — конечно, лучше «Натали»).** Нет, даже Софья Андреевна лучше. Анна Григорьевна жадна и скупа. Больного человека, с астмой, с падучей, заставляла работать дни и ночи, чтобы «оставить что-нибудь детям». Такая подлость!

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 352

Ну почему же подлость? Да вроде с той же самой падучей он и без Анны Григорьевны писал. Может, делал это не для того, чтобы «оставить что-нибудь детям»? А Пруст писал с астмой, тоже без детей да и даже без жены — и даже без необходимости себе самому что-то зарабатывать… Где же были те подлецы, которым мы обязаны? Или, может, писатель все-таки пишет не для чего-то, а почему-то, неведомому Анне Ахматовой?

«Я всегда за развод» **— имеется в виду, что она за то, чтобы Пушкин развелся с Натальей Николаевной, Блок — с Любовью Дмитриевной. Она за такой развод. Ну, еще неплохо, если какой-нибудь богатый и чиновный писатель разводится с заевшейся женой, это тоже приятно. А еще за какой развод ей быть? У нее самой случаев показать свою позицию в данном вопросе не было: не с кем было разводиться. Только с Гумилевым: до развода дошло с ее подачи. Его более ранние намерения развестись не были доведены до конца — не сошлось с дамами, ради которых развод бы затевался. Так удачно выпали карты. Ну а самой**

Анне Андреевне больше о разводе говорить ни с кем не приходилось: на ней никто больше не женился. Не стал милым мужем, так сказать.

Бог есть Любовь. Слил Любовью — но человек должен быть к ней способен (Анна Ахматова не была способна) — пусть даже великого человека с мелочной, циничной, разрушительной женщиной, некрасивой — и образовалась неразделимая амальгама, гармония по Божьему замыслу — и никого не волнует, какой ширины была спина у Любови Дмитриевны Блок. Анна Андреевна Ахматова думает, что сможет разрушить созданную Божьим промыслом пару силой своей злобы.

Была ли красива Любовь Дмитриевна Блок? Ну, это привычная и хорошо разработанная Анной Андреевной тема. «Она была похожа на бегемота, поднявшегося на задние лапы. Глаза — щелки, нос — башмак, щеки — подушки. Ноги — вот такие, руки — вот этакие». Когда-то мне Анна Андреевна говорила, что у Любови Дмитриевны была широкая спина. Я напомнила ей об этом. Ответ был мгновенный. «Две спины», — сказала она.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 203

О «снежной деве», Наталье Волоховой.

Кто видел ее тогда, в пору его увлечения, тот знает, как она была дивно обаятельна. Поразительна была улыбка, сверкающая белизной зубов, какая-то торжествующая, победоносная улыбка. Кто-то сказал тогда, что ее глаза, вспыхнув, рассекают тьму. <… > Но странно: все это сияние длилось до тех пор, пока продолжалось увлечение поэта. Он отошел, и она сразу потухла. Таинственный блеск угас — осталась только хорошенькая брюнетка.

М. А. БЕКЕТОВА. Воспоминания об Александре Блоке. Стр. 78

М. А. Бекетова — это родная тетка Блока, из той самой презренной и низменной ипостаси Блока «мужа Любы, племянника Бекетовых». Эта племянникова тетка поняла такую простую вещь, что лирика поэта — это не рифмованные 90-60-90, а что-то более тонкое, а Анна Андреевна Ахматова этого не поняла и до конца жизни продолжала с возмущением расставлять руки, показывая точные размеры неподходящих муз.

Она говорила о его жене, Любови Дмитриевне Менделеевой: «У нее была вот такая спина, — показывала, широко разводя руки — большая, тяжелая, и грубое красное лицо», — и возникала Муза таможенника Руссо. Но Блока не убавлялось, а прибавлялось. А спина и щеки, которых он не видел, во всяком случае, не видел как поэт, дают представление об угле, под которым его поэтический взор был обращен к действительности.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 106

Почти такой же у нее словарь и для Ларисы Рейснер: сразу видно, что именно она считала в своей внешности беспроигрышным: рост, стройность, точное лицо. Только вот так и хочется показать ей язык: любили и подавальщиц. Так любили — как не любили Анну Андреевну никогда.

Я спросила: была ли Лариса так красива, как о ней вспоминают. Анна Андреевна ответила с аккуратной методической бесстрастностью, словно делала канцелярскую опись: «Она была очень большая, плечи широкие, бока широкие. Похожа на подавальщицу в немецком кабачке. Лицо припухшее, серое, большие глаза и крашеные волосы. Все».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 34

Она осуждала Блока не за любовь к жене, а за обожествление, возведение в ранг Прекрасной Дамы «круглой дуры» (так она именовала Любовь Дмитриевну).

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 40

Формула корректного обожествления усложняется: к замерам 90-60-90 прибавляется еще некий фиксированный IQ.

Автор монографии о Модильяни отмечает «несправедливость и рискованную неполноту в характеристике», данной Ахматовой Беатрисе Х, многолетней подруге Модильяни. Ахматова с Беатрисой была, естественно, незнакома, но возмущается тем, что та позволяет себе писать о Модильяни «Perle et pourceau». Ахматова дидактически замечает:

И едва ли дама, которая называет великого художника поросенком, может кого-нибудь просветить.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 10

Вот такие прямейшие причинно-следственные связи.

Ахматову, правда, никто не спрашивает. Несанкционированно влюбляется Пастернак.

«Все кругом с самого начала видели, что она груба и вульгарна, но он не видел, он был слепо влюблен. Так как восхищаться решительно нечем было, то он восхищался тем, что она сама моет полы».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 101

17.08.1941.

Дорогая моя мамочка, золотая, горячая, красивая, десять лет как мы вместе, и я люблю тебя больше всего на свете, твои, глаза, твой нрав, твою быструю и ничего не боящуюся грубую и жаркую работу, кровно родную мне по честности и простоте, твой врожденный, невычитанный талант, наполняющий тебя с головы до ног, мой ангел. Как часто обстоятельства, чужие слова и встречи, особые мгновения в природе, запахи травы и леса или мелочи жизни напоминают тебя в Трубниковском, или в Киеве, или в Коджорах. Это лучшие мои воспоминания, такие золотые, что они не оставили меня еще и не стали прошлым, это те сцены и страницы жизни, чистой, звонкой, несравненной, ради которых и жил и живу все остальное время до них и ради них. Или вдруг наедет народ, и Рихтер сыграет этюд или 4-е скерцо, те самые, которые ты играла по возвращении с Кавказа, и все в такой грустной, вновь облагороженной живостью встанет передо мной, что меня ослепит тоска, и так захочется, чтобы все было тобою и ничего чужого не было, и чтобы мне не мешали знать и помнить тебя и быть занятым только тобою.

Борис ПАСТЕРНАК. Письма З. Н. Пастернак. Стр. 163

Это через одиннадцать лет после начала романа. А вначале, действительно, мытье полов Зинаидой Николаевной совсем помутило его разум. Но не в том смысле, который старается придать ему Ахматова («Я сама мыла голову сегодня». — «Ну что вы, как можно самой, Анна Андреевна!») — а в смысле полноты и чистоты жизни, которые невозможно найти без женщины. Для которой жизнь — сестра. Которая не валяется весь день в кровати.

Я это пишу вовсе не для того, чтобы показать, насколько приятна во всех отношениях была Зинаида Николаевна Пастернак. Я только хочу сказать, что природа любви как любви была Анне Андреевне неведома.

Пастернак искал шубу для Зины и не знал ее размеры, и

спросил у Марины, и сказал: «У тебя нет ее прекрасной груди».

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 157

В этих строчках содержится изумительная новелла под названием «Три великих поэта и бюст Зинаиды Николаевны».

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 34

Для Пастернака здесь не было НИ ОДНОГО великого поэта. Был мужчина — он, и то, что его очень интересовало в женщине, которой он хотел покупать в Париже прекрасные наряды.

Какое счастье для Ахматовой, что она не дожила до того, когда опубликованы любовные письма Пастернака к Зине. Ей никто так не писал. Многоречивый Пунин — не писал.

В пятилетнюю годовщину смерти Пастернака я был в Переделкине. Близкая подруга Зинаиды Николаевны, вернувшись от нее, рассказала, что у Пастернаков весь вечер играли в карты. Это меня так поразило, что на другой день, на Ордынке, я передал это Ахматовой. У нее в это время была Н. Я. Мандельштам. Надежда Яковлевна смолчала, Анна Андреевна гневно произнесла: «Умеют великие поэты выбирать себе подруг жизни!»

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 63

Казалось бы, самой большой травмой для Анны Ахматовой должна была стать Лиля Брик — бесспорно главная муза бесспорно великого поэта, пережившая даже Ахматову, в сапожках, шелковых брюках, черных рубашках, этнических браслетах и бриллиантах, в норковой шубе от Диора — но единственная равная Ахматовой по стильности.

Да и ситуация вроде была однозначной: вот как рассуждал поэт Роберт Рождественский: «Если стихи Маяковского посвящены Лиле Брик, то хоть мы все тут застрелимся, они будут посвящены ей и никому другому». Ахматовой кажется, что это ничего не значит.

«А вот, например, Рита Райт сказала мне недавно: «Не люблю, когда бранят Наталию Николаевну Пушкину. Боюсь, когда скончается Лиля Юрьевна, ее тоже начнут бранить». А при чем тут вообще Лиля Юрьевна»?

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 551

Действительно, при чем?

Что же касается воспоминаний Вероники Витольдовны Полонской, актрисы МХАТ, приятельницы Нины Антоновны, то А.А. сочувствовала ей и вполне доверяла ее воспоминаниям. Ахматова придавала воспоминаниям Полонской большое значение. «Ей казались особенно важными для выяснения всех обстоятельств воспоминания Полонской».

Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. Стр. 497

Потому что так приятно с умным видом разбирать «роман всей жизни» Маяковского, который длился три месяца. Такие романы она еще может допустить, таких спутниц жизни великих людей — не ненавидеть.

Анна Ахматова — о Лиле Брик.

«Я ее видела впервые в театре на «Продавцах славы», когда ей было едва 30 лет. Лицо несвежее, волосы крашеные, на истасканном лице — наглые глаза».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 416

Вот что пишет Пунин о Лиле Брик, когда ей было 29 лет:

(1920 год)

Зрачки ее переходят в ресницы и темнеют от волнения; у нее торжественные глаза; есть наглое и сладкое в ее лице с накрашенными губами и темными веками, она молчит и никогда не кончает. <…> Эта «самая обаятельная женщина» много знает о человеческой любви и любви чувственной.

Н. ПУНИН. Дневник. Стр. 129

Вот что пишет о ней Жан Мари, двадцатидевятилетний журналист «Ле Монд», влюбленный в нее. Лиле Юрьевне 85 лет.

Голова большая, как у фантастической птицы, и медного цвета коса ниспадает на грудь, теряясь в складках зеленой шали. Руки у нее маленькие и очень тоненькие, разговаривая, она словно играет ими гаммы. Что у Лили удивительно — это голос и манера говорить. Голос — как струнный квартет. Обаяние ее сверкает, как весна, но она не играет им.

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. Стр. 230

До знакомства с такими словесными портретами Ахматова не дожила. Но сражений хватило и на ее веку: были опубликованы возмутившие всю прогрессивную общественность любовные письма Маяковского.

Горько, что фактически с тех же позиций и с той же «аргументацией» осудила эту публикацию (не публично, конечно) и Анна Ахматова. Она говорила своим знакомым, что Лиля «умудрилась опошлить поэта <…>», что опубликовала эти письма «вероятно, чтобы доказать, что она была единственной. **(Для Ахматовой, современницы, это требовало доказательств — она требовала доказательств.)** Письма Маяковского к Брик неприличны, выясняется, что революционный поэт бегал по Парижу, чтобы купить дорогие духи и прочее <…> Но для Лили как-никак он все-таки был прежде всего не «революционным поэтом», а мужчиной.

Аркадий ВАКСБЕРГ. Загадка и магия Лили Брик. Стр. 385

У Ахматовой все: революционный поэт, великий поэт, Пушкин — наше все. Как будто она не догадывается о том, что такое любовь.

Ну а под конец жизни Ахматова, к счастью, нашла, как ей казалось, самый несокрушимый аргумент против отвратительных подруг великих поэтов, так подошедших бы Анне Андреевне.

О «смуглой леди сонетов» Бродского.

«В конце концов поэту хорошо бы разбираться, где муза и где б…»

Анатолий НАЙМАН. Великая душа. Стр. 381

Зачем же поэту в этом разбираться, когда для этого есть завистливые кумушки?

Часть IX
НЕНАВИСТЬ

SORELLASTRA

Перефразируя Пастернака, любившего жизнь в июльских дождях и кастрюлях, отношения Ахматовой с жизнью можно определить долгопереводимым итальянским словом — sorellastra: сводная сестра, неродная. Ахматовой жизнь — не сестра, родства между Ахматовой и жизнью нет. Чем порадовала ее жизнь? Когда мы видим ее радостной? Не радуется она ни природе, ни погоде, ни своему младенцу, ни друзьям. Если она «веселая, оживленная», значит — или пьяная, или ждет свидания с Берлиным — но его-то ведь не существует как человека, он — сэр, иностранец, профессор и пр.

Бытие может быть без быта, когда это — безбытность, когда быта не замечают. Когда быт ненавидят — это его видят, и восстают против Божьего устройства. Здесь победителей не бывает.

Нам отворила домработница. Раздеваясь, мы слышали из столовой голос Анны Андреевны. Громко и раздраженно говорила она с кем-то по телефону. Мы вошли. Она положила трубку. Царица бала сидит на диване в углу, одна, полуодетая, за круглым столом, а на столе — окурки грудой и гора грязных тарелок. Дом без хозяйки! Нина Антоновна в Киеве.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 227

Зашла к NN. ЕЕ обрабатывает педикюрша. В комнате неубрано, грязно.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 481

У нее Владимир Георгиевич. Кругом беспорядок, грязная посуда, сырные корки.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 156

«Видите, комната моя сегодня вымыта, вычищена. Я ушла к Рыбаковым, а тут Таня, по просьбе Владимира Георгиевича, вымыла, вычистила и даже постлала половик. А на столе скатерть: Коля Гумилев когда-то привез».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 81

…[Радлова] старалась покрепче ругнуть Ахматову, но больше по женской линии: запущена, не умеет одеваться, не способна как следует причесаться, словом — халда халдой. Иногда — <…> в замаскированной форме: некто <…> женился на одесситке, и все друзья готовы провалиться со стыда, когда она открывает рот…

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 106

Безбытница Марина Цветаева неутомимо мерила ногами землю, ходила по ней, как по своему дому. Ахматова лежала всю жизнь в чужих комнатах.

А я принес себе и АА чай в кабинет, она пила лежа.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 231

Вечером был у Ахматовой. Она лежит.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 230

Она ничего не делала случайно — жила не самой жизнью, а реконструируемой — в которой все не просто так.

С утра я пришел к АА в Мраморный дворец, застал ее (в постели) одну.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 142

Вечером был у АА в Шереметевском доме. Лежит на диване, но сегодня в очень хорошем настроении.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 88

Я у АА от трех до пяти. Она лежит. Скоро пришел Пунин, мы поговорили еще немного, и я ушел.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 92

Я пришел в 3 часа. Лежала одетая, свернувшись клубочком и покрытая одеялом. Скоро пришел Пунин, и я поехал в магазин за вином — сегодня приедет Лозинский.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 304

Анну Ахматову бесит, что у Блока были тетушки, мама и Люба. А это было прекрасно. Контраст между глубиной и отстраненностью Блока и его привязанностью к тетушке и Любе дает представление о диапазоне его личности. У Ахматовой совсем не было таких полюсов. Она вся лежит в плоскости бытовых, личных, социальных движений, и от

этого ее определение — «плоская».

Вот она живет на выделенной государством даче.

Мы простились. Но когда я в передней уже надела пальто, она вдруг объявила: «Хочу пройтись». Сколько раз я предлагала ей выйти! Нет, ни за что. А сегодня вдруг: «Идемте гулять, вы подождите меня на крыльце, Сарра Иосифовна поможет мне одеться».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 259

Ни о какой прогулке и речи нет.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 251

От прогулки она снова наотрез отказалась…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 252

Застала ее, против ожидания, не в постели, а прибранную, одетую, причесанную. Сарра Иосифовна подавала ей кофе.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 246

После того, как Ханна Вульфовна накормила нас обедом, я предложила Анне Андреевне выйти на воздух. Завтра она уезжает, я толкусь у нее каждый день и все без толку: так мы ни разу и не вышли!.. Нет.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 107

Когда она окончила завтракать, я надеялась, мы сразу пойдем на прогулку. Ничуть не бывало! Сегодня она слаба, она не может, ей не хочется, ей нездоровится. В другой раз. Завтра! А сегодня она будет читать стихи. Напрасно я напоминала ей о врачах, соблазняла прекрасной погодой. Нет!

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 79

Врачи велят ей ежедневно гулять, «а мне это так тяжко, никто не умеет меня уговаривать, может быть, удастся вам».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 78

Не зря же о природе (о которой она часто пишет, потому что считает, что это делают все) у нее все так неестественно и никчемно.

Северная природа была неотъемлемой частью ее жизни.

…А в августе зацвел жасмин,
И в сентябре — шиповник.

Ирина ВЕРБЛОВСКАЯ. Горькой любовью любимый. Стр. 272

Как бы ни благоговели перед Ахматовой поклонницы, жасмин не цветет в августе и никакой шиповник не цветет в сентябре.

Лето 1930.

Воспоминания И. Н. Пуниной

Трудно передать, до какой степени Анна Андреевна не любила, презирала дачную жизнь. В то лето, видимо, она сочла необходимым поехать: здоровье мое было еще очень слабым. Акума не принимала участия ни в прогулках, ни в домашних заботах, не играла с детьми. Утром она подолгу спала, проснувшись, лежа читала.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 133

И природа, и городская среда — предметы внимания Ахматовой, а значит — предметы ее нелюбви.

Ахматова, так любившая и ценившая архитектуру, научила меня замечать изуродованные надстройками старые дома — и в Петербурге, и в Москве.

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 31

Архитектуру она знала поверхностно, так что даже другие дилетанты, более знающие, говорили об этом; любила — и того меньше. Естественно — она ведь ничего и никого не любила. Все ее высказывания об архитектуре — негативные.

В 6 ч. 30 м. вечера АА отдыхает. Лежит на диване.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 220

В 12 часов дня мне звонит А. Е. Пунина, просит съездить в Мраморный дворец к АА. Через 20 минут мне открывает дверь всегда сияющая Маня: «Павел Андреевич, вы сами ей скажите!» — «Нет. АА, наверно, не встала, вы передайте». Слышу кашель Шилейки, стариковский кашель. И звонкий голос АА: «Простите

меня, что я вас не могу принять… Я еще не одета».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 222

Через 2 дня она лежит уже в другом месте.

В 6 часов мне позвонила А. Е. Пунина, сказала, что АА просит меня к себе. Я пришел к АА в Шереметьевский дворец. АА лежала на диване. Сказала, что идет сегодня в Михайловский театр, на премьеру Замятина.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. Стр. 223

К Лиле Брик и Зинаиде Пастернак у Ахматовой большие претензии, хотя обе «соперницы» были полнокровными женщинами и уж во всяком случае отменными хозяйками.

«У Бориса Леонидовича главная беда в другом: дом. Смертельно его жаль. Зина целыми днями дуется в карты, Ленечка заброшен. Ленечка в каких-то лохмотьях».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 101

Читаем и сопоставляем:

Вечером была у Ахматовой. Она встретила меня в халате с растрепанной шевелюрой. Закуталась в платок и съежилась на кушетке. Это для нее характерно. Про себя сказала, что у ее Левушки нянька ушла неожиданно, и что она переезжает в Петроград, чтобы чаще навещать Николая Степановича. А бедный Левушка остается с бабушкой и без няньки. У них в квартире холодно, неуютно и некрасиво.

О. Л. Делла-Вос-Кардовская. Дневник.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 84

Хозяйкой Зинаида Николаевна была отличной. Трудилась наравне с домработницей и очень умело. У нее не было вкуса к изящному в быту, но зато любовь к чистоте, к порядку и очень определенные, почти по-немецки пунктуальные навыки к домашней работе. Все делала она без суеты, легко, почти походя. Паркет был всегда отлично навощен, нигде ни пылинки, посуда вымыта до праздничного блеска.

Зоя МАСЛЕННИКОВА. Борис Пастернак. Стр. 276

Анна Ахматова, поразившаяся, что Пастернак собирался «парить бочки» под огурцы: «Он так и сказал: «Парить бочки»!» — она в этом видела только непоправимое отпадение от единственного достойного идеала «хлыстика и

перчаток» и дальше этого взглянуть не могла.

Я была сконфужена, когда Пастернак тащил ко мне вязанки хвороста. Я уговаривала его бросить. И он спросил: «Вам стыдно?» Я ответила: «Да, пожалуй». Тут он мне прочел целую лекцию. Он говорил, что поэтическая натура должна любить повседневный быт и что в этом быту всегда можно найти поэтическую прелесть. По его наблюдениям, я это хорошо понимаю, так как могу от рояля перейти к кастрюлям, которые у меня, как он выразился, дышат настоящей поэзией. Тогда я думала, что он мне подыгрывает, но в последующей жизни я убедилась, что это черта его натуры. Он любил, например, запах чистого белья и иногда снимал его с веревки сам. Такие занятия прекрасно сочетались у него с вдохновением и творчеством. Ежедневный быт — реальность, и поэзия тоже реальность, — говорил он, — и я не представляю, чтобы поэзия была надуманной.

Зинаида ПАСТЕРНАК. Воспоминания. Стр. 264

Зинаида Николаевна была совершенно нелитературна, но зато вполне музыкальна. Первый муж ее Генрих Нейгауз и его друг Владимир Горовиц играли с ней дома в четыре руки, правда, она отдавала этому столько же души и страсти, сколько игре в карты. Вся ее миссия жизни заключалась в том, чтобы служить точкой кристаллизации и передачи в мир гениев ее мужей. Ну и несомненное чадолюбие. Анна Андреевна излишне отважно вышла воевать на чужое поле чужим оружием.

Я провела маленькое расследование и убедилась, что хороших хозяек любят больше. Не только их охотнее берут замуж — тщательно следящих хотя бы только за самой собой женщин любят огромной всепоглощающей любовью чаще, чем нерях. Лиля Брик была большая щеголиха, Гала Дали знала толк в интерьерах и драгоценностях. А Уоллис Симпсон — дама, за которую было заплачено английской короной, — числила ухоженность и домовитость чуть ли не единственным своим бесспорным достоинством. Неряху Ахматову все-таки никто не полюбил, по крайней мере так сильно, чтобы она этим вошла в историю. К сожалению, безбытницу Цветаеву тоже. Может, по большому счету, это и не нужно, это я просто так, для назидания молоденьким девушкам. А с другой стороны, может, в этом есть все-таки и еще более высокий порядок — тот, который заставлял Пастернака высаживать картошку очень ровными рядами?

На плите сидит старуха, кухарка Ольги Афанасьевны, штопает для Ахматовой черный чулок белыми нитками. «Бабушка, затопите печку!» — распорядилась Ахматова, и мы пошли в ее комнату.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1930–1969. Стр. 201

«Мне было тогда лет тринадцать. Я ходила в платье с прорехой по всему бедру…» Я подумала, что и в пятьдесят я частенько вижу ее в халате с прорехой по всему бедру.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 198

Она сидела в шубе у топящейся печки. Перешла, хромая, — все тот же сломанный каблук! — на диван и усадила меня рядом.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 80

Анна Андреевна пыталась иногда поиграть и поговорить с двумя девочками — Анютой и Катей, внучками профессора, но выходило это у нее как-то неловко, неумело.

Л. ГОРНУНГ. Записки об Анне Ахматовой. Стр. 195

Основное в поэме — ненависть автора к тому, что произошло.

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 34

Поэт изучает более глубокий срез жизни, чем политика. Если тебя так занимает политика и кажется такой определяющей в жизни — надо становиться политическим деятелем — легальным или оппозиционным, любым. Если при этом есть и поэтический дар — пиши. Но пиши о жизни, а не о неудачном политическом устройстве.

Для поэта единственное, что имеет значение, — это прошлое, а более всего — детство.

Анна Ахматова.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 456

Это не сестра моя, жизнь. Какая-то умершая сестра. И это — главное?

Часа в три, собираясь уходить, я что-то сказала насчет погоды. «Ах, да, в мире существует еще погода, — усмехнулась Анна Андреевна. — Я так давно не выходила из дома, что забыла об этом».

Маргарита АЛИГЕР. В последний раз. Стр. 359

ДАНТЕССА

Отношения Ахматовой к собратьям по перу таковы.

Абсолютно великих, к которым можно было притереться в наследницы, респектабельно почитала; великих, но нераскрученных — не утруждалась забивать себе голову (Баратынский); среди современников — выбрала тех, которые годятся для приличного исторического фона (Анненский); с прочими современниками сложнее.

Здесь — кровавое месиво. Первый ряд: Блок и Маяковский. Догадались вовремя умереть. Пять с плюсом (плюс — за то, что упрашивали заходить в гости, — вернее, за то, что предоставили возможность такое присочинить). Видеть остальных — «в смрадную яму смотреть».

Она хотела бы быть Дантессой в грамматическом смысле — как аббатессой поэтического братства, быть Дантом в матриархате поэтического мира. Но эта глава не о Данте, а о Дантесе — в юбке. О Жорже Дантесе, который убил Пушкина. Но по счастью, не каждому Дантесу, даже если он не заложник кодекса чести ревнивого мужа, а сам по себе мучим сальериевской охотой, что пуще неволи, Господь пистолет в руки вкладывает. У Ахматовой пистолета не было.

Ненависть к собратьям по перу была.

Пунин мне сказал сегодня, что АА очаровала всех в Москве и была такой веселой, такой оживленной там, что порой даже смущала его.

Я спросил АА, читала ли она где-нибудь стихи; оказалось, нигде и никому. «А Вам читали?» — спросил я АА, и она, яростно взглянув на меня, сказала: «Я бы такой мерзости не допустила».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 56

29 октября 1963.

А суетна Анна Андреевна по-прежнему. Больше всего ее занимает судьба ее стихов, завоевывающих мир медленнее, чем ей хотелось бы. Она считает себя более значительным поэтом, чем Пастернак и Цветаева. Ревнует их к славе и за гробом. Я уж не говорю о наших молодых поэтах.

Ю. Г. ОКСМАН. Из дневника, которого я не веду. Стр. 645

Интервьюер сообщает Ахматовой, что в издательстве «Советский писатель», в большой «Библиотеке поэта» выходит

книга О. Мандельштама. Это тоже шестидесятые годы.

— Да. Я знаю. Я вхожу в состав редакционной коллегии. Но я не знаю, нужна ли эта книга? Мандельштам далек от современного читателя. Кто по-настоящему понимает Мандельштама, тому этой книги не надо. У них и так все есть, что написал он. А остальным он не нужен — не понятен.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 298

Здесь, пожалуй, никаких комментариев не надо.

Людям не нужна книга Мандельштама. Мандельштам не нужен и не понятен.

Как все было хорошо: расстреляли его (умер в тюрьме — это одно и то же) в тридцать девятом, не маячил он перед ней, как Пастернак, со своими дачами — и на тебе, собрались издавать.

Вольпин ей предложил игру: начертил 10 ступенек, на которые предложил расставить русских писателей: на первую Пушкина, на вторую Лермонтова и Тютчева и т. д.

Д. Пятую ступеньку можно было на пятую, шестую и седьмую разбить, вероятно.

В. Ну, это очень трудно ей! Я говорил: «Ну вот Вы, Анна Андреевна, Вы не специалист, который будет копаться уже…» Ведь ей казалось, что я ее заставляю так — она очень любила слово «смрадный» — «в смрадную яму смотреть». А ничего не смрадная яма — эти маленькие писатели.

М. Д. ВОЛЬПИН в записи Дувакина. Стр. 272

А вот о товарищах ее юности.

Подозрительна также «слава» Брюсова, однако тогда она уже сильно померкла. (10-е годы.)

Анна АХМАТОВА. Автобиографическая проза. Стр. 228

Ноябрь 1910 года.

А. Ахматова — В. Я. Брюсову.

Я была бы бесконечно благодарна Вам, если бы вы написали мне, надо ли мне заниматься поэзией. Простите, что беспокою.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 38

А ведь слава-то уже — «сильно померкла»…

«Нельзя основываться на показаниях Брюсова. Валерий Яковлевич туп».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 10

Гумилев вел очень тяжелую борьбу за новые пути в поэзии. Когда образовалась группа акмеистов, нам было очень трудно. У символистов были сильные позиции. У них были меценаты — такие, как миллионер Рябушинский, сахарозаводчик Терещенко. У них были журналы «Золотое Руно» и много денег.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 284

То есть Блок, например, нашел деньги себе на раскрутку, а так — оставаться бы ему в «предназначенной ему неизвестности».

Была одна черта, которую я не любила в Николае Степановиче, — его неблагожелательное отношение к чужому творчеству.

Черубина де ГАБРИАК. Исповедь. Стр. 632

Это у них семейное.

«Коля вообще был несчастный. Как его мучило то, что я пишу стихи лучше его».

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 189

Слонимский вспомнил, как в декабре 20 года Гумилев устроил в одном из помещений Дома искусств спиритический сеанс, чтобы ослабить интерес к Маяковскому.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 7

Сейчас так делают эстрадные певцы: бегают к экстрасенсам, иголки втыкают в портреты соперников. Не ново.

О Есенине.

«Ни я, ни вы — мы его не любим, — сказала Анна Андреевна. — Но понимаю, что это сильнодействующая теноровая партия. Известному кругу людей он заменил Надсона».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 97

Ну совсем как Блок — «трагический тенор эпохи». Сама она была, конечно, как минимум драматическое сопрано, а то и не родился еще такой голос.

Говорит, что А. Блок потому так приблизил к себе Алянского перед своей смертью, что (по-видимому) смутно чувствовал (полубессознательно) в Алянском последнюю материальную

опору.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники, кн. 2. Стр. 119–112

Алянский подл, но Блоку это все равно — были бы деньги. Так рассказывает Ахматова молодежи о Блоке.

Далее.

«Какой позор! О Матиссе, гении, когда тот приезжал в Россию, записал у себя в дневнике: «французик из Бордо».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 230

Блок записал у себя в дневнике: «В Москве Матисс, «сопровождаемый символистами», самодовольно и развязно одобряет русскую иконопись — «французик из Бордо».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 673

Для Ахматовой Матисс — «гений», точнее сказать — «официально признанный гений», за это все должны находить гениальными все его суждения и вкусы, а для Блока он равновелик. Блок чувствует себя вправе отвергать всемирно признанный бренд хоть пепси-колы, хоть Матисса, если он ему не по нраву — и заявить о своем мнении.

А Ахматова, которая, единственный раз в жизни побывав в Загорске, не поинтересовалась взглянуть на иконы Андрея Рублева — этого как-то не поняла.

Другие современники. Есенин.

«Но ведь он не сумел сделать ни одного стихотворения».

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 296

А вот Георгий Иванов и Оцуп уже в то время были чрезвычайно заняты всяческой дискредитацией моих стихов.

Анна АХМАТОВА. Автобиографическая проза. Стр. 238

В переводе с ахматовского это значит, что им просто не нравилась ее поэзия.

Ахматова как бы уступила слово Маяковскому. В этом сказалась и серьезность и благородство ее литературной позиции и понимание новой эпохи.

Б. Эйхенбаум.

С. А. КОВАЛЕНКО. Ахматова и Маяковский. Стр. 174

Интересно, что Ахматова действительно не нападала на Маяковского. Не из-за того, что он был величайшим и крупнейшим поэтом современности — это для нее был бы лишь повод для оголтелой борьбы. Пусть БЫЛ, но Маяковский был еще и НАЗНАЧЕН. И вот уже это для нее — закон. Это, впрочем, не значит, что она сама будет что-то лить на его мельницу.

К Анне Андреевне от имени редакции «Литературного наследства» приходили просить воспоминания о Маяковском. «Я отказала. Зачем мне бежать за его колесницей. У меня своя есть. Кроме того, ведь публично он меня всегда поносил, и мне ни к чему восхвалять его».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 193

Совсем по-разному они смотрели и на личность Корнея Ивановича Чуковского. В то время как дочь испытывала к нему неподдельную любовь и восхищение, Ахматова оценивала его вполне объективно. Она, безусловно, ценила его ум, выдающиеся литературные способности, но ставила ему в вину когда-то опубликованную статью «Две России» (идея там была такая: поэзия Маяковского олицетворяет обновленную страну, а стихи Ахматовой — старую).

Михаил АРДОВ. Вокруг Ордынки. Стр. 72

Это вполне ОБЪЕКТИВНО.

«Мы с вами, Лидия Корнеевна, создали новый жанр — отражение тогдашних событий. Все, что будет написано после — будет уже не то».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 93

Это так она защищается перед Солженицыным. Солженицын — это не то. Потому что — после нее, Ахматовой. Она, Анна Ахматова, изобрела новый жанр — отражение тогдашних событий. И где же глянуть на это отражение?

Здесь все тебе принадлежит по праву,
Стеной стоят дремучие дожди.
Отдай другим игрушку мира — славу,
Иди домой и ничего не жди.
Анна АХМАТОВА

Ахматова насаждает мнение, что Пастернак очень держался за славу, ждал ее, и лишь она, знающая этому настоящую цену, может предостеречь его.

Составленная ради красивости фраза из четырех слов «стеной стоят дремучие дожди» как бы делает совершенно очевидным то, что Ахматовой не составляет никакого труда воспользоваться единственным перед ней преимуществом Пастернака — тем, что он «умеет описывать погоду». Ей кажется, что «непонятность» Пастернака — это нечто, бездушно сделанное на заказ, как написала эту строчку она.

Я рассказала ей, что в Переделкине, в Доме творчества, видела Ольгу Берггольц, совершенно пьяную. Ольга Федоровна за меня уцепилась, взяла под руку, была будто рада, приветлива, потом испугалась меня, усомнилась, со мной ли она говорит, выдернула руку… «Мания величия и мания преследования», — сказала Анна Андреевна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 573

Мысли вслух — о себе, потому что у больной Берггольц были другие симптомы.

Для ленинградцев, переживших блокаду, имя Ольги Берггольц навсегда связано с военными годами. Во время блокады Берггольц работала в радиокомитете, и ее голос чуть не ежедневно звучал в передачах «Говорит Ленинград». Беды ходили за ней по пятам. Первый ее муж, поэт Борис Корнилов, расстрелян в 1937 году. Второй умер от голода у нее на руках в Ленинграде во время блокады.

Еще до этого она потеряла двоих детей.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 679

А еще у нее был выкидыш от побоев в ГПУ — но Ахматова велит свою судьбу считать страшнейшей.

Анна Андреевна, по своему обыкновению, отзывается о Твардовском с неприятной мне презрительностью. «Теркин? Ну да, во время войны всегда нужны легкие солдатские стишки». Я сказала, что прочно люблю отрывки из «Страны Муравии» — например, свадьбу, пляску на свадьбе и «Дом у дороги». Мне кажется, Анна Андреевна «Дом» просто не прочла.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 458

«В книге стихи все-таки только после 46 года. Предлог такой: если напечатать стихи до 46 года и после — сразу будет видно, что после 46 года я стала писать гораздо хуже. Но, конечно, это лишь предлог. Просто ему [Симонову] кто-то передал, будто я браню его стихи. А я их и не читала».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 77

12 сентября 1959.

«В Комарове у меня побывал Шостакович. Я смотрела на него и думала: он несет свою славу как горб, привычный от рождения. А Борис — как корону, которую только что нахлобучили на него. Она сползает ему на глаза, он подпихивает ее снизу локтем».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 361

А на нее — как на Мисс мира — за красоту. Ну и конечно, девушка должна уметь разговаривать на общежитейские темы. А Пастернаку, она говорит, славу нахлобучили в каком бишь, 1959 году? Да? Или вот уже почти пятьдесят лет все нахлобучивают, нахлобучивают…

Растет, растет ее обида на Бориса Леонидовича. Зачем у нее не бывает? Зачем не зовет к себе? **Затем, что человеку осталось 2 года до смерти и он не хочет поддерживать светские знакомства.** Дала мне прочитать «Вакханалию» и, пока я молча вчитывалась в стихи, не спускала возмущенных, требовательных глаз с моего лица… Ничего отвратительного, постыдного в этих стихах, разумеется, нет, и куски великолепны, но и я, как она, не ощущаю сейчас поэзии ужина, бала, пышности, пьянства. Однако было время, когда и она ощущала эту поэзию («Новогодний праздник длится пышно»). Теперь же, по-видимому, она чувствует всякую пышность, сытость, воспетую в стихах, как звук фальшивый и оскорбительный. **(Жаль только, что она писала про «в ту ночь мы сошли друг от друга с ума», когда была война, блокада в Ленинграде — она хоть знает, что такое блокада? — и сын в штрафных батальонах.)** Быть может, она и права; жаль только, что осуждение стихов идет у нее рядом с личной обидой.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 268

О стихах Асеева: «Не стихи, а рифмованное заявление в Моссовет».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 186

«Маруся, прочтите Лидии Корнеевне стихи. Не спорьте. Я вам велю. Слышите?» Мария Сергеевна не ответила.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 235

О рассказе Шкловского: «Совершенное ничто. Недоразумение какое-то. Полный ноль». О главе Твардовского из поэмы очень сурово: «Новая ложь. Большей гнусности я в жизни не читала» — это повторила Анна Андреевна несколько раз, сердясь. Так ли это? Я его люблю. И все вокруг находят эту главу очень смелой.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 187

В общем разговоре Виктор Ефимович между прочим упомянул, что пьесу Д. Б. помог построить Файко и что кому-то из сценаристов помог дотянуть сценарий Коварский. «Кажется, только я одна САМА написала свою «Белую стаю», — сказала Анна Андреевна и увела меня к себе.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 116

О Блоке.

«Этот человек очень не импонировал мне. Презирал, ненавидел людей. Как у него в Дневнике сказано про соседку: кобыла. Уровень коммунальной квартиры».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 456

Так ведь это в дневнике. А про соседку вслух при людях? Это как?

О Слепян сказала: «Это не женщина, а какая-то сточная труба».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 432

Да и что уж там такого в «кобыле»-то?

«Еще бы, так отлично «постукивает» башмаками по комнатам эта, как ты говоришь, «кобылка», такие у нее точеные щиколотки,

такие раскосые сверкающие глаза!»

Иван БУНИН. Жизнь Арсеньева

Мнение Ахматовой о том огромном значении, какое имеет для русской поэзии XX века творчество Анненского, было непоколебимо устойчивым.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 322

Это потому, что он не сказал о ней ничего плохого и, не зная совсем, не мог сказать.

Из всех «братьев» она не ненавидела только Мандельштама. Из всех виденных ею литераторов он был самый не светский — самый не могущий претендовать на почести, привилегии. И рано умер. Ее он не любил, как и ее стихов, но никогда не сказал об этом публично — из расчета. Но она оценила.

Критических замечаний о Мандельштаме я от нее никогда не слышал.

Д. МАКСИМОВ. Об Анне Ахматовой, какой помню. Стр. 99

Бальмонт.

«Он всегда был величав, ни на минуту не забывал, что он не простой смертный, а поэт».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой, 1938–1941. Стр. 130

Анна Андреевна говорит о литераторах, которые боятся с ней видеться. — «Сегодня Зина уже не пустила его ко мне», — говорит она о Борисе Леонидовиче.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 22

Поражена также тем, что Фадеев и Пастернак выдвинули ее книгу на Сталинскую премию.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 189

Значит, не боялись?

Волков: В «Поэме без героя» Ахматова, когда описывает убранство спальни Судейкиной, замечает, как бы вскользь: «Полукрадено это добро…» Это, конечно, стихи, но когда речь

идет о близкой знакомой, то звучит это достаточно сильно, почти как предъявление уголовного обвинения.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 235

Ей претила цветаевская «Попытка ревности». «Тон рыночной торговки».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 305

О Есенине. «Он был хорошенький мальчик. А теперь… Пошлость. Ни одной мысли не видно. И потом такая черная злоба. Зависть. Он всем завидует. Врет на всех — он ни одного имени не может спокойно произнести».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 37

Слово «зависть» горит у нее на устах неопалимо, как шапка на воре.

«Но в конце концов все живут для жизни, а не для посмертного собирания стихов. Н.С. не как Блок. Тот и день, и час, и кто с ним обедал — все записывал!».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 28

Ну и сколько Блок понаписал? Сколько времени он на это потратил? Не отнести ли это к его гигиеническим привычкам, и не отнести ли «пластинки» Ахматовой (многократно рассказываемые наизусть истории) к ее полной нелитературности, а злобные и тенденциозные многочисленнейшие повторяющиеся записки — к бессовестности?

Нравы тоталитарной секты: на отступника Лукницкого, внутренне отошедшего от Ахматовой по своим основательным мотивам, в предисловии пишут:

Но наступившие грозные события охладили исследовательский пыл Лукницкого и отдалили его от Ахматовой. Он понял, что увлеченье поэтами серебряного века, ставшими мишенью партийной критики, будущего не сулит и к добру не приведет.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 4.

Подражая своему предмету, ахматоведы клевещут на Лукницкого. Лукницкий разошелся с ней потому, что ему стало неприятно и неинтересно у нее бывать. Он проделал то, что не успел или поленился проделать Бродский.

Первый сборник стихотворений Ахматовой «Вечер» с предисловием Кузмина. Поскольку с самого начала ее творческого пути отмечалось, что она — подражательница Кузмина, а дело своей жизни, знаменитую «Поэму» даже не сделала всю из Кузмина, а — так как не призналась — украла, то на Кузмина не осталось ничего, как изливать ненависть.

Артур Сергеевич видел первую редакцию поэмы, где А.А. еще не расправлялась с своими литературными врагами (Кузмин). Артур Сергеевич любил Кузмина, играл с ним в четыре руки, считал его великолепным музыкантом. Почему А. А. сделала из него такое страшилище, перед которым «самый страшный грешник — воплощенная благодать»? Бедный Кузмин был ведь только содомитом, а можно думать, что он какой-нибудь палач из застенка… Содомитами был Пруст и А. Жид и многие другие, не говоря об Уайльде… Мой парикмахер тоже содомит! Никто на это не обращает больше внимания!

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 28

Наибольший гнев она обрушивала на Кузмина: не отказывая ему в таланте, она считала его злым, завистливым и вообще аморальным.

Д. МАКСИМОВ. Об Анне Ахматовой, какой помню. Стр. 113

«Не отказывала ему в таланте» — будучи его подражательницей.

Ахматова была убеждена, что Кузмин плел против нее интриги и хотел отдать ее «престольное место» в поэзии другой поэтессе. Ахматова до конца своих дней не простила Кузмину ни Гумилева, ни Анны Радловой.

С. КОВАЛЕНКО. Проза Анны Ахматовой. Стр. 392

«Может, Кузмина и чтят свои педерасты <…>».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 126

А не позвать ли «педерастов»? Вот:

Маяковский любил Кузмина и любил его самого. Он был блестящий собеседник, нам казалось, что характером он похож на Пушкина.

Лиля Брик — беседа с Романом Якобсоном.

Василий КАТАНЯН. Прикосновение к идолам. Стр. 131

Настойчивое гомофобство Анны Ахматовой напоминает антисемитизм. Как будто сказал: «педераст» — и о человеке все стало понятно. Кто был «своим» для Пруста? Кое-где за такие взгляды и не подадут руки. А уж поэту и вовсе пристало иметь более гуманистичные взгляды.

«Педераст» Оден был любимым поэтом Иосифа Бродского, но, как бы Ахматова к нему ни относилась, если бы знала его, Бродскому она такие дремучие взгляды не рискнула бы излагать.

Кузмин — жертва культуртрегерского заговора Анны Ахматовой. Он был ею оболган, обокраден, за это она его поносила, как могла.

Она ненавидела Бунина. Слово Бунин при ней нельзя было говорить. И когда я, забыв однажды, при ней процитировал: «Хорошо бы собаку купить» — ей-богу, это могло кончиться ссорой.

Д. Почему так?

В. Он очень ее обидел, по-моему, но она уверяла, что он скверный поэт и пошляк.

М. Д. ВОЛЬПИН в записи Дувакина. Стр. 269

Тут уж и к гадалке ходить не надо — тут ведь еще и «нобелевка»!

Она ругает Брюсова, Блока… да почти всех.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 170

А.А. видела блоковский сборник, изданный в Тарту. Смеясь, сказала, что Блок был очень злой и угрюмый человек, без тени «благоволения», а его стараются изобразить каким-то «Христосиком».

Ю. Г. ОКСМАН. Из дневника, которого я не веду. Стр. 645

Анна Андреевна с большим интересом рассматривала записные книжки, рукописи Маяковского. Ее поразило «сколько все же осталось у Маяковского сбереженного». «Я никогда не относилась к своему архиву так любовно, как Блок. Куда-то все расходилось, кто-то брал, но кое-что есть».

Н. В. РЕФОРМАТСКАЯ. С Ахматовой в музее Маяковского. Стр. 544

Найдем возражения по всему списку заслуг.

1. Блок не к архиву относился с любовью, а к жизни. Он привык к другому быту. Он не ходил в разорванном платье, не ел среди огрызков и окурков, сохранял свой архив.

2. Маяковскому сберегла архив Лиля Брик: все до разорванных листков собрала.

3. Ну а свой архив Ахматова не «раздавала». Продавала. Навязывала на хранение — тем, кому его хранить было гораздо более опасно, чем ей. В конце жизни она очень заботилась — кому подписать? «Золото», «нищая старуха», «взять Моди»…

Разговаривать с нею о литературе и о чем угодно всегда было интересно и приятно, но как-то невольно она направляла беседу к темам, касающимся ее лично — ее поэзии или ее жизни.

Несколько иной характер носило ее слегка ревнивое, в чем-то похожее на соперничество отношение к тем наиболее выдающимся современным русским поэтам, с которыми обычно ее сопоставляли.

Д. МАКСИМОВ. Об Анне Ахматовой, какой помню. Стр. 120

Подошла старость — не мудрая и не благословенная. Ее третья слава (вторая была в войну), а с нею и новые тяжелые испытания — слава молодых.

«Кто вам нравится из современных поэтов?» — «Я не буду называть имен. Это не значит, что у меня нет любимых и нелюбимых поэтов, но в конце концов оценки всегда очень субъективны».

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 269

Интервьюеру и хотелось узнать ее субъективную оценку. Какой скучный диалог, бессодержательный. Но, правда, можно и настоящий, трагический смысл ее высказывания разгадать: любимые поэты — никто, нелюбимые — все.

Интересную я забыл деталь, но она важна. Когда она мне очень пренебрежительно говорила о Евтушенке, очень пренебрежительно об Ахмадулиной, я еще посмеялся и говорю: «Вы просто ревнуете, потому что — АХМА, да молодая, да хорошенькая!».

М. Д. ВОЛЬПИН в записи Дувакина. Стр. 278

Она рассказывала мне, что Ахмадулина была у нее три раза, желая почитать ей свои стихи, но все неудачно: каждый раз у Анны Андреевны начинался приступ стенокардии.

Три раза — это слишком. Или приступы были, выражаясь жеманно, «дипломатическими» — такое ей трудно перенести — «молодая, хорошенькая», — или все-таки была не три раза, а меньше, просто «три» произносится значительнее.

О стихах Ахмадулиной:

«Полное разочарование. Полный провал. Стихи пахнут хорошим кофе — было бы гораздо лучше, если бы они пахли пивнухой».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 496

А почему лучше? Что это за правило такое? Из этой серии есть еще одно — что писать, мол, надо на каких-то «клочках». Как только хотят сказать о «настоящем» писателе — так сразу: он писал на клочках, на салфетках… А «Война и мир» была написана на больших пронумерованных листах. А Пруст значение сорту бумаги придавал, и названию магазина… Да и Блок, наверное, с работой организовался хорошо… О пивнухах — писал. Правда, к счастью, пахли эти стихи не пивнухой.

С напряженным и даже несколько ревнивым интересом следила она за успехом некоторых бурно входящих в моду молодых поэтов, считая явления подобного рода преходящими и временными и абсолютно противопоказанными истинной поэзии. «Все это было, все это уже было, я сама видела, я отлично помню. Были знаменитые писатели, модные, известные, богатые… У них были красивые жены и роскошные дачи… И все это, казалось, навечно… А теперь и имени их никто не помнит… Нет, нет, поверьте мне, — взволнованно повторяла она, я-то знаю, я-то помню. <…> Сегодня в Ленинграде и в Москве истинные любители поэзии и думать о них забыли, их интересует совсем другое… Уверяю вас!»

Маргарита АЛИГЕР. В последний раз. Стр. 364

Расправляется с молодыми методами физического и административного воздействия.

«Я была после первого инфаркта и из всего изобилия на столе могла есть только лук, а пить только «Боржоми». Слева от меня был мальчик Андрюша, архитектор, обожавший мастера **(Пастернака)**, а справа еще один молодой человек. Когда я съела весь лук со стола и выпила весь «Боржоми», я поднялась. А

мальчики, которые после третьей рюмки шатались, как тростник под ветром, взялись меня провожать. Уже на лестнице не они меня, а я их держала. Впереди была Ордынка, и поодаль — милиционер. Ну, думаю, спросит у меня документы. Ага. Ахматова. С пьяными мальчиками. «Чему она может научить нашу молодежь?» — вспомнились слова из известного доклада. Но в этот момент у меня нашелся спаситель. Чья-то сильная рука отшвырнула мальчишек так, что они покатились на тротуар и остались лежать там до Страшного суда. А спаситель проводил меня до дому, любезно и остроумно беседуя. Это был Святослав Рихтер».

Дмитрий БОБЫШЕВ. Я здесь. Стр. 318–319

Бросить «пьяных мальчишек» (от трех рюмок «качаются, как тростник» или законченные алкоголики, или кто вовсе еще не пьет), даже если дама по нездоровью в этот день против обыкновения сама не пила, на тротуар и оставить пьяных там лежать — как-то это не очень, правда? Вроде как бы неплохо бы их и поднять — когда видишь пьяных лежащих. Может, старухе этим и не пристало заниматься, так надо было позвать их приятелей — в общем, по крайней мере, не выходить с ними вместе на улицу, опытная ведь дама, могла бы и сообразить. А так — оставить лежать, да еще и в виду милиционера…

К счастью, в дневниках Рихтера — весьма подробных — нет этого эпизода. Вообще имя Ахматовой не упоминается ни разу. Ахмадулина, кстати, упоминается: восторженно, «инфернально».

Ахматова продолжает выдумывать свои «народные чаяния» — с моральным душком, как всегда.

О Роберте Рождественском.

«Не читала и читать не стану! Поэт — это человек, наделенный обостренным филологическим слухом. А у него английское имя при поповской фамилии. И он не слышит».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 189

И что ему делать? Бывает русское имя Глеб — но Струве, Рязанов — но Эльдар. Люди слышат в нем запоминающийся контраст и — не берут себе псевдонимов Глеб Лоханкин и Эльдар Честерфилд.

Хан Ахмат, княжна Ахматова — может быть, для даже обостренного филологического слуха это безупречно. А так — претенциозно, смешно, старомодно.

«Мне кажется, я разгадала загадку Вознесенского. Его бешенного успеха в Париже. Ведь не из-за стихов же! Французы стихов не любят, не то что иностранных, родных, французских. И вдруг — триумф! Я догадалась. Вознесенский, наверное, объявил себя искателем новых форм в искусстве — ну, скажем, защитником абстракционистов, как Евтушенко защитник угнетенных. Может быть, и защитник, но не поэт. Эстрадники!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 21

Стиляги!

Бродский. Он как-то еще вырос и поширел. Большой, будто сильный. Но и потрясенный: не кончает фраз, бегает по комнате, все время крутит пальцами. Одет плохо. Но и это его не портит. Доброта, простодушие, ум, дурной нрав, ребячливость — прямой поэт.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 297

Это слова доброй Лидии Корнеевны.

Сегодня Анна Андреевна и об Иосифе отзывается как-то раздраженно, безлюбовно. Я сказала, что после всего перенесенного ему нужен был бы санаторий, хоть на двадцать шесть дней нормальная жизнь. «Какая может быть нормальная жизнь у того, у кого все навыворот? С каторги вернулся румяный, здоровый, а из санатория вернется на четырех ногах и на цепи…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 298

Может, что о Гумилеве сказанул? Впрочем, вот уж на кого она не «нападала», так это — на Иосифа Бродского. «Не для того я растила Иосифа…» (он познакомился с ней сложившимся поэтом, хоть и, конечно, молодым — и даже не подозревавшим о ее существовании (то есть он не знал, жива ли еще она — и она абсолютно не существовала для него как поэт). Бродского она, чувствуя его силу, — боялась.

Она сказала, что предпочитает не говорить о современных советских поэтах, чьи стихи печатаются в Советском Союзе. Один из наиболее известных таких поэтов прислал Ахматовой телеграмму, в которой поздравлял ее с получением оксфордского

доктората. Она прочитала ее и сердито бросила в мусорную корзину.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 252

Потом из корзины вынула. Телеграмма хранится в ее архиве, имеется номер.

«Они все бандитики, проституирующие свой талант и эксплуатирующие вкусы публики. Маяковский оказал на них всех пагубное влияние».

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 252

Она могла бы сказать это и не о молодых — обо всех, на кого не хватило дантесов.

В жизни я немного видела.
Только пела и ждала.
Брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Трудно что-то найти против человека, написавшего это о себе. Обезоруживающие строки. Не найти такого камня, который можно бросить. Брата я не ненавидела — если ей поверить, что она не ненавидела брата. Анна Андреевна Ахматова ненавидела всех. Я поняла ее слова буквально и разделила людей ее жизни на братьев — поэтов, которых она ненавидела всех, и сестру — Марину Цветаеву, которую она предала. Не просто ненавидела, как других, а у мертвой убила еще обожаемого сына — за то, что Марина Цветаева на беду была женщиной.

СЕСТРА

Итак, братья и сестры, Анна Ахматова — воспримем житейский смысл ее послания — написала, что «сестры она не предала». Про родную не будем — ту, о которой после ее смерти Ахматова написала, будто бы старик Иннокентий Анненский, человек из общества, гимназический учитель, позволил себе перед ее свадьбой сказать кому-то, что он бы — на ней не женился. Женился бы, дескать, на ее сестре — Ахматовой. Будем не про родную, а — про ту, которую в пару подобрала бы сразу любая школьница. Марину Цветаеву. Хоть и бесило в старости Ахматову это сопоставление, выберем все-таки и мы Цветаеву: больше ведь никого в обозримости нет. Или попредавала она их по мелочи, даже писать такое в книге о «великой душе» неудобно: ну, Эмму Герштейн в эвакуацию не взяла, забыла, ну, Лидию Чуковскую на попойки променяла; Нина Ольшевская — так это и пословица говорит: брат любит сестру богатую… Предала Ахматова Цветаеву тем, что предала ее сына, малолетним в один почти год оставшегося без отца, матери, сестры и тетки. А не любила — так это всегда, по своей зависти…

Вопрос, который я поставил наедине и с большой опаской: «Как вы относитесь к поэзии Марины Цветаевой?» Осторожность моя была вызвана тем, что в послевоенные годы Марина Цветаева стала кумиром молодежи и ее имя упоминалось наравне с именем Анны Ахматовой. Анна Андреевна не могла не чувствовать болезненно, что у нее появилась соперница. Поэтому нечего удивляться, что ее ответ был холоден.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 296

Вспомните просто на минутку восторг и преклонение тяжелого человека Гоголя перед своим современником — Пушкиным. Скорее здесь нечему удивляться. Ахматова поражает всегда.

Ахматова очень сдержанно сказала: «У нас теперь ею увлекаются, очень ее любят… пожалуй, даже больше, чем Пастернака».

Георгий АДАМОВИЧ. Мои встречи с Анной Ахматовой. Стр. 74

О «любви» Цветаевой к Ахматовой.

Марина Цветаева не осторожничала, не завидовала, не

ненавидела, она влюбилась. Но конечно, как это всегда бывает, влюбилась не в объект, а в свою любовь. Громадность любви была равна громадности души Марины Цветаевой.

Другая, более далекая и никогда не виденная реальность: Анна Ахматова, петербургская «сестра», ее образ нарисован демоническим, неотразимым, «роковым», вызывающим чувство влюбленности.

Анна САКЯНЦ. Марина Цветаева. Стр. 71

«Александровское лето» — за две недели написано 12 стихотворений Ахматовой. Что послужило толчком? Трудно сказать, но день за днем Цветаева создает свой восторженный гимн любви и восхищения.

«Разъярительница бурь, насылательница метелей», «краса грустная и бесовская», «чернокнижница, крепостница», «горбоносая, чей смертелен гнев и смертельна милость». «Я тебя пою, что у нас — одна, Как луна на небе!»

Анна САКЯНЦ. Марина Цветаева. Стр. 94

Это разве об Ахматовой? Это — о Марине Цветаевой.

Ее не выбранное, подаренное родом имя — как знак. Кто не гордится титулом? Титулом полагается гордиться. Это не «бабушка-татарка…», высчитанная на компьютере и зарифмованная — ахматовская…

Будет крылышки трепать
О булыжники!
Чернокрылонька моя!
Чернокнижница!

Героиня Цветаевой теперь не столько восхищается, сколько сострадает.

Анна САКЯНЦ. Марина Цветаева. Стр. 283

Цветаева испробует все чувства об Ахматову, как об икону. Будем надеяться, что для этого она ей и была нужна.

Златоустая Анна всея Руси…

Бродский мог бы и не поверить Цветаевой буквально — ведь он же знал, из какого сора… из мусора…

Перед выходом первой книги Ахматовой на Цветаеву

обрушились два акмеиста, можно сказать, расчищая дорогу.

Марина Цветаева:

«Меня ругали пока только Городецкий и Гумилев, оба участника какого-то цеха. Будь я в цехе, они бы не ругались, но в цехе я не буду».

А. А. САКЯНЦ. Анна Ахматова и Марина Цветаева. Стр. 183

А вот если бы это у Марины Цветаевой был муж-литератор, который напал бы на Ахматову в начале ее карьеры, то страшно подумать, сколько и как бы Цветаеву она бы обвиняла.

«Впервые я увидела ее в 1941-м году. До тех пор мы с ней никогда не видались, она посылала мне стихи и подарки. В 41-м году я приехала сюда по Левиным делам. А Борис Леонидович навестил Марину после ее беды и спросил у нее, чего бы ей хотелось. Она ответила: увидеть Ахматову. Борис Леонидович оставил здесь у Нины телефон и просил, чтобы я непременно позвонила. Я позвонила. Она подошла. «Говорит Ахматова». — «Я вас слушаю». Да. Да, вот так: ОНА меня слушает. **Про «беду» Ахматова знает, за нее вот так милостиво пожалела и согласилась вознаградить знакомством с собою — и на тебе, та посмела «Я вас слушаю» сказать! «ОНА меня слушает!»**

Она приехала и сидела 7 часов. Ардовы тогда были богатые и прислали мне в комнату целую телячью ногу».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1902. Стр. 448

Это будет кочевать по всем воспоминаниям: что Марина Ивановна в свой, считай что смертный (муж расстрелян, дочь с сестрой сидят, самой жить два месяца, сыну — два года, Ахматова все это с высоты прожитых лет знает) час последнее желание высказывает определенно: видеть Ахматову. Ну и bon ton жеманных совслужащих: вы разве не знаете, что тот, кто первый позвонил, должен представиться? А если кто-то звонит по чьей-то просьбе… и так далее. Эти важные детали так и составят основное ее воспоминание о встрече с Мариной Цветаевой. Немудрено, что та ее быстро «разлюбит».

Хороша и телячья нога — целая. Хоть и не своя луковка — а может, и надеется Анна Андреевна, что Цветаева перед смертью вспомнила ее доброту.

«Звоню. Прошу позвать ее. Слышу: «Да?» — «Говорит Ахматова», — «Слушаю». Я удивилась. Но говорю: «Мне к вам прийти или вы ко мне придете?».

Через двадцать лет не прощает такого моветона.

«Пришла на другой день в двенадцать дня. А ушла в час ночи. Сердобольные Ардовы нам еду какую-то посылали».

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 588

Сидели тринадцать часов. А по свидетельству Нины Антоновны Ольшевской, всего часа 2–3. Что Ардовы разболелись сердцем на Маринины несчастья — да ладно. Простим интеллигентское прекраснодушие и хлебосольство — может, им самим и не съесть было.

Ардов **(Виктор Ефимович)** был знаком с Цветаевой по дому творчества в Голицыне. Он сказал Анне Андреевне, что Марина Ивановна хочет с нею познакомиться лично. Анна Андреевна после большой паузы ответила «белым голосом», без интонаций: «Пусть придет».

Марина Ивановна вошла в столовую робко.

Дело происходило в 1941 году, у Марины Ивановны был расстрелян муж, а дочь была в лагере.

Михаил АРДОВ. Вокруг Ордынки. Стр. 46

Актерская среда ей помогала — она и паузы умеет выдерживать, и «белым голосом» говорить. Правда, биография у Цветаевой оказалась слишком крепко сделана: ни о метафизике не поговоришь, ни посплетничаешь — ее любимые темы (Бродский).

В Москве Марина была в полубезумном состоянии.

Ю. Г. ОКСМАН. Из дневника, которого я не веду. Стр. 646

После второй встречи, на второй же день, посидев, быстро расстались:

«Я шла в Театр Красной Армии, где в тот вечер играла Нина Ольшевская. Вечер был удивительно светлый».

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 588

Вечер был удивительно светлый. Через два месяца Марина Цветаева повесилась.

Анна Андреевна спросила, помню ли я стихи Цветаевой Маяковскому. Там, где загробный диалог между Маяковским и Есениным.

Здорово, Сережа!
Здорово, Володя!

«Каркает над кровью, как ворона», — жестко сказала Анна Андреевна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 412

Все умрем — это так. Но никто не знает своего часа, не знает смерти, не знает крови. Кроме самоубийц. Умерший самоубийством — он и родился самоубийцей, когда он родился — это родился самоубийца, отличающийся от всех нас. Цветаева имеет право каркать. У Ахматовой судить ее прав меньше.

Я прочитала ей отрывок (он ходит по рукам в машинописи) из цветаевской прозы «Нездешний вечер».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 329

«Знаю, что Ахматова потом с моими рукописными стихами к ней не расставалась и до того доносила их в сумочке, что одни складки и трещины остались. Этот рассказ Осипа Мандельштама — одна из самых моих больших радостей за жизнь».

Марина ЦВЕТАЕВА. Двухтомник. Т. 2. Стр. 113

<…> Анна Андреевна отозвалась восклицанием, отчетливым и гневным: «Этого никогда не было. Ни ее стихов у меня в сумочке, ни трещин и складок».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 329

У нее в сумочке хранилось письмо от Вигорелли — заместителя председателя коммунистической ассоциации писателей Италии — с приглашением приехать за границу. А хранить стихи Марины Цветаевой — это действительно к чему ж.

Прочитала мне свои стихи, посвященные Цветаевой. Я уже слышала их. «Это мой долг перед Марининой памятью: она мне посвятила несметное множество стихотворений».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 230

К этому она относилась вполне серьезно и вводила в головы.

«Ей я не решилась прочесть. А теперь жалею. Она столько стихов посвятила мне».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 199

Невидимка, двойник, пересмешник…

Ничем не оправданное (в честь чего бы это, действительно, писать посвящение Цветаевой по-мандельштамовски?) заимствование — копирование — несанкционированное использование — мандельштамовского приема, кроме очередного свидетельства творческой беспомощности Ахматовой — именно этой неряшливостью (не потрудилась даже следы воровства замести), наводит еще на одну мысль. О заказном характере этого стихотворения. Ахматова всем поэтам, которые входили в силу (Маяковского назначил Сталин, Пастернака — Бухарин) писала по стиху — и отметиться, что полностью поддерживает директивы, и место рядом с великими на равных застолбить.

А вот — Пастернак о моде на Цветаеву.

Последний год я перестал интересоваться ей. Она была на очень высоком счету в интеллигентном обществе и среди понимающих, входила в моду… Так как стало очень лестно числиться ее лучшим другом, я отошел от нее и не навязывался ей…

Борис ПАСТЕРНАК. Письма З. Н. Пастернак. Стр. 180

Дочь Цветаевой выжила одна из семьи и слишком буквально несла память о Марининой влюбленности.

Ариадна Сергеевна пишет, что книжка Ахматовой — это, конечно, всего лишь обломки, «но ведь и Венеру Милосскую мы знаем без рук».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 357

Ахматова прокляла их до седьмого колена, по женской линии только, правда, Мур сначала расслабился, как мальчик — в том смысле, что он действительно был еще мальчиком, а потом ему пришлось все зло мира принять на себя, как мужчине. В том числе зло по имени Анна Ахматова.

«Мы похожи?» — «Нет, NN, совсем не похожи, даже не противоположны» (Это об М. Цветаевой.)

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 399

Анна Андреевна <…> прочитала пять стихотворений памяти Марины Цветаевой. Автор — Арсений Тарковский. <…> Заспорили мы о втором четверостишии. <…>.

Марина стирает белье
<…>
Пусть видят и это распятье.

«Стирка не распятье, — сказала Анна Андреевна. — Все женщины стирают». Это очень несправедливо. Ну, быть может, назвать стирку распятием это слишком <…>. Но, во-первых, отнюдь не все женщины стирают большую стирку. А во-вторых, даже если почти все стирают, то некоторых, например, Цветаеву — безусловно следовало бы освободить.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 33.

А не только Ахматову.

Цветаева под конец жизни тоже пересмотрела свое сверхвосторженное поклонение Ахматовой. И если откинуть истерику и экзальтированную преувеличенность Марины Ивановны, то кажется, что и как поэт и как прозаик она значительнее Ахматовой и, конечно, дерзновеннее.

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 85

А.К. У Анны Андреевны были четки такие огромные, такие крупные. **(Это хорошо — отчетливо — говорит о ее религиозности.)** И она как-то говорит: «А эти четки мне подарила Марина Цветаева». (Имитируя манеру А.А., А.К. произносит эту фразу скороговоркой, чуть пренебрежительно.)

А. Ф. и Г. Л. КОЗЛОВСКИЕ в записи Дувакина. Стр. 222

А это уже — о ее отношении к Цветаевой.

Марина подарила мне:

1. Свою детскую шкатулочку (я отдала Берггольц).

2. Брошку (см. ее фотографию), кот<орую> я разбила о пол Мар<иинского> театра.

3. Синюю шелковую шаль, кот<орой> я прикрывала мое тогдашнее рубище («лохмотья сиротства») — см. фотографию

Наппельбаума в 1921 г. Магом<етанские> четки — освящ<енные> в Мекке.

4. Московский Кремль, с кот<орым> я, по правде сказать, не знала, что делать. **(Это какое-то бытовое хамство — так «интеллигентно» язвят друг друга не сжившиеся товарки по комнате в санатории.)**

5. Переписала своей рукой «Поэму воздуха» (в 1941 г.) и щедро посвящала стихи. **Ну вот это действительно полное ничто, и такое — дарить! «Переписала своей рукой» — единица глумления.**

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 156–157

Анна Ахматова — о поэзии Марины Цветаевой.

«У ранней Цветаевой безвкусица во многом. А сумела стать большим поэтом».

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 589.

«Входила в моду» когда еще! Вот и Анне Ахматовой уж неприлично не признать.

Даже перед мертвой Ахматовой дочь Цветаевой хочет выровнять мать:

«Это не безвкусица. Это — «с этой безмерностью в мире мер».

У ранней Цветаевой — безмерность в мире непознанных по юности мер. У ранней Ахматовой — безвкусица во всем.

«Помню, что она спросила меня: «Как вы могли написать: «Отними и ребенка, и друга…» Разве вы не знаете, что в стихах все сбывается?» Я: «А как вы могли написать поэму «Молодец»?» Она: «Но ведь это я не о себе!» Я хотела было сказать: «А разве вы не знаете, что в стихах — все о себе?» — но не сказала».

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 588.

Да и то — что метать бисер перед свиньями.

«Марина Цветаева много обо мне думала. Наверное, я ей очень мешала».

Эдуард БАБАЕВ. «На улице Жуковской…» Стр. 411

Я много думаю о Пушкине. Он мне — не мешает.

Не «по-сестрински» это как-то все.

Но длительная разлука усыпляет злопамятство и пробуждает дружбу.

Марсель ПРУСТ. Обретенное время

Это только если память короткая. Для той, что помнит

все, памяти зла не кончить.

«Страшно подумать, как бы описала эти встречи сама Марина, если бы она осталась жива, а я бы умерла 31 августа 41 г. Это была бы «благоуханная легенда», как говорили наши деды. Может быть, это было бы причитание по 25-летней любви, которая оказалась напрасной, но во всяком случае это было бы великолепно».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 449

Какое зубоскальство — сейчас, когда Ахматова вернулась такой королевой, но — уже навсегда зависть не дает ей дышать.

Марина не «умерла», а совершила самоубийство. Это значит, что союз «если» здесь совершенно неуместен — ее смерть зависела не от «если», а только от нее самой.

Вирусы того, что я называю «ревностью», ощущались скорее в интонации упоминаний Анны Андреевны о Цветаевой, чем в сути ее слов. Они присутствовали также и в повышенном интересе к оценкам поэзии Цветаевой, которые исходили от собеседников Ахматовой. <…>

Запомнились и некоторые подробности из рассказов о <…> встречах <…> в предвоенной Москве.

«Марина <…> была уже седая. От прежней привлекательности (хороший цвет лица) в ней уже ничего не осталось. Она была demodé («старомодная» — это французское прилагательное, несомненно, было произнесено — Д. М.). Она напоминала московских символистских дам девятисотых годов (запись 15 августа 1959 г.).

Поскольку эта характеристика относилась не только к впечатлениям о внешности Цветаевой, но затрагивала и саму Марину Ивановну, мне показалась она несколько пристрастной. Может быть, подумал я (простите за мой не совсем хороший домысел!), на этот отзыв повлияло то, что Цветаева не скрыла от Анны Андреевны, что не одобряет «Поэмы без героя» и ее стихов последних десятилетий <…>.

Д. МАКСИМОВ. Об Анне Ахматовой, какой помню. Стр. 122–123

Более точный перевод demodé — не «старомодная», а — «вышедшая из моды» — такой ей запомнилась стоящая на

пороге смерти «сестра».

Ахматова же, напротив, вновь входила в моду. Сейчас настанет война, и к Ахматовой придет ее вторая слава.

Погибнут Цветаева и ее сын Мур. За год до гибели в Ташкенте судьба сведет его с Ахматовой. О замученном мальчике, сыне убитых родителей — в следующей главе, а о пьяной бабе, валяющейся на кровати в чужих нарядах и «пользующейся» своей славой, вы уже прочитали в главе «Я была с моим народом».

ПРОСТО ВОЗЬМИТЕ ЕГО В СЫНОВЬЯ

Я люблю Бродского и верю, что, кроме профессионального цинизма, приветствующего капитализацию брэнда (речь о марке «Анна Ахматова») любой ценой, у него было признание СЛОВА главным в этой жизни. Для поэта: какое сказал слово — так и жил. Тогда простим Анне Ахматовой то, что она ненавидела брата и предала сестру — простим ради величия ее строк?

Но кажется, и величия ахматовских строк Бродский не признавал.

Что же остается?

В общем, глава о Муре, сыне Цветаевой, об участии в его судьбе, вернее — о неучастии (для ясности скажу — о преступном неучастии) в ней Анны Ахматовой.

> Умоляю вас взять Мура к себе <…> — ПРОСТО ВЗЯТЬ ЕГО В СЫНОВЬЯ — и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. У меня в сумке 450 р….
>
> *Предсмертная записка Марины Цветаевой.*

Георгий ЭФРОН. Дневник. 1943 год. Стр. 7

…Мур попал в эвакуацию в Ташкент. Он уже круглый сирота, сестра и тетка в лагере.

Георгий Эфрон, или Мур, сын Марины Цветаевой, ему тогда исполнилось шестнадцать. <…> Мур написал статью о современной французской поэзии. <…> Мур зарабатывал на хлеб тем, что писал плакаты и стихи для Телеграфного агентства (УзТАГ). <…> И ни на что не жаловался. Рубашки у него всегда были свежие, башмаки начищены до блеска. Он жил вполне самостоятельно. <…> Беллетристики он не признавал, говорил, что это пустая трата времени. <…> Он отдавал предпочтение истории и философии. Именно от Мура я впервые услышал о евразийстве, нечто вроде того, что развивал потом в своих книгах Л. Н. Гумилев. <…> Для меня все это было новым и неожиданным.

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 145–147

Ни слова не говорил об отце. И не любил, чтобы ему

высказывали сочувствие. Какая-то литературная дама, недавно появившаяся в эвакуации, бросилась к нему с расспросами о Марине Ивановне и с объятиями, но Мур холодно отстранил ее и сказал: «Марина Ивановна повесилась! Разве вы не знаете?» Литературная дама чуть не упала в обморок и потом всюду называла Мура «бесчувственным».

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 146

Привилегированный дом, «лауреатник», где в эвакуации жила Ахматова:

Мур <…> говорил, что <…> в просторечии называется «лепрозорием». И рассказывал невероятные истории из жизни «неприкасаемых». «Вот, например, — говорил Мур, — Анна Ахматова написала стихи о своей «вольности» и «забаве». А Сергей Митрофанович Городецкий говорит: «Кто это пишет? Анна Ахматова? Моя недоучка…» А ты говоришь: «Олимп», — смеялся Мур.

<…> В Ташкенте были напечатаны «Думы» Сергея Городецкого с подзаголовком: «Семнадцатая книга стихов». Я принес этот сборник Анне Андреевне. «Семнадцатая книга стихов… Много я дам тому, кто вспомнит, как называлась шестнадцатая!» <…> Когда я рассказал об этом Муру, он хохотал от всей души и привел слова Мандельштама из «Шума времени»: «Литературная злость! Если бы не ты, с чем бы я стал есть земную соль!» <…>

Я, слушая Мура, учился понимать Марину Цветаеву. Она присутствовала в нем в гораздо большей степени, чем можно было предположить. И вся его судьба предсказана ее стихами.

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 148–149

Пастернак — жене.

«Позаботься о ее мальчике, узнай, где он и что с ним».

Борис ПАСТЕРНАК. Письма З. Н. Пастернак. Стр. 180

Муру могло повезти — Ахматова была «в славе».

Марта 1942.

Письмо Г. С. Эфрона — С. Д. Гуревичу.

Она написала изумительную поэму; пользуется необыкновенным почетом и уважением, часто выступает, вообще «возродилась».

Слава богу, Ахматова иногда дает немного денег.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 70

Давала немного и недолго.

Ахматову всячески протежировал Ал. Толстой. Она через него начала действовать, чтобы меня включили в число «счастливцев» (посетителей столовой Писателей). Это было неимоверно, сказочно сложно.

Г. ЭФРОН. Письма. Стр. 38

На самом деле — для нее не так уж сказочно сложно.

Февраль 42.

В эти же дни выяснилось, что NN давно уже получила пропуск в магазин, то есть право НА ПАЕК; ее известили — и ОНА ПОЗАБЫЛА об этом чудовище… <…> Капуста, желе, вино, пшенная крупа, лапша.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 396

Мур бы не позабыл.
Но благодеяния уже кончились.

Через день в дневнике Чуковской цитата, скорее всего из Ахматовой о Муре: «Как страшно видеть голод на таком молодом лице». Комментарии Чуковской — Мур (Георгий Сергеевич Эфрон, 1925–1944), сын Марины Цветаевой. С конца ноября 1941 года жил в Ташкенте, один после гибели отца, матери и ареста сестры. **(Это тебе не дважды вдова.)** Мур учился в девятом классе, бедствовал и голодал.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 398

Ему было 16 лет. Это про него Ахматова назидательно напишет: видела лицо убийцы, когда он украл — от голода. Это с его матерью Ахматова в эти месяцы не перестает считаться славой — и про нее же кричит, заподозрив, что ей могут недодать неполагающихся, но несомненно обязательных к выплате ей, Ахматовой, благ: «Марину из меня хотят сделать! Не на такую напали!»

Я ушла в отчаяньи, <…> от постоянного ее желания провести параллель между своей судьбой и судьбой Цветаевой.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 349

Когда Цветаева вошла в моду, Анна Ахматова не постеснялась написать стихотворение «Нас четверо» — мол, они — едины, один уровень, одни почести: Мандельштам, Цветаева, Пастернак, Анна Ахматова. Феномен «Краткого курса истории партии» ей кажется очень эффективным:

определяются основные линии, записываются — и все, никаких разночтений больше не допускается. Она выпустила такой манифест сама: «Нас четверо». Пиетет русских перед печатным словом да перед великим словом Ахматовой — велик. Поверили сами и за границы весть понесли: их — четверо. Были близки между собой и по-человечески, житейски. Кроме Цветаевой и Ахматовой, конечно: Маринина привязанность к Ахматовой совершенно фантастична, правда, не связана с реальностью (от реальности она с отвращением отвернулась), а Ахматова, так та с самого начала завидовала и ненавидела. Дело понятное.

В «четверке» были дети. У Мандельштамов — нет, у Пастернака — под надежной опекой жены, Лев Гумилев и Аля Эфрон — в тюрьме, оставался один Мур. Судьба как нарочно свела их с Ахматовой в одном городе.

Хлеб, голод, жизнь и смерть — это то, чего не видит Ахматова. Такие слова она охотно включает в свои стихи, потому что это красиво и звучит значительно, а в самой жизни главное для нее — погремушки тщеславия.

Удача Ахматовой — встретить на главной улице Ташкента главного человека от литературы — Алексея Толстого — да еще при зрителях — двух оборванных мальчишках, один из которых был сыном Марины Цветаевой. Вот эта роскошная сцена в подробном изложении.

По случаю жаркой погоды он был одет в светлый костюм. И шел, опираясь на трость, попыхивая трубкой. На голове у него была легкая соломенная шляпа. <…> На Жуковскую вышла высокая и неторопливая женщина в длинном полотняном платье. <…> Мур потащил меня в сторону, мы издали смотрели на Алексея Толстого и Анну Ахматову, встретившихся под платаном. «Анна Андреевна!» — говорил Алексей Николаевич, снимая шляпу и целуя ее руку. — «Я вспоминала вас недавно, — сказала Анна Андреевна. — В Академии был литературный вечер. <…> Вы ведь академик…» Алексей Толстой расшаркался и помотал перед собой шляпой, как Меншиков в «Петре Первом». «И еще мне как-то не хватало Щеголева, — сказала Анна Андреевна. — Меня пригласили как пушкиниста», — добавила она сдержанно. Сдержанно, сдержанно! Алексей Николаевич увидел Мура и кивнул ему. <…> «Мы <…> могли встретиться в Академии. Должен признаться, что и мне как-то не хватает Щеголева. Он бывал так же, как и я, недальновиден и суетен. Но он был из тех людей, кто знает, что в русской тишине есть добродетель…» По

улице Жуковской тянулся караван верблюдов <…>. «Меня пригласили как пушкиниста, — повторила Анна Ахматова. — Но здесь выходит книжка моих стихотворений, которую составил Корнелий Зелинский». — «Ни слова больше! — воскликнул Алексей Николаевич! — <…> Представьте, он решил, что я должен стать директором Института мировой литературы» — «Вы все можете», — сказала Анна Андреевна. — «Да, — растерянно протянул Алексей Николаевич, — но управлять департаментом?»

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр 149–150

«Марину близко нельзя подпускать к Пушкину!» Но не только это она хотела показать всем этим спектаклем: еще и соломенную шляпу, и светлый летний костюм, и литературный вечер, и институт мировой литературы. До Марины ли Цветаевой в таких кругах?

Устав, мы присели возле арыка на травку и скоро мимо нас вместе с Муром прошла NN (А.А.), вся в белом, в парижской шляпе (Раневской), прекрасная, пышная.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 447

23.7.43.

Продал последние шерстяные кальсоны за 70 р., из которых получил 30, а остальные 40 р. будут в понедельник или во вторник. Купил два бублика и 1/2 кг яблок…

Георгий ЭФРОН. Дневник. 1943 год. Стр. 303

Каждому свое.

Пастернак простецки убивается, что не помог материально Цветаевой. Какая приземленность по сравнению с Анной Андреевной!

Борис Пастернак — жене.

Я всегда в глубине души знал, что живу тобой и детьми, а заботу о всех людях на свете — долг каждого, кто не животное — должен символизировать в лице Жени, Нины и Марины. Ах, зачем я от этого отступил!

Борис ПАСТЕРНАК. Письма З. Н. Пастернак. Стр. 180

Ахматова: «Марина умерла бы вторично, если бы увидела сейчас Мура. Желтый, худой… Чем помочь ему? Я и так отдаю ему весь хлеб».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941.

Стр. 455

Можно дать немного масла, орехов, варенья: посмотрите, что можно выбрать из ее разносолов в главе «Клинические голода». Продуктовый паек, например, о котором она просто забыла.

7 сентября 42.

Она живет припеваючи, ее все холят, она окружена почитателями и почитательницами, официально опекается и пользуется всеми льготами.

Письмо Г. Эфрона сестре А. Эфрон в лагерь в Коми АССР.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 78

«В течение июня месяца я находился в почти абсолютно голодном состоянии… Воля не выдержала: я продал несколько хозяйкиных вещей — рублей на 800 — тайно от нее, конечно. В начале июля, случайно, хозяйка заметила пропажи. **Значит, не предметы первой необходимости, не хлебные карточки — не «убийца» Мур все-таки.** — Заявление в милицию, повестка, арест, 28 часов под стражей с уголовниками, допрос, признание… Я дал обязательство хозяйке уплатить ей в течение 4-х месяцев 3000 р…Я уже зондировал ташкентские ресурсы, они равны нулю. Ахматова сидит без денег…

Г. Эфрон — сестре в лагерь.

Г. ЭФРОН. Письма. Стр. 50–51

Ахматова не сидела без денег. Когда Чуковская напомнила издателю о причитающемся Ахматовой гонораре, устроила ей разнос: как можно — Ахматова и какие-то презренные деньги!

Лимитные книжки, лимиты — так назывались в ту пору повышенные пайки, которые во время войны стали выдаваться ученым с высокими степенями и видным деятелям искусства. Получила «лимитную книжку» и Ахматова. И хотя это было самой элементарной справедливостью, что Ахматову избавили от тяжкой военной нужды и лишений, сама Ахматова не могла спокойно пользоваться причитавшимися ей благами. Она была полна сострадания, и обостренная совесть не оставляла ее в покое.

В. Г. АДМОНИ. Знакомство и дружба. Стр. 342

Было время, когда она мне помогала; это время кончилось. Однажды она себя проявила мелочной, и эта мелочь испортила

все предыдущее; итак, мы квиты — никто никому ничего не должен. Она мне разонравилась, я — ей.

Г. Эфрон — сестре в лагерь.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 78

Дорогие товарищи!
Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто может…

Предсмертная записка Марины Цветаевой.

Анна САКЯНЦ. Марина Цветаева. Стр. 759

Обращение Марины Цветаевой было не к Ахматовой. Та ей ничего не была должна. А составлять пары «по росту», как в кадрили, как в водевиле, как всю жизнь масть к масти складывала свои связи Ахматова (любить — так Блока, в компаньонки для бегства из Ленинграда брать — так Берггольц, предложение — так от Пастернака, читать всю жизнь — так Данте, посвящать стихотворения — так соответствующим, только по статусу соответствующим, вроде Вишневской) — право, Марине Ивановне было не до водевилей.

Основной инстинкт: человек любит тех, кого облагодетельствовал, и ненавидит того, кого погубил.

Иосиф Бродский (а Марина Цветаева была его любимым поэтом и обстоятельства ее жизни он знал) написал об Ахматовой: «Прощенья и любви» — будто бы это то, чему она научила его.

Почему же сама Ахматова не простила Мура за то, что она его погубила и ненавидела?

До конца жизни не простила и не повинилась.

Брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Вся эта глава — к ее стихотворению, о том, как она предала Мура — за свою «сестру».

Последние военные стихи Ахматовой — просто слабы. Ахматова остановилась раз и навсегда на одной эпохе; она умерла — и умерла более глубоко, чем мама. И обожают-то ее именно как реликвию, как курьез.

Г. Эфрон — сестре в лагерь.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 78

«Я знала сына Марины. Это был красивый юноша, синеглазый, с отличным цветом лица, но обычный парижский панельный мальчишка. Это он погубил Марину. Она его страшно любила, а к дочери была равнодушна, хотя та, видит Бог, порядочная женщина».

Дмитрий БОБЫШЕВ. Я здесь. Стр. 317

Это та дочь, которая написала об «урезанной» книге Ахматовой: «Но ведь и Венеру Милосскую мы знаем без рук». Внеся такой вступительный взнос, можно быть причисленной к непанельным женщинам.

«Панельный мальчишка» — это несомненно ее слово — «панельные девки», «панельные девки с Лиговки» — она может совершенно безнаказанно называть его так, ее некому остановить. Она не дожила до выхода двухтомника его дневников, она была уверена, что он уйдет в «предназначенную ему неизвестность».

Вчера вечером у нее долго сидел Мур. Они говорили о французских поэтах, забрасывая друг друга цитатами.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 456

Таковы «обычные панельные мальчишки» в Париже? Таковы «Великие души» в России?

Если бы она губила его в пылу борьбы с Цветаевой, не замечая, кто жив и кто умер, и только потом, опомнившись, покаялась! Тогда ее можно было бы простить.

А так — она упорствовала до последнего. В шестидесятых годах рассказывала Бобышеву о панельном мальчишке — зная, что он погиб, что он погиб сиротой, что у него никого не было и что он не был обычным панельным мальчишкой.

…слова
Прощенья и любви…

…Она убила его как собственными руками. Она не убила никого из блокадников — хотя если бы она все-таки полетела на свидание к Гаршину в разгар блокады — то тогда убила бы по счету ровно своего раскормленного веса, поделенного на вес голодного пайка. От этого ее Господь уберег. И если б Муру она не дала есть от своего «лимита» только по жадности

— ну такой уж склад характера, — она тоже не убила бы его напрямую. Но она была щедра, вернее, не стяжательна, она действительно раздавала что-то из еды, не считая — соседям, детям. Она не дала ТОЛЬКО Муру — потому что не могла простить Марине Цветаевой ее предсмертной славы и того, что ей не нравилась ее «ПОЭМА». За ЭТО не дала. Именно ему не дала. Вот он и погиб в 19 лет. Украл на 800 рублей у квартирной хозяйки, помешавшись от голода. Был арестован… это она его убила.

Первым повестку получил Мур. Он был очень взволнован. Ему казалось, что начинается, может быть, лучшая часть его жизни. Он хотел быть офицером, надеялся поступить в военное училище. «По русским традициям, — говорил он, — кровь, пролитая в боях за отечество, снимает бесчестие с имени!» <…> Нет, конечно же, ему так прямо не сказали, что он сын «врага народа» и потому не заслуживает чести быть призванным в действующую армию. Но заявление о приеме в военное училище не приняли. «Мы тут посовещались, — сказал военком, — и решили, что для вас же лучше будет, если мы зачислим вас в трудармию». Зачисленный в трудармию, Мур попал бы на строительство канала в пустыню, в глухие места, откуда редко кто возвращался <…> Он призывался в Москве, был отправлен на фронт и там погиб.

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 152

«Да, что-то ужасное с ним случилось под Сталинградом. Я говорю «что-то», потому что он был расстрелян, но не знаю — у нас или у немцев…» Заговорили о Гумилеве. «Это — непрочитанный поэт. Поэт, которого еще предстоит открыть России. <…> Я знаю, например, бешенного почитателя Гумилева…»

Дмитрий БОБЫШЕВ. Я здесь. Стр. 317

Где расстрелян, кем — какая разница, действительно. Кто — лагерная пыль…

Поговорим о Гумилеве. Бешеные почитатели…

На этом можно бы было и закончить, но вот просто попалось под руки еще одно свидетельство (тоже речь об армии, чести, статусе) великой души Ахматовой.

Аня Каминская, названая внучка Ахматовой.
26 января 1963.

У нее Аничка, внезапно приехавшая из Ленинграда. Анна Андреевна в кресле, Аничка у ее ног на скамеечке. Маленькая, миленькая, хорошенькая, непонятненькая. Приехала в Москву хлопотать о муже. Он в армии, где-то далеко, на севере. Аня хочет, чтобы его перевели поближе, в Ленинградскую область. Анна Андреевна согласилась написать письмо маршалу Коневу, чья дочка, знакомая знакомых, обещала передать послание Ахматовой из рук в руки отцу.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 20

Est-ce que ce n’est pas immoral?

Разве это не безнравственно?

«ЛУЧШЕЕ ВО МНЕ»

Силой своей личности Ахматова оказывала влияние на людей. А в соответствии с качеством этой личности это влияние было — развращающим. (Для тех, кто видел только показное, ахматовский message казался возвышающим. Для слабых, не-внимательных она была великой. Не будем их обижать и скажем, что многие воспринимают ее формально, как Новый год, не вдаваясь в астрономическое резонерство — просто воспринимают ее как «назначенную великой».)

Надежда Яковлевна Мандельштам, как ведьма, до конца дней горела неистовым злым огнем любви к жизни, вовлеченности в нее. Вполне юношеское, самозабвенное тщеславие, фаустовский вызов толкнул ее к Ахматовой во время войны. Та была в огромной славе, которой Мандельштам не видела для себя, ей хотелось крикнуть на весь мир: «Ахматова — моя подруга. Мы с ней сестры, мы с ней равны через Осипа!» Она почему-то рассчитала, что Анна Ахматова сочтет себе за козырь близость с вдовой Мандельштама. Расчет был неверен. Ахматова, конечно, Надежду Яковлевну отвергла. Живая собака лучше мертвого льва. Слава Раневской с ее орденами и «Муля, не нервируй меня» были для Ахматовой не в пример весомее.

Среди свиты Анны Ахматовой в Ташкенте Надежда Яковлевна хотела быть даже не первой — равной! — но была отставлена очень далеко. На блатном жаргоне это называется — опущена. Кастовость — посторонних нельзя пускать, они слишком страшны («черная от голода уборщица» и пр.), полное государственное довольствие (не без дефицитов, конечно, но более крупному жемчугу при любом распределении можно позавидовать), полная праздность («договорился, чтобы не трепали Анну Андреевну по выступлениям»), отсутствие мужчин (нет, элитные мужчины все были в сохранности, всех их перевезли сюда в эвакуацию — но тем-то и будоражила эпоха: в воздухе было разлито предчувствие, что мужчин может не стать). Это все — совершено лагерная атмосфера, блатная среда. Отсюда разнузданность королевы и ее фаворитки (непризнанной, увы) — Надежды Яковлевны.

Эта глава — про то, какие низкие социальные инстинкты (на том уровне, на котором социальна стая шакалов) могла поднять со дна человеческой личности Анна Ахматова.

Н. Я. Мандельштам тоже попала во время войны в Ташкент. Ахматова переживала вторую славу и возобновить знакомство, и уж тем более дружбу с Надеждой Яковлевной не поторопилась.

Обо мне почти сразу Харджиев и Герштейн сообщили Ахматовой, что я «опровинциалилась» и стала «учительницей», чего и всегда следовало ожидать. (Провинциальные учительницы были гораздо больше похожи на людей, чем мои блестящие москвичи.) Ахматова не захотела выдавать «доносчика», да я и не настаивала, потому что случай типический. От семьи ссыльного отказываться неудобно — лучшие среди нас искали для своего отказа приличный предлог. Чаще всего объясняли свое отступление тем, что им стало неинтересно с загнанным, потому что он поблек, стал другим…

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 377

Житейская проблемность Надежды Яковлевны была для Ахматовой отвратительна, как вид раздавленной кошки.

И никакого ореола Мандельштама она над ней не чувствовала. Мандельштама уже не существовало. Он был мертв, как мертва Марина Цветаева. Маленький мальчик Мур увидел совершенно обратное — но на то они и дети, чтобы указывать на платье голого короля и видеть суть вещей, а Анна Андреевна была развратной женщиной, живущей в перевернутом мире условностей, она знала, что сейчас — время Алексея Толстого в лиловой атласной рубашке a la russe и Тимоши Пешковой в кожаных галифе — и это время никогда уже не кончится.

Надежде Мандельштам милостиво разрешили быть рядом, и она пережила это время своего падения, оставив жалкие и гадкие его летописи — письма к Кузину. Вряд ли она искупила их томами своей «Второй книги». Сравните сами насквозь фальшивый, яростный, весь на публику мелодраматичный пафос этих писем с роскошной, но запятнанной свободой злословия, когда она разрешила себе быть собой во «Второй книге».

Она требовала от Кузина, чтобы он уничтожил ее письма к нему.

«Я не хочу, чтобы после моей смерти гадали, были вы моим любовником или нет. Я не хочу, чтобы после моей смерти обо мне вообще могли что-нибудь сказать».

Н. И. КРАЙНЕВА, Е. А. ПЕРЕЖОГИНА. Б. С. Кузин. Стр. 516

Как для человека, написавшего объемистые воспоминания, почти не упоминая адресата сохранившихся

192 писем, заявление, которому все-таки не обязательно верить буквально. Во всяком случае — скрыть она хотела не простительные женские ожидания, а — проигранную битву с Ахматовой.

Кузин же вполне резонно считал полученные письма своей собственностью и категорически отказывался выполнять требования Надежды Яковлевны. Благодаря этому «неджентльменскому» поступку мы имеем возможность опубликовать письма, хотя решаемся на это не без чувства неловкости как перед автором, так и перед адресатом.

Н. И. КРАЙНЕВА, Е. А. ПЕРЕЖОГИНА. Б. С. Кузин. Стр. 516

Письма 1942–1944 годов Н. Я. Мандельштам — Борису Кузину из Ташкента.

Анна Андреевна говорила, что боялась думать о моем приезде, так хотела его.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 77

Анна Андреевна — неузнаваема — так молода и хороша. Много стихов. Скоро выйдет книга. Стихи горькие и прекрасные.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 76

Она начинает хвалиться ею и своей близостью к ней.

Анна здесь и я опять ее горячо люблю. У нее много стихов; они широко печатаются. Это она вытянула меня сюда.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 77

А то она не знает — что не она.

В эйфории тылового разврата хмель ударил Надежде Яковлевне в голову: «Мы с Анькой, стервой, будем как одно! Мы! Она… Страшно за нее…» и т. д. Кончилось (не начинаясь) известно чем — Анна Андреевна в который раз равнодушно отвернулась. Николай Васильевич Гоголь оценил бы стилизацию.

Горе у меня: больна Анна Андреевна. Думают — брюшняк. Все свободные минуты я у нее. И сейчас к ней иду дежурить ночью.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 77

Страх за нее — это почти основное содержание моей жизни.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 93

Она хочет после Мандельштама иметь следующим мужем

Ахматову, но уже распорядиться им (ею) с умом.

Ночь за ночью я проводила у нее, буквально дрожа от страха. Этот проклятый попетач принимали за брюшняк. Ее чуть не уволокли в инфекционное отделение и едва не обрили.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 77

Больше всего я боюсь ее отношения к жизни: она уверена, что умрет. А это очень страшно.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 80

Потом, правда, Ахматову перевели в правительственную больницу…

Сейчас она в больнице — в лучших по Ташкенту условиях. Койка правительственная в инфекционном бараке. Одна в палате. Кормят хорошо. У нее здесь завелась достаточно противная подруга — киноактриса Раневская. Ей носят все, чего ей не хватает. Меня она просила воздержаться от посещений — и я пока выдерживаю характер и не хожу.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 80

Совершенно лагерный характер отношений — ревность.

Просила не навещать ее, как мы помним — потому что боялась показать номенклатурным соседям «городскую сумасшедшую».

Анна Андреевна в больнице. Как я вам писала, я туда не хожу. Очевидно, так нужно, но это ужасно.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 80

Н.Я. написала записочку — «Ануш! Очень хочу Вас видеть»… — но ответа не последовало, ни письменного, ни устного. Очень, очень NN бережет А.А. И это мне неприятно.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 504

NN — это так Чуковская зашифровала Ахматову. Мол, бережет сама себя.

После больницы Надежду Яковлевну снова приблизили.

Что до Анны — она оправилась от брюшняка, сейчас в больнице санаторного типа. Второй раз за полугодие. Плохо с сердцем. Вокруг каша. Какие-то мелодрамы. Завелась новая подруга — Ф. Г. Раневская. Роль — интриганка. Ссорит со всеми. Зато стихи — чудные. Таких еще не было. Недавно было письмо

от Левы. Первое за всю войну. Муж Анны Андреевны — он врач-профессор — в Ленинграде. Она тоскует.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 81

Надежда Яковлевна слишком хорошо знает, кто муж и кто не муж. Но пишет письма так, будто они через лагерную цензуру проходят и цензор — сама Анна Андреевна.

1943 год.

С А.А. отношения налаживаются не очень хорошо. Она сильно изменилась. Выступило чужое — дамское, я бы сказала. Впрочем, внешне все безоблачно и прелестно. А на деле орех с червоточинкой. **Добавляет — все-таки себя-то хочется любить:** Она бы очень удивилась, если б узнала, что я так говорю. Ей-то кажется, что все хорошо.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 82

«Ей» это абсолютно все равно.

С тифом кончено. Она его выдержала. Я жаловалась вам главным образом на баб, которые ее обсели со всех сторон и чешут ей пятки, что она очень любит. Создается дурацкая и фальшивая атмосфера, а во время болезни — прямой кавардак. Я с ней после болезни даже поругивалась.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 82

Как было страшно, когда Анна Андреевна болела тифом. И сейчас страшно, хотя она цветет, хорошеет и совершенно бесстыдно молодеет.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 83

Письмо Н. А. Вишневской.

Анну Андреевну вижу довольно часто. Забегаю к ней. Она сильно похудела после болезни, но все так же удивительно хороша. Привязалась я к ней ужасно.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 83

Мне хорошо с Анной Андреевной. В каждую свободную минутку — я у нее. Она становится светлее, яснее, моложе и красивей с каждым днем.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 84

Живет в маленькой своей комнатке с одной молоденькой журналисткой.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 83

Вокруг нее атмосфера неприятная. Держусь в стороне. Стараюсь приходить, когда нет обожательниц.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 83

Анна должна скоро переменить комнату. Я счастлива, когда я с ней.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 85

Живу на две семьи — Женя с мамой и Анна Андреевна.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 88

У Анны Андреевны снабжение, на которое мы обе живем, да еще подкармливаем всех, кто к нам заходит.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 93

Я работаю, хозяйничаю и по ночам болтаю с Анной Андреевной. Она иначе вас не называет, как «наш общий муж».

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 89

Дорогой Николай Иванович, с визгом и восторгом прочла вашу открытку и плясала вместе с Анной Андреевной. Мы вас часто вспоминаем, и вообще более преданных подружек, чем мы с ней, не бывает на свете. Нам хорошо вместе.

Н. Я. Мандельштам — Н. И. Харджиеву.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 87

А.А. ушла с Раневской гулять. Сижу на втором этаже в Аниной скворешне. У нее живу.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 89

Пустили, она рада. Бросается на чужих.

Раневская сначала меня раздражала. Сейчас нет. Она — забавная.

Остается слонообразная дочь Корнея Чуковского. Это омерзительное семейство меня сильно раздражает, главным образом за то, что очень высоко держит знамя русской литературы, чести, доблести и пр., а при этом… Ну ее к черту. Анька моя до того озорная, что ее невозможно вынести. Очень скверная 54-летняя девчонка. Красива. Весела. Молода.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 90–91

(На всякий случай сообщу далеким от биографических

штудий читателям, что против чести, доблести и высоты держания знамени русской литературы Корней Иванович не погрешил. Ну, не был светским, богемным, слишком талантливым. Читайте спокойно детям про Доктора Айболита и пр. — и не берите в голову. Он, кстати, в отличие от многих шикарных ташкентских сидельцев, вхожих в ахматовское окружение, был безоговорочно непризывного возраста, сыновья — на фронте (один погиб), полуслепая дочь работала не покладая рук, чтобы забыть о расстрелянном муже и пр. — то есть все в порядке. Так что если они были не под настроение Надежде Яковлевне с ее скверной озорной девчонкой — я читателя предупредила).

Она здорова, молода и счастлива. Живет хорошо, и харч у нее роскошный.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 82

Раневская снималась весь этот месяц в каком-то кинофильме. Вернулась она только вчера с гиком и криком. Боюсь гениальных актрис. И моя Аничка тоже.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 85

Неужели прямо-таки до ужаса Аничка боится?..

Я провожу с ней много времени — и все норовлю с ней переспать — наши ночи в бабьей болтовне — прекрасны.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 78

Ахматова уехала в Ленинград и в очередной раз отреклась от Надежды Яковлевны. Та делает последние попытки — и все. По счастью, хотя бы писем таких больше нет. Есть — «Вторая книга».

Теперь об АА. За нее порукой двадцатилетняя верность. Глубокая, большая дружба. Доказанная. Что она не пишет писем — это ее свойство. Отношений пересматривать я из-за этого не собираюсь. Она больна. **(Точка)** Лежит. **(Точка)** Сердце. **(Точка)** Одна. **(Точка).**

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 105

Закончим на натужной фамильярности.

Трудно без А. А. Грустно, и — стерва — не пишет.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. Стр. 99

И не напишет — ей.

Напишет, ознакомившись с котировками на западном

рынке литературного имени Мандельштама, — западным читателям:

Жена Осипа Эмильевича Надежда Яковлевна до сих пор мой ближайший друг. Лучшее, что есть во мне.

Анна Ахматова.

Осип и Надежда МАНДЕЛЬШТАМЫ в рассказах современников. Стр. 187

ЗАВИСТНИЦА

Эту книгу всю можно было назвать: «Завистница».
Единица зависти — «один Пастернак».

Ахматова считала Пастернака удачником по природе и во всем — даже в неудачах.

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. Стр. 139

Завистник завидует всему, даже неудачам. «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее».

Как не позавидовать неубившим неудачам Пастернака?

Завистник — это тот, кто поможет тебе в неудаче, но не переживет твоего успеха. Большинство людей теряет друзей, добиваясь успеха, особенно громкого. Бизнесом Ахматовой были страдания — какую биографию делают и пр. Поэтому она могла перенести безмятежную славу Пастернака, но славу страдальца — нет. Гонения — когда тут тебе и мировая шумиха, и шведский король, и бельгийская королева, и исключения, и Нобелевская премия — это уж слишком. Поэтому она и рассорилась с ним под конец жизни.

Вот Марина Цветаева — та страдала как-то вполне натурально, не по правилам мелодраматического искусства, без единственно трогающего Ахматову антуража внешнего успеха — потому-то она и прощала ее. В этом не было ни красоты, ни величия, Ахматова была так уверена в падкости людей на ее клубничку, что не верила, что кто-то всерьез будет любить Цветаеву — клевала ее без особого «гнева».

«Нас — четверо». Она пишет такое стихотворение, когда уже никого нет в живых, кто бы мог недоуменно поднять брови. Пастернак, по своей восторженности, не стал бы этого делать, если б и увидел.

Анну Ахматову он не знал, не любил, не ценил как поэта.

Она обедала в Переделкине у Бориса Леонидовича. И опять между ними черная кошка: Анна Андреевна обиделась на Бориса Леонидовича.

Мельком, в придаточном предложении, он у нее осведомился: «У вас ведь есть, кажется, такая книга — «Вечер»?» — «А если бы я у него спросила: у вас ведь есть, кажется, такая книга — «Поверх барьеров»? Он раззнакомился бы со мной, перестал кланяться на улице, уверяю вас…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962.

Стр. 234

«Никогда ничего не читал моего, кроме «Лотовой жены».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 182

На самом деле было хуже: написав статью о русской поэзии, он для Ахматовой вообще не нашел места, кроме нескольких сбивчивых строчек. То есть что-то все-таки читал, другое дело, что — не произвело нужного впечатления. Писал о Марине Цветаевой — с восторгом.

На днях она послала Борису Леонидовичу свою книжку с надписью: «Борису Пастернаку — Анна Ахматова».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 355

На этот раз не «первому поэту» — раз он не понимает, что авансы надо отдавать. Да и уже не заставить себя: одно дело назвать его первым и прослыть великодушной провидицей — а уж первый он там или нет, это еще надо посмотреть, а другое — вслед за всеми смиренно подтвердить: первый — он. Она не согласна!

Правда, как всегда, она просчитывает все варианты и, конечно, понимая его истинное значение, пишет с величественной лаконичностью, ставя себя — на равных.

А Пастернак — добрый, восторженный.

Письмо Пастернака — АА.

Дорогая Анна Андреевна! Давно мысленно пишу вам это письмо, давно поздравляю вас с вашим великим торжеством, о котором все кругом говорят вот уже второй месяц. На днях у меня был Андрей Платонов, рассказавший, что драки за распроданное издание продолжаются и цена на подержанный экземпляр дошла до полутораста рублей. **(Это единственное упоминание о Платонове в ахматоведении. Да и Пастернак хотел придать весу, не зная, что Платонов для Ахматовой — никто.)** Неудивительно, что, едва показавшись, вы опять победили. Поразительно, что в период тупого оспаривания всего на свете ваша победа так полна и неопровержима.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 46

Прочла наизусть телеграмму, которую послала Борису Леонидовичу по случаю его семидесятилетия. «В этот день

примите уверения», — как-то так. «Очень уж официально», — сказала я. «Лучше пусть официально, чем тот бред, который он прислал мне. «Родной волшебнице».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 372

А просто так, не по сравнению с бредом или не с бредом, от души — она его поздравить не может.

Она не оставила ничьего литературного портрета, ничего не сказала ни о Модильяни (повествовательные достоинства — как у арабского рисунка — ни людей, ни птиц), ни о Блоке, ни о Пастернаке — будто она их и не видела. Ее интересовало только то, как ОНА выглядит на фоне их.

Юноша Эдуард Бабаев записал то, о чем говорил ему Пастернак при почти случайной встрече — на литературно-философские темы, — на восьми убористых страницах. А записывая разговоры Ахматовой — это какие она держала паузы, как величаво поводила рукой, как царственно кивала, произносила mot, как говорила, что собирается писать книгу, читала «А, ты думал, я тоже такая…», гневалась… Разоблачала…

Ахматовой представлялось, что в жизни Пастернак был заворожен своим Я и его сферой. Она считала, что Пастернак мало интересуется «чужим», в частности ее поздней поэзией. Она говорила об этом с некоторым раздражением. Как-то, вернувшись из Москвы вскоре после присуждения Пастернаку Нобелевской премии, Ахматова резюмировала в разговоре со мной свои впечатления от встречи с поэтом: «Знаменит, богат, красив». Все это соответствовало истине. Но истина в таком определении выглядела неполной, какой-то недобро сдвинутой. Чего-то важного для определения жизни Пастернака тех лет в этой формуле и интонации, с которой она была произнесена, не хватало. Анна Андреевна могла бы найти и другие слова о Пастернаке — она знала о нем все, что для этого требовалось. Но эти слова не прозвучали — их заслонила какая-то тень.

Д. МАКСИМОВ. Об Анне Ахматовой, какой помню. Стр. 121–122

«Выглядит ослепительно: синий пиджак, белые брюки, густая седина, лицо тонкое, никаких отеков, и прекрасно сделанная челюсть. Написал 15 новых стихотворений. Прочел ли? Конечно, нет. Прошло то время, когда он прибегал ко мне с каждым новым четверостишием».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962.

А было такое время? Когда это?
Знаменит, богат, красив.

Бродский: Между прочим, Пастернак два раза предлагал Анне Андреевне брак.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 252

Ахматова говорила о предложениях от Пастернака (сама она называла цифру 3) после его смерти, так, чтобы слухи не могли дойти. Его супружеская жизнь была очень насыщенной. Любил он Зинаиду Николаевну: его письма — это нормальная пастернаковская поэзия, он писал бы так и Ахматовой. Если бы он полюбил Ахматову — ей тоже были бы письма. Она показывала бы их кому-нибудь, как показывала все свои любовные письма (кроме якобы некогда существовавших «очень хороших и длинных» писем Модильяни). Опубликовала бы при жизни Зинаиды Николаевны — посрамить, как Ольгу Высотскую, отомстить за все, что ей причинили Наталья Николаевна, Любовь Дмитриевна и даже графиня Толстая.

Но нет, она только сказала: «Пастернак делал мне предложение три раза». То есть даже без романчика — просто для симметрии: Ахматова и Пастернак — такой вот он был тщеславный простак. Ну, об этом уже было.

К счастью, Зинаиде Николаевне удалось на три месяца пережить Ахматову — а то, глядишь, Анна Андреевна бы и вспомнила, что противные красноармейцы раскурили на «козьи ножки» еще и Пастернака.

Может, завистливость — это какое-то физиологическое, врожденное свойство души, за которое нельзя осуждать, как за кривые ноги? Может, невозможно преодолеть себя, когда ты всегда была второй, а непоэтической Зинаиде Николаевне довелось выбирать между прекрасным и еще более восхитительным?

Вскоре по приезде в Москву он пришел к нам в Трубниковский. Он зашел в кабинет к Генриху Густавовичу, закрыл дверь и они долго беседовали. Когда он ушел, я увидела по лицу мужа, что что-то случилось. На рояле лежала рукопись двух баллад. Одна была посвящена мне, другая Нейгаузу. Оказалось, Борис Леонидович приходил сказать ему, что он полюбил меня и это чувство у него никогда не пройдет. Он еще не представлял себе, как это сложится в жизни, но он вряд ли

сможет без меня жить. Они оба сидели и плакали, оттого что очень любили друг друга и были дружны.

Зинаида ПАСТЕРНАК. Воспоминания. Стр. 267

Может, нужно Ахматовой простить ненависть к Зинаиде Николаевне за то, что Пастернака нельзя представить кричащим за столом, вокруг которого сидят его и ее — необщие — сыновья: «Масло только Жене!»?

Я бы и простила, если бы она сама не предала Левушку. Променяла — сначала на кусок масла, потом — на кусок славы. Моя точка зрения совпадает с позицией Льва Николаевича, а он, хоть и клеймим слишком многими как самый незаслуживающий доверия источник, но, хоть умри, действующее лицо. Боюсь, позиция его противников все-таки на один шаг дальше от места баталии.

Поступок же Зинаиды Николаевны был более животный и чистый. Она променяла живого Бориса Николаевича на мертвого сына — вернее, не смогла заставить себя сделать наоборот.

<…> После потрясшей меня смерти Адика мне казались близкие отношения кощунственными, и я не всегда могла выполнять обязанности жены. Я стала быстро стариться и <…> сдавала свои позиции жены и хозяйки.

Зинаида ПАСТЕРНАК. Воспоминания. Стр. 340

С точки зрения Ахматовой — жалкий обмен. Но торжествовать ей не довелось: Пастернак с Зинаидой Николаевной никогда не развелся.

«Брошенной женой Пастернака я не буду. Я буду только его вдовой».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 261

Хоть единожды, но законная вдова.

После исключения Пастернака из Союза писателей за «Доктора Живаго».

Затем она опять затеяла разговор о романе: опять объясняла, почему роман — неудача. «Борис провалился в себя. От того и роман плох, кроме пейзажей… оттого же в такое жестоко-трудное положение он поставил своих близких и своих товарищей». Быть может, она права. Мне больно было ощущать холод этой правоты.

Я молчала. И каких близких и каких товарищей он поставил в трудное положение? Лагерь сыновьям не грозит. Зинаида Николаевна уже давно далекая. Ольга? Ольгу мне не жаль. Собратья по перу? Половина членов Союза искренне ненавидит Пастернака за его независимость, треть равнодушна и совершенно не догадывается, кто он, а остальные, постигающие, те не ему должны предъявлять свой счет.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 323

Ахматова опального Пастернака не навестила. Чуковская приходила, он ее принял, провел с ней полдня, был благодарен.

Опять, опять она недовольна Борисом Леонидовичем. «Он совсем разучился вести себя. Я была на тридцатилетии Комы Иванова. Там и Борис с женой. На бумажке указано, что его место за столом рядом со мною. Нет. Сел на другое место. **Рядом с женой.** Полное неприличие. Это Комин праздник, а Борис говорил все время только о себе, о письмах, которые он получает. Ну можно ли так?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 261

Однако это не любовные письма, о получении которых рассказывает всем Ахматова. Это письма о настроениях и мыслях людей перед лицом ситуации с Пастернаком — знаковой для всех.

История с Пастернаком была гораздо ярче ее «Постановления». И ярче его судьба, заметнее талант, больше почета, серьезнее слава, больше дача, красивее жена. Ему самому звонит Сталин. Написал роман, напечатали на Западе, скандал. Исключение из СП, Нобелевская премия — Ахматова совершенно растеряна, говорит о своей маленькой книжке, составленной из старых стихов, походя поучает Чуковскую, что нечего переживать: подлость или нет не заступиться за Пастернака, надо думать об отце (что-то забеспокоилась о Корнее Ивановиче), называет подвигом то, что Чуковская навестила Пастернака, чего ни один писатель бы не сделал (она, Ахматова-то — уж точно), Чуковская плачет и уходит. Это на стр. 334 ее воспоминаний.

«Добрая старушка Москва изобрела, будто шведский король

прислал нашему правительству телеграмму с просьбой не отнимать у Пастернака «поместье Переделкино». Если это правда, то он не король, а хам: где он был, когда меня выселяли из Шереметьевского дома? — она даже порозовела от негодования. **Король не знал и не догадывался о существовании великого писателя Анны Андреевны Ахматовой. Она написала некоторое количество поэтических шлягеров и, умело воспользовавшись несколькими благоприятными моментами своей биографии, сделала себе определенное реноме утонченной, образованной и богемной аристократки — но таких интриг полно в мире, и шведскому королю не успеть во все вмешаться. Недоработка.**

Не сказал ни словечка! А ведь по сравнению с тем, что делали со мною и Зощенко, история Бориса — бой бабочек».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 341

Хам!

Ее, правда, не выселяло правительство из дома. Шереметьевский дом расселяло владевшее им ведомство, и Ахматовой давало на выбор квартиры. И с ней, и с Зощенко ничего особенного не сделали.

«А по сравнению с тем, что сделали с Мандельштамом или с Митей, история Ахматовой и Зощенко — бой бабочек», — подумала я. Конечно, ее мука с пастернаковской несравнима, потому что Лева был на каторге **(что ее, Анну Андреевну, не очень мучило)**, а сыновья Бориса Леонидовича, слава Богу, дома. И она была нищей **(это был ее выбор, она по доброй воле отказывалась от переводческой высокооплачиваемой работы, от которой богател Пастернак, правительство здесь ни при чем, после Постановления она не обеднела, Зощенко чувствовал себя на пороге богатства)**, а он богат. Но зачем, зачем ее тянет сравнивать — и гордиться.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 341

Потому что это ее натура.

Бродский: Ахматова чрезвычайно не одобряла амбиций Бориса Леонидовича. Не одобряла его желания, жажды «нобелевки». Ахматова судила Пастернака довольно строго.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 232

Она сама желала «нобелевки» буквально до беспамятства:

впадала в истерики и кричала, что хочет в монастырь.

Бродский: Да-да! И еще она любила цитировать — ну просто всем и вся — две строчки: «Молитесь на ночь, чтобы вам / Вдруг не проснуться знаменитым».

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 262

Очевидно, она действительно верила в силу молитв, если убеждала людей молиться об этом — ей чужая знаменитость была бы не по душевным силам — пережить. Ну а тем, кому славы — молись не молись — не видать, напоминала о своей: мол, она-то знает, какая это мука.

Слава на славу — так она представляет себе любую свою встречу (или, по-ахматовски, невстречу) — единоборство с Пастернаком.

Мы вошли во двор. Пусто. Ни цветов, ни деревьев, один огород. И в глубине — коричневая мрачная дача. Дом беды. Мы пошли по дорожке к дому. Анна Андреевна тяжело опиралась на мою руку. Трудно она стала двигаться. На крыльцо вышла какая-то женщина. Крикнула нам издали: «Никого дома нет» — «Передайте, что была Ахматова», — громко сказала Анна Андреевна, и мы пошли обратно.

У Анны Андреевны был вид утомленный, и она всю дорогу молчала. Только выходя из машины в ордынском дворе, сказала мне: «А вы поняли, я надеюсь, что Борис Леонидович и Зина были дома, когда мы пришли?» — Я мотнула головой с удивлением. — «Ну нельзя же быть такой простодушной! Оба дома, уверяю вас. Ну конечно же. И он и Зина. Просто не захотели принять нас».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 135

Любой юрист подтвердит, что такое доказательство — железное: его невозможно опровергнуть. Вот снова этот прием:

У А.А. был свой вариант (совсем непохожий) эпизода, рассказанного Пастернаком в его автобиографии. Излагала она его так: четырехлетний Пастернак как-то проснулся ночью и заплакал, ему было страшно. В ночной рубашке, босиком он побежал в соседнюю комнату. Там его мать играла на рояле, а рядом в кресле сидел старик с бородой и плакал. На другой день мальчику объяснили, что старик — это Лев Толстой. «Боренька знал, когда проснуться», — добавляла Анна Андреевна.

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. Стр. 139

Юристка присутствовать не могла, но рассказывает тоном свидетеля.

Обязательно надо отметить, что — «плакал».

Она-то сама пишет молодому мужчине, которого «ловила», что, мол, слушала какую-то пластинку (духовная музыка или что-то еще изысканное):

«При первых звуках — заплакала» — **но это другое дело. Это — разве сравнить с комичной неопрятной слезливостью «мусорного старика»!**

Вы ей верите? И что заплакала она, и что плакал Толстой, и что именно ее версия эпизода, случившаяся с Пастернаком в ранехоньком детстве, единственно верная?

В любом случае такие воспоминания она никому прощать не собирается. Марина Цветаева тоже получает от нее по заслугам за описание посещения царем церемонии открытия цветаевского музея (Ивана Цветаева — какая пошлость), называется провинциальной поповной. То ли дело как Ахматову мать посылала в детстве за арбузами, или Великий князь Владимир Александрович, который любовался ее беленькими ножками, когда она ребенком купалась в пруду (без свидетелей, разумеется)…

Она будет добивать до последнего.

«Мне рассказывал один приятель со слов докторши, что, когда мы с вами шли по двору, — помните? Зинаида Николаевна увидела нас из окна и ей предложила: «Хотите взглянуть? Вот Ахматова». Но навстречу к нам не вышла и в дом не пустила».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 410

Какие чисто пастернаковские совпадения — прямо «Доктор Живаго»! И докторша так близко знает этого человека, чтобы рассказать щепетильный эпизод. И он настолько близок к Ахматовой, что рискует его пересказать, и знает, как подобные вещи ей волнительны. А докторша, кстати, что в доме делала? Не в гости пришла, вероятно. Может, действительно в этот день было не до визитов?

Последняя болезнь Пастернака.

14 февраля 1958 г.

Встретила она меня с настойчивыми расспросами о Борисе Леонидовиче. Я доложила известия, вывезенные мною из

Переделкина: ездят по три профессора в день, а самые простые анализы не сделаны, и диагноза, собственно, нет. Боль лютая, он кричит так, что слышно в саду. Дед бился дней пять, писал и звонил в Союз, в Литфонд, пытаясь устроить Пастернака в хорошую больницу, в отдельную палату.

Вот каков был мой доклад Анне Андреевне. Не дослушав меня, она произнесла с нежданной суровостью: «Когда пишешь то, что написал Пастернак, не следует претендовать на отдельную палату в больнице ЦК партии». Это замечание, логически и даже нравственно будто бы совершенно обоснованное, сильно задело меня. Своей недобротой. Я бы на ее месте обрадовалась.

«Он и не претендует, — сказала я. — Корней Иванович говорит, со слов Зинаиды Николаевны, что Пастернак даже в Союз не велит обращаться… Ему больно, он кричит от боли, и все. Но те люди кругом, которые любят его (тут я слегка запнулась), вот они, действительно, претендуют. Им хочется, чтобы Пастернак лежал в самой лучшей больнице, какая только есть в Москве».

Я ждала взрыва на словах: «люди, которые любят». Но Анна Андреевна промолчала.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 276

Чуковская некстати еще и вспомнила:

В Ташкенте, заболев брюшным тифом, Анна Андреевна пришла в неистовую ярость — именно в ярость, другого слова не подберу — когда ей почудилось, привиделось, приснилось, будто один врач намерен отправить ее в обыкновенную больницу, и была очень довольна, когда, усилиями друзей, ее положили в тамошнюю «кремлевку», а потом, усилиями тех же друзей, в «кремлевский» санаторий для выздоравливающих.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 277

Заканчивает свои наблюдения Чуковская, как всегда, спохватившись, утонченнейшими умозаключениями о высочайшем благородстве Ахматовой. Право, если бы не знать, сколько всего она сделала для Анны Андреевны, можно было бы все-таки заподозрить, что она издевается втихомолку над ней.

Она любит Пастернака, гордится им **(своей близостью к нему, не им)**. Но в ней сталкиваются сейчас две тревоги: за его здоровье и о том, как он, великий поэт, перенесет грозу. С должным ли мужеством. Не уронит ли высокое звание поэта.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962.

Стр. 276

Но вот пытка чужой славой кончилась.

«Ему будет очень много написано стихов. Ему и о его похоронах».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 403

Ахматова ведь — провидица.

Она не приходила к нему на похороны, хотя была в Москве. (Незадолго до пастернаковской смерти она болела, не очень серьезно, уже выздоровела, да и могла бы приехать попрощаться вне официальной церемонии.) Венка тоже не прислала.

Я спросила: слышала ли она, что по случаю кончины Пастернака выразила свое соболезнование бельгийская королева.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 417

Лучше не спрашивать было — с больным-то сердцем Анны Андреевны.

«А к Зинаиде Николаевне с визитом я решила не ехать, — помолчав, ворчливо сказала Анна Андреевна. — Послала ей телеграмму, и хватит с нее. Она всегда меня терпеть не могла».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 410

«Какие прекрасные похороны», — говорила она о похоронах Пастернака, когда Рихтер, Юдина, Нейгауз, сменяя друг друга, играли на домашнем рояле… оттенок зависти к последней удаче удачника.

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. Стр. 139

Часть X
МУЗА И МАМОНА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Она никогда не была «советским писателем», она всегда была великим русским поэтом. Не случайно ее стихи вновь стали появляться в печати именно во время войны, когда на короткое время совпали интересы истинного патриотизма и «казенного».

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 128

Более казенных стихов, чем те, которые она писала во время войны, трудно себе представить. Примером неказенного патриотизма можно считать мусорный роман «Война и мир».

Никакой «seclusion after the tragic events» не было. Печатались стихи всюду и книги. Стала членом правления Дома искусств и Дома литераторов. Наоборот, я именно тогда и возникла (выступления, журналы, альманахи).

Анна Ахматова. ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 3

Рожденная революцией, одним словом.

11 сентября 1939.

Заявление: «В Президиум Ленинградского Отделения Союза советских писателей. Прошу принять меня в число членов Союза советских писателей. Анна Ахматова».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 36

Вот в какой союз она стремится.

Постановление ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций»: «Ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей. Объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый Союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 137

21 декабря 1940 года.

Избрано новое правление Ленинградского отделения Союза советских писателей.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 107

В состав правления вошла Ахматова.

Рассказывала с возмущением об открывшемся в Москве клубе Союза писателей, где происходят пьяные дебоши, и пьянство

вообще переходит всякие границы. Рассказала, что Есенин подрался с Пастернаком и оба ходят подвязанные, что А. Соболю выбили оба глаза (в буквальном смысле или не в буквальном, АА не знает).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 277

Все мы бражники здесь, блудницы…

22 марта 1922 года.

Видел мельком Ахматову. Подошла с сияющим лицом. «Поздравляю! Знаете, что в «Доме искусств»? — «Нет». — «Спросите у Замятина. Пусть он вам расскажет». Оказывается, из Совета изгнали Чудовского. А мне это все равно.

К. И. Чуковский. Дневник. 1901–1929. Стр. 198

Умер Сталин.

Вчера в Союзе состоялось траурное собрание. Против обыкновения зал наполнился за полчаса до срока. Анна Ахматова вошла, сохраняя обычную свою осанку, прошла вперед, заняла место в первых рядах.

Е. Шварц. Живу беспокойно…

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 92

О Толе она сказала: «Предстоит новый тур вальса: его не принимают в Групком. Попробую поговорить в Ленинграде с САМИМ Дудиным».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 266

«Толе» не дают статуса профессионального литератора. Это то, к чему он стремится и чего желает для него АА. Писать можно и в стол, а если он, и это вовсе не предосудительно, хочет для себя более почетного, особого места в обществе — по его уму и таланту — это тоже хорошо, но к чему ей-то такой накал борьбы, пафос и пр.?

О выступлении перед британскими студентами («Кто? Который?» — это в «Смерти чиновника») — зачем она участвовала во всей этой комедии, если не хотела быть советским писателем, иметь Комарово и пр.?

Позиция ее сейчас сильная, и она окружена большим вниманием и заботой.

Артур Лурье — Саломее Андрониковой.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 106

Я хорошо отдохнула. Была в Доме творчества в Комарове.

Очень хорошо. Спокойно. Немного скучно. Такая благородная скука.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 329

Не хватает только «ландо».

1946 год.

Анна Андреевна была выбрана в члены правления Ленинградского отделения Союза писателей, появлялась на официальных торжествах и на заседаниях секции поэтов **(думаю, чтобы насладиться эффектом)**.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 76

«И вообще, как у нас можно кого-нибудь, даже заслуживающего брань, бранить, если после вашей напечатанной статьи его больной теще не дадут путевку в Малеевку?» — пересказывает Ахматова слова знакомой.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 328

В привилегированном отделении, где лежала АА, простых смертных не было, только тещи и матери номенклатурных работников. Они читали в газетах про дело Синявского и Даниэля и громко его комментировали: «Вот так подонки!» — «Каково мне это слушать?» — жаловалась АА.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. Стр. 305

За соседство с матерями и тещами можно и послушать.

«В Ленинграде Союз Писателей не обращает на меня ровно никакого внимания. Я ни одной повестки не получаю, никогда, никуда, даже в университет марксизма-ленинизма. Со мной обращаются как с падалью — или, пожалуй, еще хуже — вы слышали, как в очередях говорят: «вас здесь не стояло»!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 73

В Одессе действительно так говорят. А нам для расширения семантического словаря: «падаль» — это те, кому не присылают повесток в университет марксизма-ленинизма.

Сурков любил ее как свою совесть. Он напечатал цикл ее верноподданнических стихов после Постановления и второго ареста сына — и он же искал ее одобрения своим стихам, говоря о себе: «Я — последний акмеист».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 250

Сейчас это называется бартер.

Ахматова была делегатом Второго съезда советских писателей.

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 57

19 декабря 1954 года.

Заехал было за Пастернаком — он не едет. «Кланяйтесь Анне Андреевне», — вот и все его отношение к съезду.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1930–1969. Стр. 218

27 января 1965 года.

Вы о перевыборе правления Ленинградского отделения Союза писателей знаете? Там было очень интересно. Выбрали новое правление. Теперь во главе будут стоять Дудин и Гранин. Выбрали меня в правление, причем третьей по порядку по числу голосов. Также, третьей по порядку выбрали меня в правление и в 1945 году.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 326

Третьей по порядку по числу голосов! Сразу за Дудиным и Граниным!

Анне Ахматовой осталось жить один год.

Это вам не поэт Василий Львович Пушкин.

Бедный дядя Василий! Знаешь ли его последние слова? Приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: «как скучны статьи Катенина!» и более ни слова. Каково? Вот что значит умереть честным воином, на щите, с боевым кликом на устах!

А. С. Пушкин — письмо П. А. Плетневу.

Дядя Василий — вот он не был советским писателем.

ДЕНЬГИ

Отношение Анны Ахматовой к деньгам — вопрос особый. Ей было дано — как немногим, как избранным — «божеское» к ним отношение. Она не сеяла, не жала для них. Ей всегда доставалось что-то от трех рыб — и даже самая вязига. Но, как любой свой дар, она сочла это своей заслугой — и распорядилась хитро. Поэтому ничего великого из ее бессребреничества не вышло.

1925 год.

Маяковский, Пастернак и Асеев решили устроить вечер в пользу Анны Ахматовой.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 84

Послереволюционные годы — самые нищие. Все бы ничего, если б она однажды не сказала, что она в отличие от Марины Цветаевой не могла бы жить подачками.

3 декабря 1923 года.

Был вчера у Кини: хлопотал о четырех нуждающихся:… Ахматовой.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 259

3 сентября 24 года.

«Я получила деньги из Америки, от Кини — 15 долларов. Спасибо им».

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 286

Очень рада — благодаря вмешательству Союза она получила 10 фунтов от своих издателей. Вчера один малознакомый человек дал им взаймы 3 червонца, а Рабинович принес Анне Андреевне 10 фунтов стерлингов.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 251

Ездил вчера с Кини по делам благотворительности. Первым долгом к Ахматовой. Встретили великосветски. Угостили чаем и печеньем. Ахматова была смущена, но охотно приняла 3 червонца. Хлопотала, чтобы и Шилейке дали пособие. Кини обещал.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 269

Мне удалось выхлопотать у Кини денежную выдачу для Анны Ахматовой.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 257

1924 год.

Ахматова сказала, что хочет со мною посекретничать. Она, конфузясь, сообщила мне, что проф. Шилейке нужны брюки. «Его брюки порвались». Я побежал к Кини, порылся в том хламе, который прислан американскими студентами для русских студентов, и выбрал порядочную пару брюк, пальто — с мех. воротником, шарф и пиджак — и отнес все это к Анне Ахматовой. Она была искренне рада.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 286

1927 год.

Станиславский предлагал написать пьесу. А когда отказалась — предложил перевести пьесу. Тоже отказалась.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 143

24 марта 1928 года.

П. Е. Щеголев предложил АА собрать, комментировать и проредактировать воспоминания современников о Лермонтове. За эту работу АА могла бы получить 400 рублей.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 176

Работать ей не нравится. Пастернаку она завидует, что он богат.

К Ахматовой является дама, которая ведала благотворительными сборами средств для сына Ахматовой.

Л. Н. Замятина была у АА и, несмотря на полученные ею от АА разъяснения в причинах отказа от работы, сказала: «ведь это же все-таки 400 рублей». Если вспомнить, что она только что собрала какую-то денежную сумму и послала ее в Бежецк, то ее слова можно понять и еще хуже (пользуется для содержания Левы благотворительностью, а когда предлагают работу — отказывается). Увы, ей не понять, что АА ни в какой крайности не пойдет на халтуру.

Почему именно халтуру? Можно ведь и честно поработать.

Это во-первых. А во-вторых, что благотворительность оказывается не только Леве, а и Анне Ивановне, которую формально АА и не должна содержать.

«Анне Ивановне» — это той женщине, у которой живет ребенок Ахматовой. Кто же ее «формально» должен содержать? А вообще-то этот пассаж хорош и к разговору о

«дважды вдове». Ведь Анна Ивановна — это мать Николая Гумилева. Пока еще единожды вдова разве не должна содержать свекровь?

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 176

Днем к АА приходил неизвестный юноша и, сославшись на Иванова-Разумника, приглашал АА прочесть стихи в каком-то литературном кружке. АА отказалась.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 337

Ну это по крайней мере скорее всего бесплатно.

9 декабря 1927 года.

АА получала ежемесячное обеспечение от ЦЕКУБУ (Центовая комиссия улучшения быта ученых) — 60 рублей.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 325

Звонил С. Я. Маршак, спрашивал, нет ли у АА в виду человека, которому можно было бы поручить написать детскую книгу о Пушкине. По-видимому, это была скрытая форма предложения писать самой АА: С. Я. Маршак, зная, что АА ничего не зарабатывает, хотел дать ей возможность заработать.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 19

Пунин за год в институте заработал восемьсот рублей. В 1924 году, когда АА ездила в Москву выступать, условия выступления были такими: ей оплачивался проезд в Москву в международном вагоне, оплачивался номер в гостинице (12 р. в сутки) и на руки выдано было 150 рублей.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 156

Ахматова посредничала Мандельштаму для заема небольшой (для Ахматовой — небольшой) суммы денег.

200 рублей для меня взял у Рыбаковых Пунин.

О. Э. Мандельштам — Н. Я. Мандельштам.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 95

18 ноября 1926 года.

С тех пор об этих деньгах не заикались — ни Рыбаков, для которого, конечно, эти деньги не были большой суммой, тщеславие которого даже предпочитает делать бесстрастную физиономию («вот, мол, как благородно я поступил с большим поэтом…»), ни Мандельштам, который этих денег, как видно это сейчас, не намерен возвращать никогда. Все это, конечно, легло очень большим пятном на отношения АА и Мандельштама.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 101

Сумма эта — то ли 150, то ли 250 рублей — не была значительна для Ахматовой.

Приглашение от московского Союза поэтов. Читать. 150 рублей и оплата за проезд и за пребывание в Москве. Подпись «Шенгели». АА отказывается.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 45

Это происходит в один и тот же день.

Улыбнулась, услышав о мнении Чуковского по поводу ее «полной и исключительной неспособности к историко-литературной работе». Рассказала, на чем основано его мнение. Несколько лет тому назад ей поручили редактировать Некрасова для народного издания. Она с этим не торопилась, а Чуковский, узнав и испугавшись, что у него отняли что-то ему принадлежащее (как же — ведь Некрасов!) стал хлопотать, чтобы работу передали ему. Работа была передана ему. АА уже не могла не сострить с какой-то виновато-конфузливой дерзостью: «Из этой работы ничего не вышло, кроме того, что Чуковский получил за нее деньги».

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 250

Это она так говорит, что «ничего не вышло», но Чуковский в любом случае был и есть один из лучших специалистов по Некрасову. И ничего предосудительного нет в том, что профессионал получает за свою работу гонорар. К тому же она «не торопилась». Писать, и тем более заниматься «историко-литературной работой» она действительно совершенно не может. Это видно из ее «пушкинистики».

Я показал ей мои поправки к ее примечаниям к Некрасову. Примечания, по-моему, никуда не годятся. Почти каждое ее примечание — сбивчиво и полуграмотно. Например:…

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 246

Писала всегда мало. Всегда считала доходы, особенно (это свойство ее характера — негативизм, умение заметить только плохое) — неполученные.

Говорила о контрафакциях. Известны три таких издания стихотворений АА:

1. «Четки» (Берлин);
2. «Четки» (Одесса, во время пребывания там белых);

3. «Белая стая» (Кавказ, Рафалович);
АА: «Богатая невеста!»
П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 92

«Anno Domini» (Блох) — 6500 экземпляров. (АА получила деньги за такое количество.) Разошлись в течение четырех месяцев. Зашла в магазин Petropolis'a. Спросила продавщицу: «Нет?» — «Как нет? Сегодня тысячу экземпляров из типографии получила» (не сказала АА, конечно, об этом) — т. е. уже 7500 экземпляров есть, а сколько еще таких «тысяч» могло быть?
П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 110

Анна Андреевна вспоминала о своем разговоре с Горьким в начале двадцатых годов. Она нуждалась, работала на огороде у Рыбаковых, ее уговорили пойти к нему попросить работы. Она пошла как была, босая, в сарафане. Разговор был будничный: «Вы босая, а говорят, туберкулезная». С работой не вышло: предлагал переводить прокламации с русского на итальянский.
Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. Стр. 492
А она что хотела? Издать сероглазого короля? Шла бы учительствовать. Босой и в сарафане — это слишком по-голливудски. А еще ругает Есенина за сапоги с поддевкой.

Письма матери дают понять своей холодностью и сдержанностью, что АА недостаточно заботлива по отношению к ней, недостаточно ее любит и т. д.
П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 217

Замятины получили письмо от А. Эфроса, в котором тот сообщает об утверждении АА в IV категорию, что дает ей паек и 63 рубля в месяц.
П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 276

23 июня 1938 года.
Письмо юрисконсульта Московского отделения Союза советских художников Змеевского с требованием вернуть аванс
(300 р.) за неподготовленную к сроку статью по договору от мая 1935 года.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 30
Такие вещи ее раздражают сильно.

13 февраля 1937 года.
Записка Пунина АА в больницу.
Звонил Мартиросов; пришлет переводы стихов, чтобы тебе

передать; может быть, как-нибудь от скуки переведешь в строчки.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 26

Телеграмма.
Пятигорск. Окрисполком. Вынуждена отказаться от выступлений. Больна. Ахматова.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 123
Она не была больна.

Шилейко сейчас будет зарабатывать много — рублей до 200 в месяц. И совсем тихо, как бы про себя, АА промолвила: «Я ведь у него денег не беру». Сейчас же, как бы спохватившись в том, что она проговорилась, АА быстро заговорила о другом…
П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 233

Письмо А.А. — В. К. Шилейко.
1 сентября 1927 года.
Милый Володя. Пришли доверенность, надо заплатить Пуниным, а у меня совсем нет денежек.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 115

Таким детским тоном сюсюкает с Маяковским Лиля Брик: «Совсем нет деньгов». Но Лиля может себе все позволить, в том числе, уехав с любовником, выслать грозную телеграмму: «До 4-ого пришли 250 рублей». Маяковский высылает. Это — дела семейные. Натужное ребячество Ахматовой — по отношению к Шилейко, от которого она «не берет денег», — это другое.
Анна Ахматова почти сорок лет своей жизни прожила в буквальном смысле слова на грани нищеты. Ей то давали крошечную пенсию и продовольственные карточки, то лишали их.
Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 126

Это не так. Продовольственных карточек ее никогда не лишали. Однажды — после Постановления — было приостановили (на две недели) — но тут же вернули все задним числом. Пенсии, карточки, «лимиты» — были гораздо выше обычных.

За ней было закреплено право на дополнительную комнату.
И. Н. ПУНИНА. Сорок шестой год. Стр. 468

1953 ГОД.
Она читала мне Гюго — опять Гюго, будь он неладен!

Я не могу словами определить разницу — где поэзия, а где мертвечина, но слышу ее ясно. Мне хотелось спросить у Анны Андреевны, много ли денег даст ей Гюго, то есть надолго ли освободит от необходимости переводить, но я не решилась.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 58

С гонорара за Гюго Анна Андреевна купила сыну Нины Ольшевской автомобиль. Некоторые мемуаристы, «оправдывая» ее (ведь была упущена возможность тем или иным способом употребить деньги на какое-то облегчение участи Льва Николаевича), указывают, что Нина Антоновна была не только младшей подругой, но и хозяйкой московской квартиры, где часто останавливалась Ахматова, а значит, стесняла владельцев. Представление о «дружбе» приобретает дополнительный аспект.

Конечно, подарить автомобиль — это здорово, только вот причитания о безденежье и о необходимости душащих творчество проклятых переводах — это даже как-то просто неделикатно по отношению к осчастливленному дароприобретателю.

Гонорар Ахматовой за перевод Гюго составил 58 тысяч рублей. Купленная ею машина для Алексея Баталова стоила 9 тысяч. Льву Николаевичу в лагерь она посылала по 100 рублей в месяц (иногда без записки, как подачку). Однажды захотела прислать побольше и спросила у него: можно ли, мол, хочешь ли? Он ответил раздраженно — об этом можно было спросить там, где дают всю информацию об общении с зэками. Оказалось — можно. Она послала 200, а потом стала опять по 100. Считается, что Лева плохо относился к матери.

Я была счастлива видеть ее новую шубу, туфли, перчатки… Спасибо Гюго и милой Нине Антоновне! В черном новом платье и белом платке на плечах…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 75

«Борис Леонидович передал для меня одному общему знакомому 500 рублей. Я была в это время больна и с ним не видалась. Выздоровев, я поехала в Москву, продала свой архив Бончу. Приношу Борису Леонидовичу деньги. Он — ни за что, шумит, не принимает. «Я от вас никак не ожидал. Я вам их с таким чистым чувством принес». — «Я тоже с таким чистым чувством продавала свой архив».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 89

Когда дают или возвращают деньги, добытые как-то надрывно, лучше об этом не рассказывать: просто чтобы избежать такой сцены, спровоцированной и описанной Ахматовой.

А вообще эта история — к истории о ее архиве и завещании. Продать в государственный литературный музей — вот был бы нормальный путь (раз не хотела отдать сыну, ничем перед ней не виноватому и вполне образованному). Потом его все равно продала Ирина Пунина. Здесь объяснение, к сожалению, только одно — она держала свой архив, как кнут и пряник, над головами — законных и выбранных ею для остроты соперничества — наследников.

Ахматова дает интервью ахматоведу-любителю: ее направляют на прокоммунистический литературный фестиваль. Там же ей полагается и премия.

«Я уверена, что премию я получила за «Реквием». Эта вещь была переведена на все языки мира, была напечатана во всех странах мира». — Я (вынимая мюнхенское издание): «Анна Андреевна, вот это издание?» — «Вы уже имеете? — перелистывая — Хорошо. Как же вы достали?» — «Совсем случайно». — «Сколько же вы дали за этот сборник? Ну, сколько, не смущайтесь!» — «Я заплатил сорок рублей. Ведь это большая редкость». — «Как дорого!»

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 310

Анна Андреевна удовлетворена. Она мысленно выстраивает бизнес. Американского поэта Фроста же, продающего (а может, и не продающего, но рассуждающего о твердых земных законах) сосновые карандаши — осуждает.

Последние годы.

В журнале «Польша» были стихи полячки Веславы Шимборской, в ахматовском переводе. Ее попросили перевести три стихотворения, из которых два она предложила мне, потому что устала и потому что хотела дать мне заработать. Время от времени мы практиковали этот вид «солидарного действия»: часть переводила она, часть я, все подписывалось ее именем, соответственно количеству строчек делился гонорар. От Н. Я. Мандельштам, увы, тянется гадкая сплетня, будто в таких случаях Ахматова была недобросовестна в расчетах.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 238

Есть рассуждение Бродского о переводе по строчкам — что это невозможно подсчитать. Наверное. Как они считали? Не спорили ли? Можно было просто всю работу отдать ему, самой потом осуществить «авторский надзор» — отредактировать, поправить, дать свое имя, а деньги — поделить пополам. Не царское дело — считать и делить, и что-то делать самой, по строчкам! деньги получать только за фактически проделанное! Раз уж она в любом случае подписывала не переведенное ею.

Пушкин тоже подробно описывает в письме к жене свои виды на семейные доходы и расходы. Но он за шесть лет брака родил четверых детей, жене его в последний год было 25 — они родили бы еще десятерых; сколько бы ни выжило — кормить немало надо было бы. Это все он имеет в виду в свои мужские 36. Ахматова же следит за финансовыми делами сорокалетней давности, нереальными даже тогда за контрафактностью, записывает в тетрадку…

Визитер принес с собой сборник «Белая стая».

«Покажите, покажите! Я вижу этот сборник в первый раз. Это очень интересно. Ничего об этом сборнике не знаю. Возможно, что кто-нибудь из петербуржцев был там и предпринял это издание. Это так называемое контрафакционное издание. Таких изданий было немало. Вот еще имеется издание моего сборника «Четки», оно было напечатано где-то под Одессой. Я сейчас занесу этот сборник — «Белую стаю» — в мою библиографию. Сколько в нем страниц? Сколько стихотворений?» (Записывает.)

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 291

Она в том возрасте, в котором Толстой отказывался от прав на созданные им произведения. «Мусорный старик» заработал своей литературной работой почти миллион рублей. «Нищая» — ленивая Анна Ахматова — до старости записывала в книжечку контрафактные — по определению не могущие принести дохода — издания своих нескольких сотен стихотворений. А ведь нищему гораздо легче пролезть в игольное ушко! Она почти что была у цели.

Если Царствие небесное обладало хоть какой-то ценностью для нее.

ПРОДАЖА СОСНОВЫХ КАРАНДАШЕЙ И ВЫГОДЫ ЭТОГО ПРЕДПРИЯТИЯ ПЕРЕД ЖИТЬЕМ С ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРУДОВ

Труд — для Анны Андреевны Ахматовой самое презренное понятие.

Велите ей выбрать между Марфой и Марией — она ответит правильно, но слукавит о мотивах. Откуда-то взялась у нее вульгарная иллюзия того, что, живи она «за границей», при ее роде занятий и талантах, у нее были бы какие-то «ландо», «послы», «брильянты» и пр.

Фермер и школьный учитель Роберт Фрост, приехавший в Ленинград и наивно полагавший, что поэтическими сборниками — раз мадам не преподает, не переводит и не служит в издательстве и к тому же м-м-м… не замужем — особенно не прокормишься, — был ей омерзителен.

Великий американский поэт <…> ей говорит: «Скажите, чем Вы торгуете? **Скорее всего, американец употребил слово business, а переводчик не особенно был силен, да и Анна Андреевна английский знала плохо — или скрывала глубокие знания перед компетентными органами — это кому какая версия больше нравится.** Анна Андреевна опешила, говорит: «Ничем». — «А я торгую соснами, из них делают карандаши».

А.Ф. и Г. Л. КОЗЛОВСКИЕ. Анна Ахматова в записях Дувакина. Стр. 220

«Не понимаю этого поэта. Он все время рассуждает о том, что можно купить, что можно продать. Что это за разговоры»?

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Иосифом Бродским. Стр. 109

Она не понимала этого поэта. Понял ли бы он, что она, дама, одевалась в то, что ей «выдавало» государство?

Она тогда из «городской нищенки», какой выглядела до войны, преобразилась в полнеющую немолодую и элегантную даму: ей выдали из каких-то специальных фондов одежду и обувь. Впервые за десятки лет у нее появилась маленькая изящная шляпа.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 501

Роберт Фрост, презираемый Ахматовой за практицизм — все покупал на свои, зато потом Постановление у него ничего

не отняло, и он не должен был принимать величественную позу: «Поэт, мол, это тот, кому ничего нельзя дать и ничего нельзя отнять».

Нашла в каталоге недвижимости:

Галлей, Вермонт.

Ферма, построенная в конце 18-го столетия, в 1930-х годах принадлежала американскому поэту Роберту Фросту, четырехкратному лауреату премии Пулитцера. Усадьба признана памятником американской истории и культуры. Всего на территории в 150 га разместились 5 строений. Все постройки окружены лесами и ухоженными газонами. Есть два рыбных пруда с ключевой водой.

Цена — 7,5 млн. долларов США.

Описание снабжено, естественно, прелестной фотографией.

В стране Советов платили платьями, маленькими изящными шляпками… и даже заборами.

Записи в дневнике К. И. Чуковского о встрече в Переделкине с Фединым. После публикации книги «Новое о Маяковском» с письмами к Лиле Брик.

<…> вынесено постановление о вредности этой книги и занесен удар над Зильберштейном. Человек создал великолепную серию монументальных книг — образцовых книг по литературоведению, отдал этой работе 30 лет — и все это забыто, на все это наплевать, его оскорбляют, бьют, топчут за один ошибочный шаг. «Неужели вы подпишете?» «Что же остается мне делать?!» Бедный Федин. Вчера ему покрасили забор зеленой краской — неужели ради этого забора, ради звания академика, ради официозных постов, которые ему не нужны, он вынужден продавать свою совесть, подписывать бумаги <…>.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник 1930–1969. Стр. 284

«Я — не литератор», говорила она о себе, отмываясь, как от грязи. Да, она — не профессиональный литератор, она — Советский Поэт.

Тема денег как дензнаков для Анны Андреевны презренна. Оплату писательского труда она представляет для литераторов-трудяг в виде покрашенных заборов, а для себя лично, в наивных представлениях о себе как даме «высокого тона», в виде «ландо». Никаких денег. Даже меценатство, спонсорство, например, это тоже грязь.

В связи с какой-то статьей, в которой говорится о том, что Николай Степанович обращался к меценатам. Николай Степанович никогда не имел дела с меценатами, и никогда к ним не обращался. «Путь конквистадоров» он издал на свои деньги, «Сириус» — тоже на последние свои. «Жемчуга» взял «Скорпион» — даром.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 252

Вообще-то каждый труд должен оплачиваться. Кто-то должен платить. Столько народа не соберешь, чтобы по пятачку скинулись на содержание Эрмитажа. Ценность произведения искусства должна стать такой несомненной, чтобы имеющий миллион с гордостью его бы отдал. Ну, за Гумилева никто не хотел.

В литературе как бизнесе — книгопечании, издательском деле — Анна Андреевна предвзято невежественна.

…ответила она с раздражением и принялась ожесточенно бранить «Литературную Москву». «Совсем дикие люди. Казакевич поместил 400 страниц собственного романа. Редактор не должен так делать. Это против добрых нравов литературы».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 186

Это против добрых нравов коммунистической уравниловки. Газета — это газета главного редактора, владельца, он делает там что хочет. А добрые нравы соблюдает только торгаш от литературы.

О журнале «Современник», который стал издавать Пушкин.

Значительную часть объема Пушкин заполнял своими сочинениями.

А. В. АНИКИН. Муза и мамона. Стр. 168

Это вполне в духе добрых нравов литературы. Пушкин не удовольствовался бы крашеным забором для себя и маленькой изящной шляпкой «из каких-то специальных фондов» для Наталии Николаевны. Скорее бы взялся за производство сосновых карандашей, как Лев Толстой за разведение японских поросят. Зная себя, решил заняться книжным бизнесом. Он родоначальник удачной борьбы за права авторов. Ни до него, ни после — 50 % авторских от продажной цены книги никто не получал. За пять своих

последних лет работы он получил около 160 тысяч рублей, без камер-юнкерского жалованья, которое было 5 тысяч в год. Это было очень хорошо — средний чиновник получал 30–50 рублей в месяц. Пушкин был первым, кто объявил о намерении честно трудиться. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» — это Пушкин. А Анна Ахматова хотела продавать даже не вдохновенье (о презренных рукописях речь не шла, работать она не любила, на нескольких шлягерах и при самом либеральном строе все-таки не наработаешь на всю жизнь — да с брильянтами) — а тонкую свою какую-то поэтическую субстанцию, осанку, изысканных знакомых, четырнадцать лагерных Левиных лет — все на продажу. Она хотела, чтобы ей платили за то, что она — Анна Ахматова. Рассуждения Фроста о «простой» купле-продаже гневно осуждала.

Фрост был основательным человеком. В исследовании человеческой души он дошел до Божьего установления: человек будет трудиться и плоды своего труда продавать, потому что один — скотовод, а другой — хлебопашец.

Общение с Фростом вызвало у Анны Андреевны омерзение — то ли дело изысканный образ мысли советских писателей, с их домработницами, шоферами, домами отдыха и пр.

И разве не позор, что Ахматова не имеет 7 копеек на трамвай, живет в неотапливаемой, холодной, сырой и чужой квартире. Что она носит рваное, грубое и чужое белье…

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 217

О переводах:

19 декабря 1941.

«Я не могу переводить. Я никогда не могла перевести ни строки. Иначе зачем бы я голодала все эти годы, жила без чулок и без хлеба? Ведь переводы прекрасно оплачивались».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 356

Исполать тем, кто помогал ей в работе, за которую она бралась только «для куска хлеба». Ведь у нее не было никакого другого источника существования. Ни стихов, ни статей о Пушкине тогда не печатали.

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 68

Она думала, что с этого можно прокормиться?

1 ноября.

Письмо АА — Сталину

<…> напечатала одну работу о Пушкине, вторая печатается.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 16

Столько трудов — и тяжелые материальные условия!

Поэт — состояние души. Фет не был профессиональным поэтом, он хотел быть дворянином и жить с помещичьих трудов. Толстой не хотел даже жить с графских барышей, он хотел сам пахать землю и тачать сапоги. Ахматова хотела иметь 7 копеек на трамвай и «ландо» за то, что она такая утонченная и пишет стихи…

Причем реальную ситуацию на рынке стихотворной продукции на Западе она себе представляет — в отличие от ее преданных поклонников, которые верили в то, что великая Ахматова добровольно разделяет с ними тяготы советского быта, а на Западе, за ее талант и душевную изысканность, она была бы вознаграждена несметными богатствами.

«Нигде в Европе этого нет. В Париже я рассказала одному поэту, сколько раз переиздаются у нас книги стихов — он едва верил. Публичные чтения у них не приняты. Если знаменитый художник сделает рисунки или виньетки к новой книжке стихотворений — тогда она приобретает шанс быть распроданной. Из-за рисунков — вы подумайте! В России всегда любили стихи».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 125

Она вернулась из-за границы.

«Ни один из тамошних издателей не предложил мне деньги».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 266–267

Да, в эмиграции ей было бы не прожить, никаких привилегированных правительственных дач.

Анна Андреевна рассказывает об издателе нью-йоркского альманаха «Воздушные пути» Р. Гринберге.

«Сэр Исайя сказал ему: «Вы не раз печатали стихи и прозу Ахматовой. Вы должны заплатить ей». Он ответил: «Закон на моей стороне». Видали хама?

Пока нет. Анне Андреевне, как юристке, выражение «закон на моей стороне» неизвестно. В стране, которая

кормила ее, давала дачи и путевки, вопрос печатания книг и вознаграждения авторам решался не по закону. Мы не были правовым государством, а нарушение совковых «понятий» Анна Андреевна считала хамством.

«Через некоторое время он все-таки позвонил мне и спросил, хочу ли я, чтобы он лично привез мне деньги в конверте? Я ответила: «Рада ЗА ВАС, что вы позвонили и произнесли эти слова. Ничего мне не надо: ни вашего визита, ни денег, ни конверта». И повесила трубку, не простившись».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 294

Видали хамку?

All rights reserved.

Мне лично приходится любоваться этой надписью на моих никому не переуступленных писаниях… Однако это детали.

Анна АХМАТОВА. Т. 3. Стр. 227

Пастернак переуступил свою Нобелевскую премию Советской власти. Это ее выбор. Если бы выбрала другое — пожалуйста. Студентке можно подбросить в качестве упражнения рассчитать уровень благосостояния литератора, живущего на Западе, со следующими вводными: дама, из эмигрантов первой волны, с первоклассной «славой» в диаспоре, неспособная писать коммерческую прозу и преподавать, малопродуктивная в поэзии, вынужденная содержать компаньонку (для стирки и замены сонма поклонниц), ленивая, с тяжелым характером и без дополнительных доходов. Остается ли на «ландо»?

Литературный поденный труд был ей невыносим — она с юности готовилась к какой-то нереальной роли. Возможно, поэтому подсознательно расчетливо отвергла эмиграцию.

Все, кто мог просчитать, что в России писательское ремесло не в пример выгоднее, вернулись — Горький, Алексей Толстой.

Если хочешь купить «ландо» — стихи должны продаваться. В стране, в которой жила Анна Ахматова, покупало стихи и платило поэтессе — государство. Платило по гораздо более высоким ставкам, чем продавцам или изготовителям сосновых карандашей, — платьями с маленькими изящными шляпками, квартирами («На Красную Конницу я не поеду — далеко, и Владимир Георгиевич не

сможет меня часто навещать»), дачами в престижных курортных зонах («Будка»), санаториями, персональными пенсиями и пр. Скорее всего эта же страна Советов сама должна решать, покупать ей или нет «Чудотворной иконой клянусь / И ночей наших пламенным чадом»…

25 сентября 1940.

Докладная записка управляющего делами ЦК ВКП(б) Д. В. Крупина — секретарю ЦК А. А. Жданову «О сборнике стихов Анны Ахматовой».

«Стихотворений с революционной и советской тематикой, о людях социализма в сборнике нет. Два источника рождают стихотворный сор Ахматовой: бог и «свободная» любовь. А «художественные» образы для этого заимствуются из церковной литературы. Необходимо изъять из распространения стихотворения Ахматовой».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 49

Всего лишь. Не убить, не зарезать, не услать на десять лет без права переписки — «изъять из распространения». Не распространять. Не платить за эти стихи денег.

Разве там было что-то сказано про «не писать»?

У этого государства были свои виды на то, кому из писателей и за какого характера произведения платить свои деньги.

Она хотела бороться с этим государством? Я что-то не слышала.

Она хотела писать свои благоуханные стихи? Ей никто не запрещал. Пусть бы писала.

На жизнь зарабатывать, если не заниматься обслуживанием государства в его идеологических нуждах, можно было практически тем же, чем на Западе — тем, к чему она была не способна: преподавать, переводить, заниматься литературной критикой или наукой, продавать карандаши: по американским условиям — как бизнес, по советским — в Рабкрине за прилавком стоять. У нее масштаб был другой.

11 ноября 1939 года.

Постановление Президиума ССП СССР «О помощи Ахматовой»: «Принимая во внимание большие заслуги Ахматовой перед русской поэзией, 1) Просить Президиум Ленгорсовета предоставить в срочном порядке А. Ахматовой самостоятельную жилплощадь. 2) Предложить Ленинградскому правлению

Литфонда после предоставления квартиры А. Ахматовой приобрести необходимую обстановку. 3) Ходатайствовать перед Совнаркомом СССР об установлении персональной пенсии. 4) Предложить Литфонду СССР впредь до постановления правительства выплачивать Ахматовой пенсию в размере 750 рублей в месяц **(профессор Пунин зарабатывал 850 в год)**. 5) Предложить правлению Литфонда выдать А. А. Ахматовой безвозвратную ссуду в размере 3000 рублей единовременно».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 37–38

Да, она все-таки не там была, где ее народ, к несчастью, был. Официально она была очень признана и никогда и отнюдь — не гонима. Не ареста она опасалась, отвечая Герштейн на предложение заступиться за Льва Гумилева («И Христос молился в Гефсиманском саду: да минет меня чаша сия»! — строго сказала Анна Андреевна), — а лишения этих привилегий. Квартирой занимался лично Вышинский.

«Вот это — я!» А тут Фрост с его сосновыми карандашами: купить, продать.

Так что: пусть не «ландо», но все же.

20 мая 1930 г.

Удостоверение на право бесплатного проезда в ленинградском трамвае.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 133

«Это не то что какая-нибудь там буржуазная слава: «ландо» или автомобиль, брильянты в ушах. Это — читайте товарища Жданова. Это — я!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 387

МОЗАИКОВЫЙ ПОРТФЕЛЬ

К деньгам как дензнакам у Ахматовой было отношение чистое: не жадная, но внимательная и очень ленивая. Если держать в руках — она их скорее отдаст, чем приберет. Но это — формальная легкость. К основному своему капиталу — имени — она ревнива и стяжательна до исступления. Да, жить и зарабатывать ей пришлось при распределительной системе, и, казалось бы, только так она и могла просуществовать — на Западе поэтическими сборниками не проживешь, а к регулярному труду она не способна, — но, с другой стороны, при таком таланте к PR она могла бы наладить, например, производство и реализацию перчаток — таких, которые, при видимых характеристиках левых, имеют технологические хитрости, позволяющие надевать их на правую руку.

К выгоде и капитализации имени ее вел каждый шаг.

Цену (в денежном исчислении) по текущему курсу и на будущее своему богатству (архиву и возможности ссылок на нее) — она знала. Как всякий культурный человек. Кроме промоутера, она могла бы стать и коллекционером.

25 февраля. 1934 г.

Протокол оценочной комиссии ГЛМ

Слушали: Предложение А. А. Ахматовой приобрести материалы из ее архива. Оценка владелицы 3000 р. Постановили: приобрести за 1200 руб.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 144

1934 г.

В самое последнее время нами приобретен альбом А. Ахматовой с многочисленными записями и рисунками представителей литературно-художественной среды, в которой вращалась поэтесса.

В. Бонч-Бруевич. Новые поступления в московский литературный музей.

Приобретен за 2000 рублей.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 141

Архивы — это ее главные активы.

Дневник 30 июля. 1936 год.

Проснулся просто, установил, что Ан. взяла все свои письма и телеграммы ко мне за все годы; еще установил, что Лева тайно от

меня, очевидно по ее поручению, взял из моего шкапа сафьяновую тетрадь, где Ан. писала стихи, и, уезжая в командировку, очевидно, повез ее к Ан., чтобы я не знал.

Н. ПУНИН. Дневники. Стр. 334

Это она как юристка грамотно сделала, это по-агентски. Она думала, он ей не отдаст? Она считала это дорогостоящим наследством. На всякий случай отметаю возможные оправдания: она, я думаю, была уверена, что Пунин не станет компрометировать девушку обнародованием ее всхлипов о черноте ночи и прочих красотах, она осознавала ценность своих писем для оценщиков литературных архивов.

Когда Ахматовой нужны помощники — она не церемонится.

У летописца жизни Ахматовой Лидии Корнеевны Чуковской в 1938 году арестовали и расстреляли мужа.

Совершенно секретный «Список осужденных Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР по делам УНКВД ЛО в феврале 1938 года». В списке даны фамилии осужденных. Примечание касается судьбы жен арестованных. Лидии Корнеевне в соответствующей главе написано «Арест оформляется». Вторая фраза гласит: «Арестовать к первому апреля».

А. РАЗУМОВ. Памяти юности Лидии Чуковской. Стр. 196

Ахматовой тем не менее нужно сохранять свой архив.

Я знала, что за мной, за моей квартирой следят, ждала обыска — и ареста — со дня на день и старалась навещать Анну Андреевну пореже. Однажды А. А. протянула мне какой-то пакет; затем написала на клочке несколько строк и, когда я прочла их, сожгла в пепельнице. Если я не возьму пакет, она вынуждена будет бросить бумаги в Фонтанку. Я кивнула. Спускаясь по лестнице, подумала: что же я делаю? У нее нельзя, да ведь и у меня нельзя. Я вышла на Фонтанку. Надо было решать…

У Ахматовой были гораздо более благополучные знакомые, но она боялась отказа, боялась вызвать их недовольство, не иметь возможности пользоваться их благодеяниями — и в серьезном случае обратилась к совестливой и безответной.

Этой части архива, спасенной Чуковской, повезло. Какой-то другой части — меньше.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962

О пропаже архива Гумилева

Анна Андреевна приняла мое сообщение с большим

недоверием. Она не могла удержаться от подозрения, что Лина Самойловна торгует письмами и рукописями Гумилева. «Поймите, это золото», — вразумляла она меня. Она часто поминала Леву в этой связи: то опасалась, как бы он не узнал о пропаже и не наделал глупостей, в его положении все было рискованно; то, наоборот, говаривала мечтательно и угрожающе: «Я нашлю на нее Леву, он с ней поговорит по-своему **(это как, по-уголовному, что ли?)**» — или еще резче, на своем домашнем арго: «Он сделает из нее «свиное отбивное»!»

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 78

Не хотела бы я с такой Анькой-золотой ручкой встретиться на коммунальной кухне.

Я защищала Лину, повторяла ее глупости: «Ей было легко ошибиться, она, видно, приняла за письма Гумилева к вам какой-нибудь другой пакет». Пристально взглянув на меня, Анна Андреевна сказала тихо и грозно: «Она не могла ошибиться! Там были папки!..» Переходя на крик: «Па-а-пки!!» — и, уже захлебываясь от гнева, бессвязно: «Зоя… на санках… везла…»

Зоя установлена никогда не была.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 79

В шестидесятые годы Ахматова охраняла свой архив уже не от КГБ, а от наследников.

Рукой Ахматовой: «Хочу оставить у вас мои записные книжки и т. д. Можно?» Это было на квартире Западовых, незадолго до отъезда Анны Андреевны за границу — не помню уже, в Италию или Англию, и речь шла о небольшом потрепанном чемодане с рукописями, который сопровождал Анну Андреевну по всем стоянкам ее кочевья. Мы были в комнате вдвоем, но Ахматова не доверяла стенам, поэтому — записка.

Ника ГЛЕН. Вокруг старых записей. Стр. 638

Наследники не должны были знать, где находится архив.

Основной состав писем матери Лев Николаевич сжег. Он поведал об этом пораженной Анне Андреевне в первые же дни по возвращении из ГУЛАГа. «В лагере нельзя ничего хранить, бывают переезды, там шмоны…» — объяснял он.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары, Стр. 316

Почему об этом пошел разговор в первые же дни? Она разведывала, надо ли выкрадывать «золото» и у Льва Николаевича, как из многоуважаемого шкапа у Пунина? Чем

она была поражена? Ведь сыну писала письма (открытки! у стойки на почте!) — не в комиссию по увековечиванию своей памяти — ну почему их надо хранить? Ну почему надо поражаться — больше нечему поразиться в рассказах о лагере?

В отличие от сына, Анна Андреевна бережно сохранила все его письма.

Эмма ГЕРШТЕЙН Мемуары. Стр. 317

Без этапов и шмонов, правда? Хранила — хоть не «золото», так серебришко.

В архивном деле она никогда не была простушкой.

Толстой отнесся ко мне исключительно хорошо. Это не Кривич, дрожащий над своими архивами. Толстой знает, что у него будет собственная биография, и почему не сделать хорошего дела для биографии другого.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 150

Таков был круг ее друзей, по ним она сверяла свои этические нормы.

Письмо от Гизетти. Начинает он его так — словами о том, что посещение АА оставило в нем «светлое, светлое» впечатление, что он очень хотел бы побывать у нее еще… А дальше и объяснение этого «светлого, светлого»: он пишет, что 17 мая он будет читать доклад об И. Анненском и ему очень важно ДО (подчеркнуто) доклада побывать у АА, чтобы поговорить с ней и разведать у нее как можно больше об Анненском. (Сколько человек пользуется знаниями, исследованиями, мыслями, соображениями АА!)

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 22

И сколько же человек пользуется знаниями, исследованиями, мыслями АА? По моим подсчетам, она никому «попользоваться» не дает.

В обиде на наследницу П. Лукницкого исследователи биографии Ахматовой — что не отдает во всеобщее пользование его записки. А Анна Ахматова даже родному сыну не отдала — думала, не оценит такой дар, надо написать завещание в пользу Ирины Пуниной, вот пусть тогда погрызутся, поборются — такое сладостно видеть при жизни.

Письмо Лукницкого — Горнунгу:

Несколько раз ходил Медведев и выпрашивал у нее автобиографию. Чтоб отвязаться от него, А.А. дала ему кой-какие сведения. Он записывал, но, вероятно, неточно.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 127

Мы знаем из дневника Лукницкого, что это перевирала она — специально, а не он неточно записывал! Можно было бы подумать, что только для красивости и интересничания: убавляла года, облагораживала место рождения — не Одесса, мол, а Ленинград, отец — морской офицер, училась в Смольном институте и пр. — но нет. Неточные сведения она давала именно для того, ЧТОБЫ у этого исследователя были неточные сведения! Полученные от нее самой! Позавидует такой изощренности кто угодно! А другие исследователи — пусть опровергают тех первых, выискивают истину и пр. — и суета вокруг великой поэтессы Анны Ахматовой — великой души — не утихнет.

Я спросила, [Ахматову] кто написал статью. — «Волков. Он давно обо мне пишет. Когда-то в Ленинграде, в Пушкинском доме, я читала свое исследование о «Золотом петушке». Когда я кончила, подошел Волков. Он сказал, что давно изучает мою биографию и мое творчество и хотел бы зайти ко мне, чтобы на месте ознакомиться с материалом. А я ни за что не желала его пускать. «Они — сказала я, кивнув на пушкинистов — жизнь свою кладут, чтобы найти материал, а вы хотите все получить сразу».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 106

Вот так. Она ждала, когда и за ее биографию люди начнут класть жизни, она считала, что она стоит столько же времени, сколько тратится на Пушкина. Пушкин, правда, не сознательно скрывал какие-то сведения, чтобы набить себе цену, а как раз совершенно наоборот — не придавая значения.

С архивами закончено. А теперь предлагаю вам, читатель, поиграть в литературную «Монополию». Против каждой цитаты поставьте цифру: во сколько вы оцениваете каждый шаг, который сделала (была вынуждена платить) или не сделала (сэкономила) Анна Андреевна. Если «гневалась» — то сколько теряла, если радовалась — то насколько побогатела?

К АА приходил Борисоглебский М. В., просил ее разрешения

поставить ее имя на афишу (для спекуляции ее именем, конечно). АА была крайне недовольна; но, не желая противодействовать Союзу, согласие вынуждена была дать (уверен, что АА считала себя одолженной Союзу, который в прошлом году дал ей пятьдесят рублей на лечение).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 154

А вот человек, оказавший ей услугу, в свою очередь, просит ее сделать запись ему в альбом.

Она отказалась. Горнунг стал упрашивать ее. АА смущенно перелистывала альбом, как будто ожидая какой-нибудь помощи извне, подыскивала все возможные формы отказа. Умоляюще смотрела на меня — как будто ждала от меня защиты. Положение было очень неловкое и глупое… Горнунг спросил: «Вам очень не хочется писать?». АА помедлила, но решительно, хоть и жалостно, ответила: «Да, мне очень не хочется, мне неприятно. Можно не писать?» Горнунг молчал упорно и туго.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 98

Вручила мне тетрадь. Приписала еще: «Дарю эту тетрадь…» Почему? Не потому ли, чтоб не думали «посвящаю»?

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 488

Потом пошли в библиотеку, кто-то попросил Анну Андреевну оставить автограф на одной из ее книг. Она невозмутимо ответила: «Нет. Я неграмотная и больше ничего не пишу».

Н. В. РЕФОРМАТСКАЯ. С Ахматовой в музее Маяковского. Стр. 544

Когда ей позвонили из «Литературной газеты», чтобы объяснить, что ради опубликования стихов Берггольц, которые оказались более актуальными, они вынуждены перенести стихи Ахматовой **(какие гонения!)** она, не дав договорить, отрубила: «Я никому не собираюсь перебегать дорогу **(а это и невозможно было)**, я знаю, что такое добрые нравы литературы», — и повесила трубку.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 61

Неужели стихи Берггольц оказались еще более актуальными, чем стихи Ахматовой о Сталине? Но и странно, что после ТАКОГО она не замолчала еще на тридцать лет.

О соринке в глазу ближнего: она все видит.

Борису Пастернаку домой позвонил Сталин.

Пастернака вызвали к телефону, предупредив, кто его вызывает. С первых же слов Пастернак стал жаловаться, что плохо слышно, потому что он говорит из коммунальной квартиры, а в коридоре шумят дети. Борис Леонидович в тот период каждый разговор начинал с таких жалоб. Мы с Анной Андреевной тихонько друг друга спрашивали, когда он нам звонил: «Про коммунальную кончил?» Со Сталиным он разговаривал, как со всеми.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. Стр. 172

Когда у Ахматовой арестовали сына (и Пунина — поэтому она была так деятельна, увы), она обратилась с письмом к Сталину.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!.. В очень тяжелых моральных и материальных условиях я продолжала работать…»

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 16

«Наш Ванька своего не упустит».

Она писала о материальных лишениях — думаю, чтобы в случае чего получить хотя бы это.

Анна Андреевна не дает попользоваться собой никому, даже родному сыну.

Помню, как редко плачущая Анна Андреевна прослезилась, жестоко уязвленная моим неосторожным рассказом. Речь шла о его **(Льва Гумилева, после лагеря)** стремительном ухаживании за одной из приятельниц Анны Андреевны, которой он жаловался: «Мама не любила папу, и ее нелюбовь перешла на меня». «Он торгует нами!» — вскричала в слезах пораженная Ахматова. Да, конечно, узнать из «достоверного источника» об отношениях знаменитых поэтов было жгуче интересно и повышало шансы влюбленного на внимание дамы.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 345

Любопытство дамы могло быть сколь угодно жгучим, но Гумилев в данном случае рассказывал факт СВОЕЙ личной биографии. Взаимоотношения ЕГО родителей — это информация, принадлежащая лично ему и никому другому, Ахматовой в том числе, он волен «торговать» этим, как захочется.

Но права других людей для Ахматовой — это слишком эфемерная вещь, несущественная и несуществующая.

Как она мелодраматична: «Он торгует нами!!!» Он просто

сообщает факты из СВОЕЙ собственной жизни.

Лучше бы она торговала сосновыми спичками.

Иностранке Аманде Хейт она внушает:

Разумеется, из этих двух страниц, которые я написала сегодня, можно сделать не очень тонкую книжку, но это я предоставлю другим.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 144

Характеристика книги.

Стал неизменным best seller'ом, т. е. его книги стоят дороже всех остальных, их труднее всего достать.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 144

Мы весело ужинали. Все как-то «разнежились», и Анна Андреевна вдруг сказала, что ей хочется подарить мне экземпляр «Поэмы без героя», написанный ее собственной рукой. Я пришел в неописуемый восторг и с благодарностью принял драгоценный подарок. Проснувшись утром, «по размышлении зрелом» решил, что такой подарок мною не заслужен, и тут же позвонил Анне Андреевне, попросил разрешения зайти. Я вернул ей поэму, сказав, что такая драгоценность должна оставаться в руках автора. В своей обычной спокойной манере Анна Андреевна сказала: «Пожалуй, вы правы. Положите ее на стол».

Д. Н. ЖУРАВЛЕВ. Анна Ахматова. Стр. 328

Вы не забываете проставлять цены в «Монополькe»? Вы тоже не отказались бы забрать назад подарок, если бы одаренный решил, что вы подарили позолоченную ложку вместо посеребренной по ошибке и он того не стоит?

На этой основательной ноте: «Копеечка не пропадет» — завершим и эту тему. Дело близится к вечности. Для Ахматовой это значит: пора подумать и о завещании. Живой, правда — о живом: кто лучше выслужится за наследство?

Штоки уже укладываются. Оказалось, NN дарит им экземпляр поэмы. Я очень обиделась и огорчилась. NN сначала ласково оправдывалась, а потом сказала очень зло: «Не беспокойтесь, умру — все Вам достанется. Вы душеприказчик».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 425

Не надеясь, что Лидия Корнеевна создаст настоящую — здоровую и злую — конкуренцию за наследство, Ахматова под конец жизни определила круг других игроков. Родной сын

стал совсем не так однозначен, как могло бы быть. Подходящий вариант — завещать все какому-нибудь литературному музею — нарушал весь смысл борьбы. Нужны были азартные люди.

Льва Николаевича оттирали.

Последние годы перед смертью Ахматовой они **(Лев Николаевич и Анна Андреевна)** не виделись. Пунины, которые тряслись за свое благополучие, систематически старались посеять между ними рознь.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 254

Она не могла этого не видеть.

В последние годы двое-трое из близких к ней людей очень осторожно, не впрямую, заводили с ней разговор о завещании. Дело заключалось в том, что, когда ее сын Л. Н. Гумилев был в лагере, Ахматова составила завещание в пользу Пуниной. Она спросила меня, что я об этом думаю. Я ответил, что, по-моему, она не должна оставлять в каком бы то ни было виде завещания, направленного против сына. Она тотчас взорвалась, закричала о лжедрузьях, о нищей старухе. Через несколько дней опять заговорила на эту тему: сцена повторилась. И еще раз. 29 апреля 1965 года в конце дня она вдруг сказала: «Давайте вызовем такси, поедем в нотариальную контору». Ахматова сказала: «Я разрушаю прежнее свое завещание». А когда вышли на улицу, она с тоской произнесла: «О каком наследстве можно говорить? Взять под мышку рисунок Моди и уйти». Замечу в скобках, что после смерти те, кто не имели на архив Ахматовой никакого права, но в чьих руках он оказался, устроили позорную борьбу за него, состоялось позорное судебное разбирательство.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 17

А она бы хотела, чтобы борьба была не позорной, а открытой. При ней, на ее глазах — за ее благосклонность.

Цену своего наследства она, конечно, прекрасно представляла себе.

В каталоге ее коллекции, где золотом называются рукописи Гумилева, до поры отсутствует имя Модильяни. Скорее всего, его и не было (кроме единственного рисунка — сбереженного и скорее всего единственного существовавшего). Модильяни как единица хранения, утраченная по небрежности («Солдаты делали из него козьи ножки», «В упоминании о пропавших рисунках Модильяни присутствовала необычная даже для Ахматовой

уклончивость») — появился значительно позже, когда концов искать уже было невозможно, а обладание рисунком Модильяни равнялось по престижу, например, загранкомандировке — но это уже о ее козырях в игре с молодыми мужчинами — «мальчиками» из Ленинграда, не о деньгах.

С. — Архив должен быть всегда в одном месте. Я, например, архив отца спасла из блокадного Ленинграда и в свое время передала его в Пушкинский Дом. Все целиком. Нельзя дробить вещи — это очень неправильно.

Д. — Да… но, с другой стороны, эти нищенства ее — они очень… очень…

С. — Ну я, например, передала архив бесплатно. Потому что, мне кажется, так гораздо приличнее…

Д. — Это конечно…

С. — И благороднее. Так сделала моя мать, так хотела и я. И это правильно.

М. Д. СЕМИЗ в записи Дувакина. Стр. 184

О Леве.

Он пытался прорваться к ней в больницу, но его не пустила жена Ардова, Нина Ольшевская. Она при мне приезжала в больницу, чтобы подготовить Ахматову к очередной «невстрече» с сыном. Нина убеждала Ахматову, что встреча может ее погубить. Ахматова возмущалась, но ничего поделать не могла. Ее энергично охраняли от сына. Идиотка Ольшевская внушала Леве, что в больницу он без ее разрешения и без нее не пойдет, для чего она грозилась принять соответствующие меры. От меня Ахматову охраняла внучка Пунина, ангелоподобное создание со злым маленьким личиком. Ахматова была стара и беспомощна, и ее окружали претенденты на фантастическое наследство.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 90

> «Я и не знаю, что в этой бумаге, — говорила княжна, обращаясь к князю Василию и указывая на мозаиковый портфель, который она держала в руках. — Я знаю только, что настоящее завещание у него в бюро, а это забытая бумага…» — «Я знаю, милая, добрая княжна, — сказала Анна Михайловна, хватаясь рукой за портфель и так крепко, что видно было, она не скоро его пустит. — Милая княжна, я вас прошу, я вас умоляю, пожалейте его. Je vous en conjure…» Княжна молчала. Слышны были только звуки борьбы за портфель.

Часть XI
«ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЭТ»

МЕСТО АХМАТОВОЙ В ПОЭЗИИ

When someone asked her: «Whom do you consider the greatest poets of the 20-th century in Russia?», she answered immediately, «But why? It is, of course, Mandelshtam, Pasternak and Akhmatova».

Когда кто-то спросил ее: «Кого вы считаете самыми значительными поэтами 20 века в России?», она мгновенно ответила: «Как это кого? Это, конечно же, Мандельштам, Пастернак и Ахматова».

Ирена КИРИЛЛОВА. Интервью в Лондоне. Стр. 9

«Ее знаменитые любовные стихи, от которых все без ума, очень хороши, но и очень ограниченны. Только к концу жизни она стала великим поэтом, но этого почти никто не понимает».

Иосиф Бродский.

Кейс ВЕРХЕЙЛ. Танец вокруг мира. Стр. 14

В начале карьеры написала несколько шлягеров. На этом можно ставить точку — и добавить восточную мудрость: «Если прожить долго, можно дождаться всего». Она жила долго и некрасиво. Писать — то почти не писала, то написала несколько постыдных агиток, то, как ей казалось, контрагитку («Реквием»), на самом деле вполне конъюнктурную вещь, то, с великими осторожностями, фигами и пр., вторичную по форме, стилю, даже приемам «Поэму», потом слабоумные геополитически-любовные стихи «Гостю из будущего» (к сожалению, реальному и ни в чем не повинному человеку), а потом — дождалась «всего». Рецепт становления великим поэтом в ее возрасте прост: пишешь крепкие профессиональные стихи, а читатели сами заполняют их временем прожитых тобою лет, тенями великих поэтов и космическим гудом уходящей эпохи. Страшно — если не понять, что это не открытый космос. Это — планетарий.

Иосифа Бродского привела в планетарий бабушка. Она держала его за руку — и он не хотел ее обидеть.

Иосиф Бродский был на редкость почтительным сыном в жизни — таким же стал и внуком.

Рассказала, что сейчас на Западе из русских поэтов более всех переводят Мандельштама. «А я не иду. Я не нравлюсь». И, снова рассмеявшись, пояснила: «Как Пушкин; прошу меня извинить».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962.

Стр. 422

Ей **(Музе Анны Ахматовой)** говорю:

«Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?»
Отвечает: «Я».
Анна АХМАТОВА

Я стал говорить, что стихи «Клевета» слишком холодны и слишком классичны. «То же самое говорит и Володя Шилейко. Он говорит, если бы Пушкин пожил еще лет десять, он написал бы такие стихи».

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 188

Сама себя она сравнила — сравняла — с Пастернаком, Мандельштамом и Мариной Цветаевой. «Когда-нибудь имя мое прочитают в учебниках дети» — так получилось, что не она попала в учебники, а ей свезло так, что ей дали составлять этот учебник. Сейчас «четверо» стало непреложным законом, когда говоришь, что Анна Ахматова — это поэт второго ряда, тебе возражают: нет, она входит в четверку самых великих поэтов двадцатого века. Никто не вспоминает стихотворения Бориса Пастернака, написанного им в двадцатые годы: «Нас мало. Нас может быть трое…» Трое — это он, Маяковский и Марина Цветаева. Анна Ахматова вторична и воровата — но проступков ее никто не замечает. Стало — по ее счету — четверо. Это благородно, что она прибавила Осипа Мандельштама, хотя «взамен» Маяковского — нелепо. Ну, а то, что ввела сама себя…

«Нас четверо» — даже саму эту формулу — и ту не она придумала. Впрочем, я не собираюсь подбирать ей только благородных предков. В этом наивном приеме есть у нее и менее блестящие предшественники.

Поэт Сергей Бобров, например. В 1914 году в стихотворении «Турбопеан» он пишет взятые Ахматовой на вооружение строки:

Над миром высоко гнездятся
Асеев, Бобров, Пастернак.

«И Ах-ма-то-ва!» — распевает Анна Андреевна.

О том же говорит она и прозой: вот на какой ноге она со знаменитыми современниками.

21.05.1926.

АА заговорила о том, кому из поэтов она не решилась бы сделать указания на какой-нибудь недостаток. Стала думать — Блок? Блоку, пожалуй, она могла бы сказать… Она представляет себе: «Он поблагодарил бы и сказал — «Хорошо, я посмотрю потом»… **(Она даже слова знает, какие он сказал бы).**

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 76

Слава Богу, вроде никто не подхватил крылатую фразу.

Пастернак ее не читал, Цветаевой она не нравилась как поэт, Мандельштам хвалил ее из лукавого расчета, Блок ее презирал, Маяковский пел ее на мотив «Ухаря-купца».

По словам АА:

Мандельштам не любит АА. Не любит и ее стихов (об этом он говорит всегда и всюду, и об этом он написал в статье в журнале «Искусство»), Мандельштам не любит А А. Но Мандельштам превосходно знает, что АА считает его прекрасным, одним из лучших (если не лучшим) современных поэтов, и знает, что она всегда и везде всем говорит об этом. А мнение АА имеет слишком высокую ценность, чтобы можно было не дорожить им… Поэтому он считает нужным поддерживать с ней и личные отношения. Так было, и, вероятно, поэтому Мандельштам пришел.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 266

Алексей Федорович [Козловский] скоро выяснил для себя, что Анна Андреевна не очень хорошо знала поэзию Хлебникова, хотя хорошо знала его отношение к себе.

Г. Л. КОЗЛОВСКАЯ. Мангалочный дворик… Стр. 386

Любой поэт был интересен только в этом аспекте — ЧТО он будет писать и говорить о ней, Ахматовой.

Днем я привезла Анне Андреевне из Переделкина от Корнея Ивановича новый, с учетом всех ее замечаний и просьб, вариант предисловия. «Это — шедевр Корнея Чуковского».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 554

Этим шедевром и войдет в историю литературы Корней

Иванович Чуковский. Плачьте, маленькие дети, — вас заставят учить его статью об Анне Ахматовой.

Пастернак написал статью, обнаружив слабое знакомство с поэзией Ахматовой. И даже кое-что большее, чем слабое знакомство.

Прочитав статью целиком, я поняла, наконец, почему так обиделась Анна Андреевна. Дело вовсе не в путанице «Подорожник» — «Вечер»! Это мелочь, хотя и характерная. Но все же «Предисловие» в целом — воспринимается как история поэзии XX века, и в этой истории Ахматова для автора почти не существует, ей посвящен всего-навсего сбивчивый абзац, в то время как, например, Марине Цветаевой целые страницы.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 270

А она знай пишет, какие несметные стихотворения Цветаева ей посвящала… Спровоцированную гормонами влюбленность, ничего не значащий восторг приколола к делу, показывает, подсмеивается, закатывает глаза: «Марине я очень мешала».

Когда Борису Леонидовичу что-то нравилось, то он был необычайно щедр и царственно расточителен в своих похвалах. Я почти не помню его отрицательных оценок. Он или молчал, или хвалил.

Александр ГЛАДКОВ. Встречи с Пастернаком. Стр. 163

Анна Андреевна, между тем, обнаружила подкладку своей обиды. «Я послала ему свою книжку с надписью: «Первому поэту России», подарила экземпляр «Поэмы». Он сказал мне: «У меня куда-то пропало… кто-то взял…» Вот и весь отзыв».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 224

Волков: Она оскорбилась, когда узнала, что Маяковский ее «Сероглазого короля» пел на мотив «Ехал на ярмарку ухарь-купец».

Бродский: Обижаться на это не следовало бы, я думаю.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 50

А на какой мотив петь? «В полях ромашки рву»?

И не только Маяковскому казались страстные стихи Ахматовой пошлостью. Безымянные «чтицы» — и те иногда

обнаруживают литературный вкус.

«Вечер поэзии А. А. Ахматовой» в Союзе писателей. Первое отделение:

1. Слово Б. Эйхенбаума.

2. Пение — артистка…, пианист…

Положенные на музыку Прокофьевым: a. «Солнце комнату наполнило…»

в. «Настоящую нежность не спутаешь…»

c. «Память о солнце». d. «Здравствуй…»

e. «Сероглазый король» (дважды засмеялась на одном и том же месте и так и не кончила).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 157

20 сентября 1934.

В еженедельнике «Литературный Ленинград» напечатана статья Н. Степанова «Поэтическое наследие акмеизма». А.А. в статье не упомянута.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 147

Волков: О письмах Ахматовой к вам… В одном из них она цитирует следующее свое четверостишие:

> Глаза безумные твои
> И ледяные речи,
> И объяснение в любви
> Еще до первой встречи.

Бродский: Я уж не знаю, почему Ахматова именно это четверостишие процитировала в письме именно ко мне. Но лично я все эти ее «речи-встречи» и «речи-невстречи» воспринимаю как проходные рифмы. И потому я эти ахматовские «речи-встречи-невстречи» одно от другого не отличаю.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 265

Это — о «всей сфере женских чувств».

Марина ушла в заумь. Пастернак наоборот: он вернулся из своей пастернаковской зауми в рамки обычной Поэзии. Сложнее и таинственней был путь Мандельштама.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 156

Правда, мы ей не верим — что это без расчета? А наблюдения малоинтересны, особенно что касается «обычной» поэзии, «poesie vulgaris». Это, кстати, что за зверь такой?

Перефразируя Бродского, скажу, что я эти ее «таинственности», «тайны» и «тайнописи» одно от другого не отличаю.

О Есенине. Все-таки «Клен ты мой опавший» — есть такая песня, а «Сероглазого короля» — а это ее главный шлягер, гарант «славы», на которую была обменена жизнь, — не поют. Дар Ахматовой песенный — именно так и она характеризовала свой талант: «только пела и ждала», «таинственный песенный дар». С Есениным у нее какая-то недоговоренность. Никто никогда не осмелился сказать, что они равны даром: ведь как-то неловко было поставить рядом какую-то там «Отговорила роща золотая» и — «Я всю жизнь читаю Данта». Только вот что она вычитала в Данте? «Приведите, приведите меня к нему, я хочу видеть этого человека» рождалось после реальности алкогольного бреда, а маскарады «Поэмы без героя» были тщательно высижены за изучением чужого творчества. И за «Что ж ты смотришь так синими брызгами, / Иль в морду хоть» могло воспоследовать полновесное получение в морду, а изысканное «Муж хлестал меня узорчатым, вдвое сложенным ремнем» было жеманно-эпатирующим эвфемизмом других, не физических, а гораздо более грязноватых унижений.

Беда Цветаевой — если это беда — что она не создала себе позы, как Анна Ахматова. Та сознательно и неуклонно изображала великую поэтессу. Цветаева ею была.

Юрий НАГИБИН. Дневник. Стр. 408

«Вышла «История литературы», издание Академии наук. Там про меня говорится, что я мещанская поэтесса».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 106

Надежда Яковлевна Мандельштам. Единственное, чего она хотела, — это умереть в своей постели, в некотором роде ей даже хотелось умереть, потому что «там я опять буду с Осипом». — «Нет, — как-то сказала ей на это Ахматова, — на этот раз с ним буду я».

Иосиф БРОДСКИЙ. Некролог Н. Я. Мандельштам. Стр. 152

Это почему же? Как стихотворец она ему не пара, Бродский сам это неоднократно и везде признает, здесь только промолчал, защищая красное словцо — а также желание Анны Андреевны, которое для него — закон.

Они пришли с Зинаидой Николаевной вместе довольно поздно, когда уже садились за стол. Его начали усаживать с Анной Андреевной, но он очень решительно отказался и просил, чтобы его место за столом было рядом с Зинаидой Николаевной. Ахматова была, в свою очередь, удивлена и обижена этим недоразумением.

Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. Стр. 480

Пастернаку жить осталось меньше года, и Ахматова гневно отодвигает Зинаиду Николаевну, так же, как и Надежду Яковлевну. Что за нарушение симметрии!

В один из осенних дней 64 года мы с ней сидели на скамейке в перелеске у дороги на Щучье озеро, проезжал на велосипеде юноша-почтальон и, страшно смущаясь, спросил у меня: «Вы Бродский»? И когда он отъехал, она заметила: «Ему очень хотелось, чтобы с Ахматовой был Бродский, так симметричней».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 176

Все несчастье Л. Н. Гумилева в том, что он — сын двух поэтов-неудачников.

Письмо М. Ф. Хвана — В. В. Струве.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 328

Литератор — почтенное ремесло; поэт, если он не стал великим, — неудачник. Разве нужно иметь какое-то необыкновенно развитое чутье, большее, чем у культурного человека М. Ф. Хвана, чтобы увидеть, что Анна Ахматова (равно как и муж ее Николай Гумилев) — не великий поэт? Но Анна Ахматова положила жизнь на то, чтобы создать себе определенную репутацию, и стучащемуся — вору! — отворили.

Традиционная версия — прямо противоположная: Лев Гумилев, сам по себе никто, страдает за знаменитых отца и мать.

Чем больше несчастья Льва Николаевича — тем большее признание славы Анны Андреевны. В этом торге она участвовала, не вдаваясь в сопереживание страдательной стороне.

Знаки признанного величия она внимательно учитывала, удовлетворенно оценивала на глаз, эффектно щелкала

костяшками на счетах.

Я зашла к ней прямо из поликлиники после довольно болезненной процедуры. «Как вы терпите?» — участливо расспрашивала Анна Андреевна и, как всегда, без всякого перехода прочла еще два новых стихотворения. Одно на падение Парижа и другое о бомбежке Лондона. Я была ошеломлена, опустила голову, уткнувшись лицом в стол. «Не притворяйтесь, что вы плачете», — сказала она, скрывая под иронией удовлетворенность произведенным впечатлением.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 282

Но самая большая бестактность была совершена им с самого начала. Анна Андреевна, чуть только Оксман поздоровался с нами, протянула ему экземпляр «Реквиема» и сказала: «Пойдите туда, к окну, сядьте за стол и прочтите. А мы тут с Лидией Корнеевной будем сидеть тихо, как мыши». Мы не сидели тихо, как мыши, мы потихоньку разговаривали, по Юлиан Григорьевич, к моему глубочайшему удивлению, ЧИТАЯ СТИХИ, — впервые читая «Реквием»! — подавал от окна реплики и участвовал в нашей беседе… Анна Андреевна относилась к этому кротко.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 564

Она просто чувствовала, как собака: кто ей даст отпор, а кто — замрет, пораженный ее величием.

«Вы заметили, что случилось со стихами Слуцкого о Сталине? Пока они ходили по рукам, казалось, что это стихи. Но вот они напечатаны, и все увидели, что это неумелые, беспомощные самоделки. Я боялась, с моим «Реквиемом» будет то же. Перепечатала и стала показывать. Показала Андреевым. Нет, плачут».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 565

А Оксман нет. А какой цинизм в этом голливудском приеме по выжиманию слез! Интересно, Иосиф Бродский плакал или нет? Но уж во всяком случае, он — не мог не чувствовать, что написано для того и так, чтобы выжать слезу.

Потом пришла не то портниха, не то просто какая-то дама продавать ей летнее пальто. Одергивая на Ахматовой полы, она говорила: «Только зад вам короток, а перед в самый раз. Я как услышала «Ахматова», я прямо села. Ведь вот, например, Пушкин:

«Зима!.. Крестьянин, торжествуя» — больше я ничего не помню. А ваши все стишки знаю наизусть. Про сероглазого короля очень красиво. Да, зад придется выпустить, а перед в самый раз. Я у одной видела: вы на карточке нарисованы с челочкой, молодая, очень пикантно»…

«Я рада была тогда, что вы ушли. Мне казалось, вы ее сейчас ударите».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 115

А за что? Разве «Сероглазого короля» написала эта дамочка?

В Пролеткульте читал каким-то замухрышкам и горничным об Анне Ахматовой — слушали, кажется, хорошо!

К. И. Чуковский.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 18

Анне Андреевне не понравился мой ответ. Она произнесла поучительным голосом: «Я пишу для людей. Для людей, Лидия Корнеевна, а не для себя».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 367

Это так.

Чуковская разбирает стихотворение Ахматовой.

Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.

Ахматова («природа» для нее — это свято): «Вы хотите сказать, в любой беде героиню утешает природа?» — «Не только природа. У вашей героини существуют разные способы превращать в праздник любую беду, оскорбление, обиду». — «Вы напишете об этом когда-нибудь?» — спросила Анна Андреевна неожиданно жалобным голосом.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 146

Как может поэта интересовать, будет ли когда-нибудь растолковано его творчество — в писаном виде, единственно правильным образом, так, чтобы в газете можно было напечатать…

Она говорила про те знаменитые свои книги, которые научили женщин изъявлять свои чувства, что это — ее юношеские стихи. Вот это интересно. Эти «Четки», «Anno Domini», «Белая стая» она рассматривала как юношеские стихи, потому что в зрелом возрасте она стала писать на другие, более значительные темы.

В. Е. АРДОВ в записи Дувакина. Стр. 147

Даже и в зрелом возрасте она не поняла, что не в темах дело. С какой покорностью все превозносят значительность ее тем!

И от этих тем не осталось ничего, кроме, как говорила Цветаева, «содержания». Заодно и ей самой, на ее смерть, написано содержательное стихотворение. Куда как значительна тема: смерть Марины Цветаевой. И вот развитие темы:

Ты любила меня и жалела,
Ты меня как никто поняла.
Так зачем же твой голос и тело
Смерть до срока у нас отняла?
Анна АХМАТОВА. Т. 2 (1). Стр 251

Вполне сравнимо с тем, как на траурном митинге где-нибудь в заводоуправлении скорбные рабочие читают стихи собственного сочинения о безвременно умершем товарище. Немного слишком назойливо о том, как покойный их лично выделял, любил, жалел, понимал и пр.

«Пролог».

Там ведь все таинственно и загробно, и многозначно…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 168

Каждый знает себе цену. Замечательно, что гений знает, что он — гений. Как правило, этого знания самого по себе ему достаточно. Анне Андреевне требовался еще и ценник с точно проставленной стоимостью. Она не допускала снижения котировки ни насколечко, следила очень ревностно.

Забавный и живописный оборванец, Валя Катаев, предложил мне пари: кто скорее — я или он — завоюем Москву. От пари я

отказалась, потому что Москву завоевывать не хотела, разве что написать дюжину натюрмортов. У меня уже тогда было полное равнодушие к паблисити и деятельности, я думаю, под влиянием Мандельштама. У него было четкое ощущение поэзии как частного дела, и в этом секрет его силы: перед собой и для себя звучит только основное и глубинное. Хорошо, если оно окажется нужным людям. Мандельштам сам не знал, кто он и какова его глубина, и по этому поводу не задумывался.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 66

На пленуме писателей в 1936 году.

Меня удивило тогда, что каждый выступавший, начиная говорить о литературе, съезжал на Пастернака. Большинство говорило, что Пастернак величайший поэт эпохи, и когда Борис Леонидович поднялся на эстраду, весь зал поднялся и долго аплодировал, не давая ему говорить. Едучи обратно, Борис Леонидович возмущался безумной тратой денег на банкеты и дорогую кормежку, и все для того, чтобы выяснить вопрос, какое место он занимает, настоящий художник не должен иметь ощущения своего места, и он не понимает выступлений товарищей.

Зинаида ПАСТЕРНАК. Воспоминания. Стр. 285

24 декабря 21.

«Вы читали журнал «Начала»? — «Нет, но видел, что там есть рецензия о вас». «Ах, да», — сказала она равнодушно, но потом столько раз возвращалась к этой рецензии, что стало ясно, какую рану представляет для нее эта глупая заметка Чудовского.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 184

Мой друг предложил встретиться с Ахматовой. Это имя не значило для меня тогда почти ничего. Во-первых, я вообще удивился, что она еще жива. Поскольку я собирался говорить с ней, я заблаговременно прочел два или три ее стихотворения, но это мало что дало. Когда мы садились на поезд, я вообще воспринимал все это как загородную прогулку. Ахматова жила на даче за городом.

Иосиф БРОДСКИЙ. Большая книга интервью. Стр. 174

Ему встретилась женщина: умная, трезвая, циничная, более старых он не знал — вся русская интеллигенция этого поколения была или выбита, или вывезена водным путем. К Пастернаку было не пробиться — тот был занят творчеством и не склонен был окружать себя свитой, делающей поэта. Да и Бродский, предчувствуя главенство, совсем не стремился —

не думал о никаких окололитературных кругах. Ахматова поманила сама — и перед его глазами встали леса Германта. Оказывается, герцогини так долго живут.

Если бы Ахматова догадалась умереть в 1922 или в 1958 году, подумал бы о ней Бродский хоть раз, как он думал о вечно живом Пастернаке?

Как-то раз я сказал ей «поэтесса» — она на меня рассердилась и сказала: «Никогда не называйте меня и женщин, которые хорошие писательницы, поэтессами. Мы все только поэты. А поэтесса — это…» — она покачала головой и ничего больше не добавила.

В. М. ВАСИЛЕНКО в записи Дувакина. Стр. 314

Поэт, бильярд, «большие слова».

Она была у Пастернака и пришла оттуда возмущенная, ну знаете, на грани неприличных слов просто, что это — черт знает что! «Он меня пригласил к себе, а там оказался… Вертинский!» «И Вертинский мне не давал… он оседлал меня. Он все время говорил: «Я и Вы, Вы и я — вот я пою Ваши стихи, вот мои стихи, вот Ваши стихи и т. д. Я была возмущена ужасно. Я подошла к Борису и говорю потом: «Как же Вы могли позвать меня и Вертинского? Что, Вы не понимаете, что этого вообще нельзя делать»?

М. Д. ВОЛЬПИН в записи Дувакина. Стр. 261

Я никогда не слышал от нее сравнения Мандельштама с нею самой. Она всегда тонко чувствовала место этого человека в поэзии. Она была очень смиренна. Она говорила: «По сравнению с ним и Цветаевой я всего лишь мелкая корова. Я корова», — вот так она говорила.

Иосиф БРОДСКИЙ. Большая книга интервью. Стр. 18

Она всегда тонко чувствовала — что и кому надо говорить. Она была опаслива, при Бродском бы она Цветаеву рыночной торговкой не назвала.

Читает о себе в новой Литературной энциклопедии.

«Филигранная работа. Все как будто точно, и годы, и названия, и даже без брани — и все сплошное уничтожение и уничижение. «Вас здесь не стояло». Не было у меня славы, не переводились мои стихи на все языки мира **(ну на все языки мира, наверное, все-таки и не переводились, так ведь и два месяца назад она сама говорит, что непереводима — «как**

Пушкин, извините меня»), ничего».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 432

Книга об Анне Ахматовой называется «Pro et contra». Это плохой знак. Как говорится, прогноз для Анна Андреевны неблагоприятный.

Божьему замыслу чужда амбивалентность. И сказал Бог: Это хорошо. Никаких «Pro et contra». Задача художника — выявить, увидеть, создать свой однозначно прекрасный и реальный мир. Разницы в оценках могут быть у современников, у тех, кто связан еще живыми поколениями — но как только художник окончательно (здесь есть простой, как все в этом мире, критерий: пока не прервется еще биологическая связь с теми, кто видел художника в его земной ипостаси) — и все оценки должны определиться. Над «Тайной вечерей» никто не задается вопросом: хорошо или плохо. Она написана для медитаций на другие темы.

Обед еще не был готов, все сидели где попало, Анна Андреевна в углу на диванчике. Лукницкий сказал: «Я написал роман, который никто не будет читать», Лева не хотел от него отставать и заявил, что он написал рассказ, который никто не будет читать. Даже Пунин вступил в это смешное соревнование и указал на одну из своих статей, которую тоже никто не будет читать. Тогда из угла раздался звучный и мелодичный голос Анны Андреевны: «А меня будут читать».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 241

Будут. Как писал злобный критик Тальников на заре ее карьеры: «…томно-порочная — на нее всегда ведь есть спрос».

А «Северные элегии» хороши только тем, что по улице перед ее дверями пронесли слишком много тел ее врагов.

ДОСЛОВНО

Кое-кто (хотелось бы, чтобы не «когда-то» — к этому есть тенденция, об Ахматовой теперь уже почти нельзя говорить или спорить, разве что — упомянуть с восторгом) мог себе позволить сказать об Ахматовой то, что думал, дать характеристики ее творчества не такие бессмысленно-афористичные, ничего не говорящие, как те, что приводит она сама, для достоверности подчеркивая, что приводит ДОСЛОВНЫЕ характеристики. СЛОВА уж больно незначительные.

Вячеслав Иванов, когда я в первый раз прочла стихи, сказал, что я говорю недосказанное Анненским, возвращаю те драгоценности, которые он унес с собой. Это не дословно. А дословно: «Вы сами не знаете, что делаете».

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 557–558

Вот это ж надо, как сказал, а? Лет пятьдесят назад, кажется? Но такое раз услышишь — и не забыть вовек.

А «драгоценности», «недосказанное» — это уж она по памяти, не дословно, но ведь вроде так надо о ней говорить?

«Вы сами не знаете, что делаете».

Может, кто-то все-таки знает, «что она делает»?

Д. А как Вы ее воспринимаете как поэта?

Б. Я очень ценю ее, конечно, как поэта. Ну, сейчас ее произвели в ранг великих поэтов. Я думаю, что это, конечно, преувеличено. У нее все-таки узкий диапазон для великого поэта, узкий, мелкий. Даже вот та же человеческая-то ее натура — она тоже не натура великого человека. Нет.

М. М. БАХТИН в записи Дувакина. Стр. 48

Эгоцентричная поэзия, вращающаяся вокруг «я» и «меня», не знающая иных отношений, кроме любовной игры и «несытых взоров», не знающая природы. Для Ахматовой небо «ярче синего фаянса», потому что фаянс она хорошо знает, а небо мало.

Д. ТАЛЬНИКОВ. Анна Ахматова. Четки. Стр. 110

Все время капельки того, что вызывает оскомину. Это ее самовлюбленность: движущая сила большинства стихов. Самовлюбленность, наигранное православие, нечто «дамское»

(чего в жизни нет) и звон шпор.

Если б она поняла, что все эти стихи надо выбросить, было бы очень хорошо. Может, с оставшимися стихами можно было бы жить. А так — нельзя.

Надежда Мандельштам.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 75

1935 год.

Характерные черты ахматовской поэзии — крайний индивидуализм, пессимизм, идейное мелководье и полуигрушечные переживания. Поэзия Анны Ахматовой не только не является возрождением пушкинизма, но по своей основной идейно-художественной направленности прямо противоположна Пушкину.

Волков А.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 14

10 июня 1942.

Нимфа дня три назад зашла ко мне и сообщила, что перечла «Из шести книг», что это однообразно и очень бедно по языку.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 432

Такие мнения считаются злобными и недалекими.

Прочла — перечла — почти всю книгу Ахматовой, и — старо, слабо. Говорят, — Ива. Но одна строка Пастернака (1917 г.) —

Об иве, иве разрыдалась,

и что остается от ахматовской ивы, кроме — ее рассказа, как она любит иву, то есть — СОДЕРЖАНИЯ?

Марина Цветаева.

Анна САКЯНЦ. Марина Цветаева. Стр. 717

Если поэзия символистов видела в образе женщины отражение вечно женственного, то стихи Ахматовой говорят о неизменно женском.

В. М. Жирмунский. Теория литературы.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 94

Блок на вечере у Сологуба сказал мне полушепотом, когда кого-то из поэтов обвинили в подражании Ахматовой: «Подражать ей? Да у нее самой-то на донышке».

Воспоминания Ю. Л. Сазоновой-Слонимской.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 87

О ее стихах:

1915 год.

Как страшно ограничен их круг, как тягостно со стороны их однообразие.

В. Кранихфельд.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 81

Все виды «любовной пытки» изображены в этой книге, насыщенной каким-то утомленным страданием…

М. Моравская.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 72

Но ведь все пишут эту стилизацию детской наивности, это — готовая форма поэтов и особенно поэтесс современности.

Д. ТАЛЬНИКОВ. Анна Ахматова. Четки. Стр. 108

Любовь делает г-жу Ахматову и набожной, и хрустящей, и откровенной, и поэтичной, и гордой, и робкой, и чувственной и… в конце концов скучной. Каждое стихотворение кажется битком набитым банальностями.

Л. Войтоловский.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 72–73

Ее поэтический труд больше связан с внешними условиями, чем с внутренним ростом.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая киша. Стр. 280

Вы даже уверили себя в том, что я «ненавижу» Ахматову, тогда как я просто никогда не любила ее стихов, с юных лет. Дамские страсти мне были чужды и… смешны. Что касается второй половины ее литературной деятельности — я к ней тоже равнодушна, представьте.

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 85

Появилась совершенно неприличная рецензия на «Подорожник».

Анна АХМАТОВА. Автобиографическая проза. Стр. 238

Так Ахматова отвечает на критику, это ее уровень.

Она [Ахматова] разрушена последние дни бесстыдной и наглой книгой Эйхенбаума. / Имеется в виду книга: Эйхенбаум Б.

«Анна Ахматова. Опыт анализа» Пг., 1923. Отрицательная реакция А. Ахматовой на книгу представляется несколько преувеличенной: в целом исследование выдержано в почтительной или по меньшей мере нейтрально-исследовательской тональности.

Н. ПУНИН. Дневник. (Текст/примечания). Стр. 162–477

Мне совсем не нравится «минуя и ахи, и охи… эпохи». Это совсем не верно по отношению к Блоку. Меня очень огорчает такое снижение вкуса. Бедная Анна в этом не виновата, конечно. Это влияние советской среды, с которой нельзя было бесконечно бороться. Как бы она ни сопротивлялась ей, среда все же действует, в конце концов.

Артур Лурье — Саломее Андрониковой.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 99

То Баратынского она не читает, потому что в школе не проходят, то в поэзии вкус плохой, потому что среда заела.

«Анна Андреевна, вы понимаете, что сенсационность Ваших выступлений и этот успех… Вы очень умный человек, и Вы должны понять, что это не всегда соответствует ИСТИННОЙ сути дела, Вашей поэтической сути даже, потому что, — я говорю — Вертинский имеет такой же успех». И, мне кажется, она СТРАШНО разозлилась. Я говорю: «А Вы не сердитесь, Анна Андреевна. Недаром же к Вам и приставал Вертинский, он чувствует себя в той же точке освещенности, в том же кругу. И тут я бы на Вашем месте был бы так же брезглив, как Вы были брезгливы у Пастернака. Различайте тех, кто любит Вашу поэзию, и тех, кому нравится вообще все «вертинское» на свете, какой-нибудь возврат, какая-то смутная ностальгия по каким-то смутным воспоминаниям прошлого и, в общем, — я ей сказал — ненависть к Маяковскому. Это одно из моих мерил всегда. Те, кто любит Вас, в огромном большинстве любит Вас назло Маяковскому, а не вместе».

М. Д. ВОЛЬПИН в записи Дувакина. Стр. 270–271

Мария Петровых: «Для Ахматовой русский язык был воздухом, дыханием и никогда не был предметом страсти. Она не знала сладострастия слова».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 359

Кралин: Блок считал Ахматову большим поэтом и выделил единственную среди всех в самой злой, самой желчной своей

статье «Без божества, без вдохновенья».

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 96

Это называется признанием Блоком Ахматовой! Как не вспомнить Салтыкова-Щедрина: «Взгляни в любую лужу, и в ней увидишь ты гада, который иройством своим всех прочих гадов превосходит и затмевает». Блок не просто выделил ее на фоне ничтожеств (такова его идея), а — надо читать внимательнее! — написал, что она еще дальше других акмеистов отходит от декларированной ими идеи силы и мужества.

1913 год.
12 января.
Впечатления последних дней. Ненависть к акмеистам.
А. Блок. Дневник.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 59

«Жизнь ко мне очень жестока, и вот сейчас одна из наибольших жестокостей: эта книга, составленная Сурковым». Она вынула из чемоданчика и положила передо мной папку. Я открыла. Но не успела я перевернуть две страницы — Анна Андреевна захлопнула ее и с искаженным лицом снова засунула чемодан.

«Какой прогресс и агрикультура!» — как писал когда-то Зощенко. Снова переиздадут «Сероглазого короля»! **А она что хотела?**

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 214–215

Это не зловредные критики — это она сама взбешена против того, что написала сама когда-то и что смогла написать за всю жизнь. В чем здесь вина Суркова?

1922 год.
«Комнатная интимность Анны Ахматовой».
Маяковский на вечере в Политехническом.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 38

Выступление Маяковского на диспуте:

Великий грех, что он считает хорошей писательницей Анну Ахматову, которую лучше называть Ахматкиной (как это сделано в пародии). Стихи Ахматовой очень удобно петь на мотив «Ехал на ярмарку ухарь купец».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 49

У Ахматовой не было революционного темперамента, необходимого для всякого замечательного артиста, говорящего «свое слово» в искусстве. Все великие творцы были революционны, даже Бах!

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 47

В ранних стихах Ахматовой было некоторое своеобразие психологии; в новых только бессильные потуги на то же, изложенные стихами, которых постыдился бы ученик любой дельной студии.

В. Брюсов.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 52

…Последних стихов Анны Андреевны он [Пастернак] не любил, вернее — просто с трудом читал. Очевидно, раздражала манерность сюжетного построения. Получив от нее машинописную тетрадку с «Поэмой без героя» и с ее автографом, вперед сказал мне вопросительно-утвердительно: «Прочти. Я просмотрел. Все прекрасно, а вообще — «ти-ти-ти» — а что — неизвестно».

Ольга ИВИНСКАЯ. Годы с Борисом Пастернаком. Стр. 173–174

Сам Бродский, наложивший запрет на нелицеприятные высказывания о творчестве Ахматовой, никогда не упоминает ее, когда говорит о литературе — какого бы аспекта ее он ни касался, — Анна Ахматова нигде не сказала ему ничего нового, он говорит о других писателях. Другое дело, когда его спрашивают прямо: «Ахматова?» Об Ахматовой — только хорошее.

Новые живые люди останутся холодными и бессердечными к стенаниям женщины, запоздавшей родиться и не сумевшей вовремя умереть.

В. Перцов.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 91

Это кровожадное высказывание Ахматова велит понимать буквально, хранит вырезку и приравнивает к намерению Сталина ее «медленно отравить».

Большинство из приведенных критических цитат — о

раннем периоде ее творчества. Потом писать почти перестали — да ведь и стихов ее почти не стало. Не «не печатали», а — не было их. Критиковать соответственно было нечего. Весь потенциал ее творческой личности перешел на королевствование в быту. Потом — если не говорить всерьез о «Поэме без героя» и о СОДЕРЖАНИИ «Реквиема», потом написала несколько — что мало для того, чтобы быть великим поэтом, — стихотворений. Любой поэт может написать одно гениальное стихотворение — так нам распределяли роли в божественной комедии. Живя так долго, можно все-таки увидеть и жизнь и написать о ней элегию.

Когда Осип Брик поставил на голосование предложение Маяковского: запретить Анне Ахматовой на три года писать стихи «пока не исправится», большинство простым поднятием рук поддержало Маяковского.

Э. Л. Миндлин.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 39

Я — тоже «за».

СВОИМИ СЛОВАМИ

Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с «Анной Карениной», Тургенева с «Дворянским гнездом», всего Достоевского и отчасти даже Лескова. Генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не в поэзии.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ. Письмо о русской поэзии. Стр. 515

В. В. Гиппиус: «Я вижу разгадку успеха и влияния Ахматовой в том, что эта лирика пришла на смену умершей или задремавшей форме романа». Мандельштам: «Ее стихи не только песни, но и повести. Возьмите рассказ Мопассана, сожмите его до предельной сгущенности, и вы получите стихотворение Ахматовой».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 365

Как-то вроде не очень лестно для поэта звучит, когда его стихи сравнивают с — повестями. Хотелось бы — трагедия там в стихах, роман, а повесть — это как-то…

«Вера Кузьминична плохо жила с мужем. Человек он был порядочный и приятной наружности, но иногда, садясь у окна… или нет… выйдя на прогулку, спрятав руки под темной вуалью… Вера Кузьминична, нет, лучше, Зинаида… Мальчик сказал мне: как это больно. И мальчика очень жаль!»

Жирмунский: «Целый ряд стихотворений Ахматовой может быть назван маленькими повестями, новеллами».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1943–1966. Стр. 365

Бродский благословляет свой дар за то, что он — не прозаический. Проза — утилитарное, аппликативное украшательство жизни, как подблюдные песни, интерьерная живопись, застольное музицирование. Поэзия — искусство само по себе, автономная часть жизни.

Она пересказывает несуществующие романы кратко и красиво, но не сочиняет поэзию.

Я согласна, что дар Ахматовой — это сжать рассказ Мопассана и выдать его публике в рифмованном виде. Хотела бы я знать, удалось бы ей сжать роман Пруста? Да, ее поэзия — это форма романа — вульгарная, предсказуемая,

небоговдохновенная.

В мою задачу не входит разбирать ее творчество, поэтому ограничусь немногим.

«Я боюсь, когда меня сравнивают с Пушкиным. Такая громада — и вдруг я с горсточкой странных стихов».

Анна Ахматова.

И. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 117

Горсточка была действительно маловата. Настолько, что в связи с этим в жизни Ахматовой, доброй ее половине (более недоброй, чем первая), и в ахматоведении появилась абсурдная тема: сколько писала Анна Андреевна. Много или мало.

Насчет того, насколько «странны» эти стихи, дело обстоит проще: стихи не странны, они рассудочны.

Ахматова говорила об одном литературоведе: «Он приходил ко мне и объяснял, какая разница между моими стихами и стихами Блока. Блока нельзя рассказать, а вот ваши стихи я могу передать своими словами так, что выйдет почти не хуже».

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. Стр. 133

Выйдет, как говорила о ней Марина Цветаева, — «содержание».

Вот как они создавались:

Анна Андреевна читала мне также лежа стихи из будущего «Реквиема». С тех пор я помнила и «бледного от страха управдома» **(неужели это можно назвать поэтическим образом, точной и свежей метафорой, годной для образования поэзии — точного и непохожего на других взгляда на мир?)**, и «Распятие», о котором Анна Андреевна сказала мне после возвращения Левы, что эти стихи ему читать не надо было.

Правда, Леве что «Я к розам хочу», что «Реквием» — все дамские рукоделия.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 265

Начало Первой Ленинградской элегии:

«Россия Достоевского. Луна».

Скажи «Достоевский» — во рту станет сладко. А на Анну Ахматову упадет тень его гения. Называние — как, с той же

самой целью, упоминание Чарли и Кафки.

Ахматова неточно цитирует Лермонтова — получается душераздирающий романс: «Но не с тобой — я с сердцем говорю». Она очень настаивала на этом ошибочном чтении <… >. На самом деле: «Но не с тобой я сердцем говорю». **Надрыв ушел — для Ахматовой это уже не поэзия.**

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 466

«Вы напомнили мне Колю. Он говорил, что вся моя поэзия — в украинской песенке:

Сама же наливала,
Ой-ей-ей,
Сама же выпивала,
Ой, боже мой».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 289

Во всяком случае, Анне Ахматовой нужно поменьше мыслей о «славе», поменьше самовлюбленности.

Что, красавица, что, беззаконница?
Разве плохо я тебе пою?

Плохо. И особенно плохо то, что явно плохая песня так нравится самому автору.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК. Анна Ахматова. Стр. 338

А по мне плохо особенно то, что «беззаконница» — это не вежливый поклон Марине Цветаевой при принятии подарка, а беззастенчивое использование чужого приема.

«На столе забыты / Хлыстик и перчатки» — говорит, что фурор производили и повторялись всеми эти строки. А — о своих стихах, тех, которые опошлены.

П.Н ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 225

Как можно еще больше опошлить строки:

И глаза, глядящие тускло,
Не сводил с моего кольца,

Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.

……
О, я знаю: его отрада —
Напряженно и страстно знать…

Это критика, это пародия или это сами стихи?

Угодивший маме Блока заслуживал его искренней благодарности. Что бы он сказал, если б узнал, что Ахматова за это будет требовать для себя не только «нобелевки», Бог бы с нею, а Пушкинского венца?

А, ты думал — я тоже такая.

……
А человек, который для меня
Теперь никто…

Зачем она придумала это определение — «тон рыночной торговки»? Теперь не нужно долго подбирать слова, характеризуя и ее стихи.

……
И скупо оно и богато
То сердце… богатство тан!
Чего ж ты молчишь виновато?
Глаза б не глядели мои!

Знаменитый пэтч-ворк — переделка старья, жалко же выбрасывать. Трагедийный хрип о непожелавшем жениться любовнике экономно, слово за словом переделывается в ходовой по послевоенным временам мотив — о Победе.

Я бы лучше по самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

Теперь пусть будет так:

Как мой лучший день я отмечу,
Когда я о победе пела.
Когда я победе навстречу
Обгоняя солнце, летела.

В окончательном варианте песня будет начинаться так:

Белым камнем тот день я отмечу.
А. АХМАТОВА

Совсем красиво.
На такие стихи и пародии не надо писать.

Некогда в месяце августе в СССР собирается приехать по своим делам малознакомый, но судьбоносный человек — сэр Исайя Берлин. Анна Андреевна пишет об этой случайно узнанной новости гекзаметрами Васисуалия Лоханкина:

О август мой, как мог ты весть такую
Мне в годовщину страшную отдать?

Требует мнения:

«Никто мне ничего про них не говорит. Сказали бы хоть вы два слова — ведь вы умеете говорить о стихах». — «Скажу ровно два: великие стихи». — «Не хуже моих молодых?» — «Лучше». <…> значит ли это, что стихи о приезде написаны в годовщину постановления?

…«Волчица ты, тебя я ненавижу».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 230–231

Великие стихи — не хуже ее молодых: «На столе забыты хлыстик и перчатки».

Ахматова считает себя вправе злобно иронизировать над Блоком и заявляет, что треть его стихотворений «бледны и безвкусны». Острит она и насчет «звездной арматуры» Блока. Занятие малопочтенное, так как острить можно над самой Ахматовой без конца.

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 36

В книге «Четки» слово «смерть» и производные встречаются 25 раз. Затем идут «тоска» (7), «печаль» (7), «томление» (7), мука, боль, грусть, горе, скорбь, тяжесть, горький; любимый цвет Ахматовой — черный, вещи и улыбка — неживые, из эпитетов особенно часты — тайный и странный. Душный ветер, душная тоска, душный хмель, душная земля, «было душно от жгучего света», «было душно от зорь нестерпимых». Узости мирка Ахматовой (при утонченности ее переживаний) соответствует и словарь поэтессы.

Г. ЛЕЛЕВИЧ. Анна Ахматова (беглые заметки). Стр. 465

В начале ее творческого пути слова были просты, их было мало — но ей больше нечего было и сказать, она вполне выражала ими то, что было в душе — и это было честно. Под конец (когда она становилась «великим поэтом») метод стал совсем спекулятивным: были придуманы слова «темный» и «светлый», ими обозначалось все, а читатель становился обязан наполнять их неимоверно — под стать величию — объемным содержанием. Слова «темный» и «светлый» надо было принимать на веру.

Вот как она орудует на своей фабрике величия:

Ты мой первый и мой последний
Светлый слушатель темных бредней,
Упованье, прощенье, честь.

И потом он, ее честь, объявляет ей, что жениться не будет.

«Мой первый» меняется на «не первый», «мой последний» — соответственно на «не последний». Светлый слушатель — на темный, темные бредни — на светлые. Получается

Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней.
А. АХМАТОВА

Смысл — ахматовский. Бредни-небредни, речи-невстречи. Вот строки, которые нас того и гляди заставят петь хором на собраниях:

«Час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет».

Как плохой перевод каких-то римских стихов. Только там авторы были как боги в первый день творения, они давали имена тому, что будет потом на земле: горе, герой, жена, радость. Она пишет так, как будто и Державина до нее не было: косноязычно пересказывает передовицу из газеты.

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады

В двадцатом веке это можно писать не в пародии?
Это уж и до Тредиаковского.

Как Вы знаете, у ранней Ахматовой моментов таких философских, что ли, в стихах почти совершенно не было, совершенно. Это была лирика, чисто интимная лирика, чисто женская лирика. Но ставить вот такие общие вопросы <…> глубины большой в этот период ранний, когда я ее узнал, у нее не было в стихах. Не было ее и в жизни, как мне показалось. Ее интересовали люди. Но людей она ощущала именно <…> по-женски, как женщина ощущает мужчину. Ну и поэтому мне она лично не очень понравилась.

М. М. БАХТИН в записи Дувакина. Стр. 46–47

Под конец жизни, когда она «стала великим поэтом», «философские моменты» появились.

Она пишет шекспировским слогом (творческий прием все того же Васисуалия Лоханкина, уровень философии — такой же).

Позвольте скрыть мне все: мой пол и возраст.
Цвет кожи, веру, даже день рожденья **(даже!)**
И вообще все то, что можно скрыть.
А скрыть нельзя отсутствие таланта
И кое-что еще, остальное ж **(ж-ж-ж)**
Скрывайте на здоровье…
А. АХМАТОВА

Конечно, она имела в виду, что скрыть нельзя наличие таланта, но постеснялась и занялась рифмованным обличительством некоторых пройдох, которые при отсутствии таланта примазываются к литературе, вступают в профком, посещают кружки марксизма-ленинизма и претендуют на путевки в Дом творчества. Какой она себя чувствовала современной, читая в модной подвывающей манере это тонкое и великое стихотворение…

Оно действительно ничего не скрывает.

ПРО ПОГОДУ И СУЩНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ДАРА

О сущности поэтического видения мира.

Говорили о Пастернаке. АА сказала, что у него очень развито чувство погоды и способность находить все оттенки для ее описаний.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 257

Анна Андреевна снова о Пастернаке и поэме «1905 год».

«А я очень не люблю Шмидта, кроме отдельных небольших кусков. Ведь он там, в сущности, ни о чем, кроме погоды, не пишет».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 219

«Знаешь эти накатанные осенние дороги…» — говорил я и кончил признанием, что хочу написать об этом рассказ. Она пожала плечами: «Ну, миленький, о чем же тут писать! Что ж все погоду описывать».

Иван БУНИН. Жизнь Арсеньева

Марина Цветаева написала большую статью о Пастернаке, где есть раздел «Пастернак и дождь». Одно это заглавие показывает, в каком масштабе ей видится Пастернак и его творчество — а меньший ее не интересует.

В начале сотворил Бог небо.

Библия. Первая книга Моисея. Бытие.

С неба началась погода. Наверное, ее и стоит описывать. Нельзя это отнести только за счет плохой памяти и приблизительности Лукницкого. Вот Ахматова действительно ничего не понимала ни в погоде, ни в природе. Описывала это, включала в свои произведения со своей всегдашней приблизительностью и формальностью: мол, как у всех, и шиповник, и лебеда.

Не понравилось ей стихотворение Пастернака в «Знамени». «На июльском воздухе нынче далеко не уедешь».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 230

Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас внаем.
Б. ПАСТЕРНАК

А нынче что же у нас в моде? Какие такие острые социальные вопросы велено освещать?

Волков: Русский поэт обыкновенно оказывается более демократичным в своих стихах, чем в реальной жизни. Анна Андреевна в одном из ранних своих стихотворений говорит о себе: «На коленях в огороде / Лебеду полю». Лидия Гинзбург вспоминала, как гораздо позднее выяснилось, что Ахматова даже не знает, как эта самая лебеда выглядит.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 236

В том-то и беда, что ничего демократического в этом приеме (наигранной простонародности) — нет. Над Есениным она первая смеялась — не беззлобно, конечно, за кушаки и поддевки, а сама знай про лебеду да про шиповник. У Есенина как раз прием был чисто внешний, для «реальной жизни», никто ведь не сомневался, что он и лебеду видел, и жеребенка трогал, и по полю бегал — и что для него эти образы несут конкретный смысл, если он выражает себя через них, значит, он знает, о чем говорит. А когда Ахматова пишет про шиповник — кто ее знает, заалело у нее в душе или пожелтело, — она и сама не знает, что там это значит. Но — красиво. Поэтому-то для нее и не было слишком основательным комплиментом, что «природу знает» или — «погоду». Действительно, как формальный прием это не бог весть что, даже религиозная символика, при всей и ее заезженности, все-таки понаряднее будет. А реальный смысл природных (и «погодных») явлений был ей полностью недоступен. Ускользающий от нее самой смысл внешних, простых и простоватых красивостей — вот и все значение ее поэзии.

Чем ниже уровень поэзии, тем чаще эти поэты прибегают к образам погоды и природы, они знают, что этим и полагается заполнять строки. А когда появляется Пастернак, он пишет о погоде — и не знает, есть ли что-то еще достойное того, чтобы об этом писать. Смешно, но даже в нашей отечественной городской — пригородной — фабричной попсе — и то пишут и поют только о тропках, стежечках, веретенах. Они, которые снега от дождя не отличают. Не видели их никогда. Как Анна Ахматова.

Волков: При встрече Фрост подарил Ахматовой книгу с надписью. Анна Андреевна об этой книге высказалась весьма сдержанно: «Видно, знает природу». Что было в ее устах невеликой похвалой.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 109

А зачем тогда она в своих стихах обращается к образам природы? Для проформы, как всегда?

Фрост подарил ей свою книгу с надписью. О книге она отозвалась довольно-таки небрежно: «Видно, знает природу». Я несильна в английском, но мне его стихи нравятся — он не только знает природу, он и сам как бы часть ее.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 509

О Солженицыне:

Он читал ей свои стихи. На мой вопрос, хороши ли они, она ответила уклончиво: «Из стихов видно, что он очень любит природу».

Наталья РОСКИНА. Как будто прощаюсь снова… Стр. 538

С природой у нее что-то неладно. Она настолько бессмысленно употребляет всегда это слово, особенно когда речь идет о стихах, что кажется, будто ей совсем неведомо, что это такое — природа. Ну а к стихам какое это имеет отношение, даже природа. Стихи должны быть о сущности вещей, а не о природе.

Это не уклончивый ответ, а глупость.

Тем не менее она знает, что про погоду — это прилично, все-таки про погоду поэт должен писать, тогда его можно будет «от прочих незнающих болванов отличать». Сама природа для нее — пустое место. Тогда она заменяет ее другим, более понятным и обжигающим ее словом: дача.

Пишет о Пастернаке. За всю жизнь две странички воспоминаний и философствований набралось.

Появилась дача (Переделкино) сначала летняя, потом и зимняя **(немножко слишком подробно для конспекта)**. Там, в Подмосковии **(ой ты, гой еси, Подмосковии)**, — встреча **(встреча! больше негде было встретиться и некогда до 1936 года?)** с природой. Природа всю жизнь была его единственной полноправной музой, его тайной собеседницей, его невестой и Возлюбленной, его Женой и Вдовой.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 153

Как скучно читать, правда? особенно потому, что — читано (Россия, Русь, жена моя, да и потом перепевали, кому не лень)?

Бесконечные ахматовские бессмысленные «тайны».

Поэзия Ахматовой — это песня (чтоб было складно) или новелла (по-лагерному — роман) в стихах — чтобы про любовь, чтобы страшная любовь, вам не понять. А погода — это о сути вещей. Суть ей недоступна.

Она механически перемешивает свои темный, светлый, первый, последний, как делают пародисты. Ей кажется, что

Ненастный день потух,
Ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой

можно легко заменить на

Погожий день потух и т. д.,

но Пушкин в таком случае пишет

Мороз и солнце! День чудесный…

потому что его стихи о сути вещей.

Погода, как мы поняли, тема мелкая, недостойная поэта. Есть еще одна — еда. Правда, при этом перечислении мне опять вспоминается Толстой, который сказал: «Kinder, Kirchen, Kuche — немцы отдали женщине самое важное. Что же осталось мужчинам?»

Вульгарная мысль — разоблачать литературу за сюжеты. К тому же выбран все-таки неоднозначно низкий — еда.

Я очень хорошо помню, как это было. Журнал «Иностранная литература» напечатала тогда «Праздник, который всегда с тобой» Хемингуэя. Ахматова была удивлена низменностью этой вещи, тем обстоятельством, что столь одаренный и знаменитый писатель под старость не может вспомнить о Париже времен своей молодости ничего, кроме меню — что и как он ел и пил. «Неужели, — спрашивала она, — и мои воспоминания о

Модильяни производят такое же впечатление?» Мы все, разумеется, ее разуверяли.

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 51

А она разве там писала о еде? Могла бы помнить и сама, писала или нет, что спрашивать?

А что их объединяет? Почему они должны быть похожи?

Какая наивная и недалекая вера в то, что сюжеты — даже просто место и время действия — объединяют произведения литературы! Тогда надо было бы ожидать, что «Приключения барона Мюнхгаузена в России» должны «производить такое же впечатление», как произведения Гоголя. Она не догадывается, что в литературе важно совсем другое?

А вот здесь запомнить еще слово «разоблачать»:

«Как не похоже на Хема. Они только и делают, что говорят о еде, вспоминают вкусную еду, и это как-то разоблачает его беллетристику, где все время едят и пьют».

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 93

И немедленно выпил.

Венедикт ЕРОФЕЕВ. Москва — Петушки

Безобразие. Эти вообще даже и не «едят и пьют», а совсем в мелкотемье впали и уже только пьют.

Не разоблачить ли ей еще и автора «Старосветских помещиков» да и многих, многих других? Вот Пруст, например, написал об поедании размоченного в чае пирожного «мадлен» много страниц…

Гуров в «Даме с собачкой» ест арбуз — и мы тоже что-то за этим видим. Что останется от мировой литературы? Только глобализм ее поэмы без героя, смущающей двадцатый век.

Везде у нее — о святости сюжета, о его первостатейной важности для литературы, о том, что Чехов плох, потому что «у него не сверкают мечи». Разве она будет так мелочиться?

АА читает мне отрывок из неоконченной поэмы «Трианон».

И рушились громады Арзерума,
Кровь заливала горло Дарданелл…

АА говорит, что «тут и Распутин, и Вырубова — все были», что она начала ее давно, а теперь «Заговор императрицы», написанный на ту же, приблизительно, тему, помешал ей, отбил охоту продолжать.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 129

Некоторых не пугает, что темы заняты — любви, измены, смерти, — продолжают себе писать как ни в чем не бывало… «Заговор императрицы» Алексея Толстого… После Толстого уже нельзя писать? Алексей Толстой все описал?

Об Ольге Берггольц.

«И второе то, что это неправда. Все неправда. Потому и не могло стать искусством».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 479

Все как раз наоборот: это не было искусством, а потому было неправдой. Иначе никто не мог бы писать сказок и никто не мог бы описать себя (а только это и делает настоящий писатель). Ведь Я — это неправда для ДРУГОГО.

<…> Обратно ехали мимо новостроек. Разговор перекинулся на Ленинград. Ахматова сказала, что начала было писать воспоминания о Петербурге, но в это время ей попались мемуары Стравинского, где он описывает город и по цвету и по запаху, т. е. так, как хотела написать Ахматова. И тогда она бросила эту затею: «Переписывать его — не моя очередь».

Василий КАТАНЯН. Прикосновение к идолам. Стр. 422–423

То есть после воспоминаний Стравинского никто не должен больше «описывать» Петербург? А ведь смельчаки продолжают находиться — те, кому есть что сказать.

«Я совсем, совсем распростилась с одним поэтом. Его для меня просто нет больше. С Есениным. Вчера Боря прочитал мне стихотворение, в котором поэт скорбит, что у него редеют волосы и как же теперь быть луне, что она, бедненькая, станет освещать. Подумайте, в какое время это написано».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 170

То есть она понимает, что может быть стыдно. В какое время что написано.

Но согласимся, что все-таки было бы довольно естественно допустить в замысле скорбящего о луне поэта хоть чуть-чуть иронии.

Да и если бы она, кума, на себя бы оборотилась — то тоже что-нибудь за собой бы нашла: «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума», например. «Подумайте, в какое время это написано».

Сюжет — основа литературы, среди сюжетов она находит самый достойный.

2 декабря 1961 года. Больница. Я сейчас поняла в Пастернаке самое страшное: он никогда ничего не вспоминает. Во всем цикле «Когда разгуляется» он, уже совсем старый человек, ни разу ничего не вспоминает: ни родных, ни любовь, ни юность.

Анна Ахматова.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 291

А почему надо вспоминать? Где это написано, что надо вспоминать? Самое страшное — это когда человек не живет, а вспоминает (уж я не говорю — придумывает воспоминания, как она). Что вспоминал в старости Толстой? Разве на это он тратил свою старость? Разве для этого прожил? Пруст вспоминал, но не в старости, и вспоминал не прошедшее, а усомнился, что прошедшее — прошло и больше не существует. А на теплой лежанке в полумаразме вспоминать родных, любовь и юность — вот это страшная, мелкая участь.

Марина Цветаева назвала слово и похуже «сюжета», она сказала: «содержание». Всю ахматовскую книгу «Ива» (из серии шиповник, лебеда, все дощато…) она меняет на одну пастернаковскую строчку (раздирающую душу, как весь он, это не сероглазый король), и от великой поэтессы ничего не остается.

Боюсь, что Ахматова этого даже бы не поняла.

«ЛЕБЕДУ ПОЛЮ»

Кроме респектабельных символов, она использовала и штампы попроще: лебеду, шиповник — так, как это она видела у других поэтов, пишущих «о погоде». Наверно, потому она и отзывалась о них так зло и пренебрежительно: «на июльском воздухе нынче далеко не уедешь», «видно, что знает природу» — потому что считала, что они так же, как и она, используют эти образы механически, для исполнения какой-то культурной повинности — и на тебе, получают за это дивиденды: славу, интерес, успех… Она не хочет уступать.

На коленях в огороде
Лебеду полю.

В голодные годы Ахматова живала у Рыковых в Детском Селе. У них там был огород. В число обязанностей Натальи Викторовны входило заниматься его расчисткой — полоть лебеду. Анна Андреевна как-то вызвалась помогать: «Только вы, Наташенька, покажите мне, какая она, эта лебеда».

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. Стр. 133

Я сказала ей, что из стихов видно — она очень любит лебеду. «Да, очень, очень».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 147

Дело не в самой лебеде. Она не знала и многого другого — но писала об этом. Эта глава — о неточности и необязательности слов у Ахматовой.

«Лебедой» были следующие слова: «светлый» («темный»), «тайна», «таинственный», «встреча» (про «невстречу» уж и не говорю), и — главное — «страшный». «Страшный» — обозначает все и заменяет все. Ей кажется, что все пугаются ее видений. Она-то сама ничего не боится — она родилась без радости жизни, и страха ее потерять у нее нет (бытовая трусоватость — это другое).

Когда ей нечего сказать, она говорит: «страшный», но ее читательницам кажется, что они понимают ее.

Представляю себе оледенелый, суровый, все забывший город. Хочу увидеть его предвесенним, когда он оживает и начинает вспоминать. А впрочем, и тогда в нем слишком много страшного.

Анна АХМАТОВА

Слово «страшный» — слишком легкий трюк. Если запустить его как удочку в компьютер с ее текстами — выйдет уморительное страшильское чтиво. Но практически каждое ее «страшно», бессистемно разбросанное в моей подборке, узнается по острому запаху жеманной безвкусицы.

Ей предоставлялась небольшая комната с окошком в сад. Прямо под окном поднимались каменные, с боков замшелые ступени на каменную террасу. Дом был одноэтажный, каменный, со скромным, но классическим фронтоном и нишами по сторонам главной двери. Стены дома были чуть не в метр толщиной. Не могу не остановиться на одном недоумении. Среди стихов тех лет у Ахматовой есть одно, посвященное нашей семье и говорящее о Старках — «Под Коломной». Все стихотворение ставит акцент на «деревянность» усадьбы — «Все бревенчато, дощато, гнуто…»…. Так или иначе, меня удивляет, что Ахматова прошла мимо той каменной стихии, которой отмечены многие, если не все, строения Коломенского района, обильного белым песчаником.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. Стр. 282

Она слышала, что вроде так надо. Своего языка выдумать не могла, а писать все про хлестал да хлестал — надо чем-то разбавить: шиповником, лебедой, дощатостью, а уж чем там дощатость отличается от каменности — это дело пятое.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу…

Все это прекрасно, да только вот беда: «крик аиста» поэтесса не могла услышать, ибо аисты — кричать не умеют… И невольно думается, что такое стихотворение с «кричащими аистами» можно написать, только насилуя себя, только фантазируя на заведомо чуждые темы.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК. Анна Ахматова. Стр. 337

Мальчик посылал свои стихи матери в Ленинград, и Анна Андреевна находила, что Лева пишет совсем как отец, «стиль такой же». Но ее огорчало то, что он постоянно находится в мире фантазий: пираты, древние греки, исторические баллады, далекие страны… А ей хотелось бы, как записал Лукницкий, «чтобы Лева нашел бы достойным своей фантазии предметы, его окружающие,

и Россию… Чтобы он мог найти фантастику в плакучей иве, в березе…» **В лебеде.**

М. Г. КОЗЫРЕВА, В. Н. ВОРОНОВИЧ. Дар слов мне был завещан от природы. Стр. 8

Леве было двенадцать лет, хоть жизнь у него была действительно не сладкая, но писать уже прямо о плакучих ивах — это было бы слишком.

У поэта Ахматовой — равнодушие и даже пренебрежение к слову. Слово — слишком малостоящий предмет, не надо наивничать, придавая ему слишком большое значение по сравнению с действительно значимыми в жизни вещами — успехом, славой, привилегиями. То слово или это — большой разницы нет, главное — плясовой или какой-то еще утилитарный ритм и красивость, рождающая приблизительные расхожие ассоциации. Не только музыка должна быть такой, чтобы ее легко было напевать, стихи предпочтительнее тоже такие.

Не зря в своих самых продажных стихотворениях:

Но мы сохраним тебя,
Русская речь,
Великое русское слово.

и

…слово, то что сказал нам Сталин
Где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли, —

Анна Ахматова торгует именно тем, что должно быть для нее свято. Никаких возражений здесь не принимаю: она стеснялась этих стихотворений, заклеивала их вручную в сборниках (в экземплярах, которые дарила знакомым) — так почему же с весомым правом поэта она выставляет на продажу не сами понятия свободы, величия, мира, а именно то, что является предметом ее бизнеса: СЛОВА?

Отсутствием простоты страдает известное стихотворение Ахматовой, посвященное памяти Булгакова, несколько высокопарное и не совпадающее с живой, ироничной и чуждой всякого аскетизма и позерства личностью писателя. «Ты сурово жил», «великолепное презренье», «скорбная и высокая жизнь»…

В. И. САХАРОВ. А. Ахматова и М. Булгаков. Стр. 204

Это — как «hommage», «подношение», принятое в музыке, но в поэзии, в которой скрыться труднее, слова, а особенно их сочетания, более однозначны, чем ноты, поддающиеся все-таки большему количеству толкований, — это подношение подозрительно похоже на завернутую в тряпочку жареную курицу в скудноватое время — на лесть, одним словом…

Поскольку в этой главе я — о словах, то прошу обратить внимание на трескучие расхожие выражения, которыми она пользуется в поэзии.

Презрение Ахматовой к погоде объясняется тем, что «описывать погоду» для нее значит — находить самые точные для такого описания слова, сверхзадача — в этом описании подчеркнуть высоту и значительность собственной личности.

Пример: Ахматова описывает почти что для нее погоду — произведение искусства. Некоторым, наиболее респектабельным, она придает статус нерукотворности и позволяет себе со знанием предмета только восхищаться. Уровень ее замечаний таков:

В связи с десятой годовщиной победы над фашизмом было решено вернуть Германии культурные ценности, которые в конце войны были вывезены как трофеи. Ленинград прощался с Пергамским алтарем. Тогда Эрмитаж посетили сотни тысяч людей. Побывала тогда в Эрмитаже и Ахматова. Пергамский алтарь она характеризовала словами: грозный, трагический, великолепный, непоправимый.

Ирина ВЕРБЛОВСКАЯ. Горькой любовью любимый. Стр. 247

Что нам дает такое описание? Для чего его читать? Только чтобы убедиться в возвышенном строе мыслей Анны Андреевны? Думаю, что теперь никому об этом не дадут забыть: есть опасение, что в рамках возрождения духовности город многострадальный Ленинград сделают Петербургом имени Анны Ахматовой.

Об имени Маяковского:

И еще не слышанное имя
Бабочкой летало над толпой…

А могла бы сказать и — стремительным домкратом летало имя над толпой: маяк-то летающий — это вам не шутка. Ничем слово «Маяковский» на бабочку не похоже: ни

фонетически, ни семантически. И сам Маяковский, как ни посмотри, тоже на бабочку не похож. Сказанула, и все.

Опечатка, которая привела ее в бешенство — «иглой» вместо «стрелой» в строках:

> И башенных часов большая стрелка
> Смертельной мне не кажется иглой.

«Что за бессмыслица! Смертельны стрелы, а не иглы.

А может, и иглы тоже. В сказке о спящей красавице, например. И что далеко ходить — у Владимира Маяковского умер отец от заражения крови, уколовшись иглой. Как невнимательно люди читают стихи. Все читают, всем нравится, все пишут письма — и не замечают, что это полная чушь».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 107

Изложила свои ночные вагонные впечатления: сквозь мутное грязное стекло какой-то безобразнейший город с полицейскими фургонами, нищими, с неуклюжей дамбой. «Этот город — Венеция. Утром поднимется солнце и она опять станет нерукотворно-прекрасной. А ночью — такая».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 269

Ночью Венеция НЕ такая. Ни днем, ни ночью ни один полицейский фургон НЕ может заехать в Венецию. Туда НЕ может заехать ни один автомобиль, тем более фургон. Нищие, на этот раз все правда, и днем и ночью в некотором количестве присутствуют — вокруг вокзала. Дамба — элегантное и остроумное инженерное сооружение. По Венеции НЕ проходит. Прекрасной Венецию делает НЕ солнце, а скорее отсутствие его. Солнце украшает то, что Господь создавал на солнце. Венеция создавалась в дымке, в потянувшейся в приморской мешанине мелководной воде, в бликах и перебрасываемых, как мячики, тенях от каждого вновь возведенного здания — на сваях-то не размахнешься… Можно почитать эссе «Fondamenta degli incurabili» Бродского — там не о солнце.

Жалко, что она, очевидно, ехала в советском вагоне. В итальянских поездах стекла не мутные и не грязные. В шестидесятых годах это тоже было так.

Она смотрит и не видит. А когда надо сказать — говорит,

заботясь лишь о том, чтобы было оригинально.

«Я — виновница лучших стихов Асеева и худшей строки Блока: «Красный розан в волосах», сказал бы: «с красной розой» — уже красивее, правда? А то этот ужасающий, безвкусный розан».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 59

Если бы Блок был не Александр Блок, а Эдуард Асадов, он, возможно, и написал бы настолько красивее. А вот Блок чувствовал разницу между розой и розаном, и очевидно, сказал то, что хотел сказать. Насчет Асеева — она вольна так считать.

Всех семи смертельных грехов…

«Грехи смертные, а не смертельные» — сказал Корней Иванович. «Это совершенно все равно», — не без раздражения ответила Анна Андреевна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 44

«Он просил меня заменить слово «лягушка» в моем стихотворении. — «Чтоб не спугнуть лягушки чуткий сон? — вспомнила я. — И вы сделали «пространства»? Далековато»! — «Это совершенно все равно», — сказала Анна Андреевна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 456

Лягушку, конечно, она себе представляет хорошо. Сон ее, чуткий или беспробудный, — не очень. Но здесь просто она дает ответ на вопрос: для красоты ли у нее красивые слова, или для смысла — или чего-то еще, для чего пишутся стихи.

Несказанные речи
Я больше не твержу,
Но в память той невстречи
Шиповник посажу.

Анна Андреевна, сажающая шиповник, — это сильно, особенно если знать, что она неделями не выходила из дачи.

В строфе «Это все наплывает не сразу…» вместо «вспышка газа» сделано «запах розы».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 379

Это к розам.

«Я ее эти ахматовские «речи-встречи-невсгречи» одно от другого не отличаю».

Иосиф Бродский.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 266

А я — ее шиповник от ее лебеды.

Шахерезада
Идет из сада

И т. д.

Это прекрасно. Но в ташкентском случае ее мифотворчество мне почему-то не по душе (видно, скудная у меня душа). Так и «месяц алмазной фелукой» мне чем-то неприятен, и «созвездие змея». Чем? Наверное, своим великолепием.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 366

И в Ташкенте ей все змеи чудятся. Искусители.

«Он даже удивился легкости, с которой я согласилась выкинуть и заменить».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 153

Выкинуть лебеду, заменить на череду — в чем труд-то?

Море.

«Наяву оно никогда не казалось мне страшным, но во сне участвовало в детских кошмарах про войну».

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 184

В снах мы не вольны, но море намного страшнее любой войны.

«И в памяти, словно в узорной кладке…»

У нее все кладки да узорочье.

Ю. Айхенвальд пишет о ней так:

Но сквозь близкую ей стихию столичности слышится повесть неприласканного, простого сердца, и милая русская бабья душа, и виднеется русская женщина с платочком на голове.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 44

Этому Айхенвальду все Ахматова представляется и

таинственной монастыркой с крестом на груди, и милой бабьей душой в платочке на голове — сплошной маскарад. Ахматова и была ряженой, но, как видим, не все это понимали, принимали почему-то за чистую монету. Неужели не виден букет развесистой лебеды в руках?

Кушнер с Бродским в Америке.

Потом по обыкновению пешком шли в поисках кафе, пили кофе, говорили о Мандельштаме, позднем, об Ахматовой, тоже поздней, и он защищал от меня ее последние стихи. Когда я сказал, что не люблю стихотворения «Я к розам хочу, в тот единственный сад / Где лучшая в мире стоит из оград»: подумаешь, «я к ро-зам хочу», я воспроизвел ее интонацию, — все к розам хотят, мало ли что! И потом, почему же «лучшая в мире» — в этом преувеличении есть нечто от официального пафоса тех лет: все лучшее — у нас, он почти согласился, но все же уточнил: «Летний сад — последнее, о чем еще можно было писать». **(И не писала бы, если больше не о чем писать).** Остроумно заметил, что в старости поэт и не должен писать лучше, чем в молодости.

А. КУШНЕР. Здесь, на земле… Стр. 190

В России трудно стремиться к розам. Стремиться душой можно к тому, что привычно и неотъемлемо является частью традиционного ландшафтного дизайна — к березкам, например. Розы не российское растение, дома селян не увиты розами, чистые старушки не подрезают розовые кусты с утра до вечера — растению укрывной агротехники трудно войти в массовую культуру, особенно в России — мы не японцы, где именно в преодолении, в изменении, в подчинении природы находится собственная традиция. «Японские поросята — что за рожи, что за эксцентричность породы!» (Это Лев Толстой занимался животноводством.) В богатых садах, где садовники собирали все причуды флоры мира, она тоже детство не проводила. Хотеть ей к розам — все равно что англичанин вот х-о-т-е-л бы к баобабам — видывал их в оранжерее у какого-то богатого эксцентрика. И теперь — «я к баобабам хочу».

«Это какое дерево? — указывала Анна Андреевна на большую крону вдали и удивлялась: — Как можно не знать?» — Она называла вяз или тополь и не уставала любоваться старым дубом перед нашим домом.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 548

Она спрашивает у Герштейн или учит ее, как ребенка? Лебеду полю… Или как с Анненским — узнав, что тот ничего

не писал о любви к младшей Горенко, то есть опровергнуть не может, — вдается в псевдовоспоминания. Так и с вязом: вы знаете, что это такое? Не знаете? Тогда это — вяз.

Это еще в двадцатых годах заметили студентки Корнея Чуковского, сказавшие, что вся ее архитектурная эрудиция — из книги Курбатова. Она написала даже не стихотворные иллюстрации к книге Курбатова, а просто время от времени рифмованно цитировала его — вот и вся ученость. А так — интересная идея — что-то вроде гравюр Доре к главам из Библии. Цикл стихов по путеводителю Курбатова. Смысл — почему не обратиться непосредственно к петербургским улицам — в том, чтобы безбоязненно апеллировать к именам, событиям, обстоятельствам постройки — такую ведь информированность просто так в стихах проявлять неприлично, а мысли ведь иногда обо всем приходят — а тут есть заявленный повод.

Но это я рассуждаю о том, как могла бы идти вольная мысль, а здесь — четкое задание: соответствовать, втискивать свой небольшой дар в шаблонные рамки.

«И ПУШКИН ТОЖЕ БРАЛ» ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗДЕЛА О ТВОРЧЕСКОМ МЕТОДЕ АХМАТОВОЙ, ИЛИ «ВОР У ВОРА ШАПКУ УКРАЛ»

И, читая Шенье, обнаружила в нем места, совершенно ясно использованные Пушкиным… Не те, которые известны уже исследователям, а другие, еще никем не подмеченные.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 114

АА лукаво взглянула на меня: «Все, все — и Пушкин, и Баратынский — брали у него!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 114

Наследование, ученичество, ход времен — это то, без чего было бы неинтересно жить. Если бы каждый творец создавал что-то совсем свое, никак не связанное с предыдущим, он создал бы новый хаос. Гармония — это сладкое взаимодействие. Начетнически скрупулезно изучать строчка за строчкой, выискивать слова, совпадения, реплики — неблагодарный и неблагородный труд. Не зря она с непродуманным восторгом говорит, что пушкинистам на семинаре дали механическую задачку: подсчитать реплики Пушкина Шенье — никто не взялся. Пушкинистам было интересно в Пушкине другое — куда он шел… Конечно, если этот вопрос рассмотреть под другим углом зрения: брал-не брал, сколько, делился ли — то проблема приобретает жгучий интерес. Не для всех. Анне Андреевне — именно это и интересно. «Анна Андреевна взглянула лукаво».

«Пушкин этот — удивительный комбинатор!»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 133

О Томашевском. АА говорила мне о Томашевском, что, по ее мнению, он во всех своих работах по Пушкину преследует «тайную» цель: «найти Пушкину благородных предков» — доказать, что Пушкину источниками служили и оказывали на него влияние, главным образом, перворазрядные поэты, классики, — а не второстепенные. АА иллюстрировала свою мысль примерами (упоминала Мильтона, Корнеля и др., между прочим). И сказала, что такое желание Томашевского, конечно, очень благородно, но, однако, черное все же остается черным, а

белое — белым.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 240

«Черное — черным» — это значит, что «брал» — значит «брал».

3.05.1926.

Весь день, однако, несмотря на болезнь, АА занимается — читает Шенье, вспоминает соответствующие места у Пушкина, находит влияния, отмечает их… Составленный вчера список растет.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 132

Достав четвертый том Пушкина в издании «Просвещение» и привезя его АА, и раскрыв его и заглянув в примечания к Онегину, я увидел, что там о Шенье по поводу этого места нет ни звука. АА выбранила это издание (она вообще не считает его хорошим).

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 240

Она хотела бы, чтобы это — о Пушкине — знал каждый школьник. Кто? — Пушкин. Что делал? — брал.

«Гавриилиада» сделана, по мнению АА, больше всего под влиянием «La Pucelle» Вольтера и этой вещи Парни.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 240

АА, сидя у меня, со смехом оторвавшись от книги, сказала — умышленно грубо: «Здорово я краду у Пушкина!» и прочитала мне строки из «Мне дали имя при крещеньи — Анна…» — до «И часто, стоя в голубой воде…», до «Вдали поет о вечере разлук!» — и вслед за тем соответствующие строки Пушкина. **(Все, мол, со всеми, дело житейское…).**

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 240

АА составила список всех стихотворений Пушкина, в которых сказывается влияние Шенье, — как известных пушкинистам, так и не известных, найденных ею. Период времени Шенье длится с 1819 по 1827 приблизительно.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 131

А всего-то пушкинской жизни сколько было? Сам-то он? Хоть что-нибудь? А?

Пушкинистика в те годы была, как простодушно заметил

Бродский в связи с интересом Ахматовой, самой процветающей отраслью литературоведения. Он-то, конечно, не хотел подчеркнуть, что потому-то Анна Андреевна ею и занялась. Назвать ее прямо конъюнктурщицей он не мог, но и не сказать, пусть и без ярлыка, но все, как есть — тоже не мог. Пушкинистика была — и есть — разная: литературоведческая, биографическая, «беллетризованно-психологическая» и т. д. Анна Андреевна занималась пушкинистикой по понятиям.

Подворовывание — тот аспект, который она не оставляла без внимания ни в ком (часто, правда, заподозривая в этом просто благодарных последователей). И тем не менее делала это с резвостью полной сил ищейки. Не жалея иногда и почти родного отца.

Понятие «культурная традиция» Ахматовой неведомо, она заменяет его блатным «брал». Иногда, поскольку «негативизмом она страдала с детства», она упрекала поэтов в отсутствии литературной эрудиции. А скорее всего — зная все (она действительно была проникновенна — не в вульгарном смысле этого слова) — беспроигрышно находила, чем можно ущипнуть — каждого.

Вот в чем сила Иосифа Бродского: он несет то, чего никто не знал: Т. С. Элиота, Джона Донна, Перселла — этих мощных великолепных англичан! Кого, спрашивается, несет Евтушенко? Себя, себя и еще раз себя.

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 333

Я поклонница Бродского и считаю, что его сила — не в этом. Но вернемся к нашему Пушкину: в чем же его сила? В том, что он «нес» Шенье, Шенье, Шенье, или — себя, себя и еще раз себя?

Взаимное обогащение поэтов, преемственность культур она вполне серьезно считает «уголовным преступлением» (у нее ведь чуть что — уголовное преступление).

Я пошутил, что если в ее стихах так же порыться, то и в них можно найти что-нибудь общее с Бодлером. АА стала протестовать, сказала, что очень хорошо помнит свои стихи и что есть только одно место… «Вот вам крест, клянусь, что это простое совпадение…»

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ Дневники. Кн. 1. Стр. 256

Читает Эдгара По (и это для нее мучительно из-за кровожадности убийств и ужасов, описываемых им). Находит все новые и новые моменты влияния на Н. Гумилева.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 102

Стала мне показывать новые свои изыскания по Николаю Степановичу — читала и дала мне читать, переводила и сравнивала со стихами Николая Степановича — Ронсара. Доводы ее были убедительные и я не мог не согласиться с ней.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 281

Вчера она прочла Виллона снова. И вчера она, как-то вдруг осенившись, «поняла» Виллона (ибо одно дело знать поэта, а другое — понимать его до конца, уловить глубинный смысл его творчества), и так «поняв» Виллона, до вчерашнего дня АА смутно чувствовала его влияние на Гумилева, знала, что оно есть, но не знала, в чем именно оно выражается. Вчера она уловила это. И вот что именно: у Виллона есть строки, где он перечисляет женские имена и говорит об их смерти <…>. Эти строки несомненно повлияли на стихотворение Гумилева: «Священные плывут и тают ночи…», в котором есть такое же перечисление имен (И. Эмери, Ахматова, Карсавина), и Гумилев говорит о смерти.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 73

Я дал АА листок с названиями ненаписанных (или пропавших) стихотворений Николая Степановича периода «Огненного столпа». АА долго их штудировала, сопоставляла, устанавливала последовательность, чтобы уловить момент максимального сближения Николая Степановича с Бодлером. Ей это удалось. Ее порадовала эта находка.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 1. Стр. 240

Интересно, что при изучении чьего-либо творчества — Гумилева ли, Пушкина — она избирает темой своих исследований влияния кого-то на кого-то, заимствования, мотивы. Называет это без экивоков: брал, все брали. Как будто нет других, более интересных тем. Для нее, не умеющей вдохновиться непосредственно жизнью, это — единственный источник творчества.

Какое-то странное семейство: Ахматова — поэт, и «берет» стихами, Гумилев — мэтр, теоретик — теориями.

Андрей Белый где-то сообщает, что он дал Гумилеву программу акмеизма, небрежно набросав ее на бумаге, и Гумилев взял, сказав, что это ему подходит. Более отчаянной и бессмысленной выдумки я никогда не слыхала.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 94

Бессмыслен и отчаян также Александр Блок.

<…> Только, к сожалению, единственная дельная мысль в статье Гумилева была заимствована им у меня.

А. БЛОК. Без божества, без вдохновенья… Стр. 80

Но, между прочим, и Пушкин тоже будь здоров драл. Но это был человек гениальный. Дело в том, кто дерет, а не у кого.

Иосиф БРОДСКИЙ. Книга интервью (2). Стр. 357

Вот что значит школа.

Я сказала Пастернаку: «Вы должны написать Фауста». Он смутился: «То есть как? Перевести?» — «Нет, написать своего». Не оттуда ли слово ДОКТОР при Живаго?

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 152

В нашем деле без этого никак нельзя.

Курьез в творчестве Пастернака — по счастью незавершенная пьеса «Слепая красавица». Ахматова пишет (намеревается писать) свое — знаменитый сценарий о летчиках. Она его так и называет и не может удержаться, чтобы не расширить название до нобелевских размеров: «О ЛЕТЧИКАХ, ИЛИ СЛЕПАЯ МАТЬ».

Горячий протест против нынешних Лаур и Беатриче, рабски имитировавших ее новаторский стиль. Когда в «Вечере» появилось двустишие:

> Я на правую руку надела
> Перчатку с левой руки.

Анна Андреевна, смеясь, сказала: «Вот увидите, завтра такая-то — она назвала имя одной из самых юрких поэтесс — напишет в своих стихах:

> Я на правую ногу надела
> Калошу с левой ноги.

Корней ЧУКОВСКИЙ. Из воспоминаний. Стр. 53

В ожидании рабских подражательниц юркость проявляет сама Анна Андреевна. Ее «Поэму без героя» велено считать необычайно новаторской. Ничего нового Анна Андреевна

сама придумать не в состоянии. Посмотрим, откуда брала на этот раз и насколько «рабски» имитировала.

Уже в октябре 1933 года она слушала у Булгакова отрывки из романа в авторском чтении. Елена Сергеевна записала тогда: «Ахматова весь вечер молчала». Ведь обычно Ахматова говорила с Булгаковым о своей книге и несчастьях, то есть о своей литературе. И вдруг она поняла, что иная, новая литература не только возможна, она уже есть и ничуть не уступает литературе прежних лет. На нее обрушились непривычные образы романа, вырастающие из новой жизни и глубоко и остроумно проникающего в глубины этой жизни и порожденной ею характеров.

В. И. САХАРОВ. А. Ахматова и М. Булгаков. Стр. 205

Она превратно поняла свою роль наследницы великой литературы — или просто не могла ничего поделать. Понимать все — это действительно был ее дар, творить свое — нет. Она просто копировала. Стилизовала эту великую литературу. И Кузмин, и Булгаков уже не были современниками, тянущими одеяло на себя, — и она подражала им.

Вот что она написала после прослушивания «Мастера и Маргариты». Не имеет значения — через день или через десять лет.

Уже **(что значит уже? роман был уже опубликован)** в январе 1962 года в отрывках «Балетного либретто», писавшегося по мотивам «Поэмы без героя», Ахматова создает объемную сцену маскарада, символическую и насыщенную конкретными реалиями эпохи, здесь и маскарад, чем-то напоминающий бал у Воланда в «Мастере и Маргарите» **(к сожалению, даже слишком напоминающий)**: «…на этом маскараде были «все». Отказа никто не прислал…» **А вот и реалии — присланные или не присланные отказы. Билетики, бальные книжки, мазурки…** И не написавший еще ни одного любовного стихотворения, но уже знаменитый Осип Мандельштам («Пепел на левом плече»), и приехавшая из Москвы на свой «Нездешний вечер» и все на свете перепутавшая Марина Цветаева… Тень Врубеля — от него все демоны XX века, первый он сам… Таинственный, деревенский Клюев и заставивший звучать по-своему весь XX век великий Стравинский, и демонический Доктор Даппертутто, и погруженный уже пять лет в безнадежную скуку Блок (трагический тенор эпохи), и пришедший, как в «Собаку» Велемир I. И Фауст — Вячеслав Иванов, и прибежавший своей танцующей походкой и с рукописью под мышкой Андрей Белый, и

сказочная Тамара Карсавина. И я не поручусь, что там в углу не поблескивают очки В. В. Розанова и не клубится борода Распутина, в глубине залы, сцены, ада (не знаю чего) временами гремит не то горное эхо, не то голос Шаляпина. Там же иногда пролетает не то царскосельский лебедь, не то Анна Павлова, а уж добриковский Маяковский наверное курит у камина… но в глубине «мертвых зеркал», которые оживают и начинают светиться каким-то подозрительно мутным блеском, и в их глубине одноногий старик-шарманщик (так наряжена Судьба) показывает всем собравшимся их будущее — их конец. Последний танец Нижинского, уход Мейерхольда. Нет только того, кто непременно должен быть, и не только быть, но и стоять на площадке и встречать гостей…

Анна АХМАТОВА.

С. А. КОВАЛЕНКО. Ахматова и Маяковский. Стр. 169

Разве это не напоминает «грандиозное полотно» Ильи Глазунова «Двадцатый век» более чем Михаила Булгакова? Какая скука и какая всамделишная вторая свежесть!..

В Ташкенте она читала полученную от вдовы рукопись «Мастера и Маргариты». Таких совпадений не бывает, правда?

Ее поэма — это мозаика из чужих мотивов, и вся заимствована. Конечно, она вышла из «Форели» Кузмина, и Ахматова надергала образов и концепций у Блока.

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 95

Ирина Грэм не читала «Мастера и Маргариту», а Ахматова читала.

Теперь меня позабудут,
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу.

А что она хотела бы назвать ахматовской строфой? Строфу «Поэмы без героя»? Нам не привыкать — улицы переименовывают, взятую у Кузмина строфу можно называть и ахматовской. Правда, называет она одна.

16 июня.

Были Гумилев с Гумильвицей, они на днях вернулись из Парижа. Она пишет стихи немного под Гумилева, а старается написать под Кузмина. Но в общем она сносно-симпатичная, только очень тощая и болезненная, но недурная, высокая,

брюнетка. Она вообще очень волновалась.

Письмо М. М. Замятниной — В. К. Шварсалон.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 1. Стр. 37

В 1936 году Ахматова впервые прочла «Форель разбивает лед» Кузмина. В этой поэме Кузмин вызывает к жизни покойников, но не для того, чтобы просить прощения и каяться, а для того, чтобы продолжать прежние «проказы» в новой жизни, где «Покойники смешалися с живыми», а память покорна поэту. В памяти Ахматовой вставали воскрешенные Кузминым общие друзья: Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина, Князев («Гусарский мальчик с простреленным виском»). И вот она пишет свою поэму, прямо отталкиваясь от кузминской «Форели». Строфика Поэмы заимствована из «Форели». Но ахматовская Поэма, выросшая из «Форели», во всем ей враждебна.

Ирина Грэм — Михаилу Кралину.
Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 39

Потому и враждебна.

А вот немного ее стихов, в которых заимствования не надо искать под лупой. И в этом есть не открытость ученика, а бесстыдство шулера.

«Вся я — из Кузмина!» — **с горькой иронией негодует по поводу злобных критиков, пойманная за руку, не признается.**

Я не разбираю все ее творчество — как везде в этой книге, цитирую только то, что помнят авторы, пишущие о ней.

Это — стихи Ахматовой:

Всегда нарядней всех, всех розовей и выше.

А это — по строчке из двух стихотворений Блока:

Была ты всех ярче, верней и прелестней…

Вот вошла и заслонила, всех нарядных, всех подруг.

Все потеряно, предано, продано…

У кого только такого не было до Ахматовой!

Поэтесса заявляет, что она стала «игрушечной». У Моравской был «кукольный» стиль, у Ахматовой — «игрушечный».

Имя «Анна» — сладчайшее для губ людских, понятно почему: ведь это имя автора. Но взята эта сладость у Бунина, у которого: «Сладчайшее из слов земных — Рахиль».
Д. ТАЛЬНИКОВ. Анна Ахматова. Четки. Стр. 111

Невидимка, двойник, пересмешник.
Анна АХМАТОВА

А Мандельштам?

Но ты будешь моей вдовою,
Ты — голубка, солнце, сестра.
Анна АХМАТОВА

По стихам Ахматовой видно, что у нее-то точно есть все, что написал Мандельштам, что она его хорошо знает. И что ей было бы неприятно, если бы после выхода его книги всем стало очевидно, как беззастенчиво она у него «заимствовала».

Флобер, бессонница и поздняя сирень.
Гомер и Флобер — уровень ассоциаций разный будет.
Самое здесь разоблачающее — Артур Лурье, переделывая это стихотворение для переложения на музыку и видя, что Флобер — это как-то жидковато, для дамы-то, патетически восклицающей «Кафка писал обо мне и для меня», — заменил Флобера на Бодлера. Все это не имеет никакого отношения ни к поэзии, ни к мысли — ни к чему, кроме желания произвести впечатление.

А откуда она при этом и что брала — в этом случае уже и не важно.

МОЛЧАНИЕ 12 ЛЕТ

Как для великого писателя, Ахматова писала мало. Не то что я хочу все измерять на килограммы, но после «Сероглазого короля» наступили чуть ли не десятилетия молчания. То ли условия были действительно некомфортабельными и большее трудолюбие вряд ли сулило большие прибыли, то ли слава играла более заманчивыми гранями и при бездействии.

Другое дело, что негативизм ее всегда мучил жестоко — был одной из самых реальных ее болезней. Говорят: не писала, она — в крик: «писала, работала очень много, не издавали». Издали книжку — она плачет: «Не моя! Как я могла писать, когда такое…» Разобраться невозможно, если только не понять принцип: она всегда — возражает. Кто бы что ни сказал. Конечно, это скучно, а яркого здесь только то, что все-таки действительной малой продуктивности в двадцатых — тридцатых годах она, уже ближе к шестидесятым, сочинила оправдание: якобы существовавшее Первое Постановление Партии о Ней. Постановление 1925 года. Его никогда не было. Нет НИКАКИХ следов при полной открытости документов.

Между 1925–1939 годами меня перестали печатать совершенно. Тогда я впервые присутствовала при своей гражданской смерти. Мне было 35 лет…

Анна АХМАТОВА. Автобиографическая проза. Стр. 239–240

«Мне было очень плохо, ведь я тринадцать лет не писала стихов, вы подумайте, тринадцать лет!»

Август 40 года.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 187

«Николай Николаевич отыскал новый повод, чтобы на меня обижаться: почему я, когда мы были вместе, не писала, а теперь пишу очень много».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 88

Н. Я. Мандельштам — Кузину.

Книгу А. А. получила. Вся масса стихов старая.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 51

Новых она просто не заметила — они были как старые. Стилизованные сами под себя, вторичные.

Запись М. И. Цветаевой:

Вчера прочла — перечла — почти всю книгу Ахматовой и — старо, слабо… Но что она делала с 1914 по 1940 г.? Внутри себя.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 50

Все наперебой доказывают, что она что-то делала. Но что она делала? Где все это? Может быть, как-то неимоверно страдала, но что построено ее руками, что мы можем посмотреть?

Ведь в этот период, с 1935 по 1940 год, был создан «Реквием». Это очень много.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 324

Н. Я. Мандельштам — Кузину.

Ахматова не написала, а издала книгу.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 47

А вот гонения, отмеченные только ею.

17 августа 1934 года открылся Первый съезд советских писателей. «На этом съезде Бухарин объявил первым поэтом Пастернака, обругал меня и, вероятно, не сказал ни слова об Осипе».

Это ее очередное шельмование — все для той же цели: сообщить Западу, что — писала, но — находилась под запретом.

Судя по опубликованной стенограмме съезда, ни в докладах Н. И. Бухарина и Н. С. Тихонова, специально посвященных поэзии, ни в прениях по докладам Анна Ахматова ни разу не упоминалась.

Первый всесоюзный съезд писателей. Стенографический отчет. М. 1990

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 147

После 1924 г. мои стихи перестали появляться в печати, т. е. были запрещены, главным образом, за религию.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 86

Эта фраза — для иностранцев. Чтобы объявили ее мученицей.

Религиозные мотивы, которым Ахматова отдает щедрую дань, выступают в ее стихах в домашнем, сниженном плане, являются составной частью интимного быта. Многие стихи Ахматовой воспринимаются как интимный мещанский дневник…

«История русской литературы».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 4. Стр. 107

В этом издании гораздо выигрышнее было бы клеймить ее религиозное исступление, мракобесие и пр. — чем ругали тогда веру в Бога. Ее же просто щелкают по носу за мещанские попевки. Нюх на религиозность — не мещанский быт — в те времена, когда массовая бытовая, поведенческая религиозность была еще в памяти, у критиков был обостреннее. Это сейчас скажешь «лампадка», «заутреня» — и готово.

Тогда она придумывает какую-то слишком логическую цепочку.

Очевидно, около Сталина был какой-то умный человек, который посоветовал ему остроумнейший ход: вынуть обвинения в религиозности <…>. Для заграницы дело обстояло иначе. Ввиду полной непереводимости моих стихов. <…> Меня бы объявили мученицей.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 192

24 ноября 1934 года.

Узнал, что Анна Ахматова опять в Москве, отправился навестить ее. Мы с ней не видались более двух лег. Ахматова сказала, что стихов сейчас пишет мало.

Запись Л. В. Горнунга.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 148

С 1925 года меня совершенно перестали печатать.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 127

А портфель ломился?

У друзей есть свои лестные, но неправдоподобные объяснения.

С Осипом обсуждаем ее молчание стиховое. Он: «Она — плотоядная чайка: где исторические события, там слышится голос Ахматовой. Ровная и глубокая полоса жизни у нее стихов не дает».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 170

А Толстому давала. И Пушкин ни на один исторический катаклизм не попал, ни Данте, ни Пруст — никто.

Конечно, к концу жизни она была сама уже полностью уверена, что была «гонимой», и гонений велела всем ожидать по поводу и без повода.

Константин Георгиевич поблагодарил и поднялся. Перед уходом упомянул совершенно мельком: в Париже, в газете «Русские ведомости» он видел объявление магазина русских книг — там продаются «стихи Анны Ахматовой». На машинке. Лучше бы он этого не говорил. Анна Андреевна сильно встревожилась. «Как вы думаете, это «Реквием» или что-нибудь другое?» — спросила Анна Андреевна. Я решительно ничего по этому поводу не могу думать, потому что не знаю, что за газета и что за магазин. Но полагаю: если бы «Реквием» — Паустовскому оно бросилось бы в глаза. «Если «Реквием» — мне предстоит еще одно Постановление ЦК. Третье, — сказала Анна Андреевна. — Новые времена не состоялись».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 52

28 мая 63.

Сегодня у нас на даче снова побывала Анна Андреевна. Привезла ее в своей машине Наталья Иосифовна. Она, тяжело опираясь на мою руку и тяжело опустилась в соломенное кресло — сразу, по этой тяжести и по выражению глаз, я поняла, что она сегодня больна и сердита. За мною заехала она не знаю для чего. Может быть, только для того, чтобы сказать: «Вы неправы. Я уверена: в Париже вышел именно «Реквием». Снова начнут прорабатывать меня и снова погубят Леву. Следите за центральной прессой».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 53

«Вообразите, у меня новое бедствие — все актрисы-чтицы возжаждали читать с эстрады мои стихи! Встречаются среди них интеллигентные, но в большинстве ринулись такие панельные лиговские девки, что мои стихи из их уст вызовут новое — третье! — Постановление ЦК»!

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 30

Но ведь «Третьего постановления» еще не вышло? Значит, рано говорить о несостоявшихся временах.

Анна Андреевна объяснила мне, что это не первое, а уже второе постановление на ее счет — первое состоялось в 1925 году. «Я узнала о нем только в 27-м, встретив на Невском

Шагинян. Я тогда, судя по мемуарам, была поглощена «личной жизнью» — так ведь это теперь называется? — и не обратила внимания. Да я и не знала тогда, что такое ЦК». Никакого особого постановления ЦК о поэзии Ахматовой, вынесенного будто бы в 1925 году, не существовало. Ссылаюсь на сборник, составленный Карлом Аймермахером «В тисках идеологии 1917–1927».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 90

Второе издание «Anno Domini» вышло в Берлине.

«То, что там были стихи, ненапечатанные в СССР, стало одной третью моей вины, вызвавшей первое постановление обо мне 1925 г.» <…>

В момент выхода сборника началась «борьба с Ахматовой», как она говорила.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. Стр. 231, 232

«После моих вечеров в Москве (весна 1924) состоялось постановление о прекращении моей литературной деятельности».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 66

В вечерах, кроме нее, принимали участие многие писатели и поэты. Постановление — факт, дата и текст остаются не известными никому. Прекратить литературную деятельность кого бы то ни было невозможно. Она сама себя выдала. Для нее литературная деятельность — это «меня перестали печатать в журналах, альманахах, приглашать на литературные вечера». Но не писать стихи ведь запретили, верно?

18 июня 1925 года. Резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» «…партия должна терпимо относится к промежуточным идеологическим формам, терпеливо помогая эти неизбежно многочисленные формы изживать в процессе все более тесного товарищеского сотрудничества с культурными силами коммунизма».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 86

Больше ничего не нашлось. Но она и названа не была.

Она сама говорила, что после решения ЦК в 25-м году по поводу журнала «Русский современник», когда было запрещено печатать Ахматову в советской прессе и в издательствах, она просидела или пролежала на кушетке до 41-го года. «Запрещено печатать Ахматову» — ее слова, в

третьем о себе лице.

Д. Простите, вы упомянули 25-й год, поэтому я думал, что речь идет об известном решении ЦК РКП «О политике партии в области художественной литературы». Но там «Русский современник» непосредственно не упомянут.

А. Нет, там было специальное решение по поводу журнала «Русский современник». Значит, Ахматову — не печатать, главного редактора «Русского современника» Исая Лежнева выслать из пределов Советского Союза, а журнал закрыть.

Д. Мне кажется, что вы немножко ошибаетесь.

А. Но она всегда говорила, что есть решение 25-го года.

В. Е. АРДОВ в записи Дувакина. Стр. 145

Она всегда говорила: «Обо мне есть два Постановления». Какую биографию ей делали! Вернее, она сама делала.

Анна Андреевна протянула мне увесистую, роскошную итальянскую хрестоматию, где напечатаны ее стихи. Предисловие Рипеллино снова и снова приводит ее в бешенство. Там говорится, будто к тридцати двум годам она разочаровалась в своей интимной лирике и перестала писать. «Я не писать перестала, а в 25 году было постановление ЦК. Разочаровываться же мне было не в чем, потому что именно в этом году я ездила в Москву, читала в Политехническом с огромным успехом: конная милиция и все прочее».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 454

Постановления не было. Про славу и успех мы слышали. Разочароваться в собственной интимной лирике можно и на гребне успеха. Или ей это недоступно для понимания?

На церемонию в Оксфорд приехали и некоторые русско-американские слависты во главе с Глебом Струве. На ее возмущенные слова о том, что он говорит неправду, доказывая, что она «кончилась» в 1922 году, Струве заметил, что у него нет оснований менять концепцию.

Ю. Г. ОКСМАН. Из дневника, которого я не веду. Стр. 646

Струве же она дает развернутую отповедь: «первое постановление 25 года… даже упоминание моего имени (без ругани)… г-ну Струве кажется мало, что я тогда достойно все вынесла… НО ПОЧЕМУ ЖЕ ТОГДА «ЧЕТКИ» И «БЕЛАЯ СТАЯ», КОТОРЫЕ ПЕРЕПИСЫВАЛИ ОТ РУКИ И ИСКАЛИ У БУКИНИСТОВ, НЕ НАХОДИЛИ СЕБЕ ИЗДАТЕЛЯ?

Потому что они не находили себе издателя. Старые книги, написанные ДО 22-го года, к сожалению, не находили себе издателя. Г-н Струве пишет о том, что ПОСЛЕ 22-го года она перестала ПИСАТЬ. Не издаваться или издаваться — это факт ее литературной биографии, но не творческой, о которой он говорит, употребляя слово «кончилась» — ну, а потом, как Анна Андреевна корректно замечает — «бормочет что-то о новом рождении в 1940 г.»

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 230, 231

Я посоветовала ей, назло Рипеллино и другим, утверждающим, будто она долго молчала, упомянуть в своем предисловии, что в 30-ые годы она писала особенно много.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 457

Вранье было бы вполне в духе Ахматовой. «Мистификации», как сказал бы очень предупредительный Бродский — ему важно доказать, что он провел юность в обществе достойной особы. Со злобными Рипеллино и другими ведется борьба не по существу, а — кто громче крикнет.

Воспользовавшись советом Лидии Корнеевны, Анна Андреевна на некоторых своих стихах проставляет фальшивые даты: чтобы было видно, что в 30-е годы «она писала особенно много». Бродскому ничего не стоит благопристойно это подавать:

«И это ни в коей мере не ложь, потому что никто никого здесь не обманывает. Был период, когда Ахматова стихов писала довольно мало. Или даже почти ничего не писала. Но ей не хотелось, чтобы про нее так думали. По крайней мере, самой ей не хотелось тогда, чтобы так это было».

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 267

Понятно, да? Ей просто не хотелось, чтобы про нее так думали. Пусть думают про гг. Струве и Рипеллино. Руки прочь от великой Ахматовой!

ИЗ НЕНАПИСАННОГО

О своей прозе Ахматова говорила: «Книга, которую я никогда не напишу, но которая все равно уже существует, и люди заслужили ее».

С. КОВАЛЕНКО. Проза Ахматовой. Стр. 361

Такие выверенные слова Ахматова не только говорила, она их записала, записала несколько раз — так боялась забыть отдать людям заслуженное.

А собственно говоря, почему бы все-таки и не написать было эту книгу, которую «люди заслужили»?

Она — держатель брэнда «Анна Ахматова». Она не умела и не любила писать. Действительно таинственный песенный дар продиктовал ей некоторое количество удачных стихотворений, но великим поэтом или великим писателем она не стала.

Догадайся она умереть вовремя — кто бы помнил ее, кто бы вешал на нее звание «великая»? В годы молодости и сил она много не работала: было лень и писать не о чем особенно. Круг ее тем известен. Господь продлил ее дни. Она, правда, все равно не писала — но зато первая догадалась списать молчание на «гонения». То она говорила, что «не могла писать», то — что писала, но не печатали. В сороковом перепечатали ее старые стихи (по личному указанию Сталина, как она потом говорила), потом она написала несколько патриотических, потом — знаменитые славящие Сталина (но чужой страх лучше не трогать) — в общем, к середине пятидесятых молчать стало как-то уже и неприлично, и она начала говорить, что вот пишет, вот напишет… Под конец стало много ее упоминаний об уничтоженных рукописях…

В последний год жизни Ахматова предпринимает попытки собрать фрагменты автобиографической прозы в целое. В ее рабочих тетрадях появляются термины строителя: «мостик», «перемычка», обозначающие переходы тем. Однако воссоединения не произошло.

С. КОВАЛЕНКО. Проза Ахматовой. Стр. 399

Ахматова: «Успеть записать одну сотую того, что думается, было бы счастьем. Однако книжка — двоюродная сестра «Охранной грамоты» и «Шума времени» — должна возникнуть.

Боюсь, что по сравнению со своими роскошными кузинами она будет казаться замарашкой, простушкой, золушкой и т. д. Оба они (и Борис, и Осип) писали свои книги, едва достигнув зрелости, когда все, о чем они вспоминают, было еще не так сказочно далеко. Но видеть без головокружения девяностые годы XIX века с высоты середины XX века почти невозможно».

Вадим ЧЕРНЫХ. Рукописное наследие Ахматовой. Стр. 213

Это не так уж и очевидно. Она еще жива — почему бы не описать середину 20-го века, почему обязательно надо — девяностые 19-го? Тем более что она их совсем не знала? И проза — это не записанные мысли, это что-то большее.

Свое грандиозное биографическое повествование Ахматова одно время хотела назвать «Мои полвека».

С. КОВАЛЕНКО. Проза Анны Ахматовой. Стр. 361

Хотела ли она писать это грандиозное повествование? Название — дело важное, а повествования — два десятка разрозненных листочков с маловразумительными текстами.

Быть может, тогда же погибло в огне, по чисто личным мотивам, и многое другое из написанного в Ташкенте.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 149

Право, труднообъяснима эта фигура речи: «Быть может». Ведь Аманда Хейт писала практически под диктовку Ахматовой. Боюсь, продиктовано было железным тоном: «погибло в огне» (козьих ножек), а уж сама Аманда потихоньку усомнилась. С чего бы это жечь рукописи? Вот, казалось бы — стихи Гаршину: Ты мой первый, и мой последний… А он жениться не стал… И так это афишировано было!.. Что сжигать, как не эти стихи! — нет, сохранила, аккуратно переставила слова. Вышло не хуже. Зачем жечь-то. Аманда Хейт старательно выводит: быть может. Пронесло, учительница не будет сердиться.

Дважды повторенное Ахматовой утверждение, что она сожгла рукопись своей пьесы «Энума элиш» 11 июня 1944 г. в Фонтанном доме. Эта дата и место уничтожения рукописи не соответствуют действительности, поскольку в июне 1944 года Ахматова не жила в Фонтанном доме. И к тому же именно 11 июня выступала на митинге в городе Пушкине. Однако уточнить эту дату не представляется возможным, поскольку никаких иных свидетельств об этом факте, если он вообще имел место, не сохранилось.

Замучена переводами. Жалуется, что от них голова болит и ничего своего писать не может. «Я себя чувствую каторжницей. Минут на двадцать взяла сегодня своего Пушкина — и сразу отложила: нельзя. Прогул совершаю». Вот это действительно, преступная растрата национального достояния — ахматовское время, расходуемое не на собственное творчество, а на переводы.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 345

Если переводить то, что переводил Пастернак, — Шекспира, например, то это не трата, это его щедрость, он одарил свой народ Шекспиром, а если брать переводы Ахматовой — никому не известных корейцев, болгар, — то это ее жадность, лень, сознательная трусость в приближении к значимым именам. А с другой стороны — не хотела бы я читать Данте в переводах Анны Андреевны!

Смирнов предложил ей для перевода «Двенадцатую ночь», и она с негодованием отказалась. «Вы, кажется, забыли, кто я!.. Над свежей могилой друга я не стану… У меня это не в обычае».

Что не в обычае? Переводить произведение, уже переведенное другом, Лозинским? Ей часто это предлагали — вошло в обычай? Двум поэтам предложен один и тот же текст для перевода, один уже его выполнил, получил заработанное — какая ему хула? Два поэта не могут петь на одну и ту же тему? Пастернак перевел «Гамлета», тоже после Лозинского — и мы читаем и один перевод, и другой. Короче, весь поток негодования был задуман лишь для того, чтобы прикрыть свою лень и боязнь перед таким трудоемким и ответственным испытанием, как полноразмерная пьеса Шекспира, а второе — ну, чтобы еще раз сказать: «Вы кажется забыли, кто я!»

Сама она всегда помнит, кто она.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 111

Когда Пастернак ушел, Анна Андреевна по своему обыкновению прилегла на постель. Помолчав, она заговорила о славе. «Жаль его! Большой человек — и так страдает от тщеславия». — Мне показалось, она не права. Разве это непременно тщеславие? У него, видимо, творческое кровообращение нарушено от насильственной разлуки с аудиторией. Слушатели, читатели ему, видимо, необходимы.

«Разлучить Пастернака с читателями — это, разумеется, преступление, — сказала Анна Андреевна, — но он-то почему не умеет извлечь из этой разлуки новую силу? Для своей поэзии?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 96

То есть она сама понимает, что из разлуки можно черпать новую силу. Что публикации — не главный импульс для поэта?

Ей открыли дорогу только к переводам или тщательно отобранным редакторами отрывкам из ее новых стихов. Так, стихотворение из пяти строф превращалось в восьмистишие, вырванное из середины, в другом — из пяти строф выброшены две средних и т. п. А записные книжки безрезультатно заполнялись планами будущих книг — поэтических сборников и мемуарных, большими кусками незавершенных исследовательских работ о Пушкине.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 464

Кто же ей-то не давал черпать силу и реализовывать свои громадные планы вдали от беспокойств, причиняемых славой и писательской суетой?

Во времена гонений, «лишив возможности заниматься писательским трудом», Ахматову замучили предложениями то тех, то этих переводов.

Когда же предложат Ахматову?

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 109

А как насчет того, чтобы написать без предложения — так сказать, просто по порыву вдохновения? Или — никак без договора?

И тут я спросила: «А вы сейчас пишете свое?» Я еще не успела окончить фразу, как мне стало стыдно за свою жестокость и глупость. Но Анна Андреевна ответила спокойно, с достоинством: «Конечно, нет. Переводы не дают. Лежишь и прикидываешь варианты… Какие стихи, что вы!»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 57

Оказывается, планов — громадье.

…Там вздумали уничтожать старые деревянные церкви — чуть ли не сотню церквей! Об этом написал Паустовскому кто-то из Ленинграда, прося заступы. Прислали длинное письмо: история этих церквей, их фотографии. Паустовский все еще в Доме творчества, сильно хворает. Я навещала его, а он поручил мне попросить Корнея Ивановича зайти: хочет вместе обратиться «наверх». — «Я уже давно собираюсь написать «Реквием» по распятым церквям», — сказала Анна Андреевна. Помолчали. Она что-то шептала про себя — не знаю, стихи или молитву. Думаю, молитву.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 30

Немного похоже на пародию — мгновенная находчивость в ответ на услышанную новость: «Вы мне о готовящемся письме или уж не знаю о каком писке, а я вам скорбно и эпически: давно, мол, собираюсь написать реквием по — пользуйтесь журналистским словцом! — распятым церквям»…

Ну а вопрос о содержании шепота уж совсем излишен. Конечно, молилась. Как же не молиться Ахматовой-то?

Бродский: Анна Андреевна ведь еще и пьесу написала, судя по всему, замечательную вещь. По-видимому, она ее сожгла. Как-то раз она при мне вспоминала начало первой сцены: на сцене еще никого нет, но стоит стол для заседаний, накрытый красным сукном. Входит служитель, или я уж не знаю, кто, и вешает портрет Сталина, как Ахматова говорила, «на муху».

Волков: Для Анны Андреевны это совершенно неожиданный, почти сюрреалистический образ.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 235

А для не Анны Андреевны, для любого другого писателя средней руки это совсем не сюрреалистический образ. Никакой образ, самый обыкновенный. Что может быть традиционнее и проще и банальнее такого начала?

«Судя по всему, замечательная вещь. По-видимому, она ее сожгла». Судя по началу — самая банальная вещь. Судя по всему — она ее и не писала. Так, сказала, что, мол, написала… а потом сожгла…

Сколько есть и было таких несостоявшихся писателей — бесконечно рассказывающих о своих замыслах! Кто бы

вспомнил о замечательных планах, роившихся в голове Анны Андреевны, если бы в вечности не остался Иосиф Бродский — которого она растила, как она думала, именно для этой цели.

«Сегодня утром я читала Нине, Боре и Алеше Баталову свой сценарий. Алеша говорил — необыкновенно интересно». — «Сценарий? Как это вы вдруг взялись?» — «Я и не собиралась, я собиралась переводить. Он сам пришел и напросился».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 52

По словам А. Г. Наймана, сценарий был намечен Ахматовой лишь в самом кратком виде. Герои сценария — двое летчиков; один из них погибает, а другой (замешанный в причинах гибели первого) пользуется сведениями о своем бывшем друге, чтобы добиться расположения его жены.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 357

«Алеша» был воспитанным мальчиком из хорошей семьи и говорил, что такая необыкновенная история необыкновенно интересна. А может, и не говорил.

«Сценарий» необыкновенно оригинален, это — поистине гениальное произведение. Возможно, Жену звали Анной, она была очень стройна и позади у нее была страшная жизнь…

Припомним анекдот о скульпторе, который свой талант объясняет умением «всего лишь» отсекать ненужное от куска камня. То же и в любом другом искусстве. Проза — не исключение. В романе Ахматовой, если прозу счесть предназначенной для того, чтобы сказать что-то важное о жизни, лишним являются: летчики, сведения, которыми располагает один из них, жена и причины гибели ее мужа — весь ее сценарий.

Она обрушилась на Чехова, обвиняя его в том, что его мир покрыт какой-то ужасной тиной, что в его мире нет героев и мучеников, нет глубины, нет высот, у Чехова «не блещут мечи».

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 444

Ну прямо как у Пруста — тоже ни героев, ни мучеников. То ли дело пара летчиков!

Она наговаривает малолетнему Бабаеву свой будущий роман из жизни Пушкина. Если бы она его написала… Пушкин с «хлыстиком и перчатками», Натали, кавалергарды, летчики… Ах, да, летчиков тогда не было. Значит — одни

кавалергарды.

АА сказала, что вся ее работа по Бодлеру уже приведена в систему сейчас, сделан план статьи с распределением. «А будете писать статью?» АА заговорила о трудностях, о том, что наиболее интересующего выразить ей не удастся, о том, что у нее нет опыта. А такая статья требует большого опыта… и т. д.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 281

В общем, пересказывает все претензии Чуковского к ней как литературоведу. Чуковского ненавидела.

Письмо Н. Н. Пунина — Н. И. Харджиеву. «Анна Андреевна до сих пор не кончила статьи, все пишет и клеит, клеит и пишет. «Я, — говорит, — ничего в ней уже не понимаю, она живет уже отдельно от меня».

Речь идет о несохранившейся статье «Последняя трагедия Анненского».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 13

Комментатор считает — о несохранившейся. Я — о ненаписанной. Хотя в данном случае видно, что — работала. Клеила, во всяком случае.

20 марта 1931 года. Авторская дата начала работы над статьей «Последняя сказка Пушкина».

20 января 1933 года. Дата окончания работы над статьей «Последняя сказка Пушкина».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 134

Других многих трудов в эти годы не появилось.

АА показывала мне всю работу о взаимоотношениях Анненского и Гумилева. Работа — в виде подробнейшего плана.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Кн. 2. Стр. 150

Вчера ночью, воспользовавшись бессонницей, составила план своей работы по Гумилеву.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 98

С Гумилевым другие счеты перед вечностью. Гумилева надо возвеличивать, чтобы придать большую весомость своему влиянию на столь великого человека. Она работает.

Воспоминания Сергея Маковского о Гумилеве. Она уверяет — по количеству и качеству вранья это нечто чудовищное. <…> «Пишите». Прочитала тихим, серьезным, спокойным голосом подробное, обстоятельное опровержение статей Маковского и Струве. С цитатами, датами, доказательствами, ссылками,

разъяснениями — ну вот, например, разъяснено, что «лунная дева» в стихах Гумилева — это она. Потом отложила листки и принялась устно излагать сущность дела. Она уже излагала то же самое Нике, Корнею Ивановичу, Коме. Анна Андреевна продиктовала свой протест многим.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1903–1966. Стр. 46, 104, 105

Но сама записать так и не взялась.

Переписка с Жоржем Нива.

Ахматова пообещала ему написать об этих ошибках отдельное письмо, а Нива предложил опубликовать эти замечания, однако она так и не собралась этого сделать.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 190

Не будет преувеличением сказать, что Анна Андреевна задыхалась под грузом огромного свода своих ненаписанных сочинений, даже не всегда записанных — стихов, поэмы, незавершенной пьесы, прозы и исследовательских статей.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 466

Может, и хорошо, что задыхалась — из того, что написано, мало что можно читать без отвращения.

ПРОЗА

Поэт не может не писать прозу. Пастернак написал прекрасную прозу в молодости и — скажем условно — плохой роман в старости. Хотя и здесь — в объемном и по-пастернаковски страстно трудоемком романе — каждая его прозаическая строчка равновелика его великой поэзии. Ахматова писала только обрывки очень плохой прозы. Ахматова писала: «А за спиной еще пылал Париж…» Это строчка, достойная Лидии Чарской, которая — даже она — «научилась говорить» задолго до учительства Ахматовой, и такая строчка не может родиться у великого поэта. Может — у среднего. У обыкновенного — какой и была Анна Андреевна.

<…> я полагаю, что лучшая русская проза двадцатого века была создана исключительно поэтами. Мандельштамом и Цветаевой.

Иосиф БРОДСКИЙ. Большая книга интервью. Стр. 19

Категория респектабельности имеет значение для Ахматовой не только тогда, когда она подбирает, из каких высоких сфер черпать украшения, но даже для выбора формы литературного произведения. В конце жизни она постоянно муссировала свое намерение писать прозу. Проза — это было модно.

Волков: Когда Ахматова говорила о своей будущей мемуарной книге, то называла ее двоюродной сестрой «Охранной грамоты» Пастернака и «Шума времени» Мандельштама. То есть она в какой-то степени ориентировалась на эти две книги, к тому времени уже классические — если не по официальной шкале, то среди интеллигенции. <…>

Бродский: <…> Ее проза ни в коей мере не могла быть подобной ни мандельштамовской, ни пастернаковской. Она осознавала преимущество их прозы, и, видимо, до известной степени ее гипнотизировала эта перспектива — что ТАК она не напишет.

И вот эта боязнь ее до известной степени останавливала. Тормозила ее работу.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Иосифом Бродским Стр. 270

Это что-то новое. Писатель, который не пишет, потому что боится, что не напишет так, как другой. Не пишет, потому

что не напишет, как Пушкин. А как Лермонтов? Может, как Тютчев удастся? Анна Ахматова считала, что за давностью лет люди подзабыли и будут считать, что она пишет, как Данте. С Мандельштамом и Пастернаком она не даст повода себя сравнить, а с Мариной Цветаевой — и сравнивать нечего.

Я принесла ей Цветаеву: «Эпос и лирика современной России». Она при мне перелистала статью как-то холодно и скептически.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 362

«Марину за три версты нельзя подпускать к Пушкину, она в нем не смыслит ни звука».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 351

В двадцатом веке все великие поэты писали прекрасную прозу. «Четвертая проза» Мандельштама. «Детство Люверс» Пастернака, «Мой Пушкин» Марины Цветаевой (разнузданное ахматовскос «Марину нельзя близко подпускать к Пушкину» можно отнести только за счет ее литературного вкуса и умения зайти в своих литературных пристрастиях за пределы кругозора гимназистки, ну и — не устаю повторять, будучи в рамках моего повествования, — рыночного темперамента самой заявительницы). Не говоря уже о прозе самого Бродского. Сравним эту прозу с «А за спиной уже пылал Париж». Манерное дамское графоманство.

Свой пассаж о великой прозе великих поэтов Бродский начал, конечно, с того, что он назвал просто самого великого русского писателя XX века.

Я бы не сказал, что были писатели, равные Платонову.

Иосиф БРОДСКИЙ. Большая книга интервью. Стр. 19

Такого имени для Ахматовой не существовало. Он разве был секретарем Союза писателей? Ему разве красили забор на даче? Разве был у него забор? дача? Для нее «сам» — это… Дудин… А уж Алексей Толстой! А тут Платонов! Что это вы?! Платонов ни разу не упоминается ею. Кафка писал «для нее и про нее», так она сказала, приехав в Лондон, а Платонов — Бог его знает, для чего пишут эти маргиналы.

Итак, чтобы быть не хуже людей, Анна Ахматова широко

объявляет, что пишет теперь и прозу.

В первый раз я написала несколько страничек прозой в 1944 году, вернувшись из Ташкента. Все убедительно и неожиданно хвалили меня, но я, конечно, не верила ни одному их слову.
Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 162

Ахматова не может пропустить такое определение: хвалили — убедительно. То есть приводили убедительные, неопровержимые аргументы, против которых нечего, невозможно было возразить. Неужели так убедительно, как Бродский «хвалит» Платонова? Здесь нет места, но — перечтите его рассуждения о прозе Платонова, попробуйте с этими критериями примериться к «очень стройной и бледной жене Гумилева, у которой за плечами — страшная жизнь».

Анна Андреевна сказала: «Сегодня ночью я стала делать прозу. Безумно понравилось».
Валентин Берестов. Запись 5 марта 1944 года.
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 96

Где же наделанное?

Владимир Муравьев назвал мою прозу бесстрашной.
Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 329
Если не принимать во внимание то, что она страшилась жизни и самой себя.

Для Бродского прозаики России 20-го века распределялись в следующем порядке: Платонов, Надежда Яковлевна Мандельштам и Солженицын. Платонова, как известно, Ахматова не читала, не интересовалась, ни разу не упомянула ни в одном разговоре. Да и с ней никто о Платонове разговоров не заводил: ее окружение было не такого уровня. Один раз в письме его назвал Пастернак, да и то в единственном контексте, интересном Анне Андреевне: что тот, мол, видел в книжном магазине сборник Ахматовой. И почем. Воспоминаний Надежды Яковлевны Ахматова принципиально не читала — боялась нелицеприятных сведений о себе, а это был единственный критерий, по которому ей могла нравиться или не нравиться проза. Говорить о Мандельштам, как обо всех мемуаристах: «Ложь, клевета, дементная старуха, мещанка и кретинка» — она не могла: Надежда Яковлевна тоже вошла в славу. Оставалось

одно — сказать: «Не читала», — сокрыв глубинные (это и есть ее глубина) причины такового невнимания.

Ракурс ее видения значения Солженицына также известен: слава, славой, славы, о славе. Больше слава ее или меньше.

Ее слава не заставила себя ждать.

Когда Ахматова протестовала против того, чтобы из нее делали нечто среднее между Сергеем Городецким и Франсуазой Саган, то она имела в виду свой тяжкий дар — быть создателем новой книги Бытия.

О. КЛИНГ. Своеобразие эпического в лирике Ахматовой. Стр. 65

Не больше и не меньше. За это я начну цитировать.

ПРОЗА АННЫ АХМАТОВОЙ **(как таковой прозы почти у нее и нет, поэтому отнесем к ней все, что — не стихи).**

СЛЕПНЕВО

Я не каталась верхом и не играла в теннис, я только собирала грибы в обоих слепневских садах, а за плечами еще пылал Париж в каком-то последнем закате.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 178

После угрюмого Севастополя, где я задыхалась от астмы, мне казалось, что я попала в обетованную страну. А в Петербурге был уже убитый Распутин и ждали революцию, которая была назначена на 20 января (в этот день я обедала у Натана Альтмана).

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 179

Пришлось отрезать в самом интересном месте, так что италиянские читатели не узнают, как 1 сентября 1911 года я в Киеве в извозчичьей пролетке пропускала царский поезд, направляющийся в театр, где через час будет убит Столыпин.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 373

Как мне жаль италиянских читателей!

Из воспоминаний о Модильяни:

Еще во множестве процветали фиакры.

Читать прозу Ахматовой невозможно без чувства неловкости. Какой-то здравый смысл или отчетливая мысль иногда появляется, когда она пишет о других, не о себе — но

ведь этого с ней почти не бывало, а потом, разве мы не знаем, от нее же, что «все — о себе»?

О «глупой французской рецензии»:

«Ахматова — поэт одной темы. Какой? Не любви ли?» — «Я так и вижу, — гневно воскликнула Анна Андреевна, — газета валяется на мраморном столике, залитом утренним кофе… «Не любви ли?»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 368

Она все знай щеголяла знанием — былым видением, то есть уже ставшим достоянием памяти, равным достоянию начитанности — картинок парижской жизни.

Анна Андреевна раз мне сказала, как-то странно на меня посмотрела: «Вы мне иногда напоминаете моего верного придворного, навещающего меня, византийскую царицу (почему-то не «императрицу», и повторила два раза «царицу») в моем изгнании на острове Патмосе.

В. М. ВАСИЛЕНКО в записи Дувакина. Стр. 311–312

Потому что она была «юристка», а не историчка.

Впервые за десятки лет у нее появилась маленькая изящная шляпа. «Я похожа на жену посла, — сказала она мне, — он уже двадцать лет с ней не живет, и все это знают, но когда она приезжает, в газетах сообщается о прибытии супруги такого-то, а чиновники из министерства едут на вокзал ее встречать».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 501

Когда в 1910 году люди встречали двадцатилетнюю жену Н. С. Гумилева, бледную, темноволосую, очень стройную, с красивыми руками и бурбонским профилем, то едва ли приходило в голову, что у этого существа за плечами уже очень большая и страшная жизнь, что стихи 10–11 годов не начало, а продолжение.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 388

Вот образцы ее «прозы». Таковы же и ее стихи. Только по закону стихосложения, кажущемуся людям, которым есть что сказать — Толстому, например — чем-то излишним, в случае Ахматовой служит добрую (ей, конечно, — нам, читателям, не дает ничего) службу: убирая хоть какие-то слова из банального, но претенциозного бытописательства — убирая

по закону школярской ритмики — она получает нечто, что предубежденному — пристрастному (а таковы все любители Ахматовой) — читателю кажется, что это — поэзия. Она, поэзия, ночевала в другом месте.

Анна Ахматова была очень ленива и работала мало.

В молодости и в зрелых годах человек очень редко вспоминает свое детство. Он активный участник жизни и ему не до того. Но где-то около пятидесяти лет все начало жизни возвращается к нему. Этим объясняются некоторые мои стихи 1940 года («Пятнадцатилетние руки…»), которые, как известно, вызвали неудовольствие Сталина и упреки в том, что я тянусь к прошлому.

Анна АХМАТОВА. Автобиографическая проза. Стр. 221

Это рассуждения Анны Ахматовой о категории времени.

Великий писатель — тот, кто удлиняет перспективу человеческого мироощущения, кто показывает выход, предлагает путь человеку, у которого ум зашел за разум, — человеку, оказавшемуся в тупике. После Платонова русская проза ближе всего подошла к тому, чтобы породить такого писателя, когда появились Надежда Мандельштам с ее мемуарами и, в несколько меньшей степени, Александр Солженицын с его романами и документальной прозой.

Иосиф БРОДСКИЙ. Катастрофы в воздухе. Стр. 281

Ни Пастернак, ни Бродский не вспоминают об Ахматовой, когда они говорят о действительно важных для них вещах — о литературе, в частности. Ахматова ничего не значит для них.

Сама Ахматова знала силу своей личности, всего того, что она говорит и пишет. Поэтому она не суесловила и не любила писать «зря», вообще не любила писать.

Д. С. ЛИХАЧЕВ. Вступительное слово. Стр. 3

Как все нарочитое, пафосная проза Ахматовой, вернее, пафосное писание этой прозы — рисковало породить курьезы. Один из них — ее так называемые пластинки, страннейшее для писателя занятие.

Пластинками она называла особый жанр устного рассказа, обкатанного на многих слушателях, с раз навсегда выверенными деталями, поворотами и острыми ходами, и вместе с тем хранящего, в интонации, свою импровизационную первооснову.

«Я вам еще не ставила пластинку про Бальмонта?.. про Достоевского?.. про паровозные искры?» — дальше следовал блестящий короткий этюд, живой анекдот наподобие пушкинских Table-talk, с афоризмом, применявшимся впоследствии к сходным ситуациям. Будучи записанными ею — а большинство она записала, — они приобретали внушительность, непреложность, зато, как мне кажется, теряли непосредственность.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 35

А в сотом пересказе не теряли? Подросток Эдуард Бабаев их записывал еще в Ташкенте. И не надо Пушкина! Он записывал не свои разговоры, не надо Пушкина — ОН БЫ ПОСТЕСНЯЛСЯ — «Вчерась я был куда как остроумен и рассказал вот такую историю и рассказывал ее так-то…» Одни и те же пластинки рассказываются ею Бабаеву в сороковых годах и Найману в шестидесятых. Одни и те же слова… Она не стесняется ничего, записывает сама и диктует разным людям. Одни и те же истории.

Трудно переоценить значение магнитофонных записей, сделанных в начале 90-х годов Иваном Дмитриевичем Рожанским. Они интересны тем, насколько некоторые фразы, сказанные в непринужденной беседе за чайным столом, близки к тем, которые были ею позже (или раньше) занесены на бумагу. Это характерные образчики так называемых «пластинок» Ахматовой, то есть коротких сюжетных историй, которые она произносила в различных обстоятельствах.

Л. ШИЛОВ. Звучащие тексты Ахматовой. Стр. 225

Эти рассказы были важны для нее как способ создания прозы. Видно было по всему, что проза привлекает ее пристальное внимание.

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. Стр. 56

Ее проза — это или игра в прозу, проза ради моды, или отшлифованные за долготою дней сведения счетов с жизнью и современниками. Более всерьез как прозу можно воспринимать то, чем она занималась всю жизнь, — ее стихи. Собственно, это деление здесь и ни к чему.

Содержание этой поэзии лишено поэтичности. Это, в сущности, проза — рассудочные настроения, не волнующие, не трогающие.

Д. ТАЛЬНИКОВ. Анна Ахматова. Четки. Стр. 110

Ахматова немногословна. А краткость ни в коей мере не может быть сестрой таланта. Разве Библия кратка? Разве можно Пруста сделать более лаконичным? Художник по определению создает свой универсум, и он бесконечен, если это — действительный мир. Кратко может писать только тот, кто хочет писать красиво. Ахматова писала красиво и приблизительно на самые расхожие темы и не создавала ничего своего.

Каков поп, таков и приход. Ахматова научила, как известно, женщин говорить. Вот образец:

У берега Ипокрены, священного ручья муз на горе Геликон, цветет только одна роза. Когда-то она была пунцовой, но теперь стала черной, как запекшаяся кровь. Как страшна она своей красотой и своим одиночеством! О, великая из страны Гипербореев! Однажды я показала ей свою смуглую руку и позволила ей назвать меня сестрой. За ее неустрашимое сердце я дала ей свой высший дар: я появилась с порывом ветра, налетевшего со скованной льдом реки и сказала: «Будь Сивиллой!» Велика ее слава! Родная страна назовет ее своей музой; глядя на течение северной реки, с шалью из порфира на плечах, она вечно будет царить над городом, сделавшим ее своей. Но кто унаследует ее лиру? До тех пор пока у нее нет наследника, я не буду знать покоя! О, во имя милосердия! Полюби мои песни, смертный, и стань богом!

Ирина ГРЭМ. Косматые сердца. Стр. 125

Скажи мне, кто твой эпигон, и я скажу кто ты. У Пушкина не могло быть «жалких подражателей»: он никого не учил говорить.

Зачарованный Ахматовой, акмеист Михаил Зенкевич семь лет пишет роман, ею навеянный, ей посвященный, на нее закольцованный. Конечно, — «странный». Конечно, он пишет на него «авторецензию» — как еще вдолбить читателю, что перед ним — не какая-нибудь там поделка?

Какая странная книга! Что это — записки душевнобольного или фантастический роман? К чему это нагромождение мучительных кошмаров и галлюцинаций? Зачем понадобилось автору идти самому и манить за собой читателя по горячечной пустыне сыпнотифозного бреда…

М. ЗЕНКЕВИЧ. Эльга. Стр. 6

Называется роман — «Эльга». Ахматова писала о себе

самые вычурные вещи, но не догадалась присваивать себе вот такие вот имена — Эльга, например, — утверждая, что «так называли ее люди». Ее называли «помесью щуки и русалки» — да, а вот Эльгой — нет. Упущение. Но поклонники не дремлют и знают свое дело. Она теперь будет Эльгой. Она очень хорошо до конца жизни относилась к «Мишеньке» Зенкевичу, в ее глазах он стоил гораздо больше других поэтов-современников. Одна безукоризненность литературного вкуса какова!

Иосиф Бродский проводит параллель между Ахматовой и американской писательницей Луис Боган. Он находит что-то похожее в их поэзии и даже во внешности. Есть и различия:

Она оставила потрясающий дневник. Это — замечательная проза. Вообще в англоязычной прозе последних десятилетий, за исключением Фолкнера, мне лично наиболее интересны именно женщины.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 272

Дневниковые записи Анны Ахматовой поразительно убоги. Наивное в своей просчитаности сведение счетов, бытовуха, повернутая к зрителю под таким утлом, чтобы самые простодушные «догадались», что здесь — притчи, пресловутая претенциозная и малоценная «афористичность», бесконечные вычеркивания и обрывки слов — даже сама Ахматова понимала, что производить великие мысли и писать великие тексты она не в силах.

Все длится тайный, невнятный и надсадный разговор все с тем же Сэром.

Нам дано знать друг о друге много, вероятно, даже больше, чем нужно. Мы оба боимся этого знания. Мы прячем его и от себя, и друг от друга. Мы прячем его под грузными слоями чего-то совсем другого и часто нехорошего, мы готовы на все — только бы НЕ ТО. Я на Ваше тщеславие — Вы на мои разговоры о смерти. Только бы не то! Оттого все так ужасно!

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 302

Продолжать можно до бесконечности: «то», «это» — все можно переставлять и менять местами, «мне больно от твоего лица» — это уже из ее «официального» творчества — и т. д.

В Риме есть что-то даже кощунственное. Это словно состязание людей с Богом. Очень страшно! (Или Бога с Сатаной-Денницей.)

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 320

Это — не страшно. Про «страшно» мы слышали от нее не раз. Это — обычная графомания.

Играл Рихтер. Это чудо, я до сих пор не могу опомниться. Никакие слова (в никаком порядке) даже отдаленно не могут передать, что это было. Этого почти не могло быть. Гигантский симфонический оркестр, управляемый нездешней силой (причем 1-я скрипка сам Сатана) заполнил все пространство, лиясь в голубое морозное окно.

Анна АХМАТОВА. Т. 6. Стр. 335–336

Как оценить величие писателя? Как все в жизни — «по делам их узнаете их». Ахматова научила говорить не только женщин. Она научила всех своих поклонников истеричной, высокомерной пошлости.

Могла ли Биче, словно Дант, творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить.
О Боже, кто их замолчать заставит?

Она, Анна Ахматова, не творила, как Дант, и было бы лучше, если бы и она сама, написав несколько бессмертных шлягеров, восславляющих жар любви, — замолчала.

САМА О СВОИХ СТИХАХ

«Я приготовила для вас дивный подарок: копию письма Тарковского о моей поэзии. Вот, возьмите».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 314

Но ты будешь моей вдовою,
Ты — Голубка, солнце, сестра.
Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 493

Стилизация — топорная — известного мандельштамовского приема. Но каков подбор характеристик для себя, великой! Солнце — ведь это солнце русской поэзии, верно?

Заводя себя до истерики, все придумывает: что, что бы такое еще вложить в уста Мандельштаму, кликушествующему о ней!..

АХМАТОВА И БОРЬБА С НЕЙ

ЛЕКЦИИ

Это она готовит некие «лекции» о себе, которые, несомненно, скоро будут затребованы у нее.

Мои Стихи в «Аполлоне» 1911 года. Немедленная реакция Буренина, который предполагал, что уничтожил меня своими пародиями, даже не упоминая мое имя.

В 1919 году меня уничтожили Бунин (эпиграмма «Поэтесса») и Брюсов. Затем меня в 1925… **и т. д.**

Затем, как известно, я, уже бессчетное количество раз начисто уничтоженная, снова подверглась уничтожению в 1946 дружными усилиями людей, из которых последний умер вчера, а стихи мои более или менее живы…

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 195–196

А вот — не о себе.

«Пушкин был бы немыслим в сороковых годах, его бы все забыли, это было бы ужасно».

Наталия РОСКИНА. «Как будто прощаюсь снова…» Стр. 533

То есть Александр Сергеевич Пушкин, погибший, как известно, в 1837 году, менее чем через 10 лет, «в сороковых», был бы, несомненно, забыт, его бы все забыли и это было бы

ужасно — а Анна Андреевна Ахматова переживет века. Я — не согласна.

«Лекции» подозрительно коротки. Писались, очевидно, для чтения на Ассамблее ООН.

В ее автобиографической прозе практически ничего, о чем человек пишет на склоне лет, никаких жизненных наблюдений — а только: что печаталось, тиражи, уничтожения, восторги и пр.

Георгий Иванов не мог не знать, что мои книги в НЭП расходились очень быстро (15 тысяч у Алянского), что тогда появилась работа (книга) Эйхенбаума о моей поэзии, огромная статья Виноградова, главы в книгах Чулкова, Айхенвальда и т. д. Чуковский читал доклад «Две России». О выступлениях я уже говорила. Ими занимались формалисты, о чем могут засвидетельствовать Виноградов и Жирмунский.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 87

Это перебирается в разных вариациях до десяти раз, все с более горькими восклицаниями и пафосом.

Эти бедные стихи пустейшей девочки почему-то перепечатываются тринадцатый раз (если я видела все контрафакционные издания). Сама девочка не предрекала им такой судьбы и прятала под диванные подушки номера журналов, где они были напечатаны.

Анна АХМАТОВА. Автобиографическая проза. Стр. 226

Было легкое изумление но поводу того, что Ахматова еще в прошлом году наполнила какими-то девушками московскую залу Консерватории.

Анна АХМАТОВА. Автобиографическая проза. Стр. 237

«Четки» вышли в марте 1914-го. В июне 1963-го она пишет:

«Тираж 1100 экземпляров. Разошлось меньше, чем в год». **Набрасывая план этого же письма, пунктом 3 она считает необходимым:** «Показать контрафакцию 1919 года». **Контрафакция — это то, что не давали сделать Толстому — напечатать — и пусть читают все, кто хочет. Господь ему дал дар, надиктовал — не ему, графу, с этого деньги собирать.**

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 212

Это странный жанр — это и есть большая часть ее «прозы» — она описывает судьбы своих книг. Пишет в эпической форме, часто в третьем лице, тщательно вспоминает все хвалебные отзывы, очень много приводит легенд — как вставали, как изумлялись, как не арестовывали… Теперь она продается от 100 до 150 рублей. Для чего это могло писаться? Ведь не напечатают же такое. Это типичное толстовское «трогаясь до слез воображаемым разговором». Тщательно воспроизводит комплименты:

На банкете для избранных в честь только что выпущенных из Шлиссельбурга народовольцев.

Одних хозяйка отпускала, других просила остаться. Я сидела с Л. Каннегисером против Германа Лопатина. Потом часто с ужасом **(уверена, что БЕЗ ужаса. Ужас и тщеславие — это не то, что можно спутать, просто одно из этих слов приличнее произнести вслух)** вспоминала, как Л. Каннегисер сказал мне: «Если бы мне дали «Четки», я бы согласился провести столько времени в тюрьме, сколько наш визави».

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 205

Чтобы вспоминать с ужасом, надо поверить. Она поверила? Я не поверю ни за что — что он сказал это для чего-то иного, кроме комплимента (если сказал). Она же — «потом часто вспоминает с ужасом».

Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. С «Четками» этого не случилось.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 205

Неужели она до такой степени не верила, что найдется еще хоть кто-то, чтобы написать такие строки вместо нее — что с «Четками» «этого» не случилось — они не потонули в мировых событиях?

Все-таки это не авторское дело.

A propos: с беднягой Пушкиным, как мы помним, случилось бы меньше через десяток лет.

В нескольких десятках хвалебных рецензий… «Четки» сыграли совсем особую роль в истории русской поэзии.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 203

В Союзе писателей открылась выставка книг, портретов, автографов. Руководит выставкой Федин, а фактически — Э. Голлербах и Заволокин. Поэтому хамства не избежать. Так,

Голлербах выставил какие-то ее материалы без се ведома, под ее портретом повесил свой.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники. Т. 2. Стр. 189

Пусть некто Голлербах не бог весть какой деятель, да зато и повесить свой портрет под ахматовским — тоже не самое страшное, что бывает на этом свете.

Она попросила листочек бумаги и выписала библиографическую ссылку на какую-то статью, где Гумилев пишет: «Ахматова захватила всю сферу женских чувств, и все поэтессы должны пройти ею». «Да тут сокровища!» — повторила Анна Андреевна.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 304

Вячеслав Иванов. О том, как он tête-a-tête плакал над стихами, потом выходил в «салон» и там ругал довольно едко, я так часто и давно рассказываю, что скучно записывать.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 133

Это вообще к размышлениям о том, что это за «пластинки» в жизни литератора. Не проще ли один раз записать, сделать достоянием читающей публики, вне зависимости от того, ходит ли она к Ардовым пить водочку или нет, и разговаривать уже о чем-то другом? Разве не жалко терять время на пересказывание пластинок?

Чтобы плакать над стихами Ахматовой, нужно особое устройство слезных желез, некоторое недержание (хотя, ее послушать, плакали бесперебойно). Я, например, не плакала.

Замечание, что Гумилеву разонравились мои стихи, вызывает некоторое недоумение.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 136

А у меня вызывает желание процитировать Чехова с пародией на тон журнальных полемик в «Черном монахе» (в этом рассказе — агрономических) «по адресу ученого невежества наших патентованных гг. садоводов, наблюдающих природу с высоты своих кафедр…»…. «вызывает некоторое недоумение»…

У Масо или не было моих книг, или он не удосужился их перечитать.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. *Стр. 127*

Может быть, он, по своему недоумству, считал, что раз он удосужился их просто прочитать — этого достаточно.

«Ты научила меня верить в Бога и любить Россию».
Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 128

Так якобы ей говорил Гумилев, и она ему верила. За эти слова или за свою возможность беспрепятственно приписать их ему она создает мифический образ Гумилева как главного поэта России. «Я научила Пушкина верить в Бога и любить Россию». Звучит, правда? Поэтому разве стоит удивляться ее ненависти к людям, считающим Гумилева весьма посредственным поэтом. Бродский это знал. Говорит — что щадил ее чувства. Мое твердое убеждение — не хотел связываться.

Очевидно, в то время (09—10-е годы) открылась какая-то тайная вакансия на женское место в русской поэзии. Судьба захотела, чтобы оно стало моим. Замечательно, что это как-то полупонимала Марина Цветаева.
Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 109

Да, замечательно, что эта полудурочка Марина Цветаева не пыталась прыгать выше головы.

Какое-то малоэлегантное выражение: «женское место». Как-то непонятно, в чем могло быть ее преимущество перед Мариной Цветаевой. Именно на этот случай о высокомерных женщинах в итальянском языке существует грубая поговорка: «Come se la avesse solo lei».

Модильяни очень жалел, что не может понимать мои стихи и подозревал, что в них таятся какие-то чудеса.
Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 13

О статье об Ахматовой в «Русской мысли». Автор — бывший любовник, Недоброво.

«Потрясающая статья, — перебила меня, — пророческая. Я читала ее ночью и жалела, что мне не с кем поделиться своим восхищением. Как он мог угадать жесткость и твердость впереди? Ведь в это время было принято считать, что все эти стишки — так себе, сентименты, слезливость, каприз. Статья Иванова-Разумника, кажется, так и называлась: «Капризники» **(на самом**

деле — «Жеманницы»). Но Недоброво понял мой путь, мое будущее и предсказал его».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 125

«А я бы хотела, чтобы моя книга дошла до широких кругов, до настоящих читателей, до молодежи…»

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 124

Вот и читатели, и молодежь.

«Сегодня у меня было такое происшествие. Распахнулась дверь, и ко мне кинулась, целуя меня, незнакомая молодая девушка, с криком: «Анночка Ахматова!» Сначала я подумала, что это, быть может, какая-нибудь моя племянница, которую я не видела двадцать лет — знаете, теперь все бывает <…>. Но нет, это оказалась просто поклонница. Фу, гадость какая. Вот, значит, кто я <…>. Мне теперь хочется вымыться. Попрошу в Союзе, чтобы не давали никому мой адрес».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 349

Как заметил Пруст, уровень салона определяют не те, кто там бывает, а те, кто там не может быть никогда. Может быть, у Ахматовой тоже есть интеллигентные почитатели, но вот у Пастернака не может быть таких любителей, как у Ахматовой: которые взвизгнут при встрече: «Борисик Пастернак!» Он просто ничего для них не написал. Поэтому ему от своих читателей отмываться не хочется.

Опять и опять, «путь мой жертвенный и славный»; «славы хочешь? — у меня попроси тогда совета»… И пусть это — «бесславная слава», «западня, где ни радости, ни света», пусть является эта слава только «погремушкой над ухом трещать», — но не слишком ли тешится поэт этой погремушкой? Не слишком ли часто говорит, к месту и не к месту, о своей «Музе»? Недописанную поэтессой страницу — «божественно спокойна и легка, допишет Музы смуглая рука» <…>.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК. Анна Ахматова. Стр. 340

Заканчиваю могучими аккордами.

Вот что пишет Анна Ахматова САМА О СЕБЕ, в третьем лице.

I. Итак, поздняя Ахматова: выход из жанра «любовного

дневника», в котором она не знает соперников.

II. Время доказало еще одно качество ее стихов — ПРОЧНОСТЬ. «Вечер» — его знают по крайней мере четыре поколения читателей, часто по-разному заглядывая в него.

III. «Клеопатра», «Данте» <…> — сильные портреты. Их мало, они появляются редко. Но они очень выразительны. Исполнены каждый по-своему. Горчайшие.

IV. «Есть три эпохи у воспоминаний» — открывает какие-то сокровеннейшие тайники души, может быть, даже переходя черту дозволенного.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 192

Я приготовила для вас, читатель, дивный подарок — эту главу.

Часть XII
«ВЕЛИКАЯ ДУША», ИЛИ МУСОРНАЯ СТАРУХА

«ДОСТОИНСТВО»

Когда-то давно мне попалась в руки какая-то обыкновенная цветная открытка, изображающая трапезную в Троице-Сергиевой лавре.

Я это место хорошо знала и открытка меня поразила. В ней все было натурально: сам храм, деревья, облака, люди — но отпечаток был сделан с перевернутого негатива. Все, что было справа, было изображено слева. Все было абсолютно так, как бывает на самом деле, до малейшей полутени, это не было нафантазировано или нарисовано по памяти, это было настоящим — но этого нигде никогда не существовало! Я отчетливо представила себе Того, кто попутал несчастного фотографа, и ни на секунду не усомнилась, что передо мной — единица греха, создание, противоположное божественному замыслу, пародия на него, насмешка, забава Хама.

Конечно, кому не надо — тому такая открытка в руки не попадет. Но разговор не про меня, а с Анной Андреевной я хочу разобраться так: она вывернула наизнанку всю свою жизнь и, зная своей хитростью всю правду, выворачивала свою биографию наоборот, чтобы мы поверили в то, чего не было никогда.

Она придумала в своей жизни несуществующее достоинство и заставила поверить, что оно было на самом деле.

Сталину написал Пастернак. Он писал, что знает Ахматову давно и наблюдает ее жизнь, полную достоинства.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 15

Это — главный перевертыш ее жизни. Ее жизнь не была полна достоинства.

Каждый шаг, который определяется нравственным выбором, она делала не в ту сторону.

Если сравнить жизни Константина Федина и Осипа Мандельштама, то для Анны Ахматовой «жизнь, полная достоинства» — это у Федина, а не у Мандельштама. Во-первых, у Федина есть эта жизнь, а у Мандельштама — нет. Стало быть, не о чем и говорить. Да если бы и была, маловероятно, что она была бы равна по «достоинству» фединской. «Достоинство» по-ахматовски — это то же, что «номинал».

Федин впервые поздоровался с Надеждой Яковлевной Мандельштам после утверждения выхода в свет сборника

Мандельштама в «Библиотеке поэта».

До этого он четверть века не здоровался со мной, хотя мы часто попадали вместе в лифт, а один раз он остановил Ахматову, когда мы с ней шли вместе по переулку, выходившему в Лаврушинский, и долго с ней разговаривал. Ахматова не назвала меня, чтобы не смущать благородного деятеля литературы, и мне пришлось отойти в сторону и ждать, пока они не кончат разговор.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 127

Не переполнила ли такая сцена чашу «достоинства», которым была полна ее жизнь?

Вот мелкие делишки юности Анны Андреевны. Не по части стяжательства, пожалуй: она, как всегда, движется целым клубком мотиваций.

Письмо А. Ахматовой — Штейну в 1906 году.

Так как скоро я собираюсь покинуть Россию очень надолго **(разумеется, она никуда не собиралась — никогда не было таких планов, да и не на что было — мать одна с детьми, отец в отставке, с новой семьей. Но ведь так пишут в романах: «собираясь покинуть Россию надолго… очень надолго…»)**, то решаюсь побеспокоить вас просьбой прислать мне что-нибудь из Иннины вещей на память о ней. Тетя Маша хотела бы передать мне дедушкин браслет, который был у Инны, и если вы исполните ее просьбу, я буду вам бесконечно благодарна. Дело осложняется тем, что это вещь ценная. И я очень боюсь, как бы вы не подумали, что я хочу иметь украшение, а не память. Не пишите тете Маше, что я говорила вам о браслете. **Так ведь она просит «исполнить просьбу тети Маши», как же «ничего не писать»?!**

Из переписки А. А. АХМАТОВОЙ. Стр. 325–326

Это она пишет в 1906 году: умерла от чахотки ее сестра, мужу было не на что хоронить, просил ссуду на похороны. Сейчас она просит у него браслет.

Однажды утром Анна Андреевна опустила руку за брошкой в бочонок-коробку. Эта брошка носила название «Клеопатра» и надевалась довольно редко. Я знала, что брошка — подарок от Гаршина, она хранила ее как память о нем.

А. Каминская в записи О. И. Рыбаковой.

Анна Ахматова в записях ДУВАКИНА. Стр. 133

(Если брошка — то «Клеопатра», «Орлов», если редакторша болгарского отдела — то болгарская королева,

это — как всегда.)

Когда Гаршин перед смертью просил прощения за то, что не женился на ней, она отказала «презрительно». Брошку же — хранила.

Зачеркнув посвящение, отсылают и брошку.

Она не была стяжательницей, не копила добро, но брошку не могла не удержать — «подарок жениха», всегда можно предъявить. Хотя вообще-то от женихов ценные подарки не принято нехористкам и небалетным принимать.

Против человеческого достоинства только то, что она переделала написанное Гаршину

Ты мой первый и мой последний
Светлый слушатель темных бредней.

На:

Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней…

И написала о нем же такой вот выкрик фабричной девчонки о коварном соблазнителе:

А человек, который для меня теперь — никто…

Брать, вымогать или красть любые ценности — личное дело каждого… Стихи — это как-то строже; украсть, но написать очень прочувствованно, что не крала, хуже, чем просто украсть.

Такие вещи — браслет, брошь — для утонченного поджимания губок: «Фамильная ценность, прабабка, княжна Ахматова…» «Подарок жениха» лучше спокойно купить у антиквара и назвать «игрой» (если уличат), а вдового деверя оставить в покое (пусть он хоть и продаст браслет в скудноватый день). А не захотевшему жениться жениху — возвращают почти безоговорочно. Оговорка же такая: если убрала посвящения и назвала «безумным, с оскалом волчьим…» и т. д. (разнообразные эпитеты см. в посвященной В. Г. Гаршину главе) — то возвращают однозначно. Если не убирала и не называла — то по строгим правилам тоже надо

бы возвратить. А по-настоящему — именно этот жест кажется жеманным и мелодраматичным — так что можно оставить. Но про волчий оскал — уже категорически не-пи-сать!

С почестями покинув Ленинград — место трусости и стыда, Ахматова приезжает в Москву — по пути бегства дальше.

Меня удивило, что она совершенно не беспокоилась обо мне. Ее приветствовали здесь как олицетворение мужества и твердости. Эти дни все волновались, как ехать, куда, кто повезет? Очевидно, эта тревога дошла до кульминации, когда я к ней пришла. Там собралось много писателей. Говорили только об эвакуации. Где будет лучше?

Пастернак был чрезвычайно возбужден. Рассказывал Анне Андреевне, как обучался в ополчении, Анна Андреевна лежала на диване и обращала к нему слова чеховского Фирса: «Человека забыли». Это означало: «Я хочу ехать в эвакуацию вместе с вами, друзья мои». Обо мне она как-то не задумывалась. Но Пастернак, уже отойдя от нее, несколько раз тревожно взглядывал на меня и наконец подошел и тихо спросил: «А вы как едете?»

Вечером Анна Андреевна сообразила, что я не принадлежу к «золотому запасу» страны и поэтому ни в каком эшелоне мне места не предусмотрено. И тут оказалось, что ей ничего не стоило бы заявить в Литфонде, что ей нужна сопровождающая и указать на меня. Она была настолько уверена в успехе, что мы успели условиться. Я должна была прийти к ней очень рано утром, взяв с собой только маленький узелок с самыми необходимыми вещами.

В восемь часов утра я звонила в дверь квартиры Берггольц. Мне открыла хозяйка и сказала, что ночью прибежал Пастернак и объявил, что состав уже стоит на платформе и надо немедленно явиться на посадку. И они уехали.

Я шла по улицам и плакала.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 303

Просить за кого-то — растрачивать кредит, который можно было бы потратить на себя. Не оскудеет рука дающего у того, кому есть что давать. Чтобы заставить себя протянуть свою дающую руку, надо быть немного больше покорной Господней воле, чем громко распевающая об этом Анна Ахматова.

Ахматова всегда беспокоится, что у дающего убудет и не хватит именно ей.

Замечательно эгоцентрична Ахматова. Кини попросил меня

составить совместно с ней список нуждающихся русских писателей. Думала, думала, и не могла назвать ни одного человека!

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1901–1929. Стр. 269

Кини — это тот, кто снабжал британской благотворительной помощью Анну Ахматову — то 3 фунта стерлингов, то 15, то брюки Шилейко.

Но это на другую тему.

6 апреля 1942 г.

АА — Харджиеву.

Живу в смертной тревоге за Ленинград, за Владимира Георгиевича. Видаетесь ли с Бриками?

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 84

«Смертная тревога за Ленинград» подробно описана в главе «Я была с моим народом». Цинизм может быть явственнее надрыва. Но и «смрадный эстрадник» (Ахматова знала, как назвать лицемерные спектакли на публику, но не любила глядеться в зеркало при плохой игре) целомудренно отстранится от изображения «смертной тревоги» — такое лучше, пожалуй, не трогать.

Лиля Брик была дама влиятельная и со связями.

12 марта 1942 года.

Письмо А.А. — Н. И. Харджиеву в Алма-Ату.

Привет Шкловскому, Зощенке и Лиле Брик.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 69

Волков: Лиля Брик вспоминала, что уже после смерти Маяковского Ахматова иногда заходила к Брикам на обед. Я помню, как я удивился, услышав об этом. Потому что Анна Андреевна о Бриках высказывалась довольно резко.

Бродский: Это точно. К Брикам у Ахматовой отношение было сугубо отрицательное.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 251

Например, 6 июня 1941 года в календаре Лили Юрьевны записано: «К обеду Ахматова».

Василий КАТАНЯН. Прикосновение к идолам. Стр. 129

«Алексей Толстой меня любил. Когда мы жили в Ташкенте, он ходил в лиловых рубашках à la russe **(а Маяковскому даже о стираной возбранялось мечтать)** и любил говорить о том, как нам будет вместе хорошо, когда мы вернемся из эвакуации. Он

был удивительно талантливый и интересный писатель **(не Платонов, это точно)**, очаровательный негодяй **(см. ниже)**, человек бурного темперамента. Его уже нет. Он был способен на все, он был чудовищным антисемитом; он был отчаянным авантюристом, ненадежным другом. Он любил лишь молодость, власть и жизненную силу».

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. Стр. 443–444

Ни говорить, ни писать без штампов Ахматова не может, и «очаровательные негодяи» — образчики великой ахматовской прозы. А нравственная планка — она вот на этой высоте.

21.2.42.

Только что вернулась из «Ленинградской консерватории» — слушала квинтет Шостаковича. В первом ряду Толстые, Тимоша и пр., а также А.А.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 398

Тимоша — это та самая невестка Горького, которая ездила с ним любоваться красотами Соловков. Генрих Ягода (здесь треугольник — четырехугольник — такого шика, что не мог оставить Анну Ахматову равнодушной) снабдил ее в этом сафари гепеушной формой.

Черная кожаная фуражка, кожаная куртка, кожаные галифе и высокие узкие сапоги. Она была ослепительно хороша — еще ослепительнее, чем обычно.

Аркадий ВАКСБЕРГ. Гибель буревестника. Стр. 228

О посещении ГУЛАГа Тимоша оставит свои воспоминания, по которым видно, что «говорить» ее научила Анна Ахматова.

«Знакомимся с жизнью Соловецкого лагеря. Вода в озере холодного темно-синего цвета, вокруг озера — лес, он кажется заколдованным, меняется освещение, вспыхивают верхушки сосен, и зеркальное озеро становится огненным. Тишина и удивительно красиво».

Аркадий ВАКСБЕРГ. Гибель буревестника. Стр. 228

Это — все. Других впечатлений не было. Такая судьба пьянит Анну Ахматову, она обратится к образу Тимоши еще не раз, она покажется ей воплощением трагизма эпохи — эстетика Лени Рифеншталь принята буквально. Без хлыстика и перчаток для Ахматовой любовь — не любовь и эпоха — не

эпоха.

Короткий визит Марии Игнатьевны Будберг (Лондон). При мне прочла «Requiem». Всплакнула. Поцеловала меня. Сказала, что книга в Париже разошлась.

Анна Ахматова.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. Стр. 123

Пристрастие Анны Ахматовой к кронпринцессам Горьковской мужской истории — Тимоше, баронессе Муре Будберг — это подкладка презрения к «нищенке-подруге» Надежде Мандельштам и demodé Марине Цветаевой (без счета — дамам помельче). Это то, что приближает ее к «ландо» и «Я похожа на жену посла, который…» — и далее следует начало третьесортного романа.

Поцелуй Муре Будберг Ахматова уступила без большой любви — «авантюристку» якобы презирала, — но ведь это была не безымянная поклонница, бросившаяся с поцелуями «Анночка Ахматова!». Анне Андреевне следовало бы или писать поэзию другого сорта, не приманивающую карамельно-гнилостным ароматом поклонниц только соответствующей категории, или иметь выдержку не высказывать вслух сомнительные сведения о своей чистоплотности.

Слово в скобках — «Лондон» — обозначает название города, из которого (даже и оттуда!) приезжают к Ахматовой посетители.

Когда высокие персоны — «в законе», она подчиняется и лебезит, когда можно оспорить — рвется в бой.

Свою приятельницу Наталью Ильину Ахматова считала осведомительницей. Свое мнение Анна Андреевна объясняла весьма убедительно и просто: «Все те люди, которые вместе с нею вернулись из Китая, отправились или в тюрьму, или в ссылку. А она поступила в Литературный институт на Тверском бульваре <…>».

Некоторые осведомители тоже отправились после Китая в тюрьму или в ссылку, это не доказательство. Но безнаказанно назвать кого-то агенткой — это хлебом не корми, особенно хорошенькую женщину, поступившую в Литературный институт.

Ум и интуиция редко подводили Анну Андреевну. Возникает совершенно законный вопрос: если Ахматова догадывалась об этом, то по какой же причине она столько лет терпела Ильину в

своем окружении? Причин тут несколько: веселый и легкий нрав Натальи Иосифовны. Она была остроумным и живым собеседником, любила застолье, <…> еще одна причина: опубликовав свой роман «Возвращение», Ильина получила солидный гонорар, и это позволило ей купить автомобиль. Водить машину она умела еще с шанхайских времен и охотно возила Ахматову. А та любила прокатиться то в Коломенское, то просто на природу.

Михаил АРДОВ. Вокруг Ордынки. Стр. 76, 78

Причины более чем уважительные и достойные, особенно если принять во внимание главную — что и скрывать ей перед осведомительницей было абсолютно нечего. Остается одно — то, что она считала свою приятельницу осведомительницей и сообщала об этом другим.

Ардов в те годы жил хорошо, водил Леву в «Метрополь», катал на такси. Дом Ардовых импонировал ему своей, как ему казалось, артистической светскостью. Там бывают только блестящие женщины: Вероника Полонская, или дочь верховного прокурора, или жена Ильфа. <…> Над тахтой Нины Антоновны портреты влюбленных в нее знаменитых поэтов, например, Михаила Светлова… Вероятно, мое изображение этого дома — кривое зеркало, но таким я его получила из рук Левы, Нади (Анна Андреевна говорила об Ардовых иначе — **смрадный эстрадник,** — но тоже с неспокойным пристрастием). Нина Антоновна кокетничала с Левой, и он откровенно признавался: «Я не могу оставаться равнодушным, когда она лежит с полуоткрытой грудью и смотрит на меня своими блестящими черными глазами».

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. Стр. 230

А Фрост за свои сосновые карандаши мог позволить себе не лизать блюда в столь изысканном обществе и не пускать дочь в сомнительные дома…

Соблазнительный образ лежащей Нины Антоновны — вот что должен был воспеть Толстой вместо своей Анны Карениной с ее ужасно непередовыми «прелюбодеяние — не прелюбодеяние».

Замечательная актриса, Нина Ольшевская.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 104

Анна Андреевна кормится в этом доме и для потомства оставляет ценное и правдивое свидетельство.

Я соглашалась, когда речь шла о Раневской, действительно хорошей актрисе, но хвалы, расточаемые киноактеру Баталову **(Баталов — сын Ольшевской)**, сердили меня. Впрочем, Ахматова напирала не на игру, а на то, что Баталов самый знаменитый актер в мире. Сомневаюсь, но допускаю. Только какое нам дело, кто и почему знаменит? Внешний успех трогает меня, как прошлогодний снег, и меня огорчает, что даже Ахматова в старости поддалась этой слабости. Рассмешила меня и неумеренная оценка Райкина, которого Ахматова на сцене никогда не видела, разве что в телевизоре.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. Стр. 262–263

Когда у Ахматовой арестовали мужа (на самом деле — любовника) и сына (это было менее важно), Борис Пастернак заступился за них — просто-напросто, то есть напрямую рискуя собой, написал Сталину. Сталин отпустил их.

Ахматова не поблагодарила Пастернака — не умела быть благодарной, слов благодарности физически не могла произнести, не знала — хоть как ее облагодетельствуй, была уязвлена: как это так, не сама она, Анна Андреевна, мановением пальчика Сталина строит, а кто-то там более значительный нашелся, Пастернак… Автор книги о Пастернаке, тонкий, знающий — но также знающий, что Ахматову лучше, не вдаваясь в подробности, превозносить, выкручивается самым перетонченным образом. А по сути, подтверждает то же самое — да, была черно неблагодарна, потому что оберегала свою чванливость с тщанием, поистине достойным лучшего и более благородного применения.

…Следов признательности Пастернаку в ее воспоминаниях не заметно. <…> Почему она ни слова не рассказывала об участии в этом деле Пастернака? Назвать это неблагодарностью не поворачивается язык — скорей всего дело было в ином: Ахматова при ее врожденном и гипертрофированном чувстве собственного достоинства крайне болезненно переживала ситуации, в которых выступала просительницей.

Дмитрий БЫКОВ. Борис Пастернак. Стр. 506

Отец Маши Мироновой, капитан, комендант Белгородской крепости, погиб, защищая престол и отечество от злодейского самозванца. Императрица Екатерина Великая не посчитала, что его подвиг умаляет ее достоинство. Наоборот, он — доказательство ее величия.

«Я в долгу перед дочерью капитана Миронова».

А. С. ПУШКИН. Капитанская дочка

Константин Симонов — член советской делегации на Сицилии.

Анна Андреевна испытала разочарование, когда почувствовала и поняла не слишком большую литературную весомость этой премии. Не этим ли объяснялась ее отчужденность, некоторая скованность человека, не желающего слишком щедро духовно заплатить за ту меру внимания к себе, которая, в сущности, не заслуживает слишком щедрой благодарности.

К. Симонов — письмо В. Я. Виленкину.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 441

Щедро — это щедро, это или да или нет. Не слишком щедро — это хуже, чем скупо: здесь и просчитанная показная щедрость, и непримиримая решительная скупость. Такое сочетание называется одним словом: мелочность.

NN — это Ахматова.

NN несколько раз звонила к Толстым, которые страшно огорчены — и не скрывают — так как премия не ему. NN решила сделать визит сочувствия. «Это правильно», — сказала Беньяш. «Я всегда знаю, что следует делать», — сказала NN, а я вновь огорчилась.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 426

Так называемое «достоинство» Анны Андреевны Ахматовой было тщательно высчитанным.

МУСОРНАЯ СТАРУХА

Анна Андреевна стала Анной Ахматовой — чем-то большим, чем полустертой, простенькой, печальной и ароматной страничкой книги Серебряного века — потому, что дожила до старости.

Сравним две старости: ее и Льва Толстого.

О Толстом говорить как-то не модно, он слишком простые вопросы разбирает: о смерти, о Боге, о добре или о не добре. Как бы не подумали, что и тебя такие пустяки волнуют. К счастью, Толстой подходил к этим вопросам через привычный ему антураж светской жизни: высшее общество, князья, генералы, графини — то, что было хорошо известно ему. Ахматова и не поняла, о чем все это, подумала, что это то же самое, что «хлыстик и перчатки», поэтому к Толстому апеллировала часто.

Шутливое же прозвище «мусорный старик» возникло так: Б. В. Томашевский, вскоре после кончины Толстого, посетил Ясную Поляну и пытался расспрашивать о нем местных крестьян. Они же в ответ на расспросы о Льве Николаевиче упорно рассказывали о Софье Андреевне. Когда же Томашевский попытался перевести все-таки речь на Толстого, один крестьянин ответил: «Да что о нем вспоминать! Мусорный был старик».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 143

Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя: 20 % мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи следует признать деянием уголовно наказуемым, потому что она из мемуаров с легкостью перекочевывает в почтенные литературоведческие работы и биографии.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 219

С какой легкостью юристка жонглирует словом «уголовный»! Извращенность советского правового поля закружила и ее. Пусть она глянет, что подлежит ведению уголовного права: все-таки не литературные репутации. И ее ссылки на проценты не придадут весомости ее заявлению.

Ну ладно, будем вслед за Анной Ахматовой называть Льва Толстого «мусорным стариком». Старик — значит, в старости. Считается очень скучным интересоваться, что занимало в старости «мусорного старика». Пишет, например, «Исповедь»,

или «В чем моя вера».

До старости дожила и Анна Андреевна Ахматова. Пишет — это не отрывки каких-то бытовых разговоров, это — то, что она хочет оставить, донести до потомства. Вот результат работы великой души. Речь идет об изменах Гумилева.

<…> эта легенда идет от эмигрантских старушек, которым очень хочется быть счастливыми соперницами такой женщины, как Аня. Но боюсь, что им ничего не поможет. Они останутся в предназначенной им неизвестности. А Аня — Ахматовой.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 124–125

Это она пишет в 1963 году, ей 74 года.

Можете представить себе «мусорного старика» Льва Толстого, который на восьмом десятке, вспоминая злых сокурсников по Казанскому университету, пишет о себе, что «Лева-то, во всяком случае, стал — Толстым»?

Старушек — не эмигрантских, а бедных московских — она приказывала привозить к ней домой и там показывалась им — накрашенная, нарядная, окруженная молодыми мужчинами. Спектакли устраивались только ради того, чтобы показать, кто победительница. Но об этом в другой главе — главе о ее глубокой религиозности и о том, как «такая женщина, как Аня» «учила прощать».

Поклонение, и лесть, и оробелые поклонники обоего пола, и цветы, и телефонные звонки, и весь день расписан, и зовут выступать и хотя бы только присутствовать — это стало нужным.

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 591

И прочая мелочь ее мусорной старости…

О Брюсове:

«Он знал секреты, но не знал тайны».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Стр. 343

Вот это она знала о жизни — как назвать то, и как назвать это, чтобы было красивее. Представить себе «мусорного старика», которого в пятьдесят два года волнуют тайны и секреты любовного певца…

В 1964 году запись о разговоре с Вадимом Андреевым, сыном Леонида Андреева, по поводу «Поэмы без героя», явно понравившемся Ахматовой: «Я думал, что здесь есть тайна и я

разгадаю ее, если приеду. Нет, здесь нет тайны. Тайна — это вы».

С. КОВАЛЕНКО. Проза Ахматовой. Стр. 389

Интервьюер сообщает:

«Литературная газета» отметила ваш юбилей». — Ахматова: «Не только «Литературная газета». В «Литературной России» была тоже заметка о юбилее и о вечере, посвященном юбилею. Вы разве не видели? Но я к этому отношусь спокойно».

Михаил ЛАТМАНИЗОВ. Встреча с Анной Ахматовой. Стр. 306

Потом вынула из своего вечного и всеобъемлющего чемоданчика пачку юбилейных телеграмм. Ленинградский Союз ее не поздравил. Москва поздравила: Правление, Президиум. Длинные, восторженные телеграммы от Федина и от Суркова.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 361

К Ахматовой обратилась сестра какого-то уже умершего еврейского поэта, фамилию которого я не запомнил. Она просила, чтобы Анна Андреевна перевела его стихи. Кажется, он был из репрессированных. Ахматова пожалела просительницу и действительно перевела какие-то предложенные ей строки. После этого она получила благодарственное письмо от сестры поэта. Оно начиналось такими словами: «Хотя Вы перевели всего только одно стихотворение моего покойного брата…»

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. Стр. 64

Несомненно, она не может переводить все, что ей предлагают, какие бы человеческие чувства ни испытывала. Но обратить внимание на строчку письма, показать ее, изумиться наглости!.. — это действительно надо знать себе цену до копейки.

Самое низкое падение Анны Ахматовой — война: пьянство, блуд, интриги, слава, смерти близких, смерть сына Цветаевой — не помогла из зависти, — миллионы смертей в Ленинграде: она не чувствовала их.

Толстой стал вегетарианцем, побывав на скотобойне, — и говорил, что каждый бы сделал это. Не каждый захочет посетить бойню. Анна Андреевна Ахматова вернулась в Ленинград весной 44-го. Она знала, что было в Ленинграде в блокаду, а зная это, лучше не жить, но ее падение настолько глубоко, что она еще и принимается осуждать этих людей, блокадников. Требования ее строги.

Встретила на улице Анну Ахматову. Она стояла на углу Пантелеймоновской и кого-то ждала. Она стала грузной женщиной, но профиль все тот же или почти. Разговорились. «Впечатление от города ужасное, чудовищное. Эти дома, эти 2 миллиона теней, которые над нами витают, теней умерших с голода. Во всех людях моральное разрушение, падение». Ахматова говорила страшно озлобленно и все сильнее озлобляясь.

Запись Л. Шапориной.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 3. Стр. 106

Это не «Как ни стремилась к Пальмире я…»

Вот уж за это ей точно надо было бы отправиться в монастырь — да не постригом, хватит уж гордиться, а полы помести. Она никогда не оглянется на это время.

Миру казалось, что после Освенцима стихов нельзя писать — пройдены все полюса человеческого мироустройства и любое сказанное слово будет эхом в пустоте.

Оказалось, что есть души, которые и не заметили этих катаклизмов, даже наоборот — думают, что, выкрикнув над замерзшими трупами: «Час мужества пробил на наших часах / И мужество нас не покинет», — можно еще и потребовать дополнительной пайки за гладкость слога.

Анна Андреевна надеется на Журмунского: едет в Лондон и обещал там разъяснить происхождение ахматовского псевдонима: Ахматова приняла фамилию прабабки, а «прабабка не простая» — из рода последнего хана Золотой Орды, Ахмета.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 278

Это 1965 год.

У Толстого не было НИ ОДНОЙ бабки и НИ ОДНОЙ прапрабабки — НЕ княжны, дочери НЕ князя.

Он спокойно гордился этим как кровным родством (не выдуманным ахматством) с русской историей, но старость придвинула его к заботам даже не о своей истории — о своей душе, своей личности, своем теле как свидетельстве своего существования — только для того, чтобы постичь Божий замысел.

Толстой в старости — жил, Анна Ахматова, уловив моду

на рассуждения о категории времени, наивно поучает, что надо — вспоминать: первую любовь, детство и пр. Вспоминают и ее, вернее, она боится, что вспомнят.

«Про меня в Париже пишет моя родственница, жена Мити Гумилева, совершенно меня не знающая, я же знаю о ней одно: большая дрянь. Когда Митя уходил на войну, она принудила его составить завещание в свою пользу. И вот теперь я у нее в руках. Очень приятно».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 511

В чью пользу, по ее мнению, должен составлять завещание уходящий на войну муж? В пользу свояченицы? Анна Андреевна обижена, что Митя не составил завещание в ее пользу? Она взбешена фактом раздела имущества и завещанием в пользу жены. Дело у Гумилевых обстояло так: имущество (допустим, только дом) было все на матери. Уйдя на войну и будучи убит, Митя олицетворял бы собой картину: нет человека, нет проблемы. Вдова Мити осталась бы в доме, целиком принадлежащем свекрови, за ней — наследникам (Николаю Степановичу и Анне Андреевне) — и оставалась бы навсегда ни с чем. Могла спокойно убираться вон. Это был бы единственный вариант, который устраивал Анну Андреевну. «Большая дрянь» поступила более осмотрительно: «принудила» мужа уговорить мать разделить наследство при жизни. Погибнув, Митя оставил бы что-то после себя семье. Ахматова помнит об этом до 73 лет.

Когда Митя шел на войну, А. А. Гумилева-Фрейганг потребовала у него завещания в ее пользу. **Так в чью ей надо было требовать?** Коля сказал: «Я не хочу, чтобы мамины деньги (братья были неделенные) Аня (жена Мити) употребила на устройство публичного дома».

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 139

Коля Гумилев был уверен, что если его брата убьют, то его невестка откроет именно публичный дом. Хорошенькие разговоры при еще не убитом брате и при его законной жене. Цель такого оскорбления — чтобы материно имущество не делить и завещания не писать. Значит, если брата все же убьют (этот вопрос, как видим, обсуждался очень бурно и с большим вероятием) — то все деньги остаются семейству Николая Степановича — Анны Андреевны. И тогда уж Анна Андреевна Горенко-Гумилева сможет открыть публичный

дом. В любом случае — она будет распоряжаться деньгами, а не родственница-вдова.

Я тоже рассуждаю об этом долго, но дело в том, что я это только что прочитала и возмущаюсь, а Анна Ахматова дышит ненавистью по поводу чуть не уведенного наследства спустя 50 лет. Она дважды возвращается к этой теме — публично и для себя.

Лев Толстой в старости не боялся «разоблачений». Он в двадцать три года написал повесть, где описывал, как он старался эффектнее выглядеть на похоронах своей любимой матери. Кто мог бы «разоблачить» его более тяжко? Кого ему бояться более непримиримого с его пороками, чем он сам? В чьих руках он боялся бы оказаться перед смертью?

Анна Андреевна Ахматова перед смертью чувствует себя «в руках» у своей бывшей невестки и яростно защищается — большая, мол, дрянь.

Эта невестка ничего, правда, и не стала писать — ей было неинтересно.

Жизнь с такими «тайнами» — интересна? Достоинства — полна ли?

…слова
прощенья и любви…

Ближе к смерти не только бывшие наследства волнуют Анну Ахматову.

В. Она мне рассказывала о Модильяни о своем: то, что она потом записала, как она ему бросила цветы в окно и как он не верил, что она не была у него дома — так красиво они легли на полу. Очень мне этот рассказ ее не понравился и казался вообще…

Д. Манерным, да?

В. Манерным. А я подсмеивался и говорил: «А, Анна Андреевна, бросьте врать! Аннушка, ну было у Вас с Модильяни, а? Грех-то был?» Я все так ей. Вот это ей. Все это ей безумно нравилось. Вы понимаете, стареющей даме… Тут надо иногда быть решительным, желая понравиться, серьезно.

М. Д. ВОЛЬПИН в записи Дувакина. Стр. 269

Она «всегда была за развод» и, волнуясь, торопится высказать свои передовые взгляды.

Анна Каренина, по ее словам, пострадала от морали толстовских теток.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. Стр. 154

Или от морали, проповеданной Евангелием.
Дальше этого мысли Анны Ахматовой о жизни не пошли.

Толстой женился — не бог весть как удачно, без партии, но — по любви и на порядочной девушке. Его не могло интересовать ничто с душком — сладости этого душка как-то не понимал.

Я ей призналась, что выдвижение на Нобелевскую премию и радует меня за нее и тревожит. Я спросила, как она думает, разразится ли скандал, если премию присудят ей? «Здесь — нет. А там, конечно, хлынут волны грязи. Америка будет бороться за Фроста».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 511

Хочется процитировать Алексея Александровича Каренина, мужа Анны: «Образ жизни, который вы избрали, отразился на ваших понятиях». Она не сомневается, что хлынут волны грязи. Без грязи, грязной борьбы, «волн», она не представляет себе увенчание поэта. Фроста она не читала, просмотрела. «Видно, что знает природу». Все поклонники с удовольствием отмечают, что произносила это очень холодно.

Бродский: <…> Фрост — не хрестоматийный поэт, а явление куда более глубокое и пугающее. <…> Это и есть подлинно трагическое аутентичное американское сознание, которое маскирует себя уравновешенной речью, обстоятельностью, прячется за обыденностью описываемых явлений.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 110

Более всего ей хотелось говорить о выдвижении на Нобелевскую премию и о «Поэме». Но об этом она заговорила не сразу.

Анна Андреевна рассказала мне о Фросте. Он якобы ни о ней, ни о ее стихах никогда не слыхивал. Фрост подарил ей свою книгу с надписью. О книге она отозвалась довольно-таки небрежно.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 509

Волков: В письме к вам Ахматова из «Путем всея земли» приводит две строчки: «И вот уже славы / высокий порог…» И добавляет, что это уже «случилось». Имеется в виду ваш суд, ваша известность на Западе?

Бродский: Да, это одна из тем, которые обсуждались в наших беседах. В то время планировалась поездка Ахматовой в Италию, где ей должны были вручить литературную премию. Ахматова к этим поездкам относилась чрезвычайно серьезно.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 262

Предстоящая поездка ее волнует, но в то же время и поднимает жизненный тонус.

Ю. ОКСМАН. Из дневника, которого я не веду. Стр. 645

А вот для чего «мусорный старик» засобирался за границу.

30 июля 1909 года я приехал в Ясную Поляну, чтобы узнать, верны ли сенсационные сообщения. «Правда ли, Лев Николаевич, — спросил я, — что вы пишете доклад на предстоящий в Стокгольме международный конгресс мира и даже собираетесь туда поехать?» — «Это верно», — сказал Лев Николаевич. — «И думаете ехать туда?» — «Да, я решил ехать. Сначала я хотел написать им, что приехать не смогу, но потом пришел к тому убеждению, что поехать мне нужно. Если прочтут мой доклад без меня в комитете, то он принят не будет — он слишком резко написан. Но если бы я присутствовал, я бы мог добиться того, чтобы его приняли».

С. Спиро. Беседы с Л. Н. Толстым.

ЖИВОЙ ТОЛСТОЙ. Стр. 624

«Пришла книга Рива, где он требует для меня Нобелевскую премию».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 235

Это было время нового, послереквиемного, этапа ахматовской славы. Она короткой заметке в какой-нибудь европейской газете неожиданно могла придать особое значение, спрашивать мнение о ней у знакомых, ссылаться на нее при встречах с незнакомыми. «Шведы требуют для меня “нобелевку”», — сказала она Раневской и достала из сумочки газетную вырезку.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 165

Подхватушки, задергушки, обручалки, «нобелевки»… милые дамские инфантилки о привычных обыденных вещах.

Употреблялось и в кругу Бродского, с той же стиляжьей нарочитой небрежностью, что и «Честерфилд» на заборе в Норенской.

«Вот, в Стокгольме напечатали». — «Стокгольм, — произнесла Раневская. — Как провинциально!» Ахматова засмеялась: «Могу показать то же самое из Парижа, если вам больше нравится». **(Скорее всего все-таки не могла — Найман ловил ее не раз.)** — «Париж, Нью-Йорк, — продолжала та печально. — Все, все провинция». — «Что же не провинция, Фаина?» — тон вопроса был насмешливый. «Провинциально все. Все провинциально, кроме Библии».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 165

Раневская сказала mot, но он был ближе к сути вещей, оцениваемых на закате жизни. Наверное, ей было жалко, что встретившаяся ей «великая» была все-таки мусорновата.

Незадолго до ее смерти у нас случился разговор о тогдашнем ее положении: о новой славе, пришедшей к ней, о пошлости, сопровождавшей эту славу, о высоком авторитете и зависимости от газетной статьи, чьих-то мемуаров, Нобелевского комитета, иностранной комиссии СП. **(Сравните каждую строчку с тем, что незадолго до смерти волновало «мусорного старика», и просто представьте, мог ли он говорить хоть о чем-то подобном применительно к себе?)** Сперва она держалась гордо, повторяла: «Поэт — это тот, кому ничего нельзя дать и у кого ничего нельзя отнять», — но вдруг сникла и, подавшись вперед, со страданием в глазах почти шепотом выговорила: «Поверьте, я бы ушла в монастырь, это единственное, что мне сейчас нужно. Если бы это было возможно».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 80

«Девочки! За мной!» — «Куда?!» — «В монастырь!» — «И-и-и!» — («Необыкновенный концерт» Сергея Образцова — помните эту сцену, как, подхватив юбки, канкан побежал за «смрадным эстрадником»?) Почему поэту нельзя дать и нельзя отнять? Почему — поэту? Что нужно поэту, и что — не поэту? Разве не — ЧЕЛОВЕКУ нельзя ничего дать и у человека нельзя отнять? Как можно рассуждать: поэту можно, а драматургу — нельзя? Категории, которыми она мыслит незадолго до смерти, — это секции Союза писателей. Представить Толстого, который перед смертью обобщает свой нажитый опыт — как писателя, как будто он не прожил просто человеческой жизни, и вспоминает о Нобелевской

премии? Он отказался от Нобелевской премии — заранее, чтобы не обижать людей потом отказом, а главное — чтобы не придавать этому жесту вид жеста, отказавшись. Это единственный случай в мире — и, кроме «мусорного старика», никто — ни один писатель или даже ни один поэт — не смог бы этого сделать, не показавшись смешным и самонадеянным.

Я поехал к Анне Андреевне в Комарово. Она повторяла (с видимым удовольствием) фразу, недавно ею сказанную, очевидно, по собственному поводу: «Поэт — человек, у которого никто не может ничего отнять и потому никто ничего не может дать».

Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. Стр. 493

В ее возрасте можно было бы прийти и к более обобщающему выводу. Толстой не назвал свою работу: «Сколько писателю земли надо?»

Анна Андреевна гневно отмечает, что великие писатели женятся на нехороших женщинах и что Зинаида Николаевна Пастернак играет в карты. Сама Ахматова считает своей семьей литературный дом писателя Ардова, где время проводится значительно культурнее.

Но чаще всего мой отец вспоминал еще один анекдот. Году этак в 1909 кто-то из сыновей Льва Толстого прибыл в Ясную Поляну. <…> молодой граф отправился в гости к своему приятелю — помещику, который жил неподалеку. Вернулся он под самое утро — его привезли в пролетке к воротам яснополянской усадьбы. По причине сильнейшего опьянения идти граф не мог и двинулся к дому на карачках. В этот момент навстречу ему вышел Лев Николаевич, он, по обыкновению, собственноручно выносил ведро из своей спальни. **(В этом, наверное, и есть основная соль «анекдота», это ведь есть доказательство низости Толстого.)** Увидевши человека, который приближается к дому на четвереньках, Толстой воскликнул: «Что это такое?!». Молодой граф поднял голову, взглянул на фигуру отца и отвечал: «Это — одно из ваших произведений. **(И добавил — нет, на самом деле в этом, в этом, конечно же, соль-то)** Быть может, лучшее».

Михаил АРДОВ. Монография о графомане. Стр. 332

…Ахматова и Михаила Ардова учила «верить в Бога и любить Россию». Он верит и любит, как может, и в семьдесят лет, священник с двадцатипятилетним стажем, пишет свои

воспоминания: «Вы видели мое «Рено»?» — «Не видел ни хрено». Разговоры о Толстом записывает часто.

Зная, что Анна Андреевна не гнушалась выдумывать сама истории про Толстого — было же у нее «опровержение» воспоминаний Бориса Пастернака о том, как в детстве он видел Толстого — все, мол, было совсем не так, — невольно задумаешься: уж не Анна ли Андреевна и этот анекдотец сочинила в свободное от художественного творчества время.

Придешь к ней, сядешь. Закуришь, а Анна Андреевна с лицом таинственным и значительным вынимает из сумки листок. Протягивает. Листок оказывается либо письмом читателя, недавно открывшего для себя Ахматову и свежо этому удивившегося, либо бумагой с грифом какого-нибудь института, где некто занялся изучением творчества Ахматовой, и просит добавочных сведений. Иногда из сумки извлекалась газетная вырезка или страница журнала <…> прочитав, следовало что-то говорить. А лучше восклицать. Хвалить читателя за чуткость. Об институте говорить: «Давно пора!»…

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 591

Не мог я не припомнить милого рассказа моей матери, старинной, убежденной москвички, о том, как Толстой идет где-то по одному из московских переулков зимним погожим вечером и как все идущие навстречу снимают перед ним шляпы и шапки, в знак добровольного преклонения.

Александр Куприн. ЖИВОЙ ТОЛСТОЙ. Стр. 543

Гордыня доводила ее иногда до капризов, проявлений несправедливости, почти жестокости. Я не был свидетелем таких эксцессов — Анна Андреевна даже несогласие со мною выражала очень мягко — но и я вполне отчетливо ощущал полускрытое шевеление в ней этой гордыни. Самоутверждение принимало у нее подчас наивные формы. Как-то, предлагая мне прочитать письмо к ней какого-то поклонника из Франции, она обратила мое внимание на фразу, в которой она названа grand poet'ом. И, несмотря на то, что таких писем приходило к ней немало, она, читая их, не скрывала удовольствия и показывала их своим посетителям.

Да, она ловила знаки признания и почета.

Д. МАКСИМОВ. Об Анне Ахматовой, какой помню. Стр. 120

Греховен человек, слаб, горд. Только все по-разному. Вот — гордость «мусорного старика»:

Изволите ли вы видеть, граф Лев Николаевич не может простить господу Иисусу Христу, что он раньше него пришел на землю со своим учением.

А. ХОДНЕВ. Мои встречи с Л. Н. Толстым. Стр. 230

Толстой ревновал даже не к Копернику.

КОНЕЦ ЕЕ ЦАРСТВОВАНИЯ

Конец ее царствования был отвратителен.

Пушкин — о Екатерине II.

Дневники

Назвав ее последние годы царствованием, сразу оговорюсь, что даю фору Ахматовой. Все-таки ее царствование не было безоговорочным, и царицею ее признавали далеко не все — разве что большие поклонницы «Сероглазого короля» и «А, ты думал, я тоже такая», женщины «трудной судьбы», а также те, кому было недосуг прочитать «Мужество» и разобраться, насколько велики эти стихи, ну еще и те, кто на веру принимал, что она была дважды вдова и очень сильно горевала по угнетенному сыну, то есть была героична и за это достойна почитания.

Достаточно красноречив факт, что в пятидесятые годы о ней не помнили, не знали, жива ли она или нет, ни Иосиф Бродский, ни Исайя Берлин, ни Твардовский, ни молодая редакторша из Гослитиздата: культурные и образованные люди, живущие литературными интересами.

Думаю, что тогда не существовало в Советском Союзе человека, который бы не знал, жив или нет Борис Пастернак. Представьте себе любого из перечисленных и представьте, что он не знает, давно ли умер Пастернак, или еще жив.

В общем, Ахматова царила среди тех, кто хотел иметь царицу. Но конец ее царствования все равно был отвратителен.

Когда юная дама — нервная, деспотичная, тщеславная — стареет, еще более тяжкими делаются ее тяжелые черты. Утрируются все — положительные тоже, но мало кому это добавляет света в личность — ведь положительные черты характера положительны не сами по себе, — а только вместе с силой живого человека. От старческой немощной доброты мало кому радостно — от черной старости тяжело вдвойне. У Ахматовой был особый (довольно особый — изобрести что-либо принципиально новое трудно) путь. У нее была дьявольская злоба — но была и ведьминская витальность. За это люди — те, кто не мог жить, не поклоняясь, не принося себя в жертву, то есть люди совершенно определенного склада — к ней и тянулись.

Некоторых, более самодостаточных, она забавляла. Этими отношениями, чувствуя силу таких людей, она дорожила и старалась соответствовать. Умела находить их. Написала стихотворение Галине Вишневской, услышав однажды ее пение по радио, — ну вот не могла удержаться, чтобы не написать. Тут и респектабельность вкусов, и любимый властями род искусств, и ведущая солистка. Перед молодыми мужчинами из ленинградского окружения в дело шли другие приемы: педалировалось знакомство с Европой, рассказывалось и о Блоке, и о романах с лордами, и о квартире, в которой было шесть комнат. Здесь улов был велик: попался Бродский. Запишем это на счет простодушия гения.

Вот она, старость.

Рассказала, что ее навестили один заезжий француз и дама. Дама сидела в столовой вместе с хозяевами, а француз с нею, у нее. Когда гости ушли, выяснилось, что у них в этот вечер были билеты в Большой, на «Лебединое озеро». «Какое там! Он сидел у меня шесть часов. Да, да, ровно шесть часов. Я сосчитала **(Я тоже: всего лишь вполовину меньше Исайи Берлина. Плюс жена за стеной. На «гостя из будущего» не тянет)**. Я своими глазами видела, как у него за это время выросла борода. Еле-еле его от меня домкратом вытащили».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 111

Но ведь и она с ним сидела шесть часов? У нее ведь было полное право по крайней мере намекнуть — и гость бы испарился. Но — иностранец.

«Какое ваше мнение — мнение человека, связанного с научными кругами, — скажите, как по-вашему, случайно или нет сообщение о присуждении мне почетной степени доктора филологии Оксфордского университета появилось во время моего пребывания в Италии? Может быть, это случайно. А может быть, это сделано намеренно».

Михаил ЛАТМАНИЗОВ. Встреча с Анной Ахматовой. Стр. 316

Да, это вопрос вопросов.

И потешное происшествие: один ахматовский перевод приписан Железнову. Это прелестно. Редакция извинилась перед Анной Андреевной и хотела уволить сотрудника, повинного в путанице, но Анна Андреевна за него вступилась. «Я не позволила

из-за себя никого увольнять. Этот крест мне не по плечам».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 202

Да ладно! Если бы его хотя бы повесить собирались!

О Л. Толстом.
Зависть к Достоевскому.
Анна АХМАТОВА. 1957год

Кто о чем.

Кроме того, я заметил в ней известную заносчивость. Она, так сказать, немножко сверху вниз смотрела на обыкновенных людей. Потом я уже слышал от других, которые имели с ней дело, и в старости эта заносчивость в ней осталась, даже приняла крайние формы: когда приезжали к ней работники редакции, то она даже и не отвечала на поклон, не сажала их. Они стояли перед ней, она, не глядя на них, делала соответствующие там заметки, соглашалась или не соглашалась с редакционными замечаниями, но, повторяю, совершенно не принимала их как людей. Может быть, они приходили, когда она была в плохом состоянии: ведь ее травили, все время, до последних дней ведь ее травили. Но нужно сказать, что я и от других слышал об ее такой заносчивос ти, и даже некоторой грубости, я бы сказал. А с людьми, которых она считала более-менее выдающимися…

Д. Своего круга.

Б. Да, и своего круга, она была, конечно, другой. Это свойственно очень многим людям. Еще Гоголь прекрасно отмечал, как меняется человек в зависимости от того, с кем он говорит: с низшим или с высшим. И вообще, известное пренебрежение к людям, которые ни в чем себя не проявили в области искусства, литературы, науки, в политике — к обыкновенным людям, обыкновенным людям.

М. М. БАХТИН в записи Дувакина. Стр. 47–48

Г. А. Шенгели — М. М. Шкапской.

Мы ехали вместе из Политехнического музея, где был ее вечер, в Союз писателей. Я тараторил, старался ей понравиться, потом спросил, попадались ли ей мои последние книги. Она вдруг спрашивает: «А как, собственно, ваша фамилия?».

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Т. 2. Стр. 68

Я привела к ней Рожанского. Она упорно называла его

академиком, не веря мне, что он просто служит в Академии, и с восторгом ездила к нему на званые обеды.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. Стр. 320

Вот лауреат Государственной премии, допускать которого к себе брезговала даже Ахматова.

Виктор ТОПОРОВ. Игра в классики. Стр. 356

Протекающая мимо жизнь интересовала Ахматову в тщеславном, эгоцентричном, суетном аспекте: какое место она занимает в ней. Приближающаяся вечность поставила вопрос «шире»: какое место она займет в вечности. Она думала, что и там надо застолбить себе место. Сами по себе жизнь и смерть ее не занимали.

Между тем у меня дважды была Ахматова, величавая, медлительная, но с безумными глазами: ее мучает, что Сергей Маковский написал о ее отношениях с Гумилевым какую-то неправду. «Он не знал первого периода нашего брака».

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник 1930–1969. Стр. 342

Ахматовой 74 года.

Семен Липкин рассказывает <…>.

Как-то поздно вечером она позвала его к себе — «по очень важному делу» — сказала в телефон. Он, встревоженный, поспешил приехать. «Вот» — и она показала ему статью во французской газете. Липкин читает: статья восторженная. Ахматова негодует: «Какая мерзость». Оказывается, в статье сказано, будто Гумилев разошелся с нею. «Нет, это Я кинула Гумилева. А в этой подлой статье…»

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник. 1930–1969. Стр. 396

Написанное она прочла мне вслух. Целая страница прозы. Письмо не письмо, а отрывок, начинающийся с полуфразы. Замысел: положить конец кривотолкам. Нападки на нападающих и кое-какие объяснения. Написано со странной смесью беспомощности и надменности — странное сочетание, присущее ей вообще.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 128

Я привезла Анне Андреевне первый том «Сочинений» Гумилева. Вновь и вновь перелистывая книгу, проговорила задумчиво, медленно, угрожающе: «Я сделаю… из них… свиное отбивное…» Потом захлопнула книгу и подняла ее над головой. «Здесь все стихи — мне. Почти все».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. стр. 537

А Лукницкий между тем произнес нечто еще более сладостное — по поводу статьи Маковского, столь рассердившей Анну Андреевну. Павел Николаевич выдвинул такую теорию: Маковский, дескать, потому недоброжелательно отзывается о Николае Степановиче, что сам в ту пору был влюблен в Анну Андреевну. Поверила ли она этой лести? Не думаю. Она — человек трезвый.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 193

Да Лукницкий — бывалый. Он-то ее знает.

Некто сообщает, что никогда не забудет двух своих встреч с нею («помню каждое ваше слово») и надеется непременно снова увидеть ее этим летом.

«Я хотела проверить, какое впечатление производит на вас это письмо. К какому разряду писем, по-вашему, оно относится»? — «К любовному, — сказала я. — Типичное любовное письмо». — «Ах так? Даже типичное? Значит, мне не показалось? А я уж, признаться, вообразила, что у меня начинается сексуальный психоз. Как у Любови Дмитриевны. Этого бы еще не хватало! В 70 лет даме мерещатся любовные послания! У меня седые волосы дыбом встали. Вот так». Она с двух сторон обеими руками подняла над головой две длинные седые пряди и движением рук, плеч, головы с такою безупречною точностью изобразила мраморную гордыню, что я не удивилась чьей-то влюбленности. Живая арка из рук — это был подлинный архитектурный шедевр. «Клиническое любовное письмо», — с удовлетворением подтвердила Анна Андреевна, опустила руки и спрятала письмо в сумочку.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 360

Пластинка готова — с отточенными движениями, как всегда.

В разговоре она часто называла его иронически-почтительно «лорд», реже «сэр»: за заслуги перед Англией король даровал ему дворянский титул. «Сэр Исайя — лучший causeur (собеседник) Европы, — сказала она однажды. — Черчилль любит приглашать его к обеду».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 145

Это ее черта, действительно достойная Екатерины Второй: возвеличивать своих любовников. Но та их возвеличивала в реальной жизни, давала им шанс, который они использовать должны были сами, а Ахматова возвеличивала их только в воображении круга СВОИХ поклонников, возносясь таким образом сама. Влиять на кого-то, на чью-то жизнь, на чей-то путь — ее масштаба не хватало.

«Ваше сиятельство! Его сиятельство, несмотря на свою ревность, разрешил моему благородию написать вам». Так Пушкин писал жене своего друга князя Петра Вяземского. Это разве похоже на лакейскую гордость Анны Андреевны за рыцарство Берлина (ведь Берлин ей — никто, «малознакомый»)?

«Песенки» меня почему-то не затронули, кроме двух строчек:

Отняты мы друг у друга…

Разве можно так?

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 361

Разве это тема в 73 года? Любовное стихотворение старого Тютчева об умершей Денисьевой: «Ангел мой, ты видишь ли меня?» — разве оно о шорохах, о встречах? О невстречах? Оно — о Боге.

Да и кто же отнимал друг от друга Анну Андреевну и Исайю Берлина?

Стихи — это ее жизнь, она пишет о том, чем живет. Лидии Чуковской она пошептывает, что она переживает роман. У нее «роман» с сэром Исайей Берлиным, которого она видела один раз в жизни двадцать лет назад… Свиданья, слава…

Светает. Это Страшный Суд.
Свиданье горестней разлуки,
Там мертвой славе отдадут
Меня — твои живые руки.

А я была дерзкой, злой и веселой.

Она была презрительной, самодовольной, погруженной в себя. И знала это всегда.

Можно — работать всю старость, до смерти, а можно — старчески бесплодно суетиться в круге своих обычных интересов.

Волков: Сотворять легенды было вполне в ее характере. Или я не прав?

Бродский: Нет, она наоборот, любила выводить все на чистую воду.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. Стр. 240

Не все, а всех. Основная ее презумпция была — что человек низок. В соединении с одесским темпераментом давало картину, которую трудно было забыть.

В середине октября я поехал в деревню Норинскую Коношского района Архангельской области, где Бродский отбывал ссылку. Я вез продукты, сигареты и теплые вещи. Звонили знакомые, просили передать письма и разные мелочи, один предложил кожаные рукавицы, я поехал за ними, но дверь открыла жена и сказала, что муж не знал, что рукавицы уже носит сын. Ахматова, узнав, произнесла: «Негодяй», — я подумал, что из-за того, что он напрасно сгонял меня через весь город и прикрылся женой, и стал защищать его: дескать, мог не знать, что рукавицы у сына. «Тогда спускаются в лавку, — прервала она меня раздраженно, — и покупают другие».

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 188

Бедная, как Маяковский не знал, что свежая сорочка — это роскошь, так и она не знала, что кожаные рукавицы тогда в каждой «лавке» не продавались, не зря человек их и предложил — ведь это был дефицит. А человек, наверное, был не самый близкий, раз не сам хотел привезти. В общем, захотел — дал рукавицы, захотел — не дал, Ахматова сама присылала «самые маленькие посылки», это не повод назвать человека негодяем. У него была уважительная причина, а другие в «лавке» не продавались. И никакой особенной трагедии в этом не было — «знакомые звонили», «предлагали мелочи», все хотели примазаться к биографии, не так, когда Льву Николаевичу и в самом деле носить и есть было нечего.

Пересказывает свой разговор с неким Мишей Поливановым о Пастернаке.

«Когда я имела неосторожность произнести по адресу Бориса Леонидовича нечто не совсем почтительное — поднялся крик. Оскорбление величества! «Я говорил с Борисом Леонидовичем два раза — это сама искренность». — «Я говорила с Борисом Леонидовичем двести раз — это само лукавство». Теперь Миша Поливанов возымеет обыкновение утверждать, что Ахматова и Пастернак были на ножах. Но я этого не боюсь. Я приму свои меры».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 76

Я была уверена, что «возыметь», даже «возыметь обыкновение» возможно только в прошедшем времени, когда малопочтенное обыкновение уже проявило себя во всей своей неприглядности. Поливанов же еще не только не зачастил с озвучиванием своей предполагаемой сплетни, но еще ни разу и не сказал, что люди были на ножах. Однако Ахматова уже определилась, какие она примет меры, когда он — «возымеет».

Ну а об умершем — лукавом? — Пастернаке говорить «совсем почтительно» — это выше ее сил.

Если и не вывести на чистую воду — то хотя бы намекнуть, пусть отмываются сами.

Ахматова подозревала Лилю Юрьевну и Осипа Максимовича Бриков в причастности к своей судьбе и аресту Мандельштама. Документально эти подозрения не подтверждены.

С. А. Коваленко.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 521

Мне до сих пор не удалось проверить: действительно ли К. С. Симонов выступал против Ахматовой, или А.А. была кем-то введена в заблуждение.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 77

«Я прошу вас пока никому ничего о Симонове не говорить, — сказала Анна Андреевна. — Через некоторое время я сама скажу человекам десяти, и тогда ему станет не очень весело».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 79

Вчера Анна Андреевна была у меня. Речь шла о самоубийстве Фадеева. Я доложила ей переделкинские слухи. Большинство оказались известны ей. Секретарша, Валерия Осиповна, говорит,

что это был приступ тоски перед запоем. Реплика Анны Андреевны: «Это не она говорит, это ей сказали».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 209

Секретарша — она же сестра фадеевской жены, Ангелины Степановой — не знала, ей только могли сказать более осведомленные, а Ахматова знала все — и ритм фадеевских запоев, и состояние его.

Другие, со слов Книпович, которая жила на фадеевской даче, утверждают, что он вообще никакого письма не оставил. Анна Андреевна: «Если письма нет, значит, она сама и сожгла его. Это настоящая леди Макбет. Способна своими руками не только уничтожить предсмертное письмо, но и отравить и зарезать человека».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 210

Все выведены на чистую воду.

Раневская ничего об Ахматовой не написала — только воспоминания о воспоминаниях.

Меня спрашивают, почему я не пишу об Ахматовой. Отвечаю: не пишу потому, что очень люблю ее.

Д. ЩЕГЛОВ. Фаина Раневская. Монолог. Стр. 50

А мне это напоминает Бродского: «Сидишь рядом с великим человеком, а сказать нечего». А если Раневская что-то действительно сожгла, как говорят, — то это подтверждает еще более худшие подозрения.

Надежда Яковлевна говорила Варе: «Варька, если я буду себя вести, как Анна Андреевна, скажите мне».

Н. В. Панченко.

Осип и Надежда МАНДЕЛЬШТАМЫ в рассказах современников. Стр. 303

Об Ахматовой помнят какие-то маловыразительные истории, которые и о простых-то людях лучше не запоминать. Никто не запомнил о ней ни одной выдающейся истории, ее принципиальной оценки, решительного жеста — если только речь не шла о взрыве ее «гнева» в защиту своего непоколебимого величия.

Самуил Яковлевич всегда посылает за ней машину. «На его машине я не поеду: у него грубый шофер. В прошлый раз он спросил у меня, не купила ли я уже собственную машину. Я ответила: “Я живу в Ленинграде, и когда куплю себе свою — вам от этого все равно легче не станет”».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 416

Я приехала на Ордынку в такси. Анна Андреевна была не готова, машина строго тикала внизу; но она не торопилась. В халате спокойно пила кофе в столовой и ела свой творог. Спешить — это ей вообще несвойственно. Выпила две чашки, потом ушла переодеваться к себе. «Шток говорит: ваши солдатские восемь минут». Солдатские восемь минут длились, разумеется, все штатские двадцать.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 300

Это она просто хотела похамить.

Вообще к старости она стала сердиться по всяким пустякам, часто раздражалась по всяким пустякам, часто раздражалась без причины. Однажды я была у нее в больнице и спросила, что привезти в следующий раз. Она сказала — боржом. Когда я притащила тяжелую сумку с бутылками, то услышала: «Он мне совершенно не нужен, можете увезти его обратно». Но любящие ее люди на это не обижались, ведь по натуре она была добра, деликатна, участлива.

Наталья РОСКИНА. Как будто прощаюсь снова… Стр. 529

И глаза добрые-добрые.

Зазвонил телефон. Только что Анна Андреевна казалась мне некрасивой, старой, обрюзгшей, и вдруг на моих глазах совершилось столько раз мною виденное ахматовское преображение. Исчезла беззубость, исчез большой живот. Властно взяла она трубку. Царственным движением откинула шнур. Повелительно заговорила.

Не дослушивая и не допуская возражения, она произнесла, что раньше декабря — января вечера ее устраивать не следует, что за 50 лет литературной работы она заслужила обдуманный, профессионально исполненный вечер, а не самодеятельность. Не дослушав, она раздавила чьи-то возражения, попросту положив трубку на рычаг.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 555

С зарубежными же корреспондентами Ахматова была исключительно корректна.

С. КОВАЛЕНКО. Проза Анны Ахматовой. Стр. 393

«Толя, а покажите, как Анна Андреевна входит в кабину». А входила она, сперва сосредоточенно глядя перед собой, потом делала грузный шаг внутрь и сразу поднимала глаза на зеркало, уже успев чуть вытянуть вперед губы и приподнять подбородок. И я это изобразил. Она обиделась ужасно, несколько дней едва со мной разговаривала.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 384

Мне будет восемнадцать лет, это нелепо! Мои незрелые таланты, мои надежды, мои привычки, мои капризы сделаются смешны в восемнадцать лет.

Мария БАШКИРЦЕВА. Дневник. Стр. 226

А Анна Ахматова считает, что она не смешна в 75.

Свое восхищение я выражала так: «Вам не кажется, мэм, что вы просто гений?» «До чего вы сегодня красивы, мэм!»

Наталья ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. Стр. 575

В гости ей всегда приходилось брать с собой какую-нибудь спутницу — ведь она боялась выходить одна. В Москве мы никуда вместе не ходили. Причин этому было много, а главная — она при мне не могла разыгрывать даму, боялась встретить мой насмешливый взгляд. А кроме того, ей хотелось быть в центре внимания, а в последние годы она боялась, как бы ей не пришлось разделять это внимание со мной.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. Стр. 320

Пишет, пишет, полемизирует — пишет ведь не свое, не о жизни, а «опровержения», — а жить осталось так мало, а она все:

Я стою у кого-то на пути, мешаю кому-то. Между прочим, когда статья появилась, я лежала в больнице под кислородом.

12 июня 1962.

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 194

О чьих-то стихах:

Там борьба со мной! Не на живот, а на смерть!

Анна АХМАТОВА. Т. 5. Стр. 89

По мнению Анны Андреевны, многие страницы книги Страховского написаны со слов поэтессы Ирины Одоевцевой. «Такое может изобрести только баба. Яд, яд обо мне». Между тем Одоевцева в своих воспоминаниях («На берегах Невы») говорит об Анне Андреевне весьма уважительно.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 676

«В газете «Monde» напечатана моя биография». Тут я вздрогнула: опять чья-нибудь ложь?

Ну почему ложь? Могли быть неточности — никто не обязан знать в деталях ее жизнь, она не Пушкин, чтобы ее изучать, и то белые пятна есть.

Опять ее безудержный гнев? После инфаркта? «К моему удивлению, — спокойно продолжала Анна Андреевна, — все правда, до последней запятой. А кончается словами: премию нынешнего года следовало присудить автору «Реквиема».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 307

Последние годы жизни прошли только в этом: как выбить Нобелевскую премию.

…Встреча в Москве с Джанкарло Вигорелли, председателем Европейского литературного сообщества, кажется, им самим и организованного. Ахматова принимала его на Ордынке: на ордынском совете решено было, что удобнее и эффектнее всего сделать это в «детской», полулежа на кушетке. Она надела кимоно, припудрилась и прилегла, опираясь на руку, — классическая поза держательницы европейского салона, мадам Рекамье и др. — на что-то в этом духе и был направлен замысел сценария; плюс сразу возникшее сходство с рисунком Модильяни. <…> Вигорелли вошел в комнату, остановился в дверях, картинно отшатнулся, картинно раскинул руки, воскликнул: «Анна!» Она подняла ладошку, легонько помахала ею в воздухе и произнесла не без строгости: «Привет, привет». Он поцеловал ей руку, сел на стул и заговорил сразу деловым тоном.

Литературное предприятие синьора Вигорелли было просоветского направления, если не прямо коммунистическое. Союз писателей, возглавлявшийся тогда Сурковым, искал случая подружиться — не теряя собственного достоинства — с «реалистически мыслящими» литераторами Запада. Ахматова

оказалась фигурой, идеальной для создавшейся коллизии.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 250

Исайя Берлин, как видим, ни при чем… Но ей хотелось не ценить его подарки, пренебрегать им, она много иронизировала над его выдуманным искательством…

Эту поездку ей устроили, чтобы она не посмела соваться в разгорающееся «Дело Бродского». Она и так бы не стала — трусила, но когда здесь еще и поманили «заграницей» — она не пискнула. А ведь Ахматова была «нищая» — в смысле, что считала, что государство ей дало мало, во всяком случае, «меньше», недодало. В общем, нищая — тогда и нечего терять: ведь лагеря во времена Бродского ей все-таки опасаться не приходилось. Так и что бы было не заступиться? Вишневская с Ростроповичем дали приют у себя в доме Солженицыну — им было что терять, дело было в зените их карьер и богатства, а с Солженицыным они даже друзьями не были — никакой долг их не обязывал.

Бродский, правда, спустя тридцать лет писал, что она ПОДНЯЛА НАРОД. Но ему ничего не оставалось делать — он влип и должен был держать марку.

А вот она тратит свои 30 сребреников — она на Сицилии.

За каждым движением Ахматовой следил мраморный римский тогатус, бюст которого стоял в глубине президиума. Когда Анне Андреевне прислали фотографии торжеств, она, показывая их, говорила: «Посмотрите, он отвернулся от меня, надменно презирает. А здесь он внимательно следит за этой чужестранкой».

И. Н. ПУНИНА. Анна Ахматова на Сицилии. Стр. 667

Такого рода ее воспоминания об Италии. Ну и еще, конечно, что «Италия — это сон, который длится всю жизнь».

«Министр» туризма — умолчанием она дает понять, что министр Италии, на самом деле — это никогда не упоминается — провинции Катания и не «министр», об этом позже — надолго опоздал на официальную церемонию вручения местной премии иностранной поэтессе. Здесь она не сетует, что не умерла маленькой. Так Анна Ахматова ведет себя в Италии: боится горничной, боится портье, терпит, что не дают сопровождающих, самостоятельно взбирается по каким-то лестницам. Гнева, криков — Боже упаси!..

Ожидание было томительным. Ахматова сидела на сцене,

время от времени призывая меня. Русские спрашивали, как чувствует себя Анна Андреевна. Она интересовалась, кто и что спросил. Она успокоилась и наперекор всем стала бодрой и терпеливой.

И. Н. ПУНИНА. Анна Ахматова на Сицилии. Стр. 665

«Вам ни за что не угадать, какое тамошнее учреждение устроило мою поездку, премию и пр. Попробуйте». Я предположила: нечто вроде здешнего Министерства просвещения? Министерство Культуры? Союз писателей? — «Мини-стерство ту-риз-ма, — выговорила Анна Андреевна с отвращением. — То есть рекламы. Приветствовал меня там министр туризма».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 266–267

Приветствовали ее там: не министр, а, к сожалению, Президент общества по развитию туризма — города Катаньи. А также — адвокат-нотариус Гаэтано Музумечи. Затем — помощник мэра, ответственный за туризм, и, наконец, сам генеральный секретарь Европейского сообщества писателей («прогрессивных», конечно, по большей части из социалистических стран), им самим организованного, Джанкарло Вигорелли. Ну что ж, на тридцать сребреников много не укупишь.

По-видимому, поездкой она недовольна. Не Италией недовольна, а отношением тамошних людей к ней.

«Ни одного родственного слова, ни одного человека, с которым хотелось бы подружиться».

«Меня они знают только по «Реквиему». Более ничего не знают и знать не хотят».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 266–267

Можно было бы честно сказать, что ее «мировая слава» — это признание за стихотворное переложение материалов XX съезда партии. Да уж и не по заказу ли написанное?

«Много злобы. Интервьюировала меня одна журналистка. Поговорив со мною, опубликовала следующее соображение: «Сначала я думала, что это тяжелый случай нарциссизма»…

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 292

И за что это к ней такая злоба? Журналистка действует по загробному указанию товарища Сталина? Или живому — Ирины Одоевцевой?

Летом 1962 года еще раз появился Эрик Местертон. Вспоминала Е. М. Клебанова: «К А.А. приезжал представитель шведской академии и сообщил ей, что она кандидатка на получение Нобелевской премии. Когда я говорила: «Ну что, А.А., будем надеяться, что Вы ее получите», — она отмахивалась: «Ну что вы. Что вы… Если я получу «нобелевку», я рухну. Это было хорошо для Бориса (Пастернака), он о ней мечтал, а я не хочу». — «А.А., ведь это же мировая слава…» — «Ну кому она нужна. Что такое слава?» Мне кажется, что в этом случае она не была вполне искренна и что ей очень хотелось получить «нобелевку» и увенчать свою литературную славу.

Роман ТИМЕНЧИК. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 155

К этому эпизоду есть два примечания.

Первый — о том, как «Борис» хотел Нобеля и на какие низости пускался, когда убедился в зелености винограда.

…воспоминания [Ахматовой] о визите Пастернака к А.А. на Ордынку: «Говорил же он почему-то о Голсуорси, «Сагу о Форсайтах» называл нудной, тягучей, даже мертвой. Вскоре он ушел». А.А. развеселилась. «Вы догадываетесь, почему Борисик вдруг набросился на Голсуорси? Нет? Когда-то, много лет назад английские студенты выдвинули Пастернака на соискание Нобелевской премии, но получил ее Голсуорси».

С. ЛИПКИН. Квадрига. Повесть. Мемуары. Стр. 535

Голсуорси — лауреат Нобелевской премии 1932 года. Это уже тогда Пастернака выдвигали на Нобелевскую премию?! А у нас-то рассказывают, что — только за «Доктора Живаго», за то, что родину продал, вся премия — антисоветская акция и пр., и Ахматовой выгодно это только повторять — но она хочет проработать все версии низости Пастернака, кому какая на вкус придется. Никакого Голсуорси в его жизни в 1932 году было не слыхать, не ожидал он тогда Нобеля. Тогда он был полон весь Зинаидой Николаевной. Для чего же сказано? Чтобы зависть его сделать для всех очевидной (а он не был завистником), ну и чтобы сообщить, что его почитатели — это разве что студенты.

Уж к ней-то «приезжает представитель шведской академии и сообщает…». На самом деле к ней никто не приезжал и никто не сообщал.

Э. Местертон сказал в 1990 году: «В разговоре с историком

литературы, который проживал в том же поселке, что А., я сказал, ничего не имея в виду: «Было бы хорошо, если бы А.А. получила Нобелевскую премию?» Ответ был: «Это было бы очень хорошо». Из этого маленького перышка выросла большая курица. Что касается моей роли в нобелевском предприятии, то вышецитированные слова — это единственная реальность. Все остальное — фантазии».

Роман ТИМЕНЧИК. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 535

Андрей Вознесенский.

«Вчера мне позвонил. «Я лечу в Лондон… огорчительно, что у нас с вами разные маршруты… Я хотел бы присутствовать на церемонии в Оксфорде». «Вовсе незачем, — ответила я. — На этой церемонии должен присутствовать один-единственный человек: я».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 288

Это почему же?

По Иосифу Бродскому, это одно из ее главнейших достоинств, «феня» — афористичность. Вы чувствуете себя осчастливленными таким емким афоризмом?

«Борис Леонидович жизнью своей оплатил мировую славу, а мировая слава уж наверняка мерзость».

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 266–267

В этой фразе — все. И что Пастернак что-то оплатил (заплатил, отстегнул, подмазал) своей жизнью. Заплатил — за мерзость, Ахматова бы так не продешевила. Ну и что мировая слава — нечто ей хорошо известное.

Это она съездила на неделю за границу по приглашению прокоммунистической марионеточной организации и со знанием дела рассуждает о мировой славе. Напоминает школьный анекдот:

Я слышал, вы были в Италии? Правда, что она похожа на сапог?

Однако за железным занавесом верят каждому ее слову.

Едва лишь они ушли, Анна Андреевна дала волю усталости. Плечи у нее опустились. Передо мною сидела старая, жестоко переутомленная женщина, одетая не по возрасту модно. Вялая, рассеянная, небрежная.

Лидия Корнеевна трепещет: умерла Фрида Вигдорова, известная Ахматовой как самоотверженная и деятельная

женщина, прекрасный человек. Все эти качества — самые бесполезные в глазах Анны Ахматовой, ничто. Это не Тимоша, не Лиля Брик, даже не Наталья Ильина с ее автомобилем…

Помолчали. Я все боялась, что она спросит о Фриде, но она не спросила.

Холодно и небрежно спросила она о Корнее Ивановиче, обо мне и без большого интереса даже о Фриде. Самое страшное о Фридочке она уже знает, но у меня на губах был подробный рассказ. Нет, сегодня ей не до того.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Стр. 266

Ну вот и то единственное, чем еще можно было жить.

Внутренне ей казалось необходимо это поклонение. Понимаете, все перед ней преклонялись.

М. Д. ВОЛЬПИН в записи Дувакина. Стр. 278

Она бывала капризна, деспотична, несправедлива к людям, временами вела себя эгоистично и как будто напоказ прибавляла к явлению и понятию «Анна Ахматова» все новые и новые восторги читателей, робость и трепет поклонников, само поклонение как определяющее качество по отношению к ней. Вольно и невольно она поддерживала в людях желание видеть перед собой фигуру исключительную, не их ранга, единственную — и нужную им, чтобы воочию убеждаться в том, сколь исключительным, какого ранга может быть человек.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. Стр. 293

Прихожу к Анне Андреевне Ахматовой. Она с первых же слов торжественно жалуется: «Мне вчера вернули мои стихи из редакции. Со мной обращаются как с сенной девкой!» — «Что вы, Анна Андреевна! Как можно?» Она спокойно, не без интереса наблюдает за тем, как во мне нарастает возмущение. Молчит, чего-то ждет. Наконец говорю: «Вам это показалось. Все смотрят на вас как на императрицу». Поправляет шаль на плечах, слегка поднимает голову, опускает веки. Приготовилась слушать. Я не заставляю себя долго ждать. «Это не только мое мнение». Не выдерживает: «А чье же еще?» — «Большинства». — «Это ваша доброта множит ваше суждение на множество». — «Могу назвать этих людей». — «Можно без имен, но в чем смысл их суждения?» — «Они давно и прочно оставляют за вами первенство в современной поэзии». Ничего не отвечает. Слушает внимательно, несколько отрешенно. Чувствую, что могу долго продолжать в

том же духе.

Лев ОЗЕРОВ. Разрозненные записи. Стр. 608

Так длится до сегодняшнего дня.

Великое стихотворение Иосифа Бродского памяти Анны Ахматовой так и будем считать написанным о нем самом.

Тех, кто хотел видеть в ней воплощение величия человеческого духа, — обманувшимися.

Обманутыми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

А. А. Ахматова: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001.

Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. — М.: Республика, 1994.

Аникин А. В. Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина. — М.: Мысль, 1989.

Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

Апостолов Н. Н. Живой Толстой: Жизнь Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях и переписке. — М.: Аграф, 2001.

Ардов М. Возвращение на Ордынку. — СПб.: Инапресс, 1998.

Ардов М. Вокруг Ордынки. — СП.: ООО Инапресс, 2000.

Ардов М. Монография о графомане. — М.: Захаров, 2004.

Анна Ахматова: «Озорство мое, окаянство…» — М.: Собрание, 2006.

Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 6 т. — М.: Эллис Лак, 2000–2001.

Бабаев Э. Воспоминания. — СПб.: ООО «Инапресс», 2000.

Башкирцева М. Дневник. — М.: Захаров, 1999.

Бекетова М. Воспоминания об Александре Блоке. — М.: Правда, 1990.

Берберова Н. Курсив мой: автобиография. — М.: Согласие, 1996.

Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. — М.: Прогресс, 1996.

Бобышев Дмитрий. Я здесь. (Человекотекст). — М.: Вагриус, 2003.

Бродский И. Меньше единицы: Избранные эссе. — М.: Независимая газета, 1999.

Бродский Иосиф. Большая книга интервью. — М.: Захаров, 2000.

Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. — М.: 1965–1967.

Быков Д. Л. Борис Пастернак. — М.: Молодая гвардия, 2005.

Ваксберг А. И. Гибель буревестника. М. Горький: последние двадцать лет. — М.: 1999.

Ваксберг А. И. Загадка и магия Лили Брик. — М.: Астрель, 2003.

Вербловская И. С. Горькой любовью любимый: Петербург Анны Ахматовой. — СПб.: изд. «Журнал “Нева”», 2003.

Вересаев В. В. Пушкин в жизни. — Минск: Мастацкая литература, 1986.

Верхейл К. Танец вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским. — СПб.: Звезда, 2002.

Вишневская Г. П. Галина. История жизни. — М.: Новости, 1991.

Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. — М.: Независимая Газета, 1998.

Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Вспоминая Л. Н. Гумилева: Воспоминания. Публикации. Исследования. — СПб.: Росток, 2003.

Герштейн Эмма. Мемуары. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.

Гладков А. К. Встречи с Пастернаком. — М.: Арт-Флекс, 2002.

Гоголь Н. В. Собрание сочинений, тт. 1–7. — М., 1976–1979.

Гончарова Н. Г. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. — М.: СПб.: Летний сад: Российская государственная библиотека, 2000.

Греческие острова. Дорлинг Киндерсли. Путеводители. — М.: АСТ, 2001.

Громова Н. А. Все в чужое глядят окно. — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002.

Гумилев Л. Н. Дар слов мне был обещан от природы. — СПб.: Росток, 2004.

Губин Д., Лурье Л., Порошин И. Реальный Петербург. — СПб.: Лимбус Пресс, 1999.

Демидова А. Ахматовские зеркала. (Актерские заметки). — Издатель Александр Вайнштейн, 2004.

Ерофеев В. В. Собрание сочинений. — М.: Вагриус, 2001. Т. 2.

Жолковский А. К. Эросипед и другие виньетки. — Томск — М.: Водолей Publishers, 2003.

Жолковский А. К. Анна Ахматова — 50 лет спустя. Ж-л «Звезда» № 9, 1996.

Зенкевич М. Эльга. Беллетристические мемуары. — М.: Кор-инф, 1991.

Ивинская О. В. Годы с Борисом Пастернаком. В плену у времени. — М.: Либрис, 1992.

Иосиф Бродский: Труды и дни. Составители Лев Лосев и Петр Вайль. — М.: Независимая газета, 1999.

Катанян В. В. Прикосновение к идолам. — М.: Захаров; Вагриус, 1997.

Катанян Василий В. Лиля Брик. Жизнь. — М.: Захаров, 2002.

Климонтович Н. Ю. Далее — везде. — М.: Вагриус, 2002.

Кляйне-Гунк Б. Менопауза: как сохранить здоровье и привлекательность. М.: Уникум Пресс, 2002.

Козлов А. Козел на саксе. — М., Вагриус, 1998.

Коржавин Н. Генезис стиля опережающей гениальности.

Кралин М. М. Артур и Анна. Роман без героя, но все-таки о любви. — Томск: Водолей, 2000.

Кристи Агата. Автобиография. — М.: Вагриус, 1999.

Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. Я. 192 письма к Б. С. Кузину. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1999.

Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. — М.: Правда, 1986.

Летописи Государственного литературного музея. Книга двенадцатая. Том II. — М.: Издание государственного литературного музея, 1948.

Лукницкий П. Н. ACUMIANA. Встречи с Анной Ахматовой. (1924–1925 гг.). - YMCA-Press, 1991. Т. 1.

Лукницкий П. Н. ACUMIANA. Встречи с Анной Ахматовой. (1926–1927 гг.). - YMCA-Press, 1995. Т. 2.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга: Воспоминания. — М.: Московский рабочий, 1990.

Масленикова Зоя. Борис Пастернак. — М.: Захаров, 2001.

Марина Цветаева. Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922–1932 годов. — М.: Вагриус, 2004.

Мир Иосифа Бродского. Путеводитель. Сборник статей / Сост. Я. А. Гордин. — СПб.: Звезда, 2003.

Нагибин Ю. М. Дневник. — М.: Книжный сад, 1995.

Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. — М.: Вагриус, 1999. Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

Орлова Е. И. Литературная судьба Н. В. Недоброво. — М.: Водолей Publishers.

Осип и Надежда Мандельштамы и рассказах современников. — М.: Наталис, 2002.

Пастернак Борис. Второе рождение. Письма к З. Н. Пастернак. Пастернак З. Н. Воспоминания — М.: ГРИГ, 1993.

Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. — СПб.: Невский диалект, 2002.

Петров В. Фонтанный дом. Наше наследие, 1988, № 4.

Петров Н. П. Почетный вольный общник Императорской академии художества и действительный член Императорского русского археологического общества. История родов русского дворянства. — СПб.: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1886. Печатается по изданию: М.: Современник: Лексика, 1991.

Плисецкая М. М. Я, Майя Плисецкая. — М.: Новости, 1996.

Полнер Т. И. Лев Толстой и его жена. История одной любви. — М.: Наш дом — L'Age d'Homme, Екатеринбург: У-фактория, 2000.

Попова Н. И., Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и Фонтанный дом. — СПб.: Невский диалект, 2000.

Пруст М. В поисках утраченного времени. — СПб: Кристалл, 2000.

Пруст М. Обретенное время. — М.: Наталис, 1999.

Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. — М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000.

Пушкин А. С. Собрание сочинений, тт. 1 — 10. М.: 1974–1978.

Раевский Н. Портреты заговорили. — Алма-Ата, 1980.

Раневская Ф. Г. Дневники на клочках. — СПб.: изд. фонда русской поэзии при участии альманаха «Петрополь», 2001.

Рейн Е. Заметки марафонца. Неканонические мемуары. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. — М.: Эллис Лак, 1999.

Светлое имя Пушкин. — М.: Правда, 1988.

Сологуб Ф. Мелкий бес. — Минск: Мастацкая литература, 1988.

Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. — М.: Водолей Publishers; Toronto: The University of Toronto (Toronto Slavic Library, Volume 2), 2005.

Толстая С.А Моя жизнь // Октябрь, 1998, № 9.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. — М.: 1978–1985.

Топоров В. Л. Похороны Гулливера в стране лилипутов: Литературные фельетоны. — СПб.: Лимбус Пресс, 2002.

Файнштейн Элен. Анна Ахматова. — М.: ЭКСМО, 2006.

Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой / пер. с англ. — М.: Радуга, 1991.

«Царственное слово»: Ахматовские чтения. — М.: Наследие, 1992. Вып. 1.

Цветаева Марина. Сочинения: В 2 т. — М., 1988.

Цифринович М. У кукол все как у людей. — М.: Аттикс, 2003.

Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, — М.: Эдиториал УРСС, 1996,1998, 2001. Тт. 1–3. Т. 4. М.: Индрик, 2003.

Чехов А. П. Дуэль.

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. — М.: Согласие, 1997.

Чуковский К. Дневник (1901–1929). — М.: Современный писатель, 1991.

Чуковский К. Дневник (1930–1969). — М.: Современный писатель, 1995.

Чуковский Корней, Чуковская Лидия. Переписка: 1912–1969. — М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Шилейко Владимир. Последняя любовь. Переписка с Анной

Ахматовой и Верой Андреевой. — М.: Вагриус, 2003.

Шмелькова Н. А. Последние дни Венедикта Ерофеева. — М.: Вагриус, 2002.

Штерн Людмила. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. — М.: Независимая Газета, 2001.

Щеглов Д. Фаина Раневская. Монолог. — М.: Олимп: Русич, 1998.

Эфрон Г. Письма. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой. Королев: Музей М. И. Цветаевой в Болшеве, 1995.

Эфрон Г. Дневники: В 2 т. 1941–1943 год. — М.: Вагриус, 2004.

«Я всем прошение дарую…» Ахматовский сборник. Альянс-Архео. — М.: СПб.: 2006.

Higham Charles. Wallis. — London: Pan Books Ltd., 1999.

* * *

А. А. СААКЯНЦ. Анна Ахматова и Марина Цветаева. «Царственное слово»: Ахматовские чтения. Вып. 1. — М.: Наследие, 1992.

А. БЛОК. О литературе. — Блок А. О литературе. Изд. 2-е. — М.: 1989.

А. БЛОК. Без божества, без вдохновенья… — А. А. Ахматова: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001.

А. В. АНИКИН. Муза и мамона. — Аникин А. В. Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина. — М.: Мысль, 1989.

А. В. ЛЮБИМОВА. Из дневника. В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

А. ГЛАДКОВ. Встречи с Пастернаком. — Гладков А. К. Встречи с Пастернаком. — М.: Арт-Флекс, 2002.

А. И. КОНДРАТОВИЧ. Твардовский и Ахматова. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

А. КУШНЕР. Здесь, на земле… В кн.: Иосиф Бродский: Труды и дни. Составители Лев Лосев и Петр Вайль. — М.: изд. «Независимая газета», 1999.

А. РАЗУМОВ. Памяти юности Лидии Чуковской. — Цит. по Чуковский Корней, Чуковская Лидия. Переписка: 1912–1969.— М.: Новое литературное обозрение, 2003.

А. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС. Тени минувшего. — Цит. по Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 6 т. т. 5. — М.: Эллис Лак, 2000–2001.

А.Ф. и Г. Л. КОЗЛОВСКИЕ в записи Дувакина. — В кн. Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

А. ХОДНЕВ. Мои встречи с Л. Н. Толстым. — В кн. Летописи Государственного литературного музея. Книга двенадцатая. Том II. — М.: Издание Государственного литературного музея, 1948.

Агата КРИСТИ. Автобиография. — Кристи Агата. Автобиография. — М.: Вагриус, 1999.

Александр БЛОК. Записные книжки. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Александр ГЛАДКОВ. Дневник. — В кн. Гладков А. К. Встречи с Пастернаком. — М.: Арт-Флекс, 2002.

А. И. НЕМИРОВСКИЙ. Осип и Надежда Мандельштамы. — В кн. Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. — М.: Наталис, 2002.

Александер ЖОЛКОВСКИЙ. Эросипед и другие виньетки. — Томск — М.: Водолей Publishers, 2003.

А. Жолковский. Анна Ахматова — 50 лет спустя. — Ж-л “Звезда” № 9,1996.

Алексей КОЗЛОВ. Козел на саксе. — Козлов А. Козел на саксе. — М.: Вагриус, 1998.

Алла ДЕМИДОВА. Ахматовские зеркала. — Демидова А. Ахматовские зеркала. (Актерские заметки). — Издатель Александр Вайнштейн, 2004.

Аманда ХЕЙТ. Человек, а не легенда — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Аманда ХЕЙТ. Анна Ахматова. — Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие / Пер. с англ. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. — М.: Радуга, 1991.

Анатолий НАЙМАН. Великая душа. — В кн. Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

Анатолий НАЙМАН. Рассказы о Анне Ахматовой. — Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. — М.: Вагриус. 1999.

Анна АХМАТОВА в записях Дувакина. — Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

Анна АХМАТОВА и Фонтанный дом. — Попова Н. И., Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и Фонтанный дом. — СПб.: Невский диалект, 2000.

Анна АХМАТОВА. Автобиографическая проза. — В кн. Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие / Пер., с англ. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. — М.: Радуга, 1991.

Анна АХМАТОВА. Из дневниковых записей — В кн. Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие / Пер. с англ.

Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. — М.: Радуга, 1991.

Анна АХМАТОВА. Для памяти. — В кн. Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие / Пер. с англ. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. — М.: Радуга, 1991.

Анна АХМАТОВА. Анна Ахматова и борьба с ней. — В кн. Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие / Пер. с англ. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. — М.: Радуга, 1991.

Анна АХМАТОВА, тт. 1–6. — Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 6 т. — М.: Эллис Лак, 2000–2001.

Анна АХМАТОВА: pro et contra. — А. А. Ахматова: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001.

Анна САКЯНЦ. Марина Цветаева. — САКЯНЦ А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. — М.; Эллис Лак. 1999.

Анна ТАМАРЧЕНКО. Тема эмиграции в поэзии Анны Ахматовой. — В кн. «Царственное слово»: Ахматовские чтения. Вып. 1. — М.: Наследие, 1992.

Аркадий ВАКСБЕРГ. Гибель буревестника. — Ваксберг А. И. Гибель буревестника. М. Горький: последние двадцать лет. — М.: 1999.

Аркадий ВАКСБЕРГ. Загадка и магия Лили Брик. — Ваксберг А. И. Загадка и магия Лили Брик. — М.: Астрель, 2003.

Б. БЕРШТЕЙН в записи Дувакина. — В кн. Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

Б. ПАСТЕРНАК — М. ЦВЕТАЕВОЙ. Переписка. — В кн. Марина Цветаева. Борис Пастернак. Души начинают видеть. — М.: Вагриус, 2004.

Бернд КЛЯЙНЕ-ГУНК. Менопауза. — Кляйне-Гунк Б. Менопауза: как сохранить здоровье и привлекательность — М.: изд. «Уникум Пресс», 2002.

Борис ПАСТЕРНАК. Письма З. Н. Пастернак. — Пастернак Борис. Второе рождение. Письма к З. Н. Пастернак. Пастернак З. Н. Воспоминания — М.: изд. ГРИТ, 1993.

В. А. ЧЕРНЫХ. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Т. 1–3. — М.: Эдиториал УРСС, 1996, 1998, 2001; т. 4. — М.: Индрик, 2003.

В. Г. АДМОНИ. Знакомство и дружба. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

В. Е. АРДОВ в записи Дувакина. — В кн. Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

В. И. САХАРОВ. А. Ахматова и М. Булгаков. — В кн. Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 6 т. — М.: Эллис Лак, 2000–2001.

В. М. ВАСИЛЕНКО в записи Дувакина. — В кн. Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

В. ПЕРЦОВ. По литературным водоразделам. — В кн. А. А. Ахматова: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001.

В. С. СРЕЗНЕВСКАЯ. Воспоминания. — Из воспоминаний

В. С. Срезневской. В кн. Ахматова А. А. Собрание сочинений, т. 5. — М.: Эллис Лак, 2000–2001.

В. СРЕЗНЕВСКАЯ. Дафнис и Хлоя. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

В. ШИЛЕЙКО. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой. — Шилейко Владимир. Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой. — М.: Вагриус, 2003.

Вадим ЧЕРНЫХ. Рукописное наследие Ахматовой. — «Царственное слово»: Ахматовские чтения. Вып. 1. — М.: Наследие, 1992.

Василии КАТАНЯН. Прикосновение к идолам. — Катанян В. В. Прикосновение к идолам. — М.: Захаров: Вагриус, 1997.

Василий КАТАНЯН. Лиля Брик. — Катанян Василий В. Лиля Брик. Жизнь. — М.: Захаров, 2002.

Венедикт ЕРОФЕЕВ. Из интервью. — Ерофеев В. В. Собрание сочинений, т. 2. — М.: Вагриус, 2001.

ВЕРЕСАЕВ. Пушкин в жизни. — Вересаев В. Пушкин в жизни. — Минск, «Мастацкая литература», 1986.

Виктор ТОПОРОВ. Игра в классики. — В кн. Топоров В. Л. Похороны Гулливера в стране лилипутов: Литературные фельетоны. — СПб.: ООО «Издательство “Лимбус Пресс”», 2002.

Владимир РЕЦЕПТЕР. «Это для тебя на всю жизнь…» — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Всеволод ПЕТРОВ. Фонтанный дом. В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Вспоминая Л. Н. Гумилева. — Вспоминая Л. Н. Гумилева: Воспоминания. Публикации. Исследования. — СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2003.

Вяч. Вс. ИВАНОВ. Беседы с Анной Ахматовой. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Г. Л. КОЗЛОВСКАЯ. «Мангалочий дворик…» — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Д. ЛЕЛЕВИЧ. Анна Ахматова (беглые заметки). — В кн. А. А. Ахматова: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001.

Г. ЭФРОН. Письма. — Эфрон Г. Письма. — М.: 1995.

Галина ВИШНЕВСКАЯ. Галина. История жизни. —

Вишневская Г. П. Галина. История жизни. — М.: изд. «Новости», 1991.

Георгий АДАМОВИЧ. Мои встречи с Анной Ахматовой. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Георгий ЭФРОН. Дневник. 1943 год. — Эфрон Георгий. Дневники: В двух томах. т. 2. 1941–1943 год. — М.: Вагриус, 2004.

Греческие острова. — Греческие острова. Дорлинг Киндерсли. Путеводители. — М.: АСТ. 2001. Дорлинг Киндерсли. Путеводители.

Д. МАКСИМОВ. Об Анне Ахматовой, какой помню. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Д. Н. ЖУРАВЛЕВ. Анна Ахматова. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Д. С. ЛИХАЧЕВ. Вступительное слово. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Д. ТАЛЬНИКОВ. Анна Ахматова. Четки. — В кн. А. А. Ахматова: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001.

Дмитрий БОБЫШЕВ. Я здесь. — Бобышев Дмитрий. Я здесь. (Человекотекст). — М.: Вагриус, 2003.

Дмитрий БЫКОВ. Борис Пастернак. — Быков Д. Л. Борис Пастернак. — М.: Молодая гвардия, 2005.

Дмитрий ЖУРАВЛЕВ. Анна Ахматова. — В кн. А. А. Ахматова: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001.

Е. Б. ПАСТЕРНАК. Существованья ткань сквозная. — Существованья ткань сквозная. Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак. — М.: Новое литературное обозрение. 1998.

Е. К. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА. Встречи с Ахматовой. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Е. ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ. Творческий путь Анны Ахматовой. — В кн. А. А. Ахматова: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001.

Е. К. ГАЛЬПЕРИНА-ОСМЕРКИНА в записи Дувакина. — В кн. Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

Евгений РЕЙН. Заметки марафонца. — Рейн Е. Заметки марафонца. Неканонические мемуары. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

ЖИВОЙ ТОЛСТОЙ. — Апостолов Н.Н. — Живой Толстой: Жизнь Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях и переписке. — М.: Аграф, 2001.

Зинаида ПАСТЕРНАК. Воспоминания. — Пастернак Борис. Второе рождение. Письма к З. Н. Пастернак. Пастернак

З. Н. Воспоминания — М.: изд. ГРИТ, 1993.

Зоя МАСЛЕНИКОВА. Борис Пастернак — Масленикова Зоя. Борис Пастернак. — М.: Захаров. 2001.

И. А. ОКСЕНОВ. Рецензия на «Четки». — В кн. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, т. 2. — М.: Эдиториал УРСС, 1998.

И. Н. ПУНИНА. Анна Ахматова на Сицилии. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

И. Н. ПУНИНА. Сорок шестой год — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК. Анна Ахматова. — В кн. А. А. Ахматова: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001.

И. В. БОРИНЕВИЧ-РОСКИНА. Воспоминания девочки. — В кн. Я всем прощение дарую. Ахматовский сборник. — М.: — СПб.: Альянс-Архео, 2006.

Игн. ИВАНОВСКИЙ. Анна Ахматова. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Из переписки А. А. Ахматовой. — В кн. Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие / Пер. с англ. Дневники, воспоминания, письма А. А. Ахматовой. — М.: Радуга, 1991.

Иосиф БРОДСКИЙ. Большая книга интервью. — Бродский Иосиф. Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000.

Иосиф БРОДСКИЙ. Катастрофы в воздухе. — В кн. Бродский И. Меньше единицы: Избранные эссе. — М.: изд. «Независимая газета», 1999.

Иосиф БРОДСКИЙ. Муза плача. — В кн. Бродский И. Меньше единицы: Избранные эссе. — М.: изд. «Независимая газета», 1999.

Иосиф БРОДСКИЙ. Некролог Н. Я. Мандельштам. — В кн. Бродский И. Меньше единицы: Избранные эссе. — М.: изд. «Независимая газета», 1999.

Иосиф БРОДСКИЙ. Об одном стихотворении. — В кн. Бродский И. Меньше единицы: Избранные эссе. — М.: изд. «Независимая газета», 1999.

Ирина ВЕРБЛОВСКАЯ. Горькой любовью любимый. — Вербловская И. С. Горькой любовью любимый: Петербург Анны Ахматовой. — СПб.: изд. «Журнал “Нева”», 2003.

Ирина ГРЭМ. «Косматые сердца» — В кн. Кралин М. М. Артур и Анна. Роман без героя, но все-таки о любви. — Томск: изд. «Водолей», 2000.

Ирена КИРИЛЛОВА. Интервью в Лондоне. — Irene Kirilova. Серия «Мир перевода». — М.: «Р. Валент», 2001.

Исайя БЕРЛИН. Беседа с Дианой Абаевой-Майерс. — В кн. Иосиф Бродский: Труды и дни. Составители Лев Лосев и Петр

Вайль. — М.: изд. «Независимая газета», 1999.

Исайя БЕРЛИН. Встречи с русскими писателями. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

ИСТОРИЯ РОДОВ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА. — Петров Н. П., почетный вольный общник Императорской академии художества и действительный член Императорского русского археологического общества. История родов русского дворянства. — СПб.: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1886 — печатается по изданию: — М.: Современник, Лексика, 1991.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник (1901–1929). — Чуковский К. Дневник (1901–1929). — М.: Современный писатель, 1991.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник (1930–1969). — Чуковский К. Дневник (1930–1969). — М.: Современный писатель, 1995.

К. И. ЧУКОВСКИЙ. Из воспоминаний. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Кейс ВЕРХЕЙЛ. Танец вокруг мира. — Верхейл К. Танец вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским. — СПб.: ООО «Издательство журнала “Звезда”», 2002.

Л. А. ШИЛОВ. Звучащие тексты Ахматовой — В кн. «Царственное слово»: Ахматовские чтения. Вып. 1. — М.: Наследие, 1992.

Л. В. ГОРНУНГ в записи Дувакина. — В кн. Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

Л. ГОРНУНГ. Записки об Анне Ахматовой. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой. (1938–1941), (1952–1962), (1963–1966). — Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой в 3-х т. тт. 1–3. — М.: Согласие 1997.

Лев ОЗЕРОВ. Разрозненные записи. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА, тт. 1–4. — Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, тт. 1–3. — М.: Эдиториал УРСС, 1996, 1998, 2001. — Т. 4. — М.: Индрик, 2003.

Лидия ГИНЗБУРГ. Ахматова. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Людмила ШТЕРН. Ося, Иосиф, Joseph. — Штерн Людмила. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. — М.: изд. «Независимая Газета», 2001.

М. А. БЕКЕТОВА. Воспоминания об Александре Блоке. — Бекетова М. Воспоминания об Александре Блоке. — М.: Правда, 1990.

М. Г. КОЗЫРЕВА, В. Н. ВОРОНОВИЧ. Дар слов мне был обещан от природы. — Гумилев Л. Н. Дар слов мне был обещан от природы. — СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004.

М. Д. ВОЛЬПИН в записи Дувакина. — В кн. Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

М. Д. СЕМИЗ в записи Дувакина. — В кн. Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

М. Д. ЭЛЬЗОН. Что помню. — В кн. Вспоминая Л. Н. Гумилева: Воспоминания. Публикации, исследования. — СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2003.

М. М. БАХТИН в записи Дувакина. — В кн. Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

М. М. БАХТИН. Беседы с В. Д. Дувакиным. — Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.

Майя ПЛИСЕЦКАЯ — Плисецкая М. М. Я, Майя Плисецкая. — М.; Новости, 1996.

Маргарита АЛИГЕР. В последний раз. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Марина ЦВЕТАЕВА. Двухтомник, т. 2. Стр. 113. — Цветаева Марина. Сочинения в 2 тт. — М.: 1988.

Мария БАШКИРЦЕВА. Дневник. — Башкирцева М. Дневник. — М.: Захаров, 1999.

Марта ЦИФРИНОВИЧ. У кукол все как у людей. — Цифринович М. У кукол все как у людей. — М.: Аттикс, 2003.

МИР ИОСИФА БРОДСКОГО. ПУТЕВОДИТЕЛЬ. — Мир Иосифа Бродского. Путеводитель. Сборник статей. / Сост. Я. А. Гордин. — СПб.: изд. Журнала «Звезда», 2003.

Михаил АРДОВ. Монография о графомане. Ардов М. Монография о графомане. — М.: Захаров. 2004.

Михаил АРДОВ. Возвращение на Ордынку. — Ардов М. Возвращение на Ордынку. — СПб.: Инапресс, 1998.

Михаил АРДОВ. Вокруг Ордынки. — Ардов М. Вокруг Ордынки — СПб.: ООО «Инапресс», 2000.

Михаил ЗЕНКЕВИЧ. Эльга. — Зенкевич М. Эльга. Беллетристические мемуары. — М.: Кор-инф, 1991.

Михаил КРАЛИН. Артур и Анна. — Кралин М. М. Артур и Анна. Роман без героя, но все-таки о любви. — Томск: изд. «Водолей», 2000.

Михаил ЛАТМАНИЗОВ. Встреча с Анной Ахматовой. — В кн. Ахматова А. А. Собрание сочинений: т. 5. — М.: Эллис Лак, 2000–2001.

Н. БЕРБЕРОВА. Курсив мой. — Берберова Н. Курсив мой: Автобиография — М.: Согласие, 1996.

Н. В. РЕФОРМАТСКАЯ. С Ахматовой в музее Маяковского. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Н. Г. ЧУЛКОВА. Об Анне Ахматовой. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Н. ГОНЧАРОВА. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. — Гончарова Н. Г. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. — М.; — СПб.: Летний сад: Российская государственная библиотека, 2000.

Н. ГРОМОВА. Все в чужое глядят окно. — Громова Н. А. Все в чужое глядят окно. — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002.

Н. И. КРАЙНЕВА, Е. А. ПЕРЕЖОГИНА. В. С. КУЗИН. — Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. Я. 192 письма к Б. С. Кузину. — СПб.: ООО «ИНАПРЕСС», 1999.

Н. ПУНИН. Дневники. — Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. — М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000.

Н. РАЕВСКИЙ. Портреты заговорили. — Раевский Н. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1980.

Н. СМИРНОВ. Литература и жизнь. — В кн. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, тт. 1–3. — М.: Эдиториал УРСС, 1996, 1998, 2001; т. 4. — М.: Индрик, 2003.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Из воспоминаний. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. Переписка с Б. Кузиным. — В кн. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, т. 3. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Вторая книга. — Мандельштам Н. Я. Вторая книга: Воспоминания. — М.: Московский рабочий, 1990.

Наталия ИЛЬИНА. Анна Ахматова, какой я ее видела. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Наталья РОСКИНА. «Как будто прощаюсь снова». — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Наталья ШМЕЛЬКОВА. Последние дни Венедикта Ерофеева. — Шмелькова Н. А. Последние дни Венедикта Ерофеева. — М.: Вагриус, 2002.

Ника ГЛЕН. Вокруг старых записей. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Николай КЛИМОНТОВИЧ. Далее — везде. — Климонтович Н. Ю. Далее — везде. — М.: Вагриус, 2002.

О. А. КЛИНГ. Своеобразие эпического в лирике Ахматовой. — В кн. «Царственное слово»: Ахматовские чтения. Вып. 1. — М.: Наследие, 1992.

О. И. РЫБАКОВА. Воспоминания. — В кн. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, тт. 1–3. — М.: Эдиториал УРСС, 1996, 1998, 2001, т. 4. — М.: Индрик, 2003.

Ольга БЕРГГОЛЬЦ. Из книги «Говорит Ленинград». — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Ольга ИВИНСКАЯ. Годы с Борисом Пастернаком. — Ивинская О. В. Годы с Борисом Пастернаком. В плену у времени. — М.: Либрис, 1992.

Ольга ФИГУРНОВА. De memoria. — В кн. Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

Осип и Надежда МАНДЕЛЬШТАМЫ в рассказах современников. — Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. — М.: Наталис, 2002.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ. Письмо о русской поэзии. — Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т., т. 5. — М.: Эллис Лак, 2000–2001.

П. М. и П. И. ЖЕЛЕЗНОВЫ в записи Дувакина. — В кн. Анна Ахматова в записях Дувакина. — М.: Наталис, 1999.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники, т. 1. — Лукницкий П. Н. ACUMIANA. Встречи с Анной Ахматовой, т. 1 (1924–1925 гг.). YMCA-Press, 1991.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Дневники, т. 2. — Лукницкий П. Н. ACUMIANA. Встречи с Анной Ахматовой, т. 2 (1926–1927 гг.). YMCA-Press, 1995.

П. Н. ЛУКНИЦКИЙ. Из дневника и писем. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Переписка К. ЧУКОВСКОГО С Л. ЧУКОВСКОЙ. — Чуковский Корней, Чуковская Лидия. Переписка: 1912–1969. — М.: Новое литературное обозрение, 2003.

ПИНЕЖСКИЙ. Пушкин. Запись Бориса Шергина. — В кн. Светлое имя Пушкин. — М.: изд. «Правда», 1988.

Пушкин Архангелогородский. Запись Бориса Шергина. — В кн. Светлое имя Пушкин. — М.: изд. «Правда», 1988.

РЕАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ. — Губин Д., Лурье Л., Порошин И. Реальный Петербург — СПб.: Лимбус Пресс, 1999.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ. Анна Ахматова в ракурсе быта. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

С. КОВАЛЕНКО. Проза Ахматовой. — В кн. Ахматова

А. А. Собрание сочинений. Т. 5. — М.: Эллис Лак, 2000–2001.

С. А. КОВАЛЕНКО. Ахматова и Маяковский. — В кн. «Царственное слово»: Ахматовские чтения. Вып. 1. — М.: Наследие, 1992.

С. ЛИПКИН. Квадрига. Повесть. Мемуары. — В кн. Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. — М.: Водолей Publishers, 2005.

Светлана КОВАЛЕНКО. Анна Ахматова. (Личность. Реальность. Миф.) — В кн. А. А. Ахматова: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001.

Сильва ГИТОВИЧ. В Комарове. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Соломон ВОЛКОВ. Диалоги с Бродским. — Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. — М.: изд. «Независимая газета», 1998.

Т. А. КУЗМИНСКАЯ. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. — Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. — М.: 1986.

ТОЛСТАЯ С. А. Моя жизнь. — Толстая С. А. Моя жизнь. // Октябрь, 1998, № 9.

Томас ВЕНЦЛОВА. Интервью. — Бродский Иосиф. Большая книга интервью. — М.: Захаров, 2000.

Ф. Г. РАНЕВСКАЯ. Дневник. — Раневская Ф. Г. Дневники на клочках. — СПб.: Издательство фонда русской поэзии при участии альманаха «Петрополь», 2001.

Черубина де ГАБРИАК. Исповедь. — Цит. по Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. т. 5. — М.: Эллис Лак, 2000–2001.

Д. ЩЕГЛОВ Фаина Раневская. Монолог. — Щеглов Д. Фаина Раневская. Монолог. — М.: изд-ва: Олимп, Русич, 1998.

Э. ГЕРШТЕЙН. Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Э. ГЕРШТЕЙН. Тридцатые годы. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Эдуард БАБАЕВ. Воспоминания. — Бабаев Эдуард. Воспоминания. — СПб.: ООО «Инапресс», 2000.

Эдуард БАБАЕВ. «На улице Жуковской…» — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский писатель, 1991.

Эмма ГЕРШТЕЙН. Мемуары. — Герштейн Эмма. Мемуары. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.

Ю. АЙХЕНВАЛЬД. Силуэты русских писателей. — Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. — М.: Республика, 1994.

Ю. Г. ОКСМАН. Из дневника, которого не веду. — В кн. Воспоминания об Анне Ахматовой. Сборник. — М.: Советский

писатель, 1991.

Юрий НАГИБИН. Дневник. — Нагибин Ю. М. Дневник. — М.: изд. «Книжный сад», 1995.

Юрий ОЛЕША. «Ни дня без строчки». — В кн. Олеша Юрий. Избранное. — М.: 1974.

Charles HIGHAM. Wallis. — Higham Charles. Wallis. — London: Pan Books Ltd., 1999.